

НФБ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТОГО

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

S-T-I-K-S

ТЕРРИТОРИЯ ВЕЗУЧИХ

Annotation

Ты единственный, кто знает, где припрятаны сокровища, ты знаешь способ, как их заполучить, и знаешь безопасную дорогу, по которой к ним можно добраться. Твой план прост и продуман до мелочей. Ну так вперед, действуй, только не забывай, что Стикс – мастер неприятных сюрпризов и злейший враг предсказуемости. На сокровища могут найтись другие претенденты, поэтому заполучить их и при этом сохранить жизнь вряд ли получится, ну а безопасная дорога легко становится кошмарной. А если при этом все серьезные ребята знают, что за твою голову назначена награда, в кошмар превращается абсолютно все и даже посреди безопасного стаба тебе придется ходить с оглядкой...

- [Артем Каменистый](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Артем Каменистый

S-T-I-K-S

Территория везучих

© Каменистый А., 2017

© Оформление ООО «Издательство „Э“», 2017

Глава 1

Парочка мертвяков заняла позицию посреди широкой дороги, идеально прямой линией рассекавшей пригород с запада на восток. Слева от нее тянулись ряды старых пятиэтажек, справа – серая стена, за которой возвышались кучи ржавого металлолома и козловые краны, при их помощи эти кучи насыпали до того, как сюда пришла смерть.

Очень может быть, что как минимум один из этой двойки работал на таком кране. Зараженный еще не утратил человеческий облик, сохранил куртку от спецовки, а на голове желтела пластиковая каска. Последняя, похоже, доставляет ему неудобство, вон как головой трясет – не помещается она у него там. Черепные кости еще не начали разрастаться всерьез, но увеличивающийся уродливый вырост на затылке давит на пластмассу и, раздвигая кожу, искажает черты лица, превращая его в кривоватую маску.

Недолго ему таскать такую защиту, вот-вот она его достанет настолько, что сорвет, а затем и от последних тряпок избавится. Силищи и терпения даже у начинающих тварей достаточно, чтобы разобраться с любой одеждой.

Эти пусть и не из серьезных, но позицию выбрали грамотно – стратегическое место. Улица ровная, как линейка, в обе стороны далеко просматривается. Как это нередко случается, люди, панически заметавшиеся в те часы, когда осознали, насколько глубоко вляпались непонятно во что, бросали машины преимущественно в узких местах, из-за чего возникали пробки. Ну, или там, где водитель внезапно осознавал, что до этого мига он не жил, а влачил бессмысленное существование и настал тот самый момент, когда это можно исправить.

И начинают они с очевидного, по их мнению, шага – пытаются полакомиться пассажирами или прохожими.

Здесь без брошенных машин тоже не обошлось, но ближайшие заторы далековато, метров за двести, они почти не мешают обзору. Один мертвяк смотрит влево, другой вправо – контролируют дорогу в обе стороны. Всего лишь тупые бегуны – чуть ли не самая первая стадия эволюции зараженных, но, как назло, действуют правильно.

Карат, разглядев все, что требовалось, медленно убрал голову, чуть отступил, присел за декоративной елью. Лучшей позиции, чем на роскошной клумбе, поблизости не нашлось.

Диана сидела рядом, не шевелясь, и даже не приставала с вопросами. Слабый пол не очень-то склонен к затяжному молчанию, но она понятливая, знает, что важное от нее скрывать не станут, а неважное можно обсудить потом, в безопасном месте.

Коим незачищенный стандартный кластер не является.

– Два мертвяка в сотне метров слева, – тихо произнес Карат. – Улица от них просматривается минимум метров на четыреста, удобное место выбрали.

– Да они тут везде, – нахмурилась девочка. – Дальше целая куча стояла, и за ними тоже кто-то был. Мы так нигде не пройдем. Может, попробуем тихо перебраться? Ты сам говорил, что, если двигаться медленно, они могут не заметить.

– Уж поверь – то, что посреди безлюдной дороги появились два человека, незамеченным не останется.

– Но здесь всего лишь два мертвяка, а в других местах их больше. Или еще кто-то есть?

– Кроме этих, никого не заметил.

– Даже медлительных?

– Ты про пустышей?

– Ну да.

– Говорю же – никого. Место открытое, хорошо просматривается, только эта парочка маячит. И мне это не нравится.

– Почему?

– Мертвяков в городе везде полным-полно, а здесь всего лишь пара, до ближайших метров четыреста минимум, и это в жилых кварталах. Почему так мало? Еды на толпу не хватает? Как по мне, так здесь с ней не хуже, чем в других местах. Зараженные мало чего боятся, но вот развитые твари могут их пугать до криков «Караул!». Если такая засела где-то поблизости, ее заметить труднее, чем бегунов, они на открытых местах подолгу не маячат, хитрые, заразы.

– Но эта парочка не ушла, значит, не боятся.

– Эти, может, еще не в курсе или слишком тупые даже для начинающих мертвяков. А может, в свиту матерого гада записались, такое тоже случается. Для крутых тварей это выгодное сотрудничество, некоторые очень даже продуманно используют мелочь. Рейдер какой-нибудь соблазнится видом легкой добычи, прикончит их, выйдет разделывать, и тут на тебе – урчащий сюрприз нарисовался за спиной.

– Ты вечно подозреваешь самое нехорошее.

– И ты такой будь, дольше проживешь.

– Ну и чем мы дальше займемся?
– Еще не знаю, я пока что думаю.
– Может, попробовать их отвлечь?
– И заодно объявить о себе на всю округу? Ты, случайно, ничего не забыла? Вообще-то где-то здесь может сидеть опасная тварь.
– Ну ведь ты не знаешь точно, есть она или нет. И вообще, ты же с любой справишься, ты элитника в одиночку убивал, сам рассказывал.
– Даже на самого крутого рано или поздно управа найдется, если не будет головой думать. Это Улей, здесь бессмертных нет. Давай попробуем в этот дом забраться, оттуда вид из окна неплохой.
– Карат, я урчание слышу.
– Где?
– Там, где эта пара. Они почему-то заволновались. Может, нас почуяли?

– Сиди тихо.
Слух у Дианы феноменальный, в этом Карат уже неоднократно убеждался и потому верил ей безоглядно, даже если сам вообще ничего не различал.

Добрался до последней елочки, осторожно высунулся, стараясь поглядывать в просвет между кончиками пушистых веточек, при этом ни на сантиметр не высовывая голову из-за укрытия.

Да уж, Диана и в этом случае не ошиблась: мертвяки, прежде стоявшие спокойно, и правда нездорово возбуждились. Перестали монотонно раскачиваться с носков на пятки – чуть присели и напряженно крутились во все стороны, будто до жути уродливые антенны локационных станций. При этом оба негромко урчали. Звук отдаленно похож на те, которые издают довольные жизнью коты, только куда громче, и приятных слуху ноток в нем не наблюдается.

Скорее, намек на приглушенное рычание оголодавшего тигра, почуявшего сладкую добычу.

Чего они так занервничали? Заметили Карата и Диану? Нет, этого не может быть, ведь в таком случае они бы уже мчались к этим зарослям. Услышать их тоже не могли, как и почуять: ветер не благоприятствует, к тому же оба чистые, и одежду перед сушкой вымачивали в воде с добавкой ароматической смеси – местного изобретения. Не все рейдеры признают его эффективность, но многие с пеной у рта доказывают, что спасает в большинстве случаев, если следишь за гигиеной, и до какой-то степени сглаживает вонь давно немытого тела, не позволяя тварям унюхать тебя с большого расстояния.

Много времени и денег такой способ не отнимает, поэтому Карат не видел смысла игнорировать пусть даже недоказанную возможность повысить свою незаметность.

Один бегун, приняв себя, будто собака, взявшая след, направился к девятиэтажке, которая возвышалась севернее их позиции. Второй, чуть помедлив, направился следом.

Карат превратился в изваяние, стараясь не пропустить ни малейшей детали. Интуиция много чего повидавшего иммунного прямо-таки кричала, что дальше его ждет неожиданное зрелище.

Интуиция не ошиблась.

Выждав еще пару минут, убедился, что спектакль окончен, и вернулся назад.

На этот раз Диана не удержалась, спросила с укоризной:

– Ты почему так долго? Ну что там?

– Да ничего хорошего.

– Ну это понятно, с таким лицом о хорошем не говорят.

– Ждут нас там.

– Кто?

– Без понятия, они паспорта не показывали. Но серьезно ждут. Не знаю, сколько их там, но вряд ли один, и они, похоже, воняют на весь квартал. Мертвяки так и лезут к магазину. Те их запускают и потом не выпускают.

– К какому магазину?! Тому самому?!

– Я же тебе говорю: ждут нас там.

– Я не думала, что ты о магазине. Ведь никто не знает, что мы туда придем, магазин этот никому даром не нужен, в нем нет ничего ценного.

– Маленькая ты еще и глупая. Знает тот, кто дал заказ, знают те, кому он проболтался. Или те, кто попросил его дать этот заказ именно нам.

– Ну так я тебе сразу говорила, что заказ какой-то совсем уж ненормальный. Ты сам решил сюда поехать, я была против.

– Могла бы меня отговорить, если была так уверена.

– Ну да, конечно, тебя отговоришь, ага... И что мы теперь делать будем?

– Думать будем.

– Нормальные люди думают до того, как находят приключения.

– Не умничай. Отходим к тому дому, как я и говорил, из него попробуем посмотреть, оттуда магазин лучше виден.

– А не проще помчаться бегом до машины и сказать всем «до свидания»?

– Кто любит жизнь, тот в Улье не торопится.

Катастрофа, забросившая в кровожадный мир очередной клочок территории вместе с ничего не подозревающими и ни в чем не повинными обитателями, первым делом оставила их без электричества – все линии передачи, питавшие эту часть города, оказались перерезанными точно по границе кластера. Правила пожарной безопасности на этот случай предусматривают много чего, в том числе использование магнитных замков, перестающих работать при обесточивании.

Вот и в этом подъезде дверь пусть и не распахнута настежь, но щелочка имеется. Наученная опытом последних недель, Диана присела напротив, удерживая обеими руками пистолет, оборудованный самодельным глушителем, Карат осторожно потянул, готовый к тому, что в любой миг створка распахнется от мощнейшего удара изнутри, сопровождающегося голодным урчанием. Твари не очень-то любят закрытые помещения, но это правило работает далеко не всегда, а для самых развитых зараженных правил вообще не существует.

Но нет, никто не караулил парочку в сумраке подъезда – дверь открылась без экстремальных сюрпризов. Диана, приблизившись, напряженно вслушалась, чуть расслабилась, молча покачала головой. Все спокойно – даже ее феноменальный слух ничего не засек.

Осторожно переступив через «благоухающую» грудку костей и тряпья, оставшуюся от одного из тех жителей, которым повезло быстро отмучиться, Карат поднялся на площадку первого этажа и поочередно подергал ручки всех квартир. Ни одна не поддавалась, но это его ничуть не расстроило: опыт подсказывал, что искомый вариант непременно найдется, надо просто поискать повыше.

На втором этаже дверь одной из квартир оказалась распахнутой настежь, за ее порогом ощущался усиленный смрад мертвечины, источником которого являлись разбросанные там и сям кости. Это место Карат забраковал, но не по причине антисанитарной обстановки: просто здесь окна неудачно располагались, ни одно в нужную сторону не выходило.

На четвертом этаже удалось проникнуть в еще одну незапертую квартиру. Здесь тоже пахло нехорошо, но все объяснялось не так мрачно, как в предыдущем случае. Просто огромный аквариум остался без присмотра, в отсутствие электричества компрессор не работал, вода застоялась, зацвела, покрылась неприглядными пузырями, окружавшими раздувшиеся тушки не таких уж мелких рыбешек, плавающих кверху брюхом. Удивительно, но в этом водном царстве смерти просматривалось

какое-то движение – не все его обитатели околели.

Оставшихся Карат пожалел: так или иначе все равно помрут, и смерть их будет не из легких.

Диана тоже заметила признаки жизни:

– Видел, там какая-то рыбка до сих пор плавает. На сомика похожа. Или рак по дну ползает, сама не пойму, муть сплошная, только что-то похожее на усики заметить успела.

– Недолго им осталось, вода воняет на всю квартиру.

– Давай вытащим, а потом в речку отпустим?

– Ты это серьезно сказала?

– Ну а что тут такого трудного? Вон сачок удобный лежит, поймаем, в банку посадим, водички нальем, а потом отпустим.

– Да нас с такими делами самих скоро в банку посадят и воды нальют, а вот насчет отпустят – вряд ли. Выбрось из головы, не хватало нам еще спасателями рыбок заделаться, и без того слишком добренькие, а это делу вредит.

– Ну пожалуйста, ну тебе же это ничего не стоит. Я сама баночку понесу, – в голосе девочки начали проскакивать заискивающие нотки, что ей несвойственно.

– Диана, я от тебя в шоке, – сказал Карат, качая головой.

А та, решив, что эти слова означают безусловное согласие, с целеустремленным видом помчалась в сторону кухни. Похоже, рассчитывает найти там подходящую посудину для эвакуации аквариумных сидельцев и воду для ее заполнения.

– И смотри, времени у тебя одна минута, так что шевелись, рыбачка. Надо проверить остальные этажи. Если там все тихо и варианты получше не подвернутся, переберемся сюда. Окна нормально расположены, только обзор хреновый – деревья мешают. Но это лучше, чем внизу ползать, и нас здесь труднее заметить.

Наверху не обнаружилось ни затаившихся тварей, ни удобных для обзора открытых квартир. Под лестницей, которая вела на крышу, болтался повешенный за шею труп. Смотрелся он скверно, явно не одну неделю здесь провел. То-то Карат удивлялся, что от скудных россыпей костей внизу и в квартире второго этажа так знатно пованивает на весь подъезд. Ошибался в главном источнике зловония.

Вернулись на четвертый, где оборудовали позицию для наблюдения. То есть подтащили стол к окну, забросили на него стащенный с кровати матрас, расположились сверху. Таким образом можно находиться на уровне подоконника и при этом не прижиматься носами к стеклу, затрудняя

обнаружение снизу. Если смотреть на дом издали, мало что разглядишь, источников освещения в квартире нет, солнечные лучи сюда тоже не пробиваются – не та сторона.

Плохо, что магазин просматривается лишь частично – сильно мешают зеленые ветви разросшихся вдоль дороги тополей. Но кое-что разглядеть получается, и Карат надолго припал к биноклю.

Диана, прижимая к правому глазу окуляр оптического прицела, не так давно снятого с винтовки погибшего товарища, удивленно спросила:

– Это тот самый магазин?

– Судя по вывеске – да.

– Тот человек обманул, он специально тебя сюда послал, причем не за кормом. Это никакой не магазин, это какое-то убожество.

Как ни тяжело признать, но Диана права. Это дело действительно с самого начала плохо пахло, и лишь то, что все делишки за пределами стабов, да и в их пределах, зачастую пахнут именно так, вынудило Карата согласиться на сомнительную авантюру.

В принципе не такая уж и авантюра. Рядовое мероприятие, по меркам новой жизни, ведь здесь большая часть народа промышляет тем, что по той или иной причине подолгу ошивается на стандартных кластерах.

Задание было из рядовых, но при этом нестандартное. Человек с не слишком звучным прозвищем Лапша попросил о маленьком и достойно оплачиваемом одолжении. Надо проехать всего-то десяток километров от последнего периметра, найти магазин по отметке на подробной карте, взять нужный товар и принести его в стаб.

Нормальное поручение, здесь почти все денежные дела так или иначе вертятся вокруг «найди и принеси». Стандартные кластеры или просто стандарты – главный источник снабжения жителей Улья всем необходимым для жизни, рог изобилия всех известных во внешних мирах товаров, богатая скатерть-самобранка, которая никогда не оскудеет. Хочешь навороченный компьютер, который раньше не мог себе позволить, живя на случайные подработки и нищенскую стипендию? Да без проблем – главное, не бери его из мест, где программное обеспечение не просто несовместимо с общераспространенным, но и связано с критическими отличиями в принципах работы «железа».

Можешь хоть все стены увешать громадными телевизорами, пол застелить персидскими коврами, а на потолок повесить люстру из хрусталя и золота высшей пробы. Самые разные товары лежат в миллиардах магазинов и складов, разбросанных по территории с неизвестной площадью – безграничная вселенная нескончаемой распродажи.

Причем распродажи бесплатной – деньгами в Улье костры разжигать брезгуют. Разве что драгоценные металлы и прочие компактно-дорогие штучки можно выгодно пристроить, но потребитель у них, за редчайшими исключениями, один – внешники, а вести с ними дела – это поставить себя за рамки закона, стать презренным муром, которого иммунные жестоко прикончат при первой возможности.

Лапшу не интересовали персидские ковры ручной работы, оригиналы картин Рембрандта или, допустим, бесценные фарфоровые вазы эпохи Мин. Специфические вещи, вроде обогащенного урана, с помощью которого он решил обзавестись личной атомной бомбой, барыгу тоже не интересовали. Ему требовался мало кому интересный товар – сухой корм для американской ящерицы тегу. До разговора с этим прожженным торгашом Карат даже не подозревал о существовании таких рептилий, и то, что сразу две пресмыкающиеся твари проживают в полисе на правах любимых питомцев вроде кошек, тоже стало для него открытием.

То, что некоторые с жиру бесятся в паре шагов от кластеров, где простые ребята регулярно отправляются в пищеварительные системы зараженных при попытках разжиться парой споранов, ему известно – таковы издержки местной цивилизации. Но чтобы доходило до такого...

Да уж, человеческая глупость и правда не знает границ.

Может, им стоит начать разводить бегемотов? Ну а чего мелочиться, если финансовые возможности позволяют? Чем там бегемотов полагается кормить? Сушеными нильскими водорослями? Молодыми побегами слоновьей травы? Что бы это ни было, Карат и Диана оперативно доставят заказанный корм в любом количестве.

В ответ на уточняющие вопросы Лапша уклончиво сообщил, что хозяева домов, в которых живут такие зверушки, – люди уважаемые и в Полисе прописались с самых первых дней его существования. Одни из тех самых столпов, на которых тут держится абсолютно все. Их положение таково, что давно уже не приходится бегать по кластерам с арбалетами в руках, добывая себе тепленькое место под солнцем и хлеб насущный, – все, что нужно для комфортной жизни, им достают другие.

На этот раз столпам общества понадобился корм для экзотических питомцев, а Лапша по этому поводу не от нечего делать засуетился, ведь он владелец единственного на весь стаб магазина с отделом товаров для животных. Человек известный, проверенный, рейдеры, время от времени доставляющие ему товары соответствующего профиля, отзывались о нем как о добросовестном заказчике. Карат, осторожничая, не поленился навести справки и ничего предосудительного за ним не обнаружил.

В таком случае почему бы и не съездить? Жизнь в Полисе не из простых, как-никак – это один из самых дорогих стабов региона. География не подкачала, очень уж удобно расположен, его безопасность обеспечивается малой кровью, выгоду этой территории предприимчивые иммунные оценили высоко, нищим здесь делать нечего. А за тот поход, после которого Карат и Диана получили столь вожделенные для массы желающих карточки гражданина, он, помимо этого, был вознагражден лишь дико дорогой жемчужиной, однако ее пришлось сразу же проглотить. То есть коммерческой выгоды, которую можно разменять на материальные блага, не последовало. Спасибо, что по пути от границы Пекла Карат сталкивался с самыми разными тварями, и не только жизнь сумел сохранить, но и обзавелся приличными трофеями.

Но трофеи надолго растянуть не получилось, а Шуста не торопились выписывать из больницы. Врачи со знахарями взялись за него надолго и всерьез, что неудивительно для человека с такими ранениями.

Это напрягало, ведь не все в Полисе рады Карату и Диане. Так уж получилось, что они успели обзавестись врагами, причем не из самых последних граждан. По-хорошему, надо бы отсюда побыстрее сваливать, но пришлось задерживаться из-за покалеченного товарища. Пока что проблем не было, но интуиция и здравый смысл подсказывали, что без них не обойдется.

Почти все проблемы легче встречать с полным кошельком, вот и согласился Карат сгонять за товаром, который постоянные снабженцы доставить не смогли или не захотели.

Корм редкий, мало кому нужный, встречается только в отдельных точках, и Лапша любезно пояснил, где именно располагается ближайшая из них. Подробно все расписал, с путями подхода и отхода, с маршрутом движения и с укрытиями, где можно безопасно оставить транспорт.

Все прошло как по маслу, если не считать последний этап – на подходе к магазину ошивалось неожиданно много для вымершего кластера зараженных. Их к нему будто что-то влекло. Складывалось впечатление, что тот редкий корм по вкусу не только гигантским ящерицам, но и мертвякам. Карат, сообщив Диане, что спешка в Улье – верный путь к могиле по-тибетски^[1], не стал переть напролом и попытался зайти с разных направлений, стараясь при этом не мельтешить у всех на виду. И благодаря этому во всей красе разглядел, как кто-то, скрывающийся в магазине, любезно раскрыл дверь перед парочкой спешивших туда бегунов, а потом так же спокойно ее закрыл.

Что это означает? Для постороннего наблюдателя, хотя бы

поверхностно знакомого с реалиями Улья, эта картина красноречиво расскажет о том, что в здании находятся люди (или, что маловероятно, животные), а твари мечтают к ним пробраться.

Люди здесь бывают тварями похуже зараженных, так что без острой нужды к ним лучше не приближаться. Засевшие в магазине это знают и пытаются всеми силами придать своему укрытию безопасный вид.

От кого они там прячутся? И зачем скрываться тем, кто так спокойно и бесшумно разделался с парочкой бегунов?

Нет, так неправильно, лучше поставить вопрос по-другому: почему в ошметке города, вместе с которым перенеслись сотни различных зданий, эти люди в качестве укрытия выбрали столь нужный Карату зоомагазин?

– Они, может быть, не первый день там сидят, – после долгого молчания произнесла Диана.

– Почему ты так решила?

– Стекло дальше разбито, и возле него мухи кружатся. Воняет там чем-то, а чему в таком мелком зоомагазине вонять? Там ведь ничего нет, кроме сухих кормов. Канализация не работает, а туалетом пользуются, вот и воняет, мухи летят на запах. Наверное.

– Ты и правда мух разглядела? – усмехнулся Карат.

– Ага. Жирные, прицел очень хорошо приближает, видно даже издали.

– Не вижу я никаких мух.

– Зато я вижу.

– А кто мне все уши прожужжал, что вот-вот ослепнет навсегда и что такие болячки глаз невозможно вылечить?

– Не придирайся. И вообще, меня не лечили, Улей сам все сделал, в больнице просто посмотрели и сказали, что само пройдет.

– Да, Улей у нас врач первоклассный, даже странно, что ему до сих пор почетный диплом за это не выдали. Но ты ошибаешься.

– И в чем же?

– Да во многом.

– Плохой ответ.

– Хотя бы в этом магазине, ведь там могли продаваться и скоропортящиеся товары. Этот кластер обновляется относительно быстро, у него перезагрузка каждые пять с половиной недель. Очередная на подходе, не так уж много времени прошло, может пахнуть до сих пор. Или того хуже – прорвалась вонь из холодильника с какими-нибудь новозеландскими пурпурными червями, ими принято кормить карликовых аллигаторов, живущих в ванне странных людей, которые не сумели

ограничиться ежиком или хорьком. А холодильник, я тебе скажу, – настоящая биологическая бомба. Я однажды сдуру открыл один, до сих пор вздрагиваю, как вспомню, вонь неимоверная.

– Как я поняла, эти мертвяки зашли в магазин. И другие до них то же самое делали. Поэтому здесь их очень мало, а чуть подальше полным-полно. Эти могли набежать сюда, когда люди в магазине нашумели, вот и очистилась территория. Всех, которые были рядом, они тоже поубивали, но уже не нашумев.

– Ага, очень похоже на то.

– Тогда почему зараженные к ним лезут, если они теперь не шумят? Вот я и думаю, что это запах, они его хорошо чувят.

– Может, и так, но нам не об этом думать надо.

– А о чем?

– О том, что Лапша нас кому-то продал.

– Ты, случайно, не знаешь кому? – с намеком спросила Диана.

– Да есть у нас с тобой общий знакомый – Бирон, мы оба ему не нравимся.

– Еще как не нравимся. Думаешь, что это он?

– А что еще думать? Ведь остальные могут нам завидовать, могут не любить, но чтобы хитрые засады за стабами устраивать – это навряд ли. Кому, кроме Бирона, подобное в голову придет? Денег у него столько, что сотню таких, как мы, может легко заказать. Мне не раз рассказывали о его злопамятности, а мы ему крупно насолили.

– Он сам же в этом и виноват.

– Ты права, вот только такие, как он, не способны признавать свои ошибки.

– Уходим?

– Диана, ну сколько можно тебя учить – в этом мире торопиться вредно для здоровья.

– Да помню я, помню. Ну а что нам остается делать? Не пойдем же мы в магазин за этим смешным кормом. Надо вернуться и объяснить Лапше, что он поступил нехорошо.

– Да ты прям мысли с языка срываешь, у меня уже кулаки чешутся, очень хотят приступить к объяснениям.

– Возвращаемся?

– К машине нельзя.

– Ага, она осталась на том месте, которое Лапша подсказал.

– Плакала наша машина.

– Да ладно, еще найдем. До периметра недалеко, спокойно ножками

дойдем, а там патрульные подвезут.

– Если по пути нас никто не подкараулит.

– Ну а мы не будем идти по прямой, обойдем, все дороги им никак не перекроют.

– И на периметре с такими делами появляться опасно. Вояки разные бывают, могут шепнуть кому надо, что мы появились, и перехватят уже на пути к Полису. Сама помнишь, что такое уже случилось, Бирон ничего не стесняется.

– Тогда что мы будем дела... Ой, Карат! Я кого-то вижу! Ну точно!

– Где?

– Осторожно, не шевелись. Он на крыше вон того дома, на цех какой-то похоже или большую котельную. Видишь, там наверху ржавые круглые штуки.

– Вентиляция.

– Он за той, которая посредине. Его плохо видно, ветки закрывают, и он в какую-то черную штукювину закутан вроде пленки. Сливается с крышей.

– Да вижу я, не так уж хорошо спрятался.

– У него оружие – винтовка. С прицелом оптическим. И смотрит в сторону магазина.

– Безнадежный идиот.

– Ты что, великий доктор, такие диагнозы в бинокль ставить?

– Да зачем ему оптика, если до дверей магазина и сотни метров нет? Наплодили косоглазых дураков, без навороченного прицела ложкой в рот не попадают. И зачем торчать в таком месте? Его же видно со всех сторон.

– Удобно, если надо стрелять в тех, кто заходит в магазин.

– Ага. Удобно. Вот только этот цех ниже всех строений в округе. Осторожный человек, прежде чем куда-нибудь вломиться, рассмотрит окрестности с самых высоких точек и увидит этого кадра.

– Ну мы же не сразу его разглядели.

– У нас позиция отстой, и мы еще толком ничего не осмотрели. Хорошо бы получше место найти, может, еще кто-нибудь на глаза попадется.

– Зачем? Давай просто уйдем.

– Просто – не значит хорошо. Думаешь, они там сидят так давно, что завонять весь магазин успели? Ну так это нам на руку, ведь если мелкие твари на запах идут, могут и серьезные заявиться. В любом случае посмотреть на всю их диспозицию не помешает.

– А если у них есть сенс с дальним зрением?

— Будь у них такой полезный кадр, нас бы давно уже срисовали. Дальновидящие сенсы — экзотика похлеще этих ящериц, на весь Полис хорошо если парочка найдется. А рядовых сенсов в городской застройке уже за сотню метров можно не брать в расчет.

* * *

Как бы ни напрягали зрение, как бы ни крутили оптику, но на глаза больше никто не попался. Позиция и правда не очень, ветви тополей скрывают не только часть магазина, но и окрестности. После недолгих раздумий Карат решил вскрыть одну из квартир на пятом этаже. По его расчетам, вид оттуда несравнимо лучше, и, что немаловажно, дверь там не металлическая и явно не из дорогих.

Нет, если очень надо, он и с металлической может разобраться, вот только времени это займет прорву, да и на шуметь рискует. Даже одна проявившая интерес к подъезду тварь может подсказать караулящим в магазине и вокруг него, что заказанных клиентов они поджидают не там, где следует.

А такую ошибку недолго исправить.

При помощи найденных в кладовке на третьем этаже инструментов Карат долго и осторожно колупался, под конец отжав замок клювом — простеньким инструментом рейдеров, предназначенным для зверского пробивания голов зараженных. Его основное достоинство в том, что оружие непросто засадить в упрочнившиеся кости черепа. Как сильно ни стукнешь, обычно вытаскивается без труда.

Оказывается, против дверей клюв тоже замечательно работает.

Внутри не обнаружилось ничего интересного — обычная квартира, разве что слишком уж скромно обставленная, и нет ни единого признака, что кто-то пытался наладить хотя бы мало-мальский уют. Но и не похоже, чтобы здесь обитали совсем уж опустившиеся люди. Съемная из самых недорогих, что ли? Да без разницы, главное, что вид из нее и правда куда получше, чем из прежней.

Дверь не просто закрыли, а еще и постарались замаскировать повреждения, появившиеся благодаря разрушительной деятельности Карата, и заделали щели тряпьем. Сказывалась близость к висельнику на чердачной лестнице, смердело так, что слезы выступали.

Карат, верный своим принципам, не торопился. В Улье обычно куда безопаснее переждать и осмотреться, чем мчаться сломя голову, не

разбирая дороги. Тем более угловое положение квартиры позволяло наблюдать за местностью с двух сторон, и деревья этому почти не препятствовали.

С высоты открылось много чего интересного. Не прошло и получаса, как Карат с Дианой убедились: здесь работает не пара недоумков, а целая шайка. За тем самым нежилым зданием, на крыше которого засел снайпер, притаился грузовик, приспособленный для относительно безопасного передвижения по дорогам Улья. То есть богато обвешан различным железом, укреплены и кабина, и кузов. Заглянуть в него не позволяет тент, но Карат не удивится, если под ним обнаружится пулемет. Эдакие современные аналоги тачанок котиrowались здесь во всех видах.

Время от времени снайпер на крыше начинал что-то говорить в крохотную радиостанцию, получается, у этой группы есть связь. Один раз возле кабины грузовика показался толстый парень с веснушчатым открытым лицом. Небрежно держа на плече укороченный помповый дробовик, он невозмутимо выкурил сигарету, бросил окуроч под ноги и скрылся за зданием.

В Улье курение – непростой вопрос, и дело тут вовсе не в том, что, по слухам, капля никотина убивает лошадь, а хомячка разносит в клочья. Травиться табачным дымом на стандартном кластере – это предупреждать о себе всех ошивающихся вокруг тварей. На такой запашок нюх у них феноменальный, издадека могут прискакать.

Если засевающие в магазине ведут себя аналогично, неудивительно, что зараженные рвутся к ним без видимых причин (в вонь от неработающей канализации Карат не верил, тут весь город смердит на разные лады, вряд ли на общем «благоухающем» фоне можно выделить такие частности).

Удивительно другое: почему эти недоумки до сих пор не познакомились с пищеварительной системой тварей изнутри?

– Карат, там один в витрину таращится. Из магазина. Станный какой-то, во все черное одет. А нет, уже не таращится, назад отошел.

– Он, случайно, не курил?

– Нет, а должен был?

– Тот, который у машины терся, курил.

– Здесь нельзя курить.

– Ты это им скажи.

– Их что, Минздрав не предупреждал?

– Мне кажется, что они из заповедника для дебилов сбежали, дружно тупят на разные лады, будто сговорились. Даже обидно, ради таких, как мы, могли кого-нибудь поумнее подобрать, у нас все же кое-какая репутация

есть. Уже две рожи срисовал и ни одну не узнаю.

– В Полисе много людей, и не все живут там постоянно.

– Не факт, что они вообще в Полисе бывали, мало ли кого Лапша на это дело подписал.

– Зачем мы вообще ему понадобились? О нем ведь все хорошо отзывались, какой смысл работать на Бирона, он ведь в стороне от опасных дел держался.

– Это надо у Лапши спрашивать.

– Ага, так он тебе и ответит. С самым честным видом заявит, что знать ничего не знает, и доказать, что это он подстроил, не получится. К ментатам его не приведешь, те сделают умные лица и заявят, что разборки за последним периметром их не касаются.

– Право на самооборону и месть у них в Полисе работают, а Лапша не боец. Запоет, как соловей, если привезти одного из этих субчиков и приставить ствол к его башке. Ну, или суетиться начнет, а это полезно. Для нас полезно.

– Ты с ума сошел?! Их там неизвестно сколько и неизвестно сколько караулят возле нашей машины! Кого ты приводить собрался?!

– Те, которые у машины, вообще меня не напрягают. Пусть хоть палатки там ставят и живут до самой перезагрузки или даже в откат уходят. А что до этих... Для начала нам надо сменить позицию.

– Что, опять?!

– Отсюда плохо просматривается их машина и то, что возле нее происходит. Придется сделать обход и перебраться через дорогу в районе поворота, там нас не заметят. Дальше частный сектор, сложностей с ним не будет – это лучшая местность в городской застройке, если умеешь лазить через заборы и не хочешь показываться на глаза. За ним проблемный участок – промзона. Там придется ходить медленно и аккуратно, слишком много открытых пространств. И вон – бетонная башня над всем этим хозяйством. Не знаю, для чего ее поставили на том заводе, но вид из нее первоклассный. К тому же она пониже вон тех кранов и того здания. То есть именно там будут в первую очередь высматривать наблюдателей, а не там, где мы засядем. Наша позиция приземистая, в глаза не бросается, но то, что надо, мы оттуда увидим.

– Ты уверен, что нам это и правда надо? Город почти чистый, тварей мало, мы можем просто выбраться и обойти засаду у нашей машины. Зачем нам с ними связываться?

– Затем, что я рассчитывал взять здесь товар, на котором можно заработать, но вместо этого нас подставили под непонятно кого. Если ты

хочешь жить тут долго и счастливо, старайся как можно меньше оставлять нерешенных вопросов, а то рано или поздно придется отвечать на все сразу, или даже они тебе в спину ударят. Очень больно ударят.

– Я поняла. Только не мне – нам ударят. Мы ведь вместе.

– Ну это до тех пор, пока я тебя куда-нибудь не сплавил.

Глава 2

Карат сам не понимал, почему случайно встреченная девочка продолжает оставаться его неразлучной спутницей. Иногда даже ловил себя на подозрении, что она исподволь оттачивает на нем свой дар Улья, незаметно навязывая выгодные ей решения. Но затем гнал нехорошие мысли прочь.

Не из таких она. Слегка ненормальная, как все иммунные, но гнили в ней нет, а есть желание зацепиться за самый надежный, по ее мнению, островок и приспособиться к новому миру.

Изначально Карат планировал оставить ее в Полисе. Может, это и не самый подходящий для такой ситуации стаб, но ничего лучше он не знал. Да и по заслуживающим доверия отзывам понятно, что жить там можно. Девочку никто не обидит, будут беречь и всем обеспечивать, пока не повзрослеет, да и потом пропасть не дадут.

В условиях демографического перекоса женщин волей-неволей приходится ценить.

Возможно, все бы так и получилось, не окажись возвращение Карата столь скандальным. Второй человек Полиса был унижен или, скажем грубо, но откровенно, даже гнусно опущен с громогласным оповещением об этом широких масс, на этом фоне все прочие непростые события смотрелись уже не столь ярко. Плюс к этому у Дианы пробудился проблемный дар, его носительниц любить не принято. В стабе она теперь могла остаться только благодаря карточке гражданина – весьма полезный документ, о таком многие мечтают. Но пластиковый прямоугольник не может заставить относиться к ней с симпатией или хотя бы не скрежетать зубами при виде ненавистой нимфы.

Женщины их терпеть не могли, воспринимая как конкуренток, против которых у них нет ни шанса, а мужчины опасались. То ли дар, то ли проклятье – с ним все очень сложно.

Нечего и думать сдавать спасенную в общежитие для девочек – там ее влет заклюют. Торчать сутками в гостиничном номере она отказывалась наотрез, настаивая, что должна сопровождать Карата всегда и повсюду. Мол, будет полезной и научится нужным вещам. Ей ведь надо приспособливаться к Улью, а сидя на одном месте, сильно себя ограничиваешь.

При этом не забывала повторять, что один раз помогла Карату

выпутаться из очень непростой ситуации, значит, и дальше помогать будет. Он ее новая семья, она не будет лишней – и точка.

Ну как такую оставишь? Ведь не усидит на месте, из принципа начнет чудить, а в одиночку бродить по городу ей нельзя. Нимф если и соглашаются терпеть, то лишь при одном условии: или пусть на глаза не показываются, или при них постоянно должны находиться мужчины, на которых они не отрабатывают свой дар. То есть требуется верный и ревнивый спутник жизни, чьи чувства настоящие, а не искусственные, или родственник, что в Улье редкость, или еще кто-нибудь в подобном духе.

Карат склонностью к педофилии не отличался и притворяться тем, кем не является, тоже не желал. Поэтому играл при девочке роль отца или старшего брата. До поры до времени Полис это устраивало, но если она начнет бродить по улицам без него и такое поведение станет системой, всякое может случиться. Городок только на вид тихий, потаенных страстей хватает.

А еще второй по значимости человек Полиса ни за что не забудет о том, как безобразно с ним обошлись. Все, кто сталкивался с темными сторонами натуры Бирона, в один голос уверяли, что более злопамятного урода невозможно вообразить.

То, что он до сих пор не попытался отомстить, говорит лишь об одном – выжидает удобный момент или тщательно готовит безупречный план.

Не исключено, и даже, скорее всего, так и есть, что эта засада – его рук дело. Хотя безупречным планом не пахнет, но надо признать, что, будь Карат самую малость беспечнее, мог попасться. Выручило то, что к делу привлекли не слишком квалифицированных исполнителей, но это легко объясняется тем, что Бирон опасается использовать своих людей поблизости от Полиса, ведь народ может узнать ненужные подробности.

К тому же даже такой ненадежной команде светили неплохие шансы на успех. Карату и Диане повезло с той парой мертвяков, она их задержала, а потом своей судьбой доказала, что торопиться не следует.

Что вообще на уме у этих парней? Планируют взять заказанных клиентов живыми? Но они не похожи на людей, способных справиться с парочкой столь одаренных рейдеров. Карат неоднократно демонстрировал чудеса живучести, несмотря на то что никогда раньше не считал себя суперменом, и даже здесь неоднократно совершал досадные промахи, о которых лучше помалкивать, а то высмеют, как безнадёжного разиню, или что-то похуже произойдет. Тем не менее в городе его считали серьезным человеком, с которым лучше не связываться. Послужной список Дианы куда скромнее, но в нем числится яркий эпизод, когда она в один миг

безраздельно подчинила своей воле несколько взрослых мужчин, причем один из них являлся сильнейшим квазом Полиса с целым набором прокачанных умений.

Парочка явно не из рядовых, с этим бесспорным фактом хочешь не хочешь, а придется считаться.

А вот эти шуты гороховые явно не из серьезных. Курить в открытую на незачищенном стандартном кластере – такое в голове не укладывается. А еще чем-то воняют так, что к месту засады сползаются твари со всей округи. Плюс снайпер, собравшийся работать чуть ли не в упор из не самого подходящего оружия и для этого занявший позицию, где его разве что слепой не заметит. Вдобавок грузовик свой хоть и попытались не бросить на виду, но оставили всего лишь за сотню метров от магазина. Машина приметная и за обычную не сойдет, ведь прекрасно видно, что ее переделали для использования в Улье. Во внешних мирах такую технику можно разве что на площадках киностудий встретить, где она используется для съемок фильмов весьма узкой тематики, то есть нечасто.

Тот же Лапша прекрасно знал, на что способны люди, которых он подставляет. Неужели так глупо подмолодился с подбором исполнителей? Как-то не верится, не похож он на совсем уж безнадёжного дурака, как раз наоборот – хорошо устроился, видно, что человек сидит на своем месте, уверен в себе на все сто.

Чем же его соблазнили? Много наобещали? Пригрозили большущим волосатым кулаком? Поймали на крючок былых грешков?

Да какая разница!

Скорее всего, ни Карата, ни Диану не собираются брать живыми. Очень может быть, что твари в магазине пропадают не просто так, всех входящих ждет встреча с тихой смертью.

Способов убить бесшумно – великое множество. А в Улье к тому же есть вероятность нарваться на оригинальный, с каким в прежней жизни никогда не сталкивался и столкнуться не рисковал.

Как много мыслей пролетает в голове, когда лежишь на куче картона и таращишься в квадратное окно, оставленное в стене бетонной коробки. Вид отсюда и правда получше, грузовик наемников можно разглядеть во всей красе.

То, что возле него отираются два неприятных типа, Карат тоже разглядел. Сколько всего кадров в этой банде? Парочка плюс стрелок на крыше – уже трое, плюс в магазине неустановленное количество скрывается. В подобных грузовиках не принято перевозить много народа, больше десятка Карат видел лишь однажды, когда во время рейда к Пеклу

потеряли часть техники при нападении «колхозников» и пришлось тесниться на оставшейся. Обычно до семи-восьми или даже меньше.

Автотранспорта в Улье полным-полно, причем бесплатного, нет нужды набиваться как сельдь в бочку.

Ладно, пусть будет восемь – не так уж и мало против парочки. Диана пока что не слишком уверенно работает со своим даром, может сплеховать, затормозить, запаниковать – хватает причин, по которым неопытная в таких делах девочка может не ударить вовремя. У Карата с этим проще, он жизнью битый, но быстро выдыхается, и тоже не так уж и хорошо отточено использование, много времени и сил расходует понапрасну. Тут дело уже не в развитии дарованной Улем способности, а в самой механике и тонкостях управления. Ведь вовсе не обязательно нестись к противнику за десяток шагов, сливая запасы в ноль. Можно, допустим, ускориться лишь на миг, вскинуть оружие, прицелиться и, выходя в нормальный режим, добавить спусковой крючок.

Всего капля затрат, а победный результат гарантирован.

Недурственный вариант, Карат подобные трюки отрабатывает при любой возможности, но надо признать, что шуметь в Улье можно не всегда и не везде. А бесшумность подразумевает близкий контакт, где надо двигаться много и бить с размаху, потому приходится подолгу пребывать в ускоренном состоянии.

Это плохо, с этим надо что-то делать.

По заказу Карата один из токарей с рембазы Полиса сварганил ему десяток стальных звездочек. Те самые сюрикены – метательное оружие, которым направо и налево разбрасываются киношные ниндзя и прочие охочие до зрелищности герои и злодеи.

Звездочки заказал увесистые, из толстого листа добротной стали. Теперь остается до автоматизма отработать простейшую связку: увидел противника, перешел в скоростной режим, вытащил сюрикен, метнул в незащищенную часть тела, тут же выключил дар, не расходуя ни крохи запаса сил понапрасну.

Испытания на хорошо оборудованном полигоне Полиса показали, что Карат может уверенно поразить цель, сопоставимую размерами со среднеразвитым мертвяком, на дистанциях до двадцати пяти метров, и перед столкновением с мишенью скорость близка к скорости пули, вылетающей из паршивенькой пневматической винтовки. Этого хватало, чтобы увесистая звездочка прошибала сосновую доску в двадцать пять миллиметров, после такого вытаскивать метательные снаряды было непросто.

Испытания на ближайших кластерах показали, что оружие прекрасно работает против начинающих зараженных: пустышей и бегунов. Калечит их черепа столь качественно, что после приходится работать топориком, пытаясь вытащить звездочки из омерзительных внутренностей. При этом шум минимальный, никакого сравнения с гремящим на всю округу выстрелом. Даже если глушители применять, все равно разница несопоставимая, кустарщина шумит о-го-го. Переходить на специализированные стволы – не вариант. Они встречаются нечасто, стоят прилично, боеприпасы для них – большая тема.

Звездочки – бюджетный вариант, вообще не нуждающийся в патронах. Теоретически попадание в голову при таких условиях убьет даже тварь среднего уровня, которая не успела обзавестись прочными защитными пластинами, в той или иной мере прикрывающими уязвимые места. Но, конечно, устраивать такое испытание рискованно, прочность костей там уже повышенная, не факт, что пробьет. Разве что увеличить шансы, используя уже не широкие звездочки, а узкие и тяжелые метательные ножи. Их придется тоже под заказ делать, среди готовых изделий Карат ничего, что пришлось бы по душе, не встретил. Его ситуация особенная, стандартные решения в ней не работают или работают скверно. Если не экономить на качестве стали и закалке, результат будет немногим уступать действию винтовочной пули, не дотягивающей до крупных калибров.

Да, пуля летит быстрее и предсказуемее – проверено. Но весу в ней – граммы или максимум первые десятки граммов, а в таком ноже можно сделать на порядок больше – должно сработать как надо.

У Карата проблема не в пробивной способности осваиваемого оружия, а с меткостью. С тридцати метров он успешно поражает сколоченные из досок широченные щиты, но в стандартную ростовую мишень не всегда попадает и с двадцати.

А ведь надо не просто угодить в живую мишень, надо поразить уязвимые места – это куда сложнее.

Что-то улучшить в этом вопросе пока что не получалось. Карат думал над разными вариантами, от традиционных до совсем уж безумно оригинальных. Традиционные работали плохо, от той же идеи с луком, который будет строчить со скоростью пулемета, пришлось отказаться. Нет, тетива натягивалась прекрасно, но вот толкать стрелу не желала, замирала, двигаясь с чудовищной медлительностью и высасывая море силы.

Что до безумно оригинальных, именно из них выделил идею со звездочками и ножами. Все прочие пришлось забраковать, хорошо работали они только в мыслях, на практике получалось печально.

В общем, приблизиться к грузовику и мастерски поразить супостатов без единого выстрела вряд ли удастся. Точнее, с парочкой разделается, это не вопрос, вот только совсем уж без звука при этом не обойтись, снайпер на крыше почует неладное, он ведь залег всего лишь в десятке метров от машины.

А запрыгнуть на такую высоту Карату точно не дано, даже в состоянии ускорения и половины не преодолеет. С этим аспектом надо быть аккуратнее, от самых слабых прыжковых нагрузок ноги потом чужими становятся, так и до серьезных травм недалеко. С резкими силовыми движениями его дар дружит плохо, иногда все на отлично получается, иногда чуть до переломов не доходит, никак не может приноровиться.

– Я вижу элиту, – напряженно произнесла Диана, поочередно посматривавшая в остальные окна.

Карат, оставив свою позицию, подошел, спросил:

– Где?

– Видишь вон ту дорогу, которая к гаражам ведет?

– Вижу, но ты говори так, как я тебя учил.

– Прости, все время забываю. На одиннадцать часов, метрах в двухстах от нас и метрах в двадцати левее мусорных баков у поворота дороги.

– Ничего я там не вижу.

– Не видишь мои ориентиры?!

– Ориентиры вижу, элиту не вижу.

– Там переулок, на углу виноград стеной растет. Вот в тот виноград элита и забралась только что. Вон! Выбралась, гадина! Через переулок топает! И сейчас не видишь?! Ослеп, что ли?!

– Да вижу я, вижу, успокойся, никакая это не элита.

– Да?! Как это не элита?!

– А вот так – даже на приличного рубера не тянет, что-то ты вообще слабо в мертвяках разбираешься, придется тебя заново учить.

– Через ветки плохо видно, – начала оправдываться Диана.

– Ну да, так уж и плохо? Все нормально видно. Уже не топтун, ходит по-звериному, без этих смешных подпрыгиваний, лысый, как мое колено, а у тех хотя бы пара клочков волос почти всегда остается. Здоровенный, но не очень, и хорошо видно, что от человека произошел, мордой смахивает на моего бывшего соседа. У него, когда в запой уходил, почти такая, даже чуть страшнее.

– Кусач?

– Наверное, да.

– Сам не уверен?

– В Улье ни в чем нельзя быть уверенным, тем более что четких границ между разновидностями, по сути, нет, да и не люблю я все эти усложнения. Взять те же кости на пятках: топтуны по-разному через эту стадию проходят и по-разному выглядят, а называют их одинаково, потому как этот элемент хорошо определяется. Ладно, давай будем считать его начинающим рубером, он и правда серьезно выглядит.

– Какие страшные когти, – прошептала Диана, подкручивая резкость. – Ой, гляди, у него одного пальца нет. Наверное, с кем-то поцапался, и откусили. Или отстрелили.

– А может, подвела верность жене или мужу – это самая распространенная причина таких повреждений на высоких стадиях, – предположил Карат.

– Не поняла?

– Верные супруги обычно носят обручальные кольца.

– Не всегда.

– Но вообще-то так принято. Вот и этот или эта традиции не изменили и, когда заразились, вовремя снять не догадались. Поначалу оно не мешало, но потом мертвяк начал изменяться, пальцы растолстели, кость разрослась шире, чем внутренний диаметр колечка. Кольцо обычно не лопается и уж точно не растягивается. У тварей обычное дело, когда палец в такой ловушке отмирает и они его отгрызают. Им не жалко, новые быстро отрастают, в этом они даже круче иммунных.

– Жуть. А как понять, от женщины этот произошел или от мужчины?

– Первичные половые признаки у таких кадров уже отсутствуют, так что никак не определишь, если особого дара нет. А почему ты спрашиваешь?

– Да так... Интересно, а на такого я смогу подействовать?

Вопрос действительно интересный, он прямо относится к некоторым весьма неожиданным особенностям непростого дара Дианы.

Так уж получилось, что во время лечения и уже потом, после возвращения из похода на запад и проведывания лежащего в больнице Шуста, Карат неожиданно для самого себя сблизился с Гретой – тамошней знахаркой. Не в смысле просто подружился, а так, как сближаются свободные мужчина и женщина, не обремененные стадами упитанных тараканов в головах. Не сказать, чтобы между ними вспыхнул огонь сильного чувства, просто мимолетные отношения двух достаточно хорошо знакомых и симпатизирующих друг другу взрослых и неглупых людей.

К знахарям у разумных обитателей Улья распространено двоякое

отношение – их одновременно высоко ценят и остерегаются. Они ведь так же, как нимфы, имеют возможность воздействовать на людей, пусть и не настолько эффективно, поскольку их дар не подразумевает топорного вмешательства в сознание. Но, несмотря на всю пользу лечебных умений, народ поглядывает косо, поэтому коллеги Греты обычно держатся особняком, зачастую замыкаются в себе и предпочитают не распространяться о секретах своего таланта и всего, что с ним связано.

Карат даже не представлял, что милая и открытая с виду знахарка знает так много закрытых для него тайн. Рыжеволосая, к сожалению, далеко не всем готова была с ним поделиться, но кое о чем поведала. Ей с самого начала их знакомства импонировала открытость новичка – в отличие от опытных иммунных, он не был отягощен коллекцией предрассудков и опасений и потому ничем не показывал, что отделяет ее от обычных женщин.

Он много чего ей рассказывал, в том числе и о том случае, когда попал под воздействие сильной нимфы, контроль которой железно удерживался даже на расстоянии. Из-за этого ему пришлось пойти на сумасшедший риск – снять тяжелые оковы с пойманного элитника. Самые опасные сектанты Стикса использовали этого мертвяка в своих кровавых ритуалах.

Карата, и не только Карата, до сих пор занимает вопрос: как килдинги ухитрились контролировать столь серьезную тварь?

Да и вопрос ее поимки провоцировал приступы неумного любопытства, хотя с этим, конечно, все проще. Были бы желание и возможности: человек – известный выдумщик во всем, что касается ловушек для неразумных созданий.

Да и разумным ему есть что показать.

Грета хоть и пыталась держать дистанцию даже в близких отношениях, но все же оставалась женщиной, а женщинам порой свойственно проявлять слабость. Вот и не сдержалась, слегка приоткрыла завесу тайны. Оказывается, нимфы нимфам рознь. Для начинающих заставить перестать плакать маленького мальчика – проблема из проблем, а вот высокоразвитые или изначально талантливые способны на истинные чудеса. Им подвластно не только управление мужчинами, они в состоянии воздействовать даже на зараженных при условии, что те относятся к представителям сильного пола. О полноценном контроле там, правда, не может быть и речи, но в теории даже самые сильные твари могут в той или иной мере поддаваться обольщающему влиянию.

По мнению Греты, Диана – как раз изначально талантливая, и в этом со знахаркой соглашались многие. Единственное публичное выступление

девочки перед Бироном и его прихвостнями убедительно доказало ее силу. До сих пор никто здесь не видел нимфу, способную с первого раза, без долгих предварительных тренировок, мгновенно взять под контроль целую группу держащихся настороже мужчин, один из которых до этого направо и налево хвастался богатым набором ценных умений, позволяющих не опасаться самых разных ментальных воздействий.

Меньше надо выпендриваться, народ уже устал смеяться над ним.

Ну а если говорить о контроле над тварями, то Диана с восторгом восприняла идею, что ей, возможно, дано и это. Тем более надо же девочке на ком-то шлифовать свой дар. На людях тренироваться строго противопоказано, такое не одобряют до кровавых эксцессов, поэтому остается лишь одно.

Первый же пустыш, оголодавший до такой степени, что передвигался ползком с жалостливым урчанием, послушно направился в сторону, указанную Дианой. А потом даже принес назад брошенную ею палку и разве что хвостом при этом не завилял.

Ну нет у него хвоста, такая вот незадача.

Опыт с парой бегунов прошел не столь блестяще: Карату пришлось успокаивать их жесткими методами, иначе могли начать рвать Диану на клочки – слишком быстро подобрались и, пусть вели себя явно неадекватно, все равно казались опасными, а не полностью покорными. После этого пришлось резко свернуть тренировки – на шум могли нагрянуть серьезные твари.

Или орава несерьезных.

Дальше искали возможность поработать с одиночными бегунами, что не так-то просто ввиду привычки таких мертвяков держаться парами или тройками. Было дело, встретились сразу одиннадцать особей, но это скорее исключение, ведь столпотворения одинаково развитых они не любят, такой толпой тяжелее находить пропитание, к тому же это привлекательный объект охоты для плохо вооруженных рейдеров, отслеживающих лишь слабую дичь.

Правда, и в этом Улей не придерживается строгих правил. К примеру, нередко случается, что орды зараженных несутся непонятно куда, сметая все на своем пути. Но это нетипичное для мертвяков поведение. Ну, и наличие в стае крутого мертвяка тоже может заставить их действовать сообща.

С одиночным бегуном у Дианы в итоге кое-что получилось. Она без видимых усилий заставила его не обращать внимания ни на себя, ни на Карата. Так и прошли мимо, пока мертвяк старательно отводил мутный

взгляд и взволнованно принимался.

Все чуял, все видел и осознавал, но ради великой симпатии предпочел сделать вид, что ничего не замечает.

Вот только тварь, которая только что прошмыгнула в переулок, – далеко не бегун. Из нее прорастает предпоследняя ступенька эволюции зараженных – развитый, матерый рубер. Это очень и очень серьезно, после него остается только элита, считается, что круче нее никого нет.

Хотя, по слухам, в Пекле даже ей неудобно, вроде бы там встречаются мертвяки, ее переросшие. Но кто там бывал, в этом Пекле? Карату однажды довелось заглянуть на его границу, на всю жизнь острыми впечатлениями обогатился, развитые мертвяки там не просто часто на глаза попадались, они глаза мозолили.

Покачал головой:

– Диана, это очень нешуточная тварь, сильно сомневаюсь, что ты такую потянешь.

– Ты прав, отсюда не достать мне, он слишком далеко. Поближе надо пробовать.

– Даже не думай.

– Я же не говорю, что прямо сейчас надо пробовать.

– И сейчас, и вообще не думай.

– Осторожнее, Карат.

– При чем тут осторожнее?

– Ты чуть банку не задел. Если она разобьется, рыбка умрет без воды.

– Эта уже не рыбка, а монстр.

– Почему это?

– Потому что только монстр мог выжить в том аквариуме.

– Никакой он не монстр. Это всего лишь сомик, он красивенький.

Вернемся домой, я его в большую банку посажу.

– Ты же хотела выпустить его в реку.

– Он не привык к жизни на воле, его в реке съедят.

– Его и у нас съедят.

– Кто?!

– Серый, полосатый, Грандом зовут. Знаешь такого?

– Гранд умный, он все понимает. Я скажу ему, что сомика трогать нельзя, он поймет.

– Ошибаешься, при виде рыбы он понимает только одно.

– Карат, чудище идет к ним. То есть почти к ним. Что-то почуяло?

– С такого расстояния? Вряд ли. Но этот урод достаточно развит, чтобы уметь складывать два плюс два. Мог заметить, что твари в тот район

тянутся, вот и решил проверить, в чем причина.

– Не думаю, что туда многие ушли. Наверное. Ты говорил, что в городе будет полным-полно зараженных, а на окраине вообще пусто, и дальше они только местами стояли.

– Сразу после перезагрузки у них полное раздолье. А тут она давно прошла, да и от города всего кусок прилетел. Вон, посмотри по сторонам, здесь в основном промышленные зоны и частный сектор, многоэтажек маловато, плотность населения невелика.

– Но все равно нарваться легко, мы уже штук сто мертвяков видели, один нас почти почуял.

– Почти – не считается, а нарваться везде легко. Ты посмотри, кусач и правда туда идет. И ведет себя интересно, будто прячется. Ах вот оно в чем дело...

– В чем?

– Нашему другу надоело лежать на крыше. Поднялся и вышагивает – ноги разминает. Жаль его маму, дебила родила.

– Кто же так себя ведет в засаде? – удивилась Диана. – Так не бывает, это даже не глупо, это странно и непонятно. Может, он специально так делает, притворяется, что ничего не понимает, заманивает?

– Так натурально притворяться невозможно – никакого таланта не хватит. Да и кого он заманит? Разве что проблемы. Это и правда клоуны какие-то, они будто специально подставляются. Не пойму, почему до сих пор живы, таких Улей без заминок утилизирует.

– Кусач его увидел?

– Он движение за километры засечь может, а тут и пятисот метров не наберется, место открытое, во всей красе дает на себя посмотреть. Конечно, увидел, прямиком в его сторону тарашится.

– Этот, на крыше, опять залег.

– Да поздно уже, срисовали дурака во всех подробностях.

– И что дальше будет?

– А дальше мы будем смотреть кино. Кусач, похоже, не из тупых, грамотно работает, сейчас здесь что-то начнется. Жаль, мы попкорном не запаслись.

– У меня есть карамельки. Будешь?

– Ну давай, уговорила.

– Ты что?! Ты, правда, собрался с карамельками смотреть, как чудище полезет их убивать?!

– А почему бы и нет? Заранее уверен, что это кино мне придется по душе. Кого бы из героев ни прикончили – без разницы, мне ни один не

нравится. В идеале, конечно, хотелось бы, чтобы ни одного не осталось.

– Я с тобой в чем-то согласна, но смотреть на такое с карамельками – это цинично.

– Дорастешь до моего возраста, похуже меня станешь. У циников здесь шансы повыше.

Глава 3

Развитые зараженные не обладают былым разумом, но иногда сохраняют бледные намеки на него или набираются ума заново и благодаря этому действуют на удивление продуманно. Вот и кусач, завидев потенциальную добычу, не стал мчаться в ее сторону сломя голову, как это принято у львиной доли тупо прямолинейного поголовья тварей. Для начала он занял позицию за удобным забором, присел в позу гопника и, аккуратно выглядывая, несколько минут пристально изучал крышу. То есть вел себя в точности, как Карат, тот ведь тоже старался не торопиться двигаться, если в чем-то был неуверен.

Наконец зараженный стронулся с места. От забора к забору, от дома к дому, стараясь, чтобы между ним и позицией снайпера всегда находилась преграда, за которую не проникнуть взглядом. Подкравшись к бетонной стене, припал к удачно расположенной щели, постоял минутку и сместился к соседней. Так и продвигался, без суеты изучая все, что расположено по другую сторону.

На одной позиции застыл минут на пять, будто окаменел. Должно быть, увидел что-то, очень его заинтересовавшее. Затем бросил это занятие и быстро сместился за угол, скрывшись из виду. Но ненадолго, появился чуть дальше, ловко взлетев на стену. Не задерживаясь на ее гребне ни мгновения, стремительно сиганул вниз, укрывшись за стоявшим там легковым автомобилем. Явно нездешний, прилетел с последней перезагрузкой – низкий городской седан демаскирующего белого цвета, без малейших переделок. На такой машине здесь даже по Полису мало кто согласится кататься – слишком старая и дешевая, зачем она нужна, если вокруг неограниченный выбор современной гражданской техники на любой вкус.

Причем все бесплатно, ну, или чуток подкинь тому, кто пригонит тебе заказанную тачку.

Кусач и дальше вел себя так же хитро. За автомобилем не присел, а залег и теперь мог в просвете под днищем следить за передвижениями у грузовика. Там, скрытый бортом, как раз курил все тот же беспечный олух. Тварь прекрасно могла рассмотреть его ноги, но атаковать не торопилась. И это при том, что зараженные при виде близкой добычи приходят в дикое возбуждение, затягивать с рывком к лакомой цели – не в их привычках.

Этим мертвяком Карат уже почти восхищался. Должно быть, он

произошел от настоящего гения, раз не всю хитрость растерял. Сомнительно, что новая жизнь обогатила его таким опытом – слишком уж продуманно действует и мастерски игнорирует инстинкты.

Беспечный мужчина отшвырнул окурок, не погасив, и направился в сторону кабины. В этот миг кусач ловко вскочил, обогнул машину, но бросился не вслед за человеком, развернутым к нему спиной, а за угол здания, где вздымалась металлическая лестница. Дождался, когда захлопнется дверца грузовика, и начал неторопливо забираться на крышу.

– Да этот кусач покруче некоторых элитников, – не удержался Карат от комментария.

– Почему? – не поняла неопытная Диана.

– Он должен был броситься курильщику на спину, но вообще его проигнорировал. Знает, что тип на крыше это услышит, а вот парочка в кабине вряд ли хоть что-то учует, если сработать чисто.

– Он что, собрался их по одному съедать? Ой, мамочки, да он же на крышу лезет, а там этот лежит, я не могу на такое смотреть.

– Я понятия не имею, что творится в голове этого уroda, но очень похоже, что он и впрямь собрался их употребить поодиночке. Странный кусач, такие, должно быть, нечасто попадают.

– Почему они вообще получают? Я разных видела, и все были тупыми.

– Я без понятия. Наверное, этот питался исключительно одаренными личностями.

– Глупые у тебя шутки.

– А кто сказал, что я шучу? Тут Улей, тут что угодно может быть, в том числе и такое. Привыкай уже ничему не удивляться.

– Смотри, он добрался до конца лестницы, но на крышу не лезет. Может, передумал?

– Нет, он все правильно делает. Подсматривает, чем наш друг с винтовкой занимается.

– Таращится в прицел, вот чем.

– Ага – в сторону магазина. Как будто ему там тоже кино интересное показывают, даже не пытается оглянуться. Давай поспорим, что он труп.

– Я не совсем дура, чтобы на такое спорить. И смотреть на это не хочу.

Кусач, разглядев все, что ему требовалось, забрался на крышу и очень медленно направился к лежащему снайперу. Уродливое тело развитого зараженного неестественно изогнулось, передние лапы распластались по гудрону, склонившаяся голова едва не касалась черной поверхности. Смотреть на охотящуюся тварь было интересно и как-то неловко.

Кем бы ни был этот незадачливый стрелок, но он все же человек. А они сейчас хладнокровно наблюдают за процессом его убийства.

У кусача, в отличие от его предшественника топтуна, нет сильно выпирающих костяных выростов на подошвах, благодаря этому он может передвигаться без чрезмерного шума. Этот мастер скрытности не выдал себя до последнего мига. Лишь когда навис над стрелком, тот что-то заподозрил и начал разворачиваться.

Слишком поздно – зараженный обрушил на его голову молниеносный удар. Все равно что тяжеленной шипастой булавой двинул, даже в шлеме такое непросто выдержать, а у стрелка макушка защищена лишь несерьезной шапочкой. Вырубился мгновенно, после чего тварь начала когтями и клыками рвать бесчувственное тело.

Диана побледнела, опустила прицел, судорожно сглотнула и, не глядя на Карата, прошептала:

– Как ты можешь на такое смотреть?

– Неприятно, но это тоже знание. А знание – это то, что делает нас сильнее. Особенно в Улье. Ты вот школу не окончила и учиться вроде бы не торопишься, и это плохо, это слабость.

– А чему меня могут научить в школе? Читать и считать я умею, а если не знаю каких-нибудь интегралов, ну и что с того? Зачем они мне?

– Никогда не знаешь, что в жизни пригодится. К тому же образование – это база, фундамент. Образованный человек крепче на ногах стоит.

– Ага, ну да, конечно. Стоит на крепких ногах и интегралом от элиты отмахивается, как же.

– В местных школах учат не так, как во внешних мирах. Можно узнать много полезного, того, что помогает выживать. Там и практические занятия неплохие, – продолжал гнуть свою линию Карат.

– Ты давно в школу не ходил, не представляешь, что там. Да у меня половина класса ничему новому за последние годы не научилась, и для них это нормально. Здесь настоящая школа, а не где-нибудь в стабе. Смотри, там еще люди выходят.

– Вижу. Получается, остальные не только в магазине и машине засели.

Из двери в здании, на крыше которого сейчас трапезничал кусач, один за другим вышли пятеро мужчин. Разномастно одетые и вооруженные, один вообще без ничего, другой просто с арбалетом, пусть и крутым на вид. Все направились к грузовику, из его кабины при этом выбралась сидевшая там парочка. Столпившись, начали что-то обсуждать.

Карат, вглядываясь до рези в глазах, предположил:

– Наверное, услышали тот удар по голове, но не поняли, в чем дело.

- Я тоже так подумала.
- Тот, который усатый и с дробовиком, говорит, что клиенты задерживаются.
- Откуда ты можешь знать, что он говорит?
- По губам читаю, он к нам лицом стоит.
- Умеешь читать по губам?!
- Немного подзабыл, но что-то осталось.
- Круто. Где научился?
- Да в детстве дружил с соседским пацаном, он слух потерял после аварии. Получилось, что его учили обходиться без ушей, ну, и я вместе с ним учился. Надо же, пригодилось.
- Получается, к ним еще какие-то непонятные клиенты должны подойти.
- Не должны, потому что мы с тобой и есть те самые клиенты. Здесь почему-то принято живые цели так называть. Мертвяк это или человек – без разницы. Даже скреббер у нас был клиентом, никакого уважения к главной занозе Улья.
- Никогда бы не догадалась. Господи, да какие же тупые люди, у них над головами человека едят, а они даже не пошевелиются.
- Ага, причем их человека. Похоже, я понял, что нас ожидало в магазине.
- Они сказали?
- Объяснить не объяснили, но упомянули, что там нас чем-то бахнут. Мы должны были зайти, после чего нажатие на кнопку, и нет ни Дианы, ни Карата. Получается, взорвать нас удумали. Нормальный ход, тут ни я ничего не смогу сделать, ни ты.
- Если так, то это точно работа Бирона. Кроме него, никто не будет такое устраивать, ведь в этом нет ни малейшей выгоды.
- Ага, наш уродец постарался... вот же самка собаки.
- А почему зараженные в магазин лезли? И кто их там убивал? Я же видела там черного человека. Витрина – полный отстой, все равно что в подвал заглядывать, но кое-что рассмотреть можно, мне это не показалось.
- Гм... А ведь и правда что-то я туплю. Получается, там не все так просто. Сейчас один из них говорит, что кто-то должен оттуда выйти, то есть кто-то в магазине все же есть, дверь вряд ли сама собой открывалась, да и видела ты одного. А какой смысл там сидеть? Чтобы взлететь в небеса вместе с нами? Так вот оно в чем дело... Не мина там, все гораздо интереснее.
- И что же? – спросила Диана, прилагая все усилия, чтобы не смотреть

туда, где кусач поедает свою жертву над головами ни о чем не догадывающихся дешевых головорезов.

– Наши новые друзья, похоже, специально мертвяков заманивали. Скорее всего, там ловушка, где им подкинули пару трупов или мясо замороженное специально привезли, они его тоже за милую душу уплетают. Не знаю, как там все устроено, но думаю, что алгоритм такой: мы заходим, спускаемся, основной магазин в полуподвале располагается, наверху только часть. Дальше засевший там тип закрывает за нами дверь. При этом, наверное, открывается вторая, где пойманные твари кушают предложенные угощения. Живое мясо им нравится куда больше мертвого, так что вся орава тут же набрасывается на нас. В тесноте замкнутого помещения даже три-четыре бегуна могут стать проблемой. Я справлюсь, но подозреваю, что там их окажется намного больше.

– Слишком сложно для людей, которые не в состоянии немного потерпеть без сигарет. Могли просто застрелить нас на пороге магазина, ну, или и правда взорвать.

– Могли. Запросто могли. Но это ведь быстрая смерть без мучений, а ты видела Бирона и слышала о его злопамятности, такое его вряд ли устроит.

– Ну да, согласна – наша легкая смерть ему не нужна, заказал нас помучить.

– Ага. А я-то удивлялся, почему он притих. Думал, Карбид устроил ему такой жесткий втык, что боров теперь боится даже дышать в неправильную сторону. А он, оказывается, усиленно готовил нас к торжественному скармливанию. Не такая уж медленная смерть, но до чего же неприятная.

– Помолчи, не говори об этом, меня вот-вот стошнит.

– Не верю, у тебя нервы стальные, не хуже, чем у этого мертвяка. Они тут затеяли обсуждение, пытаются понять, где это нас черти носят столько времени, а он их слушает да ест. А нет, начали что-то подозревать. Вон сразу двое головы задрали. Смотри-смотри, что делается, там кусач мгновенно насторожился, замер и не шевелится, даже жевать перестал.

– Я не хочу на такое смотреть, там разорванный на части человек, – ответила на это Диана, а сама поднесла к глазу окуляр оптического прицела.

Ох уж это пресловутое женское любопытство.

– Карат, а кусач может их всех убить?

– Такой кусач – запросто. Он до того хитрый, что я с ним за один стол в карты играть не сяду, – ответил Карат и после паузы добавил: – Остается

только радоваться.

– Чему?

– Тому, что на таких умников до сих пор не наткнулся. Страшных навидался, а с умными не сложилось, потому и живой. Ты посмотри, что наш затейник вытворяет.

Да уж, тут было на что взглянуть. Кусач, догадавшись, что потенциальная дичь заподозрила нехорошее, прервал трапезу, крадучись добрался до лестницы, там припал к черной поверхности крыши и замер. Люди у машины волновались все больше и больше, ведь снайпер не отвечал на их вызовы по рации и на громкие голоса тоже не реагировал. А ведь до него рукой подать, должен прекрасно слышать. Наконец до них дошло, что проверить обстановку на крыше проще простого – надо всего лишь зайти за угол и подняться по лестнице.

И вот самый безголовый, не думающий о том, что молчание товарища может означать совсем уж нехорошее, начал забираться наверх.

Кусач «активировался» в последний момент. Подскочил, цапнул новую добычу за руки, подбросил вверх, ловко перехватил за лодыжки, с размаху приложил о поверхность крыши и следом жестоко вывернул ноги в коленях – силищи у развитой твари хватило.

Жертву, конечно, потрепало изрядно, но сознание бедняга не потеряла. Расстояние приличное, ветер нехоти поднялся, и Карат не мог слышать, что там происходит, но, судя по рту, разъявленному до степени, что вот-вот порвется в уголках губ, бедолага кричал так, как никогда в жизни не кричал.

Ничего удивительного, что оставшиеся внизу разволновались еще больше. Все до единого бросились к лестнице и встали под ней, направив оружие вверх. Спрашивается – зачем? Все равно никого не видят, так какая разница, откуда именно выслушивать вопли своего несчастного сообщника?

Кусач, на миг высунувшись с другой стороны, никого не увидел. И сумел в очередной раз удивить Карата: спрыгнул на кабину грузовика, оттуда легко соскочил на асфальт и, двигаясь вдоль машины, начал от души лупить передними лапами по колесам. Учитывая наличие массивных когтей и силу, с которой наносились удары, даже крепким шинам здорово доставалось.

Туго накачанные шины тяжелого грузовика хлопали столь громко, что, несмотря на шум ветра, доносилось даже сюда. Народ повалил из-за угла посмотреть, что же там происходит, и успел заметить, как кусач стремительно улепetyвает к бетонной стене. Бахнул одиночный выстрел,

затем короткая очередь, но вроде не попали – тварь легко перемахнула через преграду, вряд ли ее зацепили.

Да и что ей простая пуля, выпущенная навскидку? Это ведь не какой-нибудь бегун, это уже серьезная образина, ее можно успокоить далеко не из любого ствола, к тому же надо попадать в уязвимые точки, а не куда попало.

– Да это уже не кусач, это песня. – Карат покачал головой. – Будто мертвяк с разумом обычного человека, никогда о таком не слышал.

– Я хоть и не окончила школу, как некоторые, но о похожих случаях много слышала, это не такая уж великая редкость, – не удержалась от подколки Диана.

– Только что говорила, что ничего подобного не могла представить.

– Я так не говорила, я говорила, что никогда таких мертвяков не видела. И нельзя верить всему тому, что слышишь, – слишком много вранья.

– Ну да, я тоже не видел. Но ты права, люди любят приврать на тему шибко умных тварей. А вот этот – уже не выдумка и не мираж, это реальный мертвяк-интеллектуал, он даже в мелочах продуманно действует. Ты видела? Второго не стал убивать, но покалечил так, чтобы тот не смог ходить. И машину тоже покалечил, вряд ли ее быстро подлатают, столько запасок никто не возит.

– Здесь город, найдутся другие грузовики, да и до периметра ехать недалеко, доберутся как-нибудь.

– Добраться можно, с этим не поспоришь. Только он не просто так на глаза им показался и бежал потом хитро, растягивая дорогу до стены. Оставил их без транспорта, нагрузил лежащим раненым, позволил им в себя пострелять, нашуметь на весь город. Теперь ему остается дожидаться подмоги.

– И правда, странно как-то бежал, – согласилась Диана. – И вообще, я читала, что развитые зараженные убегают, только если их сильно ранят.

– Меньше читай глупые брошюры, ума вовремя оценить невыгодную разницу сил хватает у многих.

– Ты сам мне ее посоветовал.

– Там между строк самое полезное: своей головой думать надо. Жаль, что недоученным школьникам это не дано. Видела, что этот кадр вытворяет? Он такой в Улье не один, имей в виду, что мы рискуем в любой момент на умника нарваться, даже для меня это может стать проблемой.

– Опять будешь уговаривать остаться в Полисе?! – вскинулась Диана. – Ну ты даешь, нашел время для таких разговорчиков! Да мне с тобой тут

гораздо безопаснее, сам теперь понимаешь, что в стабе меня укокошить проще, чем здесь, Бирону это ничего не стоит. Ой, смотри! Там зомби набегают!

– Они не зомби.

– Ну, мелких зараженных так многие называют.

– Зомби – мертвец, а эти живее нас, у них даже температура тела и частота дыхания выше.

– Не умничай, ты же сам постоянно обзываешь их мертвяками, а это и есть зомби. Вон еще бегут, и тоже пара.

– Ну да, бегуны обычно парами или тройками держатся, редко больше, наверное, у них любовь такая. Сейчас там что-то произойдет.

На первый взгляд, приближение четверки бегунов ничем серьезным не угрожало. Люди, караулившие Карата и Диану, вооружены пусть и не первоклассно, но достаточно прилично для того, чтобы сладить со столь незначительной угрозой. Всего лишь один мертвяк развит настолько, что вот-вот, и паразит перетащит его на следующую ступеньку эволюции зараженных. Остальные рядовые, с ними можно легко справиться даже холодным оружием, если не глупить. Да и главного такой толпой по-тихому уgomонить – не проблема. Это Улей, тут никто не ходит без топора или клюва, как бить и куда, иммунные тоже обучены.

Но все дело в том, что ребятишки, крутившиеся возле магазина, не походили на людей, которые способны обходиться без ошибок даже в самых элементарных вещах.

Хотя, надо признать, их зачаточного интеллекта все же хватило, чтобы догадаться: на стрельбу оперативно пожалуют другие твари. Заволновались сильно, лица перепуганные, оглядываются по сторонам. Может, город и не кишит зараженными, но и начисто зачищенным его не назовешь. Какой-то процент мертвяков почти всегда остается до конца, поспешно выскакивая из кластера в последний момент перед перезагрузкой. Таким даже соответствующие названия иногда дают: оседлые, хуторяне, прилипшие, местные, коренные. Делать им тут особо нечего, качественной еды почти не осталось, но почему-то не торопятся перебираться в местечко поперспективнее.

Вот эти хуторяне сейчас и возбудились. Звуки выстрелов разносятся далеко, тварей они заводят почти так же сильно, как мычание коров, то есть их уши уловили самое желанное, что им хотелось бы услышать на обезлюдевшем городском кластере.

В Улье не принято переводить патроны по бутылкам и пустым пивным банкам. Если где-то пальнули, там, скорее всего, кровь и трупы, там

раненные, там люди, попавшие в беду. Зараженные мчатся туда сломя голову, чтобы успеть добраться до такой радости раньше таких же прожорливых конкурентов.

Карат заметил еще парочку мелких мертвяков, затем сразу троих. Да их группы там цепью потянулись, одна за другой выскакивают на хорошо просматривающийся перекресток. А вот и одиночка бежит, зато какой – матерый лотерейщик с непомерно удлинившимися руками, обычно на этой стадии они выглядят скромнее. Не самая опасная тварь Стикса, но в свое время похожая едва не оборвала карьеру Карата на старте. Спасибо Шусту и его арбалету – выручили.

Заметив между деревьями мельтешение еще одной парочки зараженных, покачал головой:

- Если так и дальше пойдет, мы останемся без пленных.
- Ты и правда хотел кого-нибудь в плен взять?! – удивилась девочка.
- А тебе известен другой способ разузнать, что против нас затевается?
- Да я вообще знать ничего не хочу. Я просто хочу уйти и из этого города, и из твоего любимого Полиса. Совсем уйти. Там нам жить не дадут, не понимаю, почему тебе так нравится этот гадюшник.
- Уж поверь – не самое худшее место.
- А ты много мест видел?
- Да уж побольше, чем ты.
- Карат, нельзя там оставаться, этот боров нас в покое не оставит.
- Не обижай свиней.
- Ну, я бы кое-что другое сказала, но ты запретил мне такие слова произносить.
- Я даже думать о таких словах тебе запретил.
- Ну и как же я могу о них не думать?! Мне мозг отключить, что ли?!
- Добрее будь, спокойнее, снисходительнее. Ты ведь девочка, ты как-никак будущая леди.
- Ты и правда считаешь, что из меня получится леди?!
- Все зависит от воспитания.
- Меня уже поздно воспитывать.
- С этим согласен – момент упущен, но попытаться стоит. Ладно, ты на кого поставишь?
- В каком смысле?
- На всех мертвяков города или на этих печальных недоумков?
- Все зависит от того, сколько в городе зараженных.
- Учитывая площадь прилетевшей застройки, близость Полиса с его рейдерами и прошедшее после перезагрузки время – немного. Может,

полсотни приличных, может, сотня. А может, и двести тварей примчатся, точно тебе никто не скажет.

– Две сотни, по-твоему, немного?!

– В среднем по кластерам спустя пару недель после перезагрузки в городе остается один мертвяк на сотню с лишним попавших сюда жителей. Остальные уходят или становятся чьим-то кормом. Это, конечно, очень в среднем, причем максимально возможная цифра или около того, в здешних краях обычно она может быть и ниже в разы, и выше тоже в разы. Город прилетел сюда не целиком, только кусочек, причем жилой застройки тут меньше, чем промышленных зон, этажность ее сильно различается, так что судить о первоначальных цифрах трудно. Но сомневаюсь, что сюда попало больше пятнадцати тысяч. С учетом того что времени прошло уже больше месяца, примерно так и должно получиться. Плюс часть тварей перебили рейдеры, кластер небогатый, но популярный, мимо него удобная дорога проходит, многие заглядывают.

– И эти тоже постарались, неизвестно, скольких они в магазин заманили.

– Да, и эти тоже.

– От полусотни бегунов они отобьются, если тупить не будут. Только эти не могут не тупить, они вообще безнадежные.

– Вот и я о том же.

– О чем?

– О том, что нам нужен язык.

– Не поняла? Что за язык?

– Если бы ты нормально училась, а не по кластерам за мной шлялась, то знала бы, что языками называют пленных. Я не верю, что Бирон внезапно переболел менингитом с тяжелыми осложнениями, а ничем другим объяснить то, что за нами прислали таких печальных типов, не могу. Это непонятно, а все непонятное меня напрягает. Если сами не расскажут, в чем тут дело, мы так и останемся ни с чем.

– Там еще один крутой бежит.

– Где?!

– Да вон, прямо по дороге, через которую мы не смогли перейти. На одиннадцать часов.

– Вижу.

– Он точно крутой. Голый и страшный.

– Лотерейщик вроде не такой уж и крутой, из рядовых.

– Рядовых? Да на него смотреть страшно.

– С этим согласен. Матерый, вот-вот кости на ногах вылезут, я на

похожего нарвался в первый день, когда вообще ничего не понимал. Бродил по своему городу с изумленными глазами и с пустыми руками.

– И как же ты выжил?!

– Повезло.

– Круто повезло.

– Ага, круто. Знаешь, что такое Улей?

– На такой вопрос придется долго отвечать.

– А я вот отвечу коротко: Улей – это территория, населенная исключительно везучими людьми.

– Ну да, – согласилась схватывающая влет Диана. – Невезучие здесь долго не живут.

Глава 4

Банда, устроившая засаду, и дальше вела себя до смешного тупо, что даже малоопытную Диану не удивило.

Такая уж это банда, по-другому не умеет.

Шуметь в городе, где обосновалось неизвестное количество тварей, в том числе, возможно, самых опасных – чревато нерадостными последствиями. Это известно всякому рейдеру, и каждый знает, что даже если выстрелил в густонаселенной местности всего лишь один раз, лучший вариант дальнейшего поведения – убратся оттуда, как можно дальше и быстрее. Не получается уехать или убежать, так хотя бы сместись чуть в сторонку и затаись. Зараженные, никого не обнаружив или потеряв направление на источник громкого звука, быстро успокоятся. Самые опасные из них являются и самыми неугомонными, они не станут без дела торчать там, где нет ничего интересного в плане перспектив добычи, переберутся куда-нибудь. Ну а ты следом отправляйся восвояси и веди себя аккуратно, потому как в Улье правила ни для кого не писаны, так что при любом неосторожном действии рискуешь познакомиться с высокоразвитым мертвяком, который по непонятной причине решил здесь задержаться.

Эти недалекие затейники решили пойти своим путем. Когда вокруг стены начали с урчанием носиться самые оперативные бегуны, придурки, засевшие у машины, решили, что удирать поздно, значит, надо прятаться. Достаточно разумно, если не учитывать того, что спрятались они в месте, где только что на шумели. То есть тупо скрылись все в том же производственном здании. Размером оно не так уж и велико, с приличную котельную, предназначение его неизвестно, зато двери на вид крепкие и стены надежные. В принципе пересидеть там реально.

Но только не том случае, когда зараженные твердо уверены, что за дверьми и стенами скрывается дичь. Или хотя бы сильно это подозревают.

У них и времени, и настойчивости хоть отбавляй, в кровь расшибутся, но доберутся до добычи.

Первым к машине прорвался серьезно выглядевший лотерейщик. Он без разбега, почти не помогая передними лапами, перемахнул через железобетонную стену, для ловкой твари это пустяк. Затем, поднатужившись, парой рывков вывернул дверцу грузовика, хозяйственно осмотрел кабину и чуть призадумался, не представляя, куда податься дальше, ведь добычи не наблюдалось. В этот момент вернулся хитрющий

кусач, деловито пробежал мимо и по той же лестнице забрался на крышу, где принялся доедать искалеченного. Тот, видимо, все еще оставался в сознании, а человек, попавший в ситуацию, при которой его пожирают живьем, молчать не способен.

Крики и стоны жертвы еще больше возбудили метавшихся вокруг стены бегунов. Самые продвинутые догадались начать с силой биться в ворота. Дури у них достаточно, подмога тоже не за горами, так что долго запор не продержится, створки уже через несколько секунд начали угрожающе раскачиваться.

Тем временем через стену перебрался еще один лотерейщик и вместе с первым присоединился к кусачу. Точнее, он занялся тушкой снайпера, давно не подававшей признаков жизни. Ее он почему-то подтащил к краю, так что остающиеся внизу бегуны могли во всей красе наблюдать за пиршеством твари, и это заставило их заняться воротами с заметно возросшим энтузиазмом.

Затем появилось самое важное действующее лицо – рубер. По виду из начинающих, но стоит помнить, что это последняя ступенька на пути к элите, а элита – официальная вершина эволюции зараженных. То есть очень и очень серьезный товарищ: силищи на десятерых, рост хорошо за два метра, лапы-бревна, когти всем медведям на зависть, солидный комплект биологической брони и дьявольское проворство.

С ходу взлетев на крышу, он взвешенно оценил открывшуюся картину. Итак, имеются две обглаживаемые тушки, одной занимается неслабый и неглупый кусач, великодушно разделяя трапезу с лотерейщиком, над другой работает еще один лотерейщик.

Решение не заставило долго себя ждать, прогнав лотерейщика, рубер начал в одиночку доедать то, что осталось от снайпера. Зараженный, оторванный от добычи, попытался было пробиться ко второму телу, но парочка решила, что третий лишний, и агрессивно дала понять, что ему здесь не рады.

Обиженный мертвяк, страдая от гастрономических мук, напряг все органы чувств и начал принюхиваться к грибку выхода вентиляционного канала. Почему-то это сильно заинтересовало остальных развитых тварей, разом бросив добычу, они приблизились и тоже заработали носами. Вели себя при этом точь-в-точь как собаки, почуявшие что-то лакомое. Ничего удивительного, если вспомнить о том, что в здании под ними скрываются несколько человек.

Если тварям предложить на выбор сотню свежих жирных и рослых трупов или одного худого и невысокого, но при этом живого человека, они,

не раздумывая, выберут последнее.

Вот и эти с выбором колебаться не стали. Дружно попрыгав с крыши, начали описывать круги, пытаясь найти лазейку внутрь. Быстро обнаружили громадную дверь, или, скорее, ворота. Оба лотерейщика и рубер начали в нее ломиться, а хитрый кусач, как заправский скалолаз, вскарабкался по отвесной стене и принялся крушить доски, которыми забили окно, располагавшееся под самой крышей. Не сказать, что большое, но тварь, пусть и вымахала неслабо, пробраться сумеет.

Бегуны, в силу своей беспросветной бестолковости, так и продолжали возиться с не такими уж крепкими на вид воротами. Некоторые из тех, что половчее, начали перебираться через стену, и зачастую успешно, хотя и не могли сравниться с проворными лотерейщиками (а тем более с кусачом и рубером). Одни присоединялись к старшим тварям, другие карабкались на лестницу – видимо, наиболее голодные, им срочно требовалось подкрепиться.

Пища там, конечно, не самая привлекательная, но вполне съедобная.

Двери в здание на вид крепче ворот, но занимались ими не только бегуны – там главную роль играли твари посерьезнее. Но и створки не выглядели слабыми, поэтому Карат рассчитывал, что штурм растянется надолго, если в очередной раз не отличится самый талантливый актер – потрясающе хитрющий кусач.

Но на этот раз нестандартный зараженный подвел. Поначалу у него все шло как по маслу, он весьма проворно разделялся с дощатой преградой. Похоже, мог бы выломать ее в несколько секунд, но мешало то, что приходилось заниматься вандализмом, болтаясь на одной руке в неудобном положении. Это серьезно его задержало, но уже через пару минут удалось проделать приличный пролом и ухватиться за края обеими лапами. После этого мертвяк начал исступленно дергаться, стараясь за счет рывков тела вырвать остатки грубого щита.

Замысел имел все шансы на успех, но вмешался человеческий фактор. До кого-то из закрывшихся наконец дошло, что их фокус с таинственным исчезновением сработал из рук вон плохо и вот-вот на сцену нагрянет орава недовольных халтурой урчащих зрителей.

Кусач внезапно камнем рухнул вниз, вслед за этим до ушей донесся характерный звук выстрела из дробовика – похоже, кто-то изнутри пальнул в расширяемый лапами монстра пролом. Мертвяк такой подлости не ожидал, картечью или пороховым выхлопом повредило оба глаза, опростоволосившийся умник теперь слепо ползал по асфальту и выглядел жалким неудачником, а не хитрой и опасной тварью.

Оставшиеся зараженные после такого возбудились еще серьезнее, ведь теперь они совершенно точно знали, что внутри скрывается вкусная пища. Оценив их усилия, Карат понял, что двери не продержатся и трех минут. Тем более бегуны все лезут и лезут через стену, к передовым зараженным непрерывно подходит подмога, готовая не жалеть плечи ради ударов с разбегу по выкрашенным в красное дощатым створкам.

«Осажденные» тоже все осознали и решили в прежней манере помешать тварям вломиться в помещение. То есть в опасно-громкой манере.

Из все того же проломленного окна вылетел небольшой темный предмет. Даже хорошая оптика не позволила разглядеть детали, но Карат сомневался, что это просто камень. Так и оказалось: рванула граната, тварей исхлестало осколками. Несколько бегунов при этом свалилось, но все, кроме одного, тут же начали уверенно подниматься. Да и оставшийся не был убит наповал, он неуклюже ворочался, цепляясь руками за асфальт, но ноги при этом не двигались. Вероятно, зацепило позвоночник.

Еще одна граната сработала со столь же сомнительным успехом. Оценив звуки разрывов, Карат покачал головой:

– Да они там все из одного дурдома. Разве не понимают, что на такой грохот вот-вот из других кластеров прибегать начнут?

Между дверными створками начала расползаться щель. Даже издали можно было понять, что затвор уже сокрушен, но что-то все еще мешает тварям ворваться. Должно быть, люди устроили там баррикаду или просто подперли чем-то основательным. Рубер догадался ухватиться за край второй створки и дернуть на себя со всей силищей, что позволило полностью распахнуть ее. Но после такого свершения на ногах не удержался – завалился на пятую точку. Это сыграло ему на пользу, поскольку защитники в тот же миг открыли беспорядочный огонь, и почти все их пули прошили выше, хлеща по стоявшим тварям.

Проем был узким, стволов у запершихся хватало, плотность огня высокая. Ринувшиеся было внутрь зараженные попадали на пороге чуть ли не одновременно. Но это не остановило оставшихся, так и лезли без малейших колебаний по телам своих незадачливых коллег. Замолчали оба автомата – основа боевой мощи «осажденных». Стрелкам потребовалось время для замены магазинов, этим воспользовался рубер: поднялся, одним махом перескочил через баррикаду из разного железного и деревянного хлама, кое-как наваленную за дверьми, после чего скрылся внутри. Где, скорее всего, пользуясь теснотой замкнутого пространства, устроил знатную резню.

– Теперь ты точно останешься без пленных, – заметила Диана с легкой нервозностью в голосе.

Ну да, кино интересное, но комедией его не назовешь.

– Сидим дальше и смотрим. Это еще не конец, по-всякому может обернуться.

Пока что оборачивалось плохо для людей. Ворвавшегося рубера с ходу успокоить не удалось, чему Карат не удивился – противники у него явно не из самых серьезных, да и вооружение не ахти. Что происходит внутри – не понять, но огонь защитников резко ослабел, и твари, почти перестав нести потери, начали перебираться через баррикаду. Вот неуверенно запрыгнул лотерейщик, которого перед этим потоком пуль свалило на асфальт, вот пара резвых бегунов проскочила.

Зрелищность схватки сошла на нет, на входе больше никто не подышал, двери остались без защиты – сражение окончательно перебралось под крышу.

– Теперь смотри очень внимательно, – предупредил Карат.

– На что смотреть? – не поняла Диана.

– На все.

– Но там же ничего не видно, просто стреляют.

– Верно, все еще стреляют, значит, остались живые. И те из них, у кого есть голова на плечах, понимают, что надо сваливать, причем сваливать в темпе. Ты не забыла, что нам нужен пленный?

– И как оттуда можно сбежать? Там всего одни двери, и в них зомби забираются сплошным потоком, они никого не пропустят.

– Во-первых, никакие это не зомби, я уже устал бороться с твоей неграмотностью. Во-вторых, малыш, уверяю тебя, что, если как следует припечет, человек способен выбраться из заваренного наглухо бронированного сейфа. Так что смотрим в четыре глаза, ничего не пропускаем.

* * *

Человек и правда нашел выход, причем не в одиночку. Сразу двое по очереди выбрались из окна, щит в котором так и не успел доломать хитрый зараженный. Один, на вид постарше и покрепче, на ходу что-то крикнул пытавшемуся спуститься следом юнцу и, обежав слепо ползающего кусача, помчался к рухнувшим незадолго до этого воротам. За ним увязалось не меньше десятка самых нерасторопных бегунов – единственные

зараженные, все еще остававшиеся снаружи.

Второй прыгнул неудачно, все же высота оконного проема приличная, зато ему повезло: ни одному мертвяку на глаза не попался, все или внутри резвятся, или за первым увязались, остался лишь топтун, но он почти ослеп после схватки. Сильно припадая на поврежденную ногу, беглец зачем-то помчался к стене, а не к воротам, неловко через нее перебрался и скрылся в зелени кустов, разросшихся по обе стороны от однопутной железной дороги, отделявшей промзону от застройки частного сектора.

– Он скоро окажется рядом, – заметила Диана. – Если тебе все еще нужен пленный, пора спускаться, вряд ли он сюда заберется, он вон туда улепetyвает, к трем домикам за дорогой.

– Подожди, – сказал Карат. – Посмотри на магазин, там такой странный кадр нарисовался, что мое изумление выразить приличными словами не получается. Нереально чудной тип.

Человек, распахнувший дверь злосчастного магазинчика, в котором Карат должен был забрать корм для экзотических ящериц, действительно выглядел необычно. Люди, шастающие по кластерам, как правило, одеваются незатейливо и однотипно. В лучшем случае это полный комплект камуфляжа, пусть даже разномастного, в худшем – не слишком чистое сугубо штатское тряпье, но непременно практичное и не бросающееся в глаза. Трудно представить, что кто-то отправится охотиться на тварей, облачившись в строгий деловой костюм или, в честь жары по такому случаю, напялит пестрые пляжные шорты в придачу к безразмерным шлепанцам.

Этот человек оделся не по моде стандартных кластеров и вряд ли даже по моде безопасных территорий. Карат познакомился с двумя обжитыми стабами – Кумарником и Полисом, но ни там, ни там не видел, чтобы кто-то от ног до макушки был закутан во все черное и на совесть ухоженное: черные туфли, надраенные до такого состояния, что даже издали в оптику можно разглядеть отблески солнечных лучей; черные брюки, настолько узкие, что походили на обтягивающие чулки; строгое черное пальто, спускающееся до колен; из рукавов выглядывают ладони, затянутые в... правильно – в такого же цвета перчатки. Плюс длиннополая шляпа и маскарадная маска цвета антрацита, плюс широкий пояс, крепко перехватывающий стройную высокую фигуру в талии. И обязательно надо отметить, что все это тряпье приходится таскать в тридцатиградусную жару.

Единственное светлое пятно в облике – на фоне черной рубашки, наличие которой не скрывает частично распахнутое пальто, выделяется

толстая цепь из белого металла. Серебро, платина или что-то вроде этого – трудно точно сказать, все же далековато даже для хорошей оптики.

Оружия у странного человека не наблюдалось, и шагал он с таким видом, будто прогуливается по тихому мирному бульвару одного из самых безопасных внешних миров. При ходьбе этот оригинал небрежно помахивал длинной тонкой тростью понятно какого цвета, на ее рукояти в хорошую оптику просматривались скромные накладки из того же серебристого металла, что и в цепи на шее.

Радикально-черный тип шел не абы куда, он уверенно направлялся в сторону ворот, незадолго до этого выбитых бегунами.

– Да у нас даже в ритуальных агентствах так не одеваются, – удивленно заявила Диана, оценив внешний вид незнакомца. – По-моему, это его я видела через витрину. Что он делает? Сейчас разорвут. Не хочу на такое смотреть. Карат, ну так что? Мы спускаемся или как?

Вопрос застал ее спутника врасплох – очень некстати погрузился в не такие уж давние по меркам обычного мира воспоминания, но бесконечно далекие, если речь идет о Стиксе.

Похожую маску он здесь уже однажды видел. Это случилось на исходе первой недели новой жизни, когда попал в ситуацию, из которой выкарабкался с трудом и не без потерь. Ее носила одна из сектанток, такая же нимфа, как Диана, возможно, даже гораздо сильнее. Едва появившись на глаза, издали так шарахнула по мозгам, что Карат не был способен ни на что иное, кроме как мысленно визжать от радости, что дышит одним воздухом со столь совершенным созданием.

Нет, это, конечно, не Аурелия, или как там ее на самом деле зовут, переделась. От той на версту несло женственностью, даже если отбросить эффекты паранормального воздействия на мужскую психику, отрицать это не станешь. А здесь, хотя лицо почти скрыто, а фигура за счет тугого пояса в талии может показаться женской, не ошибешься – выдает себя и шириной плеч, и моторикой, и тем, что словами не выразишь.

Ну и клинышек аккуратной бородки под маской тоже кое о чем намекает.

– Карат, ну так что? – не выдержала затянувшейся паузы Диана.

– Пока сидим ровно. Я не пойму, что не так с этим типом. Хочу посмотреть, чем его выход закончится.

– Съедят его, чем же еще, он ведь прямо туда идет, прямиком к зомби.

– Он не похож на человека, который готовится покормить мертвяков своей тушкой. И это он сидел в магазине, то есть именно он должен был с нами как-то разобраться. Давай все же посмотрим, я почти уверен, что

сейчас покажут самое интересное.

Так и оказалось.

Черный человек, все так же легкомысленно помахивая тросточкой, вошел в ворота в тот миг, когда через них выскакивал одинокий бегун – мертвяку почему-то стукнуло в голову, что надо бросить все еще постреливающих людей ради того, чтобы догнать одного из удравших.

И удивительное дело – на темную фигуру ни малейшего внимания не обратил. Зараженный бодро промчался мимо, даже не оглянувшись на человека.

– Как это?! – удивилась Диана. – Зомби его не заметил?! Но как такое может быть?!

– Я же говорил, что самое интересное у нас впереди. Смотрим дальше.

Странный человек неспешно обогнул запоздавшего к раздаче зараженного. С этим мертвяком случилось то, что нередко с ними случается при опасно затянувшейся бескормице – он потерял способность нормально передвигаться, но, почуяв добычу, пополз к ней, подволакивая ноги. На проходившего мимо человека тоже не обратил внимания – тот будто в невидимку превратился, причем в невидимку странного – твари не замечают его в упор, а вот Диана с Каратом прекрасно видят издалека.

Добравшись до распахнутых дверей, «невидимка» заглянул внутрь, сокрушенно покачал головой, развернулся и направился назад, к воротам. В этот миг ослепленный кусач, все так же на карачках наворачивавший круги по двору, оказался на его пути и, мало того, начал неуверенно подниматься. Может, почуял близость добычи, может, случайно совпало – понять невозможно. Нормальный человек мог бы попросту обойти преграду, но этот избрал другой путь. Взмах тростью, легкий с виду удар и...

И страшный кусач, хитрый до невозможности, валится, будто подрубленное дерево, и лежит на асфальте, конвульсивно подергивая всеми четырьмя лапами. А черный тип спокойно через него переступает, направляется напрямик к воротам, проходит сквозь них и скрывается из виду за высокой бетонной стеной.

– Что это было? – замороженно спросила Диана.

– Понятия не имею, – ответил Карат. – Зато знаю, у кого есть ответ. Пора спускаться, пока хромым далеко не умчался.

* * *

Парнишка, сумевший вырваться с места побоища, по всем законам

Улья должен был давно раствориться в желудках тварей. Слишком невезучий, все беды к нему липнут. Из окна прыгнул неудачно, серьезно подвернув ногу, что для пешего чревато. При всем желании не получалось этот факт игнорировать, так что мчался не так уж и быстро, сильно прихрамывал. К тому же, перебираясь через стену, зацепился за нить ржавой колючей проволоки, уцелевшей там лишь местами. Полез именно на таком участке, а ведь мог чуть сместиться, и предплечье осталось бы невредимым, а не разодранным до кровавых потоков.

Да, теперь оно кровоточило всюду, а запах свежей крови твари чуют прекрасно. Может, из-за этого, а может, по другой причине, но за беглецом увязался одиночный бегун. Не из самых развитых, но передвигается уже достаточно шустро, чтобы без проволочек догнать хромающего. И силы в таких зараженных хватает, врукопашную против них можно выходить, только если в руках сжимаешь убойный аргумент.

У этого горемыки в руках даже булавки не было. И нет рюкзака за спиной, из которого можно вытащить что-нибудь смертоубийственное. Разве что нож скрытно таскает в столь легкой одежде, но это не то оружие, с которым удобно отбиваться от почти безразличных к боли тварей.

Неудивительно, что в глазах у запыхавшегося беглеца, при виде вышедшего из-за угла Карата, вспыхнул огонек надежды. Сейчас он и с бандой маньяков готов начать обниматься, лишь бы те избавили его от урчащего ужаса, дышащего в затылок.

– Пригнись! – коротко скомандовал Карат, замахиваясь.

Паренек послушался, чуть не сложившись пополам. Карат вошел в состояние ускорения, повел ладонью в сторону бегуна, в конце разжал пальцы, выпустив сюрикен, и тут же вернулся в нормальный мир. Спасибо частым тренировкам, научился управлять своим даром до такой степени, что не терял попусту ни кратчайшего мига, благодаря чему растягивал скудные резервы на несколько активаций, а не сливал за один раз.

Увесистый кусок металла скрылся из виду, мгновенно оказавшись у твари между глаз. Разогнался до такой скорости, что кости черепа не выдержали, пропустили сюрикен дальше, где он размолотил мозговую ткань в кровавую кашу.

Пожалуй, перестарался. Теперь проще оставить звездочку в башке твари, чем доставать ее из столь омерзительного места – это тебе не в сухом и чистеньком, пахнущем грибами споровом мешке копать. Ну да ладно, у него еще остались, да и наделать их – не проблема.

– Диана, затылок, – скомандовал Карат, разворачиваясь к остановившемуся рядом потенциальному пленнику.

Команда простая, в Улье ее все понимают. Подразумевает она то, что тот, к кому она обращена, должен быстренько обыскать споровый мешок твари на предмет трофеев. Не самое приятное занятие, даже с учетом того, что там нет ни твердых человеческих тканей, ни крови, ни чего-либо другого в том же духе – абсолютно чужеродное тело. Именно поэтому Карат раз за разом озадачивал разделкой девочку, сам до подобного почти не снисходил. Надеялся, что это поможет отбить у нее охоту развлекаться вдалеке от безопасных стабов. Пока что не помогало, Диана бралась за дело не сказать, чтобы с радостным визгом, но и наизнанку от отвращения ее не выворачивало. Даже пару раз лекции читала на тему того, что части тела паразита ничем не противнее сушеных грибов, брезговать глупо.

Но Карат не сдавался, посылал ее снова и снова.

Увидев, как спаситель со злобным видом замахивается вторым сюрикеном, парнишка побледнел больше прежнего и умоляюще залепетал:

– Чувак, не убивай! Пожалуйста! У меня ничего нет!

– А мне от тебя ничего и не нужно! Руки подними на затылок, ноги расставь! Шире расставь! Еще шире, не бойся, штаны не треснут!

– Но...

– Заткнулся! Не раскрывай рот, пока я ничего не спрашиваю!

Приблизившись, Карат быстро обыскал белобрысого пленника. Из кармана брюк вытащил увесистый складной нож, больше ничего похожего на оружие не обнаружил, о чем и доложил спутнице:

– Диана, он пустой, как зеленый новичок.

– Диана?! – опешил белобрысый, и глаза его предательски забегали.

Дошло, что, опознав девочку по имени, выдал себя с головой.

– Да ты, я вижу, с нами уже знаком, пусть и заочно, – ухмыльнулся Карат. – Пошли-ка за мной. И давай без глупостей, ничего хорошего от них не получится, а вот плохое – запросто. Для тебя плохое.

* * *

Пленник по дороге успел чуть успокоиться и даже попытался было прикинуться ничего не понимающей наивной жертвой не зависящих от него обстоятельств. Но Карат наивную уловку пресек на корню:

– Еще раз такое услышу, твоим же ножом перережу тебе жилы на ногах, вытащу на улицу, выстрелю в воздух пару раз и уйду по своим делам. Уверен, что это именно то, о чем ты мечтаешь?

– Да чего ты сразу наезжаешь? – разволновался парнишка, оценив

крайне невеселые перспективы. – Чего тебе вообще от меня надо?

– Мне нужны ответы. Правдивые и быстрые ответы. Иначе я огорчусь. Ты все понял?

– Да понял я, понял, спрашивай.

– Кто ты такой?

– Скрипкой меня звать.

– Музыкант?

– Нет.

– Странно... Впрочем, это не мое дело, проехали. Кто вы? Что за банда?

– Мы не банда.

– Ну конечно, а я тогда, получается, святой старец с нимбом на всю голову. Скрипка, ты видишь надо мной яркий нимб? Нет? Вот и перестань недоумка из себя строить. Кто такие будете? Откуда взялись? Чем живете?

– Да живем, как все, по кластерам туда-сюда мотаемся, разные ништяки собираем, в стабы барыгам сдаем, надолго нигде не зависаем. Кто чего попросит, делаем. Как-то само по себе получилось, что друг к дружке постепенно подобрались, никто нас в кучу не собирал. В Полисе нас знают, мы группа Таксиста.

– А я вот в Полисе давно отираюсь, но о вас ничего не слышал.

– Таксистов много, популярное погоняло, и разных групп в Полисе тоже много бывает, а ты не барыга, всех знать не должен.

– Ну да, я и правда тебе ничего не должен. Кто приказал нас взять?

– Я про такое ничего не знаю.

– С какой ноги начинать резать твои жилы?

– Да что ты нервный такой?! Успокойся, все путем, ты меня не так понял. Таксист вчера сказал, что на одну парочку охоту объявили. Мол, гнилые людишки, если их не станет, от такого все только обрадуются, ну, и хорошие бабки за это дело солидные люди подгонят. Вроде как надежный человек ему об этом шепнул. И еще сказал, что дело верное, он знает способ, как вас из стаба в нужное место выдернуть. Вприпрыжку побежите – так и сказал.

– И ты до сих пор считаешь, что вашу группу нельзя назвать бандой?

– Ну а чего сразу банда?

– А как еще назвать тех, кто такими делами промышляет?

– Ну так это не в стабе, мы же не какие-нибудь беспредельщики. За стабом законов нет, там только понятия, да и не все по ним живут. Мы стараемся жить, а по понятиям такое решать можно, косяков как бы нет – нам заплатили, мы сделали, вы не дети и не новички свежие, как бы

нормально все. Хотя я, конечно, был против.

– Ну да, верю, как самому себе, ты, без сомнения, яростно сопротивлялся, но тебя принудили. А в курсе, что мы оба граждане Полиса? То есть знаешь ли ты, что за такую охоту в Полисе могут в черный список внести?

– Не знал я ничего. Да и кто за такое вносить будет? Не бывает так, разве что вы бугры из самых крутых, те вообще неприкасаемые, нам с ними в одном котле не вариться. И вообще, я ничего не решаю, все Таксист решает, и еще Чахлый за некоторые дела подписывается.

– И где они сейчас?

– Да там оба остались... стрелять уже перестали.

– Мне кажется, что ты остался без руководства.

– Да уж...

– Что значит – «объявили охоту»?

– А ты не знаешь?

– Откуда мне знать, если я не охочусь на людей? И хватит отвечать вопросами на вопросы.

– Ну это когда кто-то кого-то хочет за что-то наказать и слух в народ пускает. Все, кому надо, узнают, что за этого типа или типов нормально отвалят.

– Слух по народу пошел? А вот до меня этот слух не доходил. Почему?

– Может, ты не с тем народом тусуешься, а может, не успел дойти, у нас Таксист шустро выгодные дела перехватывает, за ним тяжело успеть.

– Вы такие идиоты, что вам доверь унитаза надраить в нужнике посреди Полиса, так вы и на этом деле запросто кучу народа потеряете. Не надо мне рассказывать, что вы часто устраивали такие охоты, вы такие же охотники, как я подводный пианист, говори давай, что было на самом деле.

– Ну да, – согласился Скрипка. – На такое впервые подписались, не наше это, стремная тема. Вообще-то это не от Таксиста пошло, это Чахлый придумал, ему кто-то об этом нашептал. Таксист против был, говорил, что не потянуть нам – за тобой репутация серьезная, да и не делаются такие дела с бухты-барахты. Но Чахлый присел всем на уши и давай втирать, как много поднять можно и что дело плевое, за день сработать можно без напряжения. А потом откуда-то Гробовщик нарисовался, а он нереально крутой, с ним и не такое может выгореть. Вроде как его к нам в усиление прислали.

– Гробовщик? – резко заинтересовался Карат. – Кто он такой? Откуда взялся?

– А хрен его знает, откуда такие кадры берутся? Он конкретный мочила, на нем столько кровищи, что еще один «Титаник» утопить можно.

Говорят, он вроде как с войны сюда попал. В смысле, в Улей прямо из окопа свалился и тут же кого-то пришил, для него это все равно что «здрасте» сказать. Конкретный кадр, всю жизнь вроде провоевал или без войны кого-то гасил, только и умеет, что мочить. Такому человека вальнуть проще, чем высморкаться. Говорят, первый здешний клиент ему просто под руку подвернулся, а вторым он кончил того типа, который его крестным стал. Чем-то не понравилось погоняло, говорить против ничего не стал, лениво ему это, проще убить. И после этого сам себя окрестил Гробовщиком. Вроде у него такой позывной на войне был, потому как где он, там и кладбище. Но, может, гонят, я мало что знаю, я с ним вообще не говорил. Да с ним никто не хочет говорить, он отмороженный на всю голову, он убить может только из-за того, что ему скучно стало. Полный псих.

– Какие у него умения?

– Не знаю, Гробовщик никому ничего не рассказывает. Но точно не одно, он нереально крутой, давно здесь отирается, кучу лет, у таких типов много всякого. Его к нам приставили, потому что такие шустрые, как ты, против него вообще не играют. Ни скорость твоя его не возьмет, ни нимфа ему ничего не сделает. Вообще непробиваемый.

– Вот я и спросил – какие умения?

– Мертвяки на него ноль внимания, я сам видел.

– Это как?

– Не знаю, может, за своего принимают, типа брат старший, а может, что-то другое. Они его просто не трогают, ходят, как мимо дерева.

– Вообще не трогают? То есть вообще никогда внимания не обращают?

– Не знаю. Может, ему надо включаться в такой режим и поддерживать его все время не получится, может, как-то по-другому делается. И не факт, что от самых крутых тварей такой фокус помогает, с ними, говорят, свои сложности. А еще он может ударить тростью человека или мертвяка и завалить наповал.

– Что у него за трость? Чугунная, что ли?

– Не, она легкая. Черная, материал, будто в удочке.

– Углепластик?

– Не знаю, но Чахлый тоже так говорил. И еще он говорил, что Гробовщик валит ударом тока. Может ладонью по уху хлопнуть, и от человека дым пойдет, а самому ему ничего. Но обычно он тростью это делает. Трость у него как раз из углепластика, а тот хорошо электричество проводит. Врет, наверное, Чахлый, что он в этом деле понимает, сам хвастался, что даже школу не смог окончить, тупорылый во всем, что бухла

и баб не касается.

– Гробовщик сидел в магазине до последнего, это он должен был нас оглушить?

– Не знаю, мне никто ничего не рассказывал, и вообще, там Таксист с Чахлым все перетирали. Но знаю, что вас должны были не просто завалить, вас надо было мертвякам отдать и снять это на камеру. То есть только тебя так оприходовать заказали, девчонку вообще трогать нельзя, сказали, что ее надо слегка оглушить и спек вколоть, чтобы не очнулась. Предупредили, что она нимфа. Таксист сказал, что всем руки отрежет и заставит съесть, если на ней хоть царапинка появится, и ты знаешь, я ему поверил – он так сказал, что мы руки сразу попрятали.

– Почему только Карата?! – не удержалась Диана.

Покосившись в ее сторону, пленник с неохотой пояснил:

– На тебя вроде бы заказ есть от каких-то барыг с юга. Ну, не в том смысле, что именно на тебя, а на таких, как ты. Фиолетовые глаза – редкость большая. Если тебя провезти за Песочные Часы, можно хорошо подняться. Там есть заведение, где редких девчонок в одну кучу собирают, учат их всему, а потом отдают крутым типам. Там у них все серьезно, дело четко поставлено. За фиолетовые глаза отвалят бабла столько, что потом можно долго ни о чем не думать, живи в свое удовольствие. В общем, хорошая тема для барыг.

– То есть меня в расход, а ее в бордель для извращенцев? – уточнил Карат.

– Да не, там не бордель, там вроде как не совсем шлюх, а жен выращивают, и малолеток никому не подкладывают, за возрастом следят, там с этим, говорят, строго. Хотя, может, и бордель, хрен их разберет, я разного наслушался: одни говорят, что там самые лучшие в мире девахи собраны, их там учат, как королев, пылинки с них сдувают; другие с этого ржут, типа это сказки, бабы везде одинаковые; ну а у третьих все темы к борделю сводятся. Не поймешь, где правда, но то, что за такие глаза заплатят хорошо – факт. Поэтому Гробовщик должен был вас аккуратно вырубить, чтобы тебя с ходу не завалить и не навредить девочке. Без него нам такое не повернуть, против нимфы у нас никто не играет. Он отморозок, конечно, но спец редкий. Гробовщик мертвяков глушил заранее, собирал их там в подвале. Тоже не до смерти, легонько, чтобы потом в себя приходили и вас дожидались. У него вообще оружия не было, только трость, и ему этого хватает, чтобы любого клиента сделать смирным. Он нереально серьезный кадр, вам это кто угодно скажет, его все знают.

– А я вот не знаю.

- Ну как его можно не знать?!
 - Кто вас навел? Кто вам сказал, что мы появимся в этом магазине?
 - Да я без понятия, я к этим делам никаким боком, чем хочешь поклянусь. Таксист говорил, что у него верные сведения, а того, кто ему их слил, не сдал.
 - Кто-то остался в местах, где мы могли бросить машину?
 - Что?
 - Ты все прекрасно слышал.
 - Да я знать ничего не знаю о таких местах, я даже не знаю, на чем вы сюда приехали. Мы с рассвета здесь сидим, и ни один за все время не заикнулся о вашей машине. Все наши вон в той стороне, плюс Гробовщик, есть другие или нет, я без понятия. Если вам нужен Гробовщик, можете найти его прямо сейчас, он так и торчит в магазине.
 - Уже не торчит.
 - А где он?
 - Вышел.
 - И куда это он пошел?! – резко заволновался пленник.
 - А это надо у него спрашивать, нас в свои планы он не посвящал. Скрипка испуганно огляделся и севшим голосом прошептал:
 - Тогда вам лучше свалить отсюда подальше. Быстро свалить, он реально крутой, он прямо сейчас может появиться и всех привалить. Он же неумняемый, те, кто подвизал его на такое дело, вообще не в курсе, с кем связались.
- Похоже, что Гробовщик и правда серьезная личность, раз пленник боится его куда больше, чем тех, кто его пленил. В любом случае место и правда не самое благоприятное для вдумчивого допроса, рядом только что изрядно на шумели, твари могут сбежаться со всех сторон, и по закону подлости очередная, не из простых, пройдет рядом и что-то почует.
- Да хотя бы кровь из разодранной руки этой убогой пародии на охотника за головами. Какой-то статист из дешевого фильма, а не бандит, занимающийся такими делами. Для массовки взяли, чтобы привлеченный крутой спец не заскучал? Если, конечно, Гробовщик и правда такой спец, каким его выставляют.
- Все, что угодно, можно предполагать, но одно несомненно – дело спланировали непрофессионально.
- Уходим, – решился Карат. – И ты пойдешь с нами.
 - Может, отпустите меня? – залебезил Скрипка. – Зачем я вам, я ведь все рассказал, гадам буду, не вру – все до последнего слова.
 - Мне понравилась твоя общительность, так что по дороге мы еще

поговорим. А потом, в Полисе, поговоришь с другими людьми.

– С какими другими?!

– С нужными. Понимаешь, мне ваша банда не понравилась. Мало ли что у вас до этого было, сколько грехов за душой скопилось. Не удивлюсь, если с мурами якшались, а может, даже с внешниками. А в Полисе всегда рады, когда к ним такую публику в наручниках привозят.

– Не надо меня в Полис! – взмолился пленник. – Я вообще тут не при делах, да я к мурам на выстрел не подойду, на хрена мне такие косяки!

– Вот это в Полисе и расскажешь.

– Да ты что творишь?! Я же тебе все рассказал! Да ты пойми, нельзя меня под ментатов подставлять!

– Честные люди ментатов не боятся. Я вот честный и ничего не боюсь, а ты вот боишься. Получается, не все рассказал?

– Ну так Чахлый вроде как с мурами пару дел провернул, по синьке однажды проболтался. Ментаты за это легко и меня к нему пристегнут. И Гробовщик вообще во всех черных списках по шесть раз записан, его уже обыскались искать. Но вот я вообще ни при чем, я просто кручусь, как умею, тут все такие, кому не повезло за тихую тему зацепиться. А куда мне цепляться, если я тут новый и звать меня никак. Я вам все рассказал, отпустите, Христом Богом прошу, разбежимся, как люди.

– Вот в Полисе и убедимся, все или не все рассказал. Руки давай.

– Зачем?

– Затем, что свяжу их.

– Да куда я от вас денусь с такой ногой?! Я ее вроде бы вывихнул.

– Будешь хорошо себя вести, в Полисе ее вылечат. Ну а будешь плохо – отрежут. И в том, и другом случае о вывихе можно будет не думать. И прекрати дергаться, связывать мешаешь.

Глава 5

Финн в Полисе на особом положении. Вроде как вояка, по местным меркам далеко не последний, со всех сторон полезный, ценят его высоко. Но держится особняком, своенравный, авторитетов для него почти нет, способен запросто послать подальше любого, невзирая на его положение, начальство над собой терпит, скрипя зубами, в местные интриги старается не лезть, за должность обеими руками не цепляется, готов в любой момент променять сытую жизнь неплохо устроившегося наемника на бродяжью долю вольного рейдера. Его здесь уважают, не хотят потерять и потому стараются лишний раз не напрягать. Благодаря этому он, при сильном желании, может самым наглым образом игнорировать субординацию и уставные требования. Колоритные истории на тему того, как он трехэтажным матом обкладывал все руководство, включая самое высокое, ходят по стабу, как легенды, в которые верят все, кто хотя бы мельком сталкивался с этим человеком. Вот только слишком высоко он здесь не заберется, с начальством надо обращаться поуважительнее, дерзких оно не привечает...

...Финн вышел из здания, которое местные называли коротко – Арсенал. В нем и правда размещался один из складов амуниции и вооружения, но помимо этого имелись помещения другого профиля. В частности, комнаты для работы с подозреваемыми. В одной из них сейчас занимались Скрипкой. Нет, речь не идет о средневековых пытках каленым железом, все куда гуманнее, современнее и эффективнее. Для тех, кто не запирает рот на замок, приводят ментатов из службы безопасности, и они сами проводят допросы или это делают в их присутствии. Ментат легко отличит ложь от правды, это значительно упрощает процесс получения нужной информации.

Присев на лавочку, до этого облюбованную Каратом, Финн сплюнул так далеко, что едва не добил до начинающейся за полосой газона дороги, и раздраженно произнес:

– Давай поспорим, что этого обмочившегося сморчка выкинут минут через пятнадцать.

– В смысле – отпустят?

– А я разве не так сказал?! – Финн повысил тон.

– Не гуди, я не глухой. На что спорить будем?

– Да хотя бы на ведро белого жемчуга, так что срочно прикидывай, где

можно столько достать.

– Значит, и правда выпустят.

– Как говорят русские – негрязная правда.

– Русские говорят – чистая правда. И вообще, хватит уже притворяться необтесанным скандинавом, сильно фальшивишь.

– Многим бабам нравится, они думают, что мама родила меня в ледяной воде фьорда. Им что Норвегия, что Финляндия, что Дания – одинаково.

– Мне жаль таких женщин.

– Ну да, не первосортные. Но мне важно количество, так что все нормально.

– Значит, к мурам они не имели отношения?

– Может, какие-то делишки и проворачивали сообща, есть скользкие моменты, не нравятся мне они. Хотя бы начать с того, откуда к ним вообще информация насчет вас пришла. Такие жирные каналы, так или иначе, почти всегда до муров дотягиваются, пусть и через десятки руки. Этим сынам собак все равно, на кого работать: на внешников или на местных заказчиков. Жадности много, принципы вообще отсутствуют.

– Я так понимаю, что заказчика он не назвал...

– Ага, правильно понимаешь.

– Но насчет нас во всем признался, а ведь мы не бродяги из леса, а граждане Полиса, то есть можем рассчитывать на защиту.

– Ага, верно, вы граждане, никто с этим не спорит. Вот только граждане какие-то не такие, не совсем правильные. Горькая правда заключается в том, что толку от вас мало, зато хлопот как волос в моей бороде. А еще не нравитесь вы многим, причем некоторым очень не нравитесь. Наша безопасность во все глаза приглядывает, чтобы в стабе никто не шалил и чтобы не шалили за стабом против наших официальных представителей. То есть нельзя трогать армию и снабжение. Тех, кто вывозит наших боровов на свежий воздух для профилактики трясучки, тоже трогать не надо. А вы у нас катаетесь на свой страх и риск, вам не выдают официальные задания, ни на одежде, ни на транспорте нет опознавательных знаков Полиса. Да, Полис – уважаемый стаб. Но даже такой стаб не может отвечать за безопасность тех его граждан, которые выискивают приключения по всему Улью. Улей – это не место для легких прогулок, если забрался туда, куда тебя не звали, будь добр решай свои проблемы самостоятельно, не надо напрягать город.

– Значит, я зря этого дурачка к вам притащил?

– Ну почему же зря? Даже такая мелочь может знать что-то, что не

будет лишним узнать и нам. Надо только умеючи спрашивать. К тому же ты прав в том, что может тема с мурами всплыть, старшие в его шайке очень уж скользкие ребята. Такие вопросы всегда интересны, и тех, кто в этом замазлся, у нас примут, как полагается. То есть так примут, что их биография на этом и закончится. Печально закончится. Вот Таксиста спросить не грех было бы, уж он точно при делах. И Чахлого заодно. Знали они интересное, зуб даю, что знали, намеки на это есть, паренек поет соловьем, и даже без ментатов видно, что дело говорит.

– Забудь, их больше нет. Эти придурки забрались в глухой тупик, после чего позвали туда ораву тварей.

– Я в курсе, что они не гении и закончили плохо.

– А что насчет заказчика?

– Заказчика этот кадр не знает.

– Я тоже в курсе. Я о том, что было бы, узнай мы, кто предложил деньги за наши головы.

– Мы такие дела не одобряем, но если заказчик из другого стаба, вряд ли что-нибудь сможем ему предъявить. Полис не лезет в большую политику, а лучший способ в нее влезть по уши – это начать требовать выдачи преступников со всех соседей. Так что о выдаче даже не думай, только если сам сюда заявится, но это вряд ли.

– А если заказчик из Полиса?

– В таком случае нам бы пришлось что-то с ним решать. У нас тут тихий мирный стаб, если нравится охота за головами, занимайся этим где угодно, но только не здесь.

– Готов на то же ведро жемчуга поспорить, что знаю заказчика.

– А я на два ведра готов поспорить, что у тебя нет доказательств.

– Верно – нет, но я знаю стопроцентно работающий способ их добыть. Смит – отличный ментат. Надо просто в его присутствии задать подозреваемому несколько простых вопросов. Насколько я понимаю, правдивые или ложные ответы считаются теми самыми доказательствами.

– Считаешь ты правильно. Только я на те же сто процентов знаю, на кого ты сейчас намекаешь. И сразу скажу, что это тухлый номер. Никто не потащит такого серьезного клиента на допрос, проще до неба доплюнуть, чем посадить его перед ментатами.

– А если я выйду с обвинением напрямую?

– Ты о том, чтобы стукнуть Карбиду?

– Ну, выше его здесь никого нет.

– Не факт. Карбид не в пустоте висит, он опирается на здешний народ. Не на весь народ, конечно, на весь всем всегда и везде плевать. Скажем так

– на народец. Те, кто его держал и держит, себе на уме, и тот, о ком ты думаешь, в их числе. Карбид, конечно, по-разному умеет вопросы решать, только советую губу до неба не раскатывать, он, может, и незаменимый, но прижать его найдется чем. Все люди слабы, а Карбид пусть и урод, но остался человеком. Да, на нем почти все завязано, но веревочки от главных узлов в чужих руках, и все его потуги их прибрать выглядят конвульсиями подышающего рубера. В общем, вряд ли дело дойдет до допроса, а вот нездоровый и вредный для тебя шум ты устроишь запросто. Вас здесь и без того не очень-то любят, уверен, что тебе это нужно?

– Еще не знаю.

– Зато я знаю – не нужно тебе это, вообще не нужно. К тому же допрос может ничего не дать. Ведь необязательно отдавать приказ напрямую, если ты не сержант занюханный, а важный бугор, который много чего держит. Под ним своих людей хватает, все, что ему надо, – это в их присутствии не забывать повторять почаще, что ты спишь и видишь цветной фильм, в котором некоего Карата заживо сожрали злые мертвяки, а его малышку Диану продали на юг в знаменитый Цветник с условием подложить ее потом под самого вонючего хрыча с богатой на извращения фантазией. Если говорить такое каждый день утром, в обед и вечером, рано или поздно кто-нибудь принесет фильм, где будет много крови и тоскливых криков того самого Карата, а также душераздирающая сцена отправки девочки на юг. И плевать, что в Цветнике нимфы даром не нужны, с этим пусть там, уже на месте, разбираются. Выслужиться многие не прочь, и такая цена не всех смущает, сам понимаешь. Теперь вот сам подумай, всплывет такое на допросе с ментатом или нет. И если всплывет, то как это пришить к сам знаешь кому? У нас тут не беспредельный стаб, у нас в таких случаях суд собирают, где любой адвокат втопчет обвинителя на полметра в землю – дело беспронизышное.

– Ну да, при таком раскладе получается, он с честными глазами скажет, что никого не заказывал и никому не приказывал.

– Вот умеешь же думать, когда не ленишься. Так что мой тебе добрый совет – забей на мысли о допросах, они глупые, ничего у тебя с этим не выгорит.

– А если Лапшу взять за нежные места и притащить к ментатам?

– Ты и правда уверен, что заказчик на фильм про твои тяжкие муки лично обратился к продавцу сушеными червями и просроченным собачьим кормом?

– Нет, но он может назвать того, кто обратился, а там останется размотать цепочку дальше.

– Сопли свои по стенам сортира разматывай, а про эту цепочку забудь.

– Почему?

– Потому что по Лапше зеленые мухи бегают. Жирные такие, жужжат противно, никто их не любит.

– Я так понимаю, что он умер не своей смертью?

– Ну надо же, я даже не подозревал, что ты такой догадливый. Жадный он слишком, не просчитал варианты, клюнул, как щука на блесну из приличных денег, но делиться по-честному не захотел, подписал на это дело шайку копеечных клоунов и невменяемого отморозка, а за кадровые ошибки при таких раскладах могут наказать, без оглядки на гуманность. Зарезали его, как барана, в то самое время, когда ты к Полису подъезжал.

– Оперативно... Должно быть, с одного из ваших постов о нас кому надо сообщили. И я так понимаю, убийцу вряд ли найдут?

– В таких случаях, если и выясняют личность, оказывается, что и по нему уже мухи бегают или свалил в дальние края, что нередко означает одно и то же. Люди тут – расходный ресурс, их жалеть не принято.

– А я вот жалею.

– Это ты жалеешь, да и то не всех, а те, кто на тебя зуб точит, вообще о жалости не думают. Ты не с теми связался, ой, не с теми.

– Я ни с кем не связывался, они сами ко мне лезут.

– Сам это замутил или не сам – какая теперь разница? Связался, и все. Теперь терпи, а лучше беги.

– Думаешь, в покое не оставят?

– Блин, Карат, да тут даже мозги не надо иметь, чтобы самому до такого догадаться. Не разочаровывай меня, я ведь о тебе высокого мнения.

– А сколько стоит заказать человека?

– Если ты о том, чье прозвище мы так и не произнесли, то выбрось такие мысли из глупой головы. Нет у тебя таких средств, к тому же за стабом он бывает редко и с такой охраной, что потребуется армейская операция.

– А ты бы мог ее возглавить?

Лицо Финна стало задумчивым, он едва заметно кивнул:

– Я не слишком хороший командир, можно и лучше найти. Но ты знаешь, на такое бы, возможно, подписался. Понимаешь, мне он тоже не нравится, и дело тут не в его кривой роже. Гнилой он, насквозь гнилой, а гниль, она заразная, это на делах плохо сказывается и на Полисе, а я подписался защищать этот город. Но это, Карат, всего лишь теория, денег у тебя не хватит, чтобы подтянуть на такое хотя бы одного меня. А понадобится еще народ, и народ не первый попавшийся, сам понимаешь,

что благотворительностью тут и не пахнет, платить придется много. Мечты школьника это, а не реальный план.

– У меня вообще-то талант – деньги зарабатывать.

– Ага, я заметил, что ты такой талантливый миллиардер, что регулярно сверкаешь голой жопой и просишь подать на хлебушек. Напомни, сколько ты у меня в долг брал?

– Я ведь все вернул.

– Ну да, вернул, спору нет. Но раз брал, значит, без этого никак было, на нулях сидел, иначе бы ко мне не обращался, не такой ты человек.

– Одно теряю, другое нахожу.

– Не знаю, как там насчет денег, а вот неприятности ты и правда находишь влет.

– Тогда что нам остается? Сваливать подальше?

– Хорошая мысль. Особенно, если за тебя и на самом деле неплохо предложили.

– Ценник мне не показывали.

– Ну так я могу разузнать.

– Интересные у тебя связи...

– Я ведь не всю жизнь в этом болоте торчал, видел и свободные местечки, по старой памяти могу парой слов с кем хочешь перекинуться. Но это строго между нами, стукача из меня делать не надо.

– Да я это и не предлагал. Был бы благодарен, если узнаешь цену. Может, и еще что-нибудь прояснится... ну это между нами.

– Ничего не прояснится. Есть цена, есть тот, кто ее кому-то озвучил. Ходить по этой цепочке можно, но, думаю, в твоем случае – не вариант. Если заказчик именно тот, о котором мы думаем, то, скорее всего, через муров или тех же колхозников клич кинули, так что информация пошла из источников, где, как ты понимаешь, обычные следственные действия мы вести не сможем.

– Понимаю.

– Да и кем ты себя возомнил? Наследником британского престола? Ты всего лишь нищий рейдер, которому повезло не подохнуть, как некоторым, и самую малость понравиться Карбиду, подкатив к нему в выгодный момент. Я неправильно выразился, речь не идет о том, что ты понравился – он ведь просто тебя использовал. Ты ему пригодился только для того, чтобы от души макнуть Бирона в тухлое дерьмо его свиной харей. Только если ты начнешь направо и налево рассказывать, что Бирон заказывает хороших людей через муров и торгует маленькими девочками оптом и в розницу, это понравится не всем. И Карбид в том числе может скривиться,

прилетит тебе после такого обратка большим бумерангом, и обратка будет законной. Бирон здесь – не самый последний боров в хлеву, ты это прекрасно знаешь. Я бы на твоём месте свалил прямо сегодня, и свалил подальше. Так далеко, где тебя тяжело будет достать, а лучше – невозможно. Тем более до меня доходили слухи, что ты на этот вариант что-то готовишь.

– Что ты узнал? – напрягся Карат.

– Да почти ничего. Только то, что ты какие-то шмотки из Полиса вывозишь, а назад пустым возвращаешься. Неспроста это, но ты на этот счет не грузись, от моих людей эта информация не уходит, то есть на мне все останавливается. Так я прав? Ты готовился уходить?

– Скажем так – я не планировал оставаться здесь навечно, – уклончиво ответил Карат.

– Бирон у нас не сказать, чтобы душевный человек, а уж злопамятный настолько, что хуже не бывает. На твоём месте я бы не задерживался. Что ты вообще здесь забыл?

– Я не могу свалить отсюда без Шуста, а он пока что плоховат.

– Да что ты такое говоришь? Я видел его вчера в больнице, он не выглядел плохим. Я бы даже сказал, что тот еще резвый кобель. Ну да, потасканный местами и вечно всем недовольный, но рейдеры все такие – профессиональные издержки, не любят долго на одном месте сидеть, желчью начинают исходить.

– Да я и сам прекрасно знаю, что нам здесь задерживаться не стоит, но он еле ковыляет, а дорога опасная.

– Как по мне, он достаточно здоров. А вот ты, если задержишься, рискуешь поплатиться не только здоровьем. Я к тому веду, что потом о тебе смогут снять тот самый фильм с грустным финалом. Там, в конце, хорошие герои умрут, а кое-кого продадут. Оно тебе точно надо? Вали отсюда, прямо сейчас вали. Слушок насчет вас только-только пошел, еще не все бездельники в курсе. Отребья везде хватает, даже здесь без него никак, не удивлюсь, если вас обоих прямо из стаба умыкнут, ничего сложного в этом не вижу, система охраны тут только на вид хороша, дыр в ней хватает.

– Ты не прав, протащить пару человек через периметры не так-то просто.

– Не факт, если для такого дела подобрать людей, похожих на Гробовщика.

– Он и правда настолько крут, как говорят о нем?

– Ну что ты, нет, конечно, – гораздо круче. Он здесь чуть ли не со времен сотворения Стикса отирается, а еще ему повезло получить набор

полезных умений. Такие здесь особняком стоят, у них Улей мозги поменял, думают иначе, мораль другая, некоторых уже трудно людьми называть. И все они очень опасные. Человек, которого этот мир не сумел прикончить за несколько десятков лет, не может остаться нормальным.

– Тогда не понимаю, зачем такой серьезный тип с этими придурками связался, мог бы сам все проверить.

– Да кто его знает, как там они договаривались. По-всякому могло быть. Сложно с ним дела вести, говорят, Гробовщик в одиночку вообще неуправляемый, проблемный. Его можно разве что попросить съездить с теплой компанией и помочь уgomонить пару ребят. Пальцем указать на них, и считай, что из жизни вычеркнул. Но если посылать его самого по себе, надо уточнять, кого и как валить, все до мелочей обговаривать, а он долгие разговоры не любит, может взять и грохнуть самого тебя, чтобы не болтал. Одно слово не понравится, и хана. Я про него разные сказки слыхал, даже не знаю, каким верить, а каким нет, но одно знаю точно – он тот еще дикий псих, к тому же у него свои принципы, может всех послать подальше, если что-то, по его мнению, лишнее всплывет, или без слов обойдется, но это уже будет вариант с трупами. В общем, спец уникальный, но дела с ним проворачивать не каждый рискнет.

– Ну надо же, у буйного людоеда, оказывается, есть принципы.

– Гробовщик не людоед, просто его уже нельзя называть человеком. Те, кто слишком долго здесь живет, меняются. Словами это не объяснить, столкнешься с такими, сам поймешь.

– Ты его знаешь?

– Можно и так сказать. Я был одним из тех, кого за ним послали.

– Я так понимаю, вы не поговорить шли?

– Да ты прям гений, быстро догадался.

– И чем дело закончилось?

– Он убил семерых ребят. Серьезных ребят, их не на свалках собирали в команду. Убил так легко, как ты комаров убиваешь. А меня оставил. Приказал отрезать всем парням головы и сложить их в чехол от матраса. А потом сказал отнести этот мешок тому, кто нас послал.

– И что дальше?

– Ну как это что? Я отнес.

– Эти парни были такие же крутые, как ты?

– Нет, меня тогда знать никто не знал, я недавно сюда попал. Водитель у них был хороший, но в механике ковыряться не любил. Меня вторым водителем под это дело взяли, вечно за двоих в мазуте ковырялся, по ходу дела учился, еще и оружейником в команде стал. Не знаю как, но

Гробовщик влет вычислил, кто есть кто, поэтому оставил именно меня. Остальные там были с богатыми биографиями, во всякое замазаны, в том числе в такое, о чем я никому рассказывать не стану. Гробовщик многое себе не позволяет, и другим он тоже такое не прощает. В деле с вами что-то нечисто, Гробовщик здесь явно лишний.

– Это как?

– Он бы никогда не подписался торговать девочкой, насчет женщин у него отдельный пункт.

– Все те же принципы?

– Ага, они самые. Ему могли навешать лапши на уши, что вас надо чисто вырубить и несколько тварей подготовить. Он чисто может вырубить, даже такая нимфа, как Диана, пискнуть не успеет. И на этом его работа закончена, пусть уходит, а с вами до конца пускай другие разбираются. Такой вот план могли составить.

– И он бы, конечно, не догадался, что с нами дальше будет?

– Он вроде не дурак, а тут и дурак догадается. Да и говорю же, он с женщинами не связывается. Вообще не связывается.

– Тогда я ничего не понимаю.

– А тут и не надо ничего понимать, все, что ты видел, затеяно первостатейными дебилами, а исполнителями они поставили унылых типов, страдающих излишками хромосом. Только и хватило умишка, чтобы подстраховать их Гробовщиком, не вникая в то, что к таким делам его подпускать нельзя. И где только его отыскиали, он ведь с кем зря не работает, привередливый, да и не маячит у всех на виду. В общем, Таксист понабирал к себе в группу таких же, как сам. То есть самых тупых, хуже быть уже не может. Они настолько печальные, что могли на полном серьезе поверить, что могут запросто развести самого Гробовщика. Вот только что у Гробовщика в голове, знает только сам Гробовщик. Так что беги, Карат, беги со всех ног, даже я в этом деле уже запутался, все сложно. И кстати, где твоя подружка?

– Она мне не подружка.

– Да мне плевать, как ты ее называешь. Я спросил: где она?

– Домой пошла, нечего ей возле вашей пыточной околачиваться.

– Карат, ты же вроде не совсем тупой. Ну вот почему она у тебя при таких делах сама по себе ходит? Думаешь, если нимфа, так ничего с ней не станется? Да я могу прямо сейчас миллион способов назвать, как можно сделать так, что нимфа исчезнет среди бела дня посреди людной улицы и ни одного свидетеля не найдется. Так что срочно вали к ней и ни на шаг от себя не отпускай. Понял? Ни на шаг! И вообще, исчез бы ты отсюда хотя

бы на время, ты же магнит для самого тухлого дерьма, я на то же ведро жемчуга готов поспорить, что и трех дней не пройдет, как ты опять будешь показания давать. Хватит уже наших ментатов напрягать, им твоя постная рожа вот-вот начнет в кошмарах сниться.

Глава 6

Юпсик появился вечером. Случайный коллега Карата и Шуста, пробыв с ними в одном подразделении фактически не больше пары суток, почему-то решил, что они после такого стали лучшими друзьями. К тому же он обожал домашнюю стряпню и обладал поразительной чуйкой на нее. А Диана умела сносно готовить, и в последнее время Карат ее беспощадно эксплуатировал на этом поприще.

Почему именно в последнее? Да потому, что сильно поиздержался, а это, с учетом грабительских цен Полиса, неудивительно. Приходилось на всем экономить, по ресторанам и кафе не очень-то походишь с пустыми карманами. Зато добыть самые разные продукты питания в Улье несложно. Выберись за стаб, и там в любом кластере бери все, что понравилось, из магазинов, складов, домов и квартир или собирай в садах и на огородах. От голода здесь не помрешь даже при полной нищете, но кому понравится давиться безвкусными консервами, если имеется возможность поковыряться ложкой в горячем борще?

– Чем это у вас так хорошо пахнет? – с порога наметнул незваный гость, поведя носом на источник звона посуды.

Точь-в-точь как лис, почуявший запах кролика.

– Диана на кухне копошится, – ответил Карат, продолжая при этом отжиматься от пола и одновременно посматривать трансляцию боксерского поединка.

Запись, конечно, но запись свежая, в Полисе спортивное старье на телеэфир не выпускали.

– На кухне – это хорошо, – оживился Юпсик. – Диана у тебя полезная, хозяйственная.

– Да ни хрена не хозяйственная, полы под дулом пистолета не заставишь подмести, хоть бери да нанимай уборщицу.

– Так найми, чего тебе стоит.

– Шутишь? В Британии можно королеву вместе с дворцом на месяц арендовать по деньгам, которых тут не хватит на час найма домработницы.

– Это ты в точку попал, цены в Полисе заламывают не по-детски. Но тебе-то что, денег у тебя четыре вагона.

– Кто тебе такое сказал?

– Так весь город знает, что ты белым жемчугом давился. И живешь как человек, вон какую четкую хату отхватил.

– Две комнаты, с сельский сортир размером, плюс кухня на четыре квадрата, к тому же не мое – аренда. Ты этот скворечник и правда считаешь приличным жильем?

– Ну да, тесновато, зато на свое жилье похоже, а личный угол в Улье душу греет. Я к тебе вообще-то по делу пришел. Не отвлекаю? Может, после того, как поужинаешь, зайду? – Юпсик выразительно покосился в сторону кухни.

Ну вот что с таким делать? Мысленно вздохнув, Карат, поднявшись с пола, ответил:

– Да нет, не отвлекаешь. Мы и впрямь ужинать собирались, ты будешь?

– В принципе, можно и пожевать, Диана хорошо готовит.

Карат, еще раз мысленно вздохнув, крикнул:

– Диана, тут Юпсик пришел! Поздоровайся с ним и еще одну тарелку поставь. И пива нам принеси.

– Сейчас, я рыбку кормлю.

– Гранд до нее еще не добрался?

– Он загулял где-то. Да и кто ему даст добраться. Сразу тряпкой по мордахе получит.

– Не надо его недооценивать, я на твою рыбку и спорана не поставлю.

Девочка заявила через минуту, увлекая за собой волну вкусных ароматов. С порога поприветствовала гостя и ловко кинула каждому по банке. Карат свою поймал легко, и Юпсик тоже, хотя всегда казался нерасторопным.

В принципе так и есть во всем, что не касается двух его любимейших тем – пожрать и выпить.

Откупоривая банку, Юпсик заметил:

– Реально настоящим хавчиком пахнет, в столовке таких запахов не бывает.

– Да нормально в столовке кормят.

– Я разве спорю? Но не так, как здесь, у Дианы. Она у тебя еще и пиво приносить научена, ну, вообще ништяк. Слушай, может, ты мне ее продашь?

– Денег не хватит, и она не моя.

– Да я знаю, просто вслух мечтаю.

– С такими мечтами ты когда-нибудь нарвешься на мое плохое настроение.

– Да шучу я, шучу, что ты в самом деле, не напрягайся.

– И она такая послушная только тогда бывает, когда я ей все позволяю.

Чуть что не по ее воле, и начинается такое...

– Плач и слезы?

– Нет, истерики она не закатывает, но скорее засохнешь мумией, чем воды стакан от нее дождешься, не то что пиво.

– Ну так возраст такой, и сама своенравная. Видел бы ты мою сестру, ох и тяжело с ней...

– У тебя еще и сестра есть?

– Ну я не про сейчас, я про тогда... Ну, в том смысле... Ну, ты понял. Надеюсь, хоть ее сюда не занесло... Слушай, Карат, а ведь я и правда по делу пришел.

– Что за дело? – спросил тот, расслабленно присаживаясь в низкое кресло.

– Дело на миллион.

– В смысле, денежное? Ну так озвучь, тема денег мне нравится. Через пару дней за хату платить, а в карманах небогато.

– Забей на плату, сваливать тебе надо из этой хаты, причем в темпе.

– В смысле?

– Тут много знающий народ шепчется, что заказ на тебя пришел. Жирный заказ. Много дают за твою башку и за живую Диану.

– Кто именно шептался?

– Да, считай, все, у кого рты есть. Я от троих сегодня слышал, в том числе от Бакса. Бакс – тот еще урод жадный, но врать вообще не умеет. Верняк тема, заказаны вы, по-крупному заказаны.

– И сколько за нас дают?

– Точно не знаю, но Бакс сказал, что сколиоз заработаешь такое бабло таскать. Он раньше, до Улья, на медика учился, у него вечно докторские словечки проскакивают.

– От кого он это слышал?

– Ты что, в натуре решил концы поискать? Да вали уже отсюда, пока серьезный движняк не пошел. Говорю же – крутой заказ на крутое бабло, разных уродов здесь хватает, завалят тебя, к гадалке не ходи, тут с этим четко, работа, где из стаба выходить не нужно, всем интересна.

– Я в курсе заказа, мы сегодня чуть не попались.

– И ты до сих пор здесь?! Вали в темпе, резко вали, с такими вещами тянуть нельзя.

– Далеко валить придется...

– Блин, это ты в точку сказал. Ближе уходить смысла нет, волна разойдется и накроет. Вряд ли за вас цену до небес задрали, но все равно придется далеко уходить, а это сложно. О! Я придумал! Надо узнать насчет

каравана. Торгаши сюда часто издалека приходят, вот с такими удобно сваливать – самый безопасный способ. Барыги – сила, к ним никто не сунется.

– Ага, если барыги не в теме.

– Нормальный барыга такими делами мारаться не станет. Не их это тема, на то они и барыги.

– Плохо ты барыг знаешь.

– Наших хорошо знаю. Хотя да, ты прав, тут верить никому нельзя. Но валить тебе по-любому надо. А это еще что такое?!

Со стороны слабо колышущейся занавески послышался звук, напоминающий смесь кваканья жабы-переростка и утробного урчания не самой слабой твари. Юпсик от неожиданности аж с лица спал.

Но Карат и глазом не повел, спокойно ответил:

– Гранд нагулялся.

– Небось пожрать твой котяра не дурак, а отсюда деловые запахи идут, – предположил Юпсик. – А чего он через дверь не ходит, там же лаз для него?

– Это ведь кот, я понятия не имею, почему он поступает именно так. У него по любому поводу свое мнение, с моим оно нечасто совпадает.

– Блин, тут же второй этаж, и не лень ему залазить.

Разговаривая, Карат поднялся, дошел до стены, клацнул выключателем, погрузив комнату в полумрак – маленький телевизор света почти не давал, из-за частично стеклянной двери кухни пробивалось куда больше, несмотря на то что она располагалась за поворотом тесноватого коридорчика.

– Чем тебе лампочка не угодила? – удивился Юпсик.

– Ничем. Но в свете того, что ты только что рассказал, не надо помогать тем, кто желает мне зла. Вдруг они уже рядом, где-нибудь за этим окном.

– Карат, ты думаешь, что тебя через окно могут грохнуть?

– А ты разве так не думаешь?

– Да я как-то вообще о таком не думал, – с беспокойством ответил Юпсик.

– Тогда почему настаиваешь, чтобы я свалил отсюда как можно быстрее?

– Ну говорю же, не подумал как-то. Что я тебе, профессор, обо всем сразу думать? Ведь и правда могут замочить. Ты бы лучше вообще не лез к окну, темнота слабая, не такая уж и ночь на дворе, да и фонари на улице светят.

Карат не стал ничего отвечать, чтобы не рассеивать окончательно иллюзии Юпсика насчет того, что тот сильно запоздал с тревожными новостями и к тому же не знает, что охотники за головами должны не просто его убрать, а убрать способом, не связанным со снайперскими обстрелами. Просто подошел к окну, отдернул плотную штору, снял противомоскитную сетку.

Кот, рассевшись на широченном подоконнике, перебираться с улицы не торопился, вместо этого издал еще один утробный то ли рык, то ли вой и посмотрел на хозяина, как на врага народа.

– Гранд, ну что тебе опять не так? – спросил Карат. – Давай домой бегом или оставайся торчать на улице. Я тут по три часа стоять не собираюсь, да и комаров напустим.

Кот опять противно рявкнул и почему-то настороженно обернулся. А Карат наконец понял, что именно задело сознание при взгляде на улицу – кое-что необычное. Свет, или, точнее, его отсутствие. То есть он, конечно, был, и даже не так уж плохо справлялся с вечерними сумерками, вот только ближайшие фонари, окружавшие живописный прудик, закованный в каменные берега, здесь ни при чем. Ни один не горит, с тьмой сражаются лишь те, которые расставлены вдоль дорог по границе кварталов, но они не так близко, поэтому толку от них немного.

Гранд, внезапно подскочив, воровато прошмыгнул мимо хозяина и спрыгнул на пол, после чего моментально метнулся в направлении кухни. А Карат не спешил прилаживать сетку на место – призадумался. И котят сегодня сам не свой, и фонари в округе не горят, причем все сразу – как-то это подозрительно, с уличным освещением в Полисе все строго, сбоев не бывает. Может, это просто приступ паранойи, но в Улье очень полезно быть тем еще параноиком, ведь паранойя помогает прожить подольше.

Глаза постепенно адаптировались к сумраку. Вот уже можно различить светлые пятна цветов на клумбах, вот из мрака проступила своенравная калитка в символическом ажурном заборчике – она то скрипит немилосердно, то совершенно бесшумно отворяется.

А это еще что такое?..

В конце аллеи, которая даже днем плохо просматривается из-за двух рядков молоденьких, но уже густых кленов, кто-то двигался. Карата поздним пешеходом не удивить, к тому же он не сказать, что такой уж поздний, ведь вечерняя жизнь в самом разгаре, отчетливо доносятся отголоски легкомысленной музыки из ближайшего ресторанчика.

Одинокий прохожий не похож на честного человека, потому как честные по безопасному стабу передвигаются не крадучись и почти всегда

придерживаются пешеходных дорожек. Этот же пересекает их наискосок, не считаясь с тем, что время от времени топчется по цветам на клумбах, а такое в Полисе делать категорически запрещено.

А еще он тащит какой-то длинный предмет, и у Карата моментально возникли скверные предположения по поводу его предназначения.

Вот незнакомец последний раз скрылся среди деревьев, вот вышел на открытое место – угол почти пустой парковки. Народу в этом районе живет немного – цены чересчур задраны для основной массы, а условия слишком скромные для зажиточных съемщиков. Как раз то, что с некоторой натяжкой смог себе позволить Карат: ни капли не шикарно, зато относительно уютно; не так уж и тесно; а соседи не из тех, рядом с которыми опасно держать проблемную девочку (к нимфам предубеждение тем больше, чем тупее и агрессивнее человек, а таких среди беднейших обитателей Полиса хватает).

Худшие опасения сбылись, теперь Карат отчетливо разглядел, что у вечернего пешехода в руках вовсе не тубус для чертежей, выполненных на листах большого формата, и не жесткий чехол для сложенных удочек. Гранатомет – вот с какой игрушкой он прогуливается по той части города, где даже с малокалиберным пистолетом без письменного разрешения появляться строго запрещено.

В то, что у этого позднего прохожего имеется разрешение на ношение противотанкового вооружения, Карат не поверил ни на секунду. И когда увидел, что тот припал на колено, уверенно вскидывая трубу на плечо, ничуть не удивился.

И тому, что гранатомет направлен в сторону окна съемной квартиры, не удивился тоже.

Броситься бежать? Стрелку понадобятся считанные секунды, чтобы выпустить гранату, за это время никак не успеть выскочить самому и вытащить Диану. Про Юпсика можно вообще не думать – он сидит в комнате, где вот-вот прогремит взрыв, то есть неизбежно получит массу негативных впечатлений.

Это как минимум.

Может, и справедливо – нечего постоянно по гостям бродить. А вот Карат и Диана точно такого не заслуживают.

Но и как же можно выкрутиться из столь непростой ситуации? Все огнестрельное оружие сдано в арсенальный склад, хранить его в домах можно, только имея на руках все то же письменное разрешение, а получить оное ох как непросто (а для некоторых и вовсе невозможно). Звездочки остались в крохотной прихожей, да и не добросить их за полста метров.

То есть, конечно, добросить получится, а вот попасть – вряд ли.

Есть скромная огнестрельная заначка на черный день, но припрятана она так хорошо, что быстро до нее не доберешься.

Размышляя над этим, Карат на доли мгновения входил в ускоренный режим, чтобы тут же из него выйти. Это чтобы не прозевать момент выстрела, граната невеликую дистанцию преодолает с такой прытью, что реакции не хватит успеть отреагировать.

Когда труба на плече стрелка с двух сторон полыхнула огнем, Карат уже приблизительно знал, что и как надо делать. И перед этим даже успел закричать во всю мощь легких:

– Диана! На пол!

Она девочка понятливая и реагирует быстро. Главное, чтобы услышала, а то у нее на плите сковорода как раз громко зашумела, да и вода из крана льется далеко не беззвучно.

Кричать еще раз или мчаться на кухню – нет времени. Граната уже в воздухе, и Карат отчетливо видит, как быстро она приближается.

Ну, в смысле, как быстро... По меркам ускоренного восприятия – где даже едва заметное движение редкость, да – впечатляет, но визуально кажется, что ее скорость не больше метра за пару секунд, а то и ниже. В мире, где даже падающие капли дождя можно разглядеть до мельчайших подробностей, а выпущенная из арбалета стрела ползет чуть быстрее улитки – дивная стремительность.

Карат, барахтаясь в сгустившемся воздухе, будто жаба, угодившая в сметану, развернулся, по кратчайшей траектории направился к телевизору, отодвинув по пути крохотный журнальный столик из черного стекла, на который Юпсик только-только поставил начатую банку пива. После столь жестокого ускорения ни в чем не виноватый предмет мебели должен взмыть в воздух, чтобы через миг разлететься при ударе об стену, но сейчас ничего подобного не наблюдалось, все произойдет лишь после возвращения в нормальный режим.

Мир замедлился до состояния, когда под оброненным стаканом можно успеть соорудить многоэтажный карточный домик.

Удивительно, но, несмотря на выдернутый шнур, телевизор продолжал работать по инерции, только картинка застыла и сильно смазалась. К тому же изображение стало нездорово-красноватым. Хорошо, если это в результате поломки, которая случилась именно сейчас, потому что здесь, в Улье, неисправные электроприборы принято выбрасывать, а не чинить. То есть эту вещь жалеть не стоит.

То, что Карат замыслил, куда круче банального выбрасывания.

Граната за истекшее время успела преодолеть две трети пути. Слишком близко, но Карат успевает, он уже на месте. Не размахиваясь, оттолкнул телевизор от себя, по ходу дела направляя его на курс, который приведет к фееричной гибели. Техника далеко не новая, можно сказать, реликт – в нем используется старый добрый увесистый кинескоп, а не какая-нибудь несерьезная плазменная панель. Неизвестно, где прижимистая хозяйка дома достала такой раритет в мире, где самая навороченная электроника практически ничего не стоит. Диана даже возмущалась по этому поводу, хламом обзывала.

Вот ведь глупая, не возмущаться надо было, а радоваться.

Телевизор завис в воздухе напротив окна, но это только казалось. На самом деле он движется навстречу гранате, пусть и не с такой же скоростью, но тоже очень быстро.

Карат сделал все, что можно было сделать за отведенный срок. Его умение не беспредельно, резервы на исходе, пора покидать мир, где даже выпущенные из стволов пули не торопятся добираться до целей.

Развернулся, подался в сторону коридора, вытягивая руки. Карат давно уяснил, что если вынырнуть из ускоренного режима в движении, то полетишь в том же направлении с такой быстротой, что рискуешь поломать кости и отбить что-нибудь важное.

Все, пора возвращаться в нормальное состояние.

Дальше все завертелось очень быстро. Мелькнули голубоватые вспышки короткого замыкания – оказывается, Карат, выхватив телевизор, ухитрился оборвать провод, и тот зримо среагировал на это надругательство только сейчас – до этого никак себя не проявлял, что как-то странно, ведь электрические явления должны распространяться со скоростью света, а она, даже при активизируемом даре, – мгновенная величина. Столик, сорвавшись с места, будто пинком подброшенный, с хрустом разлетелся при ударе о стену, но это ожидаемо. Краем глаза Карат успел разглядеть перекошенную физиономию Юпсика – тот не мог понять, каким образом товарищ растворился в воздухе, а затем возник в другом месте, причем в летящем состоянии.

Стена приближается опасно быстро, будет непросто затормозить об нее руками, не переломав их в нескольких местах, и к тому же успеть изменить вектор движения, заставить тело закатиться за угол коридора, который тянется мимо санузла до входной двери.

Жесткий контакт ладонями, и тут же за спиной вспыхнуло, жестко грохнуло, зазвенело. Подсознательно ожидал толчка ударной волны, но какая может быть ударная волна от не такой уж большой гранаты,

рванувшей в нескольких метрах от окна?

Тем не менее она врезала, может, и не по телу, но по нервам – точно. Расчетливое движение смазлось, Карат с силой приложился плечом о стену и вместо того, чтобы дальше уйти в ловкий перекат до самой входной двери, покатился в том направлении мешком, набитым чем-то крайне нехорошим и заболевшим сразу в нескольких отбитых местах.

Остановившись, он не позволил себе ни мгновения отдыха. Свет погас полностью – телевизор погиб смертью храбрых, встретив своим телом гранату, из кухни ни отблеска не доносится. Диана помалкивает, зато Юпсик визжит так, будто его остервенело режут изрядно затупившейся двуручной пилой.

Если он живой, девочка тем более живая. И, к сожалению, трудно надеяться на то, что гранатометчик только что скоропостижно скончался от угрызений совести по поводу содеянного. Гад наверняка жив, и попробуй теперь пойми, что он предпримет дальше. К тому же у него могут оказаться сообщники, которые прямо сейчас готовятся вышибить входную дверь. В этом чокнутом стабе, в пределах последнего периметра, их запрещено изготавливать из толстого металла – допустимо исключительно дерево. Тотальная эстетика и контроль, глупо надеяться, что хлипкая преграда хотя бы на полминуты задержит серьезно настроенных людей.

Если честно, у Карата, вопреки всем правилам, кое-что припрятано. Скорее всего, так поступают почти все, у кого нет разрешения хранить оружие дома. Это все-таки Стикс, а не тропический курорт с беспечными туристами, здесь волей-неволей приходится пребывать в постоянной готовности встретить неприятности.

Вся проблема в том, что пистолет припрятан на кухне, причем мгновенно его не достать, для этого придется передвинуть и развернуть холодильник, а он здоровенный и загнан в тесный закуток, возиться с ним неудобно. Зато звездочки, изготовленные здешним умельцем, в одном шаге – надо только руку протянуть. Малополезные штуки для нормального человека, зато на короткой дистанции чертовски эффективные в том случае, если ими вооружен Карат. Да, он здорово приложился к резервам Дара Улья, но для метания много сил не потребуется, там всего-то крохотные мгновения расходятся.

Ощувив в ладони знакомую тяжесть, моментально успокоился и ловко перескочил за угол. Здесь пришлось потянуть дверь на себя – она уцелела, несмотря на то, что частично сделана из не слишком крепкого на вид стекла. И это прекрасно, ведь получается, что ни осколки, ни ударная волна не прошли дальше. То есть Диана не пострадала, а ее молчание

объясняется тем, что в опасных ситуациях она предпочитает действовать или бездействовать, а не болтать без причины.

Так и оказалось. Девочку Карат нашел под столом, она хоть и выглядела напуганной, но ухитрилась держать кухонный нож с угрожающим видом.

– Ты цела?

– Вроде да, – не совсем уверенно ответила Диана. – А ты?

– Я в норме.

– Почему Юпсик кричит?

– Ежа рожает твой Юпсик, плевать на него, давай отодвинем холодильник.

– Карат, ты точно уверен, что нам именно сейчас надо заняться перестановкой мебели?

– У меня там пистолет.

– Ты собрался стрелять?!

– Не знаю. Возможно.

– На город напали?

– На город вряд ли. А вот на нас – точно.

– Тогда дай пистолет мне, тебе хватит звездочек, – деловито заявила девочка.

Несмотря на обстановку, Карат нашел в себе моральные силы усмехнуться:

– Да тебя даже не продать, на такую, как ты, ни у кого денег не хватит. Ты реально невозможная.

Глава 7

Смит присел, поднял с асфальта поблескивающий кусочек кинескопа, протянул не сказавшему до сих пор ни слова мрачному, как никогда, Финну:

– Похоже, это все, что осталось от телевизора.

– Нет, осколков от него много, – возразил Карат, сражаясь с истерической улыбкой, кривившей губы. – Они по всему району разлетелись, если нужны еще, во-о-о-он там попробуйте поискать, очень перспективное место.

Рот будто чужой стал, совершенно не слушается, так и норовит чепуху высказать. Такое случается, когда пик стресса остается позади и напряжение отпускает тело.

Смит покосился в указанном направлении и в своей обычной, подчеркнуто-спокойной манере произнес:

– Я не коллекционирую осколки телевизоров. И я всего лишь ментат, а не эксперт-криминалист. И вообще, с гранатометным обстрелом сталкиваюсь впервые. У нас тут тихий мирный городок, здесь так не принято.

– До Карата был тихий, – буркнул Финн. – Я пропустил начало, что у вас тут за дела?

– Да ничего, – спокойно ответил Карат. – Сижу себе, смотрю бокс, холодное пиво потягиваю, никого не трогаю. Мой кот начал завывать в окно, пришлось его впустить. При этом увидел, что внизу стоит какой-то тип с гранатометом и целится в мою сторону. Ну я и бросил в него телевизором. Шум, звон, окно вдребезги, гостю моему, Юпсику, щеки порезало, он теперь неделю через трубочку кушать будет, а меня оглушило так, что едва слышу вас. Лежу, значит, и думаю: «Ну ни хрена себе посмотрел бокс». Кто хоть там победил?

Смит пожал плечами:

– Не знаю, я не досмотрел. Как громыхнуло, сразу к тебе поехал, интуиция подсказала, что центр веселья находится по этому адресу.

– А я в ящик для дебилов вообще никогда не заглядываю, – буркнул Финн. – Но тебе, конечно, простительно, ты ведь меня не послушался, решил подождать, а это как бы подразумевает... Вон даже Смит понял, куда ехать надо, а ведь он у нас далеко не главный умник. И чем завтра нас порадуешь? Гаубицей? Или, может, в честь тебя авиабомбу подтащат? Что

ты так удивленно брови кривишь? Тут Улей, тут, при совпадении желаний с возможностями, что угодно можно достать, хоть ракету межконтинентальную. Я, между прочим, сегодня за охрану второго периметра отвечал и заодно подменял коменданта. Вот каково мне будет объяснять, что шум, из-за которого полгорода жидко обделалось, случился только потому, что некоему широко известному Карату вздумалось пошутить с серьезными вещами.

– Вообще-то я тут не при делах. Ищите того типа, он вряд ли далеко ушел.

– И почему же ты думаешь, что он не мог уйти далеко?

– Да потому что он тупее меня раз в триста.

– И откуда взялись такие точные математические расклады?

– А что еще можно подумать о том, кто решил по-легкому срубить бабла, запоров жирный заказ? Ведь нас не обоих убивать надо и уж точно не взрывать – со мной просили разобраться вполне определенным способом, да еще и записать это событие на камеру. Где ты тут видишь камеру? И где мертвяки, которые должны меня порвать? И я не уверен, что расстрелянная из гранатомета девочка будет интересна тонким ценителям малолеток.

– А ты не думаешь, что после ваших дневных делишек условия заказа могли измениться?

– Не уверен, но сомневаюсь, что это могло оперативно дойти до всех исполнителей. Тем более до самых тупых. А что, их и правда меняли?

– За одну твою тушку, Карат, самые жадные люди дают минимум сто горошин.

– Всего-то? Да это, считай, пара цинков паршивых патронов.

– Ты слишком высокого мнения о себе. Это солидная цена для такого бездаря, ты и на половину от нее не тянешь. По Диане все гораздо круче, но с ней непростой вопрос, глаза у нее редкие, мордашка смазливая, в некоторых местах за таких девчонок можно неплохие бабки поднять. В то же время она нимфа, а это многое меняет. Так что не знаю, как с этим вопросом собираются выкрутиться. Это все, что мне известно на данный момент. Если тебе мало, можешь потереться с безопасниками, вот только они ничего нового не скажут. Вы оба сейчас нужны слишком многим, как грамотным, так и не очень. Дегенераты, вроде того, который стрелял, толком зады подтирать не умеют, поэтому что все время забывают, как именно это делается. То есть хронически путаются в простейших бытовых вопросах, не говоря уже о сложных. Вот и он что-то напутал, или тот, кто его послал.

– Я тебе так и говорил.

– Да, с этим никто не поспорит. Что поделаешь, так уж сложилось, даже в Улье правят тупицы. Они многочисленны, дают числом, в силу этого от них нигде не скроешься. Прямо сейчас очередной дурак тоже может все перепутать. Что он выкинет на этот раз? Ракетная установка? Машина с полным багажником тротила? Я, Карат, не слишком уважаю этот город, но Полис платит мне в том числе и за то, чтобы здесь не резвились недоумки со взрывоопасными предметами. А в твоей ситуации гарантировать такое, как ты понимаешь, можно только в одном случае.

– Ты меня прямо-таки выгоняешь...

– Я желаю тебе только добра. И Смит тоже. Мы тебя почти любим, но предпочитаем делать это на расстоянии. Ты же сам все понимаешь.

– Понимаю, вам ведь обоим город платит. Но боюсь, если прямо сейчас попробую выбраться, за периметром встречу длинную очередь желающих снять недетское видео с моим участием и продать Диану извращенцам. На диких кластерах и дуракам куда проще нас ловить, и умным.

– Карат, ну мы же с тобой чуть ли не лучшие друзья, попробуем как-нибудь это порешать. У тебя тут что-то ценное осталось?

– Только кот, но он куда-то слинял после взрыва. Гранд вообще-то смелый, но это же кот, а котам не нравятся громкие звуки, пугаются.

– Да что ты такое говоришь? Да я лично видел, как он попрошайничал на гаубичной батарее во время стрельб, и даже не вздрагивал при залпах. А еще он воет по ночам, будто труба иерихонская, странно, что его тоже до сих пор не заказали за хорошую плату. Твой кот – ценность сомнительная, да и не пропадет такой, уж ты мне поверь, он поумнее тебя будет. Значит, так, предлагаю прямо сейчас переехать в артиллерийскую казарму. Она по центру военного городка, у нас хоть и разгильдяи бездельниками командуют, но подобраться постороннему будет сложнее. Спокойно переночуете, а я тем временем наведу справки у барыг. Тут как раз караван должен уйти, может, получится вас туда пристроить, кое-какие связи у меня есть, да и Полису услугу оказать – это им зачтется. Торгаши пешком не ходят, значит, будет транспорт, и твоему ненаглядному Шусту не придется напрягать свои больные ножки. Такой расклад тебя устраивает?

– Вполне.

– Тогда грузитесь, я сам вас в казарму отвезу, не то вы по пути полгорода разнесете.

Финн настолько остро жаждал, чтобы причиняющие беспокойство свежеиспеченные граждане Полиса как можно быстрее убрались из города, что подсуетился оперативно, уже ранним утром подъехал к казарме с известием, что с купцами все договорено, а их караван отправляется через два часа.

Не так много времени, чтобы как следует подготовиться. Имуществом Карат не оброс, но надо сходить в хранилище, причем сходить с опаской – как бы по пути злодеи не подловили. Там придется забрать все стволы и боеприпасы, столь ценные вещи оставлять нельзя. Затем разберется с больницей: получит последние наставления от врачей, вытащит Шуста, попрощается с Гретой.

Милая женщина с прекрасным характером, неизвестно, доведется ли после такого когда-нибудь свидеться. Разве что Бирон надумает скоропостижно скончаться, но это вряд ли – хитрый урод не подставляется под стандартные угрозы Улья, а в стабе его охраняют, будто священного азиатского императора.

Слишком многие хотят смерти этой скотины, и для Бирона это не секрет.

Шуст может и удивился тому, что сваливать придется прямо сейчас, но лишнего болтать не стал – понятливый. Загвоздка возникла с Гретой. Нет, знахарка не стала устраивать сцену неожиданно отваливающему любовнику. Дело оказалось в другом – она не забыла о его просьбе узнать что-нибудь о людях вроде него и Дианы.

Узнать кое-что особенное, о чем просто обязаны знать именно знахари, но почему-то ничего не знают, на все расспросы только плечами пожимают. Женщина обещала навести справки в своем «цеху» среди удаленных коллег, на это требовалось время – Интернета в Улье нет, и дальней телефонной связи тоже, почтовая служба не налажена, все послания передаются с нерегулярными okazиями.

И вот сегодня наконец что-то забрезжило.

Как же все не вовремя...

– Карат, ты говорил, что знаешь Чтеца.

– Конечно, знаю, он ведь первый знахарь, которого я встретил. Это именно Чтец научил меня, как проще всего активировать дар по желанию. Молодой, но вроде с головой дружит.

– Да, хорошо свое дело знает. Чтец здесь, и он тебя помнит. И у него

есть кое-что для тебя. Я с ним поговорила о вашей проблеме, и он сказал, что интересовался твоим вопросом и кое-что узнал.

– Мне некогда долго разговаривать, караван не будет ждать. Не уйду с торговцами, Финн лично меня повесит, и хорошо, если за шею, ну а Смит перед этим намылит веревку.

– Смит не такой, он спокойный. Да и Финна нервным не назовешь.

– Ты их плохо знаешь. Что бы они ни говорили, но оба очень любят этот город, а вот когда в нем что-то взрывается, не любят до зубовного скрежета.

– Тебе не придется ждать Чтеца, он уже здесь. У нас при больнице есть что-то вроде гостиницы для знахарей. Так принято.

– Если он не спит, я готов. Только недолго, нам и правда надо уходить. Уж прости меня еще раз, но сама понимаешь, иначе никак.

Грета, внешне такая же приветливая, как всегда, на глазах становилась чужой, голос ее был теплым, а вот в словах все меньше и меньше жизни.

– Карат, не оправдывайся, я и так знала, что такие, как ты, навсегда здесь не остаются. Не подходит вам это место, оно недостаточно дикое. Но, конечно, жаль, ты редкий человек, немногие относятся к знахарям, как к обычным людям.

– Это благодаря Диане, за нимфой присматривая, в сторону знахарей коситься не станешь. Ну и тебе грех пенять, что дар неудобный.

– Почему?

– С твоей красотой и не такой простят.

– Если сможешь, возвращайся, тебя всегда здесь будут ждать, – улыбнулась Грета. – И тебе лучше подняться со мной, в гостинице обстановка для разговоров лучше.

* * *

Чтец встретил Карата тепло. Улыбнулся до ушей, будто трехлетний ребенок, горя не знавший, крепко пожал протянутую руку, самодовольно произнес:

– Не удивлен, что ты до сих пор жив, несмотря на то что случилось в Кумарнике. Ты не простой новичок, я сразу это понял – такой талантище невозможно не заметить.

– Может, я и талантливый, вот только с талантами у меня проблема.

– Да, я уже в курсе, Грета рассказала. Да и до этого твоим случаем интересовался, ты же еще тогда, в Кумарнике, меня конкретно озадачил. Я

в Улье недавно, опыта всего ничего, но иногда встречаю серьезных знахарей, а у нас принято обмениваться интересной информацией. Давай сам поясни, в чем твоя проблема.

– Грета тебе все рассказала.

– Грета – совсем не то. Давай сам рассказывай.

– Хорошо, но учти, что времени у нас в обрез. Так что не тяни.

– Я понял, но тут все же придется немного потянуть.

– И что мне потом делать прикажешь? Караван пешком догонять?

– Постараемся до такого не доводить. Ну так в чем твоя проблема?

– Ты помнишь, что мне досталась жемчужина в самый первый день?

– Да, тебе пришлось принять ее еще до проявления дара Улья.

– Верно. Дальше получилось так, что дар активировался сам по себе.

– Это я тоже не забыл, и ничего странного в таком нет, ведь спонтанная активация – известное явление. Редкое, конечно, но Улей большой, в нем самые разные вещи случаются. У таких, как ты, она почаще случается, и со своими особенностями.

– Несколько недель назад я выполнил непростое задание, и по результатам меня наградили белой жемчужиной. Но выставили условие – принять эту жемчужину надо было сразу, без проволочек. Пришлось так и сделать. С тех пор прошел уже не один десяток дней, но никакой активации нового умения в помине нет. И Грета уверяет, что второго умения во мне не видит, даже зачатки не просматриваются. Я делал все, что она мне говорила, но результатов все равно нет. А ведь это была не простая жемчужина, а белая. Она идеальная, она много что может, а я новичок с одним умением, от нее я должен был гарантированно получить прилично развитое умение – второй подарок Улья. И, как ты понимаешь, меня напрягает то, что ничего подобного не произошло.

– Конечно, понимаю.

– Продав такую штуковину, я мог бы безбедно жить в нормальном стабе не один год, бед не зная. А так, получается, спустил ее в унитаз. К тому же у меня случайно объявилась новая знакомая – Диана. С ней похожая ситуация, ее дар тоже активировался спонтанно, уже после приема жемчужины. И жемчужина не из простых – тоже белая. Другие она с тех пор не принимала, но не удивлюсь, если и у нее возникнут похожие проблемы, ведь ситуация почти один в один.

– Белая жемчужина, ну надо же, как здесь ими разбрасываются. – Чтец покачал головой. – А твой первый дар, с ним как?

– С ним полный порядок.

– Он развивается?

- Вроде бы да.
- Что значит – вроде бы?
- Я не вполне в этом уверен.
- Почему?

– Потому что поначалу я использовал его, скажем так, топорно, до смешного доходило. Сливал все в ноль одним махом и превращался в выжатую тряпку. Со временем поднабрался опыта, научился экономить, а не тратить все резервы за один раз. Теперь могу быстрее входить в режим ускорения, действую при активированном умении дольше и много чего при этом успеваю, а не просто подхожу и бью по башке. Мышцы и суставы при этом почти не напрягаются – или тело привыкло к перегрузкам, или приловчился, или это побочный эффект развития дара. И я понятия не имею, помогла в этом вторая жемчужина и горошины или я просто освоил разные возможности этого подарка.

– Да о тебе уже легенды слагают.

– До меня они доходили, и в основном это лютый бред. Людям только дай повод потрепаться, такого насочиняют...

– Ну да, о клоктопперах вроде тебя без небылиц никак не обойтись. Редкий дар, и еще реже он бывает полезным. Носители ускоряются или слабо, или совсем уж на чуть-чуть и шагу сделать не успевают, толку от этого почти нет, разве что ствол успеть выхватить по-ковбойски. Ты, если хочешь, закури.

– Не травлюсь.

– Тут куревом не отравишься, но все равно правильно делаешь. Только почему пальцами перебираешь? Я так у некоторых курильщиков видел, когда им неважно становится.

– Прошлым вечером меня пытались убить, перед моим окном взорвалась граната.

– Смотрю, ты тут от скуки не страдаешь.

– Граната непростая, такая могла легко разворотить полдома. При взрыве меня приложило об стену, ладонями стукнулся, отшиб слегка. Теперь вот шевелю, разрабатываю, а то как деревянные.

– Это правильно, что шевелишь: чем больше и разнообразнее нагрузка, тем быстрее восстанавливается подвижность.

– Насчет этого я в курсе. Ты лучше скажи, что не так со мной и с жемчужиной?

- Ты хиггер. И твоя Диана тоже.
- Даже не знаю, радоваться или плакать.
- Я так понимаю, что это слово ты услышал впервые?

- В точку.
- Я узнал его недавно, от институтских. Тебе о них известно?
- О них никому толком ничего не известно.
- Это ты тоже в точку попал, любят они на себя загадочность наводить.
- Институтские вроде как занимаются научными исследованиями.
- Не совсем. Они пытаются понять суть Улья при помощи рациональных методов познания.
- Вообще-то это и есть наука. В смысле, научный подход.
- В принципе ты прав, но здесь, в Ульяе, все запутано, и такая правота не всегда работает. Доходит до того, что откровенные секты объявляют себя великими научными учреждениями, иногда даже подражают институту во всем, включая название. Но настоящий институт у нас всего один, просто институт, с маленькой буквы, так же, как солнце Улья, а все остальное – даже не его клоны, а примитивные подделки, не имеющие к нему отношения. Вроде Института Постижения Сути Стикса и его так называемых сотрудников – инпостеров, или просто ипсов. Название, на первый взгляд, не сильно отдает мракобесием, а по сути та еще секта, от науки там ноль, а все замешанные – конченные живодеры. Они там опыты над людьми проводят, причем такие, что даже внешникам тошно становится. Внешники вроде бы крышуют инпостеров, а те взамен работают на них. Проводят исследования, которые заказывают ученые внешников, тем ведь приходится думать о стерильности и мерах безопасности, а это ограничивает.
- Я так понимаю, что эти ипсы по сути – муры.
- В принципе мы их валим так же, как муров, суть и правда одна, но вообще-то они отличаются. Муры – это в основном совсем уж тупое быдло, умничать – это не для них, а ипсы любят строить из себя великих ученых, хотя сами у внешников на положении младшего лагерного персонала, набранного из эков. Думаю, когда нацисты людей в концлагерях на опыты пускали, там тоже таких помощников хватало.
- Ладно, о хигтерах ты узнал у институтских. И что дальше?
- А дальше никто ничего полезного не сказал. Они вроде бы изучали это явление по отдельным случаям, есть база, но база мизерная, статистика по ней ни о чем. Хигтером у них называют любого новичка, который успел принять жемчуг до активации дара Улья. Единственный тонкий момент – принять желательно в первый или второй день, уже на третий рискуешь опоздать, но, скорее всего, сработает, а вот на четвертый – шансов почти нет. То есть станешь хигтером только по названию, а по факту вряд ли

будешь серьезно отличаться от основной массы иммунных. В общем, на срок многое завязано, один час разницы приема может привести к разным последствиям. С тобой, как я понимаю, все однозначно – это случилось в первый день, то есть ты натуральный хигтер. С твоей Дианой – не знаю.

– Скорее всего, она тоже поторопилась со своим белым шариком. Это я в том смысле, что Диана вписывается в твои сроки.

– Я понял. Значит, вы оба одного поля ягоды, хотя ее случай, возможно, интереснее твоего. Не факт, что в базе институтских найдется что-то похожее, белая жемчужина, как ни крути, самая серьезная тема. Если, конечно, не брать жемчужину Бога, но это, скорее всего, сказка. Хотя, конечно, как знать, тут сказки любят становиться былью. Ладно, извини, отвлекся. В общем, с хигтерами все неоднозначно и непредсказуемо. Одно у них почти всегда совпадает – их дар сразу после активации развит заметно выше, чем изначальный дар обычного иммунного. Иногда умение получает дополнительный сильный эффект или несколько эффектов. Институтские рассказывали историю хигтера, который получил дар видения в полной темноте, но видел недалеко и смутно. Затем контрастность резко повысилась, хотя до дневного зрения картинка все равно недотягивала. Спустя какое-то время в его поле зрения начали подсвечиваться тепловые аномалии.

– Человек-тепловизор?

– Вроде того. Прошло еще немного времени, и он начал засекал тепловые аномалии за любыми преградами. Затем дар развился до состояния, когда он начал легко отличать аномалии биологического происхождения от всех прочих. А потом он научился различать ментат-метки на большом расстоянии за любыми преградами. Представляешь, что это значит?

– Ищейка, от которой нигде не скрыться.

– Вот-вот. Его начали ценить выше, чем самого крутого сенса, закрыться от таких глаз не могли ни твари, ни иммунные, ни внешники, и его новое зрение доставало на пару километров до любого, никакая защита не спасала. Такая вот эволюция изначально ничем не примечательного умения.

– А что с ним дальше стало?

– Дальше он выпал из поля зрения институтских, информации нет. Возможно, погиб.

– Ну да, в Улье такое случается.

– Ага, верно подмечено. Как видишь, плюсы у хигтеров есть, но и без минусов не обошлось. У многих хигтеров дар как бы застывает, то есть

вообще не развивается. Какой получили изначально, таким и остается.

– Это и меня касается?

– Не перебивай. Такая же ерунда с получением очередного дара. Хоть время выжидай, хоть жемчуг горстями лопаешь, а он все равно не проявляется.

– Жемчуг горстями есть нельзя, даже пара одновременно принятых жемчужин тебя прикончит.

– Я образно выразился.

– Ко мне можно отнести и то, и другое: то ли у меня дар застыл, то ли развивается хитро.

– Ну да, все верно. Больше ничего полезного из институтских выжать не удалось. Если и есть что-то еще, они это чужим не выдают, хрен узнаешь, строго там, тоже своего рода секта, только на науке повернутая. Наводил справки среди знахарей, они тоже ничем не помогли. Но не делай такие страшные глаза, я бы не стал отнимать твое драгоценное время, не будь у меня полезной информации.

– Ну так мог бы с нее и начать.

– Все, что я рассказал до этого, тебе тоже полезно узнать.

– Не спорю. Но давай уже, не тяни резину, времени и правда немного, мне еще кота найти надо.

– Он все еще с тобой?

– Да привязался ко мне, как собака, куда же я его дену?

– Прикольная зверюга.

– Давай ближе к теме.

– В общем, так – тебе нужен знахарь.

– Ну так я его уже нашел.

– Нет, ты не понял. Знахарь тебе нужен не первый попавшийся, не такой, как я или Грета, а самый крутой. Такой, круче которого не найти. Легендарный знахарь.

– И где мне его взять?

– Вот это хороший вопрос. В нашем регионе Улья вроде бы один легендарный знахарь имеется. Но о нем никто ничего не слышал вот уже несколько лет. Сведения, что кто-то видел его пару месяцев назад за Песочными Часами, недостоверные, а все прочие намеки бесполезные, потому что относятся к покрытым мхом временам. То есть он мог куда-нибудь перебраться или погибнуть. В последнее верится слабо, потому что убить легендарного знахаря – целое событие. Понимаешь, это уже не совсем человек. Зараженные эволюционируют, но и нас это тоже касается. Столкнешься с теми, кто прожил здесь хотя бы лет двадцать, заметишь

отличия. Вот и его это коснулось, он в Улье уже полвека или больше, тебе даже не снились возможности такого знахаря. О его смерти должны были пойти новости, но по всем каналам тишина полная, а уж мимо меня такое не пройдет, как-никак коллеги. Не верю, что он мог пропасть так, чтобы об этом никто не узнал. Не человек, а почти бог, его дар знахаря дорос до таких высот, что он мог поднимать из мертвых.

– Так не бывает.

– Бывает, Карат, в Улье и не такое бывает. Слышал легенду о знахаре, который мог раз в год, а может, в месяц делать любого новичка иммунным?

– Я много разных сказок успел наслушаться.

– Это не сказка, это реально работа легендарного знахаря. Просто так знахаря легендарным называть не станут, такие и правда способны устраивать чудеса. Ладно, пусть это будет не божество, а просто великий пророк. Тебя такой вариант устроит?

– Истории об оживлении парней с оторванными головами я тоже слышал. Как-то не верится...

– Не уверен, что пришивание башки по силам легендарному, но однажды такой знахарь вернул к жизни утопленника, пролежавшего на дне реки больше часа в теплой воде. Это известный случай, даже у институтских задокументирован.

– Ну в такое, пусть и с трудом, я поверить еще смогу. Ты считаешь, что лишь знахарь-легенда поможет мне разобраться в проблемах с даром?

– Если не он, то кто? Тебе обязательно надо с таким пообщаться.

– Я только за, но так и не понял, где мне искать этого великого корифея знахарского искусства.

– Хорошо сказал. И вот тут, к сожалению, я тебе не помощник. Я ведь простой знахарь, а не сыщик, а Силур выпал из нашей компании еще до того, как исчез окончательно. Мы все индивидуалисты, но он в этом любого переплюнет.

– Значит, я должен найти знахаря по прозвищу Силур?

– Да, в последний раз его звали Силуром. Достоверно известно, что он засветился неподалеку от Озерска – одного из самых известных стабов нашего региона. То есть группировки стабов.

– Ну да, известный, о нем даже я слышал.

– Сведения об этом случае не такие уж и достоверные, и вообще, это было года четыре назад, если не больше. Но в сравнении с остальными случаями этот выглядит правдиво.

– Ты даже точную дату не знаешь?

– Здесь что четыре года, что пять – почти вечность. Это же Улей.

– Если я продолжу употреблять горошины и жемчуг, это добро будет пропадать впустую?

Чтец пожал плечами:

– На такой вопрос тебе никто не ответит. Разве что Силур и люди вроде него, или институтские захотят помочь, или килдинги поделятся секретами.

– Килдинги могут знать такие тонкости? Ведь это просто сектанты.

– Вообще-то это самая опасная секта, и самой опасной ее назначили не просто так. У них большие возможности, они сила, с которой приходится считаться, и они тут уже неизвестно сколько лет промышляют, чуть ли не вечность. Говорят, первые килдинги – это египетские или даже вавилонские жрецы, попавшие в Улей, хотя, думаю, это они сами о себе такие слухи распустили вроде рекламы. Но даже институтские признают, что те, возможно, сохранили самые первые знания. То есть помнят времена, когда здесь все только-только завертелось. В общем, не факт, что с ними кто-то сможет сравниться в объеме знаний об Улье. Килдинги – самая старая и самая непонятная секта. Я слышал о них разное, в том числе настолько противоречивое, что в голове не укладывается. Никто даже приблизительно не скажет, когда именно она появилась. И все это время они собирали информацию, которой ни с кем не делились. Они и сейчас это делают, у институтских любимая тема – искать их агентов среди своих людей. Шпионят ловко.

– Сомневаюсь, что килдинги захотят мне помочь.

– Да я и сам в такое не верю, просто упомянул их как некий источник, в котором, не исключено, можно найти ответы по твоему случаю.

– Понял: или Силур; или институт; или килдинги. Кто-то из них может знать то, что мне нужно, а может, и все сразу.

– Необязательно Силур, есть и другие знахари вроде него. Но они или бесконечно далеко отсюда, или сгинули, как он, только пораньше. Высшие знахари – редкость, в том числе и потому, что у них почему-то принято исчезать.

– Тебе это не кажется странным?

– Я пока над этим не задумываюсь. Доживу до их уровня, сам все узнаю. Это моя стратегическая цель, мне идти до нее еще очень долго, торопиться некуда.

Кот будто под землю провалился. Карат прошелся по всем перспективным местам, где серый регулярно показывался, но не нашел ни Гранда, ни тех, кто его недавно видели. Даже промелькнула нехорошая мысль, что полосатый друг ухитрился дать дуба после ночного взрыва на почве стресса, но тут же ее отбросил – не настолько он слабонервный. Успел рассмотреть, как хвостатый бодро улепетывал в направлении двери, а там для него устроен прикрытый подвижной крышкой лаз. Когда съехал из казармы снабженцев, специально присматривал жилье, оборудованное для проживания домашних животных.

Вид у кота в тот момент был не сказать, что сильно перепуганный. Бывало хуже, и всегда переносил это нормально.

А между тем до отъезда оставалось всего ничего. Маловероятно, что Финн, Смит и прочие будут в восторге, узнав, что объект беспредельной охоты остался в городе только из-за того, что не сумел разыскать своего кота.

Бросить Гранда – немыслимо. Он пусть и кот, но кот необычный и, по сути, верный друг и член семьи. Уже столько раз выручал Карата – трудно вспомнить. Взять хотя бы случай этой ночью: ведь не появись серый вовремя, Карат бы так и сидел, беспечно потягивая пиво в компании Юпсика до момента прилета гранаты, предназначенной для уничтожения начинки фортификационных сооружений. Выжечь в один миг скромную квартиру – для такой хреновины вообще не вопрос.

Ну и где прикажете его теперь искать?

– Вы, случайно, не этого красавца разыскиваете? – негромко спросил ничем не примечательный мужчина, в одиночестве сидевший на длинной лавочке.

Карат видел лишь его голову, все остальное скрывали кусты, вымахавшие по обе стороны аллеи. Невысокие, но густые ветки усеяны мелкими белыми соцветиями, источавшими приторный аромат. Сидеть возле таких не всякому понравится, поэтому уголок тихий, людей поблизости не видать, сразу подумалось, что в сложившихся обстоятельствах от общения с незнакомцами следует уклоняться всеми возможными способами.

Все так, но Карат не заметил ни малейшего намека на угрозу и к тому же был заиклен на поисках пропавшей животины. Поэтому, готовясь в любой миг ускориться, без проволочек подошел к проходу в зарослях и наконец увидел Гранда. Тот расселся в позе сфинкса бок о бок с заговорившим мужчиной и делал вид, что блаженно подремывает, никого вокруг не замечая.

То есть на Карата даже не взглянул.

– Это ваш кот? – продолжил незнакомец странно ровным, почти отстраненным голосом.

– Мой. Спасибо, что сказали, по всему городу эту сволочь искал.

– Коты – неглупые животные, а это один из лучших представителей их племени, у него глаза словно у человека, только умнее. Очень необычный кот. Не стоит его сейчас беспокоить, пусть посидит немного. Он знает, что так будет лучше. Для всех лучше.

Карат, оглядевшись, не заметил ничего подозрительного, если не считать этого странно ведущего себя человека. На головореза не похож: голос сонно-спокойный, вид умиротворенный, расслабленный, руки на виду держит, одежда скромная, под такой смертоубийственные вещицы прятать сложно, ни малейшего намека на хитроумный подвох. Такому можно тридцать лет дать, а можно все сорок пять – внешность и манера речи сообща работают на то, чтобы скрыть точное значение индекса возраста.

А еще, несмотря на идеальное произношение, складывается впечатление, что русский язык для этого человека не родной. Он его прекрасно выучил, немало времени провел в среде носителей, но на все сто процентов так в нее и не вписался.

То, что незнакомец не казался опасным, не успокаивало, в Улье только самоубийцы полагаются на свои ощущения. По-прежнему готовясь в любой миг ускориться, Карат начал приближаться к лавке, спокойно при этом проговорив:

– Я знаю, что ему нужно. Ему так же, как мне, пора идти, мы торопимся.

– У вас еще есть немного времени. Поверьте, лучше провести его, посидев со мной среди этой зелени. Вы ведь намереваетесь идти напрямиком к «Караванному двору», а сейчас для этого не самый лучший момент.

Чувствуя, как от желания стиснуть сталь звездочки начинают зудеть кончики пальцев, Карат, чуть напрягшись, повысил тон до требовательного:

– Отодвиньтесь от кота. Сидите ровно, руки держите на виду.

– Карат, вы лучше сразу прикажите, чтобы я их поднял как можно выше. Если хотите, могу на землю лицом вниз лечь и сложить ладони на затылке. Это вас успокоит или мне следует задуматься о более радикальных вариантах снятия вашего нервного напряжения?

– Кто вы такой?

Незнакомец повернул голову, одновременно поднимая солнцезащитные очки, и Карат увидел его глаза. Серые, будто пеплом

подернутые, взгляд погружен в себя, нет сомнений, что этот человек повидал слишком много, его уже трудно чем-то расшевелить. Оттого и голос такой – ровный, без интереса, отстраненно-монотонный.

Глаза двухсотлетнего старца на лице крепкого мужчины, которому не дашь и четвертой части такого срока.

А если опустит веки, скрыв глаза бесчувственной рептилии, то вмиг тридцатилетним станет – ни года больше не дашь.

– Да кто вы такой? – с удивлением повторил Карат.

– Прежде всего должен сказать, что я тот, кто не собирается причинять вам вред. Понимаю, что в сложившейся ситуации приходится подозревать всех и вся, но я действительно не отношусь к тем людям, которые мечтают обзавестись вашей головой, хотя осведомлен о том, что на вас открыта охота. Спасибо Улью, я умею договариваться, а эта способность помогает узнавать многое. Не обольщайтесь по поводу моей незаинтересованности в вашей смерти, ведь если когда-нибудь наступит ситуация, при которой придется вас убить, я это сделаю без колебаний. Но о корыстных побуждениях не может быть и речи, мне потребуются повод повесомее денег. Так что сядьте и не нервничайте. Успокойтесь, расслабьтесь, сейчас вам ровным счетом ничего не грозит. Вижу недоверие в ваших глазах, но Улей подсказывает мне, что в глубине души вы уверены – я говорю чистую правду.

При всей странности и тревожности ситуации нельзя не согласиться, что незнакомец попал в точку. Карат почему-то ему верил, хотя и не переставал контролировать местность на предмет возможной западни. Судя по безмятежному поведению кота, все спокойно, но у Гранда случались промахи с выявлением угрозы, всецело хвостатому доверять нельзя.

– Ну если так меня опасаетесь, можете стоять, – равнодушно произнес странный тип и пожаловался: – Вообще-то я здесь голубей кормил. Понимаю, что это просто грязные птицы, но процесс мне нравится. Ваш зверь всех пернатых распугал, да еще и половину лавки занял. Хулиган полосатый, глаза честные, а сам бандит бандитом. Мне кажется, он специально пришел. Хотел, чтобы мы пообщались. Необычный зверь, такие встречаются редко, ими очень интересуется институт. Да и мне, признаюсь, интересно, что у него в голове.

– Что вам от меня надо? – спросил Карат.

– Ровным счетом ничего. Вы, разумеется, не поверите, но наша встреча – или случайность, или происки вашего кота. Я приехал сюда не ради вас, так уж сложилось, что именно здесь и именно сейчас мне приходится оказывать содействие своим людям. Все дело в том, что двое из них

неожиданно попали в затруднительную ситуацию. Но она уже практически разрешилась, так что я вот-вот покину этот милый стаб, и очень может быть, что мы больше никогда не увидимся. В таком случае очень жаль, ведь вы интересный человек, у вас короткая, но яркая биография, да и награда за вашу голову высока для новичка. Под биографией я подразумеваю вашу новую жизнь.

– Я понял.

– Мало ли, всякое в жизни может случиться, если вдруг сильно захотите увидеть меня еще раз, поищите Пастора. Прозвище в этих краях встречается нечасто, его нетрудно запомнить, просто сделаете себе зарубку в памяти, что вам нужно перевести слово «пастух» на латинский. Наш мозг любит ассоциации, чем их больше, тем выше шанс, что важная информация сохранится. Заодно запомните, что я умею договариваться, это тоже важно. Какой же вы подозрительный, Карат, свернете шею, если будете без конца озираться, ну нельзя же так нервничать. Первый раз встречаю настолько напряженного человека. Расслабьтесь уже, вас ждет непростая дорога, начинать ее надо отдохнувшим и умиротворенным.

– Я, должно быть, плохо объяснил. Повторю еще раз: кто вы такой и что вам от меня надо?

– В свою очередь, охотно повторю – я Пастор, мое прозвище легко запомнить. И от вас мне не нужно ровным счетом ничего, хотя не могу не признать, что вы меня интересуете. Но это праздный интерес, я сюда пришел не ради вас и уж точно не ради вашего кота. Вы случайно подвернулись, а вся информация по вашей персоне поступила ко мне в одном пакете с новостями Полиса. Я говорю не о тех новостях, которые показывают по местному телевидению.

– И в чем же выражается ваш праздный интерес?

– Все необычное – интересно. Вы хигтер, а это уже само по себе выделяет вас из скопления рядовой биомассы. И вы не просто хигтер, а хигтер щедро одаренный Ульем и удачливый, способный раз за разом выживать там, где это получается далеко не у всех. О вас идет похвальная молва, и это при том, что вы недалеко ушли от новорожденного. Я не о возрасте, я о том, как долго вы пробыли здесь, в Улье. И, наконец, вас выделила одна из высокопоставленных жриц высшего храма, а она редко снисходит до таких, как вы, и лишь в том случае, когда что-то в них замечает. А видеть она умеет то, что для адептов вроде меня скрыто.

Карата последние слова, мягко говоря, ошарашили:

– И вы вот так, запросто, посреди стаба, набитого людьми, которые могут вас повесить прямо на этой аллее, признаетесь, что состоите в секте

килдингов?!

– Секта, религия, верования... Все это лишь пустые слова, пепел напрасных мыслей, глупое и сиюминутное. Вечно лишь учение и сокровенное знание, и я не скрываю, что следую за первым и помню второе. Не ищите в моих словах подвох, я говорю лишь то, что говорю.

– А я вот ищу, потому что вы подозрительно спокойны. А ведь после такого признания вас следует притащить к местным мастерам допросов. Может быть, даже награда за голову полагается, за муров здесь точно платят.

– И за меня заплатят, если не сглупите, причем хорошо, не сомневайтесь. Но это такие же пустые слова, вы не станете меня выдавать.

– Уверены?

– Да, Карат, уверен. Я ведь уже говорил, что вы не такой, как большинство. Здесь слишком многие существуют и мало кто живет. Вы по мере сил пытаетесь жить или вот-вот начнете пытаться, а у таких есть шанс протянуть долго. Очень долго, по меркам внешних миров, и при этом не столкнуться со старостью, все это время ваш ум будет функционировать с полной отдачей. Вам не доводилось слышать утверждение, что старожилы Улья трудно называть обычными людьми?

– Слышал.

– Здесь вопрос скорее не в возрасте, а в скорости постижения мира. Вы человек думающий, рано или поздно перед вами неизбежно поднимется вопрос смысла. Смысла нашего существования. Кто-то ищет ответ в чистой науке, другой в религии, третий пытается разыскать истину при помощи и того, и другого, а всем остальным остаются поиски на дне бутылки и прочие печальные излишества. По-другому эти слепцы искать не умеют, а прозреть не успевают, Улей отказывается от них раньше, ему неинтересны влачащие растительное существование. Любопытно, какой путь выберете вы, но, к сожалению, пока что вам об этом думать рано – не тот случай, когда с первых шагов начинаешь задавать такие вопросы.

– Я так понимаю, вы начинаете вербовать меня в свою секту?

– Мы не секта, и мы никого не вербуем.

– Да неужели?..

– Странно, конечно, но все обстоит именно так. Видит Улей, я всегда максимально правдив. Нам это не нужно, к нам приходят сами, сознательно, и желающих много, можно сказать, очереди выстраиваются. Приходят только те, кто нуждаются в ответах.

– Значит, ответы... Чтец – ваш человек?

– Я не знаю никакого Чтеца, но не исключено, что вы правы. С нами

даже многие непосвященные рады делиться знаниями, можете называть таких помощников послушниками. Они еще не созрели, но идут правильным путем.

– И часа не прошло, как Чтец говорил, что килдинги много чего знают о хигтерах, а у меня как раз накопились вопросы на эту тему.

Незнакомец покачал головой:

– С подобными вопросами не ко мне. И да – это просто забавное совпадение, Чтец и я никак не связаны, никто не мог поручить ему дать вам такую информацию, в этом можете быть уверенным. Ваш стаб, к сожалению, лежит в стороне от наших интересов, так что в данный момент я самый старший представитель нашей организации на этом кластере, мимо меня такие действия пройти не могли. Вы мне просто интересны, так почему бы не перекинуться парочкой слов, раз уж вы мимо проходили?

– Я враг вашей секты.

– Почему вы так считаете?

– Я вмешался в ваш ритуал, погибли люди. В том числе ваши люди.

– И почему это должно сделать вас нашим врагом?

– Вообще-то так принято – кровь за кровь.

– Карат, прекратите страдать смешной ерундой. Люди – самый дешевый ресурс Улья, странно, что вы до сих пор это не осознали. Всякий ритуал, безусловно, можно считать важным, но в вашем случае не вижу причин для подобных опасений. Раз все пошло не так, как должно было идти, значит, так тому и быть. Возможно, вашу руку тогда направлял сам Улей, ведь его влияние на наши поступки несомненно. Вижу скепсис в ваших глазах, но оглянитесь, вспомните себя прежнего и сравните с нынешним. Наверняка уже заметили, что временами ваши деяния противоречат всему тому, что случалось с вами раньше. И кое-что странное, необъяснимое, о чем не говорят даже с друзьями, возможно, уже замечали или вот-вот заметите. Вы наверняка наблюдательны и вдумчивы, значит, такое не пропустите. Но я слегка отвлекся. Получается, на всех нас влияет Улей, и на вас в том числе.

– Я слышал более правдоподобное объяснение странностей поведения иммунных.

– А я слышал их множество: регулярный прием раствора споранов, между прочим, одного из ингредиентов для производства сильнейшего наркотического препарата – спека. Сам раствор не имеет отношения к наркотикам, но у нас нет полной картины механизма его воздействия. А еще надо учитывать такой же регулярный, если не чаще, прием алкоголя со все тем же живчиком. Доза спирта в нем обычно невысокая, но все же

влияние оказывает. Ну и плюс ко всему – слишком частые стрессы, в том числе и главный стресс, изначальный, связанный с переносом в Улей, его избежали лишь рожденные здесь, чем некоторые объясняют их непохожесть на обычных иммунных. Далеко не все приходят после такого потрясения в себя окончательно, люди повально теряют уверенность в себе, когда осознают, что утратили место на вершине пищевой пирамиды, да и пирамида теперь какая-то неправильная. Отсюда массовый суицид, ломка характеров, проявление вредных и омерзительных привычек, панические атаки, уродливые сексуальные девиации и прочее-прочее. Существуют и другие объяснения, все сразу и не вспомнишь. Также на то, что мы не такие, как прежде, указывают статистические исследования, проводимые институтом. По их данным, в среднем у нас сдвинуто практически все: агрессивность, социальное поведение, те же сексуальные предпочтения, способность усваивать и анализировать информацию и прочее-прочее. От старых текстов толку нет, они написаны для нормальных людей, а не для нас. Мы согласны с институтом в том, что в чем-то стали другими из-за пережитого и того, что продолжает на нас давить, но добавляем к этому фактор непосредственного влияния Улья. Того, что чистой наукой пока что объяснить не получается. Ох, простите меня, Карат, что-то заговорился я с вами.

Незнакомец поднялся, изобразил намек на поклон:

– Вы знаете, как меня зовут, и при желании всегда сможете поискать встречи со мной. Возможно, когда-нибудь мы продолжим этот разговор, я не прочь узнать новое и уверен, у вас со временем найдется, чем поделиться. Помните, Ульяю нравятся пытливые умы, главное, не позволять мыслям разбегаться по кривым дорогам. А сейчас вынужден вас оставить, дела не ждут.

Пастор направился через проход в кустах к дороге и, не оборачиваясь, добавил:

– И все же рекомендую присесть на эту чудную лавочку и всего лишь одну минутку посидеть спокойно. Даю слово – вы не пожалеете о таком поступке.

Тихо урча двигателем, подъехала машина, такая же неприметная, как этот странный человек. В смысле, для Улья неприметная. В прежней жизни дорогой мощный внедорожник, грубо обшитый стальными листами и решетками, выглядел бы очень даже приметно.

Карат, проводив взглядом удаляющийся автомобиль, без церемоний ухватил Гранда и поспешно зашагал в сторону «Караванного двора». Кот на его действия отреагировал недовольным «мяу», на что получил подробный

и строгий ответ:

– Некогда мне с тобой цацкаться, паразит серый, там Диана с Шустом уже с ума сходят. Лазаешь тут с разными подозрительными типами, а у нас, между прочим, времени вообще нет.

Кот еще раз мяукнул, а затем впереди сверкнуло и тут же дико грохнуло, после чего Карат сам не понял, как оказался на асфальте, причем в местах ободранной и запыленной одежде.

Приподнимаясь, потряс головой. Похоже, серьезных повреждений нет: лицу маленько досталось; ладонь рассадил; возможно, коленом стукнулся до крови. Но взрывной волной приложило на совесть, почти оглох, звуки будто из бездонной бочки доносятся. Кот, гадина, улепetyивает без оглядки, неподалеку кто-то орет от невыносимой боли, вот вроде бы выстрелили, а вот донеслись осознанные слова.

Обернувшись, увидел склонившегося над ним смутно знакомого мужчину. Где-то он его уже видел... А, ну да, это ведь один из местных безопасников. Мелкого телосложения, должность еще мельче, только тем и занимается, что патрулирует окраинные улицы, в других местах на глаза не попадался.

– Ты в порядке?! Ранен?! – донеслось из все той же бездонной бочки.

– Норма. Минутку дай. Что случилось-то?

Безопасник вместо ответа повернулся к подбежавшему коллеге и задал аналогичный до последней буквы вопрос:

– Что случилось-то?

– Что-то рвануло в Арсенале, левое крыло расхреначило.

– Да что там могло так рвануть?!

– Не знаю, нечему было рваться, там только камеры да комната для допросов. Сегодня почти пусто, только Винт из комендатуры сидел, он вчера опять в китайском ресторане расизм устроил, и утром пару каких-то мутных типов привезли, я сам не понял, за что их закрыли. Хана там всем, похоже.

Карат начал подниматься, заодно вспомнив последнюю просьбу странного сектанта. Тот всего-то и просил посидеть минутку на лавочке. Зря не послушался мудрого совета, в таком случае остался бы на безопасной дистанции в момент взрыва.

А еще Карат вспомнил, что Пастор рассказывал о парочке своих людей, которым требовалась помощь, и ситуация с ними практически разрешилась.

Карат не знал, как сектанты сумели проникнуть в одно из самых охраняемых зданий Полиса, но мог с кем угодно и на что угодно

поспорить, что под развалинами найдут тело хронического дебошира Винта, возможно, еще кого-нибудь из сотрудников арсенала, но упомянутая безопасником мутная парочка испарится бесследно.

Блин, да эти килдинги при желании могли убить его с куда меньшим шумом, где угодно. Вон даже режимный арсенал для них проходной двор. Теперь понятно, почему в голосе Пастора то и дело проклевывалась ирония.

Посмеивался над недотепой, который свято верит, что, оглядываясь по сторонам, избежит гибели от рук киллеров самой опасной секты Улья.

* * *

– Карат, что с тобой?! У тебя кровь на лице! – воскликнула Диана.

– И где тебя носило, тетеря сонная?! Мы тут уже икру мечем, барыги опоздавших не ждут! – одновременно с ней выдал Шуст.

Проигнорировав их восклицания, Карат спросил о своем:

– Кот сбежал, не видели его?

– Твой кот сожрал мою рыбку и спрятался в машине! – чуть ли не со слезами воскликнула Диана. – На минутку всего отвернулась, а он тут как тут. Блин, ну почему я ее раньше не выпустила! Этот гад уже чуть ли не полчаса прячется, боится мне на глаза показаться!

– Ничего он не боится, он рыбку твою переваривает, – ухмыльнулся Шуст.

Молниеносно развернувшись, Диана нацелила ему в грудь указательный палец с узким, хищно вытянутым ноготком и, шипя разозленной гурзой, чеканя каждое слово, произнесла:

– Еще раз такое скажешь, каждое утро будешь приносить мои тапки и радостно повизгивать!

– Она сможет, – добавил Карат, обтирая рассеченную скулу платком сомнительной чистоты.

– Вы с такими вещами лучше не шутите, – резко напрягся Шуст.

– Так что с тобой? – вернулась к изначальному вопросу Диана.

– Да ерунда – с асфальтом поцеловался. Вы погрузились? Давайте в машину, я уже сыт по горло этим Полисом. Тихое спокойное местечко, благодать сплошная, ну как же...

Теперь лишь бы торговцев не задержали для расследования на предмет причастности к взрыву. Потому как вопросы могут задавать в том числе и пассажирам, и мало ли как дальше все обернется. Вдруг выяснится, что он

накануне случившегося мило общался с килдингом, видел машину, на которой уезжала их шайка, и никому ничего не доложил, хотя в кармане у него лежал телефон, и Карат прекрасно знал, куда следует звонить в таких случаях.

А ведь и правда мог позвонить. Что остановило?

Да хрен его знает что, но почему-то сомневается, что поступил правильно. К тому же шестое чувство подсказывало, что тема с сектантами на этом не закончится, продолжение неизбежно.

Один раз с ними столкнуться – случайность. Два – уже статистика.

Или судьба.

Валить отсюда надо, в темпе валить, Карат и правда сыт по горло этим милым с виду стабом, где в каждом шкафу припрятано по два скелета, и могут пришить посреди главной улицы за горсточку потрохов, вырезанных из паразитных наростов на затылках кошмарных созданий, которые когда-то были обычными людьми.

И как ему в голову могла прийти мысль, что здесь можно пристроить Диану? Жуткое место, на диком кластере среди изголодавшихся мертвяков куда спокойнее.

Глава 8

С транспортом в Улье все непросто. Нет, он сыплется в огромных количествах при нескончаемых перезагрузках, но то, что ценится на старой доброй Земле, здесь далеко не всегда пригодно для использования. По прикрытому хорошо охраняемыми периметрами стабу ты можешь колесить на чем угодно, хоть на самом заниженном спорткаре, если тамошние власти поддерживают дорожное покрытие в надлежащем состоянии. Но вот по стандартным кластерам ты на таком, может, и сумеешь колесить, но вряд ли это затянется надолго. Там, конечно, скорость тоже лишней не бывает, но к ней нужны дороги хорошие и водители лихие, что не всегда совпадает, так что не меньше (а в большинстве случаев гораздо больше) ценятся защищенность, надежность и вооруженность.

Поэтому в первую очередь иммунных интересует бронетехника. Любая: древняя и современная, в идеальном состоянии и на ладан дышащая – лишь бы корпус не развалился, все остальное в большинстве случаев лечится. И плевать, что тяжеленная машина пожирает горючее бочками, здесь за него платить не приходится, даже на действующих заправках, обустроенных в некоторых стабах, много с тебя не сдерут.

Увы, непостижимый механизм Улья будто издевается над выжившими, весьма скупно забрасывая на обитаемую полосу по-настоящему ценные предметы. Заводы с продукцией интересного профиля, армейские склады, крупные воинские части и полигоны встречаются столь редко, что за доступ к их богатствам частенько ведутся ожесточенные войны между отдельными стабами или их группировками. То есть бронетехника на каждом углу не встречается, в подавляющем большинстве кластеров ее можно найти лишь при большой удаче. Она является единственным видом транспорта, который с давних времен стал распространенным объектом торговли между стабами. За места, где ее можно обнаружить с высокой вероятностью, после перезагрузок нередко начинаются ожесточенные столкновения между двумя, тремя и более группировками.

В общем, военной техники хронически не хватает даже для вооруженных формирований, играющих роль армий в крупных стабах и их объединениях. Обо всех прочих даже говорить не приходится. Так что широким массам обитателей Улья приходится решать транспортный вопрос при помощи разнообразных суррогатов. В принципе, это хорошо показано в целом ряде фильмов постапокалиптической направленности, когда по

развалинам мира люди носятся на драндулетах, обвешанных железом и различным вооружением. Но в Улье приходится отстреливаться не только от себе подобных, и поэтому переделки далеко не всегда выглядят копиями киношных колываг.

Грузовики торговцев явно не из кинофильма приехали – слишком уродливые и при этом не сказать, что brutальные. Эдакие утюги на колесах, массовому зрителю такие не понравятся, ему подавай зрелищность. Они даже изначально не отличались красотой, ведь трудно поверить, что примитивно-функциональный карьерный самосвал нормальный человек назовет прекрасным творением человеческих рук. Их создавали не глаза эстетов радовать, а пыльные булыжники перевозить в любую погоду по не самым лучшим дорогам. То есть мы имеем достойную проходимость в сочетании с высокой грузоподъемностью. Последнее позволяет укреплять кабину толстыми стальными листами, а вместо кузова наваривать каркас и на него навешивать такие же листы, да еще оборудовать со всех сторон огневые точки, откуда можно применять самое различное оружие.

На случай если особо ловкая тварь зацепится за броню в мертвой зоне, в караване имеются легкие машины прикрытия. Хотя их присутствие не обязательно, ведь, если следовать правильным порядком, всегда можно выручить соседа или дожждаться помощи с его стороны. Для этого рычащие на всю округу самоходные гробы оборудованы в том числе и далеко вынесенными боковыми спонсонами, наподобие тех, которыми оснащались неказистые танки Первой мировой войны. Ну те самые, их везде показывают, с пушками или пулеметами по обеим сторонам.

Грузоподъемность самосвалов внушает уважение – даже с учетом тяжести навески на них можно перевозить немало громоздких грузов. Но поскольку эти машины изначально не приспособлены для таких переделок, может возникнуть неприятный момент смещения центра тяжести, с этим приходится бороться всеми доступными способами. И потому Карат сейчас сидит в окружении ящиков, набитых тридцатимиллиметровыми снарядами – фирменной продукцией Полиса. Их по какой-то хитрой системе распихали по всем отсекам, но при этом основную часть разместили в самом низу, так сказать, в глубоком трюме.

Даже двигаясь с горки, разгоняться больше шестидесяти километров в час не получалось – машины сами по себе не быстроходные, плюс тяжеленная защитная навеска, плюс груз. Старенький «БТР-60», сопровождавший колонну из трех карьерных монстров, по идее должен двигаться шустрее, но вряд ли ему это дано – его ведь тоже дополнительно

укрепили стальными решетками и листами. При большой удаче и от гранатомета выручить может, и про самых серьезных тварей не стоит забывать, ведь некоторым из них даже танки по плечу, а уж такая «черепашка» – легкая закуска.

Карату досталось место на самом верху – в уголке. Здесь оборудована пара бойниц – одна смотрит вперед, другая влево. Узкие, но кое-какой обзор дают, а ему только это и надо, уж очень не любит кататься, ничего не видя.

Наездился вслепую по кластерам, хватит уже с него.

Чуть дальше по борту имелась еще одна бойница, к ней неотрывно прилипла Диана. Из оружия у нее только пистолет, но она сидит с таким видом, будто оборона каравана держится исключительно на ней. Тоже большая любительница на мир посмотреть. Кот, прекрасно понимая, что с рыбкой был неправ, где-то схоронился, благо укромных уголков в грохочущем монстре хватает, а Шусту выделили место по правому борту, там симметрично располагался такой же отсек.

Торговцы взяли всю троицу (плюс Гранда) бесплатно, по просьбе Смита, или Финна, или кого-то еще, столь же остро жаждущего спровадить проблемный народ подальше. Пообещали в дороге кормить и поить, но взамен пассажиры должны помогать отбиваться в случае опасности.

Езда на столь громком и тихом транспорте всегда и везде чревата проблемами, но Карат и прочие могут игнорировать нападения набегających одиночных тварей. Свои патроны придется тратить, если какой-то из машин или всем сразу придется по-настоящему туго.

Но пока что ни с чем серьезным не сталкивались. Купцы – люди предусмотрительные, маршрут выбирают не какой попало, а максимально безопасный. Ну а если все же нарвутся, на этот случай в каждом самосвале сидит не меньше пятерки хороших стрелков, плюс на крышах устроены несложные стальные конструкции, похожие на грибки, защищающие хитроумно установленные крупнокалиберные пулеметы. За несколько часов езды ни один из стрелков не подал голос, что объяснялось игнорированием мелких зараженных, малым количеством опасных тварей (которые к тому же не очень-то рвались нападать на хорошо защищенную колонну) и дороговизной серьезных боеприпасов.

Начался подъем на очередную горочку. Скорость, и без того не блестящая, снизилась до смешной. Пара явно не самых умных топтунов почему-то решила, что это их шанс. Дружно выскочили из кустов и помчались к переднему самосвалу. Оттуда даже стрелять не стали, просто угостили зараженных струей из огнемета. Явная самоделка, судя по

доносившейся иногда вони, работает на чистом бензине, или он в большом количестве присутствует в смеси. Бьет недалеко, но широко, установки располагаются по всему периметру машины, главное – успеть среагировать до того, как мертвяки окажутся в мертвой зоне.

На этот раз успели, причем отработали дважды из соседствующих установок. Твари к температурной обработке относились без симпатии, вот и эти припустили назад без оглядки. Одна при этом начала выписывать крутую дугу, видимо, огонь, охвативший голову, сказался на зрении. Слепо проскочила мимо второй машины, получив и от нее порцию огнесмеси, закружилась еще сильнее живым костром и выскочила под нос последнему самосвалу, в котором ехал Карат. Судя по омерзительному хрусту, который не смог заглушить рев двигателей, мертвяк угодил прямоиком под колесо. Но никакого изменения ритма движения не последовало – многотонный монстр раскатал зараженного в блин незаметно для пассажиров.

Торговцы дорогу знают и в места, где у обочин слишком много укрытий для тварей, стараются не заезжать. В принципе движутся почти точно на юг, лишь самую малость заворачивая к востоку, то есть не планируют приближаться к опасным территориям, так и будут придерживаться самой населенной зоны Улья. Зараженные здесь попадают самые разные, но их количество нельзя назвать запредельным. Нарваться на орду, конечно, можно где угодно, но это только если сильно не повезет, да и разведку придется игнорировать.

Карат, наблюдая за действиями охраны каравана, не мог не признать, что работа по мертвякам здесь отлажена на совесть. Конечно, полностью позабыть об угрозе с их стороны нельзя, но нет сомнений, что серьезные проблемы они создают нечасто – все продумано, начиная от выбора маршрута и заканчивая профессиональными качествами стрелков.

Куда больше волновали другие угрозы. Внешники в этом поясе практически не встречаются, но они, увы, не единственные разумные противники. Те же муры могут бродить, где им заблагорассудится, у некоторых банд этого отребья хватает огневой мощи для нападения на не самые последние стабы. Есть и обычные шайки, не являющиеся с внешниками, но тоже опасные, способные пойти на что угодно. Сбрасывать со счетов религиозно одержимых типов тоже нельзя, ведь сект в Улье много, хватает запрещенных за откровенно преступную деятельность и нехорошие ритуалы, доходящие до откровенного каннибализма и прочей мерзости. Некоторые группировки, вроде бы не имеющие отношения к откровенному криминалу, тоже могут соблазниться караваном, который перевозит такие сокровища. Плюс атомиты – то ли почти люди, то ли почти

монстры, как показали недавние события, у некоторых из них хватает интеллекта для управления сложным вооружением, вроде противотанковых комплексов и снайперских винтовок. По слухам, в Улье встречаются и другие создания, произошедшие от человека и многое от него унаследовавшие.

За обязательным исключением – гуманности от них не жди.

Медленно передвигающийся железный параллелепипед размером с двухэтажный дом – идеальная мишень. Что будет, если даже простая реактивная граната прилетит в уязвимое место, коих в нем полным-полно? Деревянные ящики, набитые снарядами, повсюду и везде, увеличенные топливные баки, многочисленные емкости со смесью для огнеметов. Все это разделение на отсеки вряд ли спасет в случае, если кто-то возьмется за дело всерьез. Шкуру сохранишь, только если успеешь выскочить до того, как стальной короб превратится в раскаленную душегубку.

Кстати, торговцы об этом тоже задумывались и потому люков предусмотрели видимо-невидимо, всегда есть возможность добраться до одного из них, не пройдя и трех шагов.

Самосвал наконец вскарабкался наверх, дорога опять пошла под уклон. Рев двигателя слегка поутих, чем тут же воспользовалась Диана. Склонилась в сторону Карата и доложила:

– Видел вдалеке комбайн на поле?

– Видел.

– Там рядом тварь сидела. Здоровенная, на вчерашнего кусача похожая, даже страшнее. Смотрела на нас во все глаза, но нападать не стала.

– Значит, тоже умом не обижена.

– Ага, сообразила. Думаю, это уже не кусач, а рубер. Но не элита, до элиты еще расти и расти, этот переход у них самый затянутый.

Еще недавно, в прошлой безмятежной жизни, этой девочке пришлось смириться с мыслью, что она вот-вот ослепнет. Собственно, Диана уже начала терять зрение, страдая чем-то вроде близорукости, осложненной легкой светобоязнью. Но Улей, многое отнимая, всегда что-нибудь дает взамен. Ей, помимо прочего, повезло позабыть о проблемах с глазами, чему она до сих пор не нарадуется. Вот и показывает по любому поводу, что видит прекрасно. Но при этом никак не может отвыкнуть от привычки не расставаться с темными очками. Они и сейчас на ней – задрала наверх, не пользуется, но и не снимает.

Со временем привыкнет, что они ей больше не нужны, к тому же польза от них есть и сейчас. У Дианы из-за странной болезни, от которой

страдала в прежней жизни, радужка приобрела насыщенно-фиолетовый цвет. Выглядит это явно ненормально, плюс сам по себе взгляд у нее бойкий, с огоньком. Так что даже нежный возраст не спасает от внимания некоторых ублюдков, разглядевших редчайшее чудо. Пару раз привязывались прямо в Полисе, ничего не боясь, причем однажды это случилось при Карате, и он с удовольствием расквасил рожу потасканному жизнью ухажеру.

После этого даже пришлось заплатить штраф – порядки в стабе строгие. Спасибо, что тот урод оказался залетным, без статуса гражданина, плюс Карат «поговорил» с ним голыми руками и не применяя боевые умения Уля, так что удалось отделаться копейками. Когда Шуст в конфликтной ситуации взялся за нож, все закончилось долговой кабалой с кучей разнообразных последствий (главным образом неприятных).

По системе оповещения донесся хриплый голос командира машины:

– Готовность к заправке – десять минут.

Все понятно: под завязку нагруженные самосвалы поглощают горючее сумасшедшими темпами, также много уходит на огнесмесь, которую, похоже, готовят прямо на ходу из простейших и легкодоступных ингредиентов, поэтому торговцы не упускают ни единой возможности наполнить баки. С дорогой они знакомы хорошо, должно быть, знают, что впереди располагается удобная заправка, насосы с собой тоже имеются, здесь машины без них не ездят.

Остановка – это прекрасно. Возможно, Карату разрешат выйти, очень уж хочется ноги размять, монотонная езда достала.

А если вспомнить, что им еще ехать и ехать, так совсем печально становится.

* * *

Карат не угадал – это оказалась не заправка. Колонна сошла с добротного асфальта на разбитую в хлам дорогу, где сплошные ямы азартно соревновались друг с дружкой, ставя рекорды по глубине и площади. Случись дело ночью, можно было подумать, что забрались на стаб, но по некоторым признакам понятно, что место не заброшенное. Вон труба шлагбаума поднята, почти не ржавая, вон крохотный домик охраны возле него, и по его стенам не скажешь, что он здесь полвека без покраски простоял.

А следом показались гигантские цилиндрические емкости. Все

понятно: на нефтебазу завернули. Тоже вариант, здесь можно и самотеком заливаться, без хлопотной возни с насосами. Главное – понимать, что и как тут устроено.

Торговцы понимали, и заправка надолго не затянулась. Карату выйти не разрешили, но бродить при этом по машине не возбранялось. Пользуясь случаем, он пробрался к Шусту, сам товарищ лишних передвижений избегал. Нога у него отросла, но он никак не мог с ней свыкнуться, чужой ощущалась, из-за этого без костылей передвигался походкой человека, страдающего тяжелой формой церебрального паралича. В лучшем случае понадобится не один день на то, чтобы прийти в близкое к норме состояние, а окончательно с хромотой он расстанется спустя недели или даже месяцы. И это лишь при условии планомерной реабилитации, ход которой сегодня был грубо нарушен, ведь больницу Шуст покинул в большой спешке, не завершив курс восстановительного лечения.

При виде Карата товарищ хмуро поинтересовался:

– Слыхал последние новости?

– В смысле?

– Да мне тут нашептали, что маршрут уже дважды меняли.

– Ну и что?

– Да ну и то – вроде бы в Полисе предупредили, что проблемы могут нарисоваться.

– Караван пасут?

– Вряд ли дело в караване. Только не спрашивай, кто им настучал, у барыг свои люди в самых разных местах расставлены, и хлеб они даром не едят, честно зарабатывают. Теперь караванчики нервничают, у них сроки поджигают, а приходится петли наворачивать. Я так думаю, что мог и Финн предупредить, ты ему нравишься, а может, и влюбился. Боятся, что тебя могут попытаться вместе с колонной достать.

– Ну конечно, прям только в нас вся загвоздка. Да ты погляди, сколько снарядов только в этом грузовике. Их тут на глаз несколько тысяч, а таких машин в колонне три. Ладно, пусть не все они так загружены, но все равно, ты представляешь, на сколько может потянуть такой товар? Считай, что горсть жемчуга едет. Цена за наши головы при таких раскладах – гроши.

– Юноша наивный, а ты представляешь, как непросто стать хозяином этого груза, не отвалив за это по прейскуранту?

– Не вижу великих сложностей. Выкатить один танк, бахнуть по головной машине или по броневику и по радиосвязи передать остальным, что с ними случится то же самое, если не выберутся, сложив стволы. Естественно, прикрытие придется обеспечить, один танк в поле не воин. Да

и без танка можно запросто обойтись, главное, чтобы работала группа нормально вооруженных и мотивированных ребят. Эти гробы раскатывать легко – еле ползут, большие, не промахнешься – первоклассные мишени.

– А ты в курсе, что впереди идет головной дозор?

– В курсе. Там еще один броневик, который Чингисхана помнит, и один пикап с пулеметом. Скорее всего, сенс сидит, но не факт, что засаду заметит, от них укрываться можно.

– Можно, да только сложно. Никто не любит борзоту, которая и от сенсов тихарится ловко, и может такой караван взять на гоп-стоп. То есть с ними разбираются без розовых соплей. Этот караван не сам по себе идет, все нормальные стабы заинтересованы в торговле и делают все, чтобы никто ей не мешал. Так что при проходе по территориям, которые они плотно держат, можно дышать ровно. Да и за ними нам все стараются помочь, чем получится. Плюс у барыг железный закон, они им поголовно повязаны.

– Что за закон?

– Не слышал?

– Зачем бы я тогда спрашивал?

– Эх Карат-Карат, ну и темный же ты. По этому закону, в случае нападения, они товар не сдают ни при каких раскладах. Если не остается других выходов, сжигают его вместе с самосвалами. Огнесмеси в каждом столько, что дивизия пожарных не потушит. То есть все лихие ребяташки в курсе, что, наехав на такую колонну, они могут потратить ценные боеприпасы, потерять верных корешей, заработать капитальные проблемы и при этом, скорее всего, получат несколько куч обгорелого железа, а не то, о чем они так мечтали. Вот знаешь, у меня, на моей Земле, в одной не самой приятной стране началась свара между своими же. Уже не важно, из-за чего там сыр-бор пошел, разве поймешь этих грязножопых, зато важно то, что одна из группировок не придумала ничего умнее, чем захватить самолет с пассажирами и поднять его в воздух. Планировали перегнать за границу и оттуда начать выдвигать требования, ясное дело, политические. Кого-то там из каталажки чтобы выпустили и все такое. Вот только хрен вам, а не заграница – сбили их, не дав далеко отлететь, никто не выжил, и правым и виноватым одинаково досталось. Гуманная мировая общественность такой вой подняла, что на всю Галактику слышно было. И что ты думаешь? С тех пор, как бы хреново ни обстояли тамошние дела, ни одна гадина к самолетам не приближается. Осознали с первого раза, что переговоров не будет. А другая страна, где обстановка похожая, уже запарилась считать нехорошие случаи с участием своей гражданской

авиации. Если сосчитать, они уже потеряли гораздо больше, чем в том случае со сбитым лайнером. Вот так и здесь – торгаши четко научили здешний сброд, что связываться с караванами невыгодно. Разве что атомиты и прочие безмозглые уроды полезут, но барыги на территории, где разгуливают такие красавчики, не суются, у них продуманная система безопасных маршрутов.

– Я тебя понял. То есть смысл напасть на нашу колонну только один – прибить меня и Диану, другой выгоды нет.

– Ага, кроме тебя и нее, тут брать нечего. Хотя, конечно, согласен с тобой – не так уж много за вас дают, чтобы такое устраивать. Для нас с тобой бабки неплохие, а для деловых ребят – вообще ни о чем. Взять, конечно, никто не откажется, но мараться по полной смысла нет.

– Вообще-то меня должны зараженным скормить, а не зажарить.

– Ага, ну да, и в окно тебе гранату закинули именно поэтому.

– Тот тип с гранатометом мог страдать острой формой мозговой недостаточности, вот и напутал. А сейчас одиночка не сыграет, здесь нужна серьезная группа. Не могу поверить, что наберется целый отряд таких недоумков, к тому же как при таких делах вытащить Диану живой? За мертвую не заплатят.

– Карат, не успокаивай себя, условия могли измениться. Бирону не улыбается узнать, что ты свалил за горизонт только потому, что его тупые гориллы не успели придумать гарантированный способ скормить тебя мертвякам. Так что мог запросто согласиться поджарить вас обоих в железном ящике. Как по мне – тоже не самая веселая смерть. И что ему Диана? У него бабла столько, что я вообще не пойму, зачем он с ней связался. Да и слышал я кое-что о заведении, куда ее мечтают определить. Называется Цветник, считается, что там и правда самые лучшие девицы собраны со всех миров, слава о нем далеко шагает. Вот только кому нужна нимфа в личный гарем? Сам прекрасно знаешь, как мужики от них шарахаются, я даже на шуточки про тапки вздрагиваю. Или Бирон что-то недопонял, или до нас не все дошло, но в Цветнике Диане ничего не светит.

Глава 9

Вопреки мрачным ожиданиям Шуста, никто не подверг колонну ракетному обстрелу, и фугасы по дороге не взрывались. Так и тряслись километр за километром, время от времени подогревая из огнеметов самых непонятливых тварей. Здесь таких немного встречалось, это ведь не запад, где с двух сторон может одновременно кинуться пять-шесть руберов и кусачей в сопровождении оравы топтунов и всякой мелочи. Было дело, Карат на похожие ситуации навидался, благо люди, с которыми он тогда ехал, были подготовлены к самому паршивому сценарию, они даже танк с собой тащили.

Пять-шесть серьезных зараженных, и торгаши без напряжения уделают. Но это при условии, что твари будут рядовые и не такие продуманные, как тот умник, который так удивлял Карата вчерашним утром. С такой силищей и смекалкой он может успеть забраться в сорванный люк или дотянется до пулеметчика наверху. В общем, даже в одиночку способен натворить дел, дай только шанс.

В сгущающихся сумерках выехали к очередному стабу. Немного потрясло, но затем дорога выровнялась, что показалось странным, ведь вокруг царило запустение, не очень-то похоже на стандартный кластер. Должно быть, за покрытием тщательно следили, да и вон промелькнула невысокая вышка, от которой вдаль уходит линия столбов. Аналогичные Карат уже видел не раз, на них обитатели обжитых территорий размещают следящую аппаратуру. Это позволяет контролировать приличную площадь малым количеством наблюдателей.

– Возможно, ночевать в стабе будем, – заявил он, склонившись к Диане.

Та, зевнув, ответила коротко:

– Хорошо бы, надоело трястись.

На голоса из-за ящика выбрался кот, сделал жалобные глаза, мяукнул. Или насчет поесть да попить намекает, или в туалет невтерпеж, или все одновременно накатило.

– Не показывайся мне на глаза, чудовище бессовестное. – Девочка до сих пор не могла простить Гранду съеденную рыбку.

Карат повел себя куда добрее:

– Потерпи, дружище, похоже, скоро нас выпустят.

Остановились минут через двадцать, проехав перед этим через два

поста, где колонна даже не притормозила. Должно быть, все вопросы с охраной решили по радиосвязи, лишние задержки торговцам ни к чему. Народ вымотался столько трястись, почти десять часов ехали, и все это время с напряженными нервами, людям требуется отдых, чтобы с утра продолжили с новыми силами. Маршрут рассчитан таким образом, чтобы темное время суток пережить в безопасных местах, плюс корректируется с другими караванами. По пути они пересекаются, обмениваясь товарами, или объединяются для совместного движения. Система запутанная, со стороны не всегда понятная, но нестыковки случаются нечасто – это дело отрабатывалось десятилетиями.

– На выход, ваш лимузин дальше не едет, – слышалось из динамиков.

– Ну наконец-то, – обрадовалась Диана и обеспокоенно спросила: – Карат, а тут гостиница есть?

– Может, и есть, но не факт, что у нас на нее хватит денег.

– Плохо.

– Да не волнуйся, все торгаши ночуют, как белые люди. «Караванный двор» – это не гостиница, это что-то вроде их суверенной территории. Все уважающие себя стабы их содержат, это не просто статус поселения повышает, но и выгодно: барыг приманивает, за счет них все расходы окупаются.

– А душ там есть?

– Если стаб не совсем занюханный, то должен быть.

Выбравшись наружу, Карат увидел, что по правую сторону от колонны стоит почти точный ее двойник: три великана-самосвала, здоровенный пикап с крупнокалиберным пулеметом, и только вместо старого бронетранспортера какая-то непонятная колесная машина, не похожая на самодельную, необычно приземистая, с легким бронированием и установленной наверху спаренной зенитной установкой. Причем незаметно, что вооружение устанавливали на заводе-изготовителе – несомненная кустарная доработка, как это модно в Улье.

– Что за техника? – спросил Карат выбравшегося Шуста.

– Я тебе что, ходячая энциклопедия по ржавой броне? Может, здесь на коленке сварили, а может, это личная колымага какого-нибудь Муссолини. Мало ли разного старья со свалок прилетает, при желании тут что угодно ездить заставят. Как тебе, допустим, бронетанковый музей? Есть и такое, ты прикинь, сколько хлама оттуда в строй ставят, а ведь в собрании не все машины серийные, доходит до уникальных экземпляров. Пойду похромаю насчет номеров и пожрать разведать. Ты со мной?

– Дай немножко воздухом подышать, достают меня такие поездки.
– Ну ты блин, как девочка. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти.
– Диану возьми, поможет винтовку донести.
– Тебе не стыдно школьницу эксплуатировать?
– Ни капельки.
– Так ты, получается, такой же бессовестный, как я. Эй! Диана! Ты где там копаешься?! Добрый дядя Шуст хочет тебя озадачить тяжелой игрушкой, а злобный Карат только «за».
– Шуст, ты здесь когда-нибудь бывал?
– Да я рядом на свет появился, считай, родина моя. Ну, в том смысле, что появился в Улье, возле «Пятерочки». И в поселок заглядывал, и на «Караванном дворе» калымил.
– Душ здесь есть? – спросила девочка, подходя.
– Раньше был. Вода тиной воняет, но зато горячая.
– Откуда тина взялась?
– Я тебе что, юный натуралист, чтобы в тине болотной разбираться? Ты носом не крути, это лучше, чем в луже умываться. Вот тебе винтовка, тащи и молчи.

С вооружением у троицы что-то вроде кризисной ситуации. Спасибо, что в Полисе не отобрали то, что выдали до операции, из которой вернулись только самые осторожные и везунчик Карат. Так что у него остался недурственный автомат, жаль, что к нему в этом регионе непросто и недешево доставать патроны, крупнокалиберная снайперская винтовка почти без боеприпасов, цены на них вообще заоблачные, и пара пистолетов, один из которых – мало на что годный старенький затертый «ПМ», приспособленный под стрельбу с глушителем, а второй непонятной марки, тяжелый и мощный, вот только к нему всего пять патронов в единственном магазине, причем они настолько необычные, что торговцы, разглядывая их, лишь головами крутили, дружно заявляя, что товар явно неординарный, скорее всего, он родом из дальних краев, о которых здесь не слыхали.

Еще недавно в арсенале наличествовали двустволка и обрез, но это добро пришлось продать с выгодной okazji. Уж очень деньги были нужны, даже такие копейки. Нарезное Карат придерживал, с ним расставаться – все равно что с собственными руками. Зарабатывать на жизнь он умеет только на стандартных кластерах, а там без серьезного оружия шастать рискованно.

– Братишка, закурить не найдется? – спросил молодой белобрысый парень, во внешности которого в первую очередь внимание обращалось на

улыбку.

Вроде бы широкая, искренняя, во всей красе демонстрирующая идеально ровные зубы, но что-то с ней неправильно. И не косая, и не кривая, а будто растянутые губы вот-вот подадутся вверх и вниз, продемонстрировав звериный оскал.

– Не травлюсь, могу только огонька подогнать, – ответил Карат.

– Да и ладно, у меня свои есть, – не огорчился парень, добавив со смешком: – Чужие почему-то всегда вкуснее кажутся, вот и стреляю. Ну давай, подкинь огоньку, вдруг у тебя он повкуснее пахнет.

С наслаждением затянувшись, подержал дым в легких, неспешно выдохнул, нутужно кашлянул и пожаловался:

– Дрянь какая-то, ребята перед дорогой подогрели. Небось распробовали сами и решили, что этот сушеный навоз надо срочно кому-то сплавить. Целый блок не пожалели – смерть легким. Тебя вроде Каратом звать?

– Может, и Каратом.

– А почему «может»?

– Потому как я знать тебя не знаю, а ты наоборот. В последнее время односторонние знакомства меня напрягают.

– Не напрягайся, просто про тебя много говорят, личность известная. Я Черняк, слышал о тебе в Полисе. Часто туда захожу: прикольный стаб, и девки там хорошие попадают. Ты далеко собрался? Ну в смысле, куда едешь?

– А тебе какое дело?

– Да никакого, говорю же, не надо напрягаться. Меня уже запарило молчать, да и грохот надоед, хочется нормальный голос услышать. У тебя еще, куда ни шло, машина, в нашей раза в два сильнее молотит. Я вот сам не знаю, куда еду.

– А что так? – без интереса спросил Карат.

На разговоры вообще не тянуло.

– Да у меня всегда так, не люблю долго зависать на одном месте. Я столько стабов повидал, что давно со счета сбился. Наверное, когда-нибудь попаду в такой, откуда не захочу уходить. Но пока что осесть не получается, не лежит душа ни к одному, везде хоть что-нибудь, да не так.

– А это что за место?

– Разве не знаешь?

– Я тут впервые.

– А, понятно. Это Пятый Перекресток, некоторые просто Пятерочкой называют, даже на картах такое попадает.

– Странное название для стаба.

– Братишка, да тут стаб – так себе, у них даже нормального ксера нет, какое-то убогое недоразумение, только и умеет, что капсюли лепить, да и те в час по чайной ложке. Но место очень удобное для барыг. Получается, с запада Киев поджигает, город сюда целиком раз за разом загружается. Не знаю, как там на твоей Земле, а на моей в Киеве и без перезагрузок с заражением в последнее время скучно не было, а уж с ними тем более. Не сказать, что реальный мегаполис, но плотность тварей такая, что караванщикам туда ходу нет. Из-за этого получается как бы сужение, запад напрягает пожестче, чем в других местах, плюс не везде местность нормальная, с хорошими дорогами прям беда. Пятый Перекресток – оптимальный вариант для проезда на юг и обратно, поэтому большинство караванов сюда заглядывает. Тут, считай, круглосуточная ярмарка, а не «Караванный двор». Вон, наши барыги уже что-то перетирают с теми, которые раньше заявили. Морды жадные, торгуются. Сейчас добазарятся и начнут перегружать товары во всех направлениях. Этим скинут снарядов восемьсот штук, от этих партию винтовок под двенадцать и семь заберут, а вон тем печальным бродягам несколько мешков редких гильз по дешевке подкинут. Тут постоянно такая движуха, и днем, и ночью народ спать не торопится. Деловой центр, все серьезно.

– А само место как?

– В каком смысле?

– Безопасное?

– В «Караванном дворе» можешь ящик жемчуга в номере оставить и в придачу пару прекрасных девственниц без трусов. Ничего не пропадет, и с ляльками тоже ничего не станется, если, конечно, сами не попросятся, мужиков в Улье долго уговаривать не надо. А вот в поселке всякое случается, вроде как местные с понятиями, но живут по ним не все, много народа с запада заглядывает, да и от Внешки, нервы у всех никакие, из-за них стаб почти отмороженный. Киев очень уж близко, поджигает, народ от этого пропадает часто, набег с запада, опять же, случаются. Психика от всего этого ни к черту, чуть что, горячие парни за ножи хватаются или даже за стволы. Если не быковать, не сверкать ценным добром, не трогать чужих баб и не лезть в совсем уж гадючники, прогуляться, конечно, можно, но я бы тебе не советовал. Тут, в «Караванном дворе», ты чуть ли не царь, а там, что бы ни случилось, крайним по-любому тебя выставят. С барыг живут и сами же их на дух не переносят, такой вот гнилой народец. Братишка, если надо, вон за углом бар, прямо на территории, никуда выбираться не надо. Там же можно насчет чистых девочек добазариться, спек тоже найдут или

что-нибудь попроще. Траву только не бери, дрянь она у них, вообще не вставляет, все равно что старый веник покурить. А пойло ничего так, нормальное, не отравят, и выбор почти на все вкусы. Пошли, братишка, угощу за знакомство.

Карат покачал головой:

– Не мое.

– А что так? Не куришь и не пьешь? А жить не скучно?

– Я заметил, что пьющие здесь надолго не задерживаются.

– Может, трезвенники и дольше живут, но скучнее.

– Пивка могу банку-другую по жару, на большее не тянет.

– Ну так давай по пивку. Оно у них только баночное или бутылочное, забудь про свои пивоварни – Полис далеко, местные живут проще.

– В другой раз. Мыться и спать пора, меня такие поездки выматывают.

– Да всех выматывают, а после литра пивка сон слаще.

– Ты лучше скажи: как тут насчет питания?

– В баре только закуски, да и те отстой. Вон там столовая, накормят за так, если ты с караваном. Тоже не отравят, но и разносолов не жди, тут и днем ничего, кроме холодных макарон с китайской тушенкой, не бывает, а ночью только кипяток да лапша корейская и все такое.

– Не скажу, что слюной захлебнулся, но живот и не на такое согласен. Ладно, пойду я.

– Ну ты смотри, я, если что, в баре. Надумаешь, так подтягивайся, час, а то и два я там точно проторчу.

– Благодарю, буду иметь в виду. А ты, часом, не знаешь, до Трех Холмов отсюда можно как-нибудь добраться?

Черняк, на миг задумавшись, пожал плечами:

– Без понятия. Вроде недалеко, надо поспрашивать, вдруг кто-то туда собирается. Как раз в баре можно спросить, там все равно что справочная, пошли, прямо сейчас разузнаем.

– Да не надо, это я так спросил, не по делу. Кореш мой в те края пару недель назад подался, вот и вспомнилось. Недалеко ведь.

– Ну да, недалеко. Ладно, я в бар, ты подтягивайся, если что.

* * *

Если откровенно, Карату был нужен именно бар. По его мнению, именно там стоило в первую очередь поискать нужных ему людей, место специфическое, будто создано для такой цели. Но уж больно не

понравилось якобы случайное знакомство с Черняком. Нет, парень не вызывал брезгливости, посидеть с таким незазорно, просто в сложившейся ситуации его подкат выглядел крайне подозрительно.

Ведь что получается – он приехал из Полиса, и до этого Карат его знать не знал, но, судя по разговору, Черняк мир повидал, любитель побродить. И что это значит? Да все, что угодно, в том числе и то, что разгуливает он не ради праздных развлечений, а шустро снимается с мест, где прославился не с лучшей стороны.

Такой человек, к примеру, может подряжаться выполнять нечистоплотные заказы. Допустим, на этот раз решил срубить денег за одного заживо съеденного мертвяками рейдера и живую девочку с необычными и высоко ценящимися глазами.

Чем не версия? Она прекрасно объясняет, почему из всех людей в караване Черняк для назойливого приглашения в бар выбрал именно Карата, которого до этого знать не знал. Напоить удумал и сделать темное дело прямо здесь и сейчас, посреди кишящего народом «Караванного двора», или набивается в приятели, чтобы в более удобной обстановке неожиданно показать свое истинное лицо. То-то так отговаривал в поселок выходить, видимо, там проворачивать нехорошие дела ему сложнее.

В общем, в баре Карату, увы, делать нечего. То, что он задумал, требует хотя бы минимальной конфиденциальности, заниматься этим под носом возможного соглядатая – не самая удачная затея. Достаточно, что слил ему ложную информацию насчет стаба Три Холма. Есть пусть и несерьезный, но все же вероятный шанс, что в первую очередь именно в ту сторону кинутся искать и Карата, и Диану. А они тем временем окажутся совершенно в другом месте.

Одно напрягает: в это место попасть пешком не получится – слишком далеко. Карат рассчитывал подобраться к нему с караваном, но осторожные торговцы изменили маршрут. Теперь придется как-то выкручиваться, по прямой отсюда километров сорок, если не больше. Не такое уж смертельное расстояние, но для Улья – серьезно, тем более их группа отягощена Шустом, ходок из него никудышный.

Если бар отпадает, вопрос с транспортом надо попытаться решить в столовке.

* * *

Как оказалось, в столовой тоже можно отыскать варианты, особенно

если без долгих разговоров давать понять, что у тебя есть средства и ты хочешь их потратить, вопрос лишь с исполнителем.

Со средствами, если откровенно, у Карата дела не очень. Совместно с Дианой охотился с оглядкой, не допуская даже мизерного риска, с учетом личной неопытности это печально сказывалось на результатах. Все, что удалось поднять на большом деле, затеянном высшим руководством Полиса, сам же и употребил. По пути с запада, правда, кое-чем разжился, удалось выпотрошить удачно подвернувшегося элитника. Без жемчуга, увы, но спорами и горохом неплохо подогрелся. Последние Карат поначалу принимал, затем начал подозревать, что толку от них ноль, и с этим делом завязал. Их немного осталось, берег, как резерв, на самый крайний случай.

Похоже, этот случай настал, потому как человек, которого заинтересовали слова Карата, на предложение взять в оплату старенький «Макаров» с горстью патронов, едва не расхохотался в лицо:

– Ты меня совсем за последнего лоха держишь? Да туда ехать почти полсотни километров, и под конец веселые места пойдут, не факт, что проскочим. За этот пистолетик сходи туда пешком, не смеши людей.

Карат еще раз оценил собеседника. Прозвище ничем не примечательное – Грош, невысокий, плотного телосложения, но не сказать, что грузный, просто мускулистый, и кость массивная. Роба широкая, грубая, с волосами проблема, с которой даже Улей не справился, скрывает обширную залысину бритьем наголо. Бык натуральный и держится не интеллигентом, но это все напускное, нормальный мужик, не хуже и не лучше других, работать с таким как бы можно, но многого от него не жди.

Для такой задачи сойдет.

– Начнем с того, что это была начальная цена, а уж на какую договоримся – видно будет. Сколько у тебя людей? И что за техника?

– Машинка одна, но хорошая. Шустрая, где угодно пройдет, защита не последняя, пулемет в гнезде у кабины, четверо ребят, считая меня, без новичков тупорылых, ездить умеем, водила вообще ас.

– Вы туда забирались когда-нибудь?

– Да мы где только ни катались. До самого конца должны нормально проехать, дорога там удобная. Тебе куда именно надо?

– Мост большой знаешь?

– Там их два – железнодорожный и автомобильный. Автомобильный вечно наперекосяк, его граница кластера наискось перешибает в самом начале. Если тебе за реку, я точно пас, не проехать по нему колесами, только на своих двоих по железнодорожному.

– Если до железнодорожного подкинешь – норма.

– Хреново.

– Что не так?

– Да говорю же, там под конец интересные места пойдут, объезжать их желательно, но это долго, и тоже вляпаться можно. Тут уж как повезет – или тихо проскочим, или громко, или даже вообще никак. Все от фарты зависит. И за просто так ребята туда не пойдут.

– Пистолет, патроны к нему, еще два десятка двенадцатого калибра, по восемь горошин и споранов.

– По двадцать и того, и другого.

– Сколько-сколько?! – вскинулся пораженный Карат, осознав, что за короткую поездку требуют пятую часть от цены за его голову. – Ты в своем уме?! Да я за такие бабки остров с пальмами куплю, построю на нем дворец мраморный и заселю туда пару десятков балерин.

– Балерины – это хорошо, – хладнокровно одобрил Грош. – У них ноги зачетные. Но ты все же маленько разбавь их стриптизершами, не пожалеешь.

– Давай обойдемся без эротики. Твоя цена мне не нравится, скажу больше – она никому не понравится.

– Я понимаю, что заломил безбожно, но давай начистоту, не хочу даром время терять. Пойми меня правильно, я тебе не друг, не брат и не сват, я чужой человек, я просто хочу заработать и вижу клиента, которому срочно приспичило расстаться с деньгами. По глазам понимаю, что тебе очень срочно надо, прям горит, а за срочность у нас положено доплачивать. Жизнь такая, всем надо что-нибудь урвать. Да, я тебя граблю, но граблю честно – ты получишь то, за что заплатил. Можешь походить, поискать кого-нибудь другого, но, если не дурак, быстро поймешь, что Грош – лучший вариант, потому как, будь тут другие, я бы цену так не загибал. У меня все четко, без кидалова и резины, спроси у народа, тебе никто про меня ничего плохого не скажет.

– Очень уж ты круто берешь, тут работы часа на полтора, а цену загнул, будто подряжаешься стаю элиты обнулить.

– Полтора часа или пара суток – в Улье заранее знать никому не дано. Можешь пройтись по базару, поискать кого-то другого, но цены на такой провоз у нормальных ребят в наших краях именно такие. Тут Киев поджигает, а это напрягает, бьет по мозгам и кошелькам. Найдешь тех, кто согласится за меньшее сработать, готовься к тому, что они тебя кинут, а то и завалят. Ты сам посуди, ведь если нарвемся на мертвяков, две-три ленты запросто может уйти, и оставишь ты нас в минусах даже при таких цифрах,

а уж то, что ты назвал, вообще ни о чем.

В сложившейся ситуации Карат и рад бы согласиться с откровенно грабительской ценой, но вся загвоздка в том, что горошин у него только пятнадцать штук, а больше добавить нечего. Нет, у него еще оставались ценные для этого мира предметы, вот только прощание с ними в его планы не входит.

Однако ехать как-то надо, зависнуть в этом стабе, чтобы решить проблему транспорта с другими исполнителями, чревато бедой. Не так далеко от Полиса уехали, слухи о выгодном заказе быстро докатятся (а может, уже докатились – вместе с караваном).

Уходить надо прямо сейчас.

Мысленно вздохнув, Карат предложил более щедрый встречный вариант:

– По пятнадцать гороха и споранов. Если в конце нарываемся на расход лент, автомат даю и сотню с лишним патронов к нему – четыре магазина. Автомат – просто бомба. «Калашников» из самых-самых, прицел крутой, под натовский патрон, ни царапинки, почти не использованный.

– Натовские по цене кусаются, – скривившись, заметил собеседник.

– Вот сто двадцать таких и получишь, если нарвемся. Точнее, сто шестнадцать, больше просто нет, все отдам. Добавить больше нечего, ты меня голым оставляешь.

– Ну да, голым, так я тебе и поверил. Да кто в такие места пойдет пустым? Давай так: патроны скидываешь сразу, это в оплату. Если нарываемся, добавляешь автомат, и мы в расчете.

– Патроны могут потянуть больше, чем сам автомат, так не пойдет.

– Иначе не получится. Начнется заварушка, ты спрыгнешь со всем добром и ходу в кусты. Где нам тебя потом искать?

– С таким же успехом ты специально под тварей подставишься, чтобы все получить.

– Я кидаловом не занимаюсь, у меня все по-честному.

– У меня тоже.

– Меня Грошом звать, спроси тут обо мне, никто ничего плохого не скажет, все меня знают.

– Я тебя не знаю, ты меня тоже не знаешь, все остальное ни мне, ни тебе не интересно. Тут, как ни крути, все упирается в вопрос доверия, не доверяя друг другу, мы не договоримся.

Собеседник внезапно вздрогнул, отодвинул стул, взглянул под стол, удивленно протянул:

– Ну ничего себе котяра. Откуда такой взялся? Никогда его здесь не

видел, ты только посмотри – серый тигр, а не кот.

– Он мой, его Грандом звать.

– Твой? Seriously? Подгони его мне, и мы в расчете.

– Зачем он тебе нужен?

– Домой принесу, что за дом без кота? А кот знатный, ох и здоровенный, бедные наши крысы. Ну так что, по рукам?

Карат покачал головой:

– Извиняй, Грош, но кот – друг, а я друзей не продаю.

Лысый кивнул:

– Правильная позиция. А второго такого кота, случайно, нет?

– Один он у меня, привязался с самого начала.

– Сколько же в нем веса?

– Последний раз взвешивал недели две назад, на двенадцать с лишним потянул.

– Seriousный зверюга.

– А то.

– Его погладить можно?

– Можно, он не кусается. Если подкинешь пожрать чего-нибудь, так еще и мурлыкать начнет. Он умеет благодарить.

– А что ему дать?

– Да он все жрет. Было дело, шоколадом с ним на пару давился. Не скажу, что ему сильно понравилось, но жевал.

Грош погладил кота по задранной голове, глаза мужика подобрели.

– Ладно, Карат, давай так. Скидываешь мне полный магазин с натовскими, если в конце дойдет до серьезной стрельбы, с тебя остальные плюс автомат. Упаковываешь в мешок и по первому слову скидываешь. Лады?

Не раздумывая ни секунды, Карат кивнул:

– Лады, но есть условие. Ехать надо прямо сейчас, и выезжаем незаметно.

– Проблемы? – напрягся Грош.

– Если уедем тихо и быстро, их не будет, – твердо ответил Карат.

– Насколько быстро?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Не получится прямо сейчас.

– Почему?

– В окно взгляни. Видишь – там ночь кромешная. Ветра нет, тишь да благодать, любой мотор издали слышно, и ни хрена толком не разглядишь даже в электронику, сплошные кусты да деревья. Места у нас беспокойные,

Киев близко, даже барыги в такую пору не ходят, а уж у них караваны не чета нашей телеге. Да и ребят мгновенно не выдернуть, кто где сейчас, и хорошо если не пьяный, собирать надо. Предложи ты, конечно, малость побольше, можно еще кого-нибудь со стороны привлечь и пораньше сдернуть. – Грош, не переставая гладить кота, покосился с намеком, на что Карат молча покачал головой, и тому осталось продолжить в другом духе: – Где-то за полтора часа до рассвета будь готов. Выходи через ворота и чеши потом налево вдоль стены, там тебя подождем.

– Нас трое будет.

– Трое – это хорошо. Если, конечно, все серьезные и с головами дружат.

– Одна девочка и серьезный мужик, но он покалечен малость.

– Не, девочки и калеки – несерьезно. Мужик сам до нас дойти сможет или надо заезжать сюда?

– Заезжать – нежелательно. Не хочу, чтобы тебя видели.

– Я эту тему понял, потому и предложил там подождать.

– Далеко шагать вдоль стены?

– Моих – сотни две шагов. Можем и у ворот вас подобрать, но тебе же незаметно надо, а там место просматривается со всех сторон и освещено хорошо.

– Ты все понял верно, не надо подъезжать ко входу.

– Значит, две сотни шагов.

– Товарищ не безногий, дойдет.

– Вот и лады. Сколько сейчас, давай часы сверим.

Сутки Улья по продолжительности в большей или меньшей степени не совпадают с сутками миров, которые снабжают его абсолютно всем, включая разные хронометры. Обычно это секунды или их доли, куда реже минуты, поговаривают, что в далеких краях, где встречаются явно ненормальные кластеры, различия доходят до сумасшедших значений. Проблема частично решается регулировкой часов (что не всегда возможно), но остается вопрос единого времени, от региона к региону оно отличается, сколько ни пытались остановиться на одном варианте, ничего не получалось. Единственное, к чему можно привязаться, – к институтскому стандарту, в теории его используют все сотрудники. Но введен он не так давно, широкое распространение пока что не получил, будущее его туманно.

В общем, во избежание нестыковок сверять часы – не лишнее. Даже если между моделями есть заметные различия, за короткий срок серьезных разночтений не возникнет.

А без часов сейчас никак, ведь понятие «где-то за полтора до рассвета» ни о чем Карату не говорит. Рассвет и прочие астрономические явления в Улье – отдельная тема, о которой мало кто задумывается. В небесах здесь такие дела творятся, что даже институт далеко не все объяснить может. Простым иммунным и без этого есть чем мозги занять.

Глава 10

О том, что, возможно, из Полиса придется уезжать внезапно, Карат подозревал давно, на это прямо указывало все, что он постепенно узнавал о Бироне. Злопамятный урод просто так публично заработанную оплеуху ни за что не позабудет, а отыграться на залетном рейдере-новичке и девочке школьного возраста – что может быть проще.

С Карбидом, который, собственно, являлся инициатором и главным виновником самого жестокого облома в нынешней жизни Бирона, уроду разбираться чревато, да и невыгодно – ведь жирует именно за счет ксера и не настолько туп, чтобы резать курицу, несущую золотые яйца.

Внезапность, как правило, сопровождается дополнительными сложностями и вредной суетой. Карату ни то, ни другое не нужно, поэтому он заранее пытался продумать, как именно все это будет происходить и нельзя ли к такому делу подойти подготовленным.

А еще он постоянно держал в голове то, что не так уж далеко, на западе от Полиса, есть место, где дожидаются своего часа немало ценных вещей. Амуниция и ценное оружие, оставшиеся от уничтоженной группы Рэма, куча боеприпасов, в том числе редких и дорогих.

И еще кое-что, о чем даже думать нежелательно, а ну как кто-нибудь мысли сумеет прочитать. Вроде бы даром телепатии Улей до сих пор никого не награждал, но мало ли...

В общем, Карат сделал все, что было в его силах, чтобы совместить вероятный внезапный отъезд и посещение не такого уж далекого, но бесконечно опасного запада. Сил для подготовки, надо признать, было не так много, к тому же некоторые мероприятия приходилось проводить скрытно. Лишь Диану пришлось посвятить, ведь отвязаться от нее невозможно, приходилось почти на все выезды за стаб брать, но полной информации нет и у девочки.

Отъезд получился не только внезапным, а еще и хитрым. Карат не рискнул прорываться своими силами, подловить за стабом одинокую машину – проще простого. Посторонний транспорт в караван торговцы брать отказались, у них на этот счет строгие правила, для неплатежеспособных они их ни за что не смягчат. Это не казалось проблемой, ведь традиционный маршрут пролегал в считанных километрах от нужного места – удобно совпало. Конечно, ходок из Шуста никакой, зато большая часть пути проходит по лесу, а зараженные не очень-то любят

шастать в диких зарослях, им подавай богатые домашним скотом деревни и плотно населенную городскую застройку.

Потихонечку, подстраиваясь под хромающего товарища и делая частые привалы, как-нибудь дойдут и нелегкую поклажу донесут. Карат рассчитывал, что в самом худшем случае переход займет пять-шесть часов.

Увы, торговцы решили изменить маршрут, причем дважды. Точные карты в Улье – никем не виданная фантастика, но по тем, которые есть, выходило, что если попросить остановиться в ближайшем от нужной точки месте, дальше придется шагать около трех десятков километров, что прилично даже для сильных и здоровых людей, не говоря уже о многочисленных опасностях, – дорога там неудобная, придется пробираться через притягательный для тварей кластер.

И о том, что торговцы могут поведать всем интересующимся, где именно высадили пассажиров, тоже не надо забывать. Если не повезет, погоня подоспеет быстро. Среди не гнушающегося грязными делишками народа найдется и хорошая техника, и люди, наделенные такими умениями, что самый опытный следопыт в сравнении с ними – слепой ротозей, для которого что колея от бульдозера, что оттиски оленьих копыт – все одинаково.

В общем, от идеи добираться пешком Карат отказался. Вот и пришлось связаться с жадноватым Грошом и его подельниками. На вид мужики как мужики, видно, что не первый день в Улье, уже пообтесались под его непростые реалии, но и конченными головорезами вроде бы не стали. На пассажиров посматривают косо, те отвечают тем же, так и переглядываются. Это нормально, тут так принято – доверять никому нельзя. Ну а вдруг троим захочется проехаться бесплатно, да еще и обзавестись неплохой машиной – грузовиком, укрепленным стальными листами, решетками и даже колючей проволокой. Плюс вещички хозяев лишними не будут, за тот же пулемет с лентами можно неплохо получить, такие штуки в Улье ценятся дорого.

Хозяевам, в свою очередь, есть чем разжиться у пассажиров. За одну крупнокалиберную винтовку можно легко пойти на тройное убийство, даже если она окажется без патронов – не слишком распространенное и повсеместно востребованное оружие. Плюс неплохой автомат, плюс Диана, которую можно продать великовозрастным любителям школьниц в какой-нибудь беспредельный стаб.

Вот и приходилось поглядывать не только за окрестностями через бойницу, но и за Грошом с его людьми. То, что последние вели себя адекватно и не проявляли даже намека на агрессию, не успокаивало (ведь

когда проявят, будет слишком поздно). Нервозности добавляло и то, что незаметно покинуть «Караванный двор» не удалось. И дело не в том, что уход троицы видели дозорные на вышке у ворот – это было неизбежно. Просто откуда ни возьмись появился Черняк и направился наперерез, на ходу выпрашивая, куда это Карат подался в столь недобрый час, да еще и в такой милой компании.

Он даже Диану под ручку было ухватил, твердо намереваясь сопровождать ее куда угодно, потому как, по его словам, за воротами «Караванного двора» в такое время симпатичным барышням находиться опасно.

Девочка скривилась, реагируя на прикосновение Черняка, Карат даже заволновался, опасаясь, что она сейчас врежет по наглецу своим даром, что может привести к проблемам – нимф если и терпели, то лишь до тех пор, пока они не показывали, на что способны.

Сдержалась, а там и Черняка оставили в воротах с удивленным лицом, проситься поехать с ними он не стал, хотя, судя по роже, не отказался бы, предложи ему такое. Карат теперь на все сто процентов уверен, что это не случайный попутчик.

Возможно, прямо сейчас Черняк спешно организывает погоню. В таком случае его ждет разочарование: выследить грузовик на кластерах – зряшная затея, потому как дорог тут не так уж и мало, даже если знать, куда именно отправились беглецы, догнать – проблема. Сработать может, только если заранее перекрыть все выезды, а это сомнительно. При самом благоприятном раскладе Грош вернется на стаб спустя часа полтора, затем уйдет какое-то время, чтобы по-хорошему или по-плохому убедить его рассказать о том, куда он отвез пассажиров.

Даже если не повезет и абсолютно все будет играть на руку преследователям, у Карата и его спутников останется в разы больше времени, чем требуется. Но это, конечно, если Улей не внесет свои коррективы (а он в таких делах мастак).

Грош, отвернувшись от своей бойницы, громким голосом, перекикивая шум двигателя, заявил:

– Нижней дорогой пойдем, она к камышам прижимается.

– А чего так? – насторожился Карат.

В этом месте он бывал два раза – разведывая обстановку и выгружая полезные вещи. Именно здесь не проезжал, исключительно со стороны Полиса подбирался и рассматривал окрестности в бинокль. Прекрасно помнил, что верхняя дорога асфальтированная, состояние ее чуть ли не идеальное, можно с ветерком гонять. А вот о нижней такое не скажешь –

грунтовка, проходящая по угольно-черной почве, видимо, бывшее дно обмелевшего водоема, остатки которого чуть дальше утопали в непроглядных зарослях тростника и рогоза. В ненастную погоду там чуть ли не болото образуется, в сухую обстановка чуть получше, но наезженные вкривь и вкось колеи не очень-то скрасят поездку, а о приличной скорости можно будет позабыть.

– Чуйка у меня плохая, а чуйке верить надо, – пояснил Грош. – Не стоит нам сейчас на верхнюю уходить, не пустят нас. У мертвяков там что-то вроде тропы, поодиночке они там не показываются. Можно двадцать раз проехать и ни одной кривой рожи не увидеть, а можно в такую стаю влететь, что со счета собьешься. Вот чую, что сейчас стопудово влетим, так что ну его, лучше стороной обойдем.

Люди, долго прожившие в Улье, поголовно суеверны, в этом Карат убеждался все больше и больше. И с интуицией дружат – если та что-то подсказывает, пусть даже глупое или откровенно безумное, хватаются за эти подсказки обеими руками, невзирая на все разумные доводы. Так что спорить с Грошом бессмысленно, у него, скорее всего, нет никаких аргументов (если не считать ссылку на чуйку), но при этом переубедить его не получится.

Прикинув, что было бы, пойдя машина поверху, Карат припомнил там парочку неприятных мест, где лесополосы особенно густы и тесно прижимаются к обочине. За две поездки он не видел там ни одного зараженного или хотя бы следов их пребывания, зато видел улепетывающего фазана, а наличие дичи можно считать признаком безопасности района, пусть и далеко не стопроцентной. Грош тоже мог вспомнить про эти заросли и почему-то решить, что именно сегодня приближаться к ним опасно. А мог замыслить что-то нехорошее, для чего и понадобилось прижиматься к воде, поэтому расслабляться нельзя.

Да и вон Шуст тоже это понимает, глаза товарища сузились, поблескивают нехорошо. В машине и до этого витало дурное напряжение, но после резкого изменения маршрута оно сгустилось до того, что его можно руками потрогать.

Грош, подскочив, бросился к другой бойнице, зажимая свободное от наушника ухо ладонью. Резкое движение заставило Карата чуть изменить положение автомата, а Диана подалась ближе к стрелку у заднего борта, как было оговорено, готовясь взять его под свой контроль.

Но никаких признаков агрессии не последовало. Люди Гроша косились в бойницы, на пассажиров и на своего старшего, однако ничем опасным не пахло. Просто командир зачем-то захотел взглянуть на округу с другого

ракурса, возможно, ему что-то доложил водитель по радиосвязи.

– Э, народ! – громко произнес Грош. – Стая от дороги поворачивает. А чуйка-то не подвела, как специально караулили.

– Вижу, – буркнул Шуст. – Мелочовка разная.

– Да, мелочовка, но зато ее много, – ответил на это Грош. – А за ней и серьезные мертвяки могут подтянуться. Если ничего не будем делать, так и притащу их к мосту, а дальше сами справляйтесь, мы патроны цинками переводить не подписывались.

Карат, представив, как будет выглядеть высадка, покачал головой:

– Нельзя туда стаю тащить, сбрасывать ее надо.

– Не сбросим, – поморщившись, ответил Грош. – Дорога хреновая, не погонять по такой, да и ехать всего ничего осталось.

– Развернуться сможешь?

– И зачем оно тебе надо? Передумал туда идти?

– Тормозни там, где тростник с другой стороны дороги тоже растет, чтобы прикрыл. Мы выскочим, а вы сразу назад. Они за машиной уйдут.

– Километра полтора до моста осталось, доковыляет ваш хромой?

– Не доковыляет, так доползет. Давай останавливай. Народ, все на выход.

– Не торопись, ты кое-чего задолжал.

– Твое все здесь, – заявил Карат, отодвигая от себя скромный пластиковый пакет. – Как договаривались, стрельбы не было, автомат забираю, здесь твои патроны.

Грош, даже не дернувшись проверять плату, кивнул:

– Добро. Тормозим. Этих мы уведем, но место тут стремное. Аккуратнее держитесь, если попадетесь им на глаза, уйти тяжело будет. И кота на руки возьми, если увидят его, с ума сойдут, он для них как леденец для детей.

– За моего кота не переживай, он лучше тебя знает, что ему делать надо.

– Эх, где бы себе такого зверя найти!!

Через десять секунд Карат, перемахнув через борт, почувствовал под подошвами податливую насыщенную увлажненным илом почву. Еще через пять помогал спускаться тихонечко поругивающемуся Шусту, Диана справилась самостоятельно. Не по-джентльменски, конечно, руку барышне не подать, да еще и нагружать нелегким барахлом, но сейчас не до галантности.

Машина, взревев, ринулась дальше и тут же стала разворачиваться, с хрустом продавливая тонкую тростниковую стенку. За ней начинался

травяной луг, по которому с пологого пригорка спускалась стая шустрых зараженных. Карат тварей не видел и не слышал и на глаза им попадаться не планировал. Поэтому водрузил на плечо чехол с тяжелой винтовкой и скомандовал:

– Бегом за мной! В камышах пересидим! Гранд, а ну бегом!

Удобно – укрытие искать не пришлось. Несколько шагов, и вот уже троица со всех сторон окружена густыми зарослями из сухих и зеленых стеблей. Видимости нет вообще, но зато сами в невидимок превратились, их теперь и за три метра не разглядишь.

Слышно, как, затихая, удаляется машина, и по-прежнему не доносится ни звука, свидетельствующего о близости зараженных. Их урчание специфично, даже не слишком развитые твари могут вести себя очень шумно, если уши ничего не улавливают, значит, мертвяки пока что далековато.

Заметив, как Диана по стебельку перебирает тростинки с явным намерением создать просвет для разглядывания обстановки, Карат громким шепотом приказал:

– Ди, уймись! Ветра почти нет, если заметят, что тростник шевелится, всей оравой примчатся!

– Я же аккуратно.

– Сказано тебе – уймись!

Сидеть без дела непоседливая девочка не любила, а уж в тишине – вообще смерти подобно. Вот и сейчас не стала молчать:

– Этот Грош и его ребята – нормальные. Зря ты нехорошее о них думал. Вон утащили мертвяков за собой, помогли.

– Ну да, помогли, – хмыкнул Шуст. – И как я теперь полтора километра шагать буду? Для меня это почти кругосветка, выкинули в грязь, да еще и с голой жопой. В следующий раз я договариваться буду, а то с тобой и этого не останется.

– Доковыляешь как-нибудь, это не проблема, – заявил Карат, недовольный тем, что жадноватый товарищ раз за разом критикует его из-за чрезмерно щедрой оплаты. – Ты о другом думай – вдруг у Гроша подельники раньше приехали и караулят нас где-нибудь впереди. Выйдем на засаду, не думая о плохом, и хана.

– А зараженных тоже они заставили к нам бежать, чтобы из грузовика выгнать? – скептически уточнила Диана, продолжая защищать перевозчиков.

– Это могла быть случайность. А может, и не случайность.

– Ты ужасно недоверчивый тип.

– Спасибо, Диана, стараюсь. У меня были хорошие учителя.

– Раз уж вы так мило треплетесь, можно и мне пару словечек ввернуть? – язвительно-вежливо поинтересовался Шуст. – У меня, собственно, всего лишь один вопрос: какого хрена мы вообще здесь делаем?

– Пересаживаемся на другой транспорт, – ответил Карат.

– Да я в деревянном гробу видел такие пересадки. Что за блажь тебе в голову взбрела? Нет, я тебя послушался без лишних базаров, как друга, но, по-моему, самое время начать растолковывать, во что ты на этот раз меня ввязал. И ребенка, кстати, тоже. А то лежу я на мягком, сон красивый смотрю, и вдруг меня будят и, ничего не объясняя, командуют шустро шагать за собой со всеми манатками. В итоге нас завезли на какой-то край географии, рядом мертвяки толпами носятся, шагать куда-то надо на своих двоих, а мне – так на всех четырех. И чем тебя старый транспорт не устраивал?

– Там, куда нам надо, он не пройдет.

– Машинка у ребят – чистый вездеход. Редкая техника, ее германцы раньше делали, выпуск прекращен, но им сноса нет, проходимость такая, что, пока не увидишь, не поверишь. А может, их где-то до сих пор штампуют, миров много, варианты всякие подворачиваются. Куда же ты нас тащишь, если там даже немецкое качество не проедет? Или по деньгам за километраж с Грошом не сошлись?

– По деньгам он нас выдоил, словно колхозных буренок, до последнего метра все оплачено, дальше никак. Но дело тут не в оплате, до нужного нам места машина не проедет. Дойдем до моста, сам все поймешь.

* * *

Не считая страдальческих стонов Шуста, очень даже ловко управлявшегося с костылями, переход обошелся без проблем. Пару раз укрывались в тростнике, но не потому, что замечали угрозу, просто осматривались перед тем, как выбраться на опасно открытое пространство. Ни зараженных, ни засады, оставленной с подачи коварного Гроша, не обнаружили. Зря о перевозчике плохое подозревали – похоже, нормальный мужик.

Карата трудно считать бывалым. Да, в Улье он не совсем новичок, но стаж у него несерьезный. Однако этого времени хватило, чтобы подметить немало полезных моментов. И когда мысль о том, что из Полиса, возможно, придется уходить в большой спешке, зародилась в его голове, он недолго

раздумывал над маршрутом и выбором транспорта.

Спустившись с насыпи, подпиравшей железнодорожный мост, Карат дождался, когда кручу преодолеет отставший Шуст, шагнул в тростник, безжалостно сминая и ломая аккуратно сгруппированные стебли, которые до поры до времени скрывали незамысловатый тайник, устроенный под куском обычной рыболовной сети с вплетенными в нее пучками соломы.

Ухватившись за ручки, с натугой вытащил из зарослей черную сумку необъятных габаритов. Шуст, глядя на нее, присвистнул:

– Ну ни хрена себе баул, в барыги, что ли, податься решил? Жадности в тебе на два Израиля хватит, ведь даже поднять не можешь.

– Видели бы вы, как я его в машину грузил, а потом выгружал, это была песня.

– Вообще-то я видела и даже помогала, – сообщила Диана.

– Да от тебя помощи... страх один, что придавит.

– Лодка, что ли? – догадался Шуст.

– Ну да, лодка. Сейчас накачаем по-быстрому и водой уйдем. Лодка большая, на толпу рассчитана, с комфортом поместимся.

– Запаримся такую качать.

– Так я баллон со сжатым воздухом прихватил.

– А разве можно так?

– Пробовал уже, нормально получалось. Ди, ты заберись наверх и там поглядывай в сторону горки, чтобы к нам гости незаметно не подобрались.

– Хорошо.

– Рацию включай только в крайнем случае, тут, если что, спуститься и рассказать – недалеко.

Вряд ли, конечно, Черняк успел собрать оснащенную пеленгаторами погоню, но паранойя в Улье чрезмерной не бывает.

В прежние времена эта лодка хранилась на складе в ожидании зажиточного покупателя – изделие не из дешевых, качеством за версту прет. Производитель в сопроводительных бумагах клятвенно обещал, что его шедевр кораблестроения выдерживает самые запредельные нагрузки и не зарабатывает критичные повреждения после контактов с плавающими корягами и скальными пляжами. В том случае, если все же получит пробоину, трагедия «Титаника» не повторится, потому как плавучесть обеспечивается множеством надежно изолированных отсеков.

Теперь все эти отсеки приходилось заполнять по очереди. А еще надежность в том числе сопровождалась повышенным весом, в свое время Карат едва спину не сломал, затаскивая лодку в машину (и это с учетом того, что жесткое днище и скамейки переносятся отдельно). Нечего и

думать спускать ее на воду вместе с грузом и мотором, все это придется затаскивать отдельно.

Диана скатилась вниз в тот момент, когда Карат заканчивал с предпоследним отсеком. Подскочив к нему, девочка возбужденно произнесла:

– Зараженные.

– Где? Сколько? – подобрался тот. – От верхней дороги идут?

Диана покачала головой:

– Нет, по нижней, как мы шли. По-моему, они наши следы обнюхивают. Всего двое, но один страшноватый, на топтуна похож, походка у него с подпрыгиванием. И позади могут быть другие, там за тростником не видно. Только-только из-за поворота вышли.

Карат, вспомнив, где располагается этот поворот, чуть расслабился и уточнил:

– Быстро идут?

– Нет, даже медленнее Шуста. Оглядываются все время, пригибаются, по сторонам бегают. Говорю же – принюхиваются, что-то чуют.

– Бегом назад и следи за ними. Как дойдут до последнего поворота, где дорога вверх поднимается, сразу возвращайся. И не высовывайся, если они тебя заметят, принюхиваться уже не будут, напрямую помчатся.

– Да знаю я, знаю.

* * *

Лодку стаскивали на воду вместе с Шустом, товарищ по такому поводу почти позабыл о своей жуткой хромоте. Хотя Карат и сам бы справился, как это ни странно, но в разложенном состоянии посудина не казалась такой неподъемной, как прежде. К тому же этот бережок выбран не просто так – он с двух сторон прикрыт стенами высокого тростника и даже частично с воздуха заслонен железнодорожным мостом, а также весьма удобен для подобных дел – имеется пологий песчаный спуск, а на урезе воды образуется резкая ступенька, так что глубина приличная уже в полушаге от суши.

Диана поспешно спустилась вниз, когда Карат начал торопливо передавать вещи Шусту, уже рассевавшемуся в лодке.

– Они сюда идут. Быстро идут и почти не принюхиваются.

– Меня почуяли, – уверенно заявил Шуст. – Я же до корней волос больницей пропитался. Запашок специфический и не выветривается, как я

ни терся мочалкой, чем ни обмазывался, а все равно для их носищ чуток осталось.

– Мы успеваем, – произнес Карат, не прекращая погрузку. – Ди, много их там?

– Двое впереди, и еще шестеро за ними идут, но отстали сильно.

– Давай и ты в лодку.

Заминка возникла с мотором, Карат не хотел возиться с ним на воде, здесь этим заниматься гораздо удобнее. Развернул лодку транцем к берегу и, забредя в воду по колено, торопливо возился с креплениями. Планируя это дело, тренировался в Полисе и с накачкой, и с прочим, там все получалось без заминок, а здесь, из-за нервной суеты и непривычной обстановки, руки путались.

Кот мерзко рывкнул, зашипел, угрожающе выгибая спину, позади нехорошо заурчали. Шуст, скорчив зверскую рожу, вскинул взведенный арбалет, прижал приклад к плечу, а Диана торопливо пролепетала:

– Карат, быстрее в лодку, потом все сделаешь, они нас увидели.

Обернувшись, оценил угрозу. Пара зараженных успела добраться до тени от моста, оба быстрые, будут на берегу секунд через пятнадцать. Один ничего серьезного собой не представляет, на нем даже одежда частично сохранилась, простой бегун, развитый чуть выше среднего. А вот второй опасен: ни одной тряпки не уцелело, тело местами несимметрично искривилось, колени вывернулись, чуть разошлись в стороны, походка стала характерно подпрыгивающей. Обычное дело для тех, кто вырастает из бегунов и далее из лотерейщиков – на этой стадии радикально меняется опорно-двигательный аппарат, доходит до того, что обновляемая костная ткань прорывает кожу на ступнях. Далее эти выросты преобразуются в шпоры и защитные пластины, но до того, как это случится, твари на некоторое время обзаводятся звонкими «каблучками» и двигаются странновато.

Такие монстры считаются серьезными, подпускать их к себе чревато, их нужно всеми доступными способами уничтожать издали, благо, кости видоизменились еще не до такой степени, чтобы остановить пулю. Правда, с пистолетами и дробовиками, скорее всего, возникнут проблемы, да и приличный нарезной ствол может потребовать от стрелка полной отдачи сил – не так уж много уязвимых точек у топтунов, ранения во все прочие точки вряд ли его остановят.

Но все эти рассуждения к Карату относятся лишь теоретически. Он сейчас в прекрасной физической форме, его запас сил полон. Играючи прикончит три-четыре такие твари, если те будут располагаться кучно,

дабы не бегать за ними, так что нет смысла спасаться на воде. В затылочном мешке топтуна можно найти от двух до шести споранов, также с высокой вероятностью встречаются горошины (жаль только, что всегда по одной, слухи о том, что бывают исключения, по правдоподобности приближаются к рыбацким историям о поимках шестиметровых сомов по три штуки за раз на голый крючок). Так почему бы не взять трофеи, которые сами просятся в руки? Других тварей поблизости нет, можно успеть сделать дело и уйти.

Навалившись на маломощный мотор, задрал его на транце, чтобы не цеплялся винтом за дно при отплытии, поднялся, развернулся, одновременно вытаскивая нож. Топтуны не настолько хорошо защищены, до уязвимых мест можно добраться коротким клинком, но Карат не собирался пачкать лезвие. Зачем, если абсолютно у всех тварей имеется слабая точка, которая, по непостижимому капризу Улья, даже на самых развитых стадиях остается почти беззащитной против самого несерьезного оружия? В ней нет ни крови, ни сукровицы, ни липкой вонючей требухи – ни капли грязи на сталь не прилипнет.

На последних шагах топтун не на шутку ускорился, готовясь в прыжке подмять под себя жертву, размазать по земле, разрывая массивными когтями на почти не гнущихся пальцах, впиться клыками, давить и ломать.

А Карат в ответ на это просто напряг уши.

Странно, но, даже освоившись с подарком Улья, он продолжал использовать способ, которому его научил Чтец. Ну а зачем искать новое, если старое работает прекрасно?

Мир стал неподвижным. Стебли тростника, склонившиеся под напором налетевшего порыва усиливающегося ветра, замерли; птичка, испуганно вспорхнувшая при виде атакующей твари, зависла в воздухе, забавно растопырив крылышки; мертвяк, уже начавший отрываться от земли в прыжке, превратился в уродливого натурщика для скульптура, задумавшего создать шедевр, демонстрирующий крайнюю степень физического напряжения.

Карат пробирался через воздух, превратившийся в неохотно расступающееся желе, и старался двигаться равномерно, это снижало травмирующий эффект ускорения. Человеческие тела неприспособлены к таким нагрузкам, от них опасно напрягаются связки, мышечные волокна и ткани суставов, если увлечься всерьез, может дойти до того, что заработаешь целый набор растяжений, разрывов и даже переломов. Поэтому, как бы ни было ценно время, спешить – делу вредить.

Обогнув топтуна слева, Карат наконец увидел споровый мешок –

чужеродный бугор, выпирающий из затылка половинкой большущей чесночной головки, зачем-то выкрашенной в грязно-бурый цвет. Вытягивая руку, с натугой ткнул кончиком ножа между «зубцами», которые в ответ на это податливо разошлись, открывая доступ к уязвимой начинке.

На этот раз Карат не забыл, что начинка эта еще и ценная. Раньше, регулярно повторяя такой трюк «на автопилоте», нередко провоцировал лезвие ножа, жестоко калеча сердцевину спорового мешка. И все бы ничего, вот только в реальном потоке времени сталь срабатывала наподобие насадки миксера, взбивая содержимое в однородно-раздробленную массу и заставляя его разлетаться в стороны.

Это лишнее. Вполне достаточно добраться до начинки и легонько провести по ней кончиком ножа, разрывая черные нити – что-то вроде альтернативной нервной системы, управляющей зараженными. Даже незначительное повреждение этой непрочной ткани обычно приводит к мгновенной гибели.

Выйдя в нормальный режим, даже не оглянулся на характерный звук падения нелегкого тела на песок. Этот мертвяк уже не боец, а вот второй очень даже воинственно настроен, драма со старшим собратом, разыгравшаяся у него на глазах, ничуть не поумерила пыл.

Тупой, как все бегуны.

Но на этого Карат переводить запас сил не будет, обойдется минимумом. Руку в подсумок, выхватить увесистую звездочку, замахнуться, выждать пару секунд, позволяя твари приблизиться на совсем уж смешную дистанцию, затем ускориться всего лишь на кратчайший миг, придать куску стали ускорение в нужном направлении и выйти в нормальный режим, одновременно отскакивая в сторону.

Мертвяк, продолжая протягивать руки к тому месту, где только что располагалась вожделенная добыча, проскочил мимо на заплетающихся ногах. Морда его, и без того грязно-уродливая, стала совсем уж печальной – звездочка прорубила теменную кость, целиком уйдя в череп, из жуткой раны толчками выплескивалась темная кровь.

Развернувшись, Карат переступил через завалившегося бегуна, ноги которого отказывались смириться со смертью и взрывали песок в тщетных попытках поднять тело, присел возле затихающего топтуна, вонзил нож в дыру на споровом мешке, провернул клинок вокруг его оси. Уродливая туша мелко задрожала и затихла, позволяя убийце приступить к последнему этапу.

Когда-то Карата тошнило при одной мысли о том, чтобы прикоснуться к такой твари. А сейчас он невозмутимо разрезал оболочку спорового

мешка и сгреб в комок все его содержимое – спутанную массу из черных нитей, в которой там и сям прощупывалось что-то твердое и явно полезное.

Теперь эту массу необходимо перебрать и извлечь ценное содержимое, после чего можно заняться бегуном. Добыча из мелких тварей нерегулярна и не блещет количеством, но это не повод оставлять их тела в покое – как-никак основные поставщики споранов – именно они.

– Карат, в лодку! – резанул по ушам крик Дианы.

Девочка не из молчуний, но даже на безопасных стабах голос повышать не любит, а уж на кластерах тише воды себя ведет. Если она закричала, значит, соблюдать тишину уже нет смысла.

Карат понятия не имел, что происходит, но не начал озираться по сторонам, пытаясь заметить то, что увидела Диана. Он, ни мгновения не теряя, бросился к лодке.

Плевать на оставленного невыпотрошенным бегуна, плевать на все сокровища Улья: жизнь – это то, что не купить ни за какие деньги ни во внешних мирах, ни в этом аду.

Прыгнул в лодку в тот миг, когда Шуст разрядил арбалет, целясь в кого-то за спиной друга. А Карат, с силой оттолкнувшись от берега, подхватил короткое весло, начал упираться им в дно, будто шестом, поспешно уходя от берега. И при этом не оглядывался, не до того сейчас.

Воду твари не любят до такой степени, что обычно не лезут в нее, даже если это обещает богатую добычу. Но правило касается лишь приличной глубины, на мели они действуют, пусть и не настолько прытко, как на суше, но тоже опасны и особых колебаний перед тем, как замочить ноги, не испытывают.

Лодку подхватило течение, неожиданно сильное, обычно в Улье это редкость, тут что участки рек, что каналы, что озера ведут себя спокойно или даже успевают превратиться в заросшие ряской болота, обновляемые при перезагрузках.

Карат наконец обернулся. Так и есть, Диана кричала не зря, на это была веская причина: стая разномастных зараженных примчалась по железнодорожному мосту. Оттуда они прекрасно видели и лодку, и людей, но спуститься не могли, это можно сделать лишь дальше, пройдя около сотни метров. Но для тварей, с их голодной нетерпеливостью – слишком серьезное расстояние. Поэтому они, добираясь до последнего пролета, не раздумывая, сигали вниз. На пяточке пляжа, где перед этим Карат занимался погрузкой, а затем убивал мертвяков, царило столпотворение: уже не меньше десятка монстров спустились самым поспешным способом. Несмотря на мягкий песочек, при падении некоторые переломали ноги и

теперь ползали или жутко хромали: все же высота даже для этих малоуязвимых существ великовата. Те, которые с виду не пострадали, тоже выглядели пришибленными: должно быть, сказывались сильные удары при приземлении.

Все до одного: и покалеченные, и нет – толпились на урезе воды, провожая лодку голодными взглядами. А сверху продолжали сыпаться все новые и новые мертвяки, лишь единичные твари осознавали, что птичка упорхнула, и отправлялись в обход.

Слей Карат свой дар до последней капли, он бы и с четвертой частью такой стаи не успел разобраться. Да их тут не меньше полусотни, причем хватает развитых – тех самых топтунов и даже кое-кто покруче носится.

– Ди, откуда они взялись?! – чуть не выкрикнул Карат, во всей красе представляя, что бы произошло, начни эти мертвяки сыпаться ему на голову с высоты моста. – Ты же говорила, что там кучка мелочи, причем далеко.

Девочка покачала головой:

– Они с другого берега пришли. Вон смотри, отставшие бегут. Это не те мертвяки, на которых мы еще на машине наткнулись, это другая стая.

Посмотрев на мост, Карат убедился в правоте Дианы и возмутился:

– Я тебя зачем посылал за насыпью, ты должна была заранее их заметить.

– Но, Карат, я следила за дорогами. Что творится за мостом, оттуда смотреть неудобно, его железяки заслоняют.

– Малышка права, – заметил Шуст, взясь с мотором. – Надо было ее на мост посылать, оттуда она бы все, что нужно, увидела.

– Оттуда в случае чего быстро вернуться не получится, и ее могли заметить, – сказал Карат и, присев на жесткую скамейку, начал машинально перебирать черный комок, который до сих пор сжимал в ладони.

– Я у тебя вечно виноватая, – пожаловалась Диана. – Мог бы и сам подумать, что оттуда эту сторону не видно.

– Не бурчи, – ответил на это Карат, – и вообще, радуйся, нам сегодня везет.

– Угу, успели убратся до того, как эти посыпались, – согласился Шуст. – Должно быть, разглядели нас с другого берега, там горка удобная, как специально поставленная, с нее если смотреть, тростник не мешает. Вот и примчались, а мы, как последние тупицы, возились с лодкой и не догадались оглядываться.

– Я не об этом говорю, – возразил Карат. – Посмотри сюда – горошина попалась. Они не во всех топтунах встречаются, так что нам и правда

повезло.

– Приблизительно баш на баш шанс вытащить, – сказал Шуст. – И вообще, Карат, тебе всегда с этим делом фартило. Помнишь того лотерейщика?

– Это когда мы первый раз встретились?

– Ага, тот самый раз. Это когда ты в багажник от него прыгнул.

– Не в багажник, а закрылся в машине, – поправил Карат.

– Не спорь, а то я Диане расскажу, каким смешным ты тогда был. Ласточкой в машину влетел, я смотрел на это и диву давался, прям гимнаст какой-то. Видела бы ты ту машину, самая убогая во всем городе, малолитражка для девочек, по-моему, даже розовая, кузов из бумаги, его, наверное, и бегун порвать мог.

– Гнусное вранье и насчет розового, и насчет кузова из бумаги, – вклинился Карат.

– Не перебивай старших и не оправдывайся, все было именно так. Так вот, в том лотерейщике тоже горошина была, а ведь шанс куда меньше, чем в топтуне. Так что на везение Карат богатый. Хотя, если чуть головой подумать, начинаешь понимать, что все мы везучие, потому как другие в Улье долго не живут.

– Я это уже раз двести слышала, – заявила Диана.

– Слышать слышишь, а понимать не понимаешь. Привыкай, что попала в мир везучих людей. Одним везет больше, другим меньше, а те, кому совсем не везет, до крестин дожить не успевают. У тебя, Карат, везения на семерых, попробуй только со мной не согласиться. Но ты знаешь, иногда я начинаю мечтать отмотать время назад. Ненадолго, на самую малость. Попасть в тот самый город, в тот самый день, когда ты сидел в смешной машине и смотрел безумными глазами, как тебя оттуда выковыривает голодный мертвяк. К гадалке не ходи, на этот раз я бы не стал стрелять, я бы развернулся и убрался оттуда на цыпочках. Шли бы лесом и ты, и твое везение, ты и на себя и на меня приключения находить успеваешь.

Глава 11

В лодочных делах Карат ориентировался слабо и потому, похоже, прогадал с мотором. Этот выбрал исключительно за малый вес, простоту, кажущееся удобство и, вот уж смех, привлекательный дизайн. Но оказалось, что он слишком маломощен для такой посуды. Шуст поначалу изображал из себя спеца, обещая, что они вот-вот разгонятся, встанут на глиссаду и помчатся с ветерком, но ничего подобного не происходило – так и плелись по чуть-чуть.

С другой стороны, куда им торопиться? Да и плюсов в неторопливости хватает: снижается риск налететь на малозаметную корягу, такое с Каратом уже случалось; неспешный проход позволяет как следует разглядывать окрестности, а это позволит заранее заметить угрозу; ну и самое приятное – движок тарахтит еле-еле, то есть не выдает себя на всю округу, что для Улья очень ценно.

Шусту наконец надоело экспериментировать с мотором, оставив его в покое, он пожаловался:

- Отстой китайский, ни на что не годен.
- Вроде бы японский, – возразил Карат.
- Ага, ну да, конечно, японский он, само собой. Ты его хоть не за деньги брал?
- Бумажник дома забыл. Да и продавец там не деньгами, а мясом брал.
- Ну тогда хоть не так обидно. Ладно, пусть потихоньку молотит, ни на что другое не годен, не глохнет, и ладно. И, Карат, раз уж мы идем чуть ли не в полной тишине и ничего не отвлекает, может, захочешь нам что-нибудь рассказать?

Последнюю фразу Шуст произнес с издевательской вежливостью, но Карат прикинулся, что не понял подоплеку:

- Ты о чем сейчас?
- Да все о том же! – взорвался Шуст. – Я, блин, инвалид недобитый, хрен знает, откуда на своих двоих приперся, и хрен знает, что сейчас делаю! Если уж ты загнал нас в эту лодку, так, будь добр, объясни, что мы вообще здесь делаем, куда идем, что вообще это значит. Ты ведь лодку и все остальное заранее готовил, а мне вот ни полслова не сказал. Вот какой ты мне после этого друг?

– И мне он тоже ничего не сказал, – пожаловалась Диана. – А я ведь ему помогала.

– Да просто не до разговоров было, – ответил Карат. – И вообще, чем меньше народу знает о задуманном, тем лучше. Я ведь понимал, что Бирон не проглотит обиду, вот и готовил нормальный отход.

– Ты этот смешной бред называешь нормальным отходом?! – не успокаивался Шуст. – Видал я наивных дураков, но таких – впервые.

– Как мог, так и готовил.

– А чем тебе барыги не угодили? Уж ради нас одних никто бы на их караван не полез. Не так много за вас давали, чтобы ловить по всему Улью. Ушли бы на юг, под самый Дон, там ни одна собака не достанет, живи не хочу, если местные не прирежут за просто так, что очень даже возможно.

– По-моему, нас пасли. Был в караване как минимум один подозрительный тип, набивался в друзья. Ты его видел, он выскочил, когда мы к машине шли. Помнишь?

– Это который Диану за руку хватал?

– Он самый.

– Не будь у меня костылей, я бы руку ему в двух местах сломал, а может, и в трех. Тетеря ты сонная, Карат, потому что глядел на это и ничего не делал. Ну да ладно, речь о другом. Этому типу пришлось бы долго с нами проехать, караван шел хрен знает куда на юг, а там, в отрыве от подельников, не так-то просто продолжать за нас цепляться, если бы мы пошли другим транспортом. И, в конце концов, мы могли реально добраться до мест, где всем плевать на такой заказ, потому как заказчик ну очень далеко, вопрос оплаты становится почти неподъемным. Тут Улей, тут у нас ни Интернетов, ни банковских переводов, ни хотя бы телефонной связи, чуть отъехал из своей деревни, и считай, что на другую планету попал, связь хуже, чем голубиной почтой. Даже когда тебя в черный список занесли, есть шанс нормально жить дальше, если не наглеть. Всего-то и надо – добраться до мест, где о наших черных списках слышать не слыхали, в глобальные списки разве что самые элитные кадры попадают, но попробуй настолько накуролесь. Да и глобальные – еще не значит, что они везде работают. Всего-то и надо – отъехать еще дальше. Говорят, есть места, где о черных списках вообще знать не знают, живут, как неандертальцы какие-нибудь, если не хуже. Давай уже ближе к теме, Карат. Куда мы идем и почему все так сложно? У тебя на морде написано, что ты не Бирона испугался, есть еще кое-что, из-за чего тебя понесло именно сюда. Делись, пока я кое-кого веслом не приголубил. Ты сегодня меня злишь до зубовного скрежета, не искушай.

Оглядевшись, Карат с досадой заметил:

– Здесь нежелательно о таком разговаривать.

– И кто же нас подслушает посреди реки? – язвительно поинтересовался Шуст. – Рыбы-шпионы? Боевые водолазы с секретными микрофонами?

– Понимаешь, этот кластер не подходит для таких разговоров.

– Смешной ты человек, чем тебе кластер-то не угодил?

– Это стандартный кластер, ты меня с лодки выкинешь, если скажу, в чем дело.

– О чем ты вообще?

– Я о том деле, на которое пошел вместе с Рэмом. Помнишь, кем был наш клиент?

– Ты о скреббере?

– Шуст, я тебя не узнаю, ты сильно изменился после ранения. Поминать скреббера на стандартном кластере – самая плохая примета.

– Дите ты еще наивное. Много понимаешь в плохих приметах, ага. Будем считать, что наша лодка – стаб, а все мои суеверия оторвало вместе с ногой, которую ты, собака неблагодарная, даже похоронить по-человечески не догадался. Тебя это успокоило?

– Меня – вполне. Тебя – не знаю.

– А тебе и не надо насчет меня знать, тебе говорить надо. Так что давай дальше.

– Скребберов было два, – как можно равнодушнее произнес Карат и, не удержавшись, подмигнул товарищу.

Шуст несколько секунд переваривал информацию, а затем воровато огляделся по сторонам и резко изменившимся голосом вкрадчиво уточнил:

– Это то, о чем я подумал?

– Если ты подумал о том, что выпотрошили мы всего одного, а второй так и валяется там в относительно укромном месте, причем о нем никто не знает, то да – именно оно.

– Диана, ущипни меня или лучше двинь веслом по голове. Сукин ты сын, Карат! Каратище! – восхищенно выдал Шуст. – Я знал, я всегда знал, что ты что-то такое отчебучишь, что за тебя держаться надо, и плевать на ноги оторванные, все окупится.

– Я старался, – скромно произнес Карат.

– А как же ментаты? Почему это не выплыло?

– Потому что они не спрашивали.

– Да быть такого не может, уж о таком они бы точно спросили.

– Ну почему же? Что им, в сущности, было известно? Что скребберы – самые редкие создания Улья, в доступных местах их встретить почти так же непросто, как инопланетянина во внешних мирах, и стоями они не

бродят. Разведчики засекли только одного, о чем и доложили. Даже мы, проторчав там столько часов, были на все сто уверены, что клиент обосновался там в горном одиночестве. Когда выбрался второй, я глазам своим не поверил, это было неожиданно и некстати. То, что вам это рассказываю, настоящее везение, я должен был там остаться вместе со всеми. Вы не представляете, что это за твари: сильные, быстрые, ловкие, панцирь на вид тонкий, но от него даже бронебойные пули отскакивают и кумулятивные гранаты не прошибают, сам видел. Мы, при всей подготовке позиции и хорошем оружии, при наших навыках и умениях Улья, завалили одного, потеряв троих, и все лишь благодаря тому, что тварь сглупила, она полезла на крышу, вместо того чтобы одного за другим вычищать нас снизу вверх. Вторая выбралась, когда мы все собрались внизу, тут уже без вариантов, да и нехорошее перед этим началось, парочка уродов решила все захватить себе, до стрельбы дошло. Повезло, что скреббер был мельче первого, и еще он пошел по оставшимся минам, иначе я бы с вами здесь не сидел.

– Почему ты сразу не забрал жемчужины? – спросила Диана.

– Быстро их не вытащить, надо панцирь ломать, копать в потрохах, мешок внутри припрятан. К тому же тварь при подрыве мин только ранило, она уползла к себе в логово, я ее уже там добивал. Потерял время, набежали зараженные. До этого они там не крутились, похоже, боялись клиентов, а тут будто почуяли, что бояться больше нечего, или стая оголодала до потери страха. Сами знаете, что их привлекает стрельба, а уж постреляли там как следует. Мне повезло, даже царапины не получил, крови на одежде ни капли, плюс химией обработал тряпье перед делом, по запаху меня не засекли. А там выждал, когда округа чуть успокоилась, и тихо слинял. Силу слил в ноль, когда клиентов валили, без нее лезть зачищать мертвяков побоялся. Это все-таки запад, там их хватает, причем серьезных.

– Я бы ни за что такое сокровище не бросила.

– Маленькая ты и глупая. Ну зачем жемчужины мертвецу? Жизнь – вот что самое ценное, если и рисковать, то чем угодно, но только не жизнью. И еще кое-что учти – представь, что я добрался до второго клиента и распотрошил его мешок. И что потом? А потом, спроси меня ментаты о количестве жемчужин, пришлось бы отвечать правду. Я их всего пять вытащил, так им и сказал, все по-честному. О втором скреббере они не заикались, потому что не подозревали о его существовании.

– Да понял я, понял, – сказал Шуст. – Это получается, что там можно еще пяток белых намутить?

Карат пожал плечами:

– Без понятия. Я пытался наводить справки, но так и не понял, сколько жемчужин можно из них достать. Первый был крупнее, второй мельче, так что, наверное, выхлоп будет похуже. Но не уверен, и вроде как пустыми скребберы не бывают, хотя бы одна должна быть.

– Даже одна – уже супер, – довольно осклабился Шуст.

– А если зараженные растащили тушу вместе с жемчужинами? – обеспокоилась Диана.

Шуст покачал головой:

– Я всякого навидался, но такого не припомню. Споровые мешки они разве что случайно могут порвать, да и скребберов трогают очень редко, и только особых, не всех подряд.

– А ты разве видел мертвых скребберов?

– Одного видел.

– Где?!

– На Внешке. Нравилось мне туда заходить в былые времена. Как бы накатывало периодически, дергать начинало, только и думал в такие моменты, как бы половчее добраться до Востока. Это обычное дело среди нашего брата. Вот чем Внешка от всего остального отличается? Знаешь?

– Ну... в первую очередь – наличием внешников.

– Верно, там внешники засели, а внешникам не нравится, когда рядом с их базами серьезные твари ошиваются. Вот и валят их всеми способами, а способов этих хватает. У них и беспилотники летают, которые в автоматическом режиме отрабатывают по горячим целям, и роботизированные турели тем же самым занимаются. Стоит себе на холме вышка железная, а на вышке винтовка вполне себе артиллерийского калибра миллиметров на двадцать пять, а то и все тридцать. Аппаратура засекает крупную тепловую аномалию, определяет температуру, сверяет параметры с базой данных, если все сходится, начинает обстрел. Для элиты ничего не жалеют, залпы ракетные дают или даже вертолеты поднимают. У внешников кое-какие отношения с мурами, туда-сюда торг идет, поэтому потроха с тварей они забирают. Но только не в тех случаях, когда поработала автоматика, им ведь леньшний раз зад от безопасной базы оторвать. Если у тебя с ушами и глазами проблем нет, сиди в удобных местах, слушай да смотри, где и что бабахает. Определил перспективные звуки, начинай искать. На тебя автоматика не среагирует, если пешком ходить будешь, это с моторами у нее просчеты случаются. Так что можно бродить под самыми турелями, главное, к ним не подходи, там мины против таких, как мы, поставлены. Если повезет, можно неплохо

подогреться, тупо вырезая потроха из бесхозных тушек. Я там видел руберов и даже элиту, объединенных до последней косточки, но при этом споровый мешок оставался нетронутым.

– Всегда?

– Ну это если его до меня коллеги по промыслу не распотрошили. Тварям он вообще неинтересен, даже мясо рядом с ним могут муравьям и мухам оставить. Не похож он на вкусную вырезку, в нем ни одной кровинки нет, и вообще, с ним все непросто.

– У скреббера споровый мешок внутри головы, – добавил Карат. – Стенки там плотные, твердые, с трудом режутся. Я однажды элиту потрошил, с ней гораздо проще было. Сам мешок похож на обычный за счет долек, но у него более округлые очертания, и он здоровенный, размер почти с астраханский арбуз. Думаю, мертвяки его не тронули, ты насчет этого сейчас все подробно рассказал.

– А что такое астраханский арбуз? – заинтересованно уточнил товарищ.

Карат было решил, что над ним подшучивают или даже издеваются, но вспомнил про возможные разницы миров и пояснил коротко:

– Большой арбуз. Полосатый.

– Так бы и сказал, а то умничаешь.

Сделав в памяти заметку, что с Шустом на досуге будет интересно поговорить о географии его мира, Карат закончил свою мысль:

– Получается, не так далеко отсюда лежит невыпотрошенный скреббер, и только я один знаю, где находится это место. Вот и решил, что чем быстрее туда схожу, тем лучше.

– Сразу надо было идти, – заявила Диана.

– Сразу не получилось. Там твари резвились, нарываться не хотел, кто знает, сколько они могли проторчать возле трупов, долго сидеть рядом с ними опасно, пришлось уходить. Потом в Полис бегом помчался, боялся, что Шуста на улицу выкинут, если я быстро не вернусь. А там завис, Диану оставлять не на кого и Бирона опасался, без меня кому вас от него прикрывать. Ждал, когда тебя на ноги поставят, но на всякий случай готовился резко сорваться. Как завертелись дела, пришлось выдергивать из больницы и улепетывать.

– А почему водой решил идти? – спросил Шуст.

Карат покачал головой:

– Только водой не получится. То есть до самого конца не получится. Там есть канал, но он мелкий, узкий, не спастись там на воде. Да и не знаю дорогу к этому каналу. В Улье, конечно, вода с водой соединяется, совсем

уж обособленные линейные водоемы – редкость, но в этом мокром лабиринте даже с картами не разобраться, а те карты, которые имеются, подробно показывают только ближайшие места, и неточностей даже там хватает. Я тогда большую часть пути назад прошел именно по воде, там же и Диану подобрал. Горя не знал – нормальная дорога.

– Ага, – кивнула девочка. – Я на него возле реки наткнулась, над ней еще мост был недостроенный. Там бы я и осталась, на этом мосту, за мной мертвяк гнался, я Карата даже не видела, со зрением тогда плохо было, все, что дальше сотни метров, тяжело разглядывать. Вот и не поняла, что впереди тупик, так и продолжала ехать.

– Когда уже с тобой плыли, помнишь, на озеро вышли? – продолжил Карат.

– Ага. Там еще тип на квадроцикле гонял, ох у него и глаза были, когда с нами разговаривал.

– Гидроцикле, – поправил Карат. – Там на западной стороне просматривались высотки городского кластера. Если верить картам, с такими размерами и приметами в этих краях всего лишь одно озеро, причем или берега у него изменчивые, или тят-ляп рисовали, от карты к карте береговая линия капитально отличается. Русло, по которому мы сейчас идем, доходит до этого озера, на всем протяжении оно широкое, перетаскивать лодку по суше не придется и заблудиться трудно. Даже если нарвемся на разветвление, в худшем случае оно быстро заведет нас в тупик, и без промедления вернемся назад, к тому же обычно через некоторое время ответвления вливаются в основное русло. Говорят, в Улье, или как минимум в этом регионе Улья, ветвящиеся и снова соединяющиеся водные пути – обычное дело. Вся местность к западу отсюда богата водой, значит, зараженным не очень интересна, они ее избегают.

– Ты поэтому решил водой идти? – гнул свою тему Шуст.

– Стикс научил меня любить воду. Два раза по ней ходил, и оба более-менее удачно. Зато на суше на что только не нарывался.

– Насчет тварей ты не совсем прав.

– Это как?

– Воду они и правда не любят, но ходить по берегу водобоязнь им не мешает. Они ведь не вечно на одном кластере торчат, нападает на них время от времени мания как следует побродить, особенно на западе это заметно. Карт у них, как ты понимаешь, нет, бредут, куда глаза глядят. Если нарываются на воду, начинают ее обходить и очень часто тропинкой выбирают берега. То есть протяженная водная преграда может стать популярной дорогой для зараженных. Это не везде работает, связано с их

миграциями, они у них не совсем уж хаотичные, институтские заверяют, что обычно есть система, их как раз и уважают за прогнозы таких миграций. То есть в одном месте ты проплывешь, не увидев ни одного мертвяка, а в другом они стеной стоять будут. И воду урчащие товарищи боятся не так уж и сильно.

– Я в курсе, – кивнул Карат. – Было дело, элитника пристрелил в воде, он за лодкой гонялся.

– Богатый хабар поднял? – заинтересовался Шуст.

– Ноль.

– В элитниках нулей не бывает.

– С этим был именно ноль, потому что он ко дну булыжником ушел, а там глубоко, не достать.

– Да уж, облом так облом,дохлые они и правда утюгами плавают, брони слишком много, тяжелая она.

– Рубер потом так же пузыри пустил. Его Диана засекла, гаденыш хитро затаился. Не факт, что без нее я бы отбил, если застать меня врасплох, могу не успеть ускориться.

– Помню, ты рассказывал. Значит, водой ты любишь ходить, потому что твари почти не мешают? Наивный ты, юноша, я тебе скажу. Вот, допустим, возьмем тех же зараженных. Много ты их видел?

– Да уж посмотрелся.

– Эх, ну ничегошеньки ты еще не видел, прям маленький ребенок. Помнишь, как мы познакомились?

– Пытаюсь забыть, но получается плохо.

– Я тебе тогда много чего рассказывал, просвещал новичка по доброте души. Помнишь зоопарк?

– Помню. Ты тогда что-то говорил о перерождающихся тиграх и прочем зверье.

– Ну тигра мы сейчас трогать не станем, и вообще о нем лучше не вспоминать, недолго большую беду накликать, нам кое-кто другой нужен. Возьмем, допустим, крокодила. Пресмыкающееся создание, но очень даже неплохо перерождается и при этом остается патриотом родной стихии. На милого зеленого Гену он ни разу не похож, то есть друзей по объявлению не ищет, а ищет, кого бы сожрать. На таких дуралеях, как мы, растет он быстро. Прикинь, что будет, когда такой под лодкой вынырнет: метров десять от хвоста до рыла; зубы, что ручки Дианы; плавает не хуже щуки, да и на берегу догонит кого угодно. На суше у него только одна беда – разворачивается плохо, но мне с моими костылями что так, что эдак. Да и какая может быть суша? Ты видишь ее поблизости? Я нет. Всех в воде

схарчит, у нас ведь тут не броненосец, а смешная лодочка с мотором бракованным.

– И много тут крокодилов водится? – напрягся Карат, пристально оглядывая водную гладь.

– Да зачем тебе много? Одного за глаза хватит.

– Я не об этом.

– А я об этом. Ты, Карат, плохо понимаешь Улей. То, что тебе кажется безопасным, рано или поздно тебя убьет. Улей не любит тех, кто всегда одно и то же делает, он их на этом подлавливает. Вот ты прикипел к речке, а какой в этом смысл? Думаешь, только в зараженных все дело? На воде ты открыт со всех сторон, а у нас бояться надо не только мертвяков. И всякого другого дерьма хватает, все не перечислишь. Умные люди ногами ходят или колесами ездят. Да, твари, конечно, нервируют, и кроме тварей хватает нехорошего, но зато предсказуемо. А вода – это та еще лотерея, какой бы ты ни был везучий, рано или поздно проиграешься догола.

– Ногами с тобой все равно пройти не получится, а на одиночной машине нам не прорваться, тем более незащищенной. Я там с Рэмом покатался, посмотрелся на обстановку. Хотел назад часть пути колесами сделать, там «водник» остался, он вроде плавать может, хотя не уверен, надо с этим делом разбираться. Если дальше строго сушей, дорога очень уж неудобная, видимости нет, чернота то с одной стороны давит, то с другой, то с обеих сразу, получается, хватает узких участков, где тебя легко подловить. Если вдоль воды, так это тропы зараженных по обеим берегам, можно не только на стаю нарваться, а на целую орду. Сплошная подстава, одолеть такую дорогу только бронегруппой можно, как мы делали, да и то нарваться на колхозников ухитрились, еле отбились. Так что хочешь не хочешь, а нам только вода остается.

– Кот тоже с тобой все разы плавал? – спросил Шуст, покосившись на Гранда, который с самого начала тоскливо таращился за борт.

– Воду он не любит, но куда ему деваться, терпит.

– Кот поумнее тебя и Дианы вместе взятых.

– Это не значит, что Карат глупый, – вмешалась девочка. – Просто кот очень умный, поумнее некоторых. И тебя в том числе.

– Когда он рыбку твою слопал, ты другие песни пела, – усмехнулся Шуст.

– Хотя Гранд в три раза умнее тебя, он всего лишь кот, я его уже простила.

– Уж таких, как ты, дюжину надо, чтобы хотя бы чуток с этим котом сравниться. Стыдно, небось, что в школу палкой не загнать, а корчишь из

себя студентку пятого курса. Тебя даже глупой не назовешь, просто курица болтливая, трещишь да трещишь, и все ни о чем.

– Советую не называть меня курицей, – нахмурилась Диана.

– А то что?

– А то придется тебе по утрам приносить мне тапочки. Чистые, сухие и обязательно с радостной улыбкой на лице. Не знаю, где ты их здесь найдешь, но приносить будешь.

– Ты что опять несешь? – напрягся Шуст.

– Не забывай о ее талантах, – ухмыльнулся Карат. – Если ей надоест следить за своими тапками, этим и правда займешься ты. Причем радостно займешься, обязательно с улыбкой.

– Да ты спятил, – обескураженно произнес Шуст. – Вы оба спятили. С такими вещами здесь не шутят. Весь жемчуг Улья того не стоит, никогда о таком даже не заикайся, это ни хрена не смешно, за такие вещи нимф нигде не любят.

– А ты никогда не упоминай куриц, если говоришь обо мне, – злорадно заявила Диана и, не удержавшись, по-детски показала язык.

* * *

Гладко было по карте, в реальности водная дорога оказалась ухабистой.

Несколько раз забирались в тупиковые ответвления, после чего приходилось возвращаться. Причем однажды подумали, что вот-вот прорвутся, чуть дальше выйдут на слияние с основным руслом. В итоге протока сузилась до опасных размеров – ловкий мертвяк мог с разбега обрушиться на лодку с нависающих берегов. К тому же на воде и под водой болталось немало древесного хлама, то и дело стукались дейдвудом и винтом, из-за чего пришлось перейти на весла. Но все зря, уткнулись в совсем уж непроходимое болото, сплошь зеленое из-за ряски, пришлось разворачиваться.

А коварная протока в самом конце, уже почти на выходе из нее, устроила еще одну пакость – на винт намоталась сеть. И не какая-нибудь китайская одноразовая поделка, а добротное изделие, избавляться от него пришлось на мелководье, где Шуст ухитрился разодрать голень о корягу. Не смертельно, но неприятно и опасно, ведь даже мелкие раны могут выдать тебя тварям, запах крови они чуют прекрасно. Утешает лишь одно – в Улье мелкие травмы лечатся молниеносно.

За выходом из злосчастной протоки берега изменились в нехорошую сторону. Очевидно, участок реки, который механизм Улья сюда поставил, уровнем отличался в большую сторону. Вода – не твердь, она всегда стремится занимать пониженные участки, так что нависать над окружающей местностью не стала, растеклась в обе стороны, обнажив дно на всем протяжении кластера. К сожалению, дно это было топким, илистым и присыпанным грудами водорослей, в ловушке которых остались мальки, улитки, ракообразные и прочие некрупные водные обитатели. Это добро на жарком солнце начало нехорошо благоухать, что привлекло мух со всей округи. Назойливые насекомые на сужениях русла не давали покоя, приходилось увеличивать скорость, создавая встречный поток воздуха. Но от въедливого запаха это не помогало, даже ко всему привычный Шуст счел его тошнотворным.

В общем, давно запланированная поездка чуть ли не со старта внесла корректировки в планы, а теперь еще и негативными впечатлениями начала обрывать. Шуст, время от времени вспоминая, что он достаточно суеверный человек, мрачнел все больше и больше, ведь всякий рейдер знает: если рейд пошел криво с первых шагов, дальше ничего хорошего не жди. Карат в дурные предзнаменования не верил, но ему тоже было не по себе, да и обидно за потерянное время, ведь он планировал добраться до озера еще засветло и подыскать удобное место для ночлега. На столь утомительные задержки он не рассчитывал – это явно лишнее, напрягает.

Хуже всего приходилось Гранду, серый временами чуть ли не плакал. Может, зараженные и не любят воду, но он ее просто ненавидит. Оказаться посреди реки – для него чуть ли не ад. То и дело с намекающей укоризной посматривал на Карата – дескать, по милости жестокого хозяина, вот уже третий раз попадает в столь кошмарную обстановку.

Даже Диана, вечно старающаяся показать, что ей все нипочем, начала кривить носом – вонь гниющих берегов ей не нравилась.

Команда коллективно проявляет недовольство, так и до бунта недалеко.

Глава 12

Благоухающий участок пересекали около двух часов. Могли управиться быстрее, но не позволяло обилие мелей и всяческого хлама – не хотелось рисковать, несмотря на все клятвенные обещания производителя, в высочайшую прочность лодки верилось слабо.

Под конец пришлось пробираться, лавируя по настоящему кладбищу барж. Похоже, здесь у них раньше было что-то вроде популярной стоянки, а когда большая вода ушла, оставив жалкое мелкое русло, корпуса легли как придется и на оставшееся прикрытым дно, и на обнажившиеся берега. Здесь к вонючести гниения органики прибавились запахи разлившихся нефтепродуктов. А еще Карат опасался, что с металлических громадин начнут прыгать зараженные. Но, как это ни странно, ни одного мертвяка не заметили. Должно быть, команды, столкнувшись с непонятным явлением, поспешно высадились на сушу, ни одна тварь по палубам не разгуливала.

Выбравшись из развала барж, дружно вздохнули – впереди расстилалась широкая водная гладь с нормальными на вид берегами – ни малейших признаков того, что они обнажились при переносе. Учитывая то, что ветерок поддувает с запада, вскоре нехорошие запахи окажутся за спиной.

Так и оказалось, обоняние больше не страдало от нестерпимой вони, полчища мух тоже перестали докучать. Скорость увеличилась, глубины пошли приличные, мусора попадалось немного, и почти весь он мелкий. Лишь однажды пришлось поволноваться – налетели на труп, заметили его в последний момент, прошли и днищем и винтом. После этого, несмотря на возражения Шуста, Карат сбавил газ. Да, он понимал, что такие столкновения вряд ли опасно навредят хорошо себя показавшей лодке, но как-то неприятно. Лучше двигаться медленнее, но с таким расчетом, чтобы вовремя высматривать утопленников.

Их здесь почему-то хватало. Странно, ведь берега не сказать, что густо населенные, в основном та еще глушь. Непонятно, откуда эти трупы. Течением принесло? Но ведь его нет, сказывалось только в самом начале, в районе моста, и быстро сошло на нет.

Спустя час сделали первую остановку на маленьком островке посреди реки (если эти далеко тянущиеся «лоскутные водоемы», присущие исключительно Улью, можно так называть). Давно назрела необходимость: ноги надо размять, пожевать чего-нибудь не под рокот мотора и болтанку, а

в тишине и спокойствии, ну и груз нормально переложить, а то забрасывали пожитки в большой спешке.

Пока Шуст предавался безделью, неправдоподобно ссылаясь на нетрудоспособность по инвалидности, Карат возился с вещами, а Диана мастерила бутерброды и прочую нехитрую снедь. После немного посидели, глядя на воду, работая челюстями и попивая приготовленный на походной газовой плитке чай. Солнышко ярко светит, птички щебечут, спокойствие и благодать, редкий для Улья случай, когда бояться почти нечего. Оба берега скрыты стенами непролазного тростника, через который отдыхающую троицу не разглядеть, да и располагаются далековато, русло здесь широкое. Сам островок всего ничего, его за минуту по кругу обойти. Низкий, песчаный, из растительности лишь скудная трава и несколько чахлых кустиков. Зараженным внезапно выскочить неоткуда, и пуля снайпера вряд ли прилетит: местность не благоприятствует обустройству засад.

Шуст, наливая себе вторую кружку чая, спросил:

– Я так и не понял, ты говоришь, что водой до цели не дойти? Правильно?

– Может, дорога и есть, даже примерно представляю, где она, но ее искать надо. Попробуем поближе подобраться, вдруг отыщем подходы к тому каналу. Ну а если не получится, в худшем случае нам останется километров двадцать пять по суше. Городских кластеров по пути нет, там сплошные поля, посадки, чернота с юга подпирает. Мертвяков, конечно, много, но терпимо, если не нарываться, проскочить можно.

– Карат, смешно такое про себя говорить, но я сейчас тот еще ходок. Мне в больнице надо отлеживаться, а не по западу бродить. Так что для вас я что гиря, лучше сами идите, оставьте меня где-нибудь, потом заберете.

Да уж, и правда забавно получается: иммунный, чей дар Улья – фантастическая скорость бега, превратился в заурядного человека, в нынешнем удручающем состоянии его «сверхспособность» не работает.

– Я бы не хотел разделять команду. Это риск. Если и оставаться кому по пути, так тебе с Дианой, опасно ее туда тащить.

– Я умею быть полезной, – вскинулась девочка.

– Не спорю – умеешь. Но все равно тебе там делать нечего.

– Втроем – надежнее всего, – передумал Шуст. – Диана маленько на мертвяков влиять умеет, я, если что, могу на себя их отвлечь, увести, ну а если не получится, ты несговорчивого уговоришь. Командная работа – это сила.

– Верно, – кивнул Карат. – Поэтому лучше не будем торопиться.

– Это как понимать?

– Ди, ты же помнишь то озеро. Не забыла, сколько там островов?

– Ага, помню, – приглушенно из-за набитого рта ответила девочка. – Их там полным-полно.

– Так и есть. А еще тот тип на гидроцикле рассказывал про базу отдыха или что-то в этом роде. Надо поискать по этим островам, может, найдем. Припасы у нас кое-какие есть, хватит, чтобы дней десять ни о чем не думать. А дальше можно устраивать вылазки на берега и пополнять. Попробуем там найти лодку получше, такого добра на воде должно немало встречаться, не доверяю я этому надувному хозяйству.

– Погоди маленько, – не понял Шуст. – Ты что задумал? Зачем нам десять дней торчать на каких-то островах? Мы тебе не робинзоны, нам это не нужно, да и дело впереди важное, надо побыстрее жемчуг к рукам прибрать, я спать не смогу, ведь знаю, что он там без охраны лежит.

– А почему бы и не посидеть немного посреди воды? Шуст, ты сам подумай, острова – самые безопасные места. Зараженным туда добираться неинтересно, они с меньшими жертвами еду на берегах найдут, людям тоже делать нечего, я не слышал, чтобы в этих краях встречались богатые на редкую добычу кластеры. А раз так, то и смысла соваться нет, риск слишком велик, на востоке таких мест куда больше, и они не настолько богатые серьезными мертвяками. Будем считать, что мы устроили себе отпуск на курорте. Недели две-три, и твои ноги придут в норму, а там и дальше думать можно.

– Не придут, на это месяцы придется угрохать.

– Я говорил с врачами и знахарями, легкая хромота надолго останется, но это почти не будет мешать. То есть ходить по западу ты сможешь. Уж прости, но оставить тебя на острове, а самому отправиться с Дианой я не смогу. Мало того что разделяться нежелательно, мы просто не донесем все добро.

– Я что-то не понял: ты не сможешь сам донести несколько мелких белых шариков?

– Там и другое барахло есть, и оно не мелкое. Жалко бросать.

– И много его там? Что хоть за хабар? Он того стоит?

– Два пулемета, две крупнокалиберные винтовки, гранатомет хороший и маленько гранат к нему, автоматы, пистолеты, снаряга редкая, патроны разные.

– Пулеметы – крупняк?

– Ну да.

– Тема стоящая, но мы столько и вдвоем не унесем. Под такое машина нужна, или нанимать коня.

– С конем по западу бродить? Да на его запах со всех сторон мертвяки сбегутся, они при одном намеке на свежий навоз с ума сходят.

– Конями в наших краях называют мужиков, умеющих таскать по полтора центнера и больше.

– Не знал, что такой дар есть. Ладно, хотя бы самое ценное надо забрать, а остальное припрятать до лучших времен.

– А возвращаться как хочешь?

– Той же дорогой.

– В смысле, по воде.

– Да, по воде. Я еще одну такую дорогу знаю, но на ней лучше не показываться: наблюдение ведется, посты стоят, патрули катаются, могут заметить. Она к границе Полиса выходит, нас с Дианой в прошлый раз там с ходу срисовали.

– Я что-то не понимаю. Ну вот вернемся мы к тому же мосту, а дальше как быть? Пешком пойдем? Дай карту, хочу глянуть, сколько оттуда до стаба нормального.

– Можешь не брать, я и так тебе скажу – двадцать шесть километров по прямой.

– И мы с таким грузом пойдём в такую даль?!

– Не так уж и далеко.

– Это ты руберам расскажешь, когда они стайей из кустов на тебя, вымотанного до чертиков, выскочат. Без дороги, шлепая ногами, да с грузом неподъемным – ты даже быстрее меня вымотаешься, начнешь потными подмышками вонять на всю округу, и привет тварям, они такой запах не пропустят. Или припрятать думаешь, а потом вернуться на машине?

– Зачем прятать и возвращаться, если машина уже на месте нас дожидается. В километре к востоку от моста есть стаб карликовый, я там джип оставил. Так себе техника, но все добро поместится, а дорога оттуда удобная и относительно безопасная. Я два раза по ней ездил, сворачивая от караванного пути, и серьезных проблем не видел. Не сказать, что территория чистая, но рейдеры за ней маленько присматривают. Доберемся до нормального стаба, потом решим, куда дальше ехать. Я вот думаю, что лучше на юг податься, там еще не все поделено, перспектив побольше, и нас не знают. И кое-какие справки надо навести о местных знахарях, вроде как где-то там мелькал легендарный, он нужен и мне, и Диане. Проблемы у нас с умениями, я тебе рассказывал.

– Вот это уже похоже на пусть и смешной, но все-таки план, а то все мутил не пойми что, темнил, молчал, как ирод неродной. За то, что какую-

то ясность в вопрос внес, медаль тебе полагается, – странновато похвалил Шуст. – Думаю, долго меня дожидаться не придется. В смысле, ног моих. С недельку надо бы отлежаться, и буду как новенький. Я на воздухе быстрее восстанавливаюсь, мне эти больнички давно уже поперек горла стоят, там помирать самое то, а лечиться лучше в других местах. Привык я к ногам своим шустрым, без них сам не свой, даже думать иначе стал. Хоть бери да заново крестись – был Шустом, а стал Хромоногом.

– Воды у нас мало, – сказала Диана, указывая на упаковку пластиковых бутылок. – Вы как хотите, а я воду из этой реки пить не буду, в ней мертвые люди плавают.

– Да воду найдем – не проблема, – отмахнулся Карат. – На самый крайний случай по западному берегу озера городской кластер тянется. Там, конечно, рискованно появляться, зато что угодно раздобыть можно. План со всех сторон удобный: Шуст поправится в спокойной обстановке; жемчуг и полезное барахло к рукам приберем; и за эти дни страсти поулягутся, нас потеряют, заказ перестанет быть горячей новостью.

– Ради таких дел я и за три дня оклематься готов, – расхрабрился Шуст.

– Десять дней минимум, и даже не спорь, – безапелляционно заявил Карат.

– А если я хочу поспорить?

– Я нажалуюсь Диане, она с тобой разберется.

– Интересно, каким образом?

– Если Карат прикажет, я с тобой могу сделать что-то страшное, – с напускной мрачностью произнесла девочка. – Что там тебе больше всего не нравилось? А, ну да, вспомнила. Ты будешь мне тапочки по утрам приносить и хвостиком вилять при этом. Так что пей свой чай и не спорь.

– И где же я, по-твоему, хвост возьму?

– Если Карат прикажет, заставлю тебя его отрастить.

– Да пусть тебе Бирон хвостом виляет, зараза ты обнаглевшая, – возмутился Шуст.

– Бирон?.. – делано задумалась Диана. – Ну ладно, одну тапку ему, одну тебе – как-нибудь друг с другом разберетесь. И да, кофе научись варить, я хороший люблю, его ведь тоже приносить придется.

– Карат, ты не мог кого-нибудь получше подобрать? – Шуст чуть зубами не скрежетал. – Завезли хрен знает куда и угрожают нимфой, а ведь за такое даже в порядочном стабе по головке не погладят, а в беспредельном завалят без вопросов. Столько замечательных, во всем положительных людей бегают по кластерам, однако тебя угораздило

притащить именно ее. Я просто в шоке от твоего везения.

– Доедайте быстрее, нечего здесь засиживаться, – заявил Карат. – Кот, тебя это тоже касается. И все дела свои здесь сделай, а не мяукай потом в лодке. Где ты еще столько песка найдешь? Целый остров в твоём распоряжении, шевелись давай.

* * *

Время, потерянное на первом этапе пути, быстро наверстывалось. Дальше русло не допекало коварными ответвлениями, на которых не понять, куда именно выгоднее направляться. То есть с оптимального пути не сбивались и ни разу не пришлось возвращаться. Глубины тоже радовали, почти везде можно без нервного напряжения идти на высокой скорости, не опасаясь за корпус и мотор.

Карат не был уверен, что они успеют добраться до озера засветло, все же сильно задержались изначально из-за проблем с изменчивым руслом, однако его это не сильно волновало. Островки встречаются часто, всегда найдется, где переночевать с относительным комфортом. Ну а если не подвернется удобный вариант, имеется якорь с длинной веревкой, можно встать прямо на воде. Удобства так себе, но кое-как подремать получится, а завтра уже нормально отдохнут.

В общем, его переполняли самые радужные предчувствия, да и спутники перестали мрачнеть, этот участок пути им понравился куда больше лабиринта коварных протоков и гниющих берегов. Кот, правда, продолжал дуться, но это из-за ненависти к большой воде, хорошего настроения посреди реки от него ждать не приходится.

Дела шли прекрасно до самого вечера. Местность вполне подходящая, ни городов не видать, ни крупных сел, дикие берега изредка сменяются освоенными рогатым скотом лугами с коротко подъеденной или уже успевшей отрасти травкой, но обычно рассмотреть такие детали не получается. Очень уж видимость никудышная – или обрывы высокие, или тростник стеной, или пойменный лес обзору мешает. Время от времени проплывали мимо маленьких деревень, в некоторых из них, в честь такого события, к воде выбирались зараженные и провожали лодку заинтересованными взглядами. Один раз в кустах промелькнул кто-то, похожий на нормального человека. Но не факт – возможно, Диане померещилось, она до сих пор не свыклась с изменениями зрения, или это был всего лишь свежий мертвяк, на первом этапе их можно не опознать,

если мельком взглядом пройтись.

Происшествий не было, если не считать того, что периодически нарывались на увесистый мусор даже на малой скорости. Слишком мутные воды, да и ветер под вечер разгулялся, волну поднял, не так-то просто разглядеть даже объекты размерами с приличное бревно. Но чем сильнее густели сумерки, тем слабее становились его порывы, в конце концов он практически успокоился.

Карат, оглядываясь по сторонам, начал подыскивать место для ночлега, но ничего подходящего не находил. Похоже, опять проходят через участок с некогда высоким уровнем воды. Он после перезагрузки резко снизился, обнажилось дно, но на этот раз песчаное и каменистое, смрада, так надоедавшего поутру, не чувствовалось: все, что могло сгнить, уже сгнило или оказалось съеденным многочисленными желающими, оставшееся на совесть засохло. Сузившееся русло петляло в лабиринте обрывистых холмов, некоторые из них ранее, должно быть, являлись островами, на это указывала растительность, покрывавшая их вершины и не спускавшаяся ниже определенного уровня. Но сейчас приставать к ним нет смысла, все они сообщаются с берегом перешейками или мелями, то есть небезопасны.

Неужели придется ночевать на якоре? Не хотелось бы, при всех ее хваленых размерах, лодка все же не такая уж и большая, да и барахлом изрядно забита. Карат за две поездки много чего перетащить успел, плюс личные вещи прибавились.

Кот, и до этого проявлявший нервозность, приподнялся, выгнулся дугой, зашипел непонятно на кого, а затем жалобно мяукнул.

– Чего это с Грандом? – удивилась Диана. – Первый раз вижу, чтобы он и шипел и мяукал одновременно, даже на мертвяков так не реагировал.

Посмотрев в глаза девочке, кот еще раз мяукнул, протяжно и противно.

– Натрескался, обжора серая, и опять на песочек просится, – предположил Шуст.

– Вряд ли, – возразил Карат. – Он никогда так не просился. Похоже, что зараженных почуял. Только раньше он на них не мяукал, что-то очень уж сильно испугался, наверное, пожил в Полисе и забыл, каково это.

Кот забеспокоился еще сильнее. Начал метаться по лодке, то и дело шикая, затем замер на носу, неотрывно уставился вперед и завыл чуть ли не по-собачьи.

– Его что-то беспокоит, – уверенно заявила Диана.

– Да ты прям сама гениальность, – хмыкнул Шуст. – Может, ему хочет... – Осекшись на полуслове, парень уставился в ту же сторону, что и кот, затем поднес ладони к ушам, выгнул их, превратив в примитивные, но

действенные звукоулавливатели.

Кот, обернувшись на Шуста, посмотрел обреченно, мяукнул тоскливо, будто жалуясь человеку, который наконец что-то начал осознавать на фоне поголовной глупости.

Карат тоже ничего не понимал, но и не подавал голос. Если понадобится, товарищ сам расскажет.

Шуст, опустив ладони, обернулся. Лицо его стало нехорошим, даже глубокие сумерки это не скрывали. Нервным, не своим голосом он сбивчиво произнес:

– Ходу, Карат! Ходу! Полный газ! Сваливаем отсюда! Сваливаем!

– Куда? – недоуменно спросил тот.

– Да куда угодно! Подальше! Блин, позади одни обрывы! Вперед гони! Нормальный берег ищи! Суша нужна! Хорошая суша! За нами такой нет, здесь ищи!

Карат, неторопливо работая румпелем, ничего не понимал:

– Да какой тут берег? Сам же видишь, что сплошные обрывы по обеим сторонам, в настоящий каньон забрались, сюда туристов водить можно.

– Какие, блин, туристы?! Ходу!

– Ну если надо, вон, под обрывом полоска, можем высадиться.

– Задница это, а не полоска! Нормальный берег ищи, мы там наверх не выберемся! Ох! Ну блин! Ну попали! По полной попали!

Спросить, что именно имеет в виду товарищ, Карат не успел – он наконец услышал то, что тот уловил чуть раньше при помощи своих импровизированных звукоулавливателей.

Угрожающий, мрачный, стремительно нарастающий рокот. Ничего подобного Карату прежде слышать не доводилось, однако этот звук он моментально признал угрожающим.

Что-то происходило, что-то явно опасное, грозившее неприятностями всем сразу и осложненное полным непониманием – неизвестно, с чем именно столкнулись, и, значит, непонятно, что теперь делать.

Хотя, если верить Шусту, как раз понятно – гнать на полной скорости и высматривать удобный берег. Вот только сам товарищ уже успел признать, что эта мера запоздала.

Шуст, напряженно вглядываясь вперед, прокричал:

– Держитесь крепче. Лодка надувная, не утонет, если ее не порвет, должны выкарабкаться. И вещи проверьте, закрепите все, что болтается. Если кто-то вывалится, встречаемся... Где встречаться будем? Есть поблизости место, которое легко найти? Не старые варианты, они основными остаются, а именно сейчас, чтобы рядом?

– На озере большом, которое впереди, был остров, он отдельно от других, сам по себе, и на нем синий вагончик стоял и вроде бы домик за ним, – сбивчивым голосом заявила Диана. – Вагончик издали видно, его легко заметить.

– Это вряд ли стаб, вагончика может уже не быть, – сказал Шуст. – Если не найдете там, ждите позади где-нибудь неподалеку от моста. Или на реке, или у самого моста. Лучше на реке, где первые острова пошли, там мертвяки не бродят, русло широкое, берега тростником прикрыты. Палку воткните на островке, тряпку на нее яркую повесьте и сами сидите там или в десяти шагах в сторону берега закопайте записку и корягу над ней оставьте.

– Во что мы вляпались? – спросил наконец Карат.

– Плохи наши дела, дружище, совсем хреновые. Похоже, перезагрузилось впереди, а уровни не совпадают, тут это, как я смотрю, обычное дело. Очень хреновая река, это сразу видно было, но думал, что проскочим. Хренушки – не проскочили. Блин, а берег так и тянется с обрывами. Ну чисто каньон, вот ведь не повезло.

Карат, вглядываясь туда же, куда смотрел Шуст, в неровно светлеющем мраке разглядел серию не слишком впечатляющих вспышек, будто там располагается день и ночь функционирующий промышленный объект, где часто и помногу работают сварщики.

Вот только нет на кластерах запада таких объектов. То есть, конечно, их может быть много, вот только ни один из них не работает. Даже только что перенесшиеся первым делом остаются без электричества, не говоря уже о всем прочем, тут уж и при наличии генераторов становится не до сварки.

Зато каждому, кто прожил в Улье хотя бы пару-тройку недель, известно, что перезагрузка может проходить спокойно и невзрачно, а может сопровождаться самыми разными эффектами, в том числе связанными с масштабными электрическими разрядами.

И берега, от которых недавно ушла вода, Карат тоже не забыл. Теперь он наконец понял, чего так испугались кот, а затем Шуст.

Где-то чуть западнее обновился кластер, через который пролегает один из отрезков пути. И, похоже, уровень воды там значительно выше здешнего, вон как шумит она, стремительно растекаясь по низинам. Карат однажды наблюдал перезагрузку в сотнях метров от себя при схожих обстоятельствах, но там все ограничилось несерьезной волной, будто быстро пронесшийся катер гладь потревожил, она прошла почти бесшумно, а не с таким усиливающимся ревом.

Да что же там такое? Создавалось впечатление, будто водопад рокошет. Торопливо оглядываясь по сторонам, по-новому оценил окружающий рельеф. В темноте уже мало что можно разглядеть, но прекрасно помнится, что холмы здесь стискивают русло с обеих сторон, загоняя воду в глубокое узкое ущелье, подпертое обнажившимися глиняными и каменными обрывами. Наверх по ним не забраться, а узкие полосы суши под ними не спасут – оттуда сейчас смоет все до последней соринки. Когда-то это, наверное, было самое глубокое место, ширина всего ничего, если сюда достанет приличная волна, ее тоже стиснет, заставит расти ввысь, чтобы в итоге ударить по лодке тем самым всесокрушающим девятым валом.

Карат не придумал ничего лучше, как начать разворачиваться.

– Ты чего?! – заорал Шуст, перекрикивая рокот напирющей воды.

– Попробую уйти!

– Да хрен ты чего успеешь на таком моторе! Просто держись!

– Чем дальше отойдем, тем меньше воды до нас доберется! Ди, привяжи автомат! И сама держись! Крепче держись! Да не за лавку, дурочка, за леер хватайся! Руку под ним просунь!

Прибавил газу до отказа, стараясь не думать, что случится, если на скорости налетят на плавающее дерево или приличную корягу, такого добра в реке хватало. Лишь жалел о том, что не догадался сделать это сразу, когда кот начал проявлять первые признаки беспокойства, время потеряли.

Блин! Кот!

– Ди или Шуст! Кота в рюкзак или в мешок! Живее! Берегите Гранда, он в воде с ума сойдет!

Волна заревела вовсю спустя полминуты или около того, хотя по резко притормозившим внутренним часам она добиралась вечность. Такой шум поднялся, что заглушил звук мотора, всякие попытки перекрикиваться прекратились, люди вжались в лодку, готовясь к удару стихии.

И он не заставил долго себя ждать.

Вначале спину обдало мелкими брызгами – почти невесомой взвесью, охлаждающим предвестником самого главного. Корма начала угрожающе задираться, а затем мотор недоуменно хрюкнул, подпрыгивая и захлебываясь, после чего...

После чего, в сущности, ничего ужасного не произошло. Карат морально готовился к жесточайшему удару в спину, после которого его вырвет из лодки вместе с транцем и закрепленным на нем двигателем, но нет, лодка всего лишь почти мгновенно заполнилась водой и оказалась посреди бушующего потока. Он потащил ее вслед за собой с непреодолимой силой, бросая с борта на борт, обволакивая пеной, задирая

то нос, то корму. Казалось, что вот-вот, и опрокинется, но нет, каким-то чудом продолжали удерживаться.

Над головой ярко вспыхнуло, на краткий миг Карат разглядел Шуста, лицо товарища было безумным, по нему текли потоки воды, он что-то неистово орал. Только сейчас дошло, что стихия ударила одновременно и снизу, и сверху – начался сильнейший ливень.

Складывалось впечатление, что Улей превращается в сплошной океан от земной тверди до небес. Удары молний следовали один за другим, ливень, жестко бьющий не каплями, а самыми натуральными струями из пожарных брандспойтов, и все это без малейшего намека на гром – или его вовсе нет, или не слышно из-за всепоглощающего рева взбесившейся воды.

Обе версии имеют право на жизнь.

Лодку внезапно понесло вниз, Карату даже показалось, что они падают с невесть откуда взявшегося водопада. Видимо, поток здесь проходил над невидимым препятствием, высота всего ничего оказалась. Но все же шлепнулись чувствительно, при вспышке очередной молнии успел увидеть, как за борт улетает один из рюкзаков.

Нужно было тщательнее закреплять, но кто же мог знать, что на спокойной реке можно вляпаться в шторм на хрен знает сколько баллов.

За микроводопадом лодку повело в сторону и начало разворачивать боком к волне. Карат только сейчас понял, что двигатель заглох, и, рискуя оказаться смытым за борт, начал лихорадочно его заводить. Но все потуги ни к чему не приводили – вхолостую проворачивался. Мотор простенький и новенький, проблема или во вредной суете, или техническая и при этом легко решаемая.

Вот только в такой обстановке говорить о легкости не приходится.

Карат, во всю глотку выкрикивая грязнейшие непристойности, что, по меркам всякого отчаявшегося человека, должно непременно помочь в самой безнадежной ситуации, дернул еще раз – и, о чудо великое, мотор действительно заработал. Причем понять это удалось главным образом по характерной вибрации – в мире не осталось других звуков, все поглотил рев взбесившейся воды.

Ухватившись за румпель, грубо потянул, заставляя лодку разворачиваться, не позволяя ей встать боком к волнам, которые только и ждут, чтобы перевернуть ее, затянуть под себя вместе с пассажирами и поклажей. Чувствуя, что у него получается, что он добился своего, встал на курс, чуть выпрямился, не сдержав злую и торжествующую улыбку.

И в этот миг перед глазами померк блеск молний – что-то жестоко врезало по голове и одновременно в грудь, а потом, чуть слабее, впилося в

горло. С неудержимой силой, вминая кадык и норовя выдавить глаза, это нечто выхватило Карата из лодки. А он, судорожно отмахиваясь, наконец ухватился за непонятное, не похожее ни на руки людей, ни на лапы зараженных.

Держась за загадочного похитителя, сумел отстраниться и, кашляя от попавшей в глотку воды, при вспышке молнии успел разглядеть растопыренные корявые конечности спрута-инвалида.

Блин, вот ведь повезло, так повезло – на диво «удачный» день. Это всего лишь корни увлекаемого водой дерева, не приподнимись он в тот момент в лодке, они бы, скорее всего, прошли над головой, даже волосы не задев. А теперь Карат барахтается непонятно где и понятия не имеет, в какой стороне оказалась лодка.

Да если бы и знал, что ему с этого? Ведь если мотор не заглох сразу после того, как сам он оказался за бортом, то мог успеть унести ее на сотню-другую метров (и продолжает уносить).

И почему он так беспокоился о вещах и при этом не догадался привязать себя? Тем более, на этот счет у мотора была полезная опция – на тот случай, если лодочник окажется за бортом, двигатель вырубался.

Вот только Карат страховочной чекой не воспользовался.

Хотя, может, оно и к лучшему для Шуста и Дианы: им теперь не придется заводить двигатель заново, что не так-то просто в этих условиях, и лодка останется управляемой.

И недостижимой для Карата.

Всякие связные мысли вылетели из головы – дереву, кувыркаемому на волнах, в этот самый момент вздумалось перевернуться столь резко, что цепляющийся за корни Карат мгновенно оказался под водой. Он было инстинктивно разжал ладони, но, к счастью, не до конца – тут же сжал их сильнее прежнего. Пловец из него не ахти, в этом буйстве стихии быстро удалиться от своего нового плавсредства не успеет, а ведь оно, продолжая вращаться, может напоследок врезать по голове уже не податливыми тонкими корнями, а увесистой и острой сухой веткой.

Если потеряет сознание – это конец, на реке станет одним утопленником больше.

Так он плыл – то погружаясь в воду с головой, то ненадолго выныривая и спешно запасаясь кислородом в такие моменты. Иногда в голову приходили различные идеи по поводу происходящего, некоторые даже относительно здравые. Так, можно ускориться и уйти в сторону от дерева в этом режиме, после чего вернуться в нормальное течение времени. Но какой в этом смысл? Что так он не пойми куда движется, что эдак будет

действовать вслепую.

К тому же никто не гарантирует, что бурное течение не шмякнет его телом по какой-нибудь твердой преграде. Похоже, его тащит к затопленному берегу, на это указывают массы то и дело бьющего по ногам тростника и макушки каких-то высоких лиственных зарослей, проглядывающих иногда при вспышках молний. Дерево в какой-то мере способно защитить его от ударов, так что лучший вариант – продолжать держаться за него.

И Карат держался. Минуты, десятки минут или часы – он понятия не имел, насколько это затянулось. Субъективно казалось, что чуть ли не вечность миновала, но на самом деле, разумеется, он барахтался на много порядков меньше – нехорошее имеет свойство неизменно растягивать каждое мгновение.

Волна, поначалу всесокрушающая, рокошущая, норовящая затащить под себя, постепенно растратила напор. В какой-то момент оказалось, что катастрофический разлив успокоился и течение почти не ощущается. Карата прибило к зарослям затопленного тростника, дерево здесь остановилось и, похоже, сдвигаться с места не собиралось. Продолжал хлестать ливень, но молнии сверкать перестали, даже в отдалении не видно отблесков. Должно быть, имеет место одно из тех атмосферных явлений, с которым можно столкнуться лишь в Улье, – сильнейший дождь после перезагрузки. С ней много необычного связано, и нет одинакового сценария, последствия все время по-разному проявляются, зачастую их вообще нет, или они ограничиваются черным закатом – жутковатым с виду, но совершенно безобидным атмосферным явлением.

И что делать дальше? О том, чтобы искать лодку, не может быть и речи. Карат даже покричать не пробовал, волны все еще достаточно громко били по тростнику, да и от ливня шум изрядный.

Дождаться здесь рассвета? Так себе идея, к тому же не факт, что удастся дождаться. Несмотря на то что в последнее время стояли теплые деньки, вода, в которой сейчас барахтался Карат, чуть ли не ледяная. Возможно, кластеру, с которым ее принесло, в последнее время не везло с погодой, или там стояло холодное время года. Тело начинает дубеть, пальцы уже почти не ощущаются, а ведь это только предвестники настоящих проблем. Все случилось в самом начале ночи, скорее, даже конце вечера, то есть дожидаться восхода светила Улья придется долго.

Околеть в мире или, по крайней мере, регионе, где даже в холодные периоды снег, чуть ли не самая величайшая редкость, в планы Карата не входило. Надо срочно выбираться на сушу, пускай там мокро и

продолжается ливень, но струи его куда теплее, чем вода, в которой он барахтается в обнимку со злополучным деревом.

Решившись, Карат разжал непослушные пальцы, впервые за все время выпустив скользкие корни из рук. И правильно, нечего ждать, пока мышцы одеревенеют от холода, надо действовать, пока хоть на что-то способен.

Знать бы еще, где располагается берег. Молнии больше не сверкают, темень кромешная, с равной вероятностью суша может быть в трех шагах или в километре, причем в любой стороне. Карат перед этим пытался на слух определиться, мало ли что, вдруг шум бьющей по земле воды уловит или что-то в этом роде, но из этой затеи ничего не вышло.

Пришлось плыть наобум – без ориентиров.

Несмотря на холодную воду, тело начало потихоньку оживать – интенсивные движения его разогревали. Жаль, что надолго Карата не хватит, с водой он дружит слабо. Так, разве что слегка поплескаться может, затяжные заплывы – не его стихия.

Прикидывая, сколько он сумеет протянуть в такой обстановке, Карат уткнулся в очередные затопленные заросли тростника. Поначалу обрадовался, размечтался, что это те самые – прибрежные, но, вытянувшись во весь рост, ступнями до дна не достал, это слегка остудило пыл. Начал передвигаться дальше, цепляясь за стебли, и уже спустя несколько метров совершенно неожиданно задел подошвой что-то твердое.

Опустил обе ноги и теперь обрадовался по-настоящему – дно нащупал. Неприятно-податливое, но вес человеческого тела держит достойно, не так уж и сильно продавливается, не захватывает ступни в илистую ловушку. Однако первые два шага стали последними – на третьем провалился в яму. К счастью, глубина как началась, так и закончилась, дальше, вытягивая ступни, вновь нащупал твердь. Идти по ней пока что не получалось, но то, что она рядышком, согревало душу.

Жаль только, что не тело.

Постепенно продвигаясь, сам не понимая куда, Карат вскоре вновь ощутил, что опора под ногами позволяет идти нормально, а не барахтаться. Двинулся дальше по шею в воде, сминая телом и без того потрепанный тростник, и почти сразу наткнулся подбородком на что-то непонятное – это явно не водная растительность и не куст затопленный. Мягковатое, склизкое, в нос ударило характерным зловонием, заставило отшатнуться, отпихиваясь от разлагающегося трупа, застрявшего среди растительности. Ну а затем ноль эмоций – слишком замерз, просто обошел преграду, стараясь о ней не думать.

То, что под ногами уже суша, а не дно, Карат понял, лишь когда начал

наткаться на кусты и низкорослые деревья. Вся эта поросль оказалась подтопленной, в самых возвышенных местах вода чуть-чуть до колен не доставала. Шарахаясь туда-сюда, он так и не сумел отыскать сухой пятачок и везде рано или поздно упирался в тростник, а за ним начинались приличные глубины.

В какой-то момент понял, что ночевать придется рассевшись на ветке дерева, которое от дождя прикрывает лишь символически. Искать вариант получше нет сил, надо хоть немного сохранить их для утра, ведь оно обещает стать веселым.

Без спутников, судьба которых неизвестна, без транспорта, без оружия и припасов на территории, опасно приближенной к смертоносному западу.

Да уж, повеселится всласть.

Глава 13

К утру ливень начал успокаиваться, но полностью не прекратился, оставил на память о себе нудный дождь, который даже не думал стихать и заодно затянул местность плотной пеленой мокрого тумана. В какую сторону ни глянь, уже за пару сотен метров лишь смутные силуэты просматриваются, а дальше клубится непроглядная белесая мгла.

Уровень воды прилично снизился, кое-где из нее проступили клочки мокрой земли, на одном из них сейчас стоял Карат и пытался понять, куда именно его занесло. Реки не видно, даже не понять, в какой стороне она осталась, с тем же успехом его могло выбросить на любой из ее берегов. Да и знай, на каком именно оказался, что с того? Ориентиров нет, в какой стороне солнце – не понять. Куда ни посмотри, везде одинаковая картинка – заболоченная равнина, заросшая смятым потоком тростником, там и сям возвышаются поросшие кустарником и чахлыми деревцами островки, один в один похожие на тот, который в данный момент попирают ноги Карата. Признаков цивилизации не видать, если не считать развешанного по ветвям пластикового мусора, оставленного потоками воды.

Холодно, мерзко, хочется согреться горячим чаем или кофе, а еще лучше порубать супчика на жирном бульоне, сдобренном острыми специями, чтобы до мозга костей проняло, чтобы каждая заледенелая жилка оттаяла.

Худшей ночи в жизни Карата не было. Даже когда он столкнулся с предательством случайного попутчика, ему удалось отдохнуть с относительным комфортом. Да, страдая от боли в поврежденной арбалетным болтом ноге, скрипя зубами от бессильной злости, но зато под крышей, защищающей от такого же обложного дождя.

Еще раз обведя предельно близкий горизонт тоскливым взглядом, он вспомнил скепсис Шуста в отношении прогулок по воде и на этот раз был вынужден согласиться с товарищем. Да, путешествуя колесами и ногами, ты на каждом шагу рискуешь подставиться под нападение опасных зараженных, но зато не угодишь в подобный переплет.

Не говоря уже о том, что это далеко не единственный сюрприз, который способен устроить водный путь.

Как там Шуст и Диана? Живы? Кота не потеряли? Остались в лодке или так же, как он, стоят непонятно где под струями дождя и пытаются понять, что им делать дальше?

Лишь бы не лежали в воде без движения, как тот неизвестный бедолага, на которого Карат наткнулся ночью.

Стоять здесь и ждать изменения обстановки в лучшую сторону? Плохой вариант, ведь неизвестно, на сколько это затянется. Он вымотан до чертиков, за три последние ночи в сумме и шести часов не поспал, замерз до зубовного перестука, с каждым часом его состояние будет ухудшаться, а это оказывает известное воздействие на организм иммунных. Он уже сейчас ощущает жажду и почти наверняка уверен, что ее причина – начинающееся споровое голодание. Потеря сил дальше будет увеличиваться, что толку от хорошей погоды, если к моменту ее установления ты превратишься в мало на что годную развалину?

Надо идти. Но куда?

Куда-куда... Если все стороны одинаковы, так не все ли равно, в какую податься? Главное – не начать бродить кругами, что в условиях отсутствия ориентиров очень даже возможный вариант.

Провел инвентаризацию сохранившегося имущества. Нож с коротким крепким клинком, три метательные звездочки, зажигалка, начатая упаковка жевательной резинки (что вряд ли потянет на запас провизии), граната с запалом, бинт в водостойкой упаковке, шприц-тюбик с обезболивающим, полный магазин к автомату (бесполезен, потому что само оружие осталось в лодке), часы, вымокший телефон (вряд ли от него теперь будет толк хотя бы в качестве фонарика), заглушка от баллона со сжатым воздухом (машинально сунул ее в карман, прежде чем начать накачивать лодку). На дне одного из кармашков разгрузки завалилась пара гильз – не выгрузил в пакет, куда собирал их для дальнейшей продажи поставщикам ксеров.

Не сказать, что богатое имущество, но если вспомнить первый день пребывания в этом непростом мире, тогда Карат был куда беднее.

К тому же в ту пору его звали иначе, и он понятия не имел, во что вляпался. Легкая добыча для кого угодно – ничего не понимающая, беспечная до смешного. Ему тогда и от внешних доставалось, и от муров, и зараженные чуть было не сожрали, и даже те, кому он наивно доверял, норовили в спину нож вонзить.

Теперь Карат знает, кто он и где он. И понимает, что именно надо делать в первую очередь.

Раздобыть хотя бы один споран, найти сухую одежду и обувь или высушить имеющуюся, поест, отдохнуть, по возможности обзавестись хоть каким-нибудь оружием и, само собой, сориентироваться.

Лишь после всего этого можно будет подумать о поисках спутников. Поблизости есть два условленных места, где можно рассчитывать с ними

встретиться. Только сейчас он не в той ситуации, чтобы этим заниматься: это стратегическая задача, о которой он подумает после выполнения тактических.

И на будущее, во избежание повторение подобного, нужно обязательно таскать с собой компас. Да, в Улье он далеко не везде работает без огрехов, но без него сейчас, как без рук.

* * *

Болото заканчиваться не желало. Хотя, если не придирается к частностям, болотом такую местность назвать трудно. Скорее, подтопляемая равнина, плавни или что-то в этом роде. Сплошное засилье примятого ночным наводнением тростника, местами разбавленного рогозом и камышом. Открытой воды мало, масштабы таких мест скромны, и соваться на них нельзя: слишком глубоко, и мощный слой засасывающего ила на дне. Суши еще меньше, представлена все теми же островками, раскиданными там и сям.

По всему видно, что в обычные периоды уровень воды здесь гораздо ниже, но после ночного потопа все изменилось, и стекать к реке она, похоже, не торопится. Карат сделал этот вывод на основании попыток определить, в каком направлении осталось русло. Для этого он то и дело бросал кусочки тростниковых стеблей и затем наблюдал, куда их понесет.

По логике, выдавленная на низменную равнину вода, после прекращения разгула стихии, должна начать возвращаться назад. На деле тростниковые стебельки или бестолково кружились на месте, или очень неспешно направлялись в самые разные стороны, чему виной, скорее всего, какие-то локальные завихрения, а не общий вектор движения.

Так что метод оказался бесперспективным, и вскоре Карат перестал устраивать эксперименты – зря только время теряет.

Тростник, озерца между его зарослями, в разной степени затопленные островки – эти незатейливые ландшафтные элементы повторялись снова и снова во всех возможных вариациях. Нудный дождь не прекращался ни на секунду, мокрый туман тоже не рассеивался, видимости как не было, так и нет. Карат почти два часа бродил по намозолившей глаза однотипной местности и уже почти не сомневался, что впустую наворачивает круги, несмотря на все усилия спрямлять путь, – уж слишком все одинаково.

Увидев наконец за зеленью одного из островков столб линии электропередачи, Карат в первый момент даже глазам не поверил. Уж

слишком неожиданно тот выплыл из белесой мглы, без предупреждения, ничего вокруг не намекало, что рядом, давно или недавно, основательно поработали человеческие руки. Ранее казалось, что низина ничуть не изменилась с эпохи мамонтов, она никому не интересна и не нужна. За все время это первый случай, доказывающий обратное.

Судя по всему, линию проводили зимой, по крепкому льду. Карату не верилось, что такое возможно проделать в теплый период: в это нескончаемое болото можно засадить безвылазно не одну танковую армию. Подмороженный грунт бурили, глубоко вбивали в него бетонные опоры, поддерживающие столбы.

Зачем в таком месте понадобилось электричество? Тем более проведенное столь капитально. Смысл в такой работе только один – на эту линию запитаны потребители, и это явно не водяные с русалками и прочими кикиморами, им современные технологии ни к чему.

Теперь остается выбрать, в какой стороне поискать этих самых потребителей. Влево пойти или вправо? Оценить перспективность решений невозможно, оба выглядят равноценными, хоть бери да жребий бросай.

Монетки для такого дела у Карата не было, и поэтому он пошел налево.

Почему именно налево? Да потому что без разницы, вот захотелось пойти туда, и все.

* * *

Плоский остров, подтопленный по краям, проволочное ограждение, за ним домик с высокой крышей, к нему примыкают многочисленные пристройки как жилого, так и явно нежилого вида. Чуть дальше виднеется длинное приземистое сооружение откровенно хозяйственного назначения и парочка добротных сараев, вода подмывает стог залежалой соломы, поверх которого набросаны вязанки тростника. Вот, собственно, и все, что можно сказать о месте, куда Карата привели столбы линии электропередачи.

Они, кстати, тянулись куда-то дальше, но здесь от них отходило ответвление к трансформатору, от которого снабжался этот самый потребитель.

Что за люди обитали на болоте, чем они здесь занимались, неизвестно. Но по внешнему виду построек можно сделать вывод, что заброшенными они не выглядят. То есть это точно не стаб, все эти сооружения появились здесь недавно и, скорее всего, простоят недолго, сменившись такими же

или совершенно другими – это Улью решать. Вероятно, здешние обитатели переродились все до единого, ведь вряд ли их здесь было много – масштабы скромные, не похоже, чтобы на острове даже в самые горячие деньки собиралось больше десятка человек. Шанс, что хотя бы один из них окажется иммунным, несерьезный.

То есть, скорее всего, это место необитаемое. Но с относительной гарантией такое можно сказать лишь о разумных обитателях, к зараженным утверждение не относится.

Даже самым хитрым из них Карат упорно отказывал в праве называться носителями разума. Хотя слухи по этому поводу ходили самые разные, к тому же на днях лично наблюдал за гениальным мертвяком, так что ко всему надо быть готовым.

Однако, если отбросить легенды о разумных монстрах, что остается? А остаются стандартные привычки зараженных, а их Карат изучил неплохо. Малоопасная мелочь обычно подолгу стоит на местах, откуда открывается хороший обзор, и не двигается до тех пор, пока в поле зрения не окажется добыча. Если это событие не происходит слишком долго, зараженный начинает неспешно перемещаться в поисках более перспективной позиции, также его может привлечь шум, запах или перезагрузка близлежащего кластера – такое событие даже начинающие твари засекают моментально.

С развитыми зараженными все сложнее. Они способны устраивать засады, скрытно располагаясь в самых неожиданных местах, и вообще, их поведение предсказать трудно. Но кое в чем похожи на мелочь один в один: произошедшая поблизости перезагрузка не оставляет их равнодушными, ради нее они, как правило, бросают все свои дела.

Карат оказался в столь плачевной ситуации именно благодаря перезагрузке, и случилась она неподалеку, оповестив о себе всю округу красочными световыми эффектами, яростным ливнем и катастрофической волной. То есть местные твари, скорее всего, чуть ли не все до единой помчались в ту сторону, и здесь сейчас относительно безопасно.

Те, кто ценит свои жизни, в Улье стараются не торопиться. Вот и Карат, обдумав ситуацию с разных сторон, не стал выбираться из тростника, даже почти на сто процентов будучи уверенным, что здесь нет ни иммунных, ни зараженных. Первые вряд ли появились изначально, слишком уж мал их процент, а вторым нечего делать в столь малоперспективном с виду месте, они должны были умчаться на поиски богатого пищей кластера.

Но эти мысли, несмотря на свою логичность, еще не повод

расслабляться – какая-то вероятность нежелательной встречи сохраняется всегда.

Поэтому Карат не стал покидать укрытие. Вместо этого продолжил вытаптывать тростник и рогоз, описывая окружность вокруг острова. Неспешно, стараясь не выдать себя шумом, подстраивая переходы под порывы усиливающегося дождя, с частыми остановками, во время которых осматривал постройки и прилегающую к ним территорию с разных ракурсов.

Тихое передвижение чуть не довело до сердечного приступа, когда в считанных шагах взлетела перепуганная утка. За шумом усилившегося дождя птица беспечно подпустила человека и своим поведением могла подсказать недружелюбно настроенным наблюдателям, что в тростнике кто-то скрывается.

Пришлось устроить длительную остановку, прислушиваясь и приглядываясь, пытаясь заметить малейшие признаки враждебной активности. Но, похоже, обошлось – никто не проявлял интереса к подозрительному поведению кряквы.

Продолжив наконец обход, наткнулся на узкую дорогу. Сейчас она затоплена почти по колено, но выдает себя просекой в тростниковых дебрях и необычно твердым дном – не асфальт, просто щебнем, шлаком или чем-то подобным посыпана.

Лишь совершив «кругосветное путешествие» и убедившись, что ни с одной из сторон не просматривается ничего подозрительного, Карат наконец рискнул показаться на открытом месте.

Никто не выскочил на него с радостным урчанием, от построек не грянул выстрел затаившегося свежее испеченного иммунного, погибающего от спорового голодания и твердо уверенного, что он один сохранил человечность во взбесившемся мире. Все спокойно, льет тот же осточертевший дождь, Карат никому здесь не интересен, в такую погоду даже комары, коих в таких местах обычно предостаточно, полностью его игнорируют.

Через ворота Карат не пошел – это самое опасное направление (к тому же они гостеприимно распахнуты, от такого зрелища паранойя вмиг взвилась на дыбы). Прикрываясь сараями от возможного наблюдателя, засевшего в доме, преодолел изгородь, порадовавшись, что проволока здесь обычная, а не колючая, приблизился к большой хозяйственной постройке. Той самой – длинной и непонятной. Еще на подходе уловил тошнотворную вонь, заглянув в двери, нюхнул ее от всей души, рассмотрел множество клеток, которыми сплошь заставлены стены, предположил, что в них

раньше содержались какие-то животные, явно не слишком крупные.

Клетки выглядели плохо. Кто-то разворотил их стенки или сорвал дверцы, варварски добираясь до содержимого. Нетрудно догадаться, кто именно. Человеческих останков Карат не заметил, но в сумраке мог много чего пропустить, так что, возможно, без них не обошлось. Но, скорее всего, вонь распространяется от останков неизвестных зверушек, до которых добрались зараженные. Начинающие твари, даже будучи дико голодными, не умеют глотать или разгрызать крепкие кости, от их омерзительных пиршеств обычно много чего остается, вот и благоухает.

Следующим объектом для осмотра Карат выбрал ближайший сарай, столкнувшись здесь с таким же отвратительным запахом. На этот раз его источник был очевиден – он болтался на виду. Человек в невзрачной одежде и свалившихся или стащенных с него резиновых сапогах невзлюбил жизнь до такой степени, что перекинул через тонкую балку грязную веревку, один ее конец привязал к вязанке арматуры, на которую для надежности набросал еще несколько таких же вязанок, на другом устроил петлю, после чего затянул ее на шее и завалил высокий чурбачок, на котором стоял.

Перед тем как это сделать, самоубийца закрыл дверь в сарай, но это не остановило зараженных – они ее разломали голыми руками, при малой чувствительности к боли и терпеливости это не так уж и сложно. Дальше мертвяки изгрызли повесившегося, оставив в итоге лишь небрежно обглоданный костяк и верхнюю часть тела, до которой не сумели дотянуться. Ума на то, чтобы освободить другой конец веревки или придумать что-то другое, у них не хватило.

Суицид – распространенное явление среди ошарашенных новичков. Кто-то убивает себя из-за навязного кинематографом страха обратиться, после того как зарабатывает укусы от зараженных; другие не могут справиться с горем после потери близких; третьи сами не осознают, зачем накладывают на себя руки, они будто всю жизнь ждали этого момента. В общем, поводов полезть в петлю хватает. Да и для бывалых иммунных это одна из основных причин смертности.

В прежней жизни Карат бы опрометью вылетел из такого невеселого места, едва заглянув, но сейчас торопиться не стал. Осмотрел полки, ящики, пнул подозрительный мешок, проделал в нем дыру, убедился, что тот заполнен непонятным белым порошком с едким запахом, вряд ли ему найдется применение. Прихватил прислоненные к стене вилы – дополнительное оружие лишним не бывает.

Только после этого продолжил осмотр построек.

Спустя двадцать минут Карат сидел на кухоньке единственного жилого дома и жадно наворачивал рыбные консервы из единственной найденной здесь банки. При этом он вожаденно косился на работавшую от баллона газовую плиту, где нагревался чайник, залитый водой, набранной прямо в тростнике, окружавшем остров. Чистота ее, конечно, под большим вопросом, но после кипячения можно закрыть глаза на многое, а с учетом того, что нашлись заварка и кусковой сахар – вообще шикарно устроился.

Надо сказать, что перед тем, как приступить к завтраку, Карат облачился в сухую одежду, очень даже подходящую для прогулок по кластерам в непогоду: камуфляжные брюки, черная водолазка, поверх темно-зеленая куртка с множеством карманов, а рядом дожидаются своего часа сапоги-болотники и грубый плащ неприметной расцветки. Люди, которые до перезагрузки обитали в этом доме, знали толк в жизни среди тростниковых дебрей. У них даже оружейный сейф имелся, он бросился в глаза за счет того, что был распахнут настежь. К сожалению, пустой – кто-то подчистую выгреб все оружие и боеприпасы, даже завалящего ножа не нашлось, лишь бумажки, гильзы, приспособления для чистки и прочая необязательно полезная ерунда. Единственное, что Карат оттуда прихватил, – оптический прицел. Штука полезная, даже без винтовки его можно использовать – как не слишком удобную подзорную трубу.

Заварив чай покрепче, прошел в спальню, где до этого переложил свою выжатую одежду постельным бельем. Убрал отсыревшее тряпье, добавил сухое, оставил впитывать воду. Таким нехитрым способом оперативно избавиться от всей влаги не получится, но от большей части вполне реально.

Бросать одежду не хотелось, она у него добротная, тщательно под себя подбирал. Как погода наладится, высушит как следует, а до тех пор будет таскать с собой.

Кстати, насчет погоды – как там дела на улице?

Выходить не хотелось, да и зачем, если в доме имеются окна. Посмотрел через стекло в одну сторону, просветов там не увидел, аналогичная картина ждала и в другой комнате. Уставившись в сторону выезда с острова (или, правильнее, полуострова?), Карат задумался над дальнейшими планами.

Дом ему понравился. Не в том смысле, что он хотел бы привести в него жену, завести кур и начать строгать детей, а в качестве временного

убежища. Несмотря на потоп, вода не добралась до внутренних помещений, пострадала лишь веранда, и погреб залило (странным, что в местной сырятине его вообще вырыли). Прошедшую ночь сладкой не назовешь, Карат жестко вымотан, сон в столь комфортабельном и спокойном месте пойдет ему на пользу. Даже убойная доза чая не помешает вырубиться чуть ли не мгновенно, веки будто чугуном залиты, хоть бери и пальцами их поддерживай.

Карат, глядя в окно, погрузился в эти мысли с головой, слишком расслабился и потому не сразу понял, что снаружи что-то происходит, причем это не связано с погодой.

Устоявшие против напора стихии стебли тростника подозрительно зашевелились сразу в нескольких местах, заставив Карата замереть и минуты три неотрывно наблюдать, как это явление все шире и шире охватывает подходы к острову и приближается. Послышались непонятные шлепки, затем резкий скрип, с похожим звуком раскрывалась дверь одного из сараев. Позабыв про желание комфортно отдохнуть, Карат плавно отстранился от окна, но совсем от него не отошел, продолжал наблюдать, укрываясь в глубине комнаты. Освещения в доме нет, заметить его с улицы не так-то просто.

Из-за сарая вышел мертвяк. Массивный и рослый, на пару голов выше Карата, плечи широченные и склоненные вперед, туловище похоже на вытянутый вершиной вниз узкий треугольник, почти целиком прикрытый пластинами брони, голова раздулась за счет непомерно развитых челюстей, во внешности почти не осталось человеческого, но все еще можно догадаться, из кого выросло это тошнотворно ужасающее создание.

Добравшихся до этой стадии зараженных повсеместно называют руберами. Это предпоследняя ступенька эволюции мертвяков, дальше начинается элита, недолюбливающий лишние сложности простой люд ее никак не разделяет (ну разве что самую серьезную или близкую к ней может окрестить матерой). Что те, что другие – крайне опасные создания: сильные, быстрые, хитрые и прожорливые. Немало иммунных нашли смерть от клыков и когтей этих тварей.

Да что там говорить, если сам Карат в первый же день новой жизни едва не стал жертвой похожего зараженного. Спаса таким чудом, что даже Шуст, будучи частичным свидетелем произошедшего, не до конца поверил, когда выслушал эту историю до конца.

Прежний Карат-новичок, ничего не понимающий и чуть ли не в панику впадающий при одной мысли о столкновении с такой тварью, сейчас бы попытался сделать вид, что его здесь нет и никогда не было.

Новый Карат не такой, новый Карат знает, что руберы не бессмертны, и не забывает, что в их затылочных мешках находятся очень нужные штуковины.

Заколоть тварь вилами? Кроваво зарубить найденным на веранде топором? Вонзить нож в споровый мешок? Для иммунного, получившего дар кратковременного невероятного ускорения, можно подобрать множество сценариев, почти все из которых завершатся гарантированной гибелью зараженного.

Да Карата теперь даже элитой не смутить. Ну, то есть не всякой элитой, потому как, по слухам, проверять которые не хочется, есть среди высших тварей особо одаренные, против которых ускорение работает плоховато или вообще бессильно.

Но торопиться не стоит, очень уж сильно смущает массовое шевеление в тростнике. Монстр появился не один, при нем свита, надо бы оценить угрозу с ее стороны. Если это три-четыре бегуна, Карат легко управится, если кто-то похуже и числом посильнее, нарываться не стоит.

Рубер, не подозревая, что ему грозит беда со стороны вкрай обнаглевшего человечишки, продолжал рыскать по острову, шумно врываясь в одну постройку за другой. Пока что он не проявлял интереса к дому, но когда проявит, придется его успокаивать прямо здесь. Неплохой вариант, можно подпустить поближе, чтобы не тратить лишние силы, добираясь в состоянии ускорения до цели.

Завидев краем глаза подозрительное движение, Карат чуть повернул голову и досадливо прикусил губу. Еще один. Нет, даже двое. Топтуны, развиты приблизительно одинаково, передвигаются своей коронной подпрыгивающей походкой. А за ними выходят все новые и новые твари: другие топтуны, лотерейщики и вездесущие бегуны – единственные из этой братии, сохранившие полностью или частично одежду, да и человеческого в них столько, что издали или при слабом освещении можно обознаться.

Да что же это такое?! Остров оказался на пути миграции орды? Если так, то все, это финиш, можно начинать писать завещание. Как правило, массово движущиеся твари ни одного уголка не пропускают, все закоулки обшаривают в поисках пищи.

Нет, не похоже на орду, масштаб не тот. Просто приличная стая, для запада это обычное явление. Рубер – вожак, кучка топтунов разной степени развития – свора его ближайших прихлебателей, остальные – цепь ищеек и пушечное мясо на все случаи жизни, плюс продовольственный резерв для оголодавших лидеров, если не найдется ничего получше.

Один из топтунов догадался заглянуть в сарай с повешенным. Почуяв,

что тот там задержался не просто так, туда заскочил второй. Через миг оба выкатились сцепившимся клубком, ожесточенно сражаясь за сорванного с веревки самоубийцу.

Драку прекратил подскочивший рубер. Врезал обоим как следует, отобрал костяк с уцелевшими плечами, шеей и головой, жадно впился в гниющее мясо. Наказанные топтуны не стали заливаться слезами из-за великой обиды, вскочили как ни в чем не бывало и деловито направились к дому, предполагая, что в таком большом строении может оказаться добыча ничем не хуже, а то и лучше.

Кстати, предполагают совершенно верно.

И что теперь? Прикончить эту парочку вполне реально, вот только что потом прикажете делать с остальными? Судя по тому, что Карат сейчас увидел, здесь каждый мертвяк присматривает за каждым, дабы не сожрал лишнее втихомолку, так что их исчезновение не останется незамеченным.

На такую стаю силенок у Карата не хватит. Против развитых тварей звездочки не очень-то помогают, то есть придется ускоряться всерьез. Сколько он сумеет прикончить? Ну пусть будет пять или семь, а что делать с оставшимися тремя десятками, если не больше?

Лихорадочно просчитывая в уме варианты, он опустил взгляд на пол и пулей рванул на кухню, с замиранием сердца прислушиваясь, как твари ломают входную дверь и звенят разбитыми стеклами. Потянуть створку на себя, забраться в холодную смолисто-черную воду, закрыть люк над головой, сместиться в сторону. Погреб затоплен не доверху, остался приличный промежуток, что позволяет дышать. Упираясь ногами во что-то непонятное, возможно, полку, Карат забился в угол и замер, прикинувшись плавучим мусором.

Сколько он так просидел, сам сказать не мог. Часы водонепроницаемые, со светящимися стрелками и цифрами, но подносить их к лицу – это рисковать устроить всплеск. Слух у некоторых тварей потрясающий, так что не стоит даже думать о таком.

Зараженные орудовали над головой. По полу звонко стучали костяные пятки топтунов, мягко шлепали подошвы мертвяков попроще (а может, и посложнее). Иногда подпорченные сыростью доски со скрипом прогибались, Карат больше всего опасался, что они не выдержат обрушившуюся на них тяжесть и в затопленный подвал свалится десяток мертвяков.

Чего это они такой толпой в дом заявили? Тоже тепла и уюта захотелось? Или их смутил горячий чайник и свежий человеческий запах?

Да ну, вряд ли. Человеком тут все пропиталось, дом явно старый,

много разных людей перевидал, а насчет чайника – далеко не у всех тварей хватит мозгов, чтобы связать его высокую температуру с недавним пребыванием здесь лакомой добычи.

Но исключать вариант, что нарвался на умников, нельзя. С его-то везением эта стая может сплошь состоять из кровожадных гениев зараженного мира.

Твари урчали на разные лады, топали, шлепали, скрипели досками, чем-то звенели, что-то с грохотом опрокидывали и с треском рвали. В общем – безобразничали вовсю. А Карат второй раз за неполные сутки промерзал до костей и при этом боялся даже зубами лязгнуть, палец между ними просунул.

Ни один мертвяк не догадался поискать добычу под полом. Все же стандартно тупые подвернулись – даже весьма заметный люк не навел их на очевидную мысль. Шум постепенно стихал, а затем и вовсе прекратился. Карат выждал немного, отважился наконец посмотреть на часы и решил высидеть в ледяном мраке еще десять минут – для верности.

Надо признать, что никогда прежде десять минут настолько не растягивались. Но он бы согласился проторчать здесь и дольше, если бы совсем не промерз и, что очень и очень скверно, верхние дыхательные пути сдались перед натиском нескончаемых издевательств. Проще говоря, его начал одолевать кашель.

Простуда – только ее и не хватало для полного счастья. Кашляющий человек – это дичь, оповещающая о своем присутствии всю округу. Нечего даже думать в такой ситуации куда-то отправляться, оприходуют с ходу, в этих краях ценителей человеческого мяса на порядки больше, чем на востоке, а Карат и там не рискнул бы бродить по кластерам в таком состоянии.

Еще через несколько минут он заново разогревал чайник и наворачивал засахарившийся мед из найденной на одной из полок банки. Улей, конечно, простуду и прочие мелкие недомогание лечит влет, но народные средства тоже не будут лишними.

Задерживаться в этом доме не хочется, надо приводить себя в норму всеми доступными способами.

Да и дом уже не тот, твари изрядно в нем набедокурили, к тому же вернуться могут, или другие пожалуют, не исключено, что это популярное место у зараженных. И самое главное – нет смысла терять время. Если Диана и Шуст не остались без лодки и у них все хорошо, долго ждать на острове они не станут.

А Карат до сих пор понятия не имеет, в какой стороне искать этот

самый остров.

Глава 14

Деревня выглядела так, будто все бедствия этого безжалостного к своим невольным обитателям мира обошли ее стороной, и вообще, она оказалась в Улье минут пятнадцать назад. Карат, разглядывая безмятежно-пасторальный пейзаж из безопасных зарослей, поначалу даже подумал, что почти так оно и есть – он вышел на тот самый кластер, из-за яркой перезагрузки которого на личном, весьма печальном опыте убедился, что путешествия водными путями не настолько безопасны, как представлялось прежде.

Но россыпи крупных костей и разбитых рогатых черепов на полоске пастбища, зажатой между тростниковой низиной и околицей, не походили на следы только что случившегося пиршества. Черное да белое, никаких признаков свежей крови. Тут не только зубы зараженных поработали, здесь и вороны поклевать успели, и личинкам мух кое-что досталось, и солнце хорошенько подвляло, пока держалась хорошая погода.

Погода, кстати, налаживается. Вчера дождь так и промолотил до вечера, Карат то и дело просыпался под его шум, заваривал очередную порцию слабенького чая, открывал банку с медом, отведая и того, и другого, вновь заваливался под ворох одеял. А ночь проспал как младенец, хотя сам себе давал зарок подняться за полтора часа до рассвета.

Где уж там – с первыми солнечными лучами глаза продрал.

Но, возможно, это к лучшему, он ведь хорошенько отдохнул и от кашля избавился. Жажда, правда, начала одолевать не на шутку, да и глаза неприятно режет. Ему надо срочно что-то с этим делать, то есть раздобыть универсальное лекарство иммунных.

Небольшой населенный пункт – перспективное место для охоты. Судя по останкам скота, твари здесь уже покушали как следует и случилось это достаточно давно. Обычно основной этап поедания всего и всех надолго не затягивается, после этого все зараженные или большая их часть покидают опустошенный кластер. Но некоторые могли задержаться, ведь почти всегда можно отыскать особо хитрую курицу, спрятавшегося на чердаке свежеиспеченного иммунного, подловить рейдеров, заявившихся на поиски добычи, или хотя бы пустить на корм ослабленного сородича, который не догадался убраться вовремя.

С несколькими тварями Карат, скорее всего, справится даже неказистым оружием, не применяя дар Улья. Если, конечно, будет

расправляться с ними поодиночке. Также в деревне можно поискать еду и серьезные смертоубийственные штуковины. О воде тоже не стоит забывать – та, которую он накипятил впрок, скоро закончится, быстро усиливающаяся неутолимая жажда заставляет поглощать жидкость в невероятных количествах.

И как только почки выдерживают такую нагрузку? Если считать с утра, уже около полведра выдул, и хочется еще столько же в себя залить.

В эту деревню определенно стоит заглянуть.

С этими мыслями он приподнялся и шагнул было вперед, раздвигая кусты, чтобы затем быстро преодолеть открытое пространство.

Но не шагнул и не раздвинул, потому что не смог – будто на невидимую стену напоролся, тело окаменело и перестало двигаться, остекленевшие глаза уставились в одну точку. Такое впечатление, что мышцы в один миг сменились застывшим бетоном.

В панике задержавшись, Карат ничего этим не добился, если не считать того, что перед глазами начало темнеть, и он понял, что вот-вот задохнется – в остановившиеся легкие перестал поступать воздух.

Да что же это такое?!

Необъяснимое оцепенение схлынуло так же неожиданно – в какой-то миг Карат понял, что снова может двигаться. Дыша загнанным зверем, борясь с нахлынувшим головокружением, присел на подгибающихся ногах, начал лихорадочно озираясь, пытаясь понять, в чем, собственно, дело. Что это там позади? Ветка колышется, а ветра нет? Всему виной может оказаться вспорхнувшая птичка, но нельзя исключать самые нехорошие варианты.

Но какие? Что в этом мире способно мгновенно превратить человека в беспомощную статую, а затем оставить в покое, ничего плохого не сделав? Такие поступки совершенно не в духе Улья, хотя поискать объяснение, конечно, можно. Допустим, Карат стал жертвой иммунного с даром парализации вроде бы такие умения бывают. Но в чем смысл? Ведь не убил, не ограбил беспомощного, даже на глаза не показался. Получается, кто-то попусту слил силу, в такое не верится.

Кстати, насчет плохого – осмотрев себя, Карат убедился, что видимых повреждений и правда нет, а также ничего не пропало.

И никаких признаков близкого присутствия посторонних.

Ну и как понимать эти чудеса? Психика наконец забарахлила, как это случается у многих иммунных? Или сказываются последствия лишений, которые обрушились на Карата в последнее время? Вдруг простуду не до конца вылечил?

Да ну, полный бред. Это что за простуда? Разве бывает так, что после кашля тебя наглухо парализует, причем в этом состоянии ты остаешься на ногах, а не заваливаешься, как приказывают законы физики.

Продолжая ничего не понимать, Карат опустился на корточки, внимательно изучил землю, надеясь найти в следах хоть какое-то объяснение. Но почва здесь плотная, несмотря на недавние дожди, и присыпана пожухлой листвой, отчетливые оттиски на ней не просматриваются.

Да и следопыт из него аховый.

Так и не найдя никакого объяснения случившемуся, Карат вновь обернулся на деревню и окаменел.

Нет, не по причине того, что его снова парализовала сила неизвестной природы, все объяснялось гораздо проще.

На том самом пастбище, заваленном останками зверски сожранного домашнего скота, шныряли зараженные. Много, десятка три, в основном стандартные бегуны, но и серьезных тварей хватает. Вожак у них, похоже, вон тот рубер, никого круче здесь не видно.

Гм... Если учесть то, что к деревне Карата привела дорога, которая тянулась от его последнего убежища, почему бы не предположить, что загнавшие его в погреб зараженные воспользовались тем же путем. Он ведь на незатопленных участках натыкался на следы, некоторые из них трудно отнести к человеческим, вот только не мог определить, насколько они свежие. Дождь, поливавший вчера весь день, все усложнил.

Похоже, та самая стая. Голодные твари рыскали по пастбищу, копались в костях и пытались их грызть. Видно, что оголодавшие, жадные, это легко объяснить долгими скитаниями по тростнику, где с добычей туго.

А это еще кто? Ба, самый натуральный кабан. Матерый секач, передвигающийся необычной спотыкающейся походкой, голова нелепо болтается и деформирована на затылке – там можно разглядеть выпуклость некрупного спорового мешка.

Доводилось слышать, что с хрюшками такое нередко случается, как с дикими, так и с домашними, а вот увидел впервые. Не понять, насколько опасна такая тварь, походка не впечатляет, складывается впечатление, что кабан только-только переродился и не перебрался через стадию пустыша. Да и от прочих зараженных держится особняком, будто опасаясь, что те мечтают о его сале, потому и не сразу на глаза попал. Очень может быть, что это коренной обитатель здешних тростниковых дебрей, которому не повезло с иммунитетом, и он присоединился к стае вчера или сегодня, пока она пробиралась по его владениям.

Карат, наблюдая за мертвяками, внезапно осознал, что, не случись того необъяснимого паралича, он, устраивая рывок к околице, мог попасться на глаза зараженным, это почти наверняка привело бы к печальным последствиям. Они, похоже, только что выбрались из зарослей, он бы до последнего их не видел, а вот они бы легко его заметили на открытом месте.

Получается, необъяснимый паралич спас его от большой беды? Похоже на то, в такие совпадения Карат не верил.

И как прикажете это понимать? Неужто у него прорезалось умение, не позволяющее ему глупо спешить там, где следует немножечко подождать?

Неестественное какое-то умение, откровенным бредом пахнет, ведь, по заслуживающим доверия словам Чтеца, не должно было на него свалиться такое великое счастье, проблемы с этим у Карата. Но мало ли, вдруг все дело в щедрости Стикса. В таком случае надо при первой возможности пообщаться со знахарем, он даст точные ответы или поможет разобраться.

Твари, неспешно обшаривая пастбище, постепенно удалялись, не пытаясь свернуть к деревне. Она их не заинтересовала, а может, уже успели ее обшарить, ведь времени у зараженных на это было прорва. Если верно последнее (а это скорее всего), Карату там делать нечего. Или мертвяки сожрали местных «коллег», или те присоединились к стае. Вряд ли кто-то остался невостребованным, уж больно голодны пришельцы из тростника.

Карат в последние недели жизни в Полисе вдоволь насмотрелся на повадки тварей и таких суетливо-прожорливых припомнить не может, а ведь случаи изуверского каннибализма не раз наблюдал и у куда более сытых на вид особей.

Стараясь не упустить удаляющуюся стаю из виду, начал продвигаться по зарослям, огибая деревню. Там, похоже, дорога тянется, причем приличная. Глядишь, по ней выберется к более перспективному месту, здесь ловить нечего.

С этим предположением Карат не ошибся – вдоль ровной линии тополей и правда вытянулась асфальтированная дорога приличной ширины. На ней и разметка имелаась, и знаки, и даже синяя табличка перед въездом в деревню – название населенного пункта и одновременно указание сбросить скорость до разрешенной.

А еще на дороге были люди. Не зараженные – нормальные, это издали понятно, даже не надо таращиться в оптический прицел. Карат на тварей насмотрелся и ни разу не замечал, чтобы у них была такая богатая и характерная жестикуляция.

Три легковых автомобиля приткнулись к обочине, все двери нараспашку, пассажиры и водители встали кружком и что-то бурно обсуждают, то и дело размахивая руками.

Столпотворение можно разглядеть издали с разных сторон, машины явно приехали из прошлой жизни, в Улье на таких по кластерам не катаются. На людях самая разная одежда, в том числе яркая, хорошо заметная и непрактичная, оружия или ни у кого нет, или не держат его на виду.

Никуда не годная техника, беспечное поведение, тряпье для мирной жизни, отсутствие амуниции и вооружения – все ясно, Карат столкнулся с новичками. Очень может быть, перед ним растерявшиеся жители того самого кластера, из-за перезагрузки которого он попал в этот переплет.

Кластеры бывают самые разные, в том числе их можно различать по скорости обращения обитателей (хотя это непостоянная величина). Тот, в котором Карат оказался по прибытии, был из быстрых, там уже спустя несколько часов слонялось полным-полно свежеиспеченных любителей человечины. Но бывают и такие, на которых процесс растягивается до трех дней, а может, и больше. Даже будущие твари при этом пусть и не в полной мере, но сохраняют разум и привычки, понимают, что попали в нехорошую и необъяснимую ситуацию. Пытаются что-то предпринимать, у них обычное явление, когда поодиночке или массово уходят подальше пешком или на транспорте, по пути перерождаясь оптом или в розницу.

Эти беглецы выбрали машины и вскоре начали понимать, что ситуация куда запутаннее, чем представлялось до поездки. То есть они перестали узнавать местность. Должно быть, знают ее прекрасно, заблудиться никак невозможно, и вдруг, проехав через зияющую трещину в асфальте, оказались неизвестно где.

А может, и не было никакой трещины, или была, но трудноразличимая. Иногда границы между кластерами выделяются на местности так, что даже зеленые новички с ходу замечают неладное, а иногда даже старожилы упускают их из виду.

Как бы там ни было, эти люди растерялись до такой степени, что остановились в опасном месте. Неподалеку бродит стая зараженных, возможно, в округе остались одиночки или мелкие группы тварей, в любой момент они могут заметить добычу и сообщат об этом на всю округу.

В урчании тварей есть звуки, которые недоступны человеческому уху, и разносятся они далеко. Мертвяки, с их чутким слухом, оперативно соберутся на пиршество.

По-хорошему, Карату следует обогнуть беспечную группу стороной,

чтобы люди даже не заподозрили о его существовании. Но такое поведение в корне неправильно. И дело не в том, что суеверия иммунных и их неписаный кодекс чести приказывают оказывать всяческое содействие новичкам или как минимум не вредить им. Карат без суеверий и прочего всегда рад помочь ближнему, пусть даже за это его иной раз судьба наказывает. Характер у него такой – отзывчивый, ему бы спасателем работать или, допустим, врачом – явно не ту стезю выбрал.

Эти новички не из летающей тарелки высадились, они откуда-то приехали. Значит, у них можно попытаться получить полезную информацию. Главным образом интересует вопрос: в какой стороне река? И вообще, следует узнать как можно больше о направлении, с которого они прибыли.

Несколькими вопросами Карат может сэкономить себе часы или даже дни утомительных поисков, что с учетом высокого риска пребывания на этой местности бесценно.

В общем, тяжело вздохнув, Карат вонзил в землю вилы, вытащил из-за пояса топор, завернул его в плащ, поправил ножны на поясе, прикрыв их курткой. То есть сделал все, чтобы не походить на вооруженного человека с неясными, но, очень может быть, противоправными намерениями.

Слоняясь по кластерам, неизбежно начинаешь походить на бывалого бандита. Как ты ни одевайся, как ни прячь смертоубийственные предметы, как ни брейся при любой okazji, а все равно себя выдаешь. Это в том числе и по глазам заметно, в них под горловину залита постоянная готовность к насилию, ведь иначе здесь никак. Потому и популярны темные очки у тех рейдеров, которые норовят урвать что-нибудь с кластера сразу после перезагрузки, пока местные еще не очухались.

Напоследок изучил до сих пор что-то обсуждающих людей в оптический прицел, но так и не заметил у них оружия или хотя бы деталей одежды, выдающей сотрудников правоохранительных органов или военнослужащих. С полицией он на заре своей новой жизни сталкивался, о повторении не мечтает. Нет, ничего подозрительного не видать, похоже, сугубо мирные люди, такие, как правило, безвредны и уж в любом случае не станут стрелять в появившегося из зарослей человека, который не выказывает ни малейших признаков враждебных намерений.

И правда зеленые новички, никто даже не дернулся, когда Карат выбрался из укрытия. Его попросту не заметили, так и продолжали галдеть, размахивая руками. Приближаясь, он начал улавливать обрывки слов, а затем стал молчаливым участником беседы – почти все понимал, лишь время от времени встречающий в разговор плюгавенький мужичок с

обмотанной бинтами головой бубнил что-то уныло-неразборчивое, но его, похоже, игнорировали абсолютно все, а это явно неспроста, то есть вслушиваться не обязательно.

Больше всех и громче всех разорялась статная, не первой молодости женщина лет пятидесяти с лишним. Когда-то, похоже, завидная красавица, до сих пор тщательно следит за лицом и фигурой, у нее даже в такой обстановке они выглядят ухоженными. Вот она-то и размахивает руками, как ветряная мельница, что, с учетом надетой на нее ярко-оранжевой куртки, сигнализирует тварям издали.

– Ну как можно было свернуть непонятно куда?! Там ведь всего одна дорога! – Похоже, женщина в разных вариациях повторяла одно и то же далеко не первый раз, звучало, будто на совесть заезженная пластинка.

– Надя, да никто никуда не сворачивал, как ехали по главной, так и едем! – на повышенных тонах отвечал ей толстый высокий мужик с бесконечно усталым лицом, а остальные за ним поддакивали.

Но увядающая красавица не сдавалась:

– Да как будто я по этой дороге никогда не ездила! Ну где вы видели деревню с таким названием?! Я до того, как вы нас сюда завезли, вообще не знала, что такая есть на белом свете! Думайте теперь, как возвращаться будем! И куда! И давайте уже думайте быстрее, в этой деревне тоже никого нет! Здесь все как везде!

И так далее в том же духе, слов много, но суть одна. То есть все обстоит именно так, как Карат и подозревал. Эти новички сбежали из атакованного зараженными свежего кластера; ничего не понимают; не представляют, куда их занесло; в придачу, возможно, начали проявляться психические проблемы, с которыми в той или иной мере сталкиваются все свежие. Всеми виной стресс и воздействие Стикса – неизученное явление, но известно, что начинает сказываться с первых мгновений новой жизни. Отсюда большое количество аварий и прочих происшествий сразу после перезагрузки. И чем ближе перерождение в безмозглую тварь, тем хуже с головой. В какой-то мере это касается и иммунных, но корни их главной проблемы в другом – без живчика погибаются.

Карат уже приблизился шагов на десять, однако его по-прежнему игнорировали. Замедляясь, он вежливо произнес:

– День добрый.

Никто даже не обернулся, кроме самого плюгавенького и тихого, слова которого вечно тонули на фоне монологов женщины в оранжевом и прочих. Тот, посмотрев на Карата, будто на привидение, только что с замогильным воем выбравшееся из старого склепа, тонко, по-девчачьи, взвизгнул.

Это проняло остальных, они наконец развернулись к источнику беспокойства и дружно вытаращились на Карата.

– День добрый, говорю, – повторил он и, не давая им времени на осмысление, сжато и быстро перечислил все, что давило сейчас им на душу: – Связь и электричество в вашем городе или деревне исчезли, опустился кислый туман, затем пришли зомби и страшные мутанты, начали убивать и поедать людей. Вы решили уехать, но вскоре оказалось, что дорога стала другой, местность невозможно узнать, хотя вам тут каждая кочка знакома, а еще проблемы со здоровьем возникли. Я только что перечислил почти все, что с вами происходило в последнее время. Добавлю, что вы вляпались в очень нехорошую историю, и далеко не все из вас сумеют прожить здесь хотя бы три дня. У вас, конечно, назрела куча вопросов, ответы на которые могу дать лишь я. Но не теряйте на это время, я сам расскажу то, что вам надо знать обязательно, без чего здесь не выжить. Но я сделаю это только после того, как вы ответите на несколько моих вопросов. Они простые. Договорились?

– Что вы хотите... – начала было приходить в себя женщина в оранжевом.

– От вас мне ответы не нужны, – бестактно перебил ее Карат и указал на пожилого мужчину лет шестидесяти, из всех присутствующих он выглядел самым рассудительным и изъяснялся без криков, способных переполошить всю округу: – Отвечайте вы, а остальные, пожалуйста, помолчите, это сэкономит ваше и мое время, а оно здесь бесценно.

Мужчина, назначенный «ответчиком», беззвучно кивнул, что еще больше убедило Карата в правильности сделанного выбора:

– С какой стороны вы приехали?

Тот так же молча указал на запад.

– Сколько километров проехали от деревни или города?

– У нас не деревня. Райцентр. Километров пятнадцать отсюда, может, чуть меньше, но точно не больше. Не догадался засечь.

– Когда все это началось?

– Позапрошлой ночью, в самом начале. Та ночь оказалась слишком короткой, не больше трех часов.

– Рядом с вашим городком текла река? Может, канал или что-то в этом роде?

– Только пара прудов по ручью, который летом пересыхает.

– По пути оттуда вы видели реку или что-то на нее похожее? Может, проезжали через мосты?

– Да, мосты были.

– Я имею в виду нормальную реку, большую, а не мелочь, которую пешком перейти можно.

– Вроде Волги, что ли?

– Лишь бы не такая, какую можно спокойно вброд перейти или даже перепрыгнуть.

– Видели что-то похожее на реку на полпути сюда. Я еще тогда заподозрил неладное. Там ведь озеро должно быть, и вроде бы оно осталось, даже дамбу разглядел, но в обе стороны разлив уходил, из-за него озеро словно продолжалось. Свалил это на дождь, тот мог все залить, но вообще-то это как-то сомнительно, никогда такого не случалось.

Карат указал на запад:

– Где была эта река? Слева или справа от дороги?

– Не река – озеро. Только оно странным стало, вроде не расширилось, но сильно вытянулось, не знаю насколько, стало на реку похожим.

– Это я понял. Так слева или справа?

– Если отсюда смотреть, то слева.

– Что-нибудь интересное по пути или в городе видели? Вооруженных людей, странные машины, стаи зараженных, бронетехнику?

– Зараженных? Вы имеете в виду «этих»?

– Здесь их называют зараженными, мертвяками, тварями, мутантами – по-всякому можно, они не обижаются.

– Я не понимаю, что вообще...

– Не важно, вам пока что и не надо ничего понимать, просто отвечайте, – перебил Карат собеседника.

– Таких было много в райцентре.

– Я знаю. А после него?

– Они иногда выскакивали к машинам, но мы всегда успевали уехать. У некоторых людей было оружие... ну там, у нас, но оно не помогало, там такие иногда бегали, хоть взрывай. Этих... их много было. Начали утром появляться, а потом все больше и больше, они были везде, они...

– Я понял, – снова перебил Карат. – На дороге ни военной техники, ни людей с оружием, ни машин странных не видели?

– Не было такого.

– Ладно, благодарю, у меня все.

– Все? – удивился мужчина явной необычности набора вопросов.

– Да, у меня все. А теперь расскажу то, что обещал, это может вам помочь. Не всем, конечно, а возможно, вообще никому, но мало ли, попытаться стоит, мне в свое время помогло.

– Вы о чем... – опять проявила себя самая говорливая женщина.

И Карат опять ее невежливо перебил:

– Помолчите немного, просто послушайте, это важно. Для вас важно. Вы попали в другой мир, и выхода из него нет. Здесь очень опасный район, вам надо немедленно уходить на восток, это вон в ту сторону. Если будете забирать чуть к северу, быстрее всего наткнетесь на патрули Полиса, их можно узнать по синим знакам на технике. Они вам, скорее всего, помогут, ко всем остальным не приближайтесь, как бы безобидно они ни выглядели. Здесь вас могут убить не только зараженные, но и люди, тут не все такие добрые, как я. Машины лучше бросьте, на такой технике вы далеко не уедете. Идите пешком, избегайте открытых мест, осматривайтесь по сторонам, не шумите, не забывайте о гигиене и чистоте, твари прекрасно чуют запахи, особенно опасна кровь, даже мелкая царапина может вас выдать, а уж женщина в эти самые дни – для них сигнал к обеду. Найдите хоть какое-нибудь оружие: топоры, ножи, вилы, лопаты. Если что понадобится, смело обыскивайте любые дома, никто вас за это в клетку не закроет, считайте, что в коммунизм попали и все ничейное. Если нападут зараженные, бейте в голову или в шею. Можно в грудь или между лопатками, но это сложнее. На затылках у развитых тварей есть особые наросты, вы их ни с чем другим не перепутаете, выглядят чужеродными. Если хорошенько ткнуть в такой нарост самым простеньким ножичком, мертвяк мгновенно склеит лапы. Вдруг почувте тот же кислый туман, как в ту ночь, чешите оттуда как можно быстрее, пока там не прояснится. У меня для таких, как вы, пачка брошюрок была, там все подробнее и четко, по пунктам, но они в лодке остались, а где лодка, я без понятия. И да, через день-другой вы можете начать погибать от слабости и жажды, которую даже ведром воды не залить. Спасение только одно – в затылочных наростах некоторых зараженных можно найти штуковины, похожие на мелкие зеленые виноградины. Растворите их в алкоголе, желательно крепком, потом разбавьте его водой, процедите через несколько слоев марли и пейте по чуть-чуть, организм сам подскажет дозу, не перебарщивайте. Понимаю, что даже думать о таком противно, но придется себя пересилить. К тому же в этих наростах нет человеческих тканей, это что-то вроде гриба-паразита, считайте, что собираете маслята, выросшие на необычной почве. Это очень важный момент, здесь без таких виноградин не прожить. И еще одно скажу: скорее всего, даже при большой удаче дойдут не все, некоторые из вас превратятся в таких же тварей. Поначалу они будут медлительными и не слишком опасными, но это не значит, что вам надо тащить их за собой, как часто делают новички. Они больше не ваши друзья и родные, они опасные существа, вернуть им человеческий

облик невозможно. Сможете убить – убейте, не сможете – отделайтесь от них, заприте где-нибудь, бросьте связанными. Но лучше убейте, для них это лучший выход. Если зараженные вас покусают, не надо бояться, что станете такими же, инфекция распространяется по-другому, влиять на нее невозможно. Вы все поняли? Вижу, что далеко не все, но со временем поймете, если повезет. Пока что просто не забывайте то, что я рассказал, это азы, это азбука выживания, без нее вам лучше прямо сейчас повеситься.

– Да он же сумасшедший... – протянула женщина в оранжевом, не сводя с Карата напряженного и одновременно задумчивого взгляда.

Похоже, достаточно адекватная, чтобы понять простую истину – подошедший к ним человек не очень-то похож на душевнобольного и прекрасно ориентируется в ситуации. Но разум отказывается поверить в столь противоестественную «азбуку выживания».

Карат в первый день новой жизни, слушая пояснения Шуста, тоже не мог в такое уверовать, но ему поневоле приходилось считаться с этой информацией, она себя на каждом шагу практикой подтверждала, а одно к другому прикинуть несложно.

Нет, вряд ли кто-нибудь из этих людей выживет, даже если среди них половина окажется иммунными. Они уже многое успели повидать, но ведут себя вопиюще беспечно, ни шагу не делают в сторону ко всему готовых обитателей Улья, держатся, будто говорливые туристы, заблудившиеся среди достопримечательностей далекой и непонятной страны.

И понимать ее не торопятся.

Надо бы убраться отсюда подальше прямо сейчас, но Карат, не присоединяясь к возобновившемуся между новичками оживленному разговору, дал им последнюю возможность что-нибудь уточнить или принять его слова без обсуждений. А чтобы было доходчивее, развернул плащ, достал из него топор, красноречиво проверил заточку, ловко крутанул. Затем пришло время гранаты, ее он тоже осмотрел, и, похоже, сделал это зря.

С топором в руках вероятного психопата новички смириться могли, а вот граната – это уже чересчур.

– Нам лучше вернуться назад и поискать поворот, который мы пропустили, – безапелляционным тоном заявила женщина в оранжевом.

Зрелище гранаты в руках явно ненормального субъекта вынудило остальных согласиться с этими словами без споров. Люди торопливо потянулись к машинам, начали хлопать дверцами. Старший напоследок посмотрел на Карата выразительно, а тот, подмигнув, указал на топор, а затем сделал вид, что берет его в руки и кого-то бьет.

Настойчиво намекал, что тому надо срочно обзавестись такой же штукой.

Правильно понял намек или нет, неизвестно, но, прежде чем сесть в машину, мужчина едва заметно кивнул Карату.

Остается пожелать ему стать иммунным – у новичка есть потенциал.

Тройка автомобилей завелась почти синхронно, затем, нарушая правила движения, они развернулись на дороге и один за другим направились в сторону деревни, причем кто-то, непонятно по какой причине, поравнявшись с первыми домами, от души нажал на клаксон, взбудоражив окрестности.

Провожая взглядом удаляющиеся машины, Карат покачал головой. Кое-что полезное он от этих людей все же узнал, а вот им его информация вряд ли поможет. Пожалуй, на случай повторения таких встреч надо придумать краткую и убедительную речь и заучить ее наизусть. Ну, или в той самой брошюре Полиса посмотреть, вдруг кто-то уже дошел до такой очевидной мысли и оставил лаконичную инструкцию.

Итак, кое-какая информация получена. Не факт, что она поможет, но есть от чего отталкиваться. Еще один нехорошо пахнущий плюс встречи с этими новичками – по ее результатам они отправились назад, на запад. Причем поехали шумно, а путь их лежит мимо пастбища, на котором несколько минут назад ошивалась стая зараженных. Нет сомнений, что твари далеко уйти не успели и кинутся на шум клаксона и моторов. Даже если не перехватят машины, все равно будут преследовать некоторое время, самые упорные способны не один десяток километров прошагать по дороге, прежде чем поймут, что дичь ускользнула и придется поискать другую добычу.

Как бы там ни было, ближайшие окрестности деревни зараженные покинут – помчатся на запад вслед за шумными новичками. А это открывает кое-какие перспективы.

Карат не планировал заходить в деревню, по его мнению, там сейчас не получится разжиться спорами, а они – самое главное, без них дальше никак. Но раз уж обстоятельства благоприятствуют, так почему бы и нет?

Пусть там не окажется споранов, зато могут отыскаться оружие, еда и вода. Если подвернется велосипед – тоже неплохо, в свое время Карату этот транспорт неплохо помог. Пусть это было на Внешке, где популяция опасных тварей непрерывно прореживается, но ничто не мешает попробовать перенести полученный опыт сюда. Конечно, кататься придется осторожнее, от некоторых местных тварей крутя педали уехать не удастся – они и мотоцикл догнать способны.

Ну, так в этом недостатке можно отыскать выгодные варианты. Скажем, почему бы не попробовать растянуть напавшую стаю, дожидаться, когда шустрый лидер или лидеры далеко оторвутся от основной массы, притормозить, разобраться с ними, в темпе очистить споровые мешки и спокойно уйти от остальных, пользуясь преимуществами колесного транспорта.

В общем, велосипед – вещь весьма полезная, если подвернется, Карат мимо не пройдет.

Глава 15

Дом был роскошным, такой и домом назвать язык не поворачивается – настоящий особняк, без показной роскоши, в подчеркнуто-неброском английском стиле. Полированный камень, подстриженные кусты и все прочее наличествуют, разве что вышколенных слуг не хватает, как, впрочем, и чопорных джентльменов. Впрочем, возможно, в какой-то мере они здесь присутствуют – кто знает, чьи обглоданные кости разбросаны по крыльцу.

Кто отгрохал такую домину посреди заурядной деревеньки и кто нашел здесь свою смерть, Карат не знал и не очень-то хотел знать. Главное – владельцы этого архитектурного чуда знали толк в излишествах, на кухне обнаружилось много разнообразной еды, в том числе экзотической или даже откровенно непонятной. Выбрав то, чем вряд ли можно отравиться, Карат устроил маленькое пиршество в самой большой комнате второго этажа.

Хотя вряд ли это можно называть пиршеством. Просто обставил столик раскрытыми жестянками, стеклянными банками и бутылками с минеральной водой, водрузил посередине горячий кофейник и тетрапак с томатным соком. На этом, собственно, и все. Ну а что поделать, если продукты поинтереснее быстро портятся, по этой причине к холодильнику даже приближаться не хочется, а уж открывать – тем более.

Опыт у Карата был. Негативный.

Аппетита не наблюдалось, и это очень плохо. Иммунные лишь внешне остаются нормальными людьми, если копнуть поглубже, обнаружится множество отличий. Начать хотя бы с самого простого – температура тела у них повышена приблизительно на полградуса, что не такая уж и мелочь. Их организмам требуется больше энергии, и хотя с зараженными в прожорливости им не сравниться, все равно пищи расходуется много.

Если организм отказывается от еды, значит, организму очень худо. И то, что Карат заливается водой и кофе, не поможет справиться с нестерпимой жаждой.

Ему требуется кое-что особенное, то, что не найти в кухонных шкафчиках самого роскошного дома.

Карат, прихлебывая из бутылки, подошел к одному окну, постоял, разглядывая ничем не примечательный пейзаж: брошенная посреди улицы малолитражка с жестоко вырванной дверцей, добротные деревенские дома,

зелень садов, засеянные чуть недозрелой пшеницей поля за околицей. Как до этого ничего интересного не замечал, так и сейчас. Если здесь и остались зараженные, они ничем не выдают свое присутствие.

Развернувшись, направился к другому окну. Жажда жаждой, но пить можно и сидя, и стоя, и даже на ходу. Раз уж этот странный дом господствует над местностью, грех не использовать его возможности для наблюдения за окрестностями. Глядишь, что-нибудь полезное на глаза попадетсЯ.

Или заметишь угрозу до того, как зараженный окажется от тебя в паре шагов. Таков уж этот мир, расслабляться здесь нельзя, вот и приходится во всех ситуациях держаться начеку.

Другая комната, другая сторона дома, а пейзаж один в один. Ну разве что дальний план изменился – вместо золотящихся полей там располагается узкая полоска пастбища, прижавшаяся к поблескивающей водными прорехами протянувшейся до горизонта тростниковой низине. Приглядевшись, можно разглядеть черно-белые пятнышки обгрызенных хребтов и черепов, раскиданные на подстриженной коровами травке, но зараженных там уже нет, стая последовала за тройкой машин с шумными новичками.

Тучи рассеиваются. Просветов еще нет, но заметны места, где облачность утончилась, через них то и дело проглядывает диск дневного светила. Глядишь, к завтрашнему дню погода наладится.

Хорошо бы.

Перестав разглядывать пышную яблоню, мешающую обзору, Карат скосил взгляд правее и понял, что до хорошей погоды рискует не дожить.

И дело тут не в споровом голодании, и даже не в зараженных.

Между домами стремительно промелькнула пара мужчин, на вид вполне нормальных. Одеты в пятнисто-зеленое и черное, на головах армейские каски, выверенные движения опытных бойцов, вооружены не какими-нибудь отцовскими двустволками и самодельными арбалетами – все куда серьезнее. Направляя стволы в правильные стороны, непрерывно контролируют округу и прикрывают друг друга. Может, и не профи, но заметно, что не впервые этим занимаются.

Два – не так уж и страшно, но вон там, среди зарослей, угадывается еще тройка силуэтов, передвигающихся аналогичным образом.

Карат, торопливо перебравшись на другую сторону, замер у края оконного проема, искоса начал рассматривать деревню и быстро заметил еще несколько черно-зеленых.

Форма интересная, в такой щеголяют боевики одного из

подразделений Полиса. Того самого, которое нечасто увидишь в ожесточенном бою, но что касается сомнительных делишек, проворачиваемых по приказу того же Бирона, – в этом они в первых рядах. Вроде бы в связи с новыми веяниями этих вояк упразднили, но, глядя в окно, в такое трудно поверить. Может, их и сняли с официального довольствия, но дрессированными командами разбрасываться не принято, часть бойцов или весь состав сохранили.

И послали сюда, в никому не нужную западную деревеньку, плотным кольцом окружать дом, который облюбовал Карат.

Как сумели они его выследить – интересный вопрос, ответ на который следует поискать когда угодно, лишь бы не сейчас. В данный момент надо думать о другом – как бы выкрутиться из этой ситуации.

Бежать – слишком поздно, судя по тому, что можно разглядеть через окна, дом плотно обложен со всех сторон. Боевики Бирона действовали планомерно – вначале окружили деревню, затем начали затягивать петлю вокруг особняка. Поначалу держали его под присмотром наблюдателей, одного из них Карат срисовал, когда тот спускался с крыши большущего сарая на окраине. Понятно, что он не голубей там гонял. Через минуту-другую наемники всем составом окажутся здесь, под стенами, затем ворвутся, и никакой дар Улья не поможет справиться с такой оравой – их не меньше пары десятков в самом лучшем случае.

Ну и что тут можно сделать? Выскочить и попытаться проскользнуть через цепь головорезов? Бросить в них гранату и понадеяться, что на грохот вернется не успевшая далеко уйти стая, после чего прислужникам Бирона хотя бы ненадолго станет не до Карата?

В погребе точно не отсидишься – хоть в сухом, хоть в затопленном, судя по всему, в этой команде имеется неслабый сенс, а может и не один. Для таких спецов стены – не помеха, сами в люк не полезут, а другим покажут, где ты засел и чем там занимаешься.

Тогда что остается?

Взгляд Карата упал на столик, задержавшись на тетрапаке возле кофейника.

А почему бы не выпить сока?

* * *

Черно-зеленые, обложив дом, врывать не спешили. Мешкали, то и дело поднимая к стеклам камеры на раздвижных штангах, разглядывая

Карата с разных ракурсов. Не вчера на свет появились, чуяли, что здесь что-то не так, не может он сидеть так безмятежно, не догадываясь о происходящем. Репутация человека, который единственный сумел вернуться с опаснейшей охоты, говорила о многом.

Минуты уплывали одна за другой, и наконец командир решился отдать приказ.

Карат поморщился, когда внизу жалобно зазвенели стекла и с треском начали вылетать двери. На улице эти боевики двигались достаточно продуманно, он предполагал, что взять под контроль дом – для них дело пары десятков секунд, не сопряженных с чрезмерной шумихой, но явно ошибался, этот момент слабовато отработан.

Однако нельзя не признать, что задержка в сравнении с ожидаемым вышла незначительная, да и шум можно простить, ведь тварей поблизости нет. Первые бойцы, врываясь в огромную комнату, резво уходили влево и вправо, брали при этом Карата на прицел, но приближаться к нему не торопились. Как он и надеялся, у них приказ взять его живым и по возможности невредимым, а это не так-то просто сделать, когда клиент сидит на подоконнике настезь распахнутого окна и, демонстрируя полное равнодушие к происходящему, неторопливо смакует густой томатный сок из тонкостенного стакана.

Два этажа – не так уж и много. Вот только следует учесть, что дом, мягко говоря, нестандартный, так что высота приличная, к тому же падать Карату придется спиной вперед на камни, так что он с высокой вероятностью свернет шею или разобьет череп.

Все, что ему для этого надо сделать, – чуть отклониться назад. Как бы ни были быстры ворвавшиеся головорезы, они не смогут перехватить его, рванув через комнату, потому что Карат заблаговременно понаставил на их пути столики и стулья.

Все предусмотрел.

Естественно, на любую хитрость найдется хитрость посильнее, Карата так или иначе возьмут, все, что в его силах, – чуть оттянуть этот момент, чего он и добивается.

Пусть побольше сюда набьется, желательно все. И чтобы сенс тоже сюда заглянул.

Рядовые бойцы взяли второй этаж под контроль, пришло время старших и спецов. Последних Карат дожидался с нетерпением, ему до зарезу нужен сенс, если он не поднимется, план, и без того непростой, станет трудноосуществимым.

– Слез с подоконника! Руки вверх! Все бросил! Живо! – скомандовал

появившийся в дверях новый черно-зеленый.

Орет так же громко, как все прочие до него, вот только остальные бойцы при его крике моментально присмирели. Может, самый главный, может, просто кто-то рангом повыше прочих, но в любом случае Карату нужен не он.

– Глушить не могу! Повторяю – глушить не могу! – нервно произнес один из вояк с черной маской на лице.

С этим все понятно – носитель одного из умений, незаменимых при подобных операциях. Суть его в том, что он при контакте или с некоторого расстояния надолго или на секунду-другую парализует, глушит, ослепляет, дезориентирует цель – в общем, делает все, чтобы она потеряла способность к сопротивлению. Под это дело набрасываются остальные и легко вяжут тепленького.

Вот только сейчас это не сработает, оглушенный Карат с высокой вероятностью вывалится в окно.

Так вот в чем заминка, они весь упор делали на этого спеца, а он в сложившейся обстановке ни на что не годен. На мебель дружно косятся, думают начать разбирать преграды или оценивают их на предмет рвануть к цели прямо через завалы. На этот случай Карат предусмотрел пару заготовок, но не уверен, что сработает.

План – тот еще сомнительный экспромт, но куда деваться, если ни времени, ни возможностей на другое не предоставили.

И где же сенс? Неужели остался на улице?

– Я сказал, все бросить! Бросай! Руки показал!

Чуть отхлебнув, Карат с насмешкой поинтересовался:

– Успокойся, вон на столе топор лежит, это мое единственное оружие, я пустой. И чем тебе мой стакан помешал? Обязательно его бросать?

Игнорируя его вопрос, старший обернулся к новому бойцу, появившемуся снизу:

– Глаз, осмотрись, тут что-то нечисто.

Тот покачал головой и спокойно ответил:

– Да я и снизу все хорошо осмотрел, нет тут никого, только клиент. И мебель чистая, растяжек не вижу.

– Бросил все и встал на пол ровно! – по-другому повторил командир свой приказ.

А Карат, увидев наконец сенса, счел, что пора прекращать тянуть время – то, что требовалось, он уже выяснил.

Еще разок пригубив солоноватый сок, вздохнул, покачал головой:

– Если брошу, стакан разобьется!

– Бросай давай!!! Живо!!! И лег на пол!!! Завалю нахрен!!!

Если крикун делал расчет на то, что от таких воплей Карат пулей метнется выполнять все, что ему приказали, он крупно ошибся и даже более того – подыграл планам жертвы.

Карат подался было вперед, стараясь выглядеть испуганным и изображая намерение спуститься с высокого подоконника. Одновременно с этим он взмахнул рукой, отправляя стакан в свободный полет к потолку. Чистая психология – даже профи, хоть вскользь, хоть на кратчайший миг, но уставится на быстро летящий предмет, отправленный ввысь рукой цели, а миг – это достаточно много.

А затем Карат напряг уши.

Стакан завис в окружении выплеснувшихся красных капель, его содержимое, увлекаемое инерцией, отхлынуло от стенок, и теперь можно было разглядеть, что в нем, помимо сока, находится какой-то темно-зеленый предмет, скорее всего, эллипсоидных или близких к ним очертаний.

Вот только ни один из ворвавшихся на второй этаж этого не видит, для них стакан – быстродвижущийся предмет, невозможно успеть разглядеть такие подробности и осознать – что именно ты заметил.

Карат нигде и никогда не чувствовал себя настолько защищенным, как в состоянии ускорения. Дай волю, сидел бы в нем и сидел. Но, увы, следует поторопиться, сила, дарованная Стиксом, небеспределельна, и никто не скажет, как много ее понадобится израсходовать, чтобы уйти от свалившейся, как снег на голову, облавы.

Вытащил звездочку, которую перед этим скрывал в левой руке, прижимая к запястью, прицелившись, запустил ее в сенса, если так можно назвать карикатурно-замедленное движение, в конце которого сюрикен завис в воздухе не хуже стакана.

Хорошо бы отправить следом еще одну, и достать командира вместе с «живым шокером» тоже не помешает, но это расход сил и боеприпасов, так что пусть еще поживут.

Если, конечно, их пощадит гибель, притаившаяся в стакане.

А теперь смертельный номер – спиной вперед податься в окно и приступить к тому, ближайшим аналогом чего является прерывистое торможение у опытных шоферов.

Придется раз за разом возвращаться в нормальный поток времени и тут же ускоряться, корректируя падение, изворачиваясь, цепляясь за податливые ветви немаленькой туи, до которой смог долететь, ломать их одну за другой, по чуть-чуть при этом замедляясь.

Несмотря на все старания, приземление вышло жестким, Карату даже показалось, что нехорошо хрустнуло в локте, отозвавшись по всему телу; заныли, налившись предательской ватой, колени; голова, что называется, «поплыла»; стоило больших трудов заставить себя вскочить и броситься прочь на заплетающихся ногах. Кто-то закричал позади справа, и тут же грохнул долгожданный разрыв, после чего закричали куда сильнее, и зазвенели стекла.

Этому трюку Карата научил не вполне адекватный сапер, впоследствии пострадавший до инвалидности из-за самим же изобретенной чересчур замысловатой растяжки. Все просто и элегантно – берется граната с самым древним незамысловатым запалом и после вытягивания чеки осторожно вкладывается в хрупкую посудину подходящих габаритов. При этом рычаг остается прижатым к стенке, нет нужды удерживать его рукой. «Заряженный стакан» может стоять на столе годами, ничего ему не станется, а вариантов применить его против неприятеля – масса.

К примеру, чуть приоткрой дверь, поставь нехитрую мину на створку таким образом, чтобы она неминуемо завалилась, если кто-то попытается проникнуть в помещение. Ну а там все просто – подкрался нежелательный посетитель, потянул за ручку, стакан упал и разбился, рычаг освободился и отлетел, многообещающе зашипел запал или щелкнул в тот же миг, если его перед этим подготовить, дальше взрыв, стонут и матерятся раненые, помалкивают убитые.

Если добавить самую малость современных технологий, получим натуральный карликовый бомбардировщик. Всего-то и надо – присобачить такую штуку к квадрокоптеру. Смело сбрасывай с любой высоты прямым на головы противников, преждевременного подрыва не случится. Подкрадывается тихо, попасть в такой летательный аппарат не так-то просто, и надо учитывать, что, даже в случае его поражения, стоимость израсходованных боеприпасов может оказаться несопоставимой с ценой игрушки, устаревшей гранаты и совсем уж дешевого стакана.

Томатный сок – прекрасный наполнитель для такого вот хитрого снаряда. Очень уж качественно скрывает сюрприз.

До поры до времени.

Судя по воплям, доносившимся со стороны дома – сюрприз удался на славу.

Карат, не сдержавшись, злорадно осклабился, и его тут же чуть было не наказали за неуместную радость – хлопнул неестественно тихий выстрел, пуля хлестко расщепила доску забора, через который он как раз

лихо перемахивал.

Не похоже, что лупят со второго этажа, получается – не все черно-зеленые забрались в дом. Ну да – логичный ход даже для не самых качественных спецов. Положено оставлять прикрытие, вот они и оставили.

Но вряд ли снаружи затаилась толпа, судя по тому, что видел Карат, большая часть задействованных в его поимке бойцов осталась на втором этаже, столпившись стадом баранов. Кучка много о себе возомнивших дилетантов, там даже те, которых не зацепило осколками, на какое-то время деморализованы, слишком близко к рванувшей гранате оказались, помещение хоть и не маленькое, но все же остается замкнутым пространством, стоны раненых и вид крови тоже не добавляют им спокойствия духа.

Надо учесть и то, что граната не из простых. Нет, сама по себе как раз рядовая, вот только ее чуть переделали по моде Улья. Тут их на открытой местности применяют редко, в основном на растяжки идут и для зачистки помещений, а так как для этого лишний вес не критичен, нередко жертвуют им ради повышения убойности. Вот и здесь какой-то рационализатор обклеил ребристый корпус обрезками свинцовой пластины, обмотал тонким скотчем, причем не прозрачным, а темно-зеленым с клочками коричневого поверху – самое то, если надо в зарослях поставить.

Спасибо, пару-тройку ВОГов^[2] не примотал густо подрубленной проволокой, с такими популярными в Улье довесками граната в стакан не поместится.

Тем, кто в доме познакомились с начинкой стакана, неплохо прилетело и по ушам, и по тушам. Конечно, глупо надеяться, что всем как следует досталось, но против этой группы хоть какая-то фора есть, а вот оставшиеся снаружи не оглушены и не ранены, где и кто засел, неизвестно, так что придется мчаться наобум, в самых сложных случаях прибегая к ускорению и стараясь при этом максимально сберечь запас сил.

На третьем заборе его наконец достали. Пока что несерьезно – пуля вспорола рукав чуть выше левого запястья, боль Карат не почувствовал, но даже без вида крови понятно, что задели. Вроде слегка, не опаснее ссадины, но это первая ласточка, навечно такое везение не продлится.

Перевалившись на другую сторону, рванул, пригнувшись, не позволяя себя рассмотреть. Позади кто-то истошно орал, требуя прекратить стрельбу, но до кого-то приказ не доходил, приглушенная пальба не стихала, и били достаточно метко. Вот что-то чиркнуло по воротнику, вот со звоном разлетелось оконце над головой.

Стеляют, не жалея патронов, рано или поздно достанут и за высоким

забором, статистика на их стороне.

Убегал он, может, и сломя голову, но не забывал анализировать происходящее. Пару самых активных стрелков вычислил, точнее – примерно понимал, где они расположились. Видел даже вспышки в чердачном окне – этот палит активнее всех прочих.

Вот его Карат оставил с носом, скользя за угол дома. Все, здесь уже не достанет, и дальше тоже, если все время держать между ним и собой серьезную преграду.

С разбега перевалившись через очередной забор, Карат, уже приземляясь, разглядел то, что до этой поры скрывалось за зеленью кустов, густо разросшихся по краю улицы – машину с опознавательным знаком Полиса.

Военный автомобиль грязно-зеленой окраски, медленно катившийся перед этим по дороге, резко затормозил – водитель тоже увидел Карата. Что-то вроде «хамвика», все его разновидности в Улье пользуются популярностью, здешние умельцы его чуть модернизировали, подгоняя под запросы нового мира, но основа осталась узнаваемой. Стрелок в пулеметном гнезде навел свое устрашающее оружие на неожиданно возникшего клиента и, не сводя взгляда с цели, напряженно прокричал:

– Вижу его! Он рядом! Что мне делать?!

Молодой совсем, лицо честное, слегка наивное. Исполнительный, не стал игнорировать приказ, держит Карата на прицеле, но не стреляет. Ну и правильно, потому что пулемет у него как минимум двенадцатимиллиметровый, одной пули хватит для большой беды, будешь рад, если инвалидностью отделаешься.

Тем более что в реалиях Улья она временная.

Карат понял, что это его шанс, еще не успев обдумать ситуацию. Просто ускорился, вытащил из подсумка одну из двух оставшихся там звездочек, отправил в голову пулеметчика, благо до него не больше шести метров оставалось, трудно промахнуться.

И, не мешкая, рванул к машине. Дверцу, которую не догадались закрыть на замок, дернул на себя, не тратя силы на ускорение, вбил нож в шею водителя, поспешно пытавшегося выхватить пистолет из кобуры. Схватил захрипевшего противника за руку, выдернул из кабины, торопливо полез на освободившееся место. При этом как минимум пара пуль ударила по легкобронированному корпусу, еще одна треснула по стеклу.

Захлопывая дверцу, успел увидеть, что водитель, зажимая одной рукой хлещущую кровью рану, другой наводит пистолет. Вот ведь упрямый – часто захлопали выстрелы, пули начали бить по машине куда активнее.

Мотор урчит, заводить не надо, хватает непонятных кнопок, но управление в своих основах хорошо знакомо, неразрешимых вопросов у Карата не возникло. Куда надо ехать, неизвестно, так что он погнал прямо по улице, даже не пытаясь маневрировать – для этого не хватает простора. Такой ездой он, разумеется, сильно облегчает жизнь не желающим успокаиваться стрелкам и все, что может с этим поделаться – это пригибаться как можно ниже и ругаться в ответ на звонкие удары по машине.

Но с таким же успехом мог бы и не пригибаться. Бронирование тут смехотворное, жестянка на колесах, а не броневики, но против обычных пуль спасает, похоже, пробой не. Даже стекла держат удары, лишь покрываются пятнами непроглядной молочной мути. Серьезные стволы молчат, работают исключительно маломощным оружием или вообще тихо, с дозвуковыми патронами, а они слабоваты.

Вот что значит инерция мышления. Ну чего теперь тишину соблюдать, если всю округу граната переполюшила?

Карат придавил газ, торопясь выбраться из-под обстрела раньше, чем кто-то додумается достать магазин с бронебойными боеприпасами. Они здесь весьма популярны благодаря тому, что помогают разбираться с хорошо защищенными тварями, разбивать двигатели вражеских автомобилей, да и бронежилеты против них выручают куда хуже.

Перед машиной промелькнул трассер, тут же слева щедро взметнулись ошметки досок от забора и примыкавшего к нему сарайчика. Успев скосить взгляд, Карат, оценив масштабы повреждений, нанесенных бесхозному имуществу, чуть не охнул – похоже на очередь из чего-то очень крупнокалиберного, это явно не ручной пулемет, и вряд ли даже двенадцатимиллиметровый. Все куда хуже, очень может быть, что лупят из серьезной боевой машины, которую он не видит.

Да и зачем ему на нее любоваться? Будь у него стрелок наверху, еще можно попробовать как-то побарахтаться, а так остается лишь одно – улепетывать как можно быстрее и дальше.

Вторая очередь полностью или частично отработала по машине.

Загрохотало так, будто кто-то посадил Карата в барабан для безбожно обкурившихся музыкантов, играющих что-то очень тяжелое и садистски безжалостное для ушей. За спиной зазвенело, засверкало, разлетелась осколочная мелочь, потянуло едким химическим дымком и запахом свежей железной окалины – бронирование не спасало, увесистые пули прошивали машину, будто картонную коробку.

Но странное дело – она продолжала слушаться руля. Карат, вывернув его, проломил бампером ближайший забор и, вдавливая педаль газа,

помчался по приусадебному участку, с превеликим трудом огибая росшие там и сям плодовые деревья.

Пулемет, искалечивший машину, продолжал грохотать, но попаданий больше не было – Карат угадал с маневром, достать не могут, дом прикрывает. Но очень плохо, что он так и не понял, где именно располагается противник, только примерное направление определил. А это никуда не годится, у него здесь нет возможности полностью укрываться от угрозы с той стороны, как только удалится от ближайшего строения, его могут заметить.

Так и случилось – следующей очередью не сказать, чтобы накрыли, но один раз попали. К сожалению, выстрел оказался коронным – переплюнул все прочие вместе взятые. Предыдущие, возможно, устроили пожар, который доконает машину через несколько минут, но этот решил исход поездки в одну секунду.

Автомобиль повредило до такой степени, что руль перестал подчиняться, застыл в одном положении, все усилия Карата не смогли повернуть его хотя бы на пару сантиметров.

В отчаянии ударил по тормозам, но слишком поздно – машина с дурной силой врезалась в дерево, мотор заглох, на капот густо посыпались крупные зеленые яблоки.

Не пытаясь завести двигатель, вывалился в открывающуюся дверцу, пополз, стараясь, чтобы его не рассмотрели с опасного направления – того самого, с которого столь разрушительно работает крупнокалиберный пулемет.

От дома в английском стиле ушел, увы, недалеко, но все же прилично – метров семьсот по прямой уже набралось. Пехота противника прилично отстала, надо всеми силами увеличить разрыв или хотя бы не позволить его сократить. И потому Карат спешно полз через заросли прореженной малины, планируя добраться до удачно расположенного сарая, а за ним подняться и припустить с максимально возможной скоростью в ту же сторону, куда уехали машины с новичками.

Почему именно туда? Да потому что в тростник уйти не дадут – между ним и Каратом остались враги при хорошо вооруженном транспорте, стреляют они метко, нечего даже думать промчаться у них перед носом через открытую со всех сторон полосу пастбища.

А если бежать в противоположную сторону, выскочишь на пшеничное поле. Тянется оно далеко, спрятаться на нем негде – без труда догонят пулями или машинами.

Из окон дома, откуда пришлось уходить спешно и с громким

скандалом, Карат успел разглядеть, что чуть дальше, на западе, по обе стороны дороги разрастаются лесополосы, постепенно переходящие в настоящий лес, вроде бы приличный. Не факт, что в нем удастся укрыться, но более перспективная идея посещать голову не торопилась, а решать надо прямо сейчас.

В любом случае среди деревьев погоне придется обходиться без транспорта, то есть в мобильности она сравняется с загоняемой дичью.

Это, конечно, если транспорт не развезет головорезов по всей опушке, чтобы затем неспешно сомкнуть кольцо окружения.

Остается надеяться, что этих самых головорезов на столь масштабное мероприятие не хватит – лес все же немаленький, а в Полисе не принято действовать многочисленными воинским группировками, даже три десятка бойцов по его масштабам – уже прилично.

К тому же запад – это запад, чем больше толпа, тем выше шанс ее раздраконить. Голодных и опасных созданий здесь хватает.

Глава 16

Заслышав негромкий выстрел, Карат, не раздумывая, плюхнулся на брюхо, зарывшись лицом в слой сухой хвои. На голову посыпались кусочки коры – невидимый стрелок попал в дерево. Еще разок треснуло, а затем начали бить очередями сразу из нескольких стволов. Вроде бы все веселье где-то за спиной, со стороны погони, но пули больше не прилетают. Логично, если брать в расчет приглушенность звуков, из-за этого складывается впечатление, что работают издали, через мешанину деревьев, потеряв упавшую цель из виду.

Но насчет тишины обольщаться не стоит, в Улье любят устанавливать на оружие как заводские, так и кустарные приспособления для снижения уровня шума. Совсем уж заглушить пальбу не получается, но даже самые неказистые устройства зачастую выручают за счет того, что на дальние расстояния пальба не разносится, а если чуткое ухо зараженного и расслышит, не факт, что сумеет правильно определить направление.

Так что не верь себе, когда кажется, что пулюнули хрен знает где – ошибиться проще простого.

Нет, пули и правда не прилетают, а стрельба между тем усиливается. И вот уже загрохотало серьезно, послышалось знакомое «ду-ду-ду», ничем не приглушенное. С этим пулеметом Карат столкнулся в той самой деревне и после того, как тот подал голос, остался без только что обретенной машины.

Такое оружие нельзя не уважать и заодно радоваться, что оно сейчас работает не по тебе.

Пули по-прежнему не падают рядом, не выбивают куски коры из древесных стволов, не срезают пушистые ветви. Получается, концерт и правда не в честь Карата.

На кого это они переводят дорогостоящие боеприпасы, предназначенные для крупняка? У лесного беглеца нарисовались союзники? Если и так, от этих союзников следует держаться как можно дальше, пускай сами разбираются со своими проблемами.

Стрелять в Улье можно, но осторожно (а на западе вдесятеро осторожнее). Такие звуки разносятся далеко и всем заинтересованным убедительно подсказывают, где именно можно рассчитывать на встречу с вооруженными людьми. Разве что на Внешке это правило может давать сбои в случае применения автоматизированных и дистанционно

управляемых средств уничтожения, но отсюда до освоенного внешниками востока далеко.

Пожаловала стая, с которой Карат сталкивался дважды? Та самая, с рубером-альфой и переродившимся кабаном на заплетающихся копытах? Может, и так, а может, другие зараженные подросли. Тут хоть и не Дальний Запад, однако дефицита в разнообразных мертвяках не наблюдается.

Черно-зеленые никогда не жаловались на слабое снабжение. Карат с ними сталкивался не так уж редко, и во всех случаях они щеголяли качественной амуницией и оружием, да и кого попало к ним обычно не набирали. Чтобы довести такой отряд до полной потери боеспособности, потребуется не одна такая стая, вряд ли сейчас в один момент набегут столько зараженных. Накануне неподалеку случилась перезагрузка, мертвяки теперь там пасутся, разве что отставшие и заблудившиеся могут слоняться неподалеку, маловероятно, что они создадут хорошо обеспеченной погоне неразрешимые проблемы.

Но на какое-то время ее озадачат, а это уже неплохо.

Карат перестал ползти, извиваясь ужом, чуть приподнялся, ожидая выстрела. Но ничего не последовало, бой как гремел вдали, так и гремит.

Решившись, встал на ноги. Невидимый противник будто этого и дожидался – невдалеке звонко хлопнуло, между ног взметнулся фонтан земли и хвои. Карат, чертыхнувшись, рванул прочь, петляя зайцем. Позади захлопало раз за разом, пули начали летать опасно, уже не пытаясь только лишь обездвижить. Похоже, авангард погони вырвался далеко вперед, и, пользуясь тем, что сосновый лес на этом участке чист и далеко просматривается, обнаружил Карата раньше, чем он заметил преследователей.

Сколько их, он не определил, потому что нельзя бежать сломя голову и при этом озиаться на сто восемьдесят градусов. Смотрел лишь вперед, и это спасло – успел увидеть, как опасно-близко из-за сосны выглядывает фигура, облаченная в черно-зеленое.

Как этот ловкач здесь оказался?! Карат ведь до последнего момента ни на миг не останавливался, чуть легкие не порвал, до такой степени запыхался. Ну не могли его обойти, никак не могли. Или наперерез с машиной как-то проехали?

Да все, что угодно, могло быть, вплоть до того, что этот наемник одарен Ульем так же, как Шуст, то есть способен носиться со скоростью безумного мотоциклиста.

Карат прыгнул вправо, уходя в перекат в тот миг, когда ствол автомата

начал извергать пламя и металл. Повезло, что именно здесь не так давно завалилась сосна, нырнул в яму, оставшуюся после того, как вывернуло корневую систему.

Нет, надо быть совсем уж безнадежным горемыкой, чтобы такое называть везением. Ну да, укрылся Карат от пуль, и что дальше? Это ведь безвыходная ловушка, ловчая яма, в которую он сам себя загнал. От безысходности, конечно, загнал, но что с того?

На миг высунувшись, Карат тут же залег назад, а его голову при этом обдало комьями земли и ошметками сосновых корней – автоматчик, оставаясь на прежней позиции, выпустил пулю чуть выше, показывая, что у него все под контролем.

И что теперь? А ничего хорошего не будет, сейчас подойдут остальные, они уже недалеко, и закидают яму светозумовыми гранатами или как-нибудь по-другому Карата оглушат и отвезут на съемки короткого фильма с драматическим финалом.

И что же этому противопоставить? Можно ускориться, подняться и попытаться разобраться с автоматчиком, который непонятно каким образом оказался впереди. Звучит перспективно, вот только план далеко не безупречен. Даже если не учитывать стрелков, оставшихся позади, а только этого, придется каким-то образом добраться до него хотя бы на дистанцию уверенного броска последней звездочки.

Дело дрянь, ведь, израсходовав полный запас сил, Карат вряд ли сумеет пройти сорок, а то и больше метров в состоянии сверхскорости. Увы, но его дар имеет границы, через которые не перешагнуть – свалишься, потеряв сознание от невыносимого перенапряжения.

Само собой, что ножом прирезать тоже не получится, это ведь в упор придется сближаться, что еще хуже.

Ни то, ни другое невозможно. Разве что автоматчик решит сменить позицию, подойдет шагов на двадцать, а это вряд ли, ему там явно нравится, ни на метр не сдвинулся.

– Эй, тебе гранату кинуть или сам выйдешь? – напряженно-насмешливо поинтересовался кто-то, подобравшийся опасно близко.

Ну что можно ответить на такое предложение?

Карат все же попытался:

– А может, миром разойдемся? Вы меня не видели, я вам в спину стрелять не стану, всем хорошо, все живы и здоровы.

– Не разойдемся, – помрачневшим голосом ответил невидимый собеседник. – До трех считаю, потом из подствольника кое-что закину. Один, два...

Перекладывая последнюю звездочку в ладонь и затем прижимая ее к запястью, Карат чуть приподнял вторую руку и громко произнес:

– Ладно, уговорили, выхожу, не надо психовать.

– А мы и не психуем, – ничуть не подбрав, ответил все тот же мрачный голос. – Нас просили тебя живым привести, мы и приведем. Руки приподними, аккуратно вставай и выходи. Медленно выходи, чуть дернешься, убивать, может, и не станем, а вот коленки точно прострелим.

Седьмое чувство подсказывало, что коленкам так или иначе хана, ну или что-то другое покалечат. Как говорится, «живой – это не совсем мертвый». Преследователи посмотрели на Карата в деле, оценили его возможности и примут все меры, дабы поумерить его нечеловеческую прыть.

Логичный ход, он бы на их месте поступил именно так.

Получать пули в коленные чашечки Карат не мечтал ни раньше, ни сейчас и потому поднимался с максимально возможной неторопливостью. И, чувствуя холодок стали, прижимаемой к запястью, лихорадочно просчитывал варианты, оценивая диспозицию.

Четверо, приблизившись, обступили яму полукольцом, стоят шагах в пяти-шести, пятый – все тот же автоматчик, присел на колено метрах в двадцати пяти, страхуя группу. Невдалеке продолжается ожесточенная пальба, не понять, кто там побеждает – твари или люди, но этих ребятишек шум схватки как будто не волнует, все внимание приковано к Карату, стволы смотрят строго на него.

А у этого здоровяка с самоуверенной рожей глаза очень нехорошие. Можно об заклад биться, что именно он вел недолгие переговоры и теперь самолично собирается наказать, а заодно и стреножить опасного беглеца. Медленно опускает винтовку, увенчанную основательным цилиндром кустарного глушителя, его придется валить в числе первых, ну а там как кривая вывезет.

В том, что успеет разобраться с ближайшей четверкой, Карат почти уверен, очень уж близко они подошли, должно быть, так и не поняли, с кем имеют дело, ведь для обычных клокстопперов пять шагов – это недостижимая бесконечность. А вот что потом делать с автоматчиком, до которого добраться не получится, непонятно. Но раздумывать над этим некогда, потому как с простреленными ногами много не навоюешь, действовать надо прямо сейчас, другого шанса не будет, лимит везения выбран.

Карат напряг уши.

Мир превратился в качественную фотографию, звуки недалекого боя

стихли, в лесу стало тихо, как в могиле. И это правильно, потому что сейчас здесь начнут умирать люди.

Шаг к самому дальнему, который стоит левее всех. Еще шаг, с силой, с напором, преодолевая сопротивление загустевшего воздуха, еще один. Нож покидает пояс с таким трудом, будто его по рукоять засадили в чугунный рельс, а не в кожаных ножнах держали.

Но этого Карат резать не стал – надо по возможности обходиться минимумом движений, каждая кроха силы на счету. Врезал левым кулаком, зажимая в нем звездочку.

Ну как врезал... Выглядело это ни капельки не агрессивно – просто приставил костяшки к подбородку и надавил, заставляя голову противника отстраниться.

После возврата в обычный режим костяшки будут дико болеть, но это ерунда в сравнении с тем, что произойдет с черно-зеленым. В лучшем случае все обойдется на совесть раздробленной челюстью, в худшем – не выдержат шейные позвонки.

Он ведь не клокстоппер, как Карат, у него негативные последствия чрезмерного ускорения не сглаживает подаренное Ульем умение, да и не тренировался не напрягать себя до серьезных травм.

Второму с разворота провел кончиком клинка по горлу, оставив зияющий разрез, из которого не вырвалось ни капли крови – просто не успела, слишком неспешно ее толкало почти остановившееся сердце.

Как только время потечет в прежнем темпе, этот холуй Бирона улетит от жесточайшего удара по шее и, если не потеряет при этом сознание, не сразу осознает, что именно с ним произошло.

Третьему Карат прорубил кулаком в висок – уж больно удобно тот стоял, четвертому...

На четвертого – того самого «говоруна», у Карата были особые планы. Этого противника не просто следовало вывести из игры, при этом подразумевалось, что его винтовка будет выкручена из рук, нацелена на расположившегося поодаль автоматчика, и после отключения умения должен был последовать молниеносный и меткий выстрел.

Но Карат отчетливо понял – не успевает, самую малость запаса сил не хватило. И если он не хочет прямо сейчас свалиться под ноги недобитому, надо срочно подкорректировать план.

Выпустить нож из руки, нацелив его в лицо рослого наемника клинком вперед. Не лучшее, конечно, место, но что поделать, если тело прикрыто серьезным бронежилетом. В самом неудачном случае заработает неприятную рану и будет шокирован сильнейшим ударом, так что сойдет.

Заодно и опущенный ствол винтовки можно толкнуть ногой, авось после такого вылетит из рук. Ну и одновременно с этим переложить звездочку в правую ладонь и метнуть от души, дико надеясь, что промаха не будет.

Приблизительно двадцать пять шагов – слишком большая дистанция, хорошие результаты Карат на такой давал частенько, но всегда непредсказуемо – то пара метких бросков один за другим, то подряд четыре позорнейших промаха. К тому же попасть надо не абы куда, а строго в голову – это значительно усложняет задачу. Ну хорошо, ну пусть не в голову, пусть в тело, бронежилета на автоматчике нет, так что прилетит неслабо, авось что-нибудь, да выгорит.

Все, перед глазами нехорошо темнеет, и круги цветные расплываются, пора выходить в мир, где царит движение, а не покой.

Стон, хрип, вскрик, звон падающего оружия и шум заваливающихся тел – четверка противников посыпалась, включая последнего в шеренге – нож вошел удачно, прямым в приоткрытый рот. А Карат, сражаясь с накатившей слабостью, вызванной перенапряжением, подался вперед, припал на колени, хватая винтовку и скашивая взгляд на последнего черно-зеленого – того самого далековато расположившегося автоматчика.

Промеха не было, но звездочка, увы, ударила не в голову, что почти гарантированно выводит из строя мгновенно, а в грудь. Зажимая ладонью рану, последний противник тоже присел на колено и, скорчив неопишемую гримасу, одной рукой наводил автомат на Карата.

А тот не успевал, безнадежно не успевал. Сам же виноват – слишком сильно пнул винтовку, от удара она не только вылетела из рук, но и крутанулась, зарывшись стволом в хвою, оказалась слишком далеко. Он только-только и сумел дотянуться до пятки приклада, а теперь подтягивал оружие к себе.

Пока ухватится как следует, пока прижмет к плечу и прицелится – прорву времени потеряет, да и не факт, что попадет. Перед глазами все расплывается, мышцы ватой набиты, темнота накатывает, организм требует хотя бы минутку покоя. А этот вояка, пусть и ранен, держится неплохо и даже если промахнется – не беда, в магазине его автомата патронов столько, что на такой дистанции можно смело бить по площадям, хотя бы пару раз, но достанет цель.

Карат, не выпуская приклад винтовки из рук, рванул было вправо, сбивая стрелку прицел, заваливаясь, чтобы потом попытаться извернуться и скатиться назад, в яму, где ухватится за оружие как следует. И, не выпуская противника из виду, увидел, как одновременно с отрывистым звуком арбалетного выстрела у того в виске появилось оперение болта,

после чего он начал плавно опрокидываться на спину. Палец автоматчика конвульсивно сжался, притопив спусковой крючок, очередь ударила вверх, сбивая сосновые ветки.

Не понимая, что происходит, Карат продолжал действовать по прежнему плану, то есть закатился в яму. И, уже перехватывая винтовку поудобнее, замер – воздух перед ним ненормально заколыхался, будто начал превращаться в возмущенную ветром воду, из этой вертикально поставленной потревоженной «лужи» вышел невысокий коренастый мужчина в туристическом костюме и, пригрозив короткоствольным карабином, спокойным голосом, четко выговаривая каждое слово, приказал:

– Оставь винтовку и вставай.

Жизненный опыт подсказывал, что с вооруженными людьми, неожиданно возникающими из воздуха, шутки шутить не стоит. Как минимум надо понять, кто это, собственно, такие и чего от них можно ожидать, а уж потом думать о большем.

Сейчас Карат абсолютно ничего не понимал и к тому же был выжат, как лимон на студенческом чаепитии в последний день перед стипендией, и поэтому подчинился безропотно – выпустил из рук с таким трудом захваченную винтовку, медленно, борясь с накатывающим головокружением, поднялся.

Отступив на шаг, «турист» повел стволом карабина:

– Шагай туда. Медленно шагай.

При этих словах воздух в указанном им направлении не просто заколыхался, он поплыл, будто и правда превратился в воду, его зеркальные струи устремились к земле, оставив расчищенное пространство, на котором стоял еще один мужчина: очень высокий; болезненно худой; лицо некрасивое, если не сказать хуже, складывалось впечатление, что желтушную дряблую кожу с превеликим трудом натянули на череп, явно не подходивший ей по размеру. Одежда по камуфляжной моде Улья, плюс богатая разгрузка и целый арсенал смертоубийственного барахла. Тут тебе и серьезный с виду арбалет в руках; и два пистолета; и дробовик с барабанным магазином, укороченный до такого минимума, что его в пору обрезом называть; ножи простые и метательные; разнообразные гранаты и прочее-прочее. Не человек, а ходячий склад спецподразделения.

Высокий, возникнув ниоткуда, не сказав ни слова, отправился туда, куда указывали Карату. Ну а тот следом пошел, все поняв правильно – он на положении пленника и должен шагать между этими загадочными мужиками.

И сотни метров не прошли, как оба невидимки замерли, присели, передний жестом приказал Карату сделать то же самое. Он, подчинившись, напряг уши и глаза, пытаясь разобраться в причинах остановки. Очень мешала отдаленная пальба, пусть и не такая интенсивная, как поначалу, но она все равно продолжалась. Из-за этого не сразу засек звуки, насторожившие непонятную парочку. Еле слышно треснула ветка, обернувшись, Карат заметил за зеленью редкой малиновой поросли подозрительное движение. Миг, и оттуда вынесся зараженный – грязный и безобразный, фигура деформированная, на бугристой лысине болтаются несколько длинных клочков спутанных волос, голый, но на левой ноге чудом сохранилось голенище короткого сапога. Не резинового или, допустим, кирзового – некогда модное изделие, нижняя часть которого не выдержала давления измененной плоти. Похоже, это создание в прежней, нормальной жизни было женщиной, возможно, даже симпатичной, но сейчас это уродливый бесполой монстр, которого следует валить сразу, как только увидишь.

Иначе он завалит тебя.

Вот только ни один из парочки даже не дернулся. Просто смотрели на прилично развитого лотерейщика, не пытаясь навести на него оружие. И, странное дело, он продолжал мчаться своей дорогой, прямиком на звуки отдаленной пальбы, не обращая внимания на маячившую перед носом добычу.

Пробежал мимо, одним скачком перепрыгнул через завалившуюся сосну, а затем резко затормозил, замер, приняв стойку, которую очень хотелось назвать охотничьей, начал разворачиваться, шумно принохиваясь. Да он же, получается, не видит сейчас ни Карата, ни этих двоих, а вот запах почуял. Пот немых тел или кровь на рукаве беглеца – что-то заставило его остановиться.

Парочка, придя к схожим выводам, угрожающе зашевелилась, наводя на мертвяка оружие. А тот, внезапно потеряв к ним интерес, развернулся назад, заработал носом вдвое усерднее, а затем сорвался с места, изменив прежнему направлению.

Все понятно – почуял запах большой и свежей крови, а он для тварей слаще всего. Сейчас доберется до пятерки убитых и закатит пир.

– Поднимайся! – скомандовал коротышка.

Ловкие ребята – оставаться невидимками в нескольких шагах от не самого слабого зараженного – очень полезная способность. Получается, один из них одарен умением скрывать себя и ближайших к нему людей. Карат про такое слышал, но не сталкивался, уж больно редко встречаются

подобные умельцы.

На черно-зеленых ни тот, ни другой не походили, да и ни к чему тем своих валить. Это явно другая команда, и попробуй пойми, что им от Карата нужно.

Очередные охотники за головами? Как-то совсем уж мощно получается, не такая уж высокая награда обещана, чтобы ради нее забираться на запад и устраивать такое представление. Люди, которые умеют оставаться незамеченными в эпицентре столь ожесточенной охоты, явно не из рядовых, у них все очень серьезно, для таких Карат – пустая мелочовка, которую можно прибрать разве что попутно, не сильно напрягаясь и не отвлекаясь от дела.

В общем, мысли путались, и понять, во что именно он влип, не получалось. Нужно ждать развития событий, ну и не упускать возможности мирно или по-плохому расстаться с этой непонятной парочкой.

Нет, не парочкой, все еще серьезнее, чем показалось изначально. Через пару сотен метров вышли к узкой ложбине, по дну которой протекал крохотный ручеек. Присев на ствол поваленного дерева, человек в черной одежде беззаботно бултыхал ногами в воде. Чуть в сторонке, прислонившись спиной к замшелой сосне, сидел еще один, в темно-коричневой кожаной куртке и камуфляжных штанах, на голове картуз, какие уже лет сто в мире Карата никто не носит, очень невысокий, но плечистый, чуть ли не все лицо скрыто роскошной бородой, только глаза и лоб свободны от поросли.

Низкорослый на появление троицы никак не отреагировал, а сидевший на поваленном дереве обернулся, без эмоций улыбнулся, едва заметно кивнул, своим неповторимым отстраненно-спокойным голосом произнес:

– Приветствую, Карат. Что-то мы часто с тобой встречаемся в последнее время, полагаю, пора нам на «ты» переходить.

– И тебе привет, Пастор, – ответил Карат, ни капли не поверив в случайность этой встречи.

Так не бывает.

Глава 17

У новых знакомых прозвища в какой-то мере соответствовали их облику. Мужика в туристическом костюме звали Турист; высокий и уродливый, с нездоровой кожей, натянутой на безобразно-огромную голову – Череп; ну а бородатый плечистый коротышка – Гномик. Пастор тоже не избежал общей тенденции – одежда у него почти сплошь черная, так что во многом соответствует.

Прозвища Карат узнал, потому что Пастор любезно представил своих спутников, пока обувался. Не факт, что правдивые, могли только что придумать, наплевав на плохую примету, связанную с легкомысленной изменой имени, данном при крещении в Улье, да и мало кто в нее верит. Ну да какая разница, путь хоть матерными словами себя называют, нужно же как-то отличать их друг от дружки.

В свою очередь, Пастор представил Карата своим спутникам и, бессовестно покрывив против истины, назвал его своим давним хорошим знакомым. На этом разговор иссяк, четверка отправилась дальше в лес, и хотя оружием в рожу не тыкали, было件нятно, что пленнику придется шагать с ними, а не вслед уходящим ручкой махать.

Никто ничего Карату не объяснял, но у него сложилось впечатление, что сектанты не считают это место безопасным и поэтому пытаются как можно быстрее от него удалиться. Если люди, умеющие оставаться невидимыми, так боятся, то ему тем более следует остерегаться, ведь до восстановления запаса сил он ничего серьезного собой не представляет, у него даже оружия не осталось, нож ненавязчиво прихватил Череп под курьезным предлогом:

– Грязный он у тебя, дай помою.

Не помыл и не вернул.

Лживый урод.

Сосновый лес вскоре сменился дубравой, чем дальше, тем больше разрастался кустарник, вскоре идти пришлось по узкой тропе, зажатой дебрями, без конца задевая ветви. Наблюдая за четверкой, Карат замечал признаки неуверенности. Похоже, они знают лишь направление, в котором следует двигаться, но с местностью не знакомы.

В то, что Пастор решил заделаться охотником за головами, не верилось. Он адепт одной из самых могущественных, если не сказать больше, сект Улья, зачем ему с этим связываться? Можно зуб дать, что не

последний человек в этой организации, то есть с богатыми возможностями. Не его уровень, да и захоти он прибрать к рукам башку Карата, мог бы это сделать еще при первой встрече, прямо посреди Полиса. Его люди тогда взорвали одно из самых охраняемых зданий, а стаб далеко не последний, там серьезно к безопасности относятся.

Нет, они явно не за наградой явились. Тогда что им понадобилось от Карата?

Что-что?.. Да откуда он может такое знать? Это не просто серьезная секта, она еще и засекреченная до невозможности, о ней разве что слухи ходят, один нелепее другого, достоверной внятно изложенной информации почти нет.

Крохи правды, сдобренные горами домыслов, в основном откровенно неправдоподобных. Иногда до смешного доходит, так один крепко перебравший рейдер с пеной у рта клялся, что лично видел, как отряд килдингов дружно превратился в стаю руберов. Дескать, оборотни они, а их главные жрецы умеют перевоплощаться в матерую элиту.

Может, Карат им приглянулся в качестве очередной жертвы, может, решили сделать его своим верховным жрецом и научить превращаться в скреббера – при таком вакууме информации обе версии вполне вероятны.

Как вариант – решили отомстить. Ведь тогда, в Кумарнике, он немало крови килдингам попортил. Пастор, правда, при первой встрече клятвенно уверял, что сектанты не имеют претензий к виновникам тех событий, но можно ли верить слову этого человека?

Карат не верил.

Месть – это то, что заставляет идти до конца, не считаясь ни с какими потерями. Вон как Бирону припекло, лучших своих людей отправил на запад, будто у них более подходящих дел не нашлось. Трата ресурсов, денег, жизней наконец – ничего не жалко.

Вот ведь сволочь злопамятная.

Что мешает килдингам быть такими же мстительными?

Лес закончился, впереди открылась узкая полоса поля, поросшего рядками капустных кочанов. Четверка, не останавливаясь, выбралась на открытое пространство. Карату ничего не оставалось, как продолжать идти с ними, чувствуя себя при этом крайне неудобно.

Не принято вот так, не задумываясь, мельтешить у всех на глазах, сам он в таких случаях предварительно на совесть оглядывает окрестности. Если с этим не торопиться, зараженного в большинстве случаев можно заметить раньше, чем он разглядит тебя. Зрение у них обычно ничем не выдающееся, только на высоких уровнях развития может превосходить

человеческое. Слух и нюх – да, изначально хороши, а вот глаза – так себе, ничего особенного.

Должно быть, сектанты такие смелые только потому, что продолжают идти в состоянии невидимости, хотя никаких признаков этого Карат не замечал. Наверное, с их стороны такое не определить.

Все так же, не пытаясь ни от кого скрыться, перебрались через узкую асфальтированную дорогу, затем преодолели лесополосу, за ней началось пастбище. Останков скота Карат не заметил, но коровы здесь когда-то были, причем недавно – их лепешки не успели размыться дождями, некоторые выглядели так, будто им не больше недели. От таких мест следует держаться подальше, зараженные их обожают, но сектантов это правило будто не касается – идут дальше, и вроде бы уверенности у них прибавилось. Похоже, потянулись знакомые места, уж больно целенаправленно шагают. Когда добрались до новой лесополосы, четко вышли к пересекавшей ее удобной тропе – явно не случайно на нее наткнулись.

Так и продвигались: пастбища, поля, лесополосы, дороги, мостки через то и дело попадавшие ручейки и болотистые ложбинки. Без разговоров, без объяснений, но и без грубостей – никто не пихал в спину стволом, руки тоже не связали.

На положении почетного пленника удерживали.

Зараженных Карат замечал трижды. В двух случаях это были стандартные парочки бегунов, расположившиеся на выгодных позициях и монотонно раскачивающиеся с пяток на носки, в ожидании момента, когда глаза, уши или носы уловят признаки присутствия добычи. В последнем случае он даже не понял, с кем чуть было не столкнулись – через лесополосу шумно, сминая кусты, промчался кто-то немаленький, быстрый и, несомненно, опасный.

Ни в одном из трех случаев мертвяки не проявили интереса к пятерке вкусных людей, нахально продвигавшихся по их владениям.

Да уж, подобная невидимость – весьма и весьма полезная штука. Интересно, ее носитель расходует силу или это один из тех выгодных даров, которые обходятся без нее (или почти без нее)?

Праздный вопрос, но надо ведь чем-то голову забивать, раз на более важные ответов нет и никто не торопится их давать.

Место, в котором наконец остановились, выглядело нестандартно – не город, не деревня и даже не хутор. Какой-то сельскохозяйственный объект, окруженный возделанными полями: маленький домишко, явно нежилой, несколько сараев, пара ржавых тракторов, покосившаяся изгородь, а вокруг сплошное открытое пространство, незамеченными подобраться не получится.

Ну это если у тебя нет спутника с даром накрывать группу зонтиком невидимости.

Между сараями стояла явно местная машина, то есть не принесенная перезагрузкой. Странного вида пикап, чем-то смахивающий на гоночный автомобиль, но при этом на основательно громоздком шасси внедорожника. Местами прикрыт ажурными решетками, с их обводами поработал дизайнер или просто человек с хорошим вкусом и прямыми руками, позади установлен пулемет. Можно на что угодно поспорить – это тот самый транспорт, на котором сюда прибыли сектанты.

В маленьком домике обнаружили четыре рюкзака. За Каратом группа килдингов пошла пешком и налегке, устроив здесь склад, что свидетельствовало о продуманности операции по захвату пленника, спонтанностью здесь даже не пахло. Знали, куда идти и за кем, знали, что надолго операция не затянется. Странно, что не подъехали к лесу на машине, возможно, опасались засветиться. Даже если транспорт можно прикрывать невидимостью, шум от мотора не спрячешь.

Из раскрытых рюкзаков на затрапезный стол отправились армейские пайки, один из которых Гномик поставил перед присевшим на табурет Каратом:

– На вот, порубай, еда хорошая.

То, что сектанты кормят Карата, вовсе не говорит о том, что позже они не принесут его в жертву, но все равно слегка утешает.

Все пятеро поели молча, за все время лишь Турист попросил передать ему бутылку с водой. Более немногословную группу людей Карат еще не встречал – несколько часов среди них провел и трех десятков слов не услышал (даже если учитывать свои).

Жевал неохотно, аппетита не было, споровое голодание одолевало всерьез. Очевидно, его состояние было нетрудно оценить со стороны. Гномик, поднявшись, порылся в рюкзаке, достал пузатую пластиковую флягу, плеснул из нее в кружку, протянул Карату:

– Хлебни, тебе это надо.

Унюхав знакомый запах, тот полностью согласился с коротышкой. Живчик – это именно то, что сейчас нужно больше всего на свете.

Кружка опустела в три секунды, хотя Карат честно пытался растягивать, пить неспешно, дабы не показаться свинтусом. Организм требовал еще, но Гномик покачал головой:

– Сильно не заливайся, паузы принято делать. И подбородок чутко задержи. Да задирай давай, не бойся, горло не перережу, нужен ты мне...

Зачем Гномику это понадобилось, Карат не знал, но он не в той ситуации, чтобы расспрашивать или возражать. Подчинился.

Миг, и на шее со щелчком застегнулся увесистый обруч. Карат дернулся, хватаясь за непонятную «обновку», а Пастор его предостерег:

– Ты поосторожнее себя веди. Вещь надежная, но у каждого предмета есть свой предел прочности. Аккуратно обращайся, иначе можешь себе навредить. Не огорчайся, это просто маленькая мера предосторожности.

– В смысле?

– У тебя, Карат, есть репутация. Определенная репутация. Люди поговаривают, что ты очень быстрый, Турист и Череп это подтверждают. Они мне рассказали, что никогда не встречали такого сильного клокстопера.

– Очень интересно, как смогли они это сказать без слов?

– Мы все друг друга не первый день знаем, многое понимаем без лишних разговоров. А вот тебя, Карат, ни я, ни они не понимают. Чужой ты нам. Гномик, объясни ему.

Коротышка, продолжая жевать, невнятно пояснил:

– Чувак, у Пастора есть вопросы, на которые ты можешь ответить. Вам поговорить надо, а возможно, и не только поговорить, и разговор может тебе не понравиться. Кто его знает, что у тебя в голове, а парень ты шустрый, это напрягает. Если что-то нехорошее придумаешь, не спеши это делать, всегда помни, что на шее у тебя болтается ошейник с зарядом пластиковой взрывчатки. Он закрыт на замок, с которым ты вряд ли сумеешь справиться, одна ошибка, и выше плеч у тебя ничего не останется, а такое знахари не лечат. Каждые несколько часов я должен обновлять программу вот с этого маленького пульта, иначе таймер отсчитает положенное, и твоя башка улетит. Ты не знаешь код, поэтому пульт для тебя бесполезен. Мы думаем, что запас сил ты слил на этих неудачников, но полных кретинов среди нас нет, понимаем, что это со временем изменится, ты восстановишься. Когда придешь в себя, не делай глупости, помни, что без нас недолго протянешь. По глазам вижу, что ты все прекрасно понял, они у тебя злые. Пастор, я ему все объяснил, теперь он твой.

– Спасибо, Гномик. Карат, нам действительно надо поговорить.

– В Полисе мы неплохо пообщались без собачьих ошейников.

Пастор при этих словах почему-то улыбнулся, затем нахмурился и покачал головой:

– Это был глупый разговор. Бессмысленный. Плохо получилось. Знай я тогда то, что мне известно сейчас, мы бы прямо тогда могли забрать тебя с тобой, а не гоняться по западу за этими черно-зелеными наемниками.

– И что же изменилось?

– Наши люди, которых мне пришлось срочно вытаскивать из подвала ментатов, до того как попасть туда, успели узнать важное. Но на тот момент я не был ознакомлен с полученной ими информацией, все случилось немного позже. Так уж получилось, что ты, Карат, замешан в интересующем нас деле.

– Ты о Кумарнике?

– И мне, и тем, кто за мной стоит, вообще неинтересно то, что случилось с тобой в Кумарнике. Точнее, у нас нет к тебе вопросов по событиям в том стабе, мы знаем о них больше, чем ты. Мне нужны подробности о деле, к которому тебя привлек Рэм.

Карат удивился:

– Там даже не пахло сектантами.

Пастор поморщился:

– Будь добр, постарайся впредь не употреблять это слово, если оно относится к нашей организации. Ты единственный из отряда, кто пошел до конца, а затем сумел вернуться. Ты должен будешь ответить на мои вопросы. На все мои вопросы.

Карат, покосившись на окно, заметил:

– Да без проблем, но это стандартный кластер, а то, о чем придется рассказывать, можно упоминать только на стабе.

– Если ты намекаешь о скреббере, то среди нас нет суеверных глупцов, можешь смело говорить на эту тему. Вижу, мои слова тебя удивили? Ожидал от сектантов другого поведения? Уж поверь, Карат, что касается мракобесия, то на фоне основной массы иммунных мы агнцы Божьи. Спасибо Улью, что учит нас отделять пустое от важного. Это ты убил Рэма?

– Нет.

– Кто это сделал?

– Парочка уродов окопалась в группе.

– Его убили за то, что он должен был передать нам информацию по скребберам?

– Впервые слышу, что он ваш человек.

– Нет, Карат, Рэм не наш. Но этот мир устроен сложно, иногда приходится идти на непростые договоренности, а я как раз тот человек,

который умеет договариваться в самых запутанных случаях. За что его убили?

– Хотели забрать жемчуг. Они и меня вальнуть думали, но не получилось.

– Понимаю – обычное дело. Ты сможешь описать скреббера, а лучше нарисовать?

– Я не художник.

– Опиши.

– Что-то вроде мокрицы, похож на нее формой корпуса и тем, что умеет в клубок сворачиваться. Тело разбито на мелкие завивающиеся сегменты, издали чем-то напоминает громадный шланг для душа, лап очень много, они длинные и тонкие, заканчиваются по-разному: то чем-то вроде когтей, то плоскими набалдашниками, то пиками, то шутовинами вроде кувалд. В общем, не похож он на мокрицу, ни на что не похож. Это я так, пытаюсь хоть какие-то аналогии подобрать, но это все не то. Он сам по себе, он скреббер, глупо с чем-то сравнивать. Я бы даже сказал, что он робот, машина, а не живая тварь. Не укладывается в голове, что такое может быть живым.

– Кроме спорового мешка, вы что-нибудь достали?

– Вроде нет. Только круглый мешок, в нем янтарь и жемчуг.

– Скреббер был там же, где его обнаружила разведка Полиса?

– Вроде да, искать не пришлось, Рэм напрямик к нему привел.

– Помнишь, где располагается это место?

– Конечно, помню.

– Отведешь нас туда.

Фраза звучала как самое настоящее утверждение, а не вопрос, но Карат все же ответил:

– Отвести можно, но это не так уж и близко. Да и опасно.

– Ничего, мы можем уделить на это время. А что касается опасности, ты за нас не беспокойся, спасибо Улью, мы ходить по кластерам умеем. И да, есть еще кое-что – мы знаем, что ты вернулся в Полис не один. Откуда взялась девочка?

– Подобрал по дороге.

– Где?

– Точно не знаю, где-то на полпути назад, к Полису.

– Она твоя любовница?

– Нет.

– Ты планируешь сделать ее своей любовницей?

– Я не настолько уж скверный тип.

– Тогда почему она сейчас с тобой?

– Пока что не придумал, куда ее можно пристроить. Она хорошая девочка, но проблемная.

– Зачем ты тогда с ней связался? В любовницы она тебе не нужна, пристроить никуда не можешь. Видит Улей, я тебя не понимаю.

– У меня не было планов собирать по кластерам девочек, случайно увидел, как рубер за ней гонится. Точнее, мой кот заметил неладное, заволновался, я начал оглядываться и заметил ее. Новенькая, на велосипеде пыталась удрать, а дальше тупик, дорога заканчивалась, там мост строили. Она это издали рассмотреть не смогла, у нее с глазами проблемы.

– Ты мог тогда не вмешиваться?

– Я в лодке был, мог спокойно мимо проплыть.

– Ты всегда вмешиваешься в таких случаях?

– Стараюсь.

Пастора последний момент почему-то сильно заинтересовал:

– Мне нужны подробности. Перечисли другие случаи, когда ты помогал людям.

Постаравшись не выказать удивление по поводу откровенной странности вопроса, Карат, чуть призадумавшись, начал отвечать:

– В самом начале, когда только сюда попал, долго пробирался от Внешки на запад, как-то раз вышел к гаражам, увидел, как возле одного мертвяки крутятся. Понял, что они обложили кого-то. Рейдер там сидел, подраненный, я его выручил. Он кое-чему меня научил, полезному, а потом я из-за него чуть не подох, этот урод меня подставил, выстрелил мне в ногу, когда мы на зараженных наравались.

– Вот собака, отблагодарил, как сука последняя, – не сдержавшись, возмущенно высказался Гномик.

Пастор, строго на него покосившись, произнес:

– Продолжай, Карат, не надо отвлекаться.

– В Кумарнике тоже в ваши разборки влез, но там без вариантов, я почти ничего не решал, так что случай не по этому вопросу. Неподалеку отсюда, когда возвращался с жемчугом после того, как завалили скреббера, увидел, что поезд в реку влетел с моста. Кинулся людей вытаскивать и чуть элите не попался, за лодкой гонялась, до этого даже не знал, что они так хорошо плавают.

– Ты всегда, когда видишь новеньких, стараешься им помогать?

– Тот урод в гараже не был новеньким. Ну а так – нет, не всегда. С ним же мимо кучи новеньких проплыли, я и даже слова им не сказал. Они стояли на мосту и на нас смотрели, только-только загрузились, ничего

понять не успели. Честно говоря, я и сейчас плохо понимаю, как с такими разговаривать, а тогда сам еще вписаться не успел и двух слов по теме связать не мог.

– Я так полагаю, из твоих попыток помочь никогда ничего хорошего не получается? Тебя предают, ты едва не погибаешь. Это плохо.

– Ну почему же? С Дианой, девочкой этой, все нормально получилось. Она даже выручила меня в тот же день. Слух у нее хороший, засаду засекла вовремя, рубер подкарауливал лодку.

– Это частный случай, здесь важно общее. Тебе не кажется, что временами ты ведешь себя неразумно?

Карат пожал плечами:

– Если вдуматься – согласен. Но вообще-то народ говорит, что новичкам вредить нельзя, а помогать им полезно, это хорошая примета.

– Ты не похож на суеверного.

– А я просто так помогаю, без суеверий. В эту примету вроде бы мало кто верит.

– Это свойственно для всех примет. Не будь такого суеверия, ты бы все равно помогал другим иммунным?

– Не скажу, что я мечтаю бегать по кластерам и народ спасать, но, если есть возможность помочь, мимо не прохожу.

– Что тебя заставляет это делать?

– Не знаю.

– Попробуй ответить другими словами.

– Это как?

– Так, чтобы среди них не было словосочетания «не знаю».

Карат, чуть подумав, кивнул:

– Хорошо, попробую. Говорят, у каждого человека в мозгу есть участок, отвечающий за совесть. Подозреваю, что у меня он увеличен раза в три. Не считаю себя сильно хорошим человеком, но почему-то не получается смотреть на такое и ничего не делать. Ну, то есть не всегда могу смотреть. Я уже в словах путаться начинаю, вопрос такой, что не каждый сможет ответить. Зачем тебе вообще это надо? Что за странные вопросы? Тебе ведь скреббер нужен, а не мое отношение к новичкам.

– Никогда не знаешь, на каком острове зарыт пиратский клад, – туманно ответил Пастор. – Я хочу знать, что ты за человек. Кем ты был до того, как тебя забрал Стикс? Полицейским?

– Не угадал, я работал на буровую компанию.

– Нефть?

– Нет. Всякое разное, даже для водоснабжения бурили.

– Не думаю, что этим все ограничивалось. Что было до буровой компании? Военная служба?

– У нас служба обязательная, но меня не взяли.

– Почему?

– Я не захотел.

– Но ты же сказал, что у вас это обязательно?

– У нас такая страна, что в любом правиле имеется сотня исключений.

Я не захотел, не до армии в тот момент было, вот и не служил.

– Карат, ты не похож на работника буровой компании. На военного тоже не похож. Но я вижу, что у тебя был нестандартный опыт.

– Мне довелось побывать на войне.

– На войне тоже бурят скважины?

– На той войне не бурили. Я пошел добровольцем.

– Ты убивал людей?

– Не знаю.

– Как это понимать?

– Все стреляли, я тоже стрелял. Обычно сам не знал, куда стреляю.

Может, и попал в кого-нибудь.

– Расскажи мне самый яркий случай из твоей войны.

– У мазуты танк поломался, а им надо было пугнуть минометчиков.

Попросили нас помочь. Они наводились вручную. В том смысле, что мы всей толпой ствол орудия им поднимали куда надо.

– Не совсем понял, о какой мазуте идет речь.

– Мы так танкистов называли.

– Оскорбление?

– Нет, на такое не обижаются.

– А разве можно руками наводить ствол танковой пушки?

– В моей стране все можно.

– И что стало с теми минометчиками?

– Больше они не стреляли.

– Это самый яркий случай из твоей войны?

– Нет, самый яркий я рассказывать не буду.

– Почему?

– Я стараюсь его забыть.

Пастор, чуть призадумавшись, постучал по столешнице пальцами обеих рук и тем же монотонным голосом заявил:

– Я ничего не понял про твою войну, но кое-что понял про тебя. Но не все, вопросы остались. Не про войну, эта тема закрыта. Ты ушел из Полиса не один, где твой друг и девочка?

Карат пожал плечами:

– Сам бы хотел узнать. Мы шли по реке, позапрошлой ночью впереди перезагрузился кластер с высоким уровнем воды, налетела волна, она всякий хлам тащила, мне по голове врезало корнем дерева, выбросило из лодки, занесло неизвестно куда. Я второй день пытаюсь понять, где оказался.

– Умеешь работать с картами?

– Конечно.

– Посмотри на это.

Пастор расстелил на столе всем картам карту – четкую, с кучей подробностей, вместо координатной сетки аккуратно расчерченные многоугольники кластеров с непонятными пометками.

Ткнув пальцем, сектант уверенно заявил:

– Мы сейчас здесь.

Осмотревшись, Карат нашел несколько знакомых ориентиров и в свою очередь указал:

– Мы были здесь, когда волна налетела.

– Волна с запада пришла? – уточнил Пастор.

– Откуда знаешь?

– Тут кластер короткопериодический, на нем располагается большое озеро с высоким уровнем. В этой стороне, где-то дальше, должна находиться высокая дамба, но ее нет, Улей не включил ее в кластер, она во внешнем мире остается. Получается, воду ничто не сдерживает, из-за этого образуется волна. Озеро, попадая в Улей, заливают окрестности. Вот, посмотри, рядом большой стаб, но из-за этого соседства он частично заболотился, вода уходит не успевает. Зря вы этой дорогой пошли, слишком опасный вариант. Риск значительно возрастает, если восточнее окажешься, там располагается теснина с неудобными берегами.

– Я с запада тоже водой возвращался и тоже под перезагрузку попадал, но там волна всего ничего была.

– Это вопрос везения, Улей непредсказуем. Ты договаривался со своими людьми о месте встрече на такой случай?

– Нет, – с самым честным видом соврал Карат.

– Твое дело, – неопределенно заявил Пастор. – Хорошо, с вопросами мы закончили, предлагаю расставить все по местам. Ты приведешь нас к скребберу, мы на него посмотрим, потом ты можешь делать, что хочешь. Дадим что-нибудь, чтобы не погиб на обратной дороге, ты не первый раз туда ходишь, с обстановкой знаком, надеюсь, выкрутишься. Или можешь потом возвращаться с нами, но только не до самого конца. Извини, но

заходить вместе с тобой в стаб мы не будем, ты сам это понимаешь. И да, я так полагаю, что в эту сторону ты отправился не для того, чтобы уйти от желающих заполучить твою голову, ведь для этого необязательно забираться именно сюда. Полагаю, ты рассчитывал найти здесь что-то ценное. Возможно, сделал тайник.

– Я весь жемчуг из скреббера отдал Карбиду, – твердо заявил Карат, опасаясь, что среди сектантов имеется ментат.

На такой случай лучше с ходу загрузить его уши лапшой.

– Нам это известно, – кивнул Пастор. – Но если не жемчуг, то что-то другое заставило тебя отправиться именно сюда. Нам интересен лишь скреббер, что бы ты не планировал здесь найти, оно твое, так что на этот счет будь спокоен. Мы договорились?

Карат ненадолго задумался. Какие у него варианты? Люди серьезные, ответ «нет» их вряд ли устроит. То есть сейчас придется соглашаться независимо от личных предпочтений.

Ну а там, со временем, мало ли какой вариант подвернется.

Впрочем, можно попробовать увильнуть от роли Сусанина, чем черт не шутит:

– Если я просто покажу на карте, где приблизительно лежит туша, и опишу ориентиры – такой вариант устроит?

– Разумеется, нет, – ответил Пастор. – Живой проводник гораздо лучше даже самой точной отметки на бумаге. Да и какова цена этой бумаги в изменчивом мире?

– Кластер, где лежит скреббер, не меняется. Или меняется очень редко.

– И что с этого?

– Это к вопросу изменчивости.

– Просто отведи нас к скребберу.

– Идти придется далеко.

– Мы умеем ходить. Можно считать, что договорились?

– Да, договорились.

Глава 18

К исходу дня Карату даже начала нравиться эта компания. Не в том смысле, что симпатизировал сектантам, просто нельзя не признать, что путешествие в их обществе выглядит беспечной прогулкой по городскому парку в ясный полдень. А ведь они все дальше и дальше забредают на запад, где с каждым шагом увеличивается градус опасности. За спиной остались благодатные по меркам Улья места, где с опасными зараженными рискуешь столкнуться чуть ли не исключительно на городских и прочих богатых пищей кластерах. Здесь же в любой момент можешь нарваться как на одиночных, так и нас стаю, а то и на многотысячную орду, решившую выступить на восток именно по твоему маршруту.

Нельзя сказать, что мертвяки попадались на каждом шагу, но то, что их здесь много, несомненно. Карат замечал зараженных на удаленных от населенных пунктов дорогах, на полях и пастбищах, их парочки и тройки караулили добычу у мостов и на перекрестках, если приближались к населенным пунктам, обнаруживали тварей в большинстве случаев.

Тут бы он, пожалуй, разжился спорами с легкостью, если бы все шло по его плану.

Ну и если бы не стал кормом для хозяев споранов.

Зараженные группу в упор не замечали. Может, где-то позади проявляли интерес к свежим следам, но за все время ни один не догнал по запаху, да и обувь время от времени sprays маскирующим ароматизатором из баллончика. Во всем прочем сектанты наличие тварей вообще игнорировали, просто шли и шли вперед, не обращая на них ни малейшего внимания.

Получается, Дальний Запад не такой уж недостижимый? Если в отряде есть люди с даром маскировки, что их остановит? Сколько бы зараженных ни встретилось на пути, ни один из них не нападет, не погонится с голодным урчанием, давая знать собратьям, что подвернулась вкусная дичь. Все, что требуется, – держать дистанцию, чтобы не унюхали, ну и шуметь нежелательно.

Нет, так просто не бывает, где-то зарыт подвох. Да и мертвяки в сложившейся ситуации – не единственная проблема.

На случай появления орды приличные стабы держат сеть дальних патрулей и постов, отправляют за запад беспилотники, запускают к небесам зонды с оптикой, способной разглядеть скопление зараженных за десятки

километров. Чем раньше ты узнаешь о приближающемся нашествии, тем больше останется времени на организацию отпора.

Но посты раннего оповещения остались за спиной, здесь разве что беспилотнику дальнего радиуса действия рискуешь попасться, а это большая редкость, да и живут они недолго. Карат, думая и так, и эдак, чуть мозги не вывихнул, но так и не смог понять, каким образом его выследили люди Бирона.

И то, что это удалось сектантам, тоже добавляло вопросов. Хотя в качестве одной из гипотез – просто следили за черно-зелеными и вовремя подоспели.

Прикидывая варианты, как реальные, так и откровенно бредовые, решил попытаться хоть что-нибудь вытянуть из Пастора под предлогом озабоченности.

Поравнявшись с ним, закинул удочку:

– Как вы меня нашли?

– Ты нам понадобился, и Улей помог тебя отыскать, – безмятежно ответил сектант.

– Можешь не отвечать, дело твое, но есть одна проблема. Понимаешь, люди Бирона – они нашли меня сегодня, могут найти и завтра. Я не знаю, как это у них получается.

– Кто очень хочет найти, тот, как правило, находит, – неопределенно выразился Пастор и решил чуть смилостивиться: – Улей что-то у нас забирает, а что-то дает. Есть самые разные умения, в том числе и для таких случаев. На одном из вас стояла метка. Не на тебе, это был кто-то другой.

– Ты о чем?

– Есть такие люди, они будто корабли, которые сами для себя маяки ставят. Прикоснется такой человек к тебе, и ты даже ничего не заподозришь, разве что кольнет, будто электрическая искра между вами проскочила. И на этом все – ты отмечен, теперь он сумеет найти тебя где угодно, как бы ты ни скрывался. В самом простом варианте такой специалист видит только направление, где тебя надо искать, у носителей развитого умения возможно определение расстояния с разной точностью. Сами расстояния могут быть очень большими – десятки или сотни километров, что для Улья много. Для малых дистанций есть поисковики, похожие на ментатов или развитые ментаты, их иногда называют ментатами-сенсами. Они не сенсы в широком понимании этого термина, то есть не способны видеть объекты за преградами. Им надо показать ментат-метку, после чего они могут обнаружить носителя этой метки. Работает недалеко, но некоторые на несколько километров способны заглянуть.

Карату вдруг вспомнился «Караванный двор» – тот момент, когда они его тайно покидали под утро, чтобы забраться в грузовик команды Гроша. Черняк – так звали того подозрительно навязчивого типа. Он тогда, вместо того чтобы спать честным сном, возник из ниоткуда и ухватил Диану, якобы помощь в переносе сумки предлагая. Она скривилась и руку отдернула. В тот момент это можно было списать на то, что ей не понравилось прикосновение этого типа, но сейчас...

– А эта искра... ну когда такие спецы касаются, она неприятная? Хорошо чувствуется?

– Ничего приятного нет, но это не больно. Разве с тобой такого не бывало?

– В смысле метку ставили? Вряд ли, кому я был нужен. Хотя да, глупость сморозил, нужен.

– Я не о метке. Разряд статики, такое со всеми случается часто или редко. Не могу сказать, что это приятно, но это нельзя назвать проблемой.

Карат напрягся:

– Получается, если метка стоит на Диане, Бирон может ее найти?

– Не все так просто, даже в самом серьезном случае метка не может работать неделю. Обычный срок ее существования – сутки, очень редко – пара суток, причем хорошо она работает только в первые десять-пятнадцать часов. Дальше точность снижается, и надо находиться к ней близко, иначе рискуешь не заметить. Люди из Полиса метку потеряли, их группы кружили вокруг района, на который в последний раз указывал их специалист, и на тебя они наткнулись случайно.

– А зачем ставить метку именно на Диану? Получается, она им нужнее?

– Я не знаю всех тонкостей ваших взаимоотношений, но можно предположить, что девочку ты от себя не отпустишь, а сама она по-детски наивна и не настолько опытна, чтобы заподозрить что-то неладное в момент постановки метки. В Улье женщина – ценное имущество, его по дороге не бросают, так что нет разницы, на тебе стоит метка или на ней.

– Диану трудно назвать женщиной.

– Здесь не принято спрашивать паспортный возраст, к тому же у многих снижаются возрастные предпочтения, это психологический момент, по всему Улью проявляется.

– Я в курсе.

– Они видели, что девочка всегда с тобой, что им еще было думать? Что ты ее таскаешь, потому что не знаешь, где оставить? Люди глупы, а глупцы всегда тяготеют к простейшим объяснениям.

– А вы на кого метку поставили?

Пастор усмехнулся:

– Ты чужак, а у нас свои методы поисков, мы ими с посторонними не делимся. Но на будущее усвой, что, если хочешь спрятаться по-настоящему, уходи как можно дальше и быстрее. Так далеко, чтобы о тебе там даже слухи не ходили, чтобы люди в тех краях ничего не знали о местах, откуда ты пришел. И тогда, может быть, действительно потеряешься, хотя бы на месяц или два. А то, чем ты здесь занимался в последнее время, несерьезно.

Череп остановился, при этом цокнув, будто белка. Все понятно, сейчас Карат увидит то, что видел перед этим уже не раз.

Но только от сектантов, другие ничего подобного не устраивали.

Гномик, перехватив поудобнее автомат, присел над характерным местом – линией, ровно разделяющей зоны с различающейся растительностью. С одной стороны траве явно поменьше воды доставалось, пожухла, несмотря на хлеставший вчера дождь, а по другую – зеленеет всюю.

Граница кластеров – обычное дело. Но почему-то сектантов такие места напрягали.

И если бы только напрягали, они еще и чуют на них по-странному.

Гномик, оставаясь на этой стороне от линии, коснулся пальцами земли на другом кластере и монотонно, будто читает заученный неинтересный текст, пробубнил:

– Энэмцэ пятый стандарт, до двойки уже не достает, не корректировался лет пятнадцать, до переключения остается недели три, ни вибрацию, ни биения не вижу, без ломаных искажений, по трем крайним вообще ровно.

Пастор, достав карту, поводил по ней пальцем, затем что-то обвел карандашом и кивнул:

– Все верно, сохранил. Под обновление уже прилично накопилось, слишком редко здесь бываем, пора бы поправить.

Подобные диалоги Карат выслушивал на каждой границе и ни малейшего смысла в них пока что не уловил. Что-то, понятное лишь сектантам, причем ни капли не похоже на религиозные разговоры, общаются, будто заурядные техники, проверяющие, допустим, целостность телефонной линии.

На каждый новый кластер его странные спутники ступали будто на минное поле. Гномик всегда там что-то щупал и нес однотипную белиберду, Пастор с умным видом ставил отметки на карте, иногда говорил,

что все верно, иногда хмурился и упоминал какие-то отклонения. Карату вообще ничего не было понятно, и объяснять ему никто ничего не торопится.

Но лица сектантов, когда они слышали про эти самые отклонения, кое-что говорили без слов.

Эти люди, равнодушно проходившие в сотнях метров от стай опаснейших зараженных, даже не покосившись в их сторону, все же способны испытывать страх.

Они боятся того, о чем Карат понятия не имеет, и это ни капли не походило на религиозные дела.

Килдинги опасаются чего-то вполне конкретного, определенного, реального, а не каких-нибудь демонов из преисподней или божьего наказания.

* * *

Арбалет звонко щелкнул, выпустив тяжелый болт с такой силой, что Череп дернулся от серьезной отдачи. Лотерейщик, до этого момента самозабвенно обгрызавший дурно выглядевшие кости, разбросанные по асфальту четырехполосного шоссе, поперхнулся «лакомством», резво вскочил, но тут же шумно завалился, словно кувалдой стукнутый, засучив ногами в агонии.

Превосходный выстрел – за полсотни метров Череп попал точно в выпуклость на затылке, а ведь оружие сложное в применении: тяжелое, компактностью даже не пахнет; не сказать что дальнобойное; болт летит неспешно, а это нехорошо сказывается, если охотишься на подвижную мишень. Лотерейщик, несмотря на то что не сходил с места, очень даже бодро шевелился. Его голова то наклонялась, то опускалась, да и из стороны в сторону ходила – кости ему явно не нравились, суматошно высматривал что-нибудь повкуснее.

Вот только кучку людей чуть ли не в упор не заметил. И, услышав выстрел раньше, чем прилетел болт, не успел убрать с пути смерти самое уязвимое местечко своего уродливого тела.

– Выстрел что надо, – не удержался Карат от похвалы.

Самый дешевый способ завоевывать симпатию людей, но, как это свойственно простым решениям, зачастую безотказный.

Череп омерзительно осклабился и понес окоlesiцу вперемешку со здоровыми фразами:

– С Машкой хорошо, она добрая. Зря так. Да разве это выстрел? Вот у Машки выстрел. Говно мертвяка, а не выстрел. Тебе Машка нужна, она покажет. Хорошо покажет. Ты только конфеты не забывай. А я конфеты не люблю, мне мороженое нравится, чтобы белое и без ерунды всякой. Вкусное оно. Но Машка покажет лучше, ей только пули давать нельзя. Не получается у нее с пулями, плохо это...

Что-то с ним не так: и скороговорка непонятная, и рожа странно кривится. Да это же у него улыбка такая – слюнявая и страшная. Он что, умственно неполноценный? Похоже на то, потому как чем дальше, тем тише говорит, а в конце и вовсе на неразличимое бормотание перешел.

Пастор, не переставая таращиться в здоровенный бинокль, скомандовал:

– Турист, сходи, заberi.

– В открытую? – уточнил тот.

– Да, в открытую. Чую чужих, не могу понять, где они засели. Сигналов очень много, фоном проходят, забивает. Место хорошее, может, кто-то тебя увидит, концентрация пойдет, выдаст направление.

К привычке сектантов объясняться иносказательно Карат уже начал принаравливаясь. Вот и сейчас понял, что Пастор погнал Туриста из-под маскировочного полога в надежде, что кто-то, кого каким-то образом почуяли, но не видят, заметит его на открытом месте и как-то себя проявит.

По мнению Карата, далеко не самый удачный ход, ведь проявить себя можно по-разному. Например, выстрелом метров за триста пятьдесят из хорошей винтовки точно в грудь, а то и в голову. Дороговизна боеприпасов способствует развитию стрелковых навыков, метких снайперов в Улье хватает, а место и правда открытое, оно будто создано для охоты на приличной дистанции.

Но это очевидные ответы, лежащие на поверхности и потому вряд ли правильные.

А правильный ответ таков – Пастор совершенно точно знает, что рядом кто-то есть и речь идет не о зараженных. И также он уверен в том, что ничего плохого с Туристом сейчас не произойдет, несмотря на то что выставляет его в роли живца.

Один Улей знает, сколько у непростых спутников полезных умений, возможно, они даже общаться без слов умеют, чем и объясняется их хроническая молчаливость. Слова произносят очень уж редко, и не исключено, что делают это лишь для того, дабы у Карата уши не застаивались.

Турист с самым безмятежным видом подошел к затихшему

лотерейщику, присел, вытащил нож с зачерненным лезвием и начал заниматься излюбленным делом иммунных – потрошением спорового мешка. Занятие несложное, не требующее глубоких теоретических познаний в области биологии и анатомии, можно обойтись без большой физической силы и специальных инструментов. Минимально необходимый набор – дееспособная рука и какой-нибудь режущий инструмент, пусть даже самый завалящий. В крайнем случае сойдет кусок стекла, а если припечет всерьез, так и зубами разгрызть можно: ни костей, ни мяса, будто грибной нарост на дереве, да и запахок, словно от подсушенных боровиков, оболочка непрочная, в некоторых местах поддается, будто картон, сложности разве что у самых развитых монстров могут наблюдаться. Но даже там можно за полминуты управиться, если, конечно, не перебирать извлеченное содержимое на месте.

Но Турист растянул сомнительное удовольствие минуты на две. И так колупал, и эдак, и что-то рассматривал с важным видом, и замирал в продолжительных раздумьях. Явно специально красуется, провоцирует неведомых наблюдателей, среди которых могут оказаться хорошие стрелки. Бессмертным себя возомнил, или на этот счет у него припасены сюрпризы?

Карату больше верилось во второе. Эта группа выглядит серьезно, и то, что они движутся столько времени в открытую по далеко не самой безопасной местности, не влипнув в рискованные приключения, доказывает это лучше всяких слов.

Наконец Туристу надоело ломать комедию. Отбросив черный пучок спутанной бесполезной паутины, годной лишь для приготовления самого дешевого спека, где она является одним из ингредиентов, он, поднявшись, так же неспешно направился назад.

Дождавшись, когда тот преодолеет полпути, Пастор спокойно и громко произнес:

– Срисовали они тебя, шагай мимо нас и жди в зеленке. Только не на краю останавливайся, в лесополосу заберись, они тебя боятся.

Турист ни словом не отреагировал на приказ и начал потихоньку забирать к обочине с явным расчетом миновать группу, ни на шаг не зайдя под полог невидимости. Прошел мимо, направился к тянущейся к дороге лесополосе, даже не покосившись в сторону группы.

Пастор, стащив с плеч рюкзак, поставил его на асфальт, взгромоздился сверху, будто на мягкий стул, и, блаженно улыбаясь выглянувшему под вечер солнышку, самым безмятежным голосом заявил:

– Отдыхаем две минуты. Хочу посмотреть, чем эти ребята займутся.

– Полисовские? – деловито спросил Гномик, присаживаясь

аналогичным способом.

– Вряд ли, скорее всего, случайно подвернулись, очень стеснительные и не торопятся выходить. Но проверить их не помешает, это запад, на западе толпами бродить не принято, и нормальные люди открытые места стороной обходят, а эти забрались зачем-то в капкан и сидят, чуть ли не у всех на виду. Интересно глянуть, кто тут такие смелые. А вот и они. Какие нетерпеливые мальчишки, рано я их похвалил за неторопливость.

Взглянув туда, куда Пастор таращился, не переставая, Карат увидел, как из-за обшарпанной автозаправки выходят двое. Идут осторожно, непрерывно оглядываются, и хотя с такого расстояния детали разглядеть не получается, нет сомнений, что это нормальные люди, а не зараженные. У тех моторика и манера перемещения иная, кто видел их хотя бы раз, движущихся ни с кем не перепутает.

Парочка шагала быстро, по всему видно, что им сейчас не по себе. Участок и правда открытый со всех сторон, незаметно сюда никак не подобраться. На их месте Карату бы даже в голову не пришло приближаться к дохлому лотерейщику, развалившемуся посреди просматриваемой с разных направлений дороги, но у парочки на этот счет другое мнение. И ладно бы, находишь они под таким же покровом невидимости, так нет же – обычные ребята, видно их прекрасно, ничего сверхъестественного за ними не наблюдается.

Странные или тупые.

Расстояние быстро сокращалось, и вскоре Карат разглядел парочку во всех деталях. Юнцы, которым едва двадцать стукнуло, и дело тут явно не в индексе возраста – так оно и есть. Вырядились, будто в военный поход отправились: не какой-нибудь рядовой камуфляж для рыбаков-охотников, а настоящая форма непонятной армии со знаками различия, наколенники, навороченные разгрузки, обвешанные не слишком впечатляющими штучковинами, включая ножи, фонари-шокеры и прочее в таком духе. У одного даже кастет виднеется – явно самодельный, начищенный до блеска, что глупость несусветная – в солнечный день может выдать издали. За спинами уплощенные рюкзаки с множеством кармашков, в обвязках закреплены клювы, выкрашенные в радикально-черный цвет какой-то хитрой краской, уж очень похоже на воронение металла, оттого на древесине выглядит неестественно.

Что касается оружия поприличнее, с этим у парочки все плохо. Под такую коллекцию мишуры им полагаются автоматы или винтовки с богатым обвесом, но ничего подобного не наблюдается. Банальная двустволка далеко не современного дизайна у одного, второй с арбалетом –

явный ширпотреб, прихваченный в каком-нибудь специализированном магазине, торгующем не слишком крутыми штуками.

Ну, или крутые вещицы успели подмести до этих парнишек – лучшее добро в доступных местах долго бесхозными не валяется.

Не дожидаясь приближения парочки, Пастор неспешно поднялся, взгромоздил рюкзак на плечи и произнес:

– Подойдем шагов на двадцать, отсюда будет плохо слышно.

Обнаглел до такой степени наглости, что собрался подслушать разговоры мальчишек? Что ему до этой молодежи? Карат и без лишних слов может все о них рассказать – посмотрелся на таких вдоволь. В Улей их занесло недавно, повезло с ходу попасть в Полис или другое не самое плохое место. Там маленько пообтесались и вообразили себя самыми крутыми во вселенной чуваками. А крутым в спокойных местах делать совершенно нечего, если уж промышлять, так всерьез, по-взрослому. Ну и понесло ребятишек на зловещий запад, где и твари пожирнее, и кластеры побогаче.

Если повезет, такие возвращаются быстро, и уже не такими крутыми – жизнь обтесывает. Но возвращаются далеко не все, в массе своей они слишком плохо подготовлены, в том числе и психологически, потому торопливы, импульсивны, склонны к напрасному риску и бессмысленным поступкам, не терпят над собой авторитетных старших, уверены, что их мнение – единственно верное, хотят получить много и сразу все.

Ну запад им и выписывает полный список напастей, уж чего-чего, а такое добро он раздает, не жадничая.

Парочка явно не за головой Карата охотится. Им эту голову можно получить лишь единственным способом – если кто-то принесет на блюдечке с голубой каемочкой.

Более нелепых голововогов вообразить трудно.

Гордый собой обладатель дробовика присел на колено на подходе к туше и начал поворачиваться из стороны в сторону, держа оружие на изготовку. Зачем он это делает, находясь посреди обширного открытого пространства – тайна великая. Объяснить ее можно только тем, что в кино такое когда-то видел и счел, что способ зрелищный и применим к любой ситуации.

Если даже из ближайших зарослей выскочат зараженные, он ничего им не сделает по банальной причине – его оружие на таком расстоянии бесполезно, придется выждать, пока приблизятся. Но паренек о подобных мелочах не задумывается.

Второй встал рядом с ним и тоже попытался изобразить контроль над

территорией.

Обладатель дробовика, завидев это, обиделся на плагиат и высказался с возмущением в голосе:

– Ты что творишь?! Не тормози, шмонай давай! В темпе шмонай!

– Да что там теперь шмонать? Этот все спораны подмел, мешок пустой, вон, паутину выбросил, ее ветром разносит.

– Глянь мешок, он резко потрошил, мог не все вытащить. Свалить торопился, боялся чего-то.

– Ни фига он не торопился и не боялся – вообще спокойный тип. Видал, как он этого сделал? Не пойми откуда появился и втихую снял. Я первый раз такое вижу.

– Крутая тварь, небось, хорошо наварился. И прикинут по-деловому, нам бы такая снаряга пригодилась.

– Ну так пойдя догони, вдруг захочет поделиться.

Ввиду несомненной абсурдности предложения его даже обсуждать не стали.

Второй, все же брезгливо поковырявшись в недрах развороченного мешка, озвучил очевидное:

– И правда пусто, я же говорил. Валить отсюда надо, хреновые здесь места, сплошные поля, мы тут у всех на виду.

– А куда валить? Опять на этих нарываться? Ну на хрен, идем на север, а там повернем.

– Чем дальше идем, тем хуже становится, поля да поля, деревьев все меньше и меньше. Может, полисовские уже свалили? Что они вообще там делают? И чего ты так их стремишься? Они вроде не дебилы тупые, не быкуют, просто так никого не валят. Можно по-хорошему разойтись.

– А можно пулю получить. Тут запад, тут верить никому нельзя. Валим на ту сторону, там зелень погуще.

Парочка прошла шагах в пятнадцати от Карата, еще бы чуть-чуть, и задела полог невидимости.

Пастор, глядя вслед юнцам, покачал головой:

– Жаль ребят, не жильцы.

– Им один вариант – в нормальной команде пообтесаться, – сказал Гномик. – Чего их вообще сюда понесло? Уж лучше на Внешке отираться, здесь желторотым вообще ловить нечего.

То, что сектанты с явным участием обсуждают нерадостные перспективы удаляющейся парочки, Карата удивило. Это ведь потенциальные жертвы для их кровавых ритуалов – чего их жалеть? Но нет же, на полном серьезе разговаривают.

– Ладно, удачи вам, ребяташки, – подытожил Пастор, поправляя лямки рюкзака. – Уходим, а то Турист уже скучает.

Глава 19

Где скучает Турист (и скучает ли вообще), непонятно, но не похоже, что он предается скуке в хорошо просматриваемой лесополосе. Пастор не озвучивал точное расстояние, на которое тому следовало забираться в заросли, но даже Карату, постороннему человеку, понятно, что оно не должно быть настолько большим.

Ну сто шагов, ну двести. Зачем больше?

А сейчас они прошли по узкой полоске, поросшей деревьями и кустами, все пятьсот. Без единого слова шагали, но чувствовалось сгущающееся напряжение.

Что-то здесь не так.

Пастор в очередной раз нажал одну из кнопок на крохотной диковинно выглядывшей рации и не выдержал:

– Смотрим следы, надо разбираться, Турист так далеко уйти не мог, это крайняя точка.

Карат наряду со всеми начал всматриваться под ноги и бросать изучающие взгляды по сторонам. И, хотя его нельзя назвать хорошим следопытом, почти сразу указал на явно подозрительную деталь:

– Веточка сломана. Не подсохла, свежая. А вон еще одна.

Гномик, присев, кивнул на землю:

– Это не Турист топтался. Обувь не пойми какая, похожа на туфли пижонские, а вот тут отпечаток каблука серьезного.

– Кровь, – коротко высказался Череп, с неопишуемой гримасой приглядываясь к стволу дерева шагах в пяти дальше.

Пастор, пройдя к нему, присел и, всматриваясь вперед, в открывшийся среди кустов просвет, нехорошим тоном произнес:

– Винтовка там. Туриста винтовка. На земле лежит. Замерли и смотрим, ветки не цеплять, не разговаривать, дышать тихо, к рациям не прикасаться.

Троица сектантов уставилась в разные стороны, а Карат попытался все сразу рассмотреть, причем достаточно успешно. Лесополоса не из густых, какой-то ботанический мор поразил большую часть деревьев, некоторые успели упасть, остальные стояли сухими с полностью или частично осыпавшейся корой и обзору почти не препятствовали. Кустов много, но они тоже не выглядят цветущими здоровьем, чахлые, реденькие, там и сям ветки лишены листьев.

Пастор, поднеся к глазам бинокль, несколько секунд всматривался во что-то в направлении высоченной металлической вышки на едва возвышающемся холме, после чего тихо сообщил:

– Вижу стаю, похоже, кусач и четыре бегуна, из них один приличный, еще немного отожрется, и можно будет в лотерейщики записывать. Череп, что у тебя?

– Я никого не вижу, – очень серьезно ответил тот, чеканя каждое слово.

– Гномик?

– Башка коровья обгрызенная, свежая, над ней мухи кружатся. По листе впереди и слева капли крови. Еще не свернулась, посвежее коровьей башки.

– Какие будут мысли?

Череп, обернувшись в сторону валяющейся винтовки, с нетипичной для него обстоятельностью произнес:

– Немного похоже на работу мертвяков. Оружие выпало из рук, никто его не забрал, остальные вещи утащили вместе с телом. Вот только мертвяки нечасто добычу далеко утаскивают, да и Туриста по-тихому убить никак не могли, его так просто не взять. По следам тут точно кто-то был, один в чем-то непонятном, второй в туфлях или в чем-то, похожем на туфли. След свежий, вон, трава подмятая выпрямляется. И как-то странно ходили, не похоже, что они вместе. Может время разное. Будто один другого ищет.

– Хочешь сказать, что какой-то лох, в туфли обутый, втихую снял Туриста? – скептически осведомился Гномик. – Мертвяки всякие попадают, мог на хитрого нарваться. Элита и руберы не факт, что на месте жрут, они частенько в укромные уголки мясо утаскивают и соображают неплохо, чтобы под нас не подставиться.

– Нет такого мертвяка, нет сильного и хитрого, чтобы совсем уж мертвяк, который сумеет Туриста убить тихо, а мы не слышали ничего, я всегда слышу, не надо плохое говорить, – стоял на своем Череп, начиная сбиваться на бессвязную речь.

Пастор, зачем-то в бинокль изучавший винтовку, хотя валялась она всего-то шагах в двадцати, если не ближе, уверенно заявил:

– Это точно незараженные, они в сложные игры не играют.

– Что за игры? – уточнил Гномик.

– Граната там. Какая-то необычная на вид, возможно, светошумовая или что-то похуже. Оглушить нас хотят, а может, поубивать, даже не пойму. В землю ее вдавили, рычаг прикладом зафиксировали, сверху ничего не увидишь, да и сбоку трудно разглядеть. Винтовку мы поднять должны,

такие вещи бросать не принято, вот и подорвемся. Вы все еще думаете, что это мертвяки сработали? Я о мертвяках с гранатами до сих пор ничего не слышал. А ты, Гномик, сталкивался с такими историями?

– Индус и не такие сказки рассказывал, но он правду раз в полгода говорит, врун первостатейный.

– Значит, винтовку мы брать не будем, пускай полежит, неизвестно, сколько там сюрпризов для нас заготовлено, гранатой могут специально внимание привлечь, а на деле сработает что-то другое. Отходим строго по своим следам, добираемся до асфальта и делаем рывок к шестой точке.

– Думаешь, Турист, забрызгав кусты кровищей и потеряв винтовку, сможет до нее добраться? – с сомнением поинтересовался Гномик.

– Я вообще ничего не думаю. У нас точки не просто так поставлены, уговорено, что собираемся на ближайшей, если что-то пойдет не так, значит, направляемся к ней. Ближайшая у нас шестая, и это хорошо, не придется возвращаться. И еще учтите, что, скорее всего, нас не видят, но как-то определяют наше присутствие. Череп, ты хорошо работал, без ошибок?

– Я или работаю, или не работаю. Если работаю, хорошо работаю, я тебя никогда не подводил, ты же знаешь, зачем так плохо говоришь, – с детской обидой залепетал уродец.

– Ну-ну, успокойся, я ни в чем тебя не обвиняю, просто уточнил – порядок такой. Значит, нашелся у кого-то хитрец и против нашей хитрости. Получается, мы его не видим, он нас тоже не видит. Я чувую, что он где-то поблизости находится, он тоже нас чувствует. Он может в тридцати шагах от нас засесть. Или они. Позиции у нас одинаковые, а это плохо, воевать нужно, когда у нас преимущество. Так что воевать мы не будем. Пойдем по асфальту, только тихо-тихо, звуки от нас приглушены, но все равно услышать могут. А потом обойдем эти места стороной и развернемся к шестой точке.

* * *

То, что за группой охотится невидимка (или даже невидимки), заставило Карата по-новому взглянуть на все, что связано с прогулками по Улью.

Первое, что он осознал – если на него будут охотиться столь одаренные личности, охота надолго не затянется и завершится, увы, не в его пользу.

Никакая сверхскорость не спасет от такого противника. Разве что у того не окажется дальнобойного оружия и ему придется приблизиться к жертве на радиус действия невидимости, после чего крикнуть «ура!» и броситься в рукопашную. Да и то не факт, что все будет происходить именно так, в механизме этого умения Карат совершенно не разобрался.

Или группы умений. В Улье часто бывает так, что самые разные подарки внешне работают почти одинаково или называются аналогично, но при этом отличий между ними масса (вплоть до принципиальных). Взять то же ночное зрение – одни видят так же, как днем, другие хуже, чем в самый дрянной прибор, но и тех, и тех в повседневной речи друг от дружки отличать не принято.

То, что передвигаться по кластерам нужно бесшумно, Карат и раньше понимал. В Улье обувь с подковками и прочими звонкими ухищрениями спросом не пользуется именно поэтому. А вот то, что приминаемая твоими шагами трава может с высокой точностью выдать местоположение, новость.

Вот потому Пастор и рвался на асфальт. Шоссе в четыре полосы с лишенными растительности обочинами, простора для сократившейся группы на нем более чем достаточно. Там главное – не топтать со всей дури, а примять ты ничего не примнешь при всем желании.

Но чтобы добраться до шоссе, потребуется преодолеть не одну сотню шагов сделанных перед этим по злополучной лесополосе и подходам к ней. И если среди деревьев можно, пусть и со сложностями, не беспокоить растительность, то дальше столкнулись с неразрешимой проблемой.

Деревья и кусты закончились, дальше, до самой обочины, как минимум метров на восемьдесят, тянулась полоса, густо затянутая травой, причем травой высокой, сочной, не тронутой домашним скотом, не затоптанной ногами пешеходов. И никаких троп через эту преграду нет, разве что назад вернуться, сделать крюк по полю и поискать. Но это значит – пройти поблизости от места, забрызганного кровью Туриста, мимо его винтовки, скрывающей под прикладом громкую смерть.

Граната под оружием – ерунда. Карат прекрасно понимал мысли Пастора – тот опасается, что этот сюрприз специально оставили, чтобы отвести внимание от главного, от того, что с гарантией выведет из строя всю группу, если та сунется в западню.

Невидимость – это здорово, вот только от всего на свете она не защищает.

Пастор, притормозив на краю травяной полосы, оценил ситуацию и спокойным голосом прояснил свои планы по поводу преодоления

препятствия:

– До дороги около ста шагов, придется двигаться быстро, постарайтесь не сильно шуметь и ничего не говорите.

Карату греметь особо нечем – ни оружия, ни лишних вещей. Обвешанному разными железяками Черепу тяжелее всего приходится, но надо признать, что он справляется с этим на «отлично» – передвигается не громче других. Как ни странно, больше всего шума производит Гномик – мелкий, с виду проворный, глядя на такого, кажется, что уж он-то способен незаметной мышкой в любую норку проскользнуть. Но на деле гремел и звенел, будто ржавый древний тарантас, за которым волочились привязанные хулиганствующими мальчишками гирлянды пустых консервных банок.

Всего-то около ста шагов – плечевое расстояние, препятствий нет, трава не такая уж и высокая, продвижению не мешает, но все равно мгновенно проскочить не получится.

В ритм торопливой поступи четверки бегущих мужчин, помимо шороха и позвякивания амуниции, вкрался посторонний мотив, до этого ничего подобного Карат не слышал. И тут же, нарушая приказ Пастора о звукомаскировке, по ушам резанул крик Гномика:

– Граната!

Наверное, новый мир научил не только тело ускорять – мысли у Карата тоже иногда начинали течь с невероятной быстротой без предварительного напряжения ушей. Вот и сейчас за кратчайший срок он успел передумать многое.

Звук, который предшествовал крику, очень похож на падение твердого увесистого предмета, и, если вспомнить о значении произнесенного Гномиком слова, можно легко догадаться, о каком именно предмете идет речь.

То, что граната не разорвалась при ударе, хорошо, это дарит Карату немного времени. Сколько именно, сказать невозможно, это зависит от типа запала и особенностей процесса метания.

А вот то, что, судя по звуку, граната упала рядом – плохо, шансы оказаться за пределами радиуса разрушительного действия ее осколков стремятся к нулю.

Но то, что Карат примерно понимает, где именно она покатилась по траве, почти отлично. Все, что сейчас нужно сделать, – это прыгнуть в противоположную сторону, залечь на брюхе ногами в направлении возможного взрыва, и при этом молить демонов и ангелов Стикса, чтобы смерть пронеслась мимо или в крайнем случае пометила толстые подошвы,

не сильно изувечив ступни.

Впрочем, насчет ангелов он погорячился – в таком мире им делать нечего.

Откровенно говоря, тут и демонам неуютно.

Граната взорвалась в тот миг, когда Карат только-только плюхнулся на живот. По ушам ударило звонко, но, в сущности, никак, до контузии или хотя бы приличного оглушения далеко; по левой ступне что-то врезало жестко и совсем не больно; Гномик, завалившийся рядом, начал неистово ругаться, судя по интонации и односложности высказываний, его зацепило на совесть.

Перевалившись на бок, Карат чуть приподнялся и успел увидеть, как прямо из воздуха возникло темно-зеленое яйцо, увенчанное выступом запала. Вращаясь в воздухе, оно, казалось, летело точно в лоб, и лишь в конце стало понятно, что плюхнется в траву возле плеча.

Не плюхнулось.

Карат напряг уши, неистово надеясь, что за прошедшее время нещадно перегруженный дар чуть восстановился и позволит сделать сущую малость. Извернулся, поднял руку, легонько толкнул приземляющуюся гранату, поспешно вышел из ускорения, балансируя на грани провала в тьму бессознательности.

Легкий толчок в состоянии активированного дара на деле оказался очень даже не легким. Граната улетела назад с такой прытью, будто ею из баллисты запустили, а Карат, не сводя взгляда с направления, с которого она появилась, прокричал:

– Он на краю лесополосы! Ориентир – сухое дерево на траве! Он где-то рядом с ним!

Граната разорвалась неудачно, метрах в пятнадцати левее того места, в котором, как предположил Карат, засел невидимый враг, разбрасывающий опасные штуковины. Если так, то в лучшем случае это может вывести его из равновесия, ошарашить или хотя бы заставить обернуться, дать секунду форы.

Гномик, не переставая ругаться, перевернулся на бок и, вскинув автомат, потянул за спуск подствольника. В отличие от Карата – попал, разрыв взметнулся точно на упавшем дереве, все вокруг исхлестав крошечном мелких осколков. На этом коротышка не остановился, начал выпускать туда очередь за очередью, а Череп принялся ему помогать, торопливо разряжая барабан своего дробовика.

Пастор, не вмешиваясь в перестрелку, уставился в опасном направлении напряженным взглядом и, будто что-то разглядев,

молниеносным движением выхватил из разгрузки шар гранаты, затем легко выдернул кольцо, не тратя время на возню с загнутыми усиками, метнул с неожиданным для столь обстоятельно-неторопливого человека проворством.

У его гранаты, похоже, запал можно выставить «на удар». Или это сработало, или Пастор подгадал со временем, неизвестно, но рвануло, едва коснувшись травы метрах в пяти правее от оптимальной точки, воздух наполнился никогда ранее не слыханным, быстро стихшим гудением, будто в одном месте собрались тысячи до крайности разозленных здоровенных шершней.

Подрывов гранат Карат насмотрелся, но с такой до сих пор не сталкивался.

Что-то с силой обстучало левый рукав от локтя до плеча, будто заряд дроби издали прилетел, успев растерять силу. То есть не пробил, но приложил чувствительно.

– Вон он! Вон! – заорал Череп. – Побежал! Его видно и не видно!

Карат, хоть и смотрел в оба глаза, никого не разглядел: несколько взрывов в одном месте оставили после себя необычно густую дымную пелену, будто там не гранатами и пулями поработали, а чем-то непонятным.

Пастор с таким же необычным для него проворством метнул второй аналогичный шар чуть дальше, уже в заросли кустов и деревьев, после чего быстро направился в сторону взрыва, при этом, не целясь, выпускал по лесополосе очередь за очередью. С нелегким пулеметом он обращался будто с игрушкой, и время от времени вырывающиеся росчерки трассеров показывали, что из столь неудобного положения он ухитряется бить кучно, попадая приблизительно в одно место.

Гномик и Череп тоже стреляли вовсю и, похоже, в ту же точку – возможно, огонь Пастора, помимо всего прочего, давал им целеуказание. Разглядеть можно лишь отдельные пули не в каждой очереди, видимо, как это принято у пулеметчиков, трассирующие вкладывали в ленту не один за другим, а с определенным интервалом, разбавляя обычные патроны. Коротышка, опустошив магазин, ловко перезарядил подствольник, запустил вторую гранату в заросли, вскочил, бросился вслед за вырвавшимся вперед старшим, сильно приволакивая ногу – зацепило его конкретно.

Карат даже не думал подниматься – зачем, если оружия у него нет, и вообще, в случае чего так меньше достанется. К тому же, глядя на прихрамывающего сектанта, вспомнил, что при первом взрыве его что-то неслабо стукнуло по ноге. И не надо обольщаться из-за отсутствия болевых

ощущений, ему довелось сталкиваться со случаями, когда люди кровью истекали, до последнего не осознавая, что их дела весьма и весьма плачевны. Чем быстрее ты собой займешься, тем выше твои шансы, не счесть, сколько людей спаслось только благодаря тому, что на ходу, под обстрелом, наскоро и некачественно затянули жгут.

Выгнулся, бегло осмотрев левую ступню. Взгляд тут же уперся в деталь, на которую трудно не обратить внимание – рант берца разодрало наискось, дырища получилась вытянутая, но очень узкая, осколок вскользь проехался, до ступни не дотянулся.

Повезло.

Обувка починке не подлежит, но даже в таком состоянии таскать ее некоторое время можно, в сухую погоду почти без разницы. Но при первой же оказии нужно будет сменить. Жаль, на каждом шагу такая не валяется, к вопросу того, что натягивать на ступни, Карат относится со всей серьезностью – важнейший элемент.

В Улье бег решает многое, а со стертymi ногами или в разваливающихся ботах много не набегашься.

Поиски повреждений Карат ухитрился проводить в движении, неуклюже подползая к Черепу. Наблюдая за троицей уже несколько часов, понял, что именно этот устрашающе выглядевший сектант является носителем умения групповой невидимости.

Странно, что сейчас тот остается на месте, неспешно занимаясь перезарядкой дробовика. Ведь если вырвавшиеся вперед Пастор и Гномик выйдут за пределы радиуса действия умения, они станут видимыми, и кто знает, к чему это может привести.

Череп будто прочитал мысли Карата, поспешил вслед за парочкой, вновь открыв стрельбу, причем двигался так прытко, что нечего и думать догнать его ползком.

Теперь уже Карат рисковал остаться видимым, а он и без того сейчас незаметен только потому, что вертится на пятачке, где первая брошенная в группу граната скосила и смяла значительную часть травы. Дальше лафа заканчивается, волей-неволей придется подниматься.

Вскочив, нагнал Черепу, пошел дальше, прикрываясь за его немаленькой фигурой. А тот при этом оглянулся нехорошо, будто плохое подумал.

В принципе, логично – неплохой момент для пленника, чтобы от души врезать похитителю по затылку. Не надо так уж сильно рассчитывать на сдерживающую силу обруча, мало ли что человеку в голову стукнет в такой ситуации, может про все на свете позабыть.

Да и мина на шее – это еще не приговор. Разные варианты можно подыскать под такой случай.

Пастор, добравшись до края лесополосы, замер посреди приличного пространства, усыпанного сбитыми ветками и листьями. Уже никуда не целясь, выпустил короткую очередь и, опустившись на колено, прошипел на грани слышимости, Карат скорее угадал слова, чем различил:

– Мы в него попали.

С этим не поспоришь, там и сям кровь виднеется – брызги на траве, на листве, на том самом лишенном коры трухлявом стволе поваленного ясеня.

Карат, не выдержав, высказал, на его взгляд, логичное предположение:

– Он может рядом валяться, вон сколько из него натекло, далеко с серьезными ранениями не уйдет.

– Много ты понимаешь в таких делах, – болезненно прошипел Гномик, спешно перевязывая бедро бинтом прямо поверх штанины.

Намокла она у него солидно, до самого низа – хорошо хлещет.

– Здесь был хромой человек, – с удивлением протянул Череп, разглядывая что-то, скрытое его фигурой.

Карат, выглянув из-за него, увидел, что из-под сбитой осколками и пулями листвы выглядывает черная трость с изящной поблескивающей серебряными накладками рукоятью.

Где-то он уже эту штуку видел, причем недавно...

Шагнув вперед, присел, потянулся к находке и тут же замер от новой порции шипения Гномика:

– Стоять! Стоять тебе сказано!

– Не прикасайся, – добавил Череп. – Гномик приказал стоять, Гномика надо слушаться.

– Да вы чего? – удивился Карат. – Она точно не заминирована. И я такую же видел недавно, похоже, знаю, чья она.

– Это хорошо, что знаешь, – голос Пастора был столь же спокойным, как всегда. – Но ради всего святого, что в тебе есть, не бери в руки ничего, пока Череп это не позволит. Даже мелкий предмет может и тебя убить, и нас – ты потеряешь невидимость, выдашь.

Ах, вот оно в чем дело! А Карат все голову ломал, размышляя над механизмом работы невидимости. Она ведь в радиусе действия скрывает только членов группы и их вещи, но не прячет объекты на прилегающей местности. Очевидно, каким-то образом привязывается к конкретным людям и предметам, игнорируя все прочее.

Если за этим местом наблюдают недружелюбно настроенные и хорошо вооруженные личности, нетрудно догадаться, что они могут устроить,

увидев, как трость сама собой взмывает в воздух и зависает в невидимых руках Карата.

Для них он, получается, станет видимым.

– А вот и клиент, – радостно произнес Череп, откидывая в сторону срубленное осколками или пулями молодое деревцо с невысокой, но пышной кроной. – А я думал, что убежал он. Видел, кто-то вон туда метнулся. Будто карась метнулся, они, когда икру мечут, так метаются. Метнулся, и пропал. Наверное, не пропал, сюда упал. Странно. Лежит здесь, а метнулся туда. Но все равно упал.

Обильно нарубленные ветви и листья прикрывали тело мужчины субтильного телосложения, облаченного стандартно для Улья – сплошной камуфляж. Лицо простецкое, застыло в изумленной гримасе, будто живое, возле разжавшейся ладони лежит граната.

Подняв ее и поднеся к лицу, Череп покрутил в ладони, озадаченно произнес:

– Странная, мне такие никогда не давали. Полоски красивые.

– Мы его достали, – мстительно процедил Гномик, продолжая возиться с бинтами.

– Здесь их двое было, а возможно, и больше, – задумчиво произнес Пастор, вглядываясь в гущу лесополосы. – Оба непростые. Череп прав, второй ушел, поставил дымовую завесу и глаз отводил, или чем-то другим отвлекал, пока вон в ту сторону бежал. Не знаю, чем именно работал, у него плохо это получалось, пока не ушел далеко, я его иногда замечал. Значит, невидимка не он, или скверный невидимка, иначе для чего ему такие хитрости.

С этими словами сектант шагнул вперед и пнул жестянку дымовой шашки. Она еще не выгорела, пыхла вовсю, спасибо поднявшемуся ветерку, относил завесу в другую сторону.

– Второй ушел далеко, я перестал его ощущать, – добавил Пастор. – Не думаю, что он тоже под ветками лежит. Не догнать его, очень быстрый.

– Может, твоя чуйка неправду говорит? – недоверчиво уточнил Череп. – Вдвоем они бы нас быстрее забрасывали. Слабовато кидали. Я один лучше кидать могу, а они вдвоем так не смогли. Наверное, один он был, поэтому и не мог. Ну я же прав? Да? Прав? Ну скажи, чего молчишь, ведь прав я! Прав! Прав! Так и было!

Да у него и правда в голове кукушка померла, то нормально говорит, то в детство впадает.

Пастор ногой перевернул тело на бок, и все увидели, что между лопаток у мертвеца торчит черная рукоять ножа:

– Как ты говоришь, чуйка, мне подсказывает, что сам собой на такую штуку он вряд ли упал, так что, Череп, двое их было. Как минимум двое.

– Во дела, свои же завалили, – удивился Гномик. – Да как такое вообще понимать? Кто это? Что у них за разборки в такой момент?

– Не знаю детали, но их было минимум двое, я чувствовал, что один уходит. Посмотри на обувь, это тот самый, у которого оттиски каблуков глубокие. Второй, наверное, в туфлях или в чем-то похожем. Может, и третий был, я так и не понял – слишком сложно.

– Найдем и накажем? – то ли спросил, то ли предложил Череп, настороженно водя стволом дробовика из стороны в сторону.

– Искать не будем, – ответил Пастор. – Мутные дела тут происходят, уходить отсюда надо, да побыстрее, зря вообще остановились. Гномик, ты как?

– Ковылять смогу, но бегать вряд ли.

– Тогда нам нужно уходить. Мы должны быстро добраться до шестой точки. Дойдем до нее, потом примем решение, что предпринимать в дальнейшем.

Голос Пастора столь же спокоен, как всегда, но вот слова, их порядок во фразах и выразительность чуть отличаются от обычной речи. Старший сектант, похоже, выбит из колеи.

А еще у Карата рассеялись последние сомнения – русский язык для Пастора не родной. Он, конечно, говорит прекрасно – без акцента, сложные фразы то и дело вворачивает, словарный запас достойный. Но свои так не выражаются, тем более в таких ситуациях.

Глава 20

Свои возможности Гномик слегка преувеличил. Не успели толком начать идти по тому самому шоссе, как стало очевидно – с ногой у него все гораздо серьезнее, чем он предполагал. Пришлось освобождать его от рюкзака, перекладывать ношу коротышки на Карата, пускать на усиление перевязки еще пару бинтов и устраивать консилиум по вопросу дополнения их жгутом. И все это пришлось проделывалось в весьма нервной обстановке.

Нет, дело не в том, что рядом до сих пор может скрываться невидимка (или невидимки), тут другая напасть подоспела. Шуметь в Улье можно, но надо всегда иметь в виду, что на громкие звуки могут набежать не самые симпатичные создания.

Здесь до по-настоящему опасного запада еще далековато, но зараженных уже заметно больше, чем в окрестностях Полиса. И здесь же только что произошла короткая, но ожесточенная перестрелка с неоднократным применением разнообразных гранат.

Неудивительно, что твари после такого концерта не на шутку возбудились и ринулись к «сцене» со всей округи. Такое событие даже в богатом дичью свежем кластере не оставит их равнодушными, а уж тут, где легкодоступную добычу подъедают влет, в первые дни, а то и часы – и вовсе сенсация, заставляющая позабыть про все прочее.

Что-то подобное на западе с Каратом уже случилось. В том походе под командованием Рэма, когда на финише группе пришлось дать бой одному из опаснейших созданий Стикса. Запад там, надо сказать, был уже куда более далеким, то есть поопаснее, чем здесь. Но зараженные не очень-то торопились приближаться, они знали, что на необычном кластере располагается логово чудовищ, скребберы даже их заставили себя уважать. В итоге все же заявилась стая из развитых особей, но столпотворения при этом не наблюдалось – основная масса продолжала дрожать от страха где-то вдалеке.

Сейчас все иначе, здесь нет скреббера или хотя бы высокоразвитого элитника, значит, у тварей нет ни малейших психологических барьеров, вот и набегают, ничего не опасаясь. Самые разные, стаями, поодиночке, парами и тройками, мчатся со всех ног одновременно с разных направлений. Точное место, где происходили столь громкие события, определить не могут, дымовая шашка свое уже отыграла, ну да это и не требуется, ведь

работает несметная толпа, кто-то непременно наткнется, заурчит, унюхав запах взрывчатки и пороха.

И крови – само собой.

С кровью в группе Пастора большие проблемы. Как выяснилось, по итогам схватки с невидимками никто не остался в стороне – каждый хоть по мелочи, но отхватил. Больше всех досталось Гномику – хромал немилосердно, болезненно при этом кривясь, в бедро прилетело что-то очень серьезное и, разворотив мясо, уткнулось в кость. Само собой, что при сокращении мускулатуры посторонний предмет бережил края раны, вызывая те еще негативные ощущения. В придачу к этому что-то мелкое словил в бок, аккуратно под край легкого бронежилета. На вид неопасная ерунда, но Карат не стал бы озвучивать такие выводы без врачебного осмотра.

Бок – это не пятка, это очень серьезно, даже маленький осколок может натворить бед, уйдя в брюшную полость. Иммунные легко справляются с самыми нешуточными повреждениями, но иногда без хирурга это или очень сложно, или невозможно.

А иногда и с ним шансов нет.

Пастору слегка посекло обе ладони – вроде работают, но крови набежало немало, перевязали его слишком поздно, всю одежду перепачкал. Череп несколько осколков поймал на пластины бронежилета – повезло, но один серьезно прошелся по шее, в ране обнажилась чудом не перебитая артерия, ну и натекло тоже прилично.

Карат везунчик: ему всего-то под ухом чиркнуло и ремень пробило, причем осколок, едва ткнувшись в мясо, там и остался – на большее его не хватило. Скривившись, вытащил его прямо на ходу.

Мелкие повреждения, ерунда, но без крови тоже не обошлось. Плюс от старых дел оставалась – предплечье задело еще в той злополучной деревне.

Зараженные, словно акулы, кровь чувствуют издали, ее запах им очень нравится. Так что сейчас первоначальный план быстро двигаться по шоссе приходилось то и дело корректировать из-за возникающих на пути зараженных. Твари по неизвестной причине часто стараются придерживаться дорог, а уж широкий асфальт привлекает их больше всего, вот и предпочитали мчаться именно по нему.

Даже вовремя убираясь с их пути, не всегда получалось забрать с собой и свой запах. Ветерок, легкий и непредсказуемый, разносил его в разные стороны, так что зараженные время от времени улавливали притягательный аромат, начинали останавливаться, жадно принюхивались, суетливо озирались, исступленно наворачивали круги в поисках источника.

Пару раз доходило до того, что Череп брался за арбалет, убив при этом двоих бегунов. В обоих случаях павших тут же начинали рвать сбегаящиеся со всех сторон сородичи – пусть недавняя пальба обещала им более лакомую добычу, но и от такой большинство не отказывалось. При этом они отвлекались от главного – поисков источников притягательного для них аромата.

А группе только это и требовалось.

Естественно, за арбалет Череп брался только в критических ситуациях. И дело не в том, что стреляет он не так уж и беззвучно, а в том, что если кто-то нехороший наблюдает за дорогой, он непременно заметит необъяснимую гибель зараженных, а это грозит новой стычкой, причем посреди полчища не самых слабых мертвяков.

Противнику даже не надо пытаться убить невидимок, все, что от него требуется, – пускать издали гранаты из подствольника приблизительно в то место, где они находятся. Заденет – хорошо, не заденет – тоже ничего страшного, ведь твари побегут туда уже целенаправленно, ими уже вся округа кишит, жуть сколько набежало, вся эта масса ринется в направлении источника шума. Умные, конечно, обратят внимание не на взрывы, а на хлопки гранатомета, но таких меньшинство, и вряд ли они поймут готовых ко всему невидимок, а остальных привлекут самые громкие звуки. Уже не десятки – сотни, массы мертвяков неминуемо наткнутся на группу, зараженные ни за что не проигнорируют запах свежей крови в считанных шагах от источников.

Достаточно хотя бы одному пересечь границу зоны действия умения и заурчать, обнаружив добычу перед носом, и поход на запад завершиться быстро и печально.

В общем, все очень и очень серьезно.

Но, похоже, враждебно настроенным невидимкам сейчас не до преследования, им ведь тоже досталось, и, судя по количеству пролитой крови и оставленному телу, неслабо. Никто не пытался стрелять вслед, кидать гранаты из ниоткуда или другим способом навредить, лишь не на шутку возбужденные мертвяки носились туда-сюда, но уже не с прежней интенсивностью – основное скопление осталось позади, твари наконец обнаружили место схватки и носились там кругами, возможно, создавая немалые проблемы засевшему где-то неподалеку подраненному противнику (или противникам).

Чем дальше отходили от злосчастной лесополосы, тем меньше попадалось зараженных. Причем видовой состав их выглядел забавно – или развитые, опасные твари, классом не ниже лотерейщика, или совсем уж

безнадежные доходяги-пустыши, едва волочащие ноги, а то и передвигающиеся ползком на стертых до мяса коленях. Последних так и принято называть – ползуны, или совсем уж не принятым в приличном обществе словом, с не самой лучшей стороны характеризующим их полезность для иммунных и печальную никчемность.

Все логично – первые не зря считаются опасными, уши у них работают как полагается, а головы зачастую соображают настолько хорошо, что, расслышав серию громких звуков, они, даже находясь в трех-четырех километрах, могут с высокой точностью добраться до района, из которого доносился шум, не остановившись по пути только из-за того, что представление закончилось. Считается, что слаборазвитые не доходят до конца именно поэтому – в отсутствие источников раздражения быстро теряют интерес или переключаются на что-то другое.

Ну а ползунов Улей назначил вечными опоздавшими. Для них даже незначительное расстояние преодолеть – целое событие. Будь там хоть капля интеллекта, вообще бы не торопились на такой шум, потому как в случае, если сбежавшиеся твари не найдут поживу, может случиться непоправимое. Так уж принято, что более удачливые собратья не видят ничего зазорного в том, чтобы порвать ослабевших – кушать-то хочется всегда, а поедание себе подобных у них преступлением не считается.

Пастор неожиданно свернул на едва заметную дорогу. Асфальт на ней был, но с той, которая осталась позади, разница колоссальная. Сплошные трещины да колдобины, со стабом не перепутаешь только потому, что понятно с первого взгляда – здесь еще недавно ездили часто и упорно, что для западных территорий нехарактерно. То есть обычный кластер, стандарт, по которому до загрузки в Улей можно было раскатывать, ничего не опасаясь.

Сейчас все иначе, и дело даже не в том, что езда на автотранспорте по всей территории Стикса сопряжена с риском. Судя по количеству сбежавшихся на пальбу тварей, группа пересекла ту незримую границу, за которой нехорошие изменения начинают нарастать лавинообразно – запад начинает показывать свою людоедскую суть. Если вспомнить стычку, после которой Карат попал в лапы сектантов, тогда мертвяков было куда меньше, сотнями и не пахло.

Хотя не факт, ведь на лесистой местности с обзором дела плохи. Да и запад западу рознь, можно нарваться на миграцию тварей, можно оказаться вблизи популярного у зараженных места, ну и кластеры бывают разными. Те, на которых располагаются города, даже будучи очищенными от населения, остаются привлекательными для мертвяков – некоторые

опасные твари торчат там от первого до последнего дня, питаюсь чем попало (в основном своими менее удачливыми собратями). Естественно, там и по окрестностям хватает веселья. Зато в малонаселенной местности можно не заметить ни малейшей разницы с востоком.

Если повезет...

Гномик, не переставая тихо поругиваться, принял наконец помощь от Черепа, тот уже не раз предлагал. Ухватился за его плечо, после чего начал передвигаться еще хуже – совсем плохи дела. Надо как можно быстрее заняться ногой, поспешно намотанный поверх штанины бинт – несерьезно.

Пастор, оглянувшись после одного из самых сочных высказываний раненого, решил слегка приоткрыть завесу над дальнейшими планами:

– Отсюда два километра до карьера, там зараженных обычно нет, и должна найтись рабочая одежда. В этой мы далеко не уйдем, рано или поздно на след кто-то опасный наткнется.

– Баллончики есть, они запах хоть ненадолго сбивают, – предложил Гномик.

Пастор покачал головой:

– Репеллентов больше нет, они в рюкзаке у Туриста лежали.

* * *

Карату кожу в трех местах попортило, но в итоге измазалось все, лишь носки не пострадали. Развитые зараженные способны уловить запах следящего за гигиеной человека за десятки, в некоторых случаях за сотни шагов. А если присутствует кровь, эта дистанция увеличивается в разы. Один порыв ветра в нужном направлении, и оттуда может примчаться такая орава, что в три пулемета не отстреляешься.

Бывалые, всего опасаящиеся рейдеры, испачкав одежду кровью, стараются тут же от нее избавиться, какая бы хорошая она ни была. Считают, что самая качественная стирка не поможет, зараженные все равно будут чувствовать любимый аромат.

Страх запаха крови – это что-то вроде суеверия. Даже ничтожная царапина может испортить настроение и заставить выбросить с трудом добытую куртку из редкого, дорогого комплекта, чье назначение – не только маскировать тебя от обычных взглядов, но и в какой-то мере скрывать от тепловизоров.

Одежду свою Карат не на свалке подобрал. Удобная, качественная, даже много чего перенесла за последнее время, сохранила товарный вид.

Но Пастор приказал снимать все, и Карат подчинился.

Обновка, скажем так, классом несколько уступала. Темно-синие рабочие штаны и такая же куртка, рубашка не первой молодости, спасибо, что чистая, и на этом список исчерпывался. Ничего более подходящего в бытовке-вагончике не нашлось.

Сектанты облачились аналогично, и теперь группа походила на бригаду работников мирного труда, у которых вместо лопат в руках оружие, что со стороны, должно быть, выглядит противоестественно.

Впрочем, со стороны тут смотреть некому.

Пастор с самым невозмутимым видом покопался в ране Гномика, найденными здесь же плоскогубцами вытащил застрявший в кости осколок, плеснул живчиком, плотно замотал бинтами, израсходовав на это последние остатки запасов. Даже найденное здесь в аптечке пошло в дело.

Глядя на это, Карат предложил:

– Там, на выезде, машина стоит, может, в ней тоже аптечка есть. Могу сходить проверить.

Пастор, затягивая последний узел, кивнул:

– Разумеется, можешь. Но не сходишь. Не нужно тебе никуда ходить. Вместо этого ты расскажи нам о черной трости.

– Что рассказать?

– Ты лучше знаешь, что следует рассказывать.

– Это почему?

– Потому что ты сообщил, что видел ее и знаешь, чья она.

– Не очень-то много знаю.

– Значит, тебе не придется долго рассказывать.

– Человека, у которого я недавно видел такую же трость, зовут Гробовщиком. Люди поговаривают, что он – известная личность.

Гномик, мужественно, даже почти без ругани, перенося экзекуцию, не сдержался, раздраженно выдал:

– Да я этих Гробовщиков семерых встречал, если не больше, погоняло популярное. В том смысле, что у лохов популярное, не тянет на деловое.

– Этот вряд ли к лохам относится. Наемник серьезный, берется за самые дорогие дела, а они обычно и самые сложные. Его подрядили прибрать меня и Диану. Вроде как очень опасный тип, во всех черных списках состоит, личность известная, многие до него добраться хотят, но пока не получается. Всегда в черное одет, с тростью, я сам видел, как он мимо мертвяков прошел, и те на него внимания не обратили.

– Я знаю, о ком он говорит, – напряженно произнес Череп. – Это тот Гробовщик, который Таллинна искал и быстро нашел. Быстро нашел, так

быстро, я удивился. Никто не мог, а он нашел. Пастор, ты должен помнить, это когда мы с ипсами переговоры вели, мы об их клетках много говорили. Не договорись мы с ними. Нехорошая история получилась, Гробовщик, чтобы до Таллинна добраться, убил многих. Очень многих, я сосчитать всех не смог. Он всех подряд убивал, и тех, которые Таллинна прикрывали, и тех, которые ни при чем. Он быстро все сделал, а потом исчез, его даже Карла искала и не нашла.

– Благодарю, Череп, я его вспомнил, – кивнул Пастор. – В итоге вышло, что мы одно и то же хотели, просто не поняли друг друга.

– Фрида хотела с ним говорить. Хотела поставить себе. К рукам прибрать хотела.

– Хотела, но не прибрала. Он слишком скользкий.

– Да, скользкий. И он сильный. Очень сильный. Мог и нас убить тогда. И сейчас тоже мог, ему не повезло, не убил, только ранил. Легко ранил. Царапины это, а не раны.

Развороченная нога Гномика все еще стояла перед глазами, такое назвать царапиной язык не повернется, но говорить об этом Карат не стал – продолжал слушать. Очень интересно узнать хоть что-нибудь о человеке, который подрядился тебя убить.

– Серьезных отморозков в Улье хватает, – заметил Пастор. – Но этот – несомненный талант. Не представляю, как Гробовщик сумел нас найти. Похоже, ощущает только Карата, иначе никак, не вижу других вариантов.

– Иначе и быть не может, – согласился Гномик и начал обматывать повязку пищевой пленкой, рулон которой обнаружился в вагончике.

Простая и эффективная мера, чтобы скрыть запах проступающей на бинтах крови.

– Карат, ты этого Гробовщика вблизи видел? – спросил Пастор.

Тот покачал головой:

– Один раз с ним повстречались, между нами чуть ли не километр был, и он ни меня не заметил, ни Диану, мы на виду не маячили.

– За твою голову предлагают сто двадцать пять горошин. Это так?

– Мне называли другую цифру – чуть меньше, говорили, что минимум сотню, но все равно очень прилично, в Улье такие, как я, обычно стоят недорого.

– Да, ты столько не стоишь, для новичка цена привлекательная. Но такие дела напрямую не всегда проворачивают, там бывает цепочка посредников, каждый из них что-нибудь забирает себе. С Гробовщиком я близко не знаком, но наслышан. Для него такое дело неинтересно, у него узкая специализация – трудные, почти невыполнимые заказы, которые

оплачиваются соответственно. Насколько мне известно, он берет плату только жемчугом, не торгуясь. Но за тебя жемчуг не дают, такое на посредниках никогда не повиснет, им отдельная плата идет, сам жемчуг всегда дойдет до исполнителей. Получается, плата Гробовщика не устраивает, и тем не менее он здесь. Почему ты ему интересен? Мне что-то неизвестно?

Карат, подумав несколько секунд, покачал головой:

– До недавних пор я даже не знал о его существовании. Я здесь новенький, врагов завел немного – всего три: один урод, который чуть меня мертвякам не скормил, чтобы самому удрать, и которого я обязательно прикончу, если повстречаю; Бирон, обиженный за то, что мне отдали его белую жемчужину, ну и Диана над ним заодно поиздевалась. Ну а третий – ваша секта. Ладно-ладно, не косись на меня так, пусть будет – организация.

– Почему ты считаешь нас врагами?

– Из-за меня погибли ваши люди, сорвалось... гм... важное мероприятие, то, что вы меня сегодня поймали, тоже об этом говорит, в скреббера верится слабо, потому как он не просто дохлый, он пустой, в нем ничего ценного не осталось.

– По поводу скреббера – нам он нужен не ради жемчуга, считай, что у нас к нему биологический интерес. По поводу случившегося в Кумарнике – мы при первой нашей встрече общались на эту тему, и я четко дал понять, что именно у нас к тебе претензий нет.

– Ну да, я, конечно, так и поверил. Здесь вообще-то за кровь принято платить.

Пастор невесело усмехнулся:

– Ты и правда здесь недавно, ничего не понимаешь. Да, за кровь платят, так принято. Но это принято у таких, как ты, на нашем уровне многое меняется, мы стоим выше этого.

– На вашем?

– Чтобы понять, о чем я говорю, надо стать одним из нас. Я даже не о Детях Стикса говорю, я обо всех тех, кто сумел протянуть здесь так долго, что их уже старожилками нельзя называть. Мы нечто большее... куда большее. Мне нравится слово «патриархи», но, наверное, оно не слишком подходит, к тому же гордыней отдает. Давай просто остановимся на долгожителях Улья, спасибо ему за годы, которые он нам подарил. Мы здесь прилично задержались, набрались умений, как полезных, так и не очень, узнали немало того, что широкой публике если и известно, то не полностью, а лишь на уровне смутных слухов, которые не принято обсуждать. То, что для таких, как ты – смертельный риск, немыслимое,

невероятное, для нас – просто рутина, которая давно уже не возбуждает нервную систему. Мы крепкие косточки, которые мясорубке Стикса оказались не по зубам. Она и до нас когда-нибудь доберется, от этого не отвертеться никому, но это не важно, для нас уже все по-другому, мы уже не такие, как вы. Мы по Улью ходим, а вы крадетесь, мы тут живем, а вы существуете. Получается, мир у нас один, но мы видим разные его стороны. Такие, как вы, стали массовым явлением лишь благодаря прогрессу вооружений и массовому появлению внешников, а такие, как мы, были здесь с начала времен, выживали за счет голых рук и интеллекта, подмечали, обдумывали, запоминали, внимали подсказкам Улья, просчитывали каждый шаг, учитывали любую, самую малую вероятность, способствующую выживанию. Копили знания, знаниями спасались, знания на себя пускали и делали все возможное, чтобы все, кто приняли наш способ существования, продержались здесь как можно дольше. Можешь считать таких, как я и Гробовщик, отдельным биологическим видом, и у этого вида нет настолько крепких привязанностей, чтобы он начал мстить за гибель кого бы то ни было. То же самое можно сказать почти обо всей верхушке нашей организации. Мы живем рациональными поступками, а не эмоциями, поэтому и протянули так долго. Какой нам смысл тебе мстить? Ты сделал то, что сделал. По сути, ты был вынужден это сделать, объявлять тебя в розыск за логичный поступок, пытаться и убивать – это впустую транжирить силы.

– Вы всех, кто трогает ваших людей, игнорируете?

– Мы уважаем право на самозащиту, но не усердствуем с ней, потому как в противном случае нам придется уничтожать всех, кого повстречаем, ведь почти на всей территории Улья наша организация вне закона, то есть каждый имеет право нас убивать. Да, той ночью тебя могли достать, это была самозащита. А сейчас какой в этом смысл, ты ведь не пытаешься нам навредить. Значит, у тебя есть всего лишь один враг, способный оплатить такой заказ?

– Других не может быть, к тому же меня ловили люди Бирона, вы их тоже видели.

– Но Бирон пожадничал, награда не настолько серьезная, чтобы соблазнить Гробовщика. Его и куда большими суммами заинтересовать сложно, он человек своеобразный. Я не понимаю, почему он тебя преследует, это не в его стиле.

– За Диану Бирон предложил больше.

– Я в курсе. За живую Диану. Он рассчитывает ее продать, фиолетовые глаза везде ценятся, но тут не все так просто. Или я что-то не понимаю, или

Бирон крупно просчитался, так высоко ее оценив, потому что товар специфичный. Не представляю, кому такой нужен: девочка, скажем так, слишком зеленая, а вопреки широко распространенному мнению, увлечение такими в Улье – далеко не повальное явление даже среди старожил; судя по отзывам людей, которые ее видели, она не первая красавица и не факт, что, подрастая, сохранит хотя бы часть того, что у нее есть; и самое занятное – она нимфа, а нимф мужчины боятся немногим меньше лишения гениталий без наркоза, а может, и больше – все от личных фобий зависит.

– Этот Гробовщик вроде бы не валит баб и вообще с ними не связывается, – заявил Гномик, закончив возню с пленкой и осторожно натягивая на бедро штанину.

– Ну да, у него есть принципы, – согласился Пастор. – Тем не менее связался, причем за смешную для него плату. Что-то здесь явно не так.

– Мы его подловим, – уверенно заявил Череп. – Поймаем и раздавим. Как муху раздавим. Мокрое пятно из него сделаем. Нужна приманка. Он сейчас клюнул на Туриста, можно попробовать на другого выманить.

– Можно, – кивнул Пастор. – Но не будем. В этом нет смысла. Мы пришли сюда не на него охотиться, у нас другая задача. Выполним ее, ну а дальше... Ты уж извини, Карат, но дальше Гробовщик станет исключительно твоей проблемой.

– Я понимаю.

– Гномик, ты как?

– Идти смогу. А не смогу, так поползу.

– Череп, берешь его и поворачиваешь на север. Двигаетесь только пешком, петляете, сбиваете со следа, там удобных тропинок хватает, не заблудитесь. Потом возвращаетесь на восток, куда и к кому – по месту решите, мне об этом лучше не знать, проговориться не смогу. Я с Каратом иду дальше, к скребберу. Вопросы есть?

– А Турист? – спросил Череп. – Мы до шестой еще не дошли.

– Я с Каратом дойду до нее. Если он будет там, отправлю и его на восток.

Все присутствующие, включая Карата, не сомневались, что Туриста они больше никогда не увидят. Но, тем не менее, продолжали отзываться о нем, словно о живом человеке.

За все время, которое Карат провел с этими людьми, это, пожалуй, единственная ненормальность, которую он наблюдает с их стороны. Да и то сомнительная.

Не знай он, что они те еще сектанты, ни за что бы в такое не поверил.

Ну ни капли не похожи на религиозных фанатиков.

Глава 21

Странное дело, но то, что группа уменьшилась более чем вдвое, практически не сказалось на ее мобильности. Даже лишившись невидимости, Пастор с ходу задал высокий темп, причем он двигался почти так же прямолинейно, как раньше. Разве что обширные открытые пространства начал обходить, а не пересекать напрямую, что беззаботно проделывал прежде, под прикрытием Черепа.

Надо сказать, зараженные здесь почему-то не встречались вообще, но это не значит, что их нет. Следы то и дело попадались: свежие останки людей и животных; брошенные машины с сорванным дверцами или разбитыми стеклами – даже не понять, это выбирались из них те, которые внезапно забыли, как пользоваться замками, или кто-то врывался снаружи, соблазнившись водителем и пассажирами. Да и местность обжитая, сплошные возделанные поля, виднеющиеся там и сям в отдалении деревни, дороги, пусть и не выделяются шириной и качеством покрытия, но зато многочисленные. То есть люди здесь изначально были, а раз так, то и без тварей обойтись не могло.

Тем не менее Пастор зачастую выбирал не самые безопасные пути и практически не устраивал осмотры с укромных позиций, что даже на востоке считается великим безрассудством. Беспечным человеком он не выглядел, да и его намеки о долгом сроке пребывания в Улье Карат мимо ушей не пропустил. А ведь всем известно, что и у ротозея, и у рискованного человека шансы протянуть здесь приличный срок одинаково несерьезные.

Значит, у Пастора есть основания вести себя именно так. Даже без невидимости остались какие-то козыри, и Карат усиленно анализировал поведение спутника, пытаясь определить, какие именно.

Внезапно остановившись посреди очередной лесополосы, Пастор своим обычным равнодушно отстраненным голосом заявил:

– Ты тут посиди немного, не уходи.

Карат возражать не стал, просто уставился вслед уходящему дальше сектанту, стараясь понять, что тот задумал.

Пастор вернулся спустя пару минут, не задев ни веточки, прошел через густые заросли кустарников, присел рядом с Каратом, не глядя на него, произнес:

– Шестая точка за этой зеленкой, я ее хорошо разглядел. Туриста там нет.

- Ты всерьез думал, что он нас там дожидается?
- Нет, не всерьез. Но если не видел тело, всегда есть шанс, что человек еще жив. Я уже не раз сталкивался с теми, кого давно похоронили.
- Он там все своей кровью залил, после такого не выживают.
- Ты даже не представляешь, после чего могут выжить такие, как он. Турист, разумеется, слабее меня, но ненамного. Я не выгляжу мускулистым, но могу раздробить тебе ладонь, просто сжав ее в своей, и ничего ты против этого не сделаешь. Я легко могу увернуться от брошенного тобой ножа или даже поймать его за рукоять или лезвие – на выбор. У нас и сила повыше, и все остальное, включая регенерацию, в которой мы проявляем чудеса выживания. Я видел обугленные куски мяса, они умели лишь одно – дышать через раз, пуская пузыри из залитых кровью легких. А спустя три месяца смотрел на нормальных людей, без шрамов и других напоминаний о том, что им пришлось пережить. Знаешь, сколько внешники готовы заплатить за твое тело?
- Без понятия, да и цены у них, думаю, разные.
- К цене на свое тело добавь два нуля, именно столько они могут дать всего лишь за кусочек моей селезенки. Я – редкость, во всем Полисе не найти и двух подобных мне. В тебе щепотка от Улья, а в таких, как мы, он успел набросать несколько лопат того, чем нас изменяет. Понимаешь?
- Я понял, что шанс у Туриста есть.
- Да, есть. И этот Гробовщик не мог выйти на нас случайно, я не верю в подобные совпадения. Навели его люди из Полиса или те, кто их послал за тобой. Нас он не видел, иначе мы бы сейчас здесь не разговаривали. Но он нас чуял. И я его тоже чуял. Равная игра получилась. Вот только точно в то место он не просто так вышел, чутье у него не такое, как мое. Возможно, он активацию невидимости засекает. Есть такое умение, не очень редкое, обычно бесполезное. Но этот матерый, он похож на меня, долго здесь жил, развито оно у него, издали заметить может. Вероятно, ходил по району кругами, пока не определил направление. Возможен и другой вариант – в его группе был человек с таким умением. Хотя маловероятно, Гробовщик работает один.
- Почему маловероятно? Там, как минимум, двое было.
- Не все так просто. Странно получается, ведь одного там свои же убили, Гробовщик или кто-то другой. Нож явно не от нас прилетел.
- Мало ли какие у них разборки.
- Никто не станет разбираться во время перестрелки. Что-то непонятное там произошло. Да уж... нехорошо с Туристом получилось, я-то думал, что этих юношей почуял, а они, получается, случайно

подвернулись, с толку сбили, глаза отвели. Дар у одного из них нехороший, внимание к себе приковывал. Ему бесполезно, даже во вред, а нам мешает. Если я в этом прав, получается, Гробовщику сейчас выследить нас труднее, чем Гномика с Черепом. Но тут может и другой вариант быть. Допустим, есть у него умение засекают нужную ментат-метку. Встречается нечасто, но Гробовщику Улей много чего подарить успел несколько лет назад, он даже квазом бегал некоторое время. Возможно, такое случалось не один раз, только Улей может знать точно. Ты сам понимаешь, чего стоит вернуть нормальный вид после изменения. Допустим, такое умение у него есть, и мы не знаем радиус его действия. Обычно это сотни метров, или даже меньше, если развить прилично – выйдут первые километры. Охотно допущу, что этот Гробовщик – великий уникум и видит тебя за десять-пятнадцать километров. Если его не сильно покалечило, он может находиться в нескольких шагах от нас прямо сейчас. Если так, должен признать, что, скорее всего, он нас убьет. Я тоже не отношусь к простым людям, но с набором боевых умений мне не повезло, против таких, как Гробовщик, мало что могу выставить. Это уже не человек, это чистая сила, заточенная на убийство, я против него разве что побарахтаться немного смогу, а такие, как ты, даже не успевают ничего осознать. Только что все было хорошо, и вдруг лежишь и кровью захлебываешься. Ты все понимаешь?

– Зачем мне нужны такие подробности?

– Это для понимания того, что у нас нет другого выхода.

– О каком выходе идет речь?

– О непростом, а для тебя, наверное, – немыслимом. Показать тебе карту еще раз? Может, все же вспомнишь хоть что-нибудь, хорошо бы определить поточнее, куда именно нам надо направляться. Люди, которых мы за этой информацией в Полис послали, почти ничего не выяснили, а потом мне еще и вытаскивать их пришлось. Ну ты сам знаешь.

– Я уже показывал пару мест, похожих на то, которое тебе нужно. Но не уверен, твоей карте не хватает подробностей.

– Да откуда на ней подробности возьмутся? Это же Улей, а Улей не одобряет постоянство.

– И еще напомним, что при первой встрече с Гробовщиком я и Диана были меньше чем в километре от него и он нас не заметил. Даже больше скажу – некоторое время мы просидели в доме, от которого до его позиции метров сто оставалось, и тоже без последствий. И потом мы не так уж и быстро уходили, пешком, без транспорта. Я стараюсь Диану попусту не напрягать, девочка все-таки, то есть двигались неспешно. Захотел бы –

догнал. А он хотел догнать. Значит, не видел.

– У него в тот момент могло не быть твоей ментат-метки. Или он использует что-то иное, есть такие умения, которым нужна личная встреча или хотя бы взгляд издали.

– Если бы он меня увидел, добром бы такое не кончилось.

– Пробрался в Полис, разглядеть успел, а сработать уже не получилось. Допустим, это случилось в тот самый момент, когда, как ты помнишь, я забирал оттуда своих людей. Шум поднялся, местные безопасники набежали, серьезные среди них тоже попадают, да и несерьезные толпой любому могут жизнь осложнить. Гробовщик – фигурант абсолютно всех черных списков, его везде могут убить на месте, даже не предложив сдаться. Вот он и не рискнул действовать, а дальше ты уехал с торговцами, заставив и меня тебя разыскивать, и других людей, уже не таких хороших, как я.

Это Пастор хороший, что ли? Утверждение более чем спорное, но Карат на него не отреагировал, указал на более важный момент:

– Я не знаю, как получается у тебя так бодро ходить здесь без невидимости, но предупреждаю – дальше будет хуже. Туда мы ехали приличной колонной, дорога почти везде нормальная, но встречались места, где протискиваться приходилось, чернота с двух сторон поджимала. Тварей она тоже поджимает, мешает им ходить, куда вздумается, они ведь на нее соваться не любят, вот и накапливаются на сужениях. Были моменты, когда пулеметы перегревались, с боем проходили. Мне говорили, что это просто невезение, обычно там спокойнее, но это говорили люди, которые ехали на бронетехнике. А кроме тварей, есть колхозники, по сути – бандиты, потому как на весь белый свет озлоблены, не факт, что ты с ними договоришься. Как там пешком проходить, я не представляю.

– А мы там не пойдем.

– Другой дороги попросту нет. Или так, или по воде. Назад я по воде уходил, пару раз чернота с двух сторон подступала, думал уже, что разворачиваться придется, страшно вато на лодке в такое забираться. Да и на самых разных мертвяков насмотрелся, они по обеим берегам на меня облизывались. Гиблые места.

– О зараженных на моей дороге можно не думать. И о Гробовщике можно не думать, за нами он пойти не сможет, людей там неудобно выискивать. А вот то, что впереди ждать может, в самом конце, – обдумывать надо. Самый сложный участок.

– Если правильно тебя понял, я к этому и веду речь. Сложить два плюс два – нетрудно, они наверняка поймут, что я не просто так на запад

подался. Знают, что я новичок, знают, что был в этих краях всего лишь один раз. Если опять полез, значит, забыл там что-то. Рэм не сам по себе нас туда потащил, разведка Полиса скреббера заметила, навела. То есть место не он один знал, где-то эта информация осталась.

– Я в курсе. Мои люди как раз и поехали пообщаться с вашей разведкой, но не пообщались. Пропали те разведчики, и никто не знает, что с ними произошло. Такое, конечно, случается, стаб свободный, люди не на привязи сидят, но как-то это странновато, да и несвоевременно, опасаясь, что кто-то ими заинтересовался.

– Да кому они нужны? Скреббера больше нет, а кроме него, там ничего ценного не было.

– Скребберы, Карат, интересны даже мертвые, информация о них может дорого стоить, если знаешь, кому продать. Да и ты не просто так туда идешь, на что-то рассчитываешь. То есть какие-то ценности остались.

– Ну осталось там кое-какое барахло группы Рэма, и что с того? Оно только мне интересно, серьезные ребята такими мелочами руки не пачкают.

– Нет, к тебе, разумеется, никаких претензий и вопросов быть не может, информация о скребберах – это целиком наши дела. Возможно, копается в них кто-то заинтересованный, мешает, вот он и мог разведчиков убрать. Ладно, это все лишнее, я тебя понял, ты подозреваешь, что тот же Гробовщик или другие претенденты на твою голову могут дожидаться нас в том самом месте.

– Вот именно. Разворачиваться надо. Вечно они там сидеть не смогут, можно вернуться через месяц-два, и спокойно посмотришь на своего скреббера.

– Зачем ждать, если можно сделать это сейчас? Поднимайся, Карат, пора идти дальше.

– Ну наконец-то... – произнес тот с напускным облегчением, поднимаясь.

– Что значит «наконец-то»? – спросил Пастор.

– Впервые за все время ты начал вести себя ненормально. А то ничего понять не могу, вроде бы сектанты, но ведете себя как техническая интеллигенция. А вот сейчас нормальное поведение фанатика – ты прекрасно знаешь, что Гробовщик прикончит тебя одной левой, знаешь что, очень может быть, он будет караулить тебя там, куда мы идем, но все равно не останавливаешься. Так сказать, в жертву себя приносишь. Ну и меня заодно.

– Ты же уже слышал, что таких, как я, нормальными людьми называть нельзя. И опыта у меня больше, чем у тебя, и думаю я по-другому. Тебе

этому еще учиться и учиться, да и вряд ли ты доучишься – умрешь быстрее, Улей немногим этот путь открывает. Запад, Карат, это интересное место, на западе всякое случается. Как бы тем, кто нас сейчас ищет, не пришлось пожалеть, что они вообще сюда забрались. Суеты в них много и числом брать пытаются, а таких запад не бережет. Здесь надо аккуратнее – где-то тоньше действовать, где-то наглее, и ни в коем случае не перепутать. Территория даже не дикая, она античеловеческая. Они не хотят это знать, они слабы. Этих я не опасуюсь, я опасуюсь других. Тех, кто, возможно, добрались до разведчиков Полиса. Полис – интересное место. Тихое, в дразги не лезет, всегда в стороне от всего. Я даже подумать не мог, что эти провинциалы выследят скреббера и устроят на него охоту. О таком никто подумать не мог, даже агентуры серьезной там не было, не нужна она. Очень много звезд в небе сошлось, что и позволило вам поохотиться. Но охота закончена, теперь время дележа трофеев. Дичь, которую вы убили, может быть ценна сама по себе, жемчуг – лишь бонус. Рэм это знал, и знал, что именно мы должны были от него получить. Но Рэма не стало, мы не получили свое, и мы потеряли время. Дичь эта ценна лишь для знающих. Если туда понаедут знающие, я буду недоволен. Надо поспешить, чтобы их опередить.

– Если хочешь туда добраться побыстрее, надо поворачивать. Там река хорошая, найдем лодку, дорогу я не забыл.

– Мы не пойдем водой. Сейчас не пойдем.

– Дорогой решил поехать? На ней мы и останемся, я же говорю, там пара узких мест, где нас подкараулить могут. Слишком много черноты вокруг.

– Мы не пойдем по дороге. То есть пойдем, конечно, но не по той дороге, о которой ты говоришь.

– Других дорог по суше в ту сторону нет. Разве что в объезд как-то пробраться, но это совсем уж долго получается, не говоря уже о риске.

– Не будет никаких объездов, мы напрямую пойдем. Хорошо пойдем, там нас охотники за твоей головой не подкараулят.

– Секретный подземный ход, что ли?

– Скоро увидишь.

* * *

Килдинг впервые за все время направился напрямик через открытое пространство – по склону очень пологого, едва выделяющегося в рельефе

холма, засеянного овсом. Невысокий, уклон идти не мешает, но радости от этого мало, потому что Карат во всей красе представлял, как на него со всех сторон наводятся снайперы и пулеметчики или приценивающимся взглядом уставилась тварь тонны на две живого веса, собираясь отдать приказ свите из четырех десятков мертвяков помельче.

Пастор, шагая впереди шагах в двадцати, держался с прежней расслабленностью. Но, похоже, затылком видел, что его пленник обеспокоен и снизошел до сомнительного утешения:

– Не надо так напрягаться, зараженных здесь нет, они не любят показываться в таких местах.

– Я знаю, что их тянет к деревням и городам, но нарваться можно где угодно, хоть посреди дремучего леса или пустыни.

– Дело не в пище, они боятся.

Что?! Если здесь опасаются показываться твари, то из такого места следует уходить как можно быстрее.

Карат, в свете таких мыслей, решил кое-что уточнить:

– Мертвяки не такие уж и трусы, кого им здесь бояться?

– Скребберов.

– Шутишь, что ли?

– Отнюдь. У зараженных на уровне инстинктов записано, что именно в таких местах скребберы встречаются чаще всего.

– Это в каких таких местах?

– А вот таких.

Пастор, вырвавшись вперед, уже успел добраться до перегиба рельефа и указывал вниз – на другой склон, который прежде прятался от взоров.

Карат сделал еще десятка полтора шагов, прежде чем увидел, на что, собственно, указывает сектант.

Остановившись, с высоты приплюснутого холма во всей красе разглядел дорогу, по которой придется идти дальше. Не сводя ошеломленного взгляда с открывшейся картины, покачал головой:

– Да ты спятил...

Глава 22

С тех пор как судьба Карата решительно свернула на непредсказуемую стезю, практически сто процентов времени он проводил на стандартных и стабильных кластерах, как все прочие иммунные.

Но был в его биографии миг, из-за которого говорить о чистых ста процентах нельзя.

А сегодня этот миг повторился и грозил затянуться надолго.

Возможно, навсегда.

Трава, сминаемая подошвами, рассыпалась со звонким хрустом, будто это и не трава вовсе, а тончайшие изделия мастера-стекольщика. Звук пробудил детские воспоминания о временах, когда Карат доламывал пострадавшие украшения с новогодней елки (или даже успешно покушался на целые).

Стеклянный хруст шагов и тяжелое дыхание двух людей, забредших в места, в которые соваться не следует, – это единственные звуки, которыми сопровождалось продвижение Карата и Пастора с момента, когда они спустились к подножию того самого пригорка, с вершины которого удалось разглядеть специфические особенности начинавшегося ниже кластера. Здесь не пели птицы и не стрекотали кузнечики, лишь изредка налетающие порывы ветра шевелили стебли травы и ветви деревьев, из-за чего возникал едва слышимый то ли шелест, то ли перезвон.

А вот и очередной порыв, на редкость сильный, эдакий миниатюрный шквал, который выдыхается за несколько секунд, но способен успеть вырвать зонт из рук или засыпать глаза колючей пылью. Затрепетала крона дерева, одна из веток отломилась, полетела вниз, стуча при этом по другим ветвям и при ударах рассыпаясь со стеклянным хрустом.

До земли долетела лишь поблескивающая антрацитовая труха.

Такие места в этом мире называют черными или мертвыми. Карату больше нравится второе определение, потому что здесь и правда нет ничего живого. Те же деревья и кусты, та же трава, обычные домишки виднеющейся далеко левее деревушки, и комбайн, застывший на краю поля, с виду ничем не отличается от виденных ранее.

Кроме одного большого НО – на мертвом кластере абсолютно все состоит из поблескивающего антрацита, и только.

Нет, каменный уголь тут ни при чем, просто очень на него похоже, аналогию получше Карат подобрать не сумел. Он понятия не имеет, какой

химический состав у этой субстанции, которая неизбежно заполняет собою все, что попадает на такой кластер. Процесс далеко не мгновенный, допустим, человек способен протянуть здесь несколько часов, после чего умирает, и лишь потом чернота начинает пожирать его тело.

Но сам процесс пожирания начинается с первых шагов по мертвой земле, просто поначалу он не столь заметен и разрушителен, исподволь работает, подтачивает неспешно, но верно. Новичкам, не приспособленным к Улью, лучше вообще в такие места не соваться. Карат это знает по себе, сталкивался однажды, не забыл, каково ему тогда пришлось. Нет, не сказать что загибался от боли, но до того тошнотворно, что словами не передать – небо от земли отличить не мог, смешной ширины черную полосу преодолевал, извиваясь, как червяк, перекатываясь с боку на бок, чудом не потеряв направление.

Но, по меркам Стикса, это было давно. Время прошло, Карат изменился. Не так, конечно, как люди, вроде Пастора, но чернота его с ног сбить не может.

Точнее, может, но не с первых шагов. Свое она обязательно возьмет, но позже.

Не сказать, что сейчас обошлось без негативных ощущений. Да, подташнивало, да, головокружение то и дело накатывало, губы болезненно ссыхались, глаза резало – в общем, нехороших симптомов хватало. Но это можно терпеть, и, главное, нет нужды ползать, Карат держится на ногах, ходит уверенно, не падая и не спотыкаясь.

Пастор сразу предупредил, что идти придется далеко.

Ему хорошо, он старожил Улья, таким везде проще, даже на мертвом кластере. Карат в сравнении с ним – тот еще слабак, как бы не окочуриться на опасно затянувшемся пути. Шутки в сторону, тут даже электроника не выдерживает, выходит из строя, и вообще с электрическими процессами беда.

Ну какие могут быть транзисторы и микросхемы в древнем мопеде с простейшим движком? Ну да, свеча дает искру, провода и все такое, но техника дубовая, все на свете выдерживать обязана.

И тем не менее любой двигатель здесь глохнет сразу, а затем не всегда заводится после самого кратковременного пребывания на черноте. Мертвый кластер достает даже до самолетов, причем чем выше они пролетают, тем сильнее страдает как электрика, так и люди – сердце может вмиг остановиться даже у иммунного, которого трудно назвать новичком.

Еще одна подлая особенность черноты – ее невидимые границы уходят вверх под непостоянными углами. У таких кластеров тоже есть что-то

вроде перезагрузки – явление непредсказуемое, многое меняющее, так что маршрут, по которому самолеты летали вчера и сегодня, завтра может преподнести неприятнейший сюрприз.

То, что здесь электроника не выдерживает, наводит на самые мрачные мысли, даже без учета окружения (надо признать, мрачнейшего). А когда зелень овсяного поля, оставленного позади, окончательно скрылась за черными деревьями, стало так тоскливо и страшно, что хоть бери да вешайся. Нервишки у Карата обычно не шалют, но тут будто взбесились, так и подмывало помчаться назад без оглядки. Очевидно, кластер на мозг воздействует или напрямую на психику – поди пойми. Но то, что настроение явно ненормальное, крайне нетипичное – очевидно.

Тошно и телу, и душе, шагают без разговоров, каждая минута кажется часом, а это еще больше заводит механизм то и дело накатывающих приступов паники, ведь всякий знает – на мертвом кластере долго не проживешь, он убивает медленно, но верно.

Но они не поворачивают назад, забираются все дальше и дальше в царство стеклянной травы, конца-края которому не видно.

* * *

Карат в первый миг даже глазам не поверил. Они успели настолько привыкнуть к сплошной черноте, что зеленое пятно, выхваченное взглядом среди мертвых ветвей, показалось неестественным, откровенно чуждым и даже пугающим.

Будто окровавленного призрака в разгар выступления клоунов увидел.

Но нет, вот еще пятнышко, а дальше еще и еще. И вот наконец черные деревья очередной превращенной в уголь лесополосы остались за спиной, а впереди во всей неброской красе предстал обычный пейзаж слегка всхолмленной лесостепи: пологие склоны, рассекающие их овраги, богатая зелень в низинах и скромная на возвышенностях.

Откуда только силы взялись – Карат припустил так, что успел догнать далеко вырвавшегося вперед Пастора до того момента, как тот переступил через черту, разделяющую черное и зеленое.

Когда наконец при очередном шаге обошлось без треска сокрушаемого тончайшего стекла, Карат едва удержался от того, чтобы не рухнуть на землю и валяться в счастливом изнеможении.

Жив. Добрался. Теперь ему на все плевать, даже на то, что за ним прямо сейчас из вон тех кустов могут тарашиться зараженные.

Но Карат сдержался, ни на миг не сбился с привычного ритма, так и продолжал идти за Пастором. Тот даже не замедлился, шел, как прежде, будто машина заведенная, а не человек. Да что он вообще творит?! Собрался шагать до утра?! Ведь солнце уже заходит за горизонт, завершая наконец этот бесконечно растянувшийся день. Может, сектант и правда сверхчеловек, как намекал, вот только о Карате такое не скажешь, после столь длительного марша по черноте ему, как никогда, требуется отдых.

Да и перед чернотой он неплохо ногами поработал. В сущности, как начал этим заниматься еще до рассвета, так и продолжает. Денек выдался щедрый на события и серьезные физические нагрузки.

Пастор, прекрасно понимая, о чем сейчас думает его пленник, смилостивившись, пояснил:

– Нам надо перейти возвышенность впереди, после нее станет легче. Спустимся к ручью в балке, родники по нему выходят, хорошая вода. Лучшее место для ночевки на этом кластере.

Ночевать без крыши над головой? Конечно, ничего плохого в этом нет, но все же спящий человек уязвим, поэтому по возможности надо стараться отдыхать в домах, сараях, гаражах, то есть там, где можно хоть как-то перекрыть доступ к своей беззащитной тушке, успеть проснуться при подозрительном шуме и встретить врывающуюся тварь во всеоружии.

Пастор и на эти невысказанные мысли ответил:

– Это мелкий стаб, что-то вроде увеличенного тройника. На нем нет никого опаснее сусликов, даже кролики не водятся. Когда-то водились, их было много, но потом случилась эпидемия, передохли все до единого, а новым взяться неоткуда.

– Зайцы, – устало произнес Карат.

– Ты о чем?

– Может, я и не прав, но у нас не говорят – кролики. Все, кто с ушами и не в клетке, – это зайцы.

– Не важно, здесь ни кроликов, ни зайцев нет. Чтобы сюда добраться, нужно через черноту пройти, а она тут со всех сторон и тянется далеко. Мы с тобой проскользнули в самом узком месте, чуть в сторону, и на час дольше идти придется, не каждый добраться сумеет. В сплошную черноту ни зараженные не забираются, ни звери, только человек. Но человек далеко не уйдет, на ваших картах она здесь сплошная, никому не придет в голову в нее лезть.

– Раз ты знаешь про этот стаб, кто-то все-таки когда-то залез.

– Я не такой, как все, я знаю много закрытых для тебя вещей, это моя работа – узнавать тайное. Доводилось по черноте ходить?

- Один раз, в самом начале.
- И как тебе первые ощущения?
- Тяжеловато пришлось.
- Это да, новичков на ней наизнанку выворачивает. Зато опытным легче, как видишь. И удобнее.
- И в чем удобство?
- Ты же сам мне говорил, что дорога к нужному месту только одна, и чернота ее поджигает в опасных местах, там нас засада может поджидать.
- Да, так и есть, поджигает. Я с Рэмом как раз и нарвался на засаду возле такого места.
- А мы никуда не поджигаемся, мы напрямую движемся. Это и есть удобство.
- Пастор, далеко мы так не уйдем, чернота не сплошная, дальше она закончится.
- Закончится, но не надолго, через несколько километров опять возникнет. И если знаешь, как нужно ходить, никогда не попадешь в ситуацию, когда впереди просветов в черноте нет, а назад уже не вернуться, потому что твое время выходит. Знаешь, что с такими несчастными случается? Они обычно почему-то присаживаются там, где теряют последние силы, и замирают в таком положении. Получаются сидячие статуи из черного опала. Чернеют они быстро.
- На опал не похоже, я это антрацитом называю – черное и блестит. Ваша секта по таким местам прячется, раз ее до сих пор не прищучили?
- Провокационный вопрос, ты прекрасно понимаешь, что ответить я не смогу. Давай лучше о черноте поговорим.
- А что о ней говорить?
- Ну как это, что? Вот, к примеру, знаешь ли ты, что своим существованием Полис так же, как почти все прочие поселения этого региона, обязан именно черноте?
- Не знал, да и не думаю, что все с тобой согласятся.
- Умные согласятся, а мнение интеллектуального большинства не имеет значения. Не буду вдаваться в подробности, но раньше все было не так, раньше орды одна за другой беспрепятственно кочевали и на восток, и на юг, и на север – куда угодно, здесь располагался их... как это сказать... их проходной двор. Все начало меняться около века назад, точную цифру никто не назовет. Исподволь, постепенно, поначалу незаметно. Чернота расплзлась именно там, где она удачно вписывалась в уже существующие ландшафтные преграды, главным образом водные. Со временем привычные лазейки захлопнулись, зараженные начали выискивать новые, но они тоже

постепенно заполнялись чернотой. В итоге мы пришли к ситуации, когда орды, формирующиеся в удаленных западных районах, уходят или на юг, или на север, только там они могут с комфортом добираться хоть до самой Внешки, во всех прочих местах или путаются в лабиринтах черноты и воды, растрачивая силы в долгих блужданиях, или вообще не находят выхода. Широкомасштабные нашествия стали редкостью. Таким образом образовался пригодный для жизни регион со множеством удобных для создания поселений стабов, удаленный от Внешки и, к сожалению, почти отрезанный от юга, и от севера – и туда, и туда отсюда непросто добираться. Очень география мешает, к тому же и зараженные, и внешники свою лепту вносят, без них в Улье было бы скучно жить. Но в большинстве районов обстановка спокойная. Конечно, я говорю о спокойствии по меркам Улья. Ты Полис видел, сам должен такие вещи понимать.

– Мне местное спокойствие не очень понравилось.

– Ты пока новичок, тебе не с чем сравнивать. Но в принципе я с тобой согласен – Полис не лучший стаб, но учти, что такое же можно сказать обо всех прочих. Тебе лучше вообще забыть, что было до Улья, не надо сравнивать, такой жизни у тебя уже не будет никогда. Угодить тому, кто все время оглядывается на прошлое, здесь невозможно. Ну теперь ты понял, в чем роль черноты?

– Не думаю, что она создана исключительно ради нашей безопасности.

– В этом ты, конечно, прав, но почему нам нельзя пользоваться ее побочными эффектами? Все, что помогает жить, ценно. Я бывал на востоке. На том самом востоке, за которым нет ничего, кроме черноты. Слышал о таком месте, о границе мира?

– Удавка? Линия, за которой ничего нет?

– Так считают только те, кто мало знает. Нет никакой линии. Однажды я забрался на высокую вышку и с ее вершины долго смотрел на восток. День был ясный, а бинокль хороший, я смог заглянуть далеко. Я видел островки зелени и пятна воды, окруженные этим, как ты говоришь, антрацитом; видел, что чем дальше на восток, тем меньше их становится; а затем, за какой-то очень и очень нечеткой чертой, будто отрезало – за ней лишь сплошная чернота тянулась, ничего, кроме нее, разглядеть не получалось. И эти пятна, они иногда отстоят так далеко от соседних, что выбраться оттуда даже мне не под силам, а уж тебе тем более. Они часть Улья, но, получается, живут сами по себе, ни с чем не связаны. Далеко не всегда это стабы, хватает и стандартов, с которыми могут прилетать деревни и города. Представь, каково это, проснуться поутру и обнаружить, что твой город окружен мертвой зоной, по которой и трех шагов не

пройдешь, потому что ты новичок, ни на что не способный, упадешь, и метра не преодолев, и, если не выберешься назад, умрешь и почернееешь. В такой ситуации имеется, конечно, значительный плюс – твари из окрестностей не набегают, но совсем без них не обойтись, ты же понимаешь. Соседи, родные и друзья превращаются в зомби из телевизора и начинают поедать тех, кто превращается слишком медленно или вообще не собирается превращаться. Проходит время, на кластере остаются только зараженные и новички, которым повезло пережить первые дни и как-то приспособиться. И те, и другие существуют на все том же пяточке, выбраться с которого невозможно. Кто-то, переборов себя, все же уходит куда-нибудь, чтобы спустя минуты или часы присесть и, застыв в такой позе, начать чернеть, другие остаются до самого конца. То есть до перезагрузки. Уходят под откат, погибают в один миг или превращаются в идиотов, на их место прилетает новая порция мяса, которое быстро осознает, что оно заперто со всех сторон, и цикл полной переработки повторяется. Раз за разом одно и то же, никто не выживает, надежды нет вообще. Так что тебе сильно повезло, что ты не оказался в таком вот необычном кластере.

– Тебе тоже.

– Нет, обо мне говорить не надо, со мной другая история, и она не похожа на твою.

– Как в таком кластере могут остаться иммунные? Нестыковка получается.

– О чем ты? Иммунные всегда остаются, первые проценты или доли процента – почти всегда по-разному, но полного заражения не бывает.

– Я не об этом. Сколько иммунный продержится без живчика? А какой период перезагрузки? Это ведь может растянуться на месяцы, а столько не протянуть. Их ведь начнет корежить, а они знать не знают, в чем проблема, и объяснить некому.

– А, вот ты о чем. С этими, с запертыми людьми, обычно все просто. Есть такая особенность у новичков – если они не выходят из родного кластера ни на шаг, не сильно напрягаются, не голодают и не получают серьезные травмы, потребность в споровом растворе у них остается на минимальном уровне. Максимум, что им грозит: головные боли, легкие недомогания, сонливость. Протянуть месяц или два до перезагрузки могут с легкостью, в некоторых случаях даже больше. Правило это работает не везде, и надо не забывать, что даже один шаг за пределы родного кластера превращает тебя в обычного иммунного со стандартной споровой зависимостью. Хотя твой вопрос, конечно, интересен. Карат, ты никогда не

задумывался: как мы вообще догадались, чем надо спасаться?

– Не приходило в голову, она у меня вечно другим занята.

– Ответ прост, он на поверхности лежит, не заметить его тяжело, я думал, что это каждому известно. Все дело в том, что это в нас заложено на уровне инстинкта. Даже если совсем несведущему новичку попадет в руки споран, он его, не задумываясь, забросит в рот, не протерев и без малейших колебаний. Разумеется, это в том случае, если он уже страдает от споровой лихорадки.

– И что с этого? Споран надо растворить в спиртовом растворе и процедить, а не глотать.

– Я не говорил, что попавшие в трудную ситуацию новички его глотают. Они его обсасывают, как леденец. Слюна, конечно, не спирт, но она богата ферментами и медленно растворяет споран. И вот еще что интересно – растворяется именно то, что нам требуется, а та «щетина», которая при попадании в желудок может тебя отравить, остается. При таком способе употребления ее, конечно, не процедишь, но это необязательно, можно просто выплюнуть – результат будет таким же. Она не хаотично распределена по виноградине, у споранов радиально-лучевая структура, ядовитые иголки, или, правильнее, волокна, тянутся из общего центра к краям во все стороны, прикреплены они достаточно надежно. Получается, если не грызть зубами, обсасывать осторожно, ничего плохого не случится, главное – ни в коем случае не проглатывать остаток, это даже для старожил неприятно, а новичка может убить.

– И откуда у новичков берется такой инстинкт?

– А вот это, Карат, королевский вопрос, как, впрочем, и многие похожие на него. Подумай над ним. И над другими тоже подумай. Улей любит тех, кто думает не только о нашей вечной проблеме.

– Вечная проблема – это как бы прожить еще один день?

– Ну а какая же еще?

* * *

С местом для ночлега Пастор не подкачал – Карату оно понравилось. Балка с пологими склонами, которые утопают в зелени кустов и невысоких деревьев – есть, где уединиться, не попадаясь никому на глаза. Хотя прятаться здесь не от кого, но эта потребность уже успела въестся в мозг, располагаться на открытом месте не хочется даже ненадолго. Вода в роднике тоже пришлась по вкусу – холодная, чистейшая, такую хочется

пить, не останавливаясь. То, что источник облагородили при помощи кусков гранита, а рядом из таких же камней соорудили очаг, лишний раз доказывает, что этот весьма и весьма уединенный стаб иногда все же посещается.

Теми, кто знает о его существовании.

Пастор задумал почти немислимое – начал ломать сухие ветви и предложил Карату заняться тем же самым. Решил костер развести, благо имеется готовый очаг, где можно с незатейливыми удобствами согреть уважаемую всеми иммунными тушенку.

Вот ведь эстет, ее и холодной употреблять можно или на таблетке сухого горючего подержать, а костер – это тебе не сигарета, едва тлеющая, это источник серьезного пламени, которое зараженные способны разглядеть за много километров. Запашок, само собой, тоже унюхать не проблема, ну и плюс ко всему прочему – столб демаскирующего дыма.

Тут, конечно, низина, может, и некого бояться, но как-то не по себе. Хотя, если вспомнить недавнее прошлое, Карат и сам однажды решился на такое. Но в тот раз он расположился на острове, окруженном широкой водной гладью, столь нелюбимой зараженными, удаленные берега утопали в тростнике на всем протяжении, заметить через его поросли костер – все равно что через бетонную стену пытаться рассмотреть включенный телевизор. К тому же тот костер и костром назвать язык не повернется – так себе костерок. Вдобавок чуткий сон Карата сторожил Гранд, а кот в вопросах безопасности подводил редко, зараженных он обычно засекал до того, как те замечали его хозяина.

Эх, серый-серый, что же с тобой сейчас? Где ты? Твое племя неистово ненавидит воду, и тут вдруг такая незадача... А Диана? А Шуст? С ними ты не пропадешь, но весь вопрос в том, живы ли они или сгинули той непростой ночью?

Пастор, поставив открытую жестянку на прилично отстоящий от огня камень, пояснил:

– Попробуй, как я, чтобы не сильно пропекало. Грется медленно, но зато вкуснее получается.

Карат, вертя в руках плоскую банку, ответил не в тему:

– Разговор есть. Серьезный.

– Вы, новенькие, любите поговорить.

– Да и ты не отмалчиваешься.

– Согласен, есть за мной такая слабость. Так о чем ты поговорить хотел?

– О том, что пора изменить форму нашего сотрудничества.

Пастор, покосившись исподлобья сузившимися глазами, подтянул к себе пулемет, при этом спросив односложно:

– И?

Карат, ничего не говоря, поставил так и не распечатанную банку на землю, поднял руку, пошарил по шее, клацнул застежкой, подчеркнуто-хладнокровно, даже не моргнув от тщательно скрываемого нервного напряжения, снял ошейник и спокойно заметил:

– Наверное, ты забыл, но электроника на черноте не живет, особенно включенная. Секунды-другой обычно хватает для тонкой, минуты для той, которая попроще, все, что кроме проводов и подобного примитива, в итоге в бесполезный хлам превращается. Я не радиоинженер, но понять, что подобное устройство простым не назовешь, могу. И у меня сейчас устали только ноги, сам я слегка отошел, запас сил кое-какой появился. Может, ты и долго здесь прожил, но сам говорил, что тебе не повезло на боевые умения, а мне, чтобы добраться до тебя, много не понадобится. Оружие тебе не поможет, ты даже не представляешь, что происходит, если я, ускорившись, просто толкаю кулаком в челюсть. Неприятное зрелище, на него даже смотреть не хочется, не говоря уже о том, чтобы самому в этом поучаствовать.

– И что при этом происходит с твоей рукой? – без напряжения, почти равнодушно спросил Пастор.

– Неприятно, конечно, но на куски не разлетается. Сектанты одной миролюбивой секты, не чета вашей, объяснили мне этот момент тем, что Улей не просто дарит, он еще и приглядывает, чтобы ты сам себя его подарком не убил.

– Да, тут они правы, Улей предусмотрителен. Почему же сидишь? Мог бы давно меня ударить, что тебе мешает?

– Говорю же – разговор есть, а тебе после такого удара будет не до разговоров. Ошейник какой-то странный.

– Еще бы ему не быть странным, я ведь его из секс-шопа прихватил. Игрушка для интимных игр, таким старикам, как я, иногда хочется чего-то необычного. Улей ведь дает нам многое, в том числе гормоны подростков, но вот новизну ощущений приходится обеспечивать самостоятельно.

– Надеюсь, ты не с этими мыслями надевал его на меня? – спросил Карат, постаравшись не выдать чувства, которые охватили его при известии, что все это время его пугала до дрожи безобидная игрушка для забав взрослых дядь и тетей.

– Нет, конечно, в этом плане ты мне неинтересен. Способ, на первый взгляд, глупый, но многих так удерживать удавалось. До тебя безотказно

срабатывало, все верили, что он голову оторвет в случае ошибочного поведения.

– Я тоже верил.

– Карат, я не такой уж и жестокий человек, и я над тобой не издевался, это всего лишь легкая мера предосторожности.

– Которая теперь больше не работает. Да и никогда не работала, уж ты-то знал, что это просто безделушка. Пастор, тебе от меня кое-что надо. И мне от тебя тоже кое-что надо. Скажу больше – у тебя хорошая карта, и я разобрался, где именно лежит то, на что ты хочешь посмотреть. Но просто так я тебе его не покажу, тебе придется заплатить.

– И какова твоя цена?

– Мне нужна информация.

Пастор подтащил пулемет еще ближе и, делая вид, что не замечает, как при этом напрягся Карат, безмятежно произнес:

– Задавай свои вопросы, а я займусь чисткой пулемета. Это занятие разговаривать не мешает, совмещу два полезных дела.

Глава 23

С пулеметчиками, которым доводилось стрелять не только по мишеням, Карат в прошлой жизни сталкивался неоднократно. В двух случаях познакомился с ними достаточно близко, чтобы запросто общаться на самые разные темы, и оба раза оказывалось, что этих ребят проблематично причислить к нормальным.

Один обожал фотографироваться на фоне разрушенных артиллерией домов, сожженной техники и убитых солдат противника, да и с погибшими однополчанами не брезговал пару кадров сделать, все прочие пейзажи его совершенно не возбуждали. Со своей девушкой он переписывался часто, и переписка выглядела иллюстрацией к печальному диагнозу, потому что к каждому посланию он прикреплял однотипные фото, где на разные лады попирает ногами дурно выглядящие трупы или стоит под деревом, на ветках которого взрыв развесил чьи-то кишки. В общем, сюжетов можно припомнить массу, но все они, по сути, одинаковы.

С другим невозможно было полноценно поговорить, кроме «да» и «нет», он практически ничего не произносил, исключение сделал лишь однажды, закатив длительный переполненный горем монолог на тему того, что сильно обжег руку, меняя ствол, а она у него основная, левой дотянуться до середины спины не в состоянии и поэтому, почесываясь, испытывает болезненные ощущения.

По результатам этих наблюдений Карат начал подумывать, что всему виной специфичность оружия. И тяжелое, и применять его не абы как надо, это тебе не автомат, с которым везде без напряжения проскочишь, и о выборе позиции можно задумываться не так основательно. К тому же не просто жми на спуск, а еще и не забывай, смотри, чтобы в лентоприемник что-нибудь постороннее не затащило, за стволами следи, пока до белого каления дело не дошло, помни, что быстрая перезарядка – не твой конек, с теми же автоматчиками, которым всего-то и надо – отстегнуть пустой магазин и вставить полный, ты никогда не сравняешься.

Ну и самое нерадостное: пулемет – это сильнейший раздражающий стимул для противника. Вражеские пулеметчики, снайперы, минометчики – в общем, абсолютно все реагируют на звук работы этого оружия одинаково.

Они делают все возможное ради того, чтобы пулемет как можно быстрее умолк.

Пастор серьезно поколебал уже было сформировавшееся

предубеждение в отношении любителей этого вида оружия – нормальнее человека вообразить трудно.

Одно смущает – этот невозмутимый субъект состоит в секте, запрещенной на всей цивилизованной территории Стикса, она в том числе славится тем, что практикует такую дикость, как человеческие жертвоприношения, и потому по степени опасности стоит лишь на ступеньку ниже каннибальских культов, причем не всех.

Карат, уютно устроившись возле очага, сжато рассказывал многое из того, что с ним происходило после самого злополучного жизненного эпизода, когда его «уазик» основательно засел в коварной грязище Хаткинского поворота. В те времена у него было настоящее имя, данное родителями, а не прозвище от случайно подвернувшегося рейдера, склонного к злоупотреблению крепким алкоголем и дебошам.

Рассказал, как крестный покинул его в опасный момент, как самым обычным ломом ухитрился убить кошмарного рубера, по большей части случайно угодив в стык прикрывавших верхнюю часть головы пластин, перед этим хитро подставив тварь под сильнейший удар.

И про жемчужину, которую добыл самостоятельно, тоже рассказал, и обо всем остальном, связанном с подарками Улья.

Зачем он выдает все эти подробности, Карат сам не понимал, но ему казалось, что он поступает правильно. Хорошо бы добиться встречной откровенности, так почему бы не выдать то, что ничего не стоит? Так сказать – сделать первый шаг ко взаимному обмену ценной информацией.

Все, что требовалось сообщить, по сути, уместилось в последних трех предложениях:

– То, что мне сейчас нужно, знают легендарные знахари, возможно, институтские сотрудники, ну и килдинги. Ты килдинг, и, думаю, ты что-то знаешь. Рассказывай.

Пастор, зачем-то дунув в ствол, не отвлекаясь от чистки оружия, сообщил:

– Я не специалист по умениям Улья.

– В таком случае я не специалист по скребберам и совсем забыл, где именно видел такую тварь в последний раз.

– Карат, я не умею отвечать коротко.

– А ты попробуй, жизнь не вечная, не надо ее на лишние слова переводить.

– Коротко – не всегда хорошо. Какие же вы, молодые, нетерпеливые... Ладно, скажу так – я, конечно, благодаря Ульяю знаю больше других, но, если ты хочешь получить все или слишком много, тебе надо общаться не со

мной. Есть у нас люди, которые как раз занимаются темами, близкими к твоей, а меня расспрашивать, это все равно что блондинку с подиума поставить в мастерскую перебирать дизельные двигатели.

– И где они, эти знающие люди? Я их здесь не вижу. Зато вижу тебя. Так что не тяни, давай мне то, что у тебя есть.

– Этого достаточно, чтобы ты показал скреббера?

– Сперва посмотрим, что ты скажешь. Говори уже.

– Так не пойдет. Ты много чего рассказал о себе, но я так и не понял, что именно тебя интересует.

– Ну так рассказывай все, что близко к теме лежит, а я разберусь.

– Так тоже не пойдет. Вот посмотри, допустим, мне интересно, как проходили твои школьные занятия по биологии. Но вместо этого прошу тебя рассказать о школе. Как думаешь, я получу то, что мне необходимо? Так что давай обойдемся без этого. Я понимаю, ты любознательный, как все новички, но лучше задавать конкретные вопросы. Ты спрашиваешь, я, по возможности, отвечаю.

– Ты когда-нибудь сталкивался с хигтерами?

– Нет, они редко встречаются.

– Это мне и без тебя известно. Я принимал горох, но не могу сказать, что получил хотя бы каплю лишней силы. Зря добро переводил?

– Трудно сказать. Как много горошин ты принял?

– Скажем так, меньше полусотни.

– Даже половина от пятидесяти – уже прилично, обычно новички разницу замечают, в самом начале их дар слишком ничтожен, малейшая прибавка кажется большой.

– Мой случай необычный. Я съел белую жемчужину, но второе умение не появилось. Это как понимать? Мой дар завис? Белую жемчужину я тоже зря перевел?

– Белую? – Впервые за время разговора Пастор выказал намек на заинтересованность и даже покосился на Карата глазами, невероятную отрешенность которых не скрывали сгустившиеся сумерки и изменчивый свет от слабенького костра.

– Да, белую.

– Из того самого?..

– А ты разве не знал?

– Такие подробности – нет. Людей, которых я вытаскивал из подвала в Полисе, послали в том числе и за подробностями. Но ты сам видел, что из этого получилось. Мы выяснили не все, но поняли, что ты – ключевая фигура. Пришлось срочно искать тебя, привлекать тех, кто под рукой

оказался. Спонтанные действия, информации слишком мало, даже та, которую мы получили, не была обработана и осмыслена. Так что про белый жемчуг я впервые слышу. Ты, кстати, только что... как это сказать... Ты соловьем разливался про себя, но про жемчуг ни слова не проронил. Как тебе удалось забрать такую жемчужину и остаться жить в Полисе? После такого черный список любому гарантирован и почти наверняка отряд серьезных наемников по следам. Эта штука настолько дорогая, что ее в этом регионе не купишь ни за какие деньги. На юге, за Доном, есть кое-какие люди, изредка торгуют. Они берут исключительно бронетехникой, причем самой лучшей, удачный караван к ним оправдывает любые затраты и потери. Ты, Карат, купить такое не сможешь.

– Жемчужину мне дал Карбид. Это награда. Вот только ее должны были отдать Бирону. Карбид его наказал, унизил.

– Ах вот оно что! То-то он так взбеленился, что черно-зеленый отряд за тобой отправил.

– Да, это была его жемчужина. Белая жемчужина. В итоге у меня нет нового умения, и я не вижу, чтобы старое заметно улучшилось, как это должно оказаться в моем случае, ведь белый жемчуг – лучший стимулятор. Зато я вижу врага, который за мою голову горох горстями разбрасывает. Знахари ничего конкретного подсказать не смогли, у них есть предположение, что я завис, что развить умение не получится. Это так?

– Знахари, как я понимаю, были далеко не легендарными?

– Да, ты все понимаешь правильно. Это меня просто найти, а эти, легендарные, неуловимые, да и пропадают в итоге навсегда.

– Ты прав, замечено за ними такое. Карат, ты тут много чего о себе рассказал, в том числе лишнего. Можно и я расскажу? Кое-что из другой, из первой жизни?

– Валяй.

– Перед тем как сюда попасть, я одно время жил скучно и одиноко в старом доме с вечно хандрящей канализацией и опустившимися на почве алкоголизма соседями. Как-то раз случайно получилось так, что мне достался кот. Не такой красавец и умница, как твой, – обычный, ничем не примечательный кот. Но это был мой кот, я о нем заботился, я его кормил. Он, само собой, был неблагодарной скотиной, меня ни во что не ставил, но минимум уважения все же проявлял, потому что я был полезным существом, снабжавшим его печенькой. Так уж сложилось, что кот ее ценил больше всего на свете. Предпочитал говяжью и сырую, но не брезговал свиной, жареной, вареной, куриной и даже рыбьей. Лишь бы это была именно печенька, а не, допустим, почки или желудок. Ты понимаешь?

– Да что тут непонятного.

– Однажды я вытащил из морозильной камеры пакет с говяжьей печенью, развернул его и оставил размораживаться на столе. Спустя какое-то время расслышал подозрительные звуки, доносившиеся из кухни, и направился проверить, что там происходит. И что же я увидел с порога? Мой пушистый бандит забрался на стол и возбужденно осматривался, видимо, выбирая, с какой стороны начать употреблять любимое блюдо. Я, ни слова ему не говоря, подошел, ухватил за шкурку, вздернул, уже собрался было начать читать нотации, но тут одним глазом увидел, что мордочка его очень уж изумленная, складывалось впечатление, что кот крайне ошарашен моим поведением, то есть не чувствует за собой никакой вины. Но самое главное я увидел другим глазом – краем зрения. Из-за хлебницы, стоявшей на том же столе, выскочила крыса. Дом был старым, район не из фешенебельных, случалось, забредали грызуны, так что мой кот не был бездельником, он делал полезное дело, отрабатывал свой корм. Кот знал, что стол – запретная зона. Но он услышал шорох, а вторжение в дом отменяло все запреты. Получается, я ему помешал. Крыса, разумеется, улизнула под раковину в дыру к водопроводным трубам, а кот, поняв наконец, как сильно я ошибся, посмотрел на меня с молчаливой укоризной. Возникла неловкая ситуация, надо было как-то поправить свою оплошность. И я решил сделать это простейшим способом – опустил кота на пол и положил перед ним тот самый злосчастный кусок печенки. Все равно есть его после крысы я бы не стал, так не пропадать же добру. И свою вину заодно загладил. За такое подношение он обязан был меня простить – больше килограмма отборной говяжьей печени, всего лишь один раз замороженной, бережно хранившейся. Кот посмотрел на печенку, потом на меня, потом снова на печенку. Он не верил в происходящее, он увиденное за сон принимал. Уверен, что, будь у кота руки, он бы начал себя щипать обеими в попытке понять – насколько реально то, что он сейчас наблюдает. Кот понюхал печенку с одной стороны, обошел ее и сделал то же самое с другой. И знаешь, что он потом сделал?

– Догадываюсь.

– Не думаю, что твои догадки близки к истине. Кот сел перед печенкой и начал на нее смотреть. Я смотрел на кота, кот смотрел на печенку. Секунды перешли в минуты, а он все сидел и смотрел. Кот пытался обрести веру, вписать новое в свое сформировавшееся мировоззрение, но у него ничего не получалось. В отчаянии он посмотрел на меня и, видимо, прочитав в моих глазах что-то важное, понятное лишь котам, наконец осознал – в его пресную жизнь пожаловала настоящая сказка. Ну а дальше,

думаю, все понятно. Добавлю лишь, что кот тогда объелся до тошноты, но даже это не убрало с его рожицы самое блаженное выражение, какое только можно вообразить. Что ты понял из моего рассказа?

– Что у тебя был кот-тугодум и ты кормил его тем, что сам есть брезговал.

– Нет, ты ничего не понял. Представь, что кот – это не кот, это то, что тебе подарил Стикс.

– А попроще нельзя? Давай без этих аллегорий, аллюзий или как там их?..

– Нет, Карат, проще не получится. Подумай, это же так просто. Ты знаешь, чем нас одаряет Улей.

– Я знаю, что ты говоришь об умениях, но не пойму, при чем тут рассказ о старом доме, крысах и говяжьей печенке.

– Да, речь идет об умении. О твоём умении. Тебе это интересно?

– Продолжай.

– Как это здесь принято, ты его подкармливал мелкими кусочками свиной печенки. Залегалой, десять раз перемороженной, к тому же вареной или даже жареной. В общем, невкусным кормом, если не сказать хуже. И так продолжалось до тех пор, пока в твои руки не попала белая жемчужина. А это уже совершенно другое дело, это огромный кусок печенки говяжьей, свежайшей, сочной, вырезанной из коровы, которую с телячьего возраста пасли на альпийских лугах, где она питалась исключительно элитной травой, никогда не знавшей гербицидов. Твое умение – это твой кот. Он как бы уставился на эту печенку и не может поверить своим глазам. Это шок, это так просто не примешь. Но он не будет вечно сидеть перед куском вкусной печенки, он набросится на нее с урчанием матерого мертвяка и попытается сделать все, что в его силах, чтобы в итоге от лакомства осталось лишь мокрое пятно на полу. Запомни раз и навсегда – в Улье никогда ничего не пропадает просто так, это в нас вбито на уровне инстинктов, мы это знаем так же хорошо, как то, что наша жизнь не затянется надолго без споранов. А белый жемчуг особняком стоит, он выше всех, он волшебный, сказочный, он может почти все. Проглоти его и тут же сунь пару пальцев в рот – ничего из этого не получится, он уже твой, ты не потеряешь его со рвотными массами – его не вернешь.

– Слава Улью... – не удержался Карат.

– Ты это к чему сказал? – осекся сбитый с толку Пастор.

– Да ничего, извини. Так... вспомнилось про тошноту и белый жемчуг. Был случай, поторопился я слегка, сглупил. Ладно, не важно, давай дальше.

– Ты его не потеряешь. Выпотроши тебя сразу после приема, и тоже

ничего не найдешь. Жемчуг усвоился в один миг, он часть тебя, и он себя обязательно проявит, такие вещи просто так никогда не пропадают. Теперь ты меня понял?

– То есть мне просто надо подождать?

– Это само собой. Возможно, помимо ожидания поможет стресс, на стрессе у иммунных многое завязано, а у проблемных иммунных, вроде тебя – чуть ли не все. Если дело завершится просто усилением эффекта умения, считай, что тебе повезло – самый простой и для тебя полезный вариант. Если проявятся новое умение или новая грань старого, вариантов два. Может произойти спонтанная активация, при которой будет выбрана способность, позволяющая справиться с ситуацией, вызвавшей стресс. Для хигтеров это типично, особенность у некоторых из них такая. Это тоже везение. Второй вариант – ты почувствуешь, что внутри тебя что-то изменилось, но ничего больше из этого не вытянешь. А может, вообще ничего не почувствуешь. И то и другое означает, что тебе надо поступить так, как поступают обычные, иммунные – обратиться к знахарю, он поможет. Только простой народ приходит к простым знахарям, а тебе понадобится особый.

– Легендарный?

– Вот именно.

– Ты знаешь, где такого найти?

– Ближайший есть на юге. То есть был.

– Ты о Силуре?

– Может, и о нем, у него привычка менять имена по несколько раз за год.

– Я слышал, что Силур исчез.

– Приблизительно полтора месяца назад его видели на юге, где-то за Доном. К нему там иногда обращаются местные за помощью. Они жалуются, что Силур многим отказывает и вообще с ним трудно связаться. Совсем странный стал, со знахарями такое случается.

– Насколько я слышал, проще на Марс слетать, чем за Дон перебраться.

– Я перебирался. Один раз.

– И как?

– Это было легко. Но у нас свои каналы.

– Как здесь? По черноте?

– Сожалею, но тебе придется обойтись без подробностей. За всех скребберов Стикса больше ничего не могу сказать по поводу наших дорог. Но и для таких, как ты, там не все плохо. Даже караваны торговцев иногда

перебираются, торговля с севера на юг – это выгодная тема.

– Насколько я слышал, в среднем проходят два каравана из трех, с потерями или без. Учитывая, что потом возвращаться надо, в итоге остается приблизительно один из трех. Мне такой бизнес выгодным не кажется.

– Цифры в целом верны, но ты не знаешь особенностей этой торговли. Впрочем, речь не об этом. Зачем тебе возвращаться? Что тебя здесь держит?

– Я слышал о юге разное, в основном нехорошее, почти уверен, что мне там не понравится. Да и сам ты почему-то оттуда ушел.

– Я ушел не по своей воле, за меня решили другие. Но в принципе ты в чем-то прав, здесь, на севере, мне больше понравилось, спасибо Улью, что создал его таким. Не южные масштабы, конечно, но зато человечнее, честнее, нет непрерывной грызни друг с дружкой. То есть, конечно, всякого хватает, но такое, как на юге, повстречать непросто. Я там видел разоренные стабы, жители которых лежали во рвах своих периметров, заполнив их кровью, будто водой. Видел, как торговали маленькими девочками и мальчиками, юношами и девушками, да кем угодно, в розницу и оптом – целый рынок живого товара, в глаза которого я не мог смотреть. Видел муров, которые приезжали к местным правителям с самыми настоящими дипломатическими миссиями, а те перед ними лебезили и прогибались. Здесь, на севере, это все равно что для скунсов посольства открывать, а там, пусть и не везде, но такое практикуется. У них даже язык во многом отличается. Я имею в виду особые словечки Улья. Там, где у нас черное называют черным, у них могут сказать «темноватое». Сплошное увиливание, двуличность, там правят бал лицемеры, смотреть на это неприятно. Благодаря географии и действиям крупных стабов местами много иммунных спасается, и этих людей тут же пускают в мясорубку, они там все время убивают друг друга – сами себе злейшие враги, их много, им тесно, у них из-за этого даже спораны дороже стоят, расход повышенный. Мне это напоминает загнивание Римской империи. Колоссальные, по меркам Улья, объединения разлагаются, рассорившись с соседями и погрязнув во внутренних дрязгах, а рядом с ними, на западе, варвары постепенно усиливаются, прикрывая империю от набегов орд. Рано или поздно варвары осознают, что в Риме добыча богаче. Как это говорят – всем резням резня получится? Наверное, так. Это неизбежно.

– Вот и я много чего в таком духе слышал.

– Хорошо, что юг далеко.

– Для меня плохо. В другой стороне легендарных знахарей не

найдется?

– Это непредсказуемые личности. Не исключено, что прямо сейчас один из них сидит возле такого же костра в двадцати километрах от нас.

– Ты бы о таком знал.

– Я не могу знать все.

– Ну, мимо твоей секты важные новости не проходят, вы ведь такие же всезнайки, как институтские.

– Дети Стикса ведают далеко не все. Но ты и сейчас прав, маловероятно, чтобы мы пропустили появление в этом регионе знахаря такого уровня. На севере есть сразу два. То есть были, давно я о них не слышал. Но это еще дальше, и ты знаешь, что добраться туда так же непросто, как на юг.

– Да, знаю. И порядки там ничем не лучше южных.

– Это спорно, да и не везде имеет место, спасибо Улью, даже там встречаются приятные стабы. Народ диковат, это да, но такой везде найти можно, его где-то больше, где-то меньше. Бесятся люди от опасной жизни, звереют. Ну так что? Мои ответы тебя устраивают? Не пора ли тебе начинать?

– Ты не рассказал о Диане.

– А что я должен рассказать о твоей подруге?

– Она не моя подруга.

– Как скажешь, пускай это будет твоя названная сестра или приемная дочь. Ну так что?

– Она тоже приняла жемчужину до активации дара. Все было как у меня, ее жемчужина белая, но с тех пор не так много времени прошло.

Пастор вновь покосился на Карата странно и отозвался не сразу:

– Какая занятная история... Да на вас разоришься, получается, вы исключительно белыми питаетесь. Где она ее взяла?

– Я случайно наткнулся на новенькую, не удержался, отдал ей одну жемчужину. Не хотел, чтобы она обратилась.

– Я так понимаю, весь жемчуг ты должен был принести в Полис?

– Естественно.

– В таком случае не могу не задать очевидный вопрос: почему тебя там не казнили за расточительство?

– Я сумел убедить Карбида, что это был правильный шаг.

– Вот так просто взял и убедил?

– Я тоже умею договариваться.

– Поверь – не умеешь. Как ты сумел его убедить?

– Очень сильно постарался, зато не соврал ни разу. Диана по дороге в

Полис меня выручала не один раз, способная девочка, с учетом возраста – неглупая, она это заслужила. Я просто объяснил, что без нее, возможно, не сумел бы добраться, то есть Полис рисковал остаться вообще без жемчуга.

– Грамотный ход, но все же Карбид был слишком добр с тобой.

– Многое удачно сошлось в один момент. Повезло. У Дианы такие же проблемы, как мои?

– Если ты о том, что на таких, как ты и она, может разориться самый успешный стаб, то да, вы друг дружки стоите, крайне невыгодные.

– Вообще-то я не об этом.

– Я понимаю. Даже одного хигтера в жизни повстречать – уже чудо, а вас сразу двое. Необычная парочка. Что у нее за дар?

– Она нимфа.

– Сильная?

– При активации накрыла кучку крепких мужиков, один из них до этого был уверен, что у него иммунитет против нимф. К тому же он был квазом, у них и без подарков Улья повышенная устойчивость против подобных вещей. Оказалось, против Дианы его защита вообще не смотрится. Потом она на мертвяках тренировалась и потихоньку начала управлять бегунами.

– Мужчинами?

– Скорее, бывшими мужчинами. Ну так что с ее даром?

– Могу сказать то же, что и о твоём сказал.

– То есть ей можно смело принимать горошины и жемчуг, а если что-то пойдет не так, придется срочно искать легендарного знахаря?

– Да, такие знахари иногда незаменимы. Я имею в виду, что они незаменимы для ваших случаев и прочих в таком духе. Для рядовых дел и рядовые знахари сойдут.

– Я понял. Если созреют другие вопросы, спрошу позже.

– Спрашивай, конечно.

– Доставай карту, покажу, где скреббер валяется.

– Дай с пулеметом закончить.

– Странно, я думал, для тебя это гораздо важнее, чем пулемет.

– Ты сам говорил, что в конце нас могут поджидать, пулемет лишним не будет.

– Грохнут нас обоих, что с пулеметом, что без. Не понимаю, как ты столько прожить сумел, если с таким тупым нахальством лезешь в явные ловушки. Ребята Бирона – серьезные вояки, не будь он таким слизняком, могли бы разнести торговый караван в несколько минут. Засветиться боялся, он ведь главный торгош Полиса, после такого весь его бизнес

накроется, никто не станет с ним дела вести, и это в лучшем случае. Торгаши, что каста, – враги и друзья у них общие, друг друга ни при каких обстоятельствах не трогают.

– Для востока его люди, может, и серьезные, но для запада – суета и тлен. Запад без разбора всех перемалывает – и талантливых спецов, и полных дилетантов. У последних иногда даже больше шансов, они не всегда стрелять торопятся, или им даже не из чего стрелять. Тут все не так, как на востоке, тут комната со спящими младенцами, на западе даже дышать надо беззвучно, и сердце должно биться через раз. Сколько отсюда до того места?

– Если по прямой, километров шестьдесят получается, может, шестьдесят пять или семьдесят, вряд ли больше, с масштабом плохи дела, точности никакой. Но учти, что по прямой тут ходить не получится.

– Согласен с тобой, вряд ли по прямой удастся, местность сложная. Ты сможешь за сутки сто километров пройти?

– Не пробовал, но цифра выглядит страшно.

– Сможешь, ты крепкий и не такой уж зеленый. Это и во внешних мирах не рекордное достижение, а Улей тебя уже успел улучшить. Но торопиться не нужно, лучше заночуем неподалеку, чтобы с полными силами там появиться, неизвестно, что нас ждет.

– Да ты не беспокойся, с полными силами придешь или не с полными, так и так нас там завалят. Даже если Гробовщика с ними не окажется, толпой сработают, народу в Полисе хватает, и техника хорошая есть. Это не бродяги безродные, это местное элитное подразделение – что-то вроде специализированного отряда, обеспечивающего безопасность караванных путей. Полис на этом деле плотно завязан. Я бы роте таких спецов предпочел взвод нормальных ребят из той, прежней жизни, но здесь другие запросы, здесь такие парни, как эти, – серьезная сила. Зря ты Черепа и Гномика спровадил. Гномика еще ладно, пусть идет, а вот без Черепа у нас нет невидимости, теперь незаметно не подберемся.

– Невидимость – не панацея. И против нее средство найти можно.

– Это как? Особое умение?

– Необязательно вмешивать дары Улья. Существует разная техника – и от нолдов, и попроще, сигнальные системы специальные, а еще тени полностью скрывать трудно, особенно в некоторых условиях, есть способы, работающие на этом. При большом желании и хороших возможностях разглядеть любого получится. Они знают о невидимости, они будут на нее рассчитывать. А мы их удивим, мы будем видимыми.

– Ага, ну да, конечно, они в обморок попадают, когда мы, такие

красивые и страшные, пойдем к ним по чистому полю.

– Там чистое поле?

– Что-то вроде микрорайона посреди степи. Дома плохо выглядят, по сути, рассыпающиеся коробки в пять этажей. В самом микрорайоне укрытий хватает, но все подходы к нему открыты. Единственное нормальное место – со стороны заброшенного дачного поселка подобраться, мы так и делали. Но там тоже чистая полоса перед домами остается, плюс через канал придется перебираться. Пять-шесть наблюдателей могут спокойно контролировать все окрестности, незаметно к домам не проскочишь. Так что насчет Черепа не могу с тобой согласиться – он бы сейчас лишним не был.

– Черепу нужно отдохнуть. Ему вообще не стоило сюда идти, мне его навязали. Рановато ему на запад ходить, он не такой, как я и Гномик, он слишком молод, и у него свои трудности.

– Не знаю, что с ним не так и кто его тебе навязывал, но должен сказать, что польза от Черепа была. Что бы мы без него делали возле тот чертовой лесополосы? Там бы и остались, не добежав до дороги.

– Не факт. Ты же не забыл, каким образом погиб человек, который бросал в нас гранаты? В этой истории много непонятного, но одно можно сказать наверняка – кто-то из них не хотел нас убивать, а это вызывает множество вопросов.

– Или очень хотел, но не таким простым способом. Меня ведь заказали с условием скормить заживо мертвякам и это дело на камеру заснять, гранаты из невидимости в такой вариант не вписываются.

– Ты думаешь не о том, пропускаешь много важного, ни на чем не останавливаешь взгляд надолго. А этим ты себя ограничиваешь, оставляешь без правильных ответов. Черепу здесь делать нечего, он слаб, он мог подвести группу и себя.

– Звучит неубедительно. Как по мне, толку от него было побольше, чем от всех вас.

– Опять не о том говоришь.

– Ты намекаешь, что у Черепа с головой нелады? Не такой уж он и псих, действовал адекватно, да и что от него требовалось? Только невидимость обеспечивать, с этим он прекрасно справлялся.

– Мне лучше знать, на что он способен, а к чему неприспособлен. Я в ответе за него, это мое решение. Можешь считать, что он мой сын и что я его пожалел.

– Для папочки и сына вы как-то совсем уж друг на друга не похожи. Ну разве что две ноги и две руки – количество совпадает.

– Я ему не отец. И даже не дальний родственник. Мы и родом из разных миров, и у нас разные истории. Ты же знаешь, что у новичков первое время с головой беда? А уж у тех, которые вот-вот переродятся, доходит до нехороших вещей.

– Знаю.

– С такими всякое случается. Его сходящий с ума отец убил жену, сына и тещу, а последнее, что успел сделать, прежде чем начать урчать, – изнасиловал дочь. Самые разные проблемы с психикой на этом этапе наблюдаются, в том числе омерзительные, немыслимые, случаются истории и похлестче. Каким образом девочка сумела оттуда выбраться, это уже не важно, но ты понимаешь, через что ей пришлось пройти. Она выжила только потому, что ее подобрали люди из религиозной общины. Неприятная община, неогуманисты, в отличие от нас, их мало где запрещают, и это меня удивляет, ведь их учение откровенно человеконенавистническое. Когда там узнали, что девочка беременна, и выяснили обстоятельства, вышел скандал, ведь инцест у них под категорическим запретом, а значит, потребовалось найти виноватых. Надо сказать, что долго искать не пришлось, из доступных кандидатов у них был лишь один. Точнее, одна. Убивать девушек гуманная религия им позволяет, а извращенных распутниц – даже обязывает. Но кровь проливать у них запрещено. Такая вот добрая и светлая религия. Они и запрет не нарушили, и сделали то, что хотели сделать, поступили по-своему логично – заперли девчонку в подвал и выбросили ключ. Спустя некоторое время мне пришлось приехать в эту общину, чтобы объяснить ее лидерам недопустимость некоторых аспектов их поведения. Должен сказать, что к объяснениям я приступил без помощи словесной речи. В ходе этого, так сказать, объяснения дом, в подвале которого содержалась мать еще не родившегося Черепа, загорелся. Скорее всего, она бы погибла в огне и дыму, но одна из местных женщин оказалась не настолько уж безнадёжной, вспомнила о ней и сказала моим людям, что вот-вот сгорит новенькая. Новеньким принято помогать, этого правила придерживаются все уважающие себя иммунные. Я сильно обжег руки, но ее вытащил. Ты, наверное, знаешь, что между спасенным и спасателем нередко возникает некая незримая связь. Вот и я проявлял участие к ее судьбе. И судьбе ее сына. Череп, как ты, наверное, заметил, неординарный человек во многих отношениях, хотя бы за это его следует оберегать. Что до его ненормальности, я называю ее необычностью и должен сказать, что с таким происхождением другого ждать не приходится. Изначально даже знахари были уверены, что из него получится тупое, ни на что не годное

растение. Но, как видишь, даже они могут ошибаться, при должном старании для любого можно найти место в этом мире. Спасибо Улью.

– История, конечно, интересная, но было бы куда интереснее, сиди Череп сейчас рядом с нами. Без него у нас нет вариантов. Я почти уверен, что нас там ждут, это очевидно.

– Ну и прекрасно.

– Что же здесь прекрасного?

– А что плохого в том, если тебе известны планы твоих врагов? Это ведь заветная мечта любого полководца. Думай об этом именно в таком свете, возможно, еще немало плюсов найдешь.

Глава 24

Карат уже было опустил ступню, чтобы с тихим хрустом раздавить очередной пучок черной травы, но поспешно убрал ногу назад, услышав короткое:

– Стой.

Обернувшись на Пастора и одновременно сканируя окрестности на предмет опасностей, ничего не увидел и тихо произнес:

– Стою.

– Не напрягайся, давай влево свернем, там мертвяк лежит, нужно проверить.

– Мертвяк? Откуда на черноте зараженный взялся?

– Да нет, это честный мертвец, вон туда посмотри, у него даже одежда в порядке.

Карат, уставившись в указанном направлении, ничего не разглядел, о чем и сообщил:

– Пусто. Ты ничего не путаешь?

– Нет, в таких вещах я никогда не ошибаюсь. Ты тоже его видишь, просто не воспринимаешь. Вон смотри, там, где парочка черных деревьев кронами срослась, он между ними сидит, к стволу прислонился. Тот ствол, который дальше от нас. Теперь видишь? На черный мешок похож.

– Да как ты его разглядел? – Карат поразился остроте зрения сектанта.

– Это тебе, непривычному, здесь все черным-черно и одинаково. А я вот так ходил много раз, на что только ни насмотрелся. Пойдем, не надо бояться, если он почернел, значит, зубами не вцепится.

– Зачем тебе этот покойник понадобился? Мало ли их по Улью валяется.

– Чернота, Карат, это почти консервация. Она что-то с углеродом делает, а еще кремний ведет себя очень странно. Люди – это ходячие углеводороды, они чернеют быстро и затем подолгу сидят, как новенькие. Имущество, которое находится при них, держится дольше, некоторое вообще остается целым, только пленкой покрывается, но далеко не все, от углерода и кремния зависимость большая. В стали, допустим, углерода несколько процентов, но этого хватает, он портит ее, но не очень быстро. Ты же у нас без оружия, а это плохо. Возможно, что-нибудь увесистое найдется, хотя бы топор. До границы черноты отсюда далеко, раз этот человек сюда забрался, возможно, он не из простых, а такие с пустыми

руками ходить не любят.

– Ты решил меня вооружить?

– Ну, поскольку нам надо как-то разобраться с людьми из Полиса, то почему бы и нет.

– Настолько мне доверяешь?

– А какой тебе смысл меня убивать? Я не понимаю, почему тебя так тянет в это место, но что-то тебе там надо. И мне тоже надо. Вряд ли у нас одни и те же интересы, тебе ведь не интересен мертвый скреббер? Так что наши дороги лишь в конце разойдутся.

– Тогда нам понадобится танк, а лучше два. Да и то не факт, что номер выгорит.

– Танк, Карат, если здесь найдется, никуда уже не поедет. Тяжелая машина, руками ее не вытолкать, разве что тягачом с краю выдергивать, если тросом дотянуться. А вот и наш покойничек. Ты посмотри на него, лицо будто живое, но только сажой намазано и блестит. Видел когда-нибудь такое?

– Не видел и не хочу видеть.

– Оружия не видно, странный какой-то парень, даже топора при нем нет. Поддай-ка вон ту палку, карманы ему поломаю.

– Зачем?

– Спораны, горошины и особенно жемчуг очень долго против черноты держатся. Даже не могу сказать, сколько могут пролежать, не испортившись. Если руками трогать такого мертвеца, он на черную чешую рассыплется, тяжело в такой куче что-нибудь найти. А вот деревянный предмет хорошо подходит, палка только дырки в одежде проделывает. – Поясняя это, Пастор вовсю ковырялся в угольном тряпье покойника, превращая его в труху в области карманов.

Покончив с этим делом, сектант поднялся, без сожаления произнес:

– Зря мы к нему свернули, ничего полезного нет. И почему его сюда понесло? Странный человек, странная смерть...

– Далеко отсюда до края? – спросил Карат ради поддержания разговора.

– Неоднозначный вопрос. Если вон в ту сторону идти, нужно за холм перевалить, и чуть дальше зелень начнется. Узкая полоска, стаб мелкий, далеко в черноту вклинивается, как тропа. Может, этот шел именно по нему, и когда закончилась зеленая трава, сворачивать не стал. Но есть версия, что он пришел вон отсюда. Там стандарт километров в трех с половиной по прямой, мы туда минут за сорок доберемся, дорога легкая. Но стандарт тупиковый, из тех самых кластеров, которые губительны для

всех, на него попавших. Я тебе о них вчера рассказывал.

– Помню.

– По нему мы хорошо на запад продвинемся, а дальше всего один узкий момент останется – через реку придется перебраться, за ней полчаса, и опять чернота. Или по ней пойдем, или по воде, я еще не решил.

– Слушай, Пастор, тебя вообще не тошнит вот так ходить?

– Ты имеешь в виду черноту?

– Ну а что же еще?

– Поначалу тошнило, когда молодым был, потом привык. Человек – создание уникальное, он ко всему привыкает. Сейчас мне без разницы, что зелень, что чернота, главное, слишком долго на ней не оставаться. Ты тоже привыкнешь.

– Ага, конечно, если Бирон меня раньше не скормит мертвякам, а это почти наверняка, если доберусь до тушки скреббера. Я показал тебе нужное место на карте, может, ты без меня как-нибудь справишься? Ты представить не можешь, как мне неохота встречаться с ребятами Бирона.

– Карат, я тебе уже сказал – картам запада верить нельзя. Это Улей, и это запад, поэтому ты сам должен показать.

– Ну так может я покажу и назад, а дальше ты сам?

– Можно и так, но вначале покажи. Возможно, после этого ты не захочешь уходить. Мне кажется, у тебя в голове сейчас сумятица, ты сам не знаешь точно, что именно для тебя выгоднее.

– Как по мне, лучше пусть тебя одного там завалят, а не нас обоих. Я вообще не понимаю, чего ты так упрямо лезешь в это дело? Свет клином вашей секте сошелся на этом скреббере? Что в нем такое особенное?

Пастор, перестав тыкать палкой в рассыпающегося покойника, поднялся, вскидывая пулемет на плечо, и равнодушно ответил:

– Тебе это знать не нужно. Просто покажи место, а дальше ты сам по себе, а я сам по себе. Надо прибавить скорости, до зеленой зоны около сорока минут осталось, если быстро идти. Там тебя тошнить перестанет.

* * *

Насчет живой травы нормального цвета Пастор не обманул, до нее добрались приблизительно за сорок минут. Точно сказать Карат не мог, его часы еще вчера превратились в бесполезных хлам, чернота даже тонкую механику обычно быстро выводит из строя, а уж электронику вообще мгновенно. Надо бы выбросить бесполезную вещь, но она постоянно

напоминает о своей бесполезности, а следовательно, если подвернется на глаза замена, меньше шансов ее пропустить.

Не успели и пятнадцати шагов по зелени сделать, как Пастор свернул в кусты и Карата за собой поманил:

– Посидим тут тихонько, нужно почистить пулемет.
– Ты же только вчера вечером его чистил.
– Через черноту ходили, оружие черноту не любит. Пистолет я тоже почищу.

– Дай мне, быстрее почистим.
– Не дам.
– Что так? Не доверяешь? Сам же хотел мне что-нибудь вручить, если найдем.

– Чужое бери, а мое оставь мне.
– Понял. Значит, тоже суевериями страдаешь?
– Нет, просто привычка такая. У нас, у долгожителей Улья, много странных привычек, таким юнцам, как ты, их не понять.

– Но кое-что я понимаю.
– И что же?
– Хотя бы то, что, если я захочу научиться понимать вас, старперов, придется постараться прожить здесь подольше.

– Да, так и есть, сила в разных величинах измеряется, в том числе и в годах. Жаль, все тебе рассказать нельзя, с чужаками не делимся. Ты бы поразился, узнав некоторые подробности. И Карат, тут расслабляться не надо. Кластер стандартный, а не стаб.

– Большой он? Деревни или города есть?
– Ничего серьезного, но люди здесь водятся, также есть скот, в том числе крупный. Чернота все осложняет, понять, когда кластер перезагружался, я не могу. Для этого Гномик нужен, он по таким дисциплинам познания специалист. Поэтому не могу исключать то, что уже началась финальная стадия. То есть осталась группа развитых мертвяков, которая все здесь подъела и не понимает, как перебраться на другое место. Это я к тому, что держись осторожнее.

– Я-то всегда осторожен, а вот ты вчера даже без Черепа шагал, как последний псих. Что-то хитрое умеешь? Тебя мертвяки не замечают?

– Умение у меня такое есть.
– Я так и понял.
– Делиться информацией о своих умениях суеверия не запрещают, но об этом не принято болтать, иногда даже хорошо знающие друг друга люди пребывают в неведении.

– Думаю, это не наш случай, ведь для тебя же полезно, если в трудный момент я буду знать, как ты нас прикрываешь, на что способен. Тоже какая-то невидимость? Не похоже, я видел, как на нас те мертвяки у моста смотрели, они явно что-то видели.

– Издали могу морок навредить, они меня и тех, кто рядом со мной, за своих принимают.

– Нормальный подарок. С невидимостью, конечно, не сравнить, но звучит неплохо.

– Ты сказал, не подумав и ничего не поняв. С этой маскировкой слишком много проблем.

– Я тебя понял – она работает только издали.

– Это часть проблемы, ведь всегда можно стороной обходить, не приближаться, никто нас не заставляет двигаться в одном направлении, не сворачивая. У моего умения есть ограничение, я не могу заставить зараженных принимать нас за элиту. Мы для мертвяков всего лишь ничем не примечательные бегуны. То есть нас разве что совсем слабые ползуны опасаться будут, а все прочие могут решить, что мы не такая уж и плохая пища. И еще – самых крутых тварей я обмануть не смогу.

– Руберы, элита?

– То, что вы, неграмотные обыватели Улья, называете элитой, заслуживает расширенного списка наименований. Его вершину вы вряд ли повстречаете на востоке, а вот здесь шанс гораздо выше. Из-за таких тварей далеко на запад не удастся забраться даже с командой, в которой собраны люди со множеством полезных и развитых умений. Высшая элита опасна не размерами, не силой и не ловкостью, у нее свои умения, свои тайны, она способна раскрывать наши хитрости.

– Ты о матерых? О тех, которые танками в футбол играют?

– Можно сказать и так. Или о близких к ним. Я о тех, у которых не вся сила в лапы и челюсти клыкастые уходит. У любой элиты, непредсказуемо от этапа развития, просыпаются разнообразные умения. Тема сложная, малоизученная, но нет сомнений, что встречаются экземпляры, у которых накапливается целый набор развитых способностей. Обычно все они полезные и заточены только на две задачи – что-нибудь добыть и не дать себя выпотрошить. Естественно, их зрение может работать на обе эти задачи, так что обычно оно у них улучшенное. Тепловизорное или подобное тому, что у сенса, засекает спрятавшихся людей. А уж нас, замаскировавшихся, они засекают с таких дистанций, что маскировка становится бессмысленной. И еще у них интеллект на приличном уровне. Тестировать, конечно, сложно, но по единичным фактам можно судить, что

основной контингент даже не самой высшей элиты по этому параметру сопоставим с детьми от шести до восьми лет. Хотя знал я ребяташек, которые и в пятнадцать не самым выдающимся элитникам уступали, да и среди взрослых таких хватает. Я не говорю о человеческом разуме, я говорю только об интеллектуальных способностях.

– Я понимаю разницу.

– Это хорошо, потому что мало кто пытается ее понять. В общем, правило простое – чем дальше мы забираемся на запад, тем меньше надейся только на меня. Помогай, чем можешь, Улей не любит праздношатающихся.

– И чем же я тебе помогу? Я умею только ускоряться.

– Иногда вовремя сделанный шаг в сторону может существенно продлить жизнь. Особенно если ты обошел россыпь сухих веток.

– А, вот ты о чем. Ну так я не медведь косолапый, стараюсь не шуметь.

– Старайся, тут это ценно.

– И насчет элиты – откуда ей здесь взяться? Кластер закрыт чернотой, еды на нем немного, перезагружается, как я понял, часто, а элите нужны годы времени и горы жратвы.

– Да, ты прав. Считается, что зараженный может дорасти до стадии элиты в течение года, если каждый день будет досыта питаться, не тратить силы, не получать травмы и ранения. В сумме на это потребуется от семидесяти до ста двадцати тонн качественного мяса. Цифры, конечно, очень приблизительные, к тому же идеальные условия обеспечить сложно, так что можешь все умножать на два, сильно не ошибешься. На этом кластере нет такого количества мяса, и промежутки между перезагрузками не настолько велики. Но ты все равно не расслабляйся, Улей не любит предопределенность, он непостижим в своей непредсказуемости, никогда не знаешь, какой сюрприз готовит, вдобавок на таких кластерах остаются лазейки, и не уверен, что мне известны все они. Жизнь всегда найдет выход из самой безнадежной ситуации.

Пастор, зазвенев заправляемой лентой, зачем-то задрал голову, уставившись в небеса. Секунды через две и Карат подставил лицо солнцу, проглянувшему в просвете между роскошными кучевыми облаками.

Только заинтересовало его не светило Улья, его даже упоминать с большой буквы не принято, оно ничем не примечательно, и оно чужое, отличное от всех Солнц, которые светят в снабжающих Улей внешних мирах, потерянных навсегда.

Посторонний звук – рывкнуло что-то в вышине, знакомо и незнакомо одновременно. Это можно было принять за резко оборвавшийся рев

реактивного двигателя, вот только не может такого быть. Серьезная авиация вроде бы есть только у внешников, используют они ее дозированно, в строго отведенных местах, где летает она на малых высотах, обычно предварительно разведанных дронами.

Сюда, на запад, она не забирается. Попросту не может, и дело тут не в том, что у всех нормальных иммунных руки чешутся сделать гадость внешникам, причем эти руки могут сжимать что угодно – от рукояток управления разнообразных артиллерийских зенитных установок, в том числе и самоходных, до приведенных в боевое положение труб ПЗРК^[3] или даже кнопок серьезных ракетных комплексов, в идеале способных доставать цели за сотни километров. Просто слишком много по пути черноты, пройти мимо всех мертвых кластеров и не угробить при этом технику практически невозможно.

Появился новый звук – кашляющий и одновременно свистящий. Затем зашуршало оглушительно, страшно, будто прямо на тебя съезжает с крутой крыши грохочущий пласт тяжелого шифера. Над головой промелькнуло что-то неуловимо-стремительное, огромное, на миг накрывшее своей треугольной тенью заросли, где скрывались Карат и Пастор, и тут же затрещало, застучало, загремело со звоном и лязгом, истошно заскрипело, дико громко, жутко, растянuto по времени, необъяснимо.

Килдинг, заинтересованно уставившись в сторону резко затихающей какофонии, поднялся, небрежно вскинул пулемет на плечо, направился туда, куда Карат ни за какие сокровища Стикса идти не стал бы – напрямик на источник жуткого грохота, бушевавшего не далее как пару секунд назад.

– Ты убиваться пошел? – вырвалось само собой у Карата.

– Нет, на сегодня я такое не запланировал. Посмотреть надо, вдруг пистолет для тебя достанем. А ты не отставай, долго там задерживаться нельзя, на такой шум много зрителей сбежаться может. Кластер здесь скучный, провинциальный, до матерой элиты отъедаться никто не успевает, но нам и мелочь проблемы создаст, если заявится в большом количестве. Патроны нам против твоих черно-зеленых пригодятся, нечего их на всякую ерунду переводить. Хотя...

Пастор осекся на полуслове, а Карат, нервничая и ничего не понимая, не задумываясь, лишь бы что-то сказать, уточнил:

– Что, хотя?

– Да ничего, насчет каких-нибудь патронов, возможно, варианты здесь будут.

Когда Карат наконец понял, что именно стало причиной его испуга, ему даже стыдно стало. Ведь прекрасно слышал изначально характерные звуки, да и потом мог не рот разевать, а попытаться осознать, что же именно над ними проскользнуло.

Даже ребенок первым делом задал бы себе очевидный вопрос: что за штуковина с ревом и грохотом может свалиться с небес?

Так и есть – самолет. Да, столкнуться с ним в этой части Улья – все равно что с летающей тарелкой повстречаться, но, в отличие от последней, явление ничуть не фантастическое даже на Дальнем Западе, до которого еще шагать и шагать.

Вот только явление это крайне непродолжительное.

Отказ всех систем управления, осложненный полным непониманием сути происходящего со стороны пребывающих в полубессознательном состоянии пилотов, не позволяют машине, угодившей в ловушку Улья прямо в полете, держаться в воздухе часами или хотя бы минутами. Да, Карату доводилось слышать истории, как в подобных ситуациях самолет удавалось посадить с минимумом жертв или даже вовсе без них. Но большая часть таких рассказов откровенно пахла пустым вымыслом, а оставшиеся объяснялись невероятным стечением благоприятствующих обстоятельств, обильно приправленных фантазией рассказчиков.

Этому самолету обстоятельства благоприятствовать не захотели. Разве что с земной твердью встретился под пологим углом, последние метры полета пришлось на склон крутой балки, густо заросшей разнообразной зеленью, пошел по нему впритирку к земле, размазываясь об нее. Сбивая деревья и сбывая кусты, оставляя за собой заваленную ветками и рваным металлом просеку, он домчался почти до самого дна, его безобразно разлохмаченный фюзеляж замер в считанных шагах от струившегося понизу крохотного ручейка.

Пастор, продвигаясь по этой просеке, ловко перепрыгивал через поваленные деревья, на ходу комментируя произошедшее:

– Ты слышал, как он летел вначале? Гудел, будто старинный паровоз. Думаю, что это был помпаж, известное явление, двигатель черноты глотнул, не понравилась она ему, ну а потом он вообще погас. Удачная посадка получилась, нечасто такое бывает. Обычно они камнем падают, после этого только металлолом остается. А тут вон, чуть ли не новенький стоит.

– Это ты называешь новеньким? – скептически отозвался Карат. – Как по мне – натуральный хлам.

– В принципе, ты прав, это действительно хлам, но все познается в сравнении, а оно в его пользу. Учти, что полный отказ бортовых систем не оставляет шансов даже на бледное подобие управляемой посадки. Ну разве что совсем уж древняя техника, какие-нибудь бипланы на касторовом масле с деревянными винтами. Там ведь двигатели забавные, почти игрушечные, а управление ручное. Глохнут они не сразу, тонкой электроники в них вообще нет, да и заглохший мотор – еще не катастрофа. Можно в планировании пересечь черноту и дальше попробовать завестись. Но современным летунам на такое рассчитывать не приходится, главное, что оказывает влияние на управление самолетом в последние секунды полета, – это гравитация. А гравитация бьет об землю со всей силой, вот и получается рухлядь. Пилоты – новички, причем новички свежие, даже не потеряв сознание, они мало что могут сделать, вспомни свое первое знакомство с чернотой. Техника не работает, люди тоже, вот и бьются вдребезги. Этот самолет должно было размазать по земле, разнести на фольгу и проволоку, то, что он в таком состоянии – великое чудо. Улей богат на разные загадки.

– Слушай, Пастор, а можно вопрос?

– Ну попробуй.

– Я вот и раньше сектантов видел, и здесь посмотреть на разных довелось. Не бывают они такими.

– Какими?

– Как ты. Тут есть организация, она скромно называет себя институтом. Даже не знаю, с маленькой буквы или с большой, вроде бы все говорят, что с маленькой, но как-то это неправильно. Один раз я мельком с ними столкнулся, в Полисе. Они как раз насчет скреббера меня расспрашивали. Вот у них разговор похожий на твой один в один проскакивал местами.

– Любопытно...

– Что тут любопытного?

– Я не думал, что все настолько очевидно.

– Ты что?! Институтский?! Тогда какого лешего вы мне голову морочили, сектантами придуривались?! Зачем вам это надо?!

– Успокойся, никто тебе ничего не морочил. Я, скажем так, отвечаю за контакты между институтом и... э... нашей организацией или, точнее, некоторыми ее отделениями. А это, как видишь, накладывает свой отпечаток, да и определили меня на такое место не просто так, сочли

подходящим.

– У вас есть какие-то контакты с институтом?

– А почему бы и нет? Они познают Стикс по-своему, мы по-своему, но разница методологии не отменяет общий интерес, поэтому точки пересечения всегда находятся.

– Вообще-то они – уважаемая организация, а вы вне закона.

– Ты неправ, на некоторых территориях мы тоже весьма уважаемая организация, действующая открыто. Да и на всех прочих не скрываемся по волчьим углам, просто стараемся держаться незаметно. У нас имеются стабы, с которыми твой Полис не сравнится. Они со своими школами и даже с чем-то вроде университетов, наше образование ценится многими, ведь мы учим жить в Улье, а не выживать.

– Впервые слышу, бредом пахнет.

– Да, твой регион проблемный, в том числе и для нас, о таком мало кто слышал, а осведомленные люди предпочитают не распространяться. О подобных контактах не принято говорить с непосвященными, у институтских особые люди есть, связные, с нашей стороны они тоже имеются. Я, получается, один из них – из таких связных. А почему бы и нет, раз я договариваться умею? Торгуются эти институтские, не хуже некоторых самых прожженных барыг, человек с моими способностями на подобной работе лишним не будет. Ну-ка, что тут у нас? А у нас тут плохи дела...

Пастор ловко добрался до кабины, хватаясь за покоруженный металл, заглянул, брезгливо скривился, покачал головой:

– Спарка учебная, без вооружения, два пилота, вылет явно не боевой, вояки на таких тренируются, пистолетов нет.

– Пилоты мертвые?

– Ну а как же иначе? Их так стукнуло, что тут полная кабина кровищи.

Как в такой обстановке Пастор мгновенно определил, что пистолетов нет, непонятно. Но за этим человеком много чего непонятного числится, дай любопытству Карата волю, он бы его привязал к надежному дереву и вдумчиво поспрашивал при помощи паяльника и пассатижей. Список на восемь тысяч вопросов готов, даже если на четверть ответы получишь, уже здорово приподнимешься. Информация – тоже деньги, иногда она подороже любого жемчуга бывает.

Пастор, прищурившись, всмотрелся в сторону развороченного носа самолета, а Карат заметил:

– Странно, что он не загорелся, здесь же все в керосине. Спускайся, вдруг пыхнет прямо сейчас.

Сектант, ловко спрыгнув, приблизился к Карату, поставил пулемет на землю, коротко попросил:

– Посторожи.

После чего неспешно направился вниз вдоль ручья по едва заметной тропинке.

Карат, недоуменно глядя ему вслед, подпрыгнул от неожиданности – в недрах разбитого самолета что-то громко и резко шикнуло, и вслед за этим, будто отвечая, заурчали сразу в две глотки, из зарослей выбежала пара мертвяков, направлялись они напрямиком к Пастору.

Не сказать, что серьезные, это даже несведущий может определить – пусть движения ненормальные, но фигуры вполне человеческие, большую часть одежды сохранили. Что касается прочих признаков, разделяющих зараженных по стадиям развития изменений, с ними все плохо – рассмотреть их затруднительно. Карат понятия не имел, что за приключения пережила эта парочка, но одно очевидно – на их внешности они оставили не просто след, а сплошной покров. Такое впечатление, что мертвяки, прежде чем примчаться в балку, как следует вывалились в навозе (или, скорее, в чем-то похуже). Замарались столь изрядно, что непонятно, как при таком слое гадости на мордах ухитряются что-то видеть.

Но ведь зрение у них работает, в этом сомнений нет. Мчатся на Пастора уверенно, хотя он шагает бесшумно. И пора бы ему достать пистолет.

Килдинг не стал тянуться к кобуре. Вместо этого он пригнулся, подхватил с земли один из многочисленных разбросанных по дну балки обломков самолета, крутанул его в руке, поудобнее перехватил, после чего ринулся на тварей с дивной скоростью.

Ускорился далеко не так радикально, как это умеет Карат, но все же ненормально. Или дар Улья такой, или этот здешний долгожитель за годы, проведенные здесь, научился разным фокусам в таком духе. У него ведь успели накопиться самые разные полезные изменения – реакция, сила и прочее может дойти до столь рекордных значений, что с теми же бегунами можно голыми руками справляться.

Хотя Карат на месте такого супермена именно к этим мертвяками прикоснуться бы побрезговал.

Уже почти врезавшись в первого зараженного, Пастор резко сманеврировал, ухитрившись на миг зайти ему за спину, нанеся при этом короткий резкий удар в затылок. И пары секунд не прошло, как то же самое произошло со вторым бегуном.

Обе твари просеменили еще по несколько шагов, но это, что

называется, на автопилоте. Странно, но вначале завалился отставший, лишь затем покатился тот, которому досталось первому.

Пастор, стоя между быстро успокаивающимися тварями, отбросил в сторону кусок металла, послуживший оружием, и без тени эмоций пожаловался:

– Ну и засранцы, нож не захотел об них пачкать. По-хорошему, надо им затылки проверить, вдруг споран попадетсЯ, а то и два, но я воздержусь. Если хочешь, потроши их сам.

– Только если они помоются перед этим, – буркнул Карат. – Да и ножа у меня нет.

– Глядя на них, пытаюсь представить, что с ними произошло.

Карат, безглаголиво поморщившись, уверенно выдал:

– Тут только одно на ум напрашивается – они или вместе в выгребную яму провалились, или сперва один, а затем второй забрался, когда непонятные звуки оттуда слышал и любопытствовал. Я не хочу думать, чем они там питались, пока выбирались, но оба бодрые.

Пока Карат высказывался, Пастор шел назад. Добравшись до пулемета, схватил оружие и скомандовал:

– Уходим. Если двое примчались, другие тоже могут быть рядом.

Карат, поспешив за ним, спросил:

– Ты тоже ускоряться умеешь?

– Не совсем. Этому фокусу я на юге научился. Хороший человек встретился, он всех этому учил, даже меня.

– А что с тобой не так? В том смысле, что ты сектант?

– Мне уже начало надоедать такое обращение. Не мог бы ты воздержаться от упоминания слова «секта»?

– Уж прости, но невозможно удержаться. Да и так проще всего, вас иначе не называют. Он из-за этого мог отказаться тебя учить?

– Нет, я тогда еще не дорос до учения. Но я был тем, кого каждый уважающий себя иммунный обязан при встрече убить самым жестоким способом.

– Это что же такое ты натворил?

– Ничего. Абсолютно ничего.

– Тогда зачем тебя надо было убивать?

– Так принято по всему Улью, такие, как я, не должны жить.

– Такие, как ты? В каком смысле? Кем же ты тогда был?

– Внешником, кем же еще.

Глава 25

Нельзя сказать, что Карат дико ненавидит внешников. Опасается или даже боится – это да, а ненависть – вряд ли. Так уж получилось, что они – одни из немногих обитателей Стикса, которые ничего плохого ему не сделали. Ну подумаешь, попадал под удары с беспилотников и имел сомнительную честь пообщаться с группой муров. Дело житейское, да и сам виноват. Вот зачем, спрашивается, катался на машине? Дроны не блещут великим интеллектом, засекая быстро передвигающуюся, ярко выраженную тепловую аномалию, нередко обстреливают из всего, что есть, путая с развитыми тварями.

Ну а муры – это не внешники, это коврики перед дверьми внешников, нередко доходит до того, что им тоже достается от автоматизированных средств поражения. Разве станешь ненавидеть хозяина дома, если коврик на его пороге грязен и вонюч? Неприятно, конечно, но простительно.

Внешники тем и славятся, что ненависти как таковой к ним почти не испытывают. Те, у которых появляется повод ненавидеть пришельцев из внешних миров, умирают быстро или медленно, исключений из этого правила практически нет.

Внешник – абсолютный враг. Договориться с ним – это стать муром, а вот их ненавидят все, потому как предателей в любом мире принято ненавидеть до зубовного скрежета, это у нормальных людей на геномном уровне записано.

То есть никаких душевных разговоров быть не может – допускается только язык оружия. Причем в этом языке внешники куда сильнее: у них и техники хватает, причем самой лучшей; и автоматизированные комплексы имеются, способные уничтожать цели без участия оператора или с участием, когда он расслабленно командует дронами и турелями, попивая кофе в мягком кресле где-нибудь на нижнем уровне одного из бесчисленных бункеров; и на нехватку боеприпасов они не жалуются. Причем боеприпасов самых разных, от банальных бронебойных патронов, идущих нарасхват у всех торговцев, до хитрых артиллерийских снарядов, способных прилететь за два десятка километров, на подлете разобраться с корректировкой последнего отрезка баллистической траектории и ударить в самую заманчивую цель.

Удары к тому же могут быть разнообразнейшими – вплоть до химических и даже ядерных. В отличие от иммунных, внешники не

испытывают угрызений совести, загрязняя почву и атмосферу Улья радионуклидами, а конвенции о запрещении химического оружия действуют где угодно, но только не здесь.

Да, они тоже смертные, их тела хрупки, уязвимы, могут пострадать по собственной вине. Но под действием опасных уровней ионизирующего излучения внешники не теряют человеческий облик, постепенно расставаясь с разумом и обретая чудовищно нехорошие привычки...

...Пастор, преодолевая последние метры крутого подъема, продолжал свой рассказ без пауз, торопливым речитативом. Похоже, выговориться захотел, видимо, ему нечасто на такую тему пообщаться доводится.

– Я не из нолдов, то есть лазейку в Улей наши умники нашли не так уж давно. Где-то с пятидесятих годов это завертелось, детали мне неизвестны, сам я попал в проект уже в шестидесятых, многое пропустил. Секретность до смешного доходила, нам мало что говорили. Коммунисты тогда вовсю готовились запускать первый спутник, а мы, получается, безо всякой космонавтики достигли другой планеты. Естественно, это нельзя было назвать легкой прогулкой. Все первые попытки завершались одинаково – или исследователи вообще не возвращались, или возвращались седыми. Спасибо, что изначально использовали защитные костюмы и выдерживали вернувшихся в карантине, заразу в мой мир они не занесли, она не слишком въедливая. Знаний у нас тогда не было вообще, а Внешка в те времена мало отличалась от Дальнего Запада. Тварей прореживали только нолды, но они и сейчас, и тогда встречались не так уж часто и не контролировали ничего, кроме окрестностей своих баз. Даже им, со всеми их технологиями, не удавалось очистить восток до приемлемого уровня – это все равно что прикрываться от бури ладошкой. Кстати, среди них тогда встречались ребята, умеющие заглядывать в будущее. Я не в буквальном смысле, я о способности анализировать последствия массового появления менее развитых внешников. До некоторых из нолдов дошло, что чем больше будет баз, тем проще контролировать территорию прилегающего к Удавке пояса, а добычи хватит на всех. Так что временами они помогали первопроходцам вроде тех, из-за которых я здесь очутился. Хотя бы делились информацией, мы ведь даже близко не представляли, с чем столкнулись, поначалу наивно полагали, что открыли портал на другую планету, не отличающуюся от Земли.

– Вы попадаете сюда через порталы? – не удержался Карат от важного уточняющего вопроса.

– Я давно расстался с прошлым, так что не надо никаких «вы», не причисляй меня к ним. И да, понятия не имею, как это на самом деле

работает, я не ученый.

– Ну и что с этого? Тебя с завязанными глазами сюда затащили? Вообще ничего не видел и не слышал?

– Нет, я попал в Улей на грузовом лифте, своими ногами в него зашел, глаза мои были открыты. Не совсем, конечно, лифт, но выглядел именно так. Обшитая асбестом кабина, клетка Фарадея, я и несколько таких же ребят в этой клетке. Пол под ногами дрожал, немного подташнивало, шатало, никто ничего не понимал, но расспрашивать друг друга мы не могли, строжайше запрещено, за этим делом тот еще цербер присматривал. Вот его не мутило и не трясло, будто не человек, а столб каменный. Ощущения в чем-то сродни с теми, когда первые опыты ходьбы по черноте устраиваешь. Видимо, он привык, старожил, а мы новички, все, как бывает у иммунных. Потом лифт остановился, мы надели противогазы, обмазав их края специальной мазью, заткнули уши, переоделись в воняющую дезинфицирующим составом одежду, а затем прошли в шлюз с тремя выходами. Один был затянут плотной пластиковой пленкой, за ней располагался источник яркого освещения. Не солнце пробивалось, и на электричество не похоже, свет какой-то ненормальный. Я так и не понял, что это было. Доводилось получать информацию о базах внешников, мне кажется, у них везде разные порядки, такое впечатление, что у каждой группировки своя технология транспортировки или, по крайней мере, свои особенности ее применения.

– Ты был солдатом?

– И да, и нет. Я военный кинооператор.

– Даже не знал, что такие бывают.

– Еще как бывают. Ну, или были. Кто, по-твоему, так красиво снимал ядерные взрывы на полигонах? Это были такие ребята, как я.

– Так ты здесь фильмы снимал?

– Всего один, да и тот до зрителей не добрался. Конечно, на показ для широких масс рассчитывать не приходилось, но как-то неправильно получилось, вся работа насмарку. Я до последнего не представлял, что именно предстоит снимать, в итоге в большой спешке подготовку завершал. Ко всему прочему, испортил отношения с неприятным субчиком из Лэнгли^[4], он всех достал своими бессмысленными и тупыми замечаниями. Мало я там, до лифта, подписок о неразглашении давал, еще и он со своими придирками прицепился. Фильм, кстати, обещал получиться хорошим. Момент удачный, и я старался. Не знаю подробности, но, очевидно, наши генералы, ногой не ступавшие на землю нового мира, решили, как это у них принято, прописать тварям такую клизму, что после

нее ноги их никогда не будет в окрестностях базы. Как ты понимаешь, дронов и прочих удобных для разведки штуковин тогда не было, атомную бомбу сбросить не догадались, да и как это можно было сделать, если с носителями ничего не получалось, а по земле к нужной точке подвезти крайне сложно. Зато у нас были танки – почти два десятка «Паттонов», в две шеренги, внушительно и красиво стояли, стволами друг к дружке, будто рыцари, скрестившие мечи. Я шел под ними, как проходили короли через ряды своего рыцарского войска. Это была не прогулка, я направлялся к своему танку, там, на его башне, было мое место, с нее я должен был снимать эпичное побоище, не представляя, кого именно мы собираемся уничтожать.

– Это как?

– А вот так – говорю же тебе, секретность до кретинизма доходила. Несколько подписок дать пришлось, в том числе такую, от которой впору было на Луну взвзть.

– Заинтриговал...

– Да там ничего интригующего, все логично. Так и так, даю согласие застрелить меня на месте, в том случае, если мой противогаз будет поврежден или снят. А потом нас почти сутки везли в закрытой машине, кормили сэндвичами, а вместо унитаза было ведро. Мы, наивные, предполагали, что конечная остановка – полигон в Неваде, а оказалось... Даже не знаю, куда нас в итоге привезли, где располагался этот чертов лифт. Само собой, что там, на нашей стороне, снимать ничего не позволили. Да и тут камерой размахивать не разрешалось. Я должен был снять бой, и ничего, кроме него.

– Бой? Как вы вообще такую кучу танков притащили, если там все так плохо? Сам говорил, что никто не возвращался или возвращались поседевшими, откуда столько техники взялось?

– Насколько я понимаю, подгадывали моменты с перезагрузкой, когда твари разбегались. Именно в эти периоды потихоньку перетаскивали технику и боеприпасы. Для обеспечения такого графика хватало единичных наблюдателей. Предполагаю, процесс подготовки операции занял не один месяц. Возможно, годы – один или два. Когда дошло до дела, не все танки сумели стронуться с места, несколько так и остались стоять, никто даже не попытался ничего с ними сделать, потому что планировавшие операцию олухи не догадались позаботиться о команде хороших ремонтников с запчастями. Стаб был почти окружен мертвыми кластерами, командование намеревалось перекрыть единственный проход к базе, после чего как следует закрепиться на зачищенной территории. Это я сейчас, задним умом

понимаю, а в то утро рот разинул, когда с высоты танковой башни увидел, что куда ни посмотришь, все черным-черно, будто выжжено до последней пяди земли. Командир машины, глядя на это, что-то бурчал из-под противогаза, но я не понимал ни слова. Не представляю, как даже без резины на лице они переговариваются, грохот стоял несусветный, ларингофоны помогали плохо. Я кивал ему в ответ, а сам, поворачиваясь в неудобном люке, смотрел по сторонам, на черноту, пытаюсь понять, куда именно меня занесло. Непохоже на Неваду, мы явно где-то севернее оказались. Тогда откуда взялась выжженная земля? Здесь явно взорвали не одну бомбу, сам понимаешь какую, но никогда не слышал, чтобы где-нибудь в Миннесоте устраивали ядерные полигоны. Не могли же меня вывезти на машине куда-нибудь за океан? А потом я глянул вперед, в сторону единственного разрыва в окружающем нашу колонну мраке, и все мысли о черноте остались в прошлом. Полагаю, ты понимаешь, почему.

– Зараженные.

– Я тогда не знал, как называются эти несчастные, и скажу тебе, что даже сейчас называть подобных тварей зараженными язык не поворачивается. На востоке тогда было похлеще, чем сейчас здесь, опасных чудищ столько, что они не только мелочью питались, они вовсе друг за дружкой гонялись, у них прям какой-то спорт, где каждый рвался занять первое место на пирамиде из костей соперников. Нам, должно быть, не повезло, та самая перезагрузка привлекла внимание опасной стаи, скорее даже орды, мертвяки как раз спешили к свежему кластеру, пробегая мимо перешейка, тянувшегося через черноту. И вдруг твари увидели, что к ним, ревя двигателями, направляется куча человеческого мяса. Реакция была предсказуемой. Их реакция. А вот я повел себя нестандартно, то есть не впал в ступор от такого зрелища, уверенно взялся за камеру, хотя перед этим мне раз десять повторили, что без команды делать это не имею права. К черту команда, какие могут быть приказы, мир сузился до размеров видеоискателя, я снимал это безумие со скоростью двадцать четыре кадра в секунду, я ушел в свою работу, я нырнул в нее, как в прорубь, с головой под лед, ведь иначе или паника, или сумасшествие, ведь то, что я видел, совершенно не походило на Неваду или Миннесоту. Это было... я даже не мог подобрать какие-то аналогии, это даже не походило на картинки про жизнь динозавров, это что-то совершенно чужое. Ну ты меня понимаешь, сам ведь недавно здесь, должен помнить свою первую реакцию.

– Камеры у меня не было.

– А у меня была, и я не выпускал ее из рук до последнего. Тварей набегало много, развитых, самых быстрых, опередивших всех прочих, а

колонна шла к выходу из окруженного чернотой мешка, будто дело происходит на параде. Перестроение в боевой порядок началось слишком поздно, командир не рассчитал скорость чудовищ, вместо того чтобы встретить лавину монстров шеренгой, мы ударили клином. То есть нет, не ударили, мы просто остановились и открыли огонь. Пушки и пулеметы, беглым, максимальный темп. Ни черта не помогло, твари плевать хотели на потери, они нас захлестнули, налетели на первые машины, облепили их, как саранча из Преисподней. Артиллерия что-то напутала, накрыла и зараженных, и нас. Рядом с моей машиной снаряды не падали, но впереди и слева было жарковато, даже пропитанные дезинфектором пробки в ушах не помогали, глушило раз за разом. Поднялся сильный ветер, он дул мне в лицо, принося жар пороховых выхлопов, резина противогаза нагрелась, пот заливал глаза, я мало что видел, но старался изо всех сил, и меня больше всего волновало то, что пленка вот-вот закончится. Командир начал менять ленту, и тут мимо промелькнуло что-то очень быстрое, большое и страшное. Оглянувшись, я не увидел командира. Люк распахнут, самого его нет, а с пулемета стекает кровь. Краем глаза увидел, как соседний танк вдруг подпрыгнул и опрокинулся набок. Я так и не понял, снаряд это был или развитая элита, потому что не успел обернуться. Что-то ударило меня по голове, и на этом все закончилось, меня будто выключили. Можно сказать, что я уснул за один миг. По всем законам после такого не просыпаются, так ведь?

— Судя по тому, что ты сейчас мне это рассказываешь, законы не сработали.

— Да, Карат, я проснулся. Не буду затягивать рассказ, скажу коротко — пробуждение было не из приятных. Мне одновременно и повезло, и нет, я оказался под сорванной танковой башней, она прикрыла меня, будто домик для гномов, поле боя было залито кровью людей и тварей, пропиталось вонью пороха, выхлопных газов и взрывчатки, почуять мой запах на этом фоне было трудно. На этом хорошие новости заканчивались, а из плохих должен упомянуть главную — край башни раздробил мне ступню, вдавив в землю развороченное мясо и обломки костей. Было темно, как в могиле, я думал, что настала ночь, но потом заметил, что откуда-то пробиваются проблески солнечного света. Как выяснилось впоследствии, на башне, прикрывая сорванные люки, лежала туша элитника, а ствол орудия был сильно изогнут, именно через него подсвечивало солнце. Попытался освободить ногу, но ничего не получилось, только отключился от боли. Когда опять очнулся, самочувствие было хуже прежнего, я не сомневался, что вот-вот умру. Даже хотел снять противогаз, чтобы быстрее отмучиться,

ведь не просто так нас заставили носить такие штуки. И когда расслышал отдаленные голоса, решил, что начал бредить, и почему-то рассмеялся. Но это был не бред, на поле боя пришли люди – местные иммунные. Днем они прятались по норам, а ночами вели себя будто шакалы, тайком разыскивая еду и воду, добираясь до обедков на местах трапез сильных тварей, чтобы потрошить споровые мешки их добычи. Как видишь, этот промысел существовал на Внешке еще до того, как там массово появились дроны, автоматизированные турели, управляемые мины и прочее. Местные тогда воспользовались тем, что мертвяки сожрали всю нашу колонну вместе с артиллерией и всеми теми, кто не успел добежать до лифта, после чего отправились грабить свежий кластер. Тот самый, перезагрузка которого стала прикрытием неудавшейся операции. Услышав мой смех, люди догадались, что под башней кто-то есть, и начали выкапывать проход.

– Тебе повезло.

– Я бы не назвал это везением. Иммунные не собирались меня спасать, они хотели забрать оружие и патроны. То есть то, чего у меня не было. Но их это не сильно расстроило. Первым делом они содрали противогаз и со смехом объяснили, что вскоре я превращусь в безумную тварь, которую, скорее всего, быстро съедят более сильные твари. Затем привязали к пушечному стволу, загнутому так сильно, что дульный срез указывал в небеса, после чего плеснули на меня чем-то, воняющим соляжкой и машинным маслом, и бросили спичку. Интересный момент – поджечь меня не удалось. Может, с топливом что-то не то было; может, все потому, что они обливали им вперемешку с черным машинным маслом, сочащимся из ближайшего танка; может, сказалось то, что с меня стащили всю одежду, а ведь она, пропитанная даже самыми скверными нефтепродуктами, горит отлично, в отличие от нашей кожи. А может, сам Улей решил, что меня следует приберечь. Лично я склоняюсь к последнему предположению, ведь шансов уцелеть у меня не было. Внешников никогда не любили, их не различали, считали, что все они одинаковые. Когда затея с огнем провалилась, эти люди сильно разозлились и начали избивать меня чем попало: пулеметными стволами, штырями антенн и камнями, переломали кости, свернули челюсть и оставили без глаза. Но вторым я продолжал смотреть на то, как меня убивают. Я не умирал, не терял сознание, просто смотрел и хрипел, сплевывая кровь и обломки зубов.

– Зачем?

– Что зачем?

– Чем ты им так не угодил?

– Я же тебе уже не один раз говорил, что внешников во все времена не

любили.

– Устраивать пытки в таком месте – это риск. Кровью воняет, твари могут набежать опять, не так далеко лифт, откуда может появиться спасательная команда, а поджигать – это вообще идиотизм, все равно что маяк включить, чтобы все видели, где они находятся.

– Вот ты о чем. Да, ты правильно говоришь, ведь в тот раз я выжил только потому, что мои истязатели были чересчур трусоваты. Их что-то напугало, они побросали все, чем меня колотили, даже оставили многие трофеи, собранные на поле боя. Только что они были рядом – и вдруг исчезли, сгинули во мраке. Задрал голову, я уставился уцелевшим глазом в потемневшие небеса и увидел, что нормальных звезд нет, зато есть что-то другое, и понял, что это все, это конец жизни. Но шло время, а смерть за мной не приходила. Где-то рядом кто-то гремел железом, слышалось урчание, страшное, даже не тигриное, что-то совершенно иное. Эти звуки могли издавать лишь глотки самых страшных чудовищ, но монстры почему-то не торопились приближаться ко мне. А я даже застонать не мог, чтобы их подманить и прекратить мучиться, сил ни на что не осталось. Потом из темноты вышел человек, который не стал колотить по мне железяками. Он постоял, посмотрел на меня немного и сказал, что я черный из-за крови и отработанного машинного масла, но шея у меня белая. Потом сказал, что я похож на пастора из негритянской церкви, над которым от всей души поработали парни в балахонах^[5]. И еще он сказал, что теперь это мое имя – Пастор. Затем он меня освободил и легко, будто ребенка, дотащил до черноты, где мне стало так плохо, что я готов был все отдать, лишь бы это мучение прекратилось, и меня снова начали избивать. Но это даже к лучшему, я не осознавал ничего, когда он отрезал мне ступню, приговаривая, что ее проще заново отрастить, чем вылечить. Звучало безумно, но я не возражал, у меня не было на это сил. Как ты понимаешь, тот человек не обманул, ступня и правда отросла заново. А еще я научился у него полезным вещам. Видел, как я убил этих мертвяков? Это его уроки.

– Твой спаситель был килдингом?

– Нет, он всегда держался сам по себе. Он не выше и не ниже учения, у него просто своя дорога к истине, другая. Таких, как он, мы уважаем, ведь по-другому нельзя, они ведь не стоят на месте, они тоже куда-то идут. Кто знает, кому из нас первому удастся дойти до конца тропы... Кстати, мы почти пришли.

– Знать бы еще, куда мы шли, ты меня совсем запутал такими рассказами.

– В деревню, куда же еще. Она тут большая и выглядит необычно. И, скорее всего, в ней пасутся зараженные. Думаю, большая часть тварей помчалась к самолету посмотреть, что там за шум, но обычно хотя бы две или три остаются, если не среди домов, так в окрестностях. Тут непростое место, у тварей нередко возникают сложности, предугадать, что происходит на этот раз, я не могу.

– Если мертвяки побежали к балке, почему мы их не видели?

– Причина простая – ты так заслушался, что не заметил, как мы идем по дуге, обходя торопящихся тварей. Много времени потеряли, зато ты послушал мой рассказ. Надеюсь, он тебе понравился.

– Не то слово, это будто пообщаться с человеком, который видел, как погибал последний мамонт.

– До деревни осталось около километра, она в той стороне. Еды в этом кластере не так уж много, вряд ли зараженные дорастают до опасных стадий, но на всякий случай будь готов ко всему, даже лотерейщик может убить тебя за две секунды, дай только ему шанс.

– А толку от моей готовности? Я пустой.

– Доберемся до деревни, первым делом поищи топор, инструменты есть в каждом доме.

– Крутое оружие...

– Все же лучше, чем ничего.

– Ты, как я вижу, много чего знаешь об этих местах. Раз так, может, в курсе, где тут охотники жили или просто браконьеры? Хотя бы двустволкой разжиться – уже хлеб.

– Дойдем до деревни, посмотрим, здесь варианты самые разные можно найти, деревня интересная, – туманно ответил Пастор. – Но я еще не решил, стоит ли нам с ними связываться.

– С кем?

– С вариантами... и не только с ними.

Глава 26

Еще не увидев первые дома, Карат начал приходить к выводу, что кластер какой-то не такой, нестандартный. И дело тут не в классификации, по которой их разделяют на три основные разновидности, тут, скорее, вопрос географический, и относится к географии внешних миров.

Те кластеры, с которыми он имел дело, почти все можно однозначно отнести к одному и тому же не слишком обширному региону, включающему в себя северные районы Украины и примыкающие к ним области России. По слухам, где-то дальше, в сторону Песочных Часов, они местами сменяются более холодными областями, с обширными лесами, так же за Доном – естественной границей огромной области Улья, проявляются заметные отличия. Там, если можно так выразиться, чуть ли не сплошная Ростовская область с вкраплениями Краснодарского края. То есть ощутимо жарче, рельеф преимущественно плоский, как блин, но при этом местами встречаются приличные возвышенности и даже самые натуральные горы, засилье степной растительности, но есть и леса, множество водоемов, заросших тростником обширных пространств, встречаются издали заметные терриконы, ну и так далее. Но архитектура, включая дороги, ничем необычным не блещет так же, как все прочее.

Полная предсказуемость, всегда схожие пейзажи и узнаваемые постройки.

Здесь, на подходе к деревне, перебрались через ненормальную для таких мест дорогу. Не новенькая, и не шоссе в несколько полос – узкая, с трудом разъехаться можно, но хотя асфальт не первой молодости, на нем не то что ям и трещин, на нем щербинки не найти. Идеальнейшее состояние, и выглядит так, будто его дважды в день моют с дорогим мылом. И машина, которая стояла чуть поодаль, у обочины, напрягла. Нет, автомобиль обычный, ничем не примечательный, вот только номера странные, больше всего флаг в глаза бросается – не похож ни на российский, ни на украинский, зато очень похож на флаг одной из европейских стран, украшенный непонятным символом и пересеченный по диагонали красной чертой.

Что иностранная машина делает на явно деревенской дороге? И почему эта узенькая дорога не по-деревенски шикарна? Эти два факта отдельно друг от дружки не напрягали, а вот, объединившись, вызвали вопросы.

Не выдержав, тихо поинтересовался:

– Это что, иностранный кластер?

– Ты о чем? – не понял Пастор.

– Я тут много где бывал, но флаги видел только российские и украинские. А этот какой-то странный, явно чужой. Непонятно как-то, ведь Улей старается похожие стыковать.

– А, вот ты о чем. Верно, в этом регионе именно такое правило, да и в других оно тоже работает, правда, не во всех, есть некоторые, где все свалено вперемешку. Однажды я видел кластер из песков Сахары, граничащий с кластером из Аляски, на нем даже кусок ледника был.

– А этот откуда прилетает?

– Я не вникаю в политику внешних миров, но точно знаю, что люди этого кластера говорят на русском или очень близком к нему языке. Не знаю, что тебя заставило думать иначе.

– Главным образом, дорога. Асфальта и у нас хорошего хватает, что бы кто ни говорил, но это уже не просто хороший, это нечто.

– Видимо, в той России, откуда ты родом, дорогам уделяют меньше внимания.

Заросли впереди начали редеть, и Карат, наконец разглядев деревню, покачал головой:

– Неужели тут и правда говорят на русском?

– А что не так?

– Я ни одного забора не вижу.

– Заборы здесь есть, даже приличные встречаются, но только вокруг хозяйственных сооружений на другой стороне деревни.

– Да тут не только в заборах дело: зелень подстрижена, вместо картошки во дворах газоны, за газонами не первый год ухаживают, все крыши в одинаковой розовой черепице, окна на полстены, если не больше, и без решеток. В наших деревнях так красиво не живут, а уж забор и злая собака в каждом дворе – почти закон.

– Можно подумать, что ты ожидал встретить филиал «ГУЛАГа». Насмотришься еще на разницу кластеров, здесь такое бывает, что глазам поверить трудно. Я после того, как повидал кластер со статуей Ленина на Острове свободы перед куском Нью-Йорка, больше ничему не удивляюсь.

– В смысле – вместо статуи Свободы?

– Ну а как же иначе?

– Однако...

– Бывают случаи похлестче. Ладно, это пустой разговор, давай перейдем к делу. Значит так, деревня некомпактная, складывается

впечатление, что несколько деревень не так давно соединились, люди в них живут вместе, но одновременно порознь. Зелени, как видишь, мало, просматривается хорошо. Нам надо пройти мимо вон той полоски камыша. Это речушка, но воды в ней обычно почти нет, грязь одна осталась, так что нырнуть не получится. И в случае чего бежать в ту сторону не надо, дно топкое, завязнешь. Просто держись возле меня.

— Я так и делаю все время. Чего ты напрягаешься? До этого шли по веселым местам, и так себя не вел. Сам говорил, что биомассы на кластере мало, твари не успевают развиваться, перезагрузка их подметает, и все начинается по новой. Мелочь твою маскировку раскусить не сможет, так что бояться нечего.

— А кто сказал, что я чего-то боюсь? А если и боюсь, то почему зараженных? Тут, Карат, интересный кластер. Наверное, он и правда сильно не вписывается в рамки стандартов региона, поэтому Улей и закидывает его в этот тайный угол, он будто стесняется показывать такое в людных местах.

— Я тебе так и сказал — отличается во всем.

— Ты еще не все знаешь.

— И что мне еще надо знать?

— Здесь почти в каждом доме стоит железный шкаф, в котором находится армейское снаряжение, боевое оружие и патроны к нему.

— Серьезно?

— Серьезнее не бывает. Автоматы, ручные пулеметы, пистолеты, винтовки, патроны разные. Ключи от шкафов у военнообязанных.

— Да это же Эльдorado, знай о нем рейдеры, здесь бы от них прохода не было. А по виду не скажешь — мирное местечко.

— Охотничьих и спортивных стволов в этом тихом местечке тоже много. Насколько я понял, приобретать его в этом мире можно без сложностей — армейское выдают бесплатно достойным гражданам: не алкоголикам, не наркоманам, не дебоширам, не имеющим приводов в полицию, прошедшим военную подготовку.

— Зачем?

— Затем, что пригодные к воинской службе мужчины призывного возраста, в случае опасности для страны, раскрывают свои шкафы, берут то, что им заблаговременно вручают военкоматы, и превращаются в армию.

— Двустволки с берданками или реально армейские стволы?

— Ты разве меня не слышал? Автоматы, винтовки, пистолеты, несколько ручных пулеметов. На случай чрезвычайной ситуации имеется укрепленное хранилище с крупнокалиберными пулеметами, гранатами и

бронебойными патронами.

– Круто устроились. И что, все деревни здесь такие?

– На этом кластере всего одна деревня.

– Я о мире, из которого она прилетела.

– Насколько мне известно, там полноценным гражданином может стать лишь психически устойчивый, хорошо себя зарекомендовавший человек. И он в обязательном порядке должен пройти через воинскую службу, после чего становится военнообязанным, это обязательное условие.

– Полноценным? Это как? Если ты, допустим, инвалид, не нужный армии, то права голоса не получишь?

– Для таких предусмотрена гражданская служба.

– Теперь я понял...

– Что ты понял?

– Понял, почему здесь такие хорошие дороги и все прочее. Шкафы с автоматами и гражданские права, которые ты получаешь не просто потому, что тебе повезло выбраться из мамы в нужное время и в нужном месте – ключевой маркер.

– Ты о чем?

– Да так, не важно, ты вряд ли поймешь, долго объяснять надо, дальше говори.

– Учти, что в деревне оружия хватит на мотострелковый батальон, патронов тоже много. Даже два-три иммунных могут объединиться и ее зачистить, если будут действовать жестко и с самого начала, пока мертвяки не успели развиться. Поставь себя на место таких людей, они, возможно, убили сотни своих соседей и родственников, что у них после такого в голове творится, я даже думать об этом не желаю. И еще учти, что почти все они получили серьезную боевую подготовку. Так что, Карат, я передумал, искать тебе ствол здесь мы не будем, не хочу получить пулю от местного снайпера. В деревне кто-то есть, я это знаю точно, чутье подсказывает, и не забывай, что моя маскировка спасает только от зараженных. Люди или почуют подвох, или нет, но пристрелить могут в любом случае, мы ведь в их глазах будем выглядеть парой мертвяков. Таких обычно убивают холодным оружием, берегут патроны, но в этом месте патронов очень много, нет смысла беречь, нас просто не подпустят.

– Я понял. Зачем тогда вообще заходить в такую непростую деревню?

– Хороший вопрос. Мы, собственно, заходить не будем. Нам надо пройти мимо вон той речки, там, дальше, за домами не видно, располагается что-то вроде фермерского подворья: сарай, гараж и это, как его... Как называется место, где у вас хранят сухую траву?

– Сеновал.

– Верно, все время почему-то из головы вылетает, хотя русский уже давно второй родной. Ограда там, кстати, имеется, а то тебе без них деревня – не деревня. И ворота в ней есть. Обычно рядом с воротами стоит машина, вот она нам и нужна.

– Я думаю, что тут в каждом дворе есть хорошая машина, а то и две-три. По деревне заметно.

– Нам, Карат, нужна не простая машина, а машина особенная. Может, и другие такие где-то есть, но я не знаю, где их искать. А про эту знаю, так что пойдем за ней. Идем тихо, пригибаясь за камышом, там тропинка через него идет. Она узкая, прикрыта с двух сторон, но местами слева прикрытие отсутствует, нас могут заметить. Если что-то пойдет не так, сразу падай и отползай назад, а потом можно отказаться от идеи с машиной, пешком пойдем.

Карата напрягли подробнейшие объяснения Пастора, в связи с чем он высказал очевидное предложение:

– При таких делах зачем нам вообще эта машина сдалась? Пройдем через этот стаб пешком, кустами и по краешку, как до этого ходили.

– Мысль разумная, но с машиной время сэкономим.

– Жизнь дороже.

– Для тебя, возможно, да, а я человек занятой, так что просто помолчи и шагай за мной. Сам потом удивишься и рад будешь, мы очень хорошо выгадаем.

– Ага, если по пуле не схлопочем.

* * *

Несмотря на дурные предчувствия, вдоль речки прокрались без приключений. Поучилось даже чуть лучше – тропинка практически на всем протяжении не просматривалась. Если не глупить и заранее пригибаться перед просветами, заметить со стороны очень сложно.

Заминка возникла в воротах – они оказались запертыми, что Пастора слегка удивило. Видимо, обычно все было иначе. Основательные, такие символическими не назовешь, а вот замочек на вид хлипковат. Но выламывать его не стали, просто перелезли, благо конструкция преграды этому способствовала.

Правда, с этой проблемой все равно придется что-то решать. Машины, увы, перебираться через ограды не умеют.

Пастор, оказавшись на земле, с довольным видом указал влево:

– А вот и наш гоночный болид.

Обернувшись, Карат, не поверив своим глазам, пошарил взглядом из стороны в сторону и, не найдя ничего другого, что хотя бы отдаленно напоминало транспортное средство, уточнил:

– Ты шутишь?

– Отнюдь, я серьезен.

Есть такое хорошее, емкое, много чего объясняющее слово, не нуждающееся в дополнительных описаниях, и слово это – драндулет. Именно оно пришло в голову при виде убожества, ради которого пришлось пойти на риск подставиться местным, сбрендившим на почве массовых убийств стрелкам.

– Господи, ну почему эта ржавчина находится не в музее металлолома?.. – только и смог произнести Карат.

– Да ну, не такая уж она и древняя, – заметил Пастор. – Ты водить умеешь?

– Так оно еще и ездит?!

– Ну а как же, техника надежная, на ходу. В прошлый раз шины пришлось подкачать, спустили прилично, а сейчас и это не понадобится, вон какие тугие.

В доказательство своих слов, Пастор пнул по колесу, почему-то при этом поспешно оглянувшись, будто что-то высматривал, и с легкой досадой произнес:

– Все же подкачать придется, немного спустили.

– И далеко вы в прошлый раз уехали? – поинтересовался Карат.

– Прилично.

– Да я глазам своим не верю, это ведь худшая колымага на кластере, ее специально сюда припрятали, чтобы деревню не позорила.

– У этой машины имеются неоспоримые достоинства, чуть позже ты их сможешь оценить. В технике разбираешься?

– Поковыряться могу, но не в такой – это уже не техника, это археология, я пас.

– Тогда проверь бензин, а я масло гляну, мало ли что.

Карат только начал выполнять указание Пастора, как резким незнакомым мужским голосом поблизости грозно рывкнули:

– Руки за головы! Оба!

– Только шевельнитесь, и мы всех перестреляем! – добавили другим голосом, чуть ли не детским.

Такое ощущение, будто говоривший располагается где-то наверху.

Пастор, как ни в чем не бывало копаясь под капотом, безмятежно ответил:

– А девочку чего прячете? Давайте и ее на белый свет выводите, если начали знакомиться, так лучше сразу со всеми.

– Знакомиться?! А ну руки поднял! Живо! – вновь отозвался почти детский голос, но уже с неуверенными нотками.

Карат, застыв на месте, не знал, что ему делать, но поднимать руки не торопился, ведь Пастор даже не дернулся, так и продолжает под капотом шарить. Хотелось бы взглянуть на говоривших, но для этого придется обернуться, что может привести к нехорошим последствиям. Голос у второго опасный, его обладатель явно не наделен крепкими нервами, таких дерганных следует опасаться, а ну как возьмет и правда выстрелит? Судя по описаниям деревни, здесь можно что угодно в спину получить – от заряда картечи до автоматной очереди.

– Карат, бензин посмотреть не забудь, – невозмутимо произнес Пастор и, повысив голос, с неизменным спокойствием заявил: – Я вас заметил, еще когда мы к воротам подходили. Подмигивал в вашу сторону, вы это видели, должны были понять, что знаю про вас.

– Руки поднял!!! – чуть ли не взвыл детский голосок.

– Сашка, уймись! – властно произнес мужчина, который первым начал странный диалог, – явно в годах, солидно изъясняется. – Видели вы нас или нет – это дело десятое. Кто такие? Откуда взялись? И руки поднять надо, у меня тут бойцы слабонервные, у них пальцы дрожат.

Пастор, наоборот, опуская руки, таким же спокойным голосом сообщил:

– Не надо волноваться, я сейчас кобуру с пистолетом сниму, чтобы она вас не смущала. И расскажу кое-что о вашем недавнем прошлом. Был густой туман, воняло кислым, деревня после этого оказалась непонятно где, жители превратились в зомби, начали есть нормальных, коров, домашнюю птицу и друг друга, вы – единственные выжившие и понятия не имеете, что происходит, но хотите это узнать.

– А ты, стало быть, знаешь? – с легким недоверием спросили первым, взрослым голосом.

– Отправь мальчишку к рюкзаку, сзади увидит три кармашка, тот, который большой и плоский, пусть откроет, он верхний. В нем две папки, в одной карты, они вам не понадобятся, а в дугой брошюры тоненькие – это вас заинтересует. Одну пусть возьмет, и почитайте. Оба почитайте, и лучше девушке вашей тоже дать посмотреть. Очень много вопросов отпадет, а другие появятся. Время сэкономите, сам я так складно и по пунктам не умею

говорить, да и разговор – это одно, а чтение – совсем другое, воспринимается по-разному. И пока читаете, подумайте, где можно масла достать для машины этой, почти пустая, ушло почему-то.

– Сашка, пистолет его подбери и возьми то, что он сказал, – приказал первый голос. – А вы, оба, развернулись и руки на виду держите. Быстро развернулись, шутки закончились!

Голос строгий, требовательный, но уже не заставляют поднимать конечности – прогресс налицо.

Обернувшись, Карат наконец рассмотрел говоривших. На односкатной крыше сарая стоял паренек лет пятнадцати от силы, болезненно малорослый, худой почти до состояния ходячего скелета, камуфляжные штаны явно великоваты ему в талии, поверх темно-синей футболки наброшена разгрузка со множеством автоматных магазинов, сам автомат держит на изготовку и, по всему виду, как стрелять из него, знает.

Метрах в пятнадцати левее, возле угла того самого сеновала, присев за массивной колодой, устроился мужик лет пятидесяти, но такому можно и все шестьдесят дать, видно, что за собой следит: прическа волос к волоску, сами волосы, похоже, подкрашенные, в них ни намек на седину, подтянутый, идеально выбрит, лицо не по-деревенски холеное. Одет так же, как пацан, то есть смесь камуфляжа с неброской одеждой, аналогичная разгрузка, только вместо автоматных магазинов набита пулеметными. Сам ручной пулемет смотрит в сторону драндулета, расставленные сошки опираются на колоду.

По какому-то наитию покосившись вправо, Карат увидел и девушку, о которой упоминал Пастор, но сама она при этом ни звуком себя не выдала. Около двадцати пяти лет, не толстуха, но телесами не обделена – эдакая «кровь с молоком», лицо рыхловатое, простецкое, без малейших следов косметики и выглядит заплаканным. В отличие от остальных, в одежде ничего гражданского не просматривается, сплошной камуфляж. Само собой, имеется разгрузка, набитая автоматными магазинами, и сам автомат.

Если эта троица откроет огонь, и «мама» сказать не успеешь. Грамотно расположились, держатся уверенно, только пацаненок выглядит слегка напуганным, но даже он понимает, что парочке пришельцев ловить нечего, похоже, он просто по жизни нервный.

Свежайшие новички и здешние реалии для них – та еще загадка. Уверены, что у них все под контролем, вот только это другой мир, с другими законами, прежние правила здесь работают не всегда или не в полной мере. Думают, что они хозяева положения.

Какие наивные!

Карат за прошедшие сутки успел восстановиться, ему ничего не стоит ускориться, сделать три шага влево, поднять пулемет Пастора и, наводя его поочередно на противников, давить спусковой крючок, на кратчайший миг выходя в обычный режим. На то, чтобы всем троим подарить по короткой, на патрон-другой, очереди уйдет не больше одной секунды, сомнительно, что кто-нибудь из них хоть что-то успеет понять. Главное – начать со старшего, уж больно хитро сидит, только голову и плечи с руками подставляет и выглядит куда опаснее остальных, взгляд характерный. Он должен умереть первым, оставшихся можно не брать в расчет – это бойцы поневоле.

Но Карат рассматривал такой сценарий исключительно теоретически. Пастор, определив близость этой троицы своим нечеловеческим чутьем, даже не подумал предупредить об этом спутника, да и сам не дернулся что-либо предпринимать. То есть полагал, что им ничего не грозит, а мнение человека, который столько прожил в этом мире, дорого стоит.

Сектант, будто отвечая на мысли Карата, тихо произнес:

– Не напрягайся, все будет нормально, я умею договариваться, а этот человек умеет читать. По-настоящему умеет, быстро и вдумчиво, ничего не пропуская, я это по нему понял. Он обычный новичок, успел многое повидать, в том числе необъяснимого, у него много вопросов, которые ему спать не позволяют, а у нас есть ответы, он уже сейчас готов с нами подружиться, просто статус не позволяет торопиться. Я постоянно в такие ситуации попадаю, они стандартные, если речь не идет о самых первых днях. В первые дни очень сложно налаживать контакты, но нам повезло, эта деревня стоит здесь уже не одну неделю, по ней видно.

– Лучше бы мы пошли пешком...

– Нет, с этой машиной мы время выгадаем.

– Если нас не грохнут эти селяне.

– Им это не нужно. Они в ловушке, а мы – их ключ к освобождению. И не забывай – Улей любит тех, кто помогает новичкам.

Мальчишка, спустившись на землю, настороженно приблизился к машине, держа на прицеле Карата – почему-то принял его за самого опасного.

Возможно, так оно и есть.

Подхватил пистолет Пастора, оттащил в сторону пулемет, присел перед рюкзаком, покопался, вытащил бумаги, пятясь с оружием на изготовку, добрался до угла сеновала, протянул «трофеи» мужчине. Тот открыл первую папку, затем вторую, лицо его изменилось, видимо, прочитал название одной из тех брошюр, которые на принципах

благотворительности принято выпускать во многих уважаемых стабах как некий признак их цивилизованного статуса. Так сказать, простейший способ помочь новичкам и показать, что в этом месте чтят общепринятые традиции Улья. На нескольких листках очень сжато расписывается суть происходящего и дается критически важная информация, без которой в новом мире выжить невозможно. Что такое перезагрузка и чем чревато под нее угодить; кластерная система Стикса; примитивная география – расписываются роли запада и востока, указывается наличие обитаемой полосы; биология иммунных и зараженных; напиток из споранов, принципы приготовления и обязательность его регулярного употребления; можно ли вернуться в свой мир; сверхъестественные способности и так далее, и тому подобное.

Такие брошюры мог бесплатно брать любой желающий и раздавать встреченным на кластерах ошарашенным новичкам. Карат тоже таскал несколько, отпечатанных в Полисе, но потерял их во время наводнения – остались в рюкзаке на лодке, судьба которой неизвестна. Они не занимают много места и позволяют не напрягать язык, рассказывая по сто раз одно и то же, поскольку у тех, кто только-только попал в Улей, вопросов столько, что в головах не укладываются, и все они одинаковые.

Естественно, объем текста, рассчитанного на десять-пятнадцать минут быстрого чтения, не позволяет детально расписать все особенности новой жизни, но более подробная литература или вообще не существует, или до Карата не добралась. Да и таскать с собой пачку пухлых книг далеко не каждый согласится, плюс вопрос времени приходится учитывать, ведь новичкам надо узнать много и сразу, а такой вариант потребует не меньше нескольких часов, причем в спокойной обстановке. Куда практичнее – постепенно удовлетворять законное любопытство при помощи бесед со старожилками. К тому же многое постигается безо всяких разговоров, надо лишь провести в новом мире некоторое время и проявлять минимальную наблюдательность.

Мужчине понадобилось не больше двух с половиной минут, чтобы, продолжая неотрывно смотреть в раскрытую брошюру, строго рывкнуть на младшего бойца невеликой группы:

- Сашка, масло им покажи.
- А где я его возьму? – удивился пацан.
- Мне-то какое дело? Тебе приказано, вот и прояви смекалку. И учтите, что масло подтекает, если далеко ехать собрались, что вряд ли получится, запас желательно взять. Но я бы на вашем месте выбрал другую машину.
- Нам нужна именно эта, – ответил Пастор. – И да, прежде чем вы

начнете задавать вопросы, подумайте над тем, что вам на этом кластере оставаться нежелательно. Прочитайте то, что написано на первой странице.

– Отсюда нельзя уйти, – заявила девушка от ворот. – Наши пробовали, ничего хорошего не получилось.

– Можно. С нами все получится, – сказал Пастор и улыбнулся без тени эмоций, будто кукла резиновая.

– Тут написано про какой-то очищенный споровый раствор, – завил мужчина. – Если переживший все это лежит при смерти, в себя почти не приходит, его можно вылечить такой гадостью?

– Не стоит называть гадостью то, что спасает всем нам жизнь, – ответил Пастор. – Споровый раствор почти все может, в том числе и лечить.

– Тогда у меня второй вопрос – у вас он есть?

Глава 27

Старшего в четверке звали Архипом, и, как заподозрил Карат спустя несколько минут после знакомства, трое остальных до сих пор не превратились в груды обглоданных костей исключительно благодаря его действиям, как в корне ошибочным, так и правильным.

Не имея хотя бы частичного комплекта знаний о здешнем мироустройстве, не ошибаться невозможно.

На момент перезагрузки в деревне находилось более четырехсот человек. При хорошем раскладе из такой толпы должно было получиться порядка десятка иммунных, но в данный момент их насчитывалось всего четверо, и ожидать новых не приходится: в ловушку Стикса эти люди угодили две с половиной недели назад, подкрепления не предвидится – кругом непроходимая чернота, финальная фаза процесса заражения осталась в прошлом – все местные уже давно обратились.

Когда все только-только завертелось, здешний представитель районного совета весьма оперативно взял бразды правления в свои руки, потому как был мужиком решительным и неглупым, местные его уважали за возраст и богатый опыт, а также он отвечал за мобилизационные мероприятия. Карат так и не понял его роль в них, но очевидно одно – военнообязанные подчинялись ему так, как должны подчиняться старшему офицеру.

Непонятно, что за порядки царили в этой явно нестандартной стране, но чуть ли не все мужчины и часть женщин норовили удариться в милитаризм по любому поводу, начиная от загоревшейся в поле скирды соломы до традиционной драки молодежи на танцах. Вот и теперь, не прошло и двух часов после исчезновения электроэнергии и связи, как ключевые точки были обеспечены электричеством при помощи собранных по деревне генераторов, а в райцентр отправилась машина с делегатом связи.

Вернулась она подозрительно быстро с крайне неправдоподобными новостями, из которых лишь одна не вызвала недоумения – обнаружилась причина исчезновения света, линия электропередачи была обрвана километрах в четырех от деревни, возможно, диверсантами. Все прочее прямо указывало, что рассказчик явно не в себе, да и внешний вид мужчины это подтверждал – пот с него лился ведрами, речь становилась все более и более сбивчивой, голос изменялся.

Выслушав фантастический доклад впадающего в бредовое состояние делегата связи, командующий лично отправился в ту же сторону и, быстро вернувшись в крайне расстроенных чувствах, начал спешно готовить деревню к обороне от серьезного противника. В частности, был расконсервирован склад тяжелого вооружения и гранат, в который, по правилам, позволено заглядывать не чаще одного раза в год, исключительно ради наведения порядка и ревизии, собраны и очищены от смазки хранившиеся там три старых крупнокалиберных пулемета, их установили с таким расчетом, чтобы контролировать самые удобные подъезды и массированно поражать низколетящие цели.

Паранойя командующего дошла до такой степени, что он, опасаясь атаки бронетехники, почти успел организовать пункт по изготовлению бутылок с коктейлем Молотова и регулярно звонил по отключенному телефону, истошно требуя немедленно прислать ему радиоуправляемые фугасы, ударный беспилотник с длинноногой девушкой-оператором и трех инструкторов по минно-подрывному делу, на случай партизанской войны. Инициативность начавшего сходить с ума свежего зараженного иссякла в тот самый момент, когда он утробно заурчал и попытался вгрызться в шею симпатичной бабенке из озорных разведенок, которую лично поставил при себе связисткой в самом начале эпопеи.

Несмотря на столь неожиданные штабные потери, жители деревни сохранили боеготовность. Даже мало того, начали организовывать карантинные пункты, куда живьем стаскивали впадающих в безумие соседей при помощи веревок и единственного бредня, конфискованного у самого злостного браконьера.

Больных становилось все больше и больше, в какой-то момент процесс вышел из-под контроля, начались нападения на улицах и в жилищах, оставшиеся на ногах не могли поспевать везде, к тому же большая часть сохранивших боеспособность страдала от недомоганий физических и психологических. Невозможно было определить, кто следующий в очереди впадающих в безумие, ряды бойцов стремительно таяли, подмоги не было, на улицах загремели первые выстрелы.

Разведчики, прежде чем обратиться, успели шепнуть во многие уши, что дорога к райцентру тянется километра на четыре, а дальше, прямо за обвисшими проводами, начинается непонятная выжженная земля, там даже ходить невозможно, мгновенно с ног валишься. Выжившие и верили и нет, пришлось к утру организовать еще одну поездку. Точнее, две, пару машин в разные стороны послали. Обе вернулись оперативно с аналогичными известиями – далеко уехать не получается, деревню и прилегающую к ней

местность окружает непонятная чернота. Если предположить, что эту землю выжгло, не сходится изменение рельефа, появление или исчезновение лесополос, другие дороги и прочие несоответствия.

К тому же что это за огонь такой, если его никто не видел, а на пораженную им территорию ступить нельзя? Человека тут же скрючивает, он теряет ориентацию и ползает беспомощным младенцем.

Объяснение может быть лишь одно – деревня и ее окрестности попали под удар современного оружия комплексного воздействия. Естественно, секретного, никто ведь о таком не слышал. В этот сценарий укладываются и впавшие в буйство люди, и сбивающая с ног чернота, и отсутствие связи.

Но надо признать, что этой гипотезе многое не соответствовало: откровенно чужие ночные небеса; пойманная однажды радиопередача, более чем странная, вообще не похожая на стандартный радиообмен, но и на шифр вероятного противника тоже не походила; невозможно объяснить невосприимчивость некоторых людей к заразе и так далее – список противоречий набрался приличный.

Однако Архип, взяв на второй день командование в свои руки, цеплялся именно за эту версию, ничего получше у него не нашлось. Он упрямо старался удерживать зараженных в спешно оборудованных карантинах, организовывал охрану при стремительно сокращавшемся количестве бойцов, пытался накормить урчащую свору горячей пищей, а потом и просто сырым мясом, спешно забивая коров, своими же руками выращивая поколение усиленных тварей. На говядине они росли, как на дрожжах, ведь это у них любимая еда.

Поначалу случились два инцидента со впадшими в безумие бойцами. Заражение еще не успело отнять у них разум, но серьезно повлияло на его работоспособность. Один открыл огонь по карантинному загону из крупнокалиберного пулемета (чем, в сущности, немного помог выжившим, сократив поголовье тварей), второй ходил по улице, хохоча во все горло и швыряя гранаты в окна домов (с той поры Архип запретил ношение ручных гранат и припрятал все автоматы с подствольниками).

Но такие случаи быстро остались в прошлом, за происшествия начали отвечать исключительно зараженные. Жалкая горстка иммунных не успевала за их аппетитом, твари пожирали не только приносимое мясо, но и друг дружку, нехорошо изменялись, становились ловкими и сильными. Поначалу они сбегали поодиночке, перебираясь через ограды, затем произошел первый массовый побег, когда мертвяки дружным напором обрушили стену коровника. В тот день бойцы Архипа понесли первые потери от своих бывших соседей и родных.

А уже на следующий день случился бунт – три человека уселись на машину и отправились в сторону райцентра с твердым намерением добраться до него, чего бы это им ни стоило.

Через день вернулся лишь один – Жора. Выглядел он плохо, едва ноги переставлял, оружие свое потерял, лепетал что-то бессвязное. Как его не поймали разбежавшиеся по округе обитатели карантинных, непонятно. Что с ним происходит – тоже загадка, обычно парень на здоровье не жаловался.

В краткий миг просветления он сумел рассказать, что машина заглохла, едва заехала на черноту и дальше неизвестно сколько метров скатывалась по инерции с непонятно откуда взявшейся горочки. При этом никто ею не управлял, и водитель и пассажиры впали в невменяемое состояние. Даже то, что в итоге автомобиль перевернулся, до народа не сразу дошло.

Каким образом Жора добрался до зеленой травы, он объяснить не мог. Но, судя по тому, что штанины и рукава стерлись до дыр, а кожа в прорехах до окровавленного мяса, ему пришлось немало поползать.

Архип сходил к спуску, надеясь вытащить оставшуюся парочку, но разглядеть машину не смог, а забираться на черноту не рискнул.

На обратном пути его едва не убил зараженный, развившийся до опасного состояния, растерявший человеческий облик, проворный и сильный. С каждым днем таких появлялось все больше и больше, первоначальные медленные и тупые, внешне неотличимые от нормальных людей, перевелись. Архип, осознавая, чем грозит гуманность, пошел на крайнюю меру – лично перестрелял последних, все еще остававшихся в карантинных пунктах.

Не считая истерики уцелевшей девушки, возражений против столь кровавой развязки не последовало, потому как возражать было особо некому, да и любому понятно, что с такими силами контролировать противоестественных безумцев не получится. В его войске на тот момент осталось два боеспособных бойца – Сашка и Лидка, что с ним, что с ней много не навоюешь. Жора – парень недисциплинированный, но толку даже от такого побольше, однако рассчитывать на него не приходится – вот уже почти неделя прошла, а он не то что на поправку не идет, ему все хуже и хуже становится, только и делают, что капельницы с физраствором ставят и пробуют кое-как воду в рот заливать. Глядя на него, никто теперь на черноту шагнуть не мечтает, выхода из ситуации тоже не видят, только и ждут непонятно чего, часами прислушиваясь к трещащему помехами радио.

Но это лишь на досуге, между делом или даже в процессе, постоянно

приходится думать о безопасности, ведь разбежавшиеся жители время от времени предпринимают попытки вернуться в деревню. С ними не церемонятся, расстреливают, вовремя подъезжая к местам прорыва, в последнее время твари не лезут, дальнобойные винтовки научили их не приближаться к человеческому жилью. Контроль за периметром последние защитники осуществляют дистанционно, установив почти два десятка камер, данные с которых выводятся на единый пост наблюдения. День и ночь на нем кто-нибудь дежурит.

Но не сейчас – впервые за все время к деревне вышли люди. И самое удивительное – люди чужие. Уж своих-то здесь знают всех, на то она и деревня.

* * *

Пастор, без эмоций посмотрев на пожелтевшую мумию, обернутую чистой простыней, своим непередаваемо отстраненным голосом спросил:

– Оно живое?

– Первым красавцем был, все девки заглядывались, – вздохнув, ответил Архип. – С час назад точно живым был, а сейчас поди пойми. Ухо ему потри, он после такого обычно хрипеть начинает.

Наклонившись над Жорой, Пастор потрепал сморщившееся ухо и покачал головой:

– Он дышит, но хрипение я не слышу.

– Ну так что с ним? – обеспокоенно спросила Лида от порога.

– Похоже, он умирает, – ответил Пастор.

– И что, ничего нельзя сделать?!

– Думаю, что это крайняя степень спорового голодания.

– Такое никак не вылечить? – уточнил Архип.

– Я не врач и не знахарь, все тонкости мне неизвестны. Знаю, что споровое голодание на запущенных стадиях не имеет единых симптомов. Я разные случаи видел, но такой – впервые, ничего не могу сказать. Наверное, все дело в том, что он на черноту отправился, будучи новичком, пробыл там долго и потом не получил ни капли живчика. Редкое стечение обстоятельств.

– Я им говорил, что к саже этой даже подходить нельзя, – вздохнул Архип. – Чужал, что нечисто дело, сам неверующий, а рука дергалась перекреститься, когда видел.

– Он пить может? – спросил Пастор.

– Мы ему заливаем понемножку, он, когда в сознание приходит, всегда пить просит, – ответила Лида.

– Позавчера последний раз глаза открывал, – сказал Архип. – Я это не застал, спал уже, Сашка дежурил.

Помещение, в котором держали Жору, служило одновременно и лазаретом, и наблюдательным пунктом. Большой сухой подвал, одну стену которого загромождают спешно сколоченные полки, на них располагаются ноутбуки и мониторы, транслирующие изображения с расставленных по деревне камер. Судя по всему, наверху только ели и спали, дом для этого оборудовали, прикрыв окна и двери кое-как сваренными и сколоченными решетками, организовав по периметру пулеметные точки. Оружия у защитников хватало, там и сям приготовлено к бою, а на улице стояли два автомобиля, предназначенные для оперативного перемещения к местам прорывов. Основательные внедорожники, Архип со своей командой успел испоганить им кузова, по наитию или что-то зная, придя к тем же идеям, коими руководствуются все механики Улья, одинаково уродующие весь попадающий к ним транспорт.

Пастор достал из рюкзака объемную флягу, отвинтил пробку, понюхал, скривился:

– Пациентам в таком состоянии внутривенно заливать надо – лучший способ. Но при таком способе приема обычный живчик для больного новичка плохо подходит, а уж для первой пробы – чистый яд, слишком опасно. Алкоголя много, и какая-то взвесь все равно остается, его процеживают плохо, два-три слоя марли нельзя считать качественным фильтром. Алкоголь для вен – вредно, но неопасно, а взвесь убьет его за несколько минут, он слишком слаб, и он новичок, которому трех недель нет.

– Изготовить нормальный внутривенный раствор как-нибудь можно? – спросил Архип.

– Можно, но время займет, и не уверен, что у вас найдется все необходимое. В самом простом случае достаточно хорошего фильтра, но толку от такого раствора будет немного, часть вредных веществ через него проходит. Мы привыкаем к яду, в малых дозах он даже идет нам на пользу, хотя некоторые для себя или на продажу изготавливают химически очищенный раствор, в нем нет ничего лишнего. К сожалению, у меня он обычный, а это плохо, ведь у нас новичок ослабленный, и у него это первый прием. Не будем рисковать, давайте так зальем, хотя бы пара глотков должна добраться до желудка. А через час повторим, возможно, к этому времени он очнется, живчик способен на многое. И пока занимаемся

лечением, ты, Архип, расскажи мне о машине. Мне масло нужно, ты говорил, что Сашка принесет, а он не принес. И свечи мне тоже нужны, желательно два комплекта.

– Да на кой тебе сдался этот драндулет? Удивительная телега, потому как сама себе удивляется – дескать, почему это я до сих пор не развалилась. Мишка Хвостов, когда из Опалево перебрался, притащил, чудной он, как вся их семейка, все хотел до ума довести, любил с разной рухлядью возиться. Теперь ему не до рухляди, съели его свои же родственнички, в загоне затоптали, не зря он вечно с ними на ножах был. Все у него не как бывает у людей, даже помереть по-человечески не сподобился... Вон оба джипа на ходу, бери любой, а про Мишкины чудачества забудь.

– Мне оба нравятся, но, к сожалению, в нашем случае на них никуда не уедешь. Я сам масло и свечи найду, думаю, в деревне и того, и другого достаточно, но помощь лишней не будет.

– Да разберемся мы с этим маслом и свечами, тут такого добра и правда полно. Я вот одного не пойму, мы же тут все в одинаковом положении. Получается, ни я, ни Лидка, ни Сашка эту гадость не пили, мы даже знать о ней не знали. Но заболеть сподобился только Жора, а у нас здоровье, будто у космонавтов. Как так?

– Действительно нет жалоб?

– Ну, найти-то всякое можно: и спать вечно хочется, и тупим иногда всей гурьбой, и желудком Сашка мается временами, и настроение похоронное. Ну а как по-другому при такой жизни?

– Кто-нибудь из вас хоть шаг в черноту делал?

– Да что мы в ней позабыли?!

– В этом и ответ на твой вопрос. Если не покидать свой родной кластер, не получать травмы и полноценно питаться, то споровое голодание проявится не скоро. Это не во всех случаях работает, полный список причин, которые на это влияют, мне неизвестен, но явление не редкое. Улей обычно добр к таким, как вы, к ним даже трясушка не цепляется в таких случаях, а уж она всех нас донимает, даже старожилы. Жора вышел за границу, Жору принял Улей, а Улей хочет, чтобы его детишки регулярно принимали живчик. У вас даже умения еще не проявились, вы обычные зависшие, которым повезло не сделать неверный шаг.

– Неужто всего шага хватает?

– Обычно – да. Шагнул на соседний кластер, все равно какой, начинай пить живчик и готовься к активации дара.

– У меня к тебе еще вопрос. И не один.

– Понимаю, но давай, во избежание недоразумений, сразу

определимся. Ты командир лишь над этими людьми, и вместе с ними ты умрешь или от ваших бывших соседей, когда они подрастут, питаясь друг дружкой, или после того, как ваш кластер сменится новым. Читал брошюрку? До перезагрузки некоторые из твоих бывших соседей могут успеть развиться до топтунов, вы ведь их говядиной на первых порах подкармливали, а потом они и сами до оставшихся коров добрались. Скот в таких случаях нужно забивать сразу и закапывать, бульдозер я у вас видел. Развиться на хорошем мясе они успели, теперь им достаточно своих ослабевших употреблять, чтобы держать тело в тонусе. Топтун в брошюре описан, как несколько видоизмененный человек, постукивающий при ходьбе пятками, из-за этого его местами называют чертом или дьяволом, ассоциируя костяные наросты с копытами. Наряду с лотерейщиками – это основной виновник гибели самых продуманных новичков. На тех, которые не думают вообще, хватает бегунов и даже пустышей, те, которые поумнее, от таких уходят, но твари с высоких стадий уравнивают всех. Шансы отбиться даже от слабого лотерейщика у безоружного и неприспособленного почти отсутствуют, но у вас есть и оружие, и подготовка. А вот топтун уже другое дело, легким стрелковым вооружением его уничтожить непросто. Надо точно знать, куда и из чего стрелять, картечь и мягкие пули применять нежелательно, хотя бронебойные пули – дорогостоящее излишество, обычно достаточно обычных. Но это только если топтун позволит по себе пострелять, а не вынесется на вашу машину из зарослей на обочине, тогда надо бить быстро самым сильным, что есть. А за топтуном такие чудовища вырастают, что против них необходимы специальные стволы и боеприпасы.

– У нас вообще-то три крупнокалиберных пулемета есть и патронов к ним полно, – сообщил Сашка, не отрываясь от мониторов.

Пастор, проливая большую часть живчика, морщился, пытаясь бороться с перерасходом ценной жидкости, и продолжал:

– Ладно, допустим, зараженные до вас не доберутся, или даже вы их всех перестреляете. Учтите – этот кластер живет меньше трех месяцев. То есть ему приблизительно два осталось. Затем у вас пара вариантов – плохой и очень плохой. В первом необходимо при появлении предвестников перезагрузки перебраться за границу и ждать обновления кластера. Возможно, к тому времени вы приспособитесь к черноте, и это пройдет легко. Ну а дальше вам придется столкнуться с повторением пройденного и даже, возможно, повстречаться с самими собой. То есть с вашими двойниками из других миров. А может, даже из вашего мира, явление переноса неизученное, предположений много. И такое придется

проделывать раз за разом, каждые два с половиной месяца занимаясь одним и тем же. Выходить к людям, пытаться отделить иммунных от зараженных, не позволяя себя убить. С новыми знаниями это делать проще, но всегда остается риск попасть под двойную перезагрузку – это в том случае, если черный кластер, на который вы направитесь, тоже начнет обновляться в этот момент. На нем этот процесс может проходить почти без тумана, в таких случаях надо следить за деревьями и травой, местами они начинают осыпаться сами собой. Однако всегда остается риск, что вы заметите это слишком поздно и окажетесь между территориями, которые вот-вот обновятся. Получится лотерея, вы не будете знать, какая изменится в первую очередь и успеете ли вы перебежать в правильную сторону. Второй вариант очень простой – можно остаться здесь при перезагрузке. Это явление у нас принято называть откат, его подробное описание приведено в брошюре. Прочитайте, пожалуйста, фрагмент, начинающийся со слов «полное разрушение клеточной структуры в самых тяжелых случаях» и заканчивающийся «тремор конечностей и туловища, недержание мочи и кала».

– Читал, помню, – мрачно ответил Архип. – Ты к чему ведешь?

– Мы с Каратом скоро отсюда уедем. В связи с этим у вас опять два варианта – остаться или отправиться с нами. Сами вы уехать не сможете, посмотрите на Жору, если считаете иначе. Брошюру мы вам оставим, на самые важные вопросы ответили, так что продержаться до перезагрузки вы сумеете и попробовать ее пережить – тоже. Здесь, если приспособитесь, не так уж и плохо, зараженные не дотягивают до серьезных стадий, патронов у вас до следующей перезагрузки хватит, а после нее новые прилетят, да и группу удастся усилить новичками. Ну и умнее будете, больше не позволите свежих мертвяков парной говядиной раскармливать. Только учтите, что вечно здесь отсиживаться не получится, Улей до любого рано или поздно доберется, у вас начнется споровая лихорадка, ее можно лечить лишь сменой кластеров, а это вы делать не сможете. Сколько именно сумеете протянуть, сказать не смогу. Слышал, что были рекордсмены, которые держались около года, но не уверен в точности этой информации. Если поедете с нами, будет трудно, но вы не будете привязаны к жестким срокам и условиям. Но только на нашу помощь не рассчитывайте, мы лишь в первые дни помочь сможем, у нас свои дела, с нами вам до конца идти нельзя, сами погибнете и нас подведете. Время у вас пока есть, думайте.

– Я здесь не останусь, – решительно заявила Лида.

– А я, как вы скажете, дядя Архип, – несмело произнес Саша.

Пастор демонстративно посмотрел на неработающие часы и озадачил

народ:

– Через час мы с Каратом уедем, но не затягивайте с решением до последнего, вам еще собраться надо успеть, если захотите с нами.

– Зачем вам это? – спросил Архип.

– Ты о чем?

– Почему вы нам помогаете? В этой писульке сказано, что тут человек человеку волк, доверять никому нельзя.

– В принципе верно, но ты прочитай то, что написано в предпоследнем абзаце на первой странице. Вы новички, а у приличных людей здесь так принято – новичкам помогать.

– Всего лишь? Просто так? – недоверчиво уточнил Архип.

– Иногда новички могут отплатить. К примеру, информацией или материальными благами. Моему товарищу нужно оружие, надеюсь, вы не откажете ему в хорошем автомате, у вас их много. Но не сомневайтесь, даже без этого мы вам поможем. Мы, по меркам Улья, люди порядочные, у порядочных так принято. Здесь очень много забавных правил, обычаев и суеверий, не все их придерживаются или придерживаются не во всем. Этот мир и простой, и сложный – со временем вы к нему привыкнете.

– Если выживете, – мрачно добавил Карат.

Традиционное для Стикса уточнение.

* * *

Заливать масло – дело нехитрое, особенно если не заботишься о длительной работоспособности машины. Пастор о дальнейших планах не очень-то распространялся, но Карат не такой уж тугодум, уже понял, для чего тому понадобилась именно такая техника – древняя и ржавая, без малейших удобств, с неудобным, тяжело проворачивающим рулем и чудовищно тугой коробкой передач, начинающей предсмертно скрежетать при любом прикосновении.

Та самая упомянутая Архипом горка, с которой скатилась тройка лихих парней, после чего в деревню сумел вернуться лишь один – бедолага Жора. В ней-то все дело. Пастор планирует проехать по территории Архипа до спуска и там направить машину вниз. Мотор неизбежно заглухнет, но простенькая рулевая система, тормоза и коробка передач будут работать, так что, если такой участок дороги протягивается прилично, можно, в сумме, преодолеть неизвестно сколько километров, оправдав потерю времени на подготовку заезда.

Смущает то, что спутник позаботился о канистре с маслом и запасных свечах. Насколько Карату известно, последняя чернота может испортить, особенно это актуально, если въехать в нее с заведенным двигателем. Но если лежат отдельно, ни к чему не подключенными, сохраняют работоспособность надолго, ведь тонкой микроэлектроники в них нет.

Неужели планирует перебраться через черноту на колесах и поехать дальше с ветерком? Если это возможно, значит, западней этот кластер не назовешь, расстояние до границы не запредельно большое.

Да и без того его к ловушкам не отнесешь, ведь Пастор изначально знал, как из него выбраться на запад, да и с востока вышел к нему безошибочно. Карата нельзя назвать старожилом, но ведь ходить по черноте он уже научился. Хотя надо признать, что всего лишь через час такого похода плоховато соображает, тупо следует за спутником. Но теоретически Архип и его бойцы могут пережить способом, указанным сектантом, одну-две перезагрузки, этого должно хватить, чтобы мертвые кластеры начали действовать на них не так сильно.

И пережить такой срок им будет проще дома, чем в Улье. Место хоть и не лишено недостатков, но куда безопаснее, чем большая часть территории нового мира. Смущают разве что перспективы столкнуться с трясучкой, но она действует небыстро, с нею можно протянуть не один месяц. Приятного в этом будет мало, да и последствия бывают разные, в том числе и те, с которыми не справятся знахари, но если повезет и сработает озвученный Пастором срок в один год, смогут прожить здесь очень долго по меркам людоедского мира.

Тем не менее новым знакомым хватило три минуты, чтобы дружно согласиться с вариантом отъезда (Жору, само собой, не спрашивали). Карата это напрягло, ведь рано или поздно чернота закончится, и что потом прикажете делать с четверкой новичков?

Подкачивая шины все того же драндулета, обратился к Пастору с наболевшим вопросом:

– Если мы вывезем их еще дальше на запад, они сами и трех часов не проживут. Опыта никакого, а там места нескучные.

– Они захотели уехать, а мы должны помогать новичкам.

– Слоновья услуга, а не помощь.

– Почему слоновья? При чем здесь слоны?

– В моем мире так называют услугу, которая идет во вред тому, кому помогают. Или в твоем мире так не говорят, или русский ты освоил не настолько хорошо.

– Скорее, проблема с языком. Он все же не родной – это иногда

сказывается.

- Говоришь ты так, что некоторых наших переплюнешь.
- Спасибо, долгая практика и уважение к вашей классике помогают.
- Ну так что с этими новенькими делать будем?
- У нас три варианта: довести их до границы черноты и распрощаться;

довести до границы и объяснить, каким образом безопасно выбраться к нормальным территориям; также можно взять их с собой, и затем всем вместе вернуться. Я готов сопровождать и тебя, и их до первых постов того же Полиса или соседних с ним стабов.

– Если сразу распрощаться – они трупы. Если пойти всем вместе, они тоже трупы, и, очень может быть, мы рядышком с ними лежать будем. У них только Архип надежный, остальные – пока что балласт. Но и он подвести может – опыта нет, даже живчик ни разу не пробовал, а по себе помню, что, пока к нему не приспособишься, в голове временами та еще каша, сам себя не понимаешь иногда. Как с такими пассажирами выбраться из этой дали – не представляю.

– Карат, ты же один раз вышел сам, да еще и свежую девочку по пути подобрал, спасибо Улью – помог ей. Я не думаю, что она тебя не тяготила. То есть у тебя в таких делах опыта даже больше, чем у меня, вот ты и решай, как нам и куда идти.

– Я в основном по воде выбирался.

– Ну вот, кое-что понимаешь.

– В самом начале, когда только попал сюда, с востока тоже одно время по воде шел, тогда все обошлось. С запада тоже нормально вышел, а вот назад на запад попробовал так же сунуться, и мне это не понравилось. Если они попадут под такой же разлив, это конец, шансов у них вообще нет.

– Карат, безопасных путей здесь не бывает. Да что там говорить – их нигде не бывает, если говорить об Улье. Можно лишь оценивать степени риска применительно к конкретным обстоятельствам. Обстоятельства таковы, что у нас есть новички, которые еще не скоро отрастят глаза на затылке, а думать начинают слишком поздно и обычно неправильно. Чтобы сделать из них полноценных иммунных, надо долго накачивать их головы информацией, тыкать носом в важное, вычищать из мозгов лишнее. Полагаю, процесс обучения новой жизни затянется на несколько недель, и это в лучшем случае. Столько времени у нас нет, зато есть водная дорога, которую ты, спасибо Улью, уже слегка освоил, представляешь, что там и как. Если они не будут мешкать, пройдут быстро. Не так уж много кластеров с опасно повышенными уровнями водоемов прилетают, под перезагрузку тоже не каждый день попадаешь, а именно под перезагрузку с

такими последствиями – это большое невезение.

– Элитники плавают неплохо, я сталкивался. А еще крокодилы переродившиеся бывают.

– Карат, какие могут быть крокодилы в Белгородской местности?

– Не местности, а области.

– И какое отношение твое замечание имеет к крокодилам?

– Ну мало ли... У нас в зоомагазине один в аквариуме сидел.

– Правильнее, наверное террариум.

– Да, наверное, ты прав.

– Вот видишь, в русском я могу посильнее тебя быть.

– Террариум – явно нерусское слово. Ну да ладно, давай не о языках говорить, а о новичках. Значит, предлагаешь их водой отправить?

– О языках ты первый начал. Ладно, помолчу, извини, давай и правда о новичках. Я знаю, где есть лодочная станция.

– Если ты о том участке, о котором я думаю, так их там хватает, сплошные турбазы то по одному берегу, то по другому, или просто пляжи оборудованные. Но моторную лодку там найти проблемно.

– На веслах дойдут, если двигаться к Полису напрямик – это недолго.

– Знаю, я так и шел, с мотором как-то не сложилось, не подвернулся хороший вариант. Только вот до Полиса им водой не добраться, там десятка три километра до периметра останется. Ну, может, чуть меньше, но надо лазейки среди тростника искать, а это всегда очень узкие протоки, берега поджимают, видимости никакой, как по мне, слишком рискованно, на суше куда спокойнее обстановка.

– Этот Архип кажется мне надежным человеком, к тому же он учил стрелять девушку и мальчика. Оружие у них хорошее, патронов достаточно, этого хватит, чтобы отбиться от мелких тварей, а крупных в тех краях не так много.

– Если услышат стрельбу – издали примчатся и мелкие, и крупные. Местный военкомат снабжать мужиков глушителями не догадался, упущение.

– Безопасных дорог в Улье нет.

Невдалеке выстрелили одиночным из автомата, затем последовали две короткие очереди.

Карат, оглянувшись, напряженно произнес:

– Это что еще такое?..

– Расслабься, продолжай качать шины, – сказал Пастор.

– Но?..

– Это Архип. Скорее всего, Архип. Он так прощается.

– Странное какое-то прощание. Зачем стрелять? Мертвяков дразнить? Я думаю, тех летчиков они уже до последней косточки обглодали, а бежать от самолета к деревне недалеко. Они же тупые, знают, что здесь их завалят, но все равно полезть могут, от такого шума у них крыша едет.

– Попробуй поставить себя на место Архипа. Здесь его родные жили, соседи, друзья. И родные этой девушки и мальчика. У меня ведь чутье есть, ты же знаешь, я Архипа прямо спросил, почему в деревне остались зараженные. Мелочь обычно замечаю хорошо, особенно если это не одиночки и не пары.

– И?.. – холодея, произнес Карат, начиная догадываться об омерзительной подоплеке происходящего.

– Поначалу они думали, что это болезнь, которую можно как-то вылечить, поэтому и запирали свежих в подвалы, коровники и крепкие дома. Потом, когда зараженные в карантине начали поедать друг друга, пытались их усиленно кормить, связывали, старались отдельно держать. На первых порах готовили как себе, потом просто сырое мясо бросали, возможностей не хватало его варить. Поскольку иммунных к тому моменту осталось немного, они отделили своих родных от основной массы и разместили отдельно.

– Так это он... Это он своих, что ли?..

– Да, своих, этой девушки и этого мальчика. И еще детей, малышей они тоже держали отдельно, взрослые поедали их в первую очередь, это общее правило на начальной стадии заражения. Дети слишком слабы, перспектив у них нет, они погибают первыми.

Карат, прислушиваясь к равномерно раздающимся выстрелам, нервно сглотнул, покачал головой:

– Если он после такого не свихнется, я готов ему памятник поставить. Скала, а не мужик. Пусть они уже сами на себя не похожи, но я бы, наверное, так не смог. Повезло, что мои родные оказались в другой части города, сам по себе попал.

– Да уж, спасибо Улью сказать не помешает, повезло тебе.

– А этим не повезло.

– Да, не повезло. Хотя ты прав, они уже не очень-то похожи на их родных. Все это время их хорошо кормили мясной пищей, сам понимаешь, к чему это приводит...

– Понимаю...

– Архип сказал, что не всегда может понять, кто из них кто, некоторых только по одежде узнает. По остаткам одежды. И еще он сказал, что так будет лучше. Он прав, ведь если их оставить, они умрут от голода, а если

выпустить... Это уже не его родные, это то, что выросло на их могилах.

– Да понял я, понял, кому ты что-то доказываешь. Думаешь, от этого Архипу легче? Как бы и правда не тронулся или в петлю не полез. Лида и этот пацан в курсе?

– Ну а сам-то как думаешь?

– Я уже ни о чем не думаю, я просто не хочу, чтобы у нас с ними возникли проблемы.

– Они выдержат. Они за эти недели многое пережили, и это тоже переживут. Привыкай, Карат, помогать таким, как эти люди, – не только наш долг, но и бремя. Улей любит тех, кто не оставляют беспомощных новичков в беде, помни это.

– Ага, ну да, спасибо Улью, не забыл.

– И не разбрасывайся такими словами.

– Какими?

– Не благодари Улей так несерьезно.

– Вот сейчас ты похож на сектанта.

* * *

Как это ни странно, машина ездил бодро, не к чему нельзя придраться всерьез. Да, скрипела и звенела всеми своими проржавевшими потрохами, потеки масла за собой оставляла, нехорошо скрежетала при переключениях передач, но Карат, разной техники навидавшись, почти не сомневался, что при необходимости на ней можно уехать далеко без серьезного ремонта.

Да и о каком серьезном ремонте здесь может идти речь? Чуть ли не все в этом драндулете чинится при помощи куска проволоки, пассатижей и скромного набора крепких словечек.

Асфальт здесь замечательный, при таком не важно, какая подвеска и прочие агрегаты, едут без чрезмерной тряски даже на полной развалюхе с ужасно неудобными сиденьями.

Дорога впереди перерезалась наискосок – дальше начиналась сплошная чернота, причем на ней, как это принято в Улье, тоже присутствовало шоссе, на вид покрытие там качественное, беспокоит лишь его цвет. Архип не ошибся, и правда имеется легкий уклон, то есть, разогнавшись должным образом, можно прилично по нему проехать даже с неработающим двигателем.

Пастор, остановившись метрах в ста, предупредил:

– Как заедем, вам, на заднем сиденье, тяжело придется.

Четверка новичков, кое-как там разместившись, посматривала тревожно в шесть глаз, два оставшихся были закрыты – Жора в себя до сих пор не пришел, несмотря на две порции живчика.

Пастор, не получив от нервничающих пассажиров ни слова, продолжил:

– Приготовьте пакеты, иначе все перепачкаете. Не пытайтесь пересаживаться с места на место, разворачиваться, елозить и совершать прочие действия, координировать свои движения вы не сможете, зато сможете навредить себе и другим. Этот спуск дальше становится гораздо круче и тянется далеко, если там ничего не изменилось, я на повороте направлю машину по бездорожью. Некоторое время она будет продолжать двигаться за счет разбега, затем остановится. После этого, Карат, нам с тобой надо будет ее толкать, новички помогать не смогут.

Карат, прикинув, сколько сил уйдет на то, чтобы передвигать столь нелегкий, да еще и груженный четверкой пассажиров драндулет, поморщился и предложил, на его взгляд, куда более практичный выход:

– Я в деревне тележку видел, она небольшая, но четверых погрузить получится. Может, вернуться за ней?

– Ты хочешь перевозить наших новых знакомых на тележке?

– Сами они идти не смогут, а это полегче, чем такой рыдван выталкивать.

– Нам нужна машина, а не тележка, поэтому мы поедem на машине.

– Ну как скажешь, тебе виднее.

– Все готовы? Расслабьтесь, как бы вы ни напрягались, легче вам от этого не станет.

Несмотря на то что Карат уже не зеленый новичок, границу черноты он бы не пропустил даже с завязанными глазами. Нет, обошлось без приступов тошноты, просто на миг повело, будто приступ головокружения накатывает, такое не заметить невозможно.

Уже через пару секунд высоко оценил новый способ передвижения: никакой ваты, которой ноги набиваются с первых шагов; ни намек на резь в глазах; и хруста травы осточертевшего тоже нет, шины мягко шуршат без непрерывного звона сокрушаемого тонкого стекла. Последнее – ладно, а вот отсутствие неприятных симптомов указывает на то, что в их проявлении виновата не только чернота, а и физические нагрузки. Пусть при ходьбе они минимальные, но все же сказываются.

То, что двигатель затих, Карат осознал не сразу, потому что все внимание посвятил внутренним ощущениям. Затем, покосившись на Пастора, убедился, что тот ведет драндулет без тени напряжения, будто по

самому обычному кластеру.

Остается надеяться, что у него все под контролем.

Машина, поначалу сбавившая скорость, дальше начала разгоняться все больше и больше, спуск действительно становился круче. Пастор, с натугой заработав рулем и тормозами, плавно ввел ее в поворот, в кювете по правую сторону Карат успел разглядеть перевернувшийся внедорожник, рядом с ним вздымался черный бугорок, очень похожий на присевшего человека, склонившего голову на грудь.

Отвернувшись, потянулся к водителю, всматриваясь в зеркало заднего вида. Убедился, что пассажиры ничего не заметили, им сейчас не до разглядывания окрестностей. Лида зарылась в пакет, Сашка зажмурился, сильно скривившись, Архип прикрыл ладонями лицо. Никто пока что ни словом не пожаловался, хотя и хреново всем, но достойно держатся.

Ну а что им еще делать – деваться-то некуда.

Глава 28

Как Карат и предполагал, несмотря на металл, потерянный за долгие годы существования вместе с осыпавшейся ржавчиной, драндулет оставался дико тяжелым.

Когда Пастор, следуя своему плану, на только лишь ему знакомом повороте дороги направил его на обочину, сразу стало понятно – дело пахнет чем-то нехорошим. Дальше тянулся неспешно поднимающийся склон, покрытый высоченной травой, по такому и с работающим мотором не очень-то погоняешь. Вот тогда-то и захрустело вовсю – бампер разносил растительность в мельчайшую черную пыль, стелившуюся за машиной, будто клубы угольного дыма, вырывающиеся из трубы паровоза.

Но это продолжалось недолго – инерция оказалась не настолько высока, чтобы дребезжащая колымага сумела далеко забраться на склон. А дальше последовало то, о чем предупреждал Пастор, – ее пришлось толкать наверх.

Пассажиры невменяемые, из салона изредка доносятся стоны Лиды, подсказывая, что там еще остались живые, но другими способами они о себе напомнить не пытаются. Пастор, ухитрившись зафиксировать педаль сцепления при помощи своего пулемета, толкает молча, время от времени отвлекаясь на то, чтобы изменить положение руля. В такие моменты Карат, как никогда ранее, начинал осознавать, что люди, слишком долго прожившие в Улье, и правда весьма отличаются от всех прочих.

Дело в том, что машина или замирала как вкопанная, или резко сбавляла ход, и это при том, что Карат жилы рвал, все силы вкладывал, да и сектант при этом продолжал давить на дверцу.

Получается, сил у него немного. То есть в сравнении с Пастором немного. Когда тот по-настоящему брался за дело, все резко изменялось, Карат при этом, по сути, просто шагал рядом, придерживаясь за машину. Помогал он от всей души или халтурил, на видимом результате это никак не сказывалось – драндулет плелся одинаково бодро.

Да уж, если Пастор предложит побороться на руках, предложив самый выгодный расклад по ставкам, надо всеми способами отнекиваться.

Не выдержав, Карат озвучил очевидную идею:

- Может, мне просто рядом прогуливаться?
- Что ты имеешь в виду?
- Помощи от меня никакой.

– В сравнении со мной, разумеется, ты не очень хорошо смотришься, но не нужно называть себя бесполезным.

– И долго нам так пыхтеть?

– Пыхтеть? Что ты этим хотел сказать?

– Это как бы намек на отдышку. Работаем много, хотелось бы знать, на сколько это затянется.

– Сказывается, что это не мой родной язык, почему-то возникли ассоциации с паровой машиной.

– Да нет, нормально, у нас о паровозах тоже говорили, что они пыхтят. Кстати, о паровозах, а ведь это неплохая идея.

– О чем ты?

– Да о том, что бесплатно подкидываю тебе идею. Ну, то есть вашей секте. Ладно, не косись на меня, пусть будет «банде». Зачем ходить пешком, если можно ездить на паровозе без рельсов? Кажется, такие называли локомотивами или паромобилями. Да, минусов у них куча, но зато есть жирный плюс – им вообще не нужно электричество. Вода, дрова или уголь и – вперед. Или вы уже до такого додумались?

– Да Карат, ты не первый, до тебя все обдумано неоднократно.

– А почему вы такую штуку на эту тропу не поставите? Или это маловажная дорога?

– У нас нет таких штук, паромобиль на черноте работает плохо.

– Почему? Что ему мешает? Ведь паровому котлу не нужна электрическая искра.

– Не только паровому, существуют и другие виды двигателей, не нуждающиеся в электричестве. Проблема в том, что сам процесс горения на черноте изменяется. Ты же чувствуешь ухудшение самочувствия, это одна из причин. Спасибо Улью, он защищает нас от черноты, пусть и недолго, но мы можем на ней жить, несмотря на то что наша жизнь – это в том числе и горение. Однако на неживую материю его благословение не распространяется. Самые сухие дрова даже тлеть не хотят, загоревшийся в банке бензин тухнет почти мгновенно, стоит только занести банку за границу. Самые успешные механизмы, которые создавали наши мастера, работают на сжатом воздухе. Но они слишком тяжелые, и радиус их действия ограничен. Мы используем их лишь в отдельных случаях, для узких задач. Также были проведены успешные опыты с использованием паровых машин, где котлы нагреваются за счет контейнеров с высокоактивными изотопами. То есть вода кипит из-за теплоты атомного распада. Дальше опытов дело не продвинулось, люди опасаются всего, что связано с радиацией, работать с радиоактивными веществами слишком

сложно. С различной химией и прочим тоже ничего перспективного не получилось. Доходило до экзотики, в том числе воздушных шаров и гироскопных механизмов. Некоторые исследователи додумались до того, что вводили энергию жизни и прочие понятия, пытаясь объяснить парадокс – человек, будучи по своей сути той же машиной, почему-то способен здесь передвигаться без неразрешимых затруднений. Мы немало лет по черноте ходим, многое перепробовали и лучшими способами до сих пор считаем пешую ходьбу и механизмы на мускульной тяге, а то, что у нас это получается, объясняем покровительством Улья.

– Это ты велосипед так мудрено назвал? Механизмом на мускульной тяге?

– Классический велосипед не всем подходит, на черноте ухудшается координация движений. В какой-то мере эту машину в данный момент можно тоже называть механизмом на мускульной тяге.

– Скорее уж, на гибридной тяге. Ты так и не сказал, долго нам еще толкать этот хлам.

– За пригорком начинается спуск, он затяжной и неудобный, поначалу мы продолжим толкать машину, затем можно будет немного проехать. Дальше дорога грунтовая начинается, на ней в отдельных местах придется останавливаться, но в итоге далеко проедем, если Улей позволит. С другой стороны этого пригорка начинается общее понижение местности, в Улье подобные перепады встречаются повсеместно. Тянется оно до той воды, по которой ты с запада выходил. Там узкая полоса низменности, она почти точно с севера на юг тянется, доходит до озера, где ты развернулся.

– Я тогда был уверен, что она больше на северо-восток ведет. И как далеко мы с той горки в километрах проедем? Мне до сих пор кажется, что зря с машиной связались, тележка гораздо легче. Всего ничего пройти получилось.

– За горкой мы тоже много не проедем. Где-то в районе трех километров, причем местами придется толкать машину.

– Вот я и говорю – тележка гораздо лучше.

– Дальше мы больше выгадаем. Гораздо больше. Если Улей позволит.

– Ты регулярно говоришь о разрешении Улья и вообще поминаешь его чуть ли не через слово. Это ваша религия требует?

– У нас нет религии, у нас учение.

– Да хоть в носу ковырянием это назови, мне вообще без разницы. В нем все дело?

– Нет, это просто слова много чего повидавшего человека.

– А ты когда-нибудь видел, чтобы Улей лично, собственной персоной

кому-нибудь что-то запретил?

– Конечно, видел. А ты разве нет?

– Да я даже представить себе такое не могу. Уж прости, но это полный бред.

– Ну неужели? Не верится, ты ведь здесь не так уж мало времени провел. О таком в вашей среде не принято говорить, но какие-то обмолвки должен был замечать, возможно, и сам сталкивался. Постарайся вспомнить: кто-то слышал в ночи странные звуки, а потом случилось что-то, что случается только по воле Улья; кто-то хотел куда-то пойти, но незримая сила ухватила его за воротник, придержала пару минут, а то и больше, не позволила попасть в беду; кто-то решил, что он...

На последних словах Карат, скептически прислушиваясь к Пастору и удивляясь лишь тому, что тот при разговоре продолжает толкать машину, не испытывая затруднений с дыханием, резко напрягся и не сумел это скрыть – реакция наблюдательного сектанта последовала незамедлительно.

Пастор осекся на полуслове и вкрадчиво спросил:

– Я так понимаю, с тобой такое случалось?

Карат отчетливо вспомнил деревню, к которой вышел после того, как сутки отлеживался в доме, окруженном тростниковыми дебрями, приходя в себя после связанных с разбушевавшейся холодной водой приключений. Тогда он, не заметив ничего подозрительного, сунулся было на открытое место, чтобы устроить рывок к ближайшему двору. И замер, скованный по рукам и ногам, в мраморную статую превратился. Как только ни старался, даже на миллиметр пошевелится не смог. А затем в одно мгновение отпустило бесследно, оставив в глубокой задумчивости размышлять над причинами происшествия (и заодно над своей психической полноценностью).

Но, надо признать, долго размышлять ему не позволили. Для начала засек стаю зараженных, которым мог попасться на глаза (и с немалой вероятностью на завтрак), не останови его незримая сила. Это навело его на новые размышления о подоплеке происходящего, но они тоже быстро остались позади – отвлекся, встретив шумно-беспечных новичков, устроивших для тварей рекламную акцию по бесплатной раздаче живого фастфуда возле своих машин. Ну а далее был особняк посреди деревни, внезапно окруженный черно-зелеными прихвостнями Бирона, погоня, встреча с сектантами, гранаты, прилетающие из ниоткуда, и много чего еще, не способствующего мыслительному процессу. Бурные события непредсказуемо сменяли друг дружку, выбрасывая из головы случившееся в зарослях у околицы. Окончательно об этом Карат не позабыл, сохранил на

задворках сознания, все же происшествие экстраординарное, ничего подобного с ним никогда нигде не происходило, но при этом не мог не отметить, что всеми силами пытается выбросить это из памяти или хотя бы задвинуть поглубже.

То ли в голове такое не укладывается, то ли действует непонятная сила, задача которой – уничтожать определенные воспоминания.

А вот сейчас, после слов старожил Улья, случившееся во всей красе всплыло из глубин памяти, и мимо внимательного спутника это не прошло.

Карат покачал головой и, сам не зная, почему это делает, соврал:

– Не бывало, но что-то такое где-то слышал.

– Попробую тебе поверить. Знаешь ли ты, что это почти абсолютное табу среди рядовых иммунных, о таком никто не разговаривает, даже будучи пьяным что-то подобное произнести – люди плохо воспримут.

– Вроде темы со скреббером?

– Ну что ты, даже сравнивать нельзя. Допустим, ты в разговоре с фанатично настроенным мусульманином сделаешь обмолвку, что сожалеешь по поводу религиозного запрета на употребление алкоголя. Вот это будет тема со скреббером. А теперь представь, что ты этому же мусульманину заявляешь о своей самой сокровенной мечте – сжечь Мекку при помощи напалма и ядерного оружия, а на ее пепелище скормить свиньям жен и дочерей всех правоверных. Улавливаешь разницу в темах разговора?

– Я тебя понял.

– Это жесткий необсуждаемый запрет. Все, что можно отнести к прямому вмешательству Улья или необъяснимых сил, – абсолютное табу. К тому же эта тема обросла небылицами, а небылицы – верный спутник глупых предрассудков. Так что да, несмотря на всю реальность явления, можешь относиться к нему, как к одному из многих суеверий Улья.

– Откуда небылицы взялись, если тему не обсуждают? Только из круга таких болтунов, как ты, информация сливается?

– Необязательно, человек – существо социальное, то есть общительное. Кто-то, напившись, что-то сболтнет мало что соображающим собутыльникам; кто-то, лежа с женщиной, решит оказать на нее впечатление, демонстративно презирая молчаливый запрет; кто-то с лучшим другом по душам пообщается, а друг окажется не таким уж и застенчивым, в ответ о своем проговорится, вот и произошел обмен информацией. Как тут ни старайся, полностью остановить распространение сведений не получится, даже многие новички что-то знают, а у старожилов это общее явление.

– То, что кто-то хотел куда-то пойти, но не смог, можно объяснить, не приплетая Улей.

– И каким же образом?

– Ну... я слышал, что Улей улучшает интуицию. Вдруг это срабатывает.

– Во-первых, ты упомянул Улей уже через две секунды после того, как безапелляционно заявил, что можно объяснить происходящее без его участия. Во-вторых, вряд ли она здесь улучшается, просто некоторые начинают ее использовать, в то время как до этого вообще не прислушивались к ее подсказкам, ведь во внешних мирах люди от многого отказываются, им и ограниченными там жить удобно. Изменившаяся обстановка заставляет брать от себя по максимуму, вот они и начали говорить об улучшении интуиции.

– Может, у некоторых людей это уже не интуиция, а что-то вроде особого дара Улья, которого он понемногу всем отсыпает.

– Ты опять упомянул Улей.

– Ну так куда же здесь без него?

– Да, согласен, кое-какие проблески интуиции можно отнести к его влиянию, но это редкость, и мы сейчас не об этом. Вспомни свой случай.

– Какой мой случай?

– Меня обманывать можно, ты не я, тебе за репутацией следить не приходится, но себя, пожалуйста, не обманывай. Я знаю, что с тобой такое случилось, Улей тебя останавливал. Почему он это сделал? Знаешь? Дай угадаю – он уберег тебя от глупости, которая могла стать последней в твоей жизни. Я прав?

– Это можно объяснить интуицией, – продолжал гнуть свою линию Карат.

– А что такое интуиция? Кто-нибудь сумел объяснить все, что принято списывать на ее голос? И я не думаю, что это походило на какую-то интуицию. Я точно знаю, как это происходит, потому что со мной это тоже случилось. Спасибо Улью, он помогал мне не раз, я не устаю его благодарить и тебе это советую.

– Ты еще молиться начни, у сектантов это принято.

– У тебя сложилось превратное мнение о нашем учении, но для ничего не понимающего новичка это естественно.

– Конечно, нормально. А если учесть, что этот новичок видел, как целую толпу народа приверженцы твоего учения собирались принести в жертву, так тем более.

– Кто тебе такое сказал? – с легким недоумением спросил Пастор.

– Да никто не говорил, я взрослый мальчик, два плюс два складывать умею.

– Ну так сложи. Вслух сложи.

– Я сам видел круг, факелы в руках, хоровое пение и голодного элитника на цепях.

– А, так вот ты о чем, – в голосе сектанта промелькнули нетипичные для него смешинки. – Ну и каковы ощущения? Испугался такой картины?

– Скажем так – она мне не понравилась.

– Твои глаза тебя обманули, пусть и не во всем.

– Ну да, конечно, как я сразу не догадался. Надо было холодной водой их промыть, и все бы моментально прошло.

– Я не говорю, что ты стал свидетелем безобидного розыгрыша, но и массовым жертвоприношением это назвал напрасно. Для нас это неприемлемо, с этим мы боремся на всех территориях, как с досадным пережитком темных времен. В истории моего мира химия выросла из мрака алхимии, а астрономию породили астрологи. Здесь ситуация похожая. То, что ты видел, было всего лишь не слишком удачной, на мой взгляд, политическая акцией, мерой утрашения.

– Совсем на политическую акцию не похоже.

– У разных сил разные методы. В одной из стран моего мира действовала многочисленная группировка, ратующая в том числе за расовую чистоту. Ее члены обряжались в белые островерхие балахоны, устраивали шествия, факелы использовали, деревянные кресты сжигали, некоторые их деяния со стороны можно было принять за жертвоприношения.

– В моем мире тоже действовала похожая группировка, но, по-моему, с антуражем твои коллеги перестарались. То, что я видел, было настоящим жертвоприношением, а не его подделкой.

– И тем не менее ты не прав. Итогом той ночи должно было стать наказание нескольких человек, они это заслужили, их участь могла стать примером для других. Обставлено было в духе темных времен – признаю, но это выходка Сабины, такие забавы в духе старушки, с ней тяжело приходится, она неуправляемая. Но не могу сказать, что в тот раз она была совсем уж неправа. Дело в том, что Кумарник неправильно себя повел. То есть люди, державшие власть в стабе. С ее точки зрения – неправильно, она считает себя хозяйкой этих земель, и тех, кто с этим не согласен, иногда жестоко наказывает. Для Сабины ничего не стоит созвать своих молодчиков и показать, что с ней надо считаться, все должны понимать, кто здесь хозяин. То есть хозяйка. В этих краях она орудует с тех времен, когда тут,

по сути, ничего еще не было. Если что-то идет не по ее воле, она огорчается, а я предпочту в логове ядовитых змей ночь провести, чем пять минут иметь дело с огорченной Сабиной. Вообще-то она почти нормальная, но если что-то идет вразрез с ее волей, изменяется. Нехорошо изменяется. Слишком долго здесь живет, даже я со своими десятилетиями в сравнении с ней – ребенок.

– Складывается впечатление, что килдингов два вида, и вы с Сабиной относитесь к разным.

– В какой-то мере ты прав, хотя я бы назвал куда большее количество разновидностей. Понимаешь, Карат, Стикс потенциально бесконечен, это надо учитывать. Я в том смысле, что мы не знаем его границ и не можем поддерживать оперативную связь на больших расстояниях, даже иммунные с особыми умениями помогают в этом лишь частично. Вот и получается, что ни мы, ни институт, ни другие глобальные организации неспособны сохранять общность на значительной части площади Улья, одно это накладывает разницу. К тому же обитаемый пояс местами прерывается, проходить там через него зачастую очень сложно, это приводит к обособленности регионов. Не удивлюсь, если где-то, почти бесконечно далеко отсюда, есть люди, которые называют себя Детьми Стикса и при этом проводят каннибальские ритуалы или предпринимают что-то, еще более уродливое. Все, что угодно, может случиться, если отрываешься от своих корней. Давай, Карат, поднатужься, тут под конец тяжелее всего.

– По тебе не скажешь.

– Если ты думаешь, что мне легко это дается, то ошибаешься. Все, остановись, требуется передышка. Посмотрю, как там наши пассажиры, что-то они подозрительно притихли.

Карат не последовал за Пастором, он замер на верхней точке подъема, куда они добрые полчаса заталкивали ржавый драндулет, и пытался оценить перспективы спуска. Перспективы, откровенно говоря, радужными не выглядели: неровный склон, там и сям выпирающие выходы камня, кустарники самые разные – от одиночных и чахлых до приличных, переплетающихся друг с дружкой в труднопреодолимые препятствия. Никакого намека на обещанную ниже дорогу не наблюдалось, но судя по тому, что сектант бросил туда не больше одного равнодушного взгляда, он не видел в этом проблем.

Значит, и с этим склоном Пастор каким-то образом договорится. Да и кустарник здесь – невеликая помеха. Легкий толчок бампера превращает такие преграды в черную искрящуюся труху.

Карата больше заинтересовала не ближайшая часть пути, а то, что

благодаря господству этой позиции в рельефе открывалось вдаль – на западе. Зеленый полноценный кластер – стандартный или стабильный, на фоне сплошной черноты – такое с большого расстояния хорошо выделяется. Четко очерченный многоугольник, поросший нормальной растительностью, очень прилично вытянутый с запада на восток, не меньше чем на три-четыре километра, а скорее даже больше. Но вот с севера на юг все плохо – метров семьсот от силы. Расстояние делает размеры обманчивыми, но вряд ли здесь можно намного ошибиться – не так уж и далеко.

Пастор, до этого внимательно заглядывающий в салон, высунул голову из окна и сообщил:

– Девушка на удивление крепкая, лучше всех держится. Но даже ей желательно прямо сейчас отсюда выбраться, она плохо выглядит.

Карат, переборов очередной приступ головокружения, указал вниз:

– Ты планируешь добраться туда на этом тарантасе?

– А ты видишь вариант получше?

– Я вообще не вижу других вариантов, дымка скрывает, будто вдаль все кластеры решили перезагрузиться одновременно.

– Такое случается в местах, где возвышенности переходят в низины. Зелени и там хватает, поверь мне.

– Верю. А вот как мы туда доедем, не понимаю.

– Оставь это мне. Придется погубить несколько черных кустов, но в результате мы окажемся на дороге, которая доведет нас до самого края. Правда, придется потолкать в нескольких местах.

– Почему-то я в этом не сомневался. А что там за кластер?

– Немного похоже на стаб.

– Это как?

– Длительный период между перезагрузками, совсем нет городов и деревень, ни одного дома на весь кластер, даже столба телефонного там не встретишь. Леса и поляны, одна дорога тянется с запада на восток – вот и все. И лес там необычный для этих мест: слишком густой, почти везде сырой, ели в нем растут, а тут они нечасто встречаются. Он выглядит более северным, чем обычно. Один человек мне сказал, что Улей его сюда сознательно спрятал, из-за нестандартности, стесняется своих ошибок.

– Оттуда тоже нельзя выбраться?

– А кому там выбираться? Деревень нет, дорога неасфальтированная, пользуются ею редко. Даже если два-три человека случайно попадутся, шансов, что кто-то из них останется иммунным, почти нет. А зараженным там есть нечего, дичи мало и не поймать ее, нет у них скорости и ловкости,

так что вырасти не получается. Слышал я, однажды на похожем кластере встретили мертвяка. Пустыш явный, выглядел плохо, его завалили из любопытства, хотели глянуть, чем он там кормился. Не поленились разрезать живот, желудок был набит землей и какой-то несъедобной трухой вперемешку с муравьями и личинками.

– На такой диете большим и сильным не стать, – понимающе кивнул Карат.

– Я именно это имел в виду. Ладно, присаживайся, мы немного отдохнули, пора двигаться, пока наши пассажиры волками завывать не начали.

* * *

Насчет дороги Пастор не ошибался – она и правда обнаружилась чуть ниже по склону, до поры до времени ее прикрывали кусты, не все они сумели пережить спуск гремящего по камням драндулета. И в остальном спутник тоже не соврал, он вообще казался все более и более честным, пока что ни разу на явной лжи не попался, при этом нередко высказывая до крайности сомнительные предположения, которые обычно представлял как неопровержимую истину.

Странный человек – ему одновременно веришь и не доверяешь.

Само собой, что колесную развалюху время от времени приходилось толкать. Спуск только поначалу можно было назвать крутым, чем ниже, тем больше пологих участков встречалось, даже на коротких ровных интервалах машина безнадежно останавливалась. На узкой, местами труднопроходимой грунтовке она не могла набирать такой же разгон, как на асфальте.

И надо признать, что последний участок пути преодолели с ветерком. Дорога резко повернула на запад, к границе кластера, за ней, уже по приятной глазу зелени, тянулась аналогичная по ширине грунтовка, но то ли почва там другая, то ли лучше накатана, не понять, однако разница несомненная, с этим не поспоришь. Даже когда уклон закончился, колымага проковыляла не меньше сотни метров, лихо выкатившись из тенистого леса на узкую, неизвестно насколько далеко протянувшуюся поляну, заросшую невысокой, будто подстриженной травой – лишь отдельные, самые шустрые побеги вздымались над ровной поверхностью.

Незначительная длина травяных стебельков объяснялась вовсе не работой газонокосилок – вдали, там и сям, можно было рассмотреть

россыпи крупных костей и частично раздробленные рогатые черепа.

– Ты ничего не говорил насчет пастбища, – резко напрягся Карат, поспешно озираясь по сторонам.

Пастор пожал плечами:

– Я коров здесь не видел и не слышал о них. Видимо, их здесь иногда пасли, и на этот раз стадо попало под перезагрузку. Полагаю, прошло несколько недель, трава уже успела заметно подняться.

– Похоже, пастух неплохо покушал, – мрачно предположил Карат. – Только не могу представить, как в одиночку с буренками справлялся. Он ведь свежий – ни скорости, чтобы догнать, ни когтей, ни зубов, чтобы шкуру разгрызть, даже силы не больше, чем у обычного человека.

– Коровы – для зараженных лакомство, ради них можно проявить изобретательность.

– Да какая изобретательность у пустыша? Они все поголовно тупые.

– Вероятно, в самом начале каким-то образом нашел пищу, а уже на стадии бегуна они способны справляться с коровами. Даже если ему одному все мясо досталось – это не так страшно, ведь до элиты в таких условиях дорасти невозможно.

– А что не так? Разве перезагрузки частят? Ты же говорил, что период между ними затянут, чуть ли не стабом называл.

– Кластер из непредсказуемых, у него бывают и короткие периоды, и очень длинные, под чернотой такое – обычное дело. Случается, доходит до пары недель, бывает месяц или два, иногда полгода, но обычно около года. Я именно о последней цифре говорил. Чтобы вырастить хотя бы начальную элиту, потребуется не один десяток тонн мяса и много времени, а здесь нет ни того, ни другого. Даже если пастух уже прошел через стадию лотерейщика, волноваться нам не о чем. Это всего лишь единичный зараженный, мы с ним легко справимся. Давай пассажиров на траву вытащим, что-то они плохо выглядят, может, им станет лучше.

Карату идея Пастора показалась не такой уж и своевременной. Солнце как раз через зенит перевалило, жарит так, что хочется в тень от самого себя спрятаться. На поляне укрытий не найти, только за машиной, но она посреди не такой уж узкой грунтовки стоит, людей придется укладывать на голую почву, там и сям усеянную сухими комьями глины, для спин и боков – это все равно что острые камни. Разве что к обочине ее передвинуть.

С другой стороны, наверное, сектант прав. Даже без тени новичкам на травке будет лучше, чем в провонявшей рвотными массами машине. Пакеты не очень-то спасают ситуацию, когда находятся в руках у людей, пребывающих в невменяемом состоянии, где небо от земли сложно

отличать. В общем, тщательная чистка салона этой колыхаге не помешает.

Архип кое-как выбрался сам, шумно бухнувшись на землю, едва миновав обочину, остальных пришлось вытаскивать. Ради Жоры Пастор расстарался, на узкой полоске тени по другую сторону машины раскатал спальник, поверх него уложил одеяло, а затем уже беспамятного. Тот непростую поездку пережил, но выглядел как прежде, то есть скверно.

Закончив возиться с пассажирами, Пастор озвучил возникшую проблему и ознакомил Карата с ближайшими планами:

- Машина не заведется, аккумулятор чернота высосала.

- С толкача заведем, – предложил тот.

- Завести – не проблема, но для начала свечи сменю, обычно без этого не обходится, если с заведенным мотором в черноту заезжаешь. А ты бери канистру и вон туда иди, в лес. Дальше ручеек увидишь, поднимись по нему до родника и набери воды. Вода там очень хорошая, холодная, вкусная и не портится долгий срок. У тех, кто по этой тропе проходит, обычай такой, брать ее с собой.

- Суеверие?

- Можешь и так назвать.

- Ты пастуха этого не чуешь?

- Людей и свежих зараженных поблизости нет.

- Может, он на другой край кластера подался.

- Или так, или совсем ушел.

- Как это – совсем ушел?

- Отсюда можно выбраться. Если все время на запад идти, тоже наткнешься на черноту, но она не такая широкая, как до этого, за ней зелень можно разглядеть. Зараженные черноту не любят так же, как воду, если не сильнее, но при отсутствии корма могут через нее перейти.

- Понял, буду знать.

- Но ты не расслабляйся. Я только здесь семь черепов насчитал, это значит, что пастух именно столько коров съел. А ведь могут быть и другие животные. Это большое количество мяса, поэтому не удивляйся, если на топтуна наткнешься.

- Ну так ты меня предупреди, у тебя же чутье.

- Мое чутье против людей хорошо работает, с мертвяками много сложностей. Иногда обманывает или далеко не достает, и возле черноты возможны разные сбои, то есть надеяться на него нельзя. Не расслабляйся, Улей может наказать.

Да он уже достал, повторяя банальные вещи, ведь Карат не помнит, когда последний раз здесь расслаблялся. Даже в тот вечер, когда в компании

Юпсика приступил к дегустации пива, в голове хватало дурных мыслей, а ведь обстановка очень даже способствовала умиротворению.

Лес и правда для этого региона необычен. Тут, как правило, их мало, в тех, что есть, тотально господствуют сосны, изредка их разбавляют дубравы и березняки с осинками, лесополосы преимущественно ясеновые, реже акация, возле воды, в поймах, разнообразие лиственных пород побогаче, но, по сути, все породы наперечет. А здесь, по словам Пастора, имеются ели, тогда как на других кластерах на них можно наткнуться только в обжитых местах, где встречается их декоративная разновидность.

Эти никакие не декоративные – самые обычные. Хмурые, темно-зеленые, долговязые, узкие, отростки по веткам расходятся в одной плоскости, и хвоинки – тоже. Почва сыроватая, но грязь под ногами не чавкает – сплошь влажный мох и лишайники, сразу за опушкой полоса зарослей папоротников, кое-где можно разглядеть сочные побеги похожих на водоросли хвощей. Мокро настолько, что, того и гляди, начнется болото.

Но, углубившись в заросли, Карат вместо трясины наткнулся на ручеек. Крохотный, парой ладоней можно мостик перекинуть с бережка на бережок, но бойкий, журчание воды слышал за несколько шагов. Этот звук на миг насторожил, очень уж диссонировал с однотонным шуршанием раскачивающихся на ветру елей.

Пройдя вверх по течению на неполную сотню шагов, наткнулся на исток – невеликую чашу родника. Его берега были укреплены плоскими камнями и вытоптаны, к этому месту выходили сразу две заметные тропки, но многочисленные следы пребывания людей сваливать на действия сектантов не приходится – это ведь не стаб, безнадежно затерянный среди черноты. Очевидно, местные жители тоже высоко оценили качество воды, вот и навешиваются грибки, ягодники и те же пастухи, один из которых, возможно, прямо сейчас подбирается к этому месту, глубоко продавливая влажный мох костяными пятками.

Карат, присев над родником, рефлексивно потер голень – болезненная рана, которой коварно наградил случайный спутник, давно зажила бесследно, но при мысли о топтунах рука сама по себе тянулась к этому месту. Еще бы, ведь именно тогда он впервые повстречался с постукивающей костями тварью.

Далеко не самая смертоносная, но воспоминания оставила богатые, слишком много всего сошлось в один момент.

Голову посетила неуместная мысль. Родник ведь не сам по себе существует, он часть гидрологического комплекса, который включает в себя водоносные горизонты с их зонами питания и разгрузки. Кластер,

вырезанный из внешнего мира, теряет старые связи, а новые вряд ли это компенсируют, об этом можно судить по той небрежности, с которой поверху стыкуются отдельные кусочки мозаики Стикса. Никого не удивляет, когда колодцы пересыхают вскоре после перезагрузки – обычное дело в Улье.

То есть этот родник может иссякнуть быстро или постепенно, лишившись питания. Но по нему такое не скажешь, журчит бодро. Должно быть, удачно вписался в новые условия, не растерял напор, журчит, как журчал всегда. Может, именно из-за этого у сектантов принято набирать воду именно здесь – выказывают уважение его стойкости и хотят прихватить с собой частичку его жизнелюбия.

Вдруг поможет.

Карат сполоснул бока и днище канистры в ручейке, только потом начал заливать ее, окунув в чашу родника. Глубина позволяет, доверху должна набраться. Иммунные не только едят много, воды им тоже требуется побольше, чем обычным людям. С учетом пассажиров в группе сейчас шесть человек, так что Пастор на этот счет беспокоился не без оснований. Хотя, по мнению Карата, могли обойтись и без пополнения запасов в дороге, ведь в почти вымершей деревне хватало колодцев, и по ним не скажешь, что они пересохшие. Возможно, качество там не настолько хорошее, но ничего страшного, в Улье привередничать не принято.

Может, помыться в ручейке? Холодную воду Карат не любил, но теплую здесь вряд ли предложат. Взбодрится после угнетающего действия черноты, заодно и соль с себя смоем, ведь немало пота пролилось, пока по жаре машину толкал.

Все эти мысли выдуло из головы в один миг – за спиной звонко протрещала автоматная очередь, затем еще одна и еще, уже не короткая и выверенная, а до опустошения магазина. В Улье так палят, когда нет смысла ни целиться, ни патроны жалеть, когда бьют в упор, до опустошения магазина, в отчаянии пытаюсь подавить цель, которая вот-вот до тебя дотянется.

Когтями или клыками.

Карат при первых же выстрелах выронил канистру и кинулся назад, поспешно ломаясь через папоротник и корявые хлипкие кустики, ничего внушительнее среди елей не росло. Автомат затих, но скромно щелкнул пистолет, и тут же оглушительно завизжала девушка. Если это Лида, то странно, от нее можно ждать голосок посочнее, а здесь будто школьница старших классов панику подняла при виде выскочившего из норки

мышонка.

Или все дело в том, что видит она вовсе не мышку.

Пастух, так нехорошо обошедшийся со своим стадом, нарисовался? Тогда почему молчит пулемет Пастуха? Да что там вообще происходит?!

Еще раз выстрелил пистолет, визг и не думал умолкать, будто пластинку заело. Кто-то шумно начал продираться через заросли навстречу Карату, но гораздо правее, там, где он заходил в чащу, то есть приблизительно напротив машины. Судя по звукам, это не какое-нибудь чудовище необъятных размеров, больше всего похоже на бегущего человека.

Впереди развиднелось, Карат выскочил на опушку и наконец во всей красе разглядел причину переполоха.

Чудовище, вообще не похожее на человека, с ног до головы покрытое уже прилично сформировавшимися костяными бляшками, кое-где начинающими перерастать в пластины, между которыми там и сям пробивались клочья грязной шерсти. Пасть такая, что трехлетний ребенок вольготно разместится. Само собой, что двойной набор зубов, предназначенных для быстрой нарезки живого мяса, кривые когти и прочее тоже прилагаются.

И огромное тело, дико огромное, куда больше даже того рубера, который в первый день едва не перечеркнул биографию свежеиспеченного новичка Карата. Но странное дело, при всем этом тварь почему-то не кажется чересчур развитой, ведь у нее даже волосы сохранились, причем росли они почему-то по всему телу. Явно не элита, тут определенно что-то другое, непонятное, одна из тех загадок, коими так богат Улей, и задумываться о разгадке некогда.

Потому что чудище не стояло на месте, любезно позируя уставившемуся на него Карату. Оно, свирепо урча, дергано металось вокруг машины, то и дело просовывая под нее когтистые лапы и совершенно не обращая внимания на визжавшую в нескольких шагах Лиду. Девушка сидела на траве, уставившись на монстра, и даже не пыталась схватиться за автомат, Саши видно не было, очень может быть, что именно он трещал ветками, без оглядки улепетывая в глубину ельника.

Хотя нельзя исключать, что это был Пастор, ведь его тоже не видно. Как-то ведь он сумел прожить здесь столько лет, а этого добиться тем проще, чем быстрее ты бегаешь.

Стрелял, очевидно, Архип. Судя по крови, там и сям сочащейся из туши, не обошлось без попаданий, но в целом можно сказать, что патроны переведены впустую – тварь полна сил и злобы, направленной на обидчика,

спрятавшегося под драндулетом. Мужичку крупно повезло, что Пастор выбрал древнюю технику с роскошным клиренсом, предусмотренным под грязевые колеи российского бездорожья. Свой автомат командир новичков обронил или откинул, спасаясь, но время от времени постреливал из пистолета, заставляя зараженного отдергивать протягиваемые лапы.

Это шерстяное чудо язык не поворачивался обозвать мертвяком, но по степени тупости оно ничем не отличалось от вездесущих бегунов. Вместо того чтобы перевернуть машину набок (что при такой силище не проблема), так и наворачивало круги в бесплодных попытках добраться до расчетливо отстреливающегося Архипа.

Но все же проблески достойных идей иногда могут посетить самый жалкий мозг. Тварь наконец остановилась, припала на четыре лапы, резко подалась назад, пригибая голову. Нетрудно понять, что последует дальше: сумасшедший рывок и удар всей массой немаленькой туши. Машина после такого не то что в сторону отлетит, она на запчасти развалится, там ведь почти все на ржавчине и краске держится.

Карат все это продумывал, не предаваясь созерцанию, стоя в тенике от деревьев. Он там и пары секунд не задержался, тут же бросился вперед, стараясь свести дистанцию до твари к минимуму. Несмотря на жуткий вид монстра, страха не было, а был нехитрый расчет. Прекрасно просматривался самый обычный с виду спортивный мешок, открытый со всех сторон. Получается, перед ним всего лишь зараженный, пусть и выглядевший необычно. А значит, это создание очень даже смертно и простейший способ его уничтожения очевиден.

Вот только добраться он не успевает. Шагов сорок не хватает, а медлить нельзя, тварь вот-вот сметет машину, Архипу с его пистолетиком после такого не поздоровится. Монстр столь силен, что ему и секунды хватит для зверского убийства. Ну, в крайнем случае основательно покалечит мужика, и что потом? Как без его поддержки новички выберутся самостоятельно, ведь вся их группа выжила только за счет старшего, Сашка плюс Лидка и половины его левой руки не стоят.

Замерев, Карат навел автомат на опустившуюся спину зараженного, ускорился, поднял ствол чуть выше, прицелившись в темно-бурую выпуклость на затылке, очень осторожно потянул за спусковой крючок – в таком режиме любые силовые действия приходится проводить с оглядкой. Одно неверное движение, и можно поломать то, что, казалось бы, сломать почти невозможно. Такое уже имело место после возвращения в Полис, когда Карат пытался охотиться при помощи арбалета.

Хорошая была штука, но при нестандартных нагрузках продержалась

недолго – после второго ремонта и последовавшей на следующий день третьей поломки пришлось отказаться в пользу незатейливых звездочек.

Звездочки Карат пока что не ломал, но как знать...

Оружие неудержимо повело в руках, рукоять затворной рамы пошла назад, открыв дорогу для выскакивающей гильзы, отправившейся в полет с неспешностью никуда не торопящейся улитки. Вынырнув в обычный режим, Карат увидел, что из бугра спорового мешка вырвалась россыпь почти невесомых черных обрывков. Та самая «паутина», ею доверху набиты наросты не слишком развитых зараженных.

Чудище, уже было ринувшееся вперед, издав то ли всхлип, то ли резко оборвавшийся хрип, зарылось мордой в наезженную землю, продолжая толкать себя задними лапами. За счет этого туша дотянулась до машины и даже заставила ее покачнуться, но на этом атакующий пыл иссяк – смерть сделала свое дело, тварь замерла, лишь конечности ее продолжали слегка подергиваться, но Карат по опыту знал, что надолго это не затянется.

Заметив на краю леса, который начинался за полосой пастбища по другую сторону дороги, подозрительное движение, навел туда автомат, вновь готовясь ускоряться. Но чуть расслабился, обнаружив вместо очередной твари Пастора. Тот походил на человека, которому только что пришлось спешно двигаться через густые дикие заросли: паутины нахватались, зеленые стебли ноги обвивают, выглядит не то чтобы запыхавшимся, но по всему видать, что побегать ему пришлось. Пулемет килдинг держал в руках, но никому оружием не угрожал – ствол смотрел в сторону и вниз.

Карат, опустив автомат, направился к машине, на ходу тревожно оглядываясь и крича:

– Чертов сектант, что ты в лесу делал?!

– То, что нельзя делать на поляне, возле людей! – без заминки прокричал в ответ Пастор.

– А не мог бы ты уединиться на опушке, а не забираться в чащу?!

– Не мог, здесь растет крапива!

– Ну да, ты, получается, сберег свою нежную задницу, а тут Архипа чуть не убили! Нормально бы получилось, одно на другое разменять! И куда, кстати, пацан делся?!

– Сашка в лес побежал, когда ЭТО увидел, – замогильным голосом ответила переставшая наконец визжать Лида.

А голос-то почти спокойным стал, прям чудеса быстрой смены настроения.

– Кстати, ты тут пять минут назад соловьем разливался, что на этом

кластере ничего страшнее ежей не водится! – не успокаивался Карат. – А это как понимать?! Пастух забыл побриться и ногти подстричь?!

– Успокойся, я тебя прекрасно слышу, – ответил неспешно приближающийся к дороге Пастор. – Это всего лишь лотерейщик.

– Лотерейщик?! – опешил Карат, не в силах понять, шутят над ним или спутник тронулся умом ни с того ни с сего. – Хочу тебе сказать, что я видел руберов, которые рядом с этим, как ты его называешь, лотерейщиком смотрелись бедными родственниками.

Сектант, остановившись перед тушей, спокойно произнес:

– Думаю, если хорошенько поискать по округе, можно найти косточки пастуха.

– Ты о чем вообще? И не сваливай с темы, как ты мог не заметить такую тварь?!

– Я имею в виду, что это необычный зараженный.

– Ну да, а я-то даже не догадывался, вот ведь дурак...

– Я его не заметил, потому что мое чутье хорошо работает против иммунных и не сильно изменившихся тварей, произошедших от людей. А это медведь – он хищное животное, а не человек, и он редко встречается в этих местах. Не представляю, как зверь оказался на этом кластере, ничего подобного никогда не случалось, о таком мне бы рассказали. Нам просто не повезло.

Карат наконец понял, кого именно ему напоминает странное чудовище, и не смог не признать правоту Пастора:

– Медведь?! Ну да, похож, как же я сразу не понял... Ох и здоровенный...

– Медведи и некоторые другие хищные и всеядные звери – это специфические зараженные. Стадии у них те же, что и у людей, но степень опасности разная. Кстати, это даже можно назвать везением, ведь при том же уровне развития заражения у них нередко встречается больше трофеев. Ненамного, но все равно выгодно.

– Надо мальчишку найти, – сказал начавший успокаиваться Карат.

– Да, надо, – согласился Пастор и, покосившись на Архипа, который, выбравшись из-под машины, молча уставился куда-то за нее, поморщившись, заявил: – И да, я должен сообщить вам плохие новости.

* * *

Медведь (или, будет правильнее сказать, бывший медведь), описывая

круги вокруг машины, не раз при этом пробежал по уложенному в тени Жоре. С учетом того, что весу в туше никак не меньше восьми центнеров, а когти на ногах по размерам соперничают с кавказскими кинжалами, приятного в том, что на тебя со всего маху наступает такая образина, мало.

Бедолага, должно быть, так ничего и не осознал – монстр жестоко смял его череп. Видимо, с силой, с разбега наступил, всей массой придавил. Мертвый новичок выглядел так неприглядно, что Архип с Пастором первым делом завернули его в одеяло, после чего на время забыли о потере, надо было отыскать сбежавшего мальчишку.

К счастью, шастать по лесу не пришлось, он сам выбрался на крики. Карата коробило, когда вся группа во время поисков орала на полную мощь легких, но сейчас он склонен был согласиться с мнением Пастора. Тот полагал, что пара таких тварей на уединенном некрупном кластере – совсем уж немыслимая фантастика, да и при остром дефиците корма между ними давно должен был случиться поединок за право сожрать проигравшего.

За размеры приходится платить – пищи переродившимся медведям требовалось куда больше, чем обычным зараженным.

Надо отметить, что привыкшие к смерти новички хоть и опечалились потерей, но на их поведении и высказываниях это почти не сказалось. Тут же начали обсуждать перспективы похорон, но Пастор, трепетно относившийся к потере времени, оборвал их дискуссию:

– Отнесем его в лес и обложим тело мхом.

– Зверье разроет, – угрюмо заявил Архип.

Сектант указал на тушу лотерейщика-переростка, к споровому мешку которого как раз подступался поигрывающий ножом Карат:

– Вот этот зверь съел всех остальных животных, тут никого не осталось, кроме совсем мелких. Он способен преследовать добычу несколько часов, у нормального животного не хватит сил уйти, и на таком кластере далеко уйти нет возможности. Ваш товарищ недолго будет лежать в лесу, после перезагрузки его тело исчезнет. В Улье принято так хоронить, это практично.

– Мертвые исчезают, а живые?.. – странным тоном, затягивая каждое слово, спросила Лида.

– Даже не надейся вернуться таким способом, спроси Архипа, он тебе расскажет, что ничего хорошего не получится. И почитай внимательно брошюру, ты многое пропустила. Если у вас нет возражений против таких похорон, советую приступать, я планировал до темноты спуститься к воде, мы теряем время.

Архип кивнул:

– Лады, похороним Жору по вашим обычаям. Только сделаем это сами, он наш, так будет правильно.

– Как скажете, – не стал возражать Пастор. – И не сильно расстраивайтесь, он слишком долго пробыл без живчика на черноте, и он новичок. Шансов у таких немного, им только знахари помочь способны, но здесь знахаря найти не получится. Спасибо Улью, что это единственная потеря и что он не натравил на нас что-нибудь похуже лотерейщика.

– Что может быть хуже ТАКОГО лотерейщика? – мрачно произнес Карат, отступая от тела, которое Архип сноровисто упаковывал в залитый кровью спальник.

Чувствуется, что погребальная практика у мужика богатая.

Пастор, тоже наблюдая за действиями Архипа, охотно пояснил:

– Представь, что было бы, выскочи на нас элита.

– И откуда ей взяться на таком кластере?

– Это Улей, в Улье все возможно.

– Пустые слова, не представляю, как это может быть. Ни по срокам не выходит, ни по количеству пищи.

– Ты никогда не задумывался, почему некоторые мертвяки становятся вожаками стай?

– А что тут думать, они сильнее других, потому и вожаки.

– Нет, ты меня не понял. Почему, допустим, один рубер ходит по кластерам со стаей из десяти менее развитых тварей, а другой всегда один? Все потому, что зараженные бывают разными, несмотря на внешнее сходство и одинаковую степень развития. Среди них иногда встречаются необычные особи. В разной степени необычные. В некоторых ненормальность не разглядишь, в некоторых не заметить ее невозможно. В том числе это касается интеллекта. Отдельные твари не просто ощущают приближение перезагрузки, они знают, когда именно она случится, именно на их поведение реагирует остальная масса. Инстинкт гонит мертвяков из обновляющегося кластера, но тот же инстинкт не позволяет сделать шаг на черноту. Туда они разве что за богатой добычей могут заскочить, редко и недалеко. Но ты представь особую тварь, которая достаточно умна, чтобы перебороть страх перед чернотой и догадаться, что для выживания на таком кластере единственный выход – отсидеться на ней, пока не рассеется пугающий туман. Вот она делает это впервые и обнаруживает, что ее родной кластер стал другим – здесь больше нет конкурентов, а пищи так же много, как в первый день ее жизни. От несварения желудка зараженные, насколько мне известно, не погибают, так что у такой хитрой бестии

имеется шанс дожить до очередной перезагрузки, с которой она справляется уже привычным способом. И так раз за разом, месяцами или годами.

– Я понял, ты такую тактику новичкам уже описывал. То есть в итоге, даже на затерянном в черноте кластере можно нарваться на самую серьезную элиту?

– Да, можно.

– Спасибо, что раньше это не сказал.

– За что спасибо?

– Я-то думал, что мы путешествуем безопасно, душой отдохнул, это ценно.

– Вот ты о чем. Нет, по этому поводу можешь не беспокоиться. То есть почти не беспокоиться. Спасибо Улью, такие твари на затерянных кластерах – огромная редкость.

– Но все же встречаются.

– Да, встречаются, Улей не любит предопределенность и не позволяет нам расслабиться, с этим приходится считаться. Но тропы, которые мы используем, безопаснее остальных. Если кто-то из нас замечает что-то угрожающее, устраивается чистка, никому не нужны лишние проблемы.

– Но все-таки нарваться можно и на ваших дорожках.

– Можно, Карат, смерть свою найти везде можно, это ведь Улей. И вот еще что, я тут подумал... У тебя крестники есть?

– Ну... Диана своего рода крестница, но я ей оставил родное имя, оно хорошее, ей подходит.

– Это не в счет, к тому же у женщин привилегия – во многих регионах им позволено самим решать, как их будут называть. Хотя я бы посоветовал девочке изменить решение, примета все же плохая. Лиду можно пока не трогать, позже сама придумает, женщины обычно с этим не торопятся и равнодушны к чужим советам, но Архипа и мальчика после похорон окрести.

– Лучше ты.

– Нет, Карат, не лучше. Ты в сравнении со мной такой же новичок, я как бы тебе оказываю честь. Улей такое одобряет, это плюс и тебе, и мне.

– Ну спасибо.

– И как ты их назовешь?

– Ты это серьезно?

– Разумеется, серьезно. Жаль, что ты не понимаешь важность этого момента для всех нас.

– Да ладно, ради тебя не жалко, давай Архипа назову Археем, легко

запомнит и на слух солидно. А Сашка пусть будет... Тощим, что ли? Нет, не пойдет, обидится еще. Может, Ловким окрестить, он ведь со скоростью пули в лес убежал? Ладно, пусть будет просто Ловкач – нормальное прозвище. Но жаль, Бегуном нельзя назвать, ему бы больше подошло.

– Согласен, больше. Но бегуны здесь не только бегают, они еще и урчат, так что лучше не стоит.

Глава 29

То, что переродившийся медведь не догадался сразу перевернуть машину или отбросить ее в сторону, позволило драндулету не рассыпаться грудой ржавого металла, но все же без потерь не обошлось. Пытаясь достать до крутившегося под днищем Архипа, тварь разнесла одну шину и повредила вторую, а запаска в багажнике всего одна. Кое-как сумели залатать менее пострадавшее колесо, но оно травилло воздух, периодически требовалось подкачивать. Чтобы проехать несколько километров по протянувшейся вдоль вытянутого кластера дороге, пришлось останавливаться дважды.

Дальше опять потянулася чернота, причем спуском здесь и не пахло. Опять пришлось толкать, перемежая это действие периодическим накачиванием искаленной шины, что, естественно, не способствовало скорости передвижения.

Чуть дальше ситуация изменилась в лучшую сторону, начался очередной спуск. Глядя сверху, можно было подумать, что он продолжается до самого дна впадины, где, по заверению Пастора, находится тот самый водный путь, которым Карат однажды успешно воспользовался. Всего-то и надо – толкнуть машину и нестись до самого финиша. На деле время от времени приходилось устраивать остановки и толкать снова и снова по ровным участкам, периодически доставая насос.

Из хорошего можно отметить лишь один момент – троицу пассажиров перестало выворачивать наизнанку, пошло привыкание. Выглядели они как с креста снятые, но освоились до того, что начали проявлять интерес к окрестным пейзажам и изредка вяло переговариваться.

Солнце уже собиралось прилечь на горизонт, когда выехали к зеленому пятачку. Крохотный, не больше футбольного поля, похоже, обычный тройник, ничего не значащий и никому не интересный мелкий стаб, один из бесчисленного множества ему подобных. Пастор, выйдя из машины, посмотрел вниз, затем вверх и с явной неохотой заявил:

– Ночь проведем здесь.

– Ты чему-то не рад? – уточнил Карат.

– А чему мне радоваться? Я рассчитывал оказаться внизу засветло, а теперь нам туда никак не успеть. Остановимся в тех кустах, снизу их не разглядеть, а сверху на нас смотреть некому. Костер разжигать не станем, черноты в этом месте с двух сторон немного, она тянется тонкими

полосками, твари, если заметят, могут через нее перейти. Смелость у них зависит от голода.

Было бы неплохо провести и эту ночь с костром, так душевнее, но раз опасно, значит, нечего об этом и думать. Благо машину загрузили не только пассажирами, нашлось место для множества полезных вещей, в том числе спальных мешков и одеял. Ну а консервы можно умять и холодными.

Пастор, покопавшись с драндулетом, сообщил нерадостную новость:

– Отсюда до воды придется идти пешком, машина не заводится.

– Так уже и не надо, – сказал Карат. – Ты говорил, что черноты тонкая полоска осталась, новички малость приспособились, немного пройти смогут, если мы им поможем.

Пастор указал на черные деревья, возвышавшиеся метрах в пятидесяти:

– Там выступ кластера далеко заходит. Хорошего кластера, не черного. До него могли бы протащить машину, а потом доехать до самой воды. Теперь мы будем вынуждены идти напрямик и пешком.

– Так даже лучше, – сказал Карат. – Мотор твари издали слышат, а их там много, толпой сбегутся на шум.

– Там, в конце, вода и лодки, и я могу замаскировать всю группу. Зараженные первым делом бросятся к машине, пока поймут, что возле нее никого нет, мы успеем отплыть от берега.

– От крутых не замаскируешь, сам говорил.

– Не так много шансов сразу на таких наткнуться. Даже на Дальнем Западе может ни одной за целый день не встретиться, все зависит от района и путей миграций.

– С нашим везением – наткнемся обязательно, причем на стаю.

– Ты сказал это в негативном ключе, но признай, нам пока что и правда везет.

– Ну да, скажи это Жоре и заодно Туристу.

– Я не им говорю, а нам, везение – не рыбный пирог, который разрезается на одинаковые куски. Давайте ужинать и спать, подъем будет ранним.

* * *

Местность, по которой продолжили спуск к главной здешней низине, можно похвалить лишь за одно – пусть она и стиснута чернотой с двух сторон, но сама остается зеленой. В остальном ничего хорошего: сплошные

буераки; россыпи острых камней; прорывающие почву непреодолимые скальные выходы; глинистые кручи, на которых можно запросто шею свернуть; густые заросли колючих кустарников. И ни намек даже на жалкую тропинку, не говоря уже о большем. Плюс ко всему, солнце начало испепелять с самого рассвета, обещая устроить ту еще духовку уже в ближайшие часы.

Карат не понял, почему не пошли той дорогой, по которой можно спуститься на машине. То ли Пастор решил не демонстрировать посторонним окончательный отрезок пути, то ли у него имелись другие соображения. На его вопросы сектант не отреагировал, а это означало, что задавать их, хитро переформулировав, смысла нет: тема из тех, на которые он отмалчивается без вариантов, несмотря на то что обычно не прочь поболтать.

Продравшись сквозь очередные кустарниковые дебри, садистски сдобренные шиповником, норовящим оставить без одежды, Карат увидел, что прямо за этими зарослями протягивается граница кластера. Улей проявил свойственную ему временами небрежность, подгоняя друг к другу участки со сложным рельефом. Местами несовпадения оказались критическими, остались, будто бритвой срезанные, обрывы, некоторые очень даже приличные. Отдельные так и стояли, другие обвалились или оползли, но разрушения выглядели свежими и протягивались в линию, прекрасно различимую даже с большого расстояния.

В новом кластере поверхность – тоже не подарок: такая же неровная. Но видно, что он не совсем запущенный, там и тропы через кустарники протоптаны, и линия электропередачи протягивается, и вон, внизу, крыши каких-то неказистых домишек из зелени выглядывают, а чуть дальше возвышается подозрительно правильной формы холм, почти лишенный растительности. Похож на рукотворный, скорее всего, это отвалы пустой породы возле горнодобывающего предприятия.

Пастор, подтверждая предположение Карата, указал прямиком на приметную возвышенность:

– Видите этот террикон? Теперь оглянитесь и оцените горку, с которой мы спустились. Линия от верхушки горки до террикона – основной ориентир, нам нужно спускаться вдоль нее. Так вы сможете выйти сперва к пруду, который придется обойти, за ним начнется полоска замусоренного леса, а дальше участок речного русла. Но лучше немного пройти вправо, там будет лесополоса, похожая на узкий парк, ее легко узнать по многочисленным широким тропинкам. Пройдете по ней мимо футбольного поля и сворачивайте влево. Если не собьетесь с пути, увидите тот же лес, в

котором много мусора, и за ним лодочную станцию. Не найти ее трудно, их там три, нет разницы, к какой выйдете. Самая первая располагается напротив футбольного поля, подходить к ней неудобно, слишком много открытых мест, чередующихся с укрытиями, где могут встретиться зараженные. Лодки на этой станции есть всегда, и еще там есть катамараны. Но использовать катамараны не советую – это неудобный транспорт. Возле причала располагается сарайчик, обитый жестью, он маленький, похож на шкаф. В сарайчике хранятся весла, замок сломать легко, замки на лодочных цепях тоже непрочные.

– Зачем ты это нам говоришь? – спросил Архип. – Мы что, здесь расстаемся?

– Нет, мы идем до лодочной станции вместе, – ответил Пастор. – Однако вы не в своем мире, вам надо привыкать к тому, что даже ближайшие планы могут не осуществиться, потому что Улей не любит предопределенность. Не исключено, что нам придется быстро разойтись в стороны, спасая свои жизни. В таком случае на станции можно будет собраться уцелевшим, или просто взять там лодку и отправиться своей дорогой.

– Кстати, если случится, что придется там собираться, не советую ждать на станции, – предупредил Карат. – Лучший вариант – как можно быстрее сядьте в лодку, отплывите на середину, а там сместитесь в сторону. Пусть потом твари бегают напротив вас, а не возле станции. В воду они обычно не лезут, так что, если не приближаться к берегу, вряд ли достанут, но все равно вы их будете привлекать, и это хорошо, лучше пусть на вас таращатся, чем на отставших. И если будет возможность, те, кто первыми доберутся, пусть сломают замки еще на паре лодок и положат в них весла, это сэкономит время для остальных.

– Правильно, – одобрил Пастор. – Даже одна выгаданная секунда – очень много, когда тебя преследует тварь, похуже того медведя.

Напоминание о вчерашнем происшествии заставило новичков помрачнеть, а Архип уточнил:

– Вы всегда такие предусмотрительные?

– Обычно только с новичками, – ответил Пастор. – Старожилы без напоминаний обходятся, у них это подобно инстинкту. Спасибо Улью, правила здесь несложные, вы быстро освоитесь.

– Если удастся выжить, – ответил Архип, начиная привыкать к манере разговора бывалых иммунных.

Карату террикон не понравился с первого взгляда, и негатива становилось тем больше, чем ближе к нему подходили. Проблема не в том, что гора из бесполезной породы выглядит неестественной, чего же еще можно ожидать от насыпанного рукой человека сооружения. Проплешины на склонах, где отказывалась расти даже самая неприхотливая трава, глубокие промоины, шрамами рассекавшие склоны, и пестрые разводы вымываемых из породы солей напоминали фотографии пейзажей других планет Солнечной системы – все это не выглядело натуральным, но ни капли не напрягало.

А вот плоская вершина, подходы к которой и сама она местами поросли невысоким кустарником и чахлыми тополями, очень даже напрягала. Прекрасная позиция, с которой можно эффективно контролировать окрестности. Даже самой опасной твари придется некоторое время карабкаться вверх по открытой местности, на радость засевшим наверху стрелкам. При желании там хватит места для небольшого отряда, в котором найдется место не только для глазастых наблюдателей с разнообразной оптикой, но и для пулеметчиков с умелыми снайперами, а то и для минометного расчета.

Принято считать, что главная опасность Улья – вездесущие зараженные. Карат с таким мнением в корне не согласен, потому как чуть ли не все неприятности, с которыми он здесь сталкивался, являлись следствием человеческой деятельности.

Вот кого следует опасаться в первую очередь – таких же людей, как ты сам.

То, что Пастор выглядит невозмутимым, ничуть не успокаивало. Вчера он во всей красоте продемонстрировал, что его неоднократно упомянутое чутье если не полный пшик, то как минимум явление, которому всецело доверяться нежелательно. Не заметить тварь весом под тонну с кратчайшей дистанции; считать местность настолько безопасной, что вместо того, чтобы охранять измочаленных чернотой новичков, отправляться на философские посиделки в лесной сортир...

В общем, прежнего доверия к чутью Пастора нет и не будет, несмотря на все его обоснованные оправдания и объяснения.

Сектант на подходе к террикону начал отклоняться влево. Там пришлось пробираться через поросль низеньких абрикосовых деевьев, усыпавших землю оранжевой россыпью мелких переспевших плодов,

затем преодолели невысокую железнодорожную насыпь и дальше направились вдоль нее.

И сотни шагов не сделали, как Пастор, поудобнее перевесив пулемет, негромко предупредил:

– Мы здесь не одни, похоже, где-то рядом зараженные. Чуть дальше будет дорога, вдоль нее тянется лесополоса. Это не совсем лесополоса, это что-то вроде парка, я вам рассказывал. Там много удобных тропинок, попробуем пройти незаметно. Было бы хорошо обработать обувь, свежие следы твари чуют отлично, но репеллента, к сожалению, нет. Осталось небольшое расстояние, если не будем медлить, нас не успеют выследить.

Карат, считая, что кое-какой опыт общения с тварями приобрел, высказал свое мнение:

– Не помню, чтобы меня по запаху мертвяки гоняли.

– Полагаю, ты и одежду и обувь регулярно обрабатывал.

– Далеко не всегда.

– Значит, у тебя все еще впереди. Если Улей разрешит столько прожить, когда-нибудь обязательно нарвешься на смышленного зараженного с улучшенным обонянием. Есть такие, которые могут сутками за тобой идти, ориентируясь исключительно по запаху. Ладно, все разговоры отложим на потом. До лодочной станции отсюда около двух километров, вся полоса между чернотой и водой – крайне опасное место. Тварям здесь ни на запад хода нет, ни на восток, они вынуждены передвигаться по ней в разных направлениях. Не помню случаев, чтобы совсем без них обходилось, но и серьезного ничего не случалось. Главное – не совершать ошибки и внимательно слушать то, что я говорю.

– Ты не рассказывал, что часто здесь бывал.

– Я нет, но других расспрашивать мне никто не мешал. Я от природы любопытный.

– Если нарвемся, мне стрелять? – уточнил Архип.

– Тебе надо слушать то, что я говорю. Или делай что сможешь, если я не смогу отдавать приказы. Если Улей позволит, попробуем тихо пройти, если не получится, патроны жалеть не нужно. Спасибо новичкам и деревне, в которой они жили, у нас их теперь много. А ты, Карат, перестань смотреть на эту кучу камней. Зараженным там делать нечего, а людям, чтобы туда забраться, придется показаться на открытом возвышенном месте, откуда отступить будет трудно. Позиция выглядит удобной, но это западня.

Пастор резко свернул напрямик в густые кусты, где то и дело приходилось переступать через навалы сухих ветвей и кучи мусора. Стало

не до разговоров.

Карат призадумался о последних словах сектанта. Тот, упоминая патроны, прихваченные из деревни, заодно напомнил и о многом другом. В брошенной неподалеку машине осталось много полезных вещей, которым не нашлось места в поклаже. Багажник там основательный, да и на крышу можно грузы приспособлять, чем не забыли воспользоваться. Крупнокалиберный пулемет, несколько автоматов и винтовок, гранаты, боеприпасы, естественно, тоже не забыли. Для Улья – настоящее сокровище, причем перезагрузки ему не страшны, ведь оно брошено не абы как, а упаковано в пленку и брезент, оставлено пусть и на крохотном, но все же стабе, так что никуда не пропадет, ценное добро скорее изойдет на ржавчину, чем угодит под откат.

Если, конечно, посторонние на него раньше не нарвутся.

А последнее непременно случится. Пастор, возможно, впервые за все время высказал явную неправду, объявив машину безнадежно сломанной. Захотел оставить ценные вещи именно на стабе, чтобы самому потом воспользоваться или сделать складом, из которого могут снабжаться проходящие по тайной сектантской тропе соратники.

Карату волей-неволей приходится подумывать над перспективами обратной дороги, и пока что он, несмотря на недавний негативный опыт, склоняется к водному пути. Попросту не представляет, как можно выбраться по-другому. Тем же путем, что и сейчас? Нет уверенности, что не сообразит с него, ведь в черноте местами очень трудно ориентироваться, а заблудившегося там ждет нерадостная участь.

Не хочется остаться очередным черным бугорком, по которому неопытный взгляд скользнет равнодушно, не признав в рассыпающейся от ветров и дождей фигуре бывшего человека.

Если выбираться к дальним окрестностям Полиса, водный путь знаком и не кажется таким уж рискованным, несмотря на недавно пережитое. Раздобыв лодку с мотором, его можно без героических свершений преодолеть за пару десятков часов, не тратя время на нескончаемые объезды мертвых кластеров. При таком сроке попасть под удар катастрофической перезагрузки почти нереально – это не такое уж частое явление само по себе, а сопровождающееся наводнением – встречается на порядки реже.

Два таких невезения подряд – перебор даже для Улья.

Но выбираться к дальним окрестностям Полиса не хочется. Ведь это означает, что Карат рискует столкнуться с теми, кому в очень нехорошем смысле дорога его голова, и выйти далеко в стороне от условленных мест

встречи со спутниками. Нет, на самый крайний случай с Шустом и Дианой изначально выбрали два стаба, где у товарища были якобы надежные приятели, осевшие там всерьез. Можно, добравшись туда, подождать отставших или уйти в другое место, оставив там весточки о себе.

Но это самый крайний и к тому же проблемный вариант, так что надо как-то отрабатывать ближние. То есть не просто водой уходить, а искать выход из большого озера в то самое русло, где Карат не по своей воле разлучился со спутниками.

Какой бы вариант он ни выбрал, все равно придется проходить здесь, в паре километров от террикона. Другой дороги он не знает, да и судя по отдельным обмолвкам Пастора, тот тоже считает ее привлекательной, несмотря на все связанные с ней риски.

Естественно, ведь по ней, при минимальном везении, можно добраться куда быстрее, чем пешком по черноте, а время терять сектант не любит.

Значит, Карат может пройти водой неподалеку от заначки Пастора. И хорошо бы заранее продумать вопрос: заглянуть к ней или нет, а если заглянуть, то что оттуда прихватить? Рюкзак, набитый цинками с бронебойными патронами, может неплохо поправить материальное положение на ближайшее время. Деньги в Улье – не самое главное, но и лишними они не бывают.

Особенно это актуально для тех, у кого их нет.

Чем дольше он здесь живет, тем больше думает о том, где бы что урвать. И мысли о том, что урвать можно у спутника, рядом с которым сейчас шагает, уже не смущают, ведь добыча, по сути, общая, а тот насчет дележки даже не заикнулся.

Нехорошо себя ведет. Как, впрочем, и сам Карат – такими размышлениями он раньше не страдал.

Характер явно изменяется в скверную сторону, и трудно понять, к добру это или к худу.

Глава 30

Пастор не ошибся по поводу того, что пройти здесь пару километров и не увидеть зараженных пока что никому не удавалось. Ну а что поделаться, если места непростые. Дальше, на запад, чернота хоть и не сходит на нет, но существенно уступает позиции стандартным кластерам. Те местами под завязку набиты деревнями, селами, городскими кварталами, а то и целыми мегаполисами, и, следовательно, там хватает питательной биомассы. На ней от перезагрузки к перезагрузке вскармливается немало тварей, в том числе до опаснейших стадий. Рано или поздно, в силу критично высокой плотности на квадратный километр, они устраивают массовые миграции или стайные переходы в направлении территорий, где побольше простора. А такое легче всего найти на востоке. Здесь, у сдвоенной преграды из воды и мертвой земли, скитающиеся мертвяки вынуждены задерживаться в поисках обходных путей.

Если не повезет, можно нарваться на орду в тысячи, а то и десятки тысяч особей, в том числе очень опасных. Такая даже армию приличного стаба способна в несколько минут прожевать без остатка, вот и приходится держать линию постов дальнего обнаружения, чтобы заранее узнавать о надвигающихся угрозах.

Карату повезло, на полосе между подножием спуска и водным путем орда не повстречалась. Но вот опасностей поскромнее хватало.

Первым делом наткнулись на пару бегунов. Что первый, что второй выглядели потасканными и болезненно исхудалыми. Особенно заметно это отражалось на мордах – кожа уродливо обтянула черепа, да и обвисшая верхняя одежда много о чем говорила (вряд ли до перерождения они покупали обновки на несколько размеров больше). Если бескормица затянется, это их рано или поздно может истощить до смерти. Хотя такое случается редко, обычно ослабевших подъедают более удачливые твари, принцип «выживает сильнейший» в Улье актуален, как нигде.

До мертвяков, похоже, дошла вся печаль ближайших перспектив и поэтому, вместо того чтобы часами стоять в засаде, как обычно принято у них, остатки энергии тратили на активный поиск добычи. И, надо признать, тактика чуть было не привела к успеху – к железной дороге парочка вышла в тот самый миг, когда группа скрывалась в замусоренных зарослях.

Несколько секунд задержки, и эти доходяжки могли громко заурчать при виде добычи, привлекая остальных тварей.

Хотя не факт, ведь если Пастор поддерживает маскировку, такая мелюзга вряд ли ее разоблачит. Правда, вся механика умения сектанта Карату неизвестна. Тот что-то говорил о минимальной дистанции, за которой обман перестает работать, и вообще, мог темнить, так многие делают, когда приходится раскрывать свои таланты перед посторонними.

Затем заметили еще пару, на этот раз стационарную, никуда не спешащую, раскачивающуюся с пяток на носки – у них это поголовное явление. Дальше встретила сразу четверка, занявшая позицию посреди дороги. Также заметили изувеченную машину, очень похоже, что в ней когда-то находилось что-то вкусное, и кто-то, не обделенный силой, пожелав это съесть, разворотил кузов, будто картонную коробку.

Такое на вездесущих бегунов списать не получится, у них силенок не хватит, да и мощными когтями с зубами они не богаты. То есть в округе орудовали (а может, и до сих пор орудуют) твари посерьезнее.

Видимость в исхоженной тропами парковой полосе, по которой двигались после того, как ушли, удаляясь от железной дороги, оставляла желать лучшего. Чересчур много кустов, причем густых. С одной стороны, они полезны, потому как прикрывают, с другой – вредят, не позволяя издали замечать зараженных.

Пастор внезапно остановился и тихо произнес:

– Я не хочу идти дальше.

Карат, ничего не понимая, задал глуповатый вопрос:

– А куда хочешь?

– Дурное предчувствие меня не пускает, ему верить надо, так хочет Улей.

– Что твое чутье говорит? Ощущаешь кого-то?

– Чутье только мешает, зараженные здесь повсюду, не могу понять, где безопаснее идти, везде одинаково, все сливается, тварь на твари, сплошной шум. Обычно их тут меньше, не знаю, почему сегодня иначе. Давайте пройдем напрямик, налево, попробуем добраться до первой станции. Это не самый безопасный путь, но зато он самый короткий.

Взглянув в указанном направлении, Карат, оценил то, что можно было разглядеть в просветах, и уточнил:

– Ты уверен? Там поле футбольное с воротами деревянными, за ним спортивная площадка, дальше какие-то дома одноэтажные, редко стоящие, со всех сторон все просматривается.

– Попробуем на маскировке проскользнуть, нам недалеко осталось. Эти дома – пансионат или турбаза, не знаю, как точно называется. Видишь зеленъ чуть подальше?

– Ты о соснах? Вижу.

– Этот тот самый грязный лесок, о котором я говорил, нам через него надо пройти. А дальше будет вода и лодки у причала.

Шагать у всех на виду и раньше, в первый день совместного похода с сектантом, напрягало, а сейчас, такой оравой, пробирало чуть ли не до нервного озноба: ведь логично предположить, что пятерых замаскировать куда тяжелее, чем двоих. По виду Пастора, правда, не скажешь, будто он серьезно напрягается, но поди пойми, что у этого загадочного человека внутри. Как вчера заметил Карат, долго толкая машину, спутник все же утомляется, но скрывает это мастерски.

Так что доверять его неизменному равнодушно спокойному виду не стоит – это не более чем качественная маска, за которой может обнаружиться что угодно.

Незатейливый стадион, оборудованный по-деревенски, миновали без проблем, хотя на этом коротком пути Карат заметил две пары бегунов, причем вторая располагалась неудобно, плохо просматривалась, нельзя дать гарантию, что их там не больше. Ни один мертвяк не повел головой в сторону пятерки быстро двигавшихся людей, что даже слегка обескуражило. Нет, это, конечно, прекрасно, но неужели им неинтересно полюбоваться на своих, не сказать, что крутых собратьев, коими сейчас выглядят все пятеро?

Может, на таком расстоянии их все лишнее и малопривлекательное не занимает? Поди пойми, что у тварей на уме, уж сколько Карат на мертвяков насмотрелся, а до сих пор многого не понимает, даже самые примитивные порою могут вести себя непредсказуемо.

Футбольное поле от спортплощадки отделялось прерывистой линией густых кустов. Их, похоже, не так давно подстригали, разрастись ввысь и вширь они не успели, зато понизу просматривались очень плохо.

Пастор направил группу в один из самых удобных проходов и крупно прогадал – за кустами, скрываясь до последнего мгновения, лежал мертвяк. Нет, не какой-нибудь хитрющий рубер засаду устроил, всего лишь пустыш, низшая стадия низших – жалкий ползун, свежее мясо Улья, которому не повезло с кормовой базой, найденной пищи ему не хватило не то чтобы для развития, а хотя бы для сохранения общего тонуса. Ноги перестали поддерживать тело, отсюда и уничижительное прозвище. Такие опасны разве что для младенцев и паралитиков, но угроза сейчас заключалась вовсе не в его не успевших измениться человеческих зубах и ногтях.

Ползун, увидев, что в считанных шагах от него появилась куча еды, к сожалению, не потерял «дар речи» от столь соблазнительного зрелища и

среагировал с дивной для такого доходяги быстротой: заурчал поначалу протяжно, затем коротко, раз за разом, торопливо, будто своим менее чем скромным умишкой понимал, что долго голосить ему не позволят.

Да уж, воистину король тупиц – он еще и пополз к людям, посматривая на них взглядом любвеобильного Робинзона, на остров которого после десяти лет абсолютного воздержания и еженощного воя на Луну высадилась экскурсия с женского круиза.

Пастор, шагнув навстречу выползающему на асфальтированную дорожку зараженному, от всей души врезал по его голове крепким берцем до хруста, до конвульсивных подергиваний ногами и руками, убил одним небрежным ударом.

Но было поздно – отвечая агонизирующему сородичу, заурчали сразу с двух сторон. С одной все понятно – там та самая группа располагается, с численностью которой Карат не сумел определиться, а вот что происходит справа – неясно.

Дело в том, что правая сторона напрягала, ведь именно ее забраковал Пастор, сославшись на тревожные предупреждения интуиции. Если там и правда находится нечто, сумевшее достучаться до потаенных слоев сознания вечно хладнокровного сектанта, от этого места следует держаться как можно дальше.

От души слегка отлегло – справа, из кустов, окружающих какое-то стоящее особняком двухэтажное здание, заброшенное в процессе строительства, выскочили самые обычные бегуны. Ну да, и по звукам было очевидно, что вряд ли там кто-то совсем уж нехороший решил голос подать, зря Карат напрягался. Три особи мчатся не сказать что прямиком на группу, чуть напутали с направлением. Это прекрасно, но вот то, что они продолжают урчать, очень плохо, ведь такие звуки привлекают других.

Как там говорил Пастор по поводу своего чутья? Здесь вся округа кишит зараженными? Очень хочется, чтобы в этом предположении он ошибся так же, как недавно ошибся с переродившимся медведем.

Увы, но на ошибку не похоже – вот еще где-то отозвались, вот еще и еще. И там выбегают неестественно размахивающие руками фигурки, и там, а вон через стену перескочило что-то серьезное, с перекошенной фигурой, с непомерно длинными передними лапами, растущими из раздувшихся плеч. Линия разросшихся кустов, протянувшаяся вдоль дорожки, не позволяет рассмотреть детали, но нет сомнения, что это, как минимум, прилично развившийся лотерейщик – так сказать, старшина над бегунами. Из опасных стадий – самая распространенная, вездесущий бич новичков, да и старожилам способен нешуточные проблемы создать, дай

только шанс.

Не вовремя подвернувшийся ползун стал тем мелким камешком, который спровоцировал лавину. Эта местность и правда кишела зараженными, ближайшие твари, расслышав перспективное урчание, тут же его повторяли, чем будоражили своих соседей. Волна возбуждения расходилась все дальше и дальше, то, что взбудораженные мертвяки не сбегаются в одну точку, объясняется лишь тем, что они не успели сориентироваться – по счастью, в опасной близости никого, кроме единичного пустыща, не оказалось, но его быстро уgomонили, теперь некому остальных наводить.

Однако ситуация на месте не стоит, и футбольное поле, и спортплощадка заполняются тварями. При этом некоторые из них вскоре неизбежно окажутся на критической дистанции, где умение Пастора не способно прикрывать группу.

Сектанту не потребовались пояснения, чтобы прийти к тем же выводам. Забросив пулемет на плечо, он выхватил из кобуры пистолет и тихо произнес:

– Не шумите и не отставайте от меня ни на шаг. Я напряг все силы и быстро их расходую, они сейчас принимают нас за свору мелких лотерейщиков или кого-то в этом роде, то есть мелочь приближаться опасается. Но сейчас они на взводе, их много, могут позабыть про страх. Надо уйти отсюда побыстрее, не отставайте. Передвигайтесь плавно, не переходите на бег и смотрите под ноги, нельзя, чтобы кто-то упал, резкие движения могут нарушить маскировку.

Сразу пара бегунов решила показать, что не очень-то пугаются каких-то лотерейщиков, если те стоят на пути к месту, откуда только что доносились призывы вкусно покушать.

Карат, с замиранием сердца глядя на их приближение, хотел было предложить Пастору свои услуги, но тот опередил, вскинул пистолет. Дважды щелкнули неестественно тихие выстрелы, сопровождаемые лязгом автоматики, будто копеечная петарда хлопнула в недрах сугроба. Только сейчас стало понятно, что оружие у сектанта не из простых – с эффективным интегрированным глушителем, и патроны явно дозвуковые, слишком уж скромный звук.

Увы, но только в фильмах такие пистолеты работают практически бесшумно. Этот выдавал себя недалеко, но все же выдавал. Однако необычные звуки пусть и насторожили сбегających тварей, но, похоже, заинтересовали не всерьез, видимо, не ассоциировались с обычными выстрелами, а следовательно, и с присутствием пищи.

А вот два бегуна, свалившихся замертво, заинтересовали многих. Дело вовсе не в том, что картина их внезапной гибели подсказала остальным, что рядом находятся их вкусные убийцы. Мелкие твари чересчур тупы для столь глубокомысленных выводов, зато в возбужденном состоянии молниеносно реагируют на все, что можно отнести к пище.

Трупы других зараженных – это тоже еда, а если они свежие, так еще и недурственная.

Эти – свежие.

– Быстрее! Быстрее! – торопливо приговаривал Пастор, перешагивая через агонизирующие тела.

Спешил удалиться от них, не попасть в толпу, которая вот-вот набежит.

Позади заурчали как-то очень уж нехорошо, с явной угрозой. Так на пассивную еду зараженные не реагируют – кто-то что-то заметил.

Придя к тем же выводам, Пастор, не сбиваясь с ритма торопливых шагов и вкидывая пистолет обратно в кобуру, прошипел:

– Это кто там нас увидел?!

Вопрос в ответе, похоже, не нуждался, хотя Карат инстинктивно обернулся.

Лучше бы он этого не делал, потому как тут же столкнулся взглядом с немаленьким лотерейщиком, живо напомнившим о злоключениях первых дней, когда дважды близко сталкивался с этими омерзительными созданиями.

Лотерейщик смотрел в глаза явно не случайно. Никакое это не совпадение, он видит добычу, мчится напрямик к ней, маскировка против него не работает – слишком близко подобрался, слишком развито зрение, чтобы обмануться на такой дистанции.

Так вот кто у нас такой глазастый!

Пастор рывком извлек из разгрузки что-то, очень похожее на игрушечную гранату, выдернул чеку, подержал серо-зеленый пластиковый кругляш пару секунд в руке, а затем отбросил далеко влево. Покатившись по земле, тот зашипел разозленной до крайности гадюкой, а затем смешно пропищал и, выбрасывая струйку дыма вперемешку с разноцветными искрами, начал издавать кошмарные звуки, весьма отдаленно напоминающие мартовскую запись кошачьего концерта.

Нехитрая уловка рейдеров, Карат с подобными сталкивался неоднократно. Для начала берется компактное звуковоспроизводящее устройство, на которое записаны «кошачьи песни». Эти животные мертвяков почему-то интересуют до крайности, несмотря на то, что добычей зараженных становятся крайне редко – очень уж проворные и

острожные. Но те все равно проявляют к ним повышенный интерес, не расстаются с мечтой изловить. Бросив крохотную коробочку в нужный момент в правильное место, можно привлечь внимание всех ближайших тварей, что иногда не только позволит пробраться мимо них незамеченным, а и жизнь спасти. Более-менее эффективно работает лишь против мелочи, развитые особи, как правило, фальшь различают влет.

Карату доводилось видеть, как рейдеры хвастаются друг перед другом такими игрушками или демонстрируют их возможности в надежде выгодно продать. Надо признать, что из всех подобных поделок, та, которую сейчас применил Пастор, – самая никудышная в плане исполнения. Фальшивит безбожно, это явно не запись и не синтезатор, это просто свистулька пиротехническая. Но нельзя не оценить неоспоримый жирный плюс – такую можно таскать через мертвые кластеры, не опасаясь по поводу потери работоспособности.

Не блещущие интеллектом мертвяки, уставившиеся в направлении урчащего лотерейщика и пытающиеся понять, что же такое вкусное он здесь заметил, начали в массовом порядке терять интерес к его интригующему урчанию. Они получили возбудитель посильнее – мяукающая и испускающая искрящийся дым штуковина не оставила их равнодушными.

Пастор, вновь выхватывая пистолет, коротко приказал:

– Стоп!

Карату пришлось жестко ухватить Сашку, то есть уже Ловкача, за плечо – пацан даже не подумал притормозить. А сектант, вскинув пистолет, подпустил мчащегося лотерейщика шагов на двадцать, после чего вновь выстрелил дважды.

К удивлению Карата, он бил не в голову. Обе пули пришлось по нижним конечностям: первая – в колено левой, вторая – в нижнюю часть бедра правой. Уже прилично разогнавшаяся тварь не удержалась на ногах, покатилась, а Пастор, подловив момент, потянул за спуск третий раз, попав в пятку, причем снизу, с таким расчетом, чтобы пуля, явно не из простых, хорошенько прошла по косточкам.

После этого последовала столь же короткая команда:

– Бегом!

Ну, бегом так бегом. Похоже, сектант разуверился в маскировке, потому как решил отказаться от плавности движений.

Выполняя приказ Пастора, Карат, несмотря на сложность момента, сумел проанализировать последние действия сектанта и понял, что такая тактика имеет право на жизнь, ее следует взять на вооружение.

Стреляет килдинг, как бог, но при этом даже не попытался пальнуть в затылок, хотя возможность была – мертвяк, пока катился, подставился. Но зачем убивать тварь, если можно превратить ее в такой же раздражающий фактор, как уже начавшую затихать «акустическую гранату»? Лотерейщик, обездвиженный тройкой метко выпущенных пуль, не успокоился, продолжает урчать. Только вот погоню продолжать в приличном темпе не способен и своими призывами лишь сбивает с толку остальных тварей. Сейчас сбегутся к нему все до единой, ну, или почти все, и будут переминаться с ноги на ногу, не понимая, что это за банкет такой, где закуску не предлагают.

– Не отставать! – приглушенно рявкнул Пастор. – Карат, присматривай за девкой!

До сих пор он к Лиде так не обращался, всегда был подчеркнуто вежлив. Похоже, всерьез занервничал. С чего бы это?

Ответ поджидал впереди – из-за обвитой диким виноградом изгороди, которая с этой стороны огораживала спортплощадку, выскочила тройка зараженных. Два бегуна, еще не успевших растерять гардероб, но уже хорошенько измаравших его остатки, и младший сородич твари, оставшейся позади с подраненными ножками.

Пастор, ни на миг не замедлившись, выстрелил четыре раза, уронив пару мелких мертвяков и дважды попав в голову старшему. Лотерейщик, только взявший разбег на замеченную добычу, покатился по земле и отчаянно затряс башкой. Не прикончило, утолщенная кость выдержала, лишь оглушило ударами. Его бы добить, обычно они очухиваются быстро, но на это нет времени, округа стремительно превращается в развороченный муравейник.

Причем некоторые муравьи очень даже интересуются приглушенными выстрелами, тучи над группой опасно сгущаются.

Дальше побежали вдоль той самой изгороди. И сотни метров не преодолели, как Пастор добил до конца один магазин и прилично облегчил второй. Практически во всех случаях на одну цель ему хватало одной пули, бил точно в голову, лишь в тех случаях, когда она казалась слишком крепкой, нажимал на спусковой крючок дважды, а в одном случае, обездвиживая очередного развитого лотерейщика, трижды. Оружие не из рядовых, если дистанция позволяет, можно поражать слабо защищенные точки с высокой вероятностью успокоить даже прилично изменившегося зараженного.

С продуманным уничтожением опасных тварей не все так просто, там есть специфическая проблема – паразит, который переделывает их тела, в

основных деталях обычно педантичен, а вот в мелочах – тот еще затейник. Там, где у одной ты удачно попал в стык пластин обычной мягкой картечиной, у другой может оказаться щиток, против которого даже приличные винтовки играют плохо. Так что, если хочешь стать рейдером долгожителем, придется научиться не только стрелять, а еще и смотреть, во что ты, собственно, стреляешь. Невозможно сосчитать, сколько жизней спас грамотный и оперативный анализ защиты серьезных тварей.

Сектант анализировать умеет.

Когда наконец миновали изгородь и повернули к воде, Карат понял – время пистолета закончилось. От того самого лесочка, о котором Пастор не раз высказывался, что он замусоренный, неслись мертвяки. Не два и не три – десятки. В основном мелочь, некоторые едва ноги передвигали, совсем уж никакие, но в толпе выделялись и опасные цели – не по-человечески быстрые, движения характерно дерганные, с одеждой расстались полностью или большей частью. Крайние формы бегунов или начинающие лотерейщики – провести между ними четкую границу невозможно. Что те, что другие уязвимы даже для пуль из не самого лучшего оружия, вот только живучесть и презрение к боли у них уже на таком уровне, что желательно тщательно выбирать места, куда стрелять.

Пастор выбирать не стал. Вместо этого он вбросил пистолет в кобуру, тяжело выдохнув, рывком вскинул пулемет и раздал приказы:

– Карат справа от меня, Архей слева. Работаете по флангам и недобитым. Ловкач и Лида держатся сзади, работают только по тем, которые со спины выскакивают. Всем стоп! Ловкач, тебе было сказано сзади держаться! Начинаем!

Говоря это, Пастор затормозил так, что взрыхлил песок на тропинке, его пулемет оглушительно-гулко выдал первую очередь и продолжил работать в быстром темпе, но не больше чем по три-четыре выстрела в самых серьезных случаях. Карат с бывшим Архипом в дополнительных пояснениях не нуждались, вскинули автоматы, и понеслось – не слишком метко, дыхание все же сбитое, зато быстро и не жалея патронов.

Спасибо затерявшейся среди черноты деревне – неплохо приложились к ее запасам.

Пожалуй, одного пулемета более чем достаточно для такого расстрела. Но пара автоматов лишней не была – сэкономила драгоценное время. На то, чтобы бегущая орава бодрых зараженных превратилась в ораву неподвижных или корчащихся окровавленных тел, вряд ли ушло больше тридцати секунд. Но этого хватило, чтобы из-за изгороди выскочил самый шустрый преследователь – очень даже мощный лотерейщик, успевший

очухаться после пистолетных пуль, выпущенных в его голову Пастором.

Надо отдать должное Ловкачу – мальчишка на этот раз не струсил, начал стрелять, да и девушка присоединилась к нему пусть и не мгновенно, но оперативно.

Вот только по таким целям они работать не привыкли. С ног сбить – сбили, но говорить о смертельных ранах нельзя.

Пастор, обернувшись, выпустил в бьющегося на песке мертвяка скупую очередь и приказал:

– За мной! Бегом!

Архей на этих словах пульнул за изгородь из подствольника, с той стороны урчало такое количество глоток, что не хотелось задумываться о точных цифрах. По мнению Карата, напрасный расход боеприпасов, осколки там слишком несерьезные, убийность у них никакая, разве что против совсем уж слабеньких тварей работает на минимальной дистанции, всем остальным они только шкуру царапают. Но и сам не удержался, кинул туда же ручную гранату. Глядишь, пара взрывов своей силой затмят случившуюся перестрелку, озадачат тварей, хоть на несколько секунд привяжут их внимание к другому месту.

Очень хочется, чтобы Пастор и на этот раз говорил правду, потому как, если за леском не найдется лодочной станции, ситуация, и без того нехорошая, станет совсем уж паршивой. Группу пока что выручает только то, что при всем изобилии зараженных серьезных тварей среди них не видать. Можно, конечно, отнести к ним лотерейщиков, но хорошо вооруженным людям на них грех жаловаться, таким недоделанные топтуны опасны разве что стаей.

Но если прямо сейчас не скрыться на воде, группа начнет замедляться, ведь человек не может вечно носиться сломя голову, тем более с грузом. Так что в итоге беглецы окажутся в окружении той еще оравы.

Как бы не пришлось спасаться вплавь, но без лодки.

И без ценного имущества.

Карат не смог оценить степень чистоты узкого лесочка, это очень непросто сделать, когда преодолеваешь его бегом, тяжело дыша, смахивая пот с ресниц, то и дело стреляя в набегающие спереди и с боков фигуры, бросая гранаты за спину для того, чтобы преследователи не заскучали, меняя магазины, без сожаления отбрасывая опустошенные и мечтая только об одном – чтобы эти проклятые деревья побыстрее закончились, а подошвы застучали по доскам вожделенного причала.

С досками он не угадал – причал оказался металлическим. Ничего удивительного в такой ошибке нет, мимо он проплывал всего-то один раз,

многочисленные базы казались почти одинаковыми, такие мелочи в памяти держались кучно и поэтому сливались воедино.

Пастор, прогрохотав пару шагов по металлу, проворно развернулся, припал на колено, шумно сбросил рюкзак, поспешно отстегнул от него короб с новой лентой, приказал:

– Архей, весла достань! Ловкач, разнеси замок у лодки! Лида, рюкзак мой дотащи!

– Какой лодки?! – не понял мальчишка.

– На конце причала! Карат, будь рядом, прикрывай!

Тот и без дополнительных указаний никуда не ушел, так же припал на колено, вскинул автомат к плечу и, пытаясь успокоить дыхание, ловил в прицел набегающие из леса фигуры.

Выбрав самую прыткую, уродливо перевитую канатами раздутых жил, выдал короткую очередь. Промых. Еще одну. Вроде зацепил, тварь дернулась, но на ее проворстве это не сказалось. Ну на тебе еще. И еще. Есть – покатила, тут же вскочила, рванув было дальше, но повреждение оказалось не из рядовых, мертвяка резко перекосило, завалившись на бок, он начал нелепо сучить лапами, разбрасывая вокруг себя песок.

Пока Карат разбирался с одним, пара других, таких же опасных быстрых, оставивших позади основную массу, подобралась так близко, что, даже запыхавшись после долгого бега, вряд ли по ним промахнешься (при хотя бы минимальных навыках обращения с оружием).

Очередь, в ближайшую цель уносится росчерк трассера. Карат по возможности, снаряжая магазины, добавлял в самом начале один трассер. Наглядная подсказка, что патроны на исходе и пора бы задуматься о перезарядке, хотя это подарит тварям чуток времени.

Думать не пришлось, заработал пулемет Пастора, а это для не самых опасных мертвяков – смертный приговор, быстрый и беспощадный.

И чего это Карат раньше к любителям пулеметов относился с легкой настороженностью? Нормальные, в сущности, ребята.

А если умеют перезаряжаться быстро, так им цены нет.

Что в это время делали остальные, Карат не видел, не было лишней секунды, чтобы оглянуться. Судя по нескольким выстрелам с той стороны, с замками они расправлялись при помощи оружия.

Ну да, не та ситуация, чтобы об экономии патронов думать.

Пастор, поднимаясь, приказал:

– Отходим! Не удержимся!

Это понятно, в лесу к этому моменту даже деревьям тесно стало. Уже не десятки, а сотни тварей наводнили его от опушки до опушки, и все они

мчались или ковыляли в одном направлении.

Тут уже не пулеметы нужны, тут без огнеметов не обойтись, спалить этот сосняк к чертям вместе с мусором и тварями.

Пастор, выхватив из разгрузки гранату необычных очертаний, вытащил кольцо, что-то провернул в основании запала, бросил прямо себе под ноги, помчался за пятившимся Каратом, пытавшимся его прикрывать, даже отступая.

– Не стой! Бегом! До конца бежим!

Приказ есть приказ – Карат побежал. Причал длинный, под берегом здесь протягивается мель, поросшая кое-где невысоким тростником, строители довели работу до свала, который начинался метрах в двадцати пяти. Там новички суетливо загружали лодку и на глазах Карата уронили в воду весло. Вроде ловят, оно не успело ни утонуть, ни уплыть, но это все же заминка, а заминки сейчас недопустимы.

За спиной, невдалеке, заурчали так, что Карат чуть было не припустил втрое быстрее, помешало лишь то обстоятельство, что бежать дальше некуда – до оконечности причала не больше пяти шагов оставалось, а по воде он не ходок. Такое впечатление, что к берегу мчится существо, попавшее сюда из мира, где динозавры не вымерли и теперь время от времени прилетают сюда со своими кластерами.

Массово при этом перерождаясь.

Бежать дальше нельзя, поневоле пришлось останавливаться и разворачиваться. В этот же миг в самом начале причала, где до этого располагалась позиция Карата и Пастора, вспыхнуло с яркостью электрической дуги, ударило по глазам и тут же померкло, расползаясь огненным шаром. Стремительно теряя яркость, он продолжал расширяться, при этом почти не изменяясь по высоте, будто пытался обволочь пламенем как можно большую площадь. Вырывающиеся из его нутра ослепительные искры мгновенно поджигали все, к чему прикасались: горел зеленый тростник, пылали задернованные участки земли, прилегающие к причалу, взломанный сарайчик и даже ржавое железо.

В лицо дохнуло таким жаром, будто Карат заглянул в металлургическую печь. Зажигательная граната? Очень уж мощная, неправдоподобно мощная, слишком грандиозный эффект для столь скромных размеров.

Впрочем, спасибо Улью и заодно нолдам, разнообразие фантастически смертоубийственных шуток здесь в порядке вещей.

Ну вот, уже думать почти как Пастор начал – хвалу Улью воздает.

Сектант, поводя пулеметом из стороны в сторону, не стрелял. Смысла

нет, твари не пойдут через такой огонь, они его побаиваются так же, как люди.

А нет, вон один шустрый догадался обогнуть пламя, с разбегу плюхнулся на мелководье в расчете преодолеть его в быстром темпе, но здесь мертвяка ждала та еще засада – песком богат лишь берег, а дно сложено вязким илом, и слой его не из тонких. Лотерейщик не сказать, чтобы безнадежно завяз в трясине, но и прытким его продвижение не назовешь.

Пастор, неспешно прицелившись, послал в упрямо барахтающуюся тварь очередь на пару патронов и скомандовал:

– В лодку! Оттуда прикрывай!

Выполняя приказ, Карат крикнул:

– Лида, ложись! В дно вжимайся, ты мне мешаешь!

Очень уж неудобно расселась, не будешь же сквозь нее стрелять. Спешка никому еще не помогала, вот и здесь свалили рюкзаки как попало, сами тоже забрались безо всякой системы. С учетом невеликих размеров лодки, бардак и столпотворение.

Девушка послушалась без заминки. Карат, разглядев подстреленного лотерейщика, чуть успокоился – тот больше никуда не рвался, неуклюже ворочался на мели, где поймал очередь от сектанта, вокруг безобразной туши расплывался неприглядный ореол потревоженного ила. Остальные мертвяки забираться в реку не спешили, их, вероятно, смущало то, что произошло с «первопроходцем», очень может быть, что ввиду поголовного скудоумия винили в случившемся ненавистную воду, а не пулеметные пули.

Через опадающее пламя Карат увидел что-то большое и настолько стремительное, что это никак не могло быть лотерейщиком, все куда кошмарнее. И потому, не дожидаясь, когда Пастор разместится как следует, заорал, отпихивая лодку от причала:

– Архип! Отталкивайся! Быстрее!!!

Ну никак не может привыкнуть, что старшего новичка теперь следует называть иначе, при том, что сам его окрестил.

Архип-Архей замешкался, но не критично, это даже помогло, он устроил лодке дополнительный толчок в нужный момент. Но из-за заминки она пошла не прочь от берега, а наискосок. Здесь все еще опасно мелко, несмотря на мутную воду, можно разглядеть заросли водорослей на дне и стайки улепетывающих мелких рыбок.

– Весла! Гребите! – крикнул Карат, давя на спусковой крючок.

Массивная и при этом неправдоподобно-стремительная тварь, сошедшая с самого кошмарного полотна полностью безумного живописца,

добравшись до воды, сиганула на несколько метров, в прыжке оттолкнулась от сарайчика, после чего тот завалился опрокинутой картонной коробкой, перелетела через пламя, приземлилась на причал с такой силой, что тот нутужно загудел, а лист не самого тонкого металла, приваренный кое-как лишь по краям, не выдержал, оторвался от рамы, скомкался листком бумаги. Чудище – несомненная элита весом никак не меньше тонны, при этом провалилось до воды, ухватившись за трубу, которая служила поручнями с одной стороны, согнуло ее со скрипом и, пытаясь опереться об илистое дно, начало отчаянными рывками проталкивать свою тушу дальше.

Карат, прекрасно осознавая, что простые автоматные пули для такого создания – все равно, что носорогу плевки, без оглядки на это, не переставал поливать крушащую причал цель короткими очередями, одновременно крича Архипу:

– Греби! Да быстрее ты! Греби!!!

Лида, рискнув приподнять голову, разглядела причину волнения Карата и завизжала так же смешно, как вчера при виде изменившегося медведя.

Вот только смеяться никому не хотелось.

Надо признать, что будь причал чуть покрепче, пришлось бы Карату напрягать умение, в попытке если не убить отожавшуюся тварь, так хотя бы замедлить. Благо запас сил восстановлен, всего-то чуть-чуть потратил вчера на мелкий эпизод, убивая зараженного медведя. Но не понадобилось, элита, кое-как выбираясь на следующий лист, сорвала и его, запутавшись при этом в прогнувшихся уголках рамы и закрутившемся в штопор поручне.

Опустошив магазин, Карат, перезаряжаясь, обернулся к безмятежно сидевшему на носу Пастору:

– А ты чего не стреляешь?!

– Зачем? – вопросом на вопрос ответил тот.

– Как это зачем?!

– Мой пулемет не повредит ее шкуру. Да и не вижу в этом смысла, мы уже ушли, не надо тратить патроны, мы их и так много израсходовали.

Обернувшись на берег, Карат, краем глаза контролируя продолжавшую ломать причал элиту, нервно облизнул пересохшие губы. У кромки воды столпились сотни тварей, еще десятки решились на большее и теперь неуклюже пробирались по топкой мели, стараясь не приближаться к пугающему их буйствующему чудищу. Вся эта орава урчала на одной ноте, шум стоял такой, будто присутствуешь на митинге мертвяков (что, в

сущности, и происходило).

Как же хорошо, что берег быстро удаляется...

* * *

Вторую лодку раздобыли на другой станции. Располагалась она в паре километров от первой, на противоположном берегу, посреди широкого участка русла. Здесь или залив уходил в глубь кластера, или Улей состыковал с рекой озеро, так или иначе, расстояние от все еще носящихся за лодкой мертвяков оказалось приличным, и на их урчание местные твари набежать не успели.

Дальше подошло время расставания. Карат торопливо давал новичкам последние наставления по поводу того, чему не нашлось места в брошюре, с чем они не сталкивались, что может им пригодиться в ближайшее время. Пастор то и дело тоже начинал принимать в этом участие, его советы, как правило, были куда полезнее и изложены доступнее.

Помимо слов, Карат вручил Архею схему, набросанную с карты сектанта. На ней с максимумом подробностей изображался маршрут по воде и сухопутному отрезку, а также были кратко набросаны правила общения с патрулями Полиса. Вояки там, по местным меркам, доброжелательные, особенно к новичкам, но все же такая информация лишней не будет.

А еще, незаметно от Пастора, он, сворачивая карту, подсунул в нее записку. Архей на нее неизбежно наткнется при первой же попытке сориентироваться по бумаге, а сектант не поймет, что новички получили информацию, не предназначенную для его ушей.

В записке говорится о том, как найти остров на большом озере, где, возможно, Карата дожидаются Шуст с Дианой. Те при встрече не откажут новичкам в помощи и, самое главное, узнают новости о своем пропавшем спутнике и получают от него краткую инструкцию по поводу дальнейших действий.

Она, в сущности, не расходилась с уже озвученным – надо сидеть или там, или на второй точке. Ну, или, если оба варианта их чем-то не устраивают, уходить к одному из уговоренных стабов.

Главное, что они узнают, – в ожидании есть смысл, потому что тот, с кем они должны встретиться, пережил наводнение.

Хотя не факт, что переживет дальнейшие события.

Карат вручил Архипу цинк патронов, который тащил на себе только

ради того, чтобы тот, встретив Шуста с Дианой, передал его им. Боеприпасы тоже валюта, если друзьям придется уходить к стабу, на первое время это поможет им закрыть финансовый вопрос.

Ну а если не встретит пропавшую парочку – новичкам деньги тоже пригодятся.

Глава 31

От груды печально выглядевших обломков, которая раньше была пассажирским поездом, смердело на всю округу. Вонь ощущалась даже за сотни метров, так что разрушенный мост, возле которого Карату не так давно пришлось пережить неприятные приключения, почуяли до того, как разглядели его за изгибом русла.

– Нехороший запах, – заметил Пастор, не догадываясь об источнике смрада.

Карат, все прекрасно понимая, буркнул:

– Поезд там, он под перезагрузку попал при мне. Полетел с моста из-за границы кластера, она как раз по реке проходит, мясорубка получилась, все всмятку.

– С поездами такое нередко происходит, – ответил на это Пастор.

– Я помочь не успел, твари набежали.

– Ты хотел помочь?

– Ребенок там кричал. Так кричал, что ты себе представить не можешь.

– Я тебя понимаю, дети – это всегда страшно.

– Вагоны горой сложились, мертвяки до всех докопаться не смогли, вот и пованивает.

– Скорее всего, они добрались до всех, голые кости тоже сильно воняют, – поморщившись, заметил на это Пастор.

В этот момент мост с обрушенным пролетом показался из-за стены тростника во всей красе. Сектант, работая веслами, обернулся через плечо и заметил очевидное:

– Мост не целый.

– Я так и говорил, – кивнул Карат. – Шутка Улья. Состыковал по границе железнодорожный к автомобильному, а приклеить друг к другу забыл.

– Улей и не так умеет шутить, – сказал Пастор. – Я однажды видел, как он соединил пешеходный мост с канатной дорогой.

– Ну да, и то, и другое в воздухе висит, для Улья это логично, – заявил Карат.

В этом месте, откуда ни возьмись, проявилось течение, возле берега оно понесло лодку с приличной скоростью, а уж с работающими веслами вообще разогнались не на шутку. Мост приближался быстро, Карат рассмотрел, что по обломкам поезда бродит совсем уж печальный мертвяк.

Одежда на лоскуты порвана, на руках нескольких пальцев не хватает, понятно, что далеко не первый день в Улье, но при этом едва ноги переставляет. Один из бесчисленного множества пустышей, которым не повезло с ходу развиться до следующей ступени. На первом этапе гибели кластера это сделать проще всего, а вот дальше приходится выдерживать конкуренцию со стороны обогнавших тебя тварей, а то и набежавших старожил, которые не против отщипнуть от тебя кусочек-другой или даже съесть целиком.

Этот конкурентную борьбу проиграл и укывлял залечивать раны в места поспокойнее. Но не понимал главного – они только потому спокойные, что с едой здесь все плохо. А это катастрофа, зараженным голодать строго противопоказано, тем более на низших стадиях, где нет возможности в любой момент подкрепиться вездесущими слабыми сородичами.

Нашел по запаху место, показавшееся перспективным, да только ничего он здесь не урвет, все, что можно было вытащить из-под обломков, уже вытащено, причем тварями, в сравнении с которыми этот доходяга смотрится смехотворно.

Складывалось впечатление, что мертвяк и сам прекрасно понимал, сколь ничтожны его возможности, уж очень тоскливый у него вид, да и двигается потерянно. Расслышав скрип уключин, неловко обернулся, разглядел лодку, заметно оживился, спустился к кромке воды и, балансируя на неустойчивом обломке поезда, уставился в сторону приближающейся еды. Видимо, всерьез рассчитывал, что Улей решил подкинуть ему гуманитарную помощь.

Но лодка проходила мимо, оставаясь недостижимой. Осознав это, мертвяк торопливо, почти заискивающе заурчал, будто уговаривая приблизиться, высадиться, досыта накормить несчастного. Нетипичные для зараженных звуки, Карат столкнулся с такими впервые. Похоже, затянувшийся период лишений сказался на речевом аппарате зараженного.

Пастор тоже обратил на это внимание, безучастно произнес:

– Мне кажется, этот парень приглашает нас к себе в гости.

Карат, прижав приклад к плечу, опустил предохранитель, передернул затвор, выстрелил в голову, что даже в движущейся лодке несложно, ведь до цели не больше десятка метров.

Пастор, покосившись на завалившееся в воду тело, коротко спросил:

– Зачем?

– Просто захотелось, – сумрачно ответил Карат.

Выдержав многозначительную паузу, сектант заявил:

– Это уже не люди, это всего лишь биомасса, находящаяся под управлением силы, о природе которой мы можем только строить предположения. И всех детей Мультиверсума тебе здесь не спасти. Советую приберечь патроны.

– Это мои патроны и мои дела, не лезь, – без наезда, но твердо ответил Карат. – И вообще, куда мы поворачиваем?

– Там, за мостом, начинается протока.

– Я вижу, что протока. Но нам не туда, нам дальше надо.

– Знаю. Но здесь пометка на карте: «Деревня. Синий лодочный сарай. Моторка». Не знаю, как тебе, а мне хочется добраться до места побыстрее.

– Протока узкая, можем нарваться.

– Мы с тобой не маленькие мальчики, умеем справляться с проблемами. К тому же плыть до этого сарая недалеко.

– Зачем нам торопиться? Спешить не спеши, а в конце нас все равно убьют.

– Лишь Улей решает, кому и когда умирать, но вообще-то я планирую жить дальше.

– А меня можешь посвятить в твои планы? Что ты там задумал? Убьешь всех наемников голыми руками? Или как-то договоришься с Бироном? Ты ведь это умеешь.

– Неплохой вариант, жаль, что ничего не получится, Бирон не станет забираться так далеко на запад, он жаден, но осторожен. И я бы предпочел принять решение уже там, поближе к месту.

– Ага. Только учти, что подловить нас могут где угодно, в том числе и поближе к месту. Я вроде бы сенса хитрого у них подранил серьезно, но не факт, что он такой один, да и не уверен на все сто, что не ошибся с выбором цели. Если так, понятия не имею, насколько он может заглянуть. Меня они быстро застукали, думаю, с двумя работать еще проще.

– Будем разбираться с проблемами по мере их возникновения. – Оглянувшись, Пастор оценил открывающиеся впереди виды и добавил: – А вот и деревня, я же говорил – она недалеко. И сарай синий на берегу стоит, все как в описании – приятная предсказуемость. Ты в лодках разбираешься?

– Не профессор в этом деле, но, если надо, разберусь.

– Тогда я прикрываю, а ты занимаешься лодкой.

– Что, чуешь кого-то?

– Пока нет, но приходится учитывать, что ты своим выстрелом всю округу переполошил. Теперь зараженные здесь заволновались, бегают куда-то, не успокаиваются. Что они дальше делать будут, мне неизвестно. На

будущее, если захочешь еще куда-нибудь пострелять, обращай ко мне. С таким пистолетом гораздо меньше проблем.

– Ты свое оружие мне не доверяешь.

– Просто покажи, кого именно требуется убить, и я сам все сделаю.

* * *

Нельзя не согласиться с Пастором – на моторной лодке можно ходить куда быстрее, чем на весельной. Но повышение скорости Карату не в радость, ведь чем больше скорость, тем меньше остается времени до того непростого момента, когда они столкнутся с людьми Бирона.

А то, что столкнутся – сомнений не вызывает, слишком уж очевидный вариант, чтобы они его упустили из виду. Всерьез взялись за дело, потери успели понести, после такого вряд ли отступят, как показывают последние события, Бирон оплеухи не прощает. К тому же знает, что дай сейчас слабину, и Карат уйдет далеко за зону досягаемости, как и собирался, поэтому преследователи будут давить со всех направлений, караулить везде, где возможно его появление.

Ох и кашу заварил, уже жалеть начал, что сунулся именно сюда. Опрометчивый шаг, слишком близко к Полису, ребятам Бирона не приходится бесконечно далеко отрываться от своих баз, получается, им на руку сыграл. Надо было плюнуть на жемчуг, затеряться где-нибудь в хрен знает где затерянных краях, а когда все затихнет, тихонечко вернуться.

Жаба не позволила. Ей ночами не спится, только о том и беспокоится, что величайшее сокровище Стикса лежит без охраны.

Глупое земноводное, ведь ценнее жизни ничего не бывает. Одну белую жемчужину Карат уже проглотил, и что дальше? А дальше ничего хорошего: ни умений новых, ни прибавки старого, только пустые слова от малоопытного знахаря и мутного сектанта, зато плохое прямо сейчас может смыкать кольцо окружения, вырваться за которое не получится.

Один раз номер удался, на второй порезвиться ему не позволят, пришьют без церемоний, не дадут провернуть что-нибудь, вроде фокуса с гранатой в стакане.

Двинуть Пастора по голове веслом, и пускай сам добирается куда хочет? В принципе, по живодерской морали Улья – не такой уж несимпатичный вариант, тем более обставить его можно по-разному, с лишними грубостями или без. Вот только сектант в Улье долгую жизнь прожил, далеко не факт, что его получится обставить за счет сверхскорости,

мало ли что у него на этот счет припасено. Да и расставаться на нехорошей ноте не хотелось, в сущности, отношения у них не из тех, где один пленник, а второй пленитель, глядишь, какие-нибудь редкие перспективы из такого сотрудничества вырисуются.

Получается, для Карата выгоднее растянуть совместную поездку как можно дольше.

Да, именно так, несмотря на риск и даже с учетом того, что где-то, не так далеко отсюда, Шуст с Дианой могут сейчас слезы проливать по пропавшему товарищу, спешка ни к чему. Сектант уже рассказал много того, о чем Карат даже не догадывался. За время пути он немало от него почерпнул как из прямых разговоров, совмещенных с действиями, так и из обмолвок с догадками.

Информация в Улье тоже валюта, значит, чем больше ты знаешь, тем значительнее твое богатство. Карату невыгодно обрывать знакомство прямо сейчас, да еще и на нехорошей ноте, ведь сектант не прочь поболтать и иногда выдает интересное. Вряд ли случайно, он не похож на человека, который так легко теряет над собой контроль. То и дело всплывают моменты, на которых Пастор замолкает, дальше ни слова из него не вытянешь, как ты ни старайся.

Но при этом кое-какие крошки временами подкидывает, будто прикармливая.

И есть еще один немаловажный момент – место, куда Карат пообещал привести Пастора, скрывает тайну – там осталась туша скреббера. Нетронутая туша. Речь, конечно, идет не о ранах, их там как раз хватает, все дело в споровом мешке, к которому никто пальцем не прикасался.

К скребберам зараженные обычно не приближаются, их туши, как правило, даже разлагаются как-то ненормально и обычно долго, их не едят ни крупные падальщики, ни мелочь, вроде личинок мух. Кластер, на котором стоит хранящая тайну котельная, или стабилен, или перезагружается с периодом в годы – это еще один обнадеживающий факт.

То есть велики шансы, что до белого жемчуга пока что никто не добрался и он не улетел при очередном обновлении.

Если там сейчас орудуют черно-зеленые, кто может дать гарантию, что они не наткнутся на мертвое чудовище? Карат, добывая его из гранатомета, вызвал обвал каких-то металлических конструкций, но полностью они тушу не похоронили, лишь затруднили доступ в котельную. Со стороны может показаться, что там все засыпано ржавым хламом, но если как следует покопаться, можно обнаружить тот еще клад.

Тем более, по слухам, от разлагающегося скреббера может

распространяться специфический запах. При таких размерах есть риск, что гниющая туша всю округу завоняет.

Люди Бирона заявили туда не для того, чтобы лягушек в мелководном канале гонять. Они здесь не первый день живут, знают, что такое запад и на что способен Карат. Им придется ставить периметр с наблюдателями, как-то решать проблемы с местными тварями, держать опорные пункты, обеспечивать смену народа на постах и в патрулях. В общем, не надо думать, что они, приехав на место, намертво засядут в каком-то из домов и не будут оттуда высовываться. Следовательно, в любой миг кто-то из них может всерьез наведаться в котельную.

Надеяться на то, что этот миг никогда не наступит, – наивно. Увы, но надо признать, что Карат своими последними действиями привлек повышенное внимание к этому месту. Даже если не найдут скреббера случайно, при затянувшемся ожидании рано или поздно кто-то не самый глупый задастся очевидным вопросом: почему это беглецов потянуло именно сюда? Улей колоссально велик, так какой смысл продолжать крутиться в опасной близости от Полиса, где засел организатор погони? Размышляя над этим, несложно прийти к очевидной мысли – что-то здесь не так, а затем устроить тщательное прочесывание окрестностей. И бойцов делом займут, ведь солдату праздность строго противопоказана, и, глядишь, ответы отыщутся.

А там и прочесывать особо нечего – за каналом поселок с ветхими дачами, перед ним несколько десятков бетонных коробок, окруженная ими котельная, затопленный котлован и площадка с обветшавшими вагончиками строителей. Нет сомнений, что поиски надолго не затянутся.

Ошибся Карат вот так, с ходу, вместо бегства устраивать поход за сокровищем. Но, с другой стороны, что ему оставалось? Бесконечно затягивать этот момент – значит рисковать потерей жемчуга, слишком торопиться – тоже не получалось, требовалось время на подготовку, причем подготовку скрытную.

Очень не хотелось, чтобы посторонние заподозрили о его планах забраться на запад. Некоторые могли прийти к нехорошим мыслям.

Значит, надо либо идти на сумасшедший риск, либо позабыть о сокровище скреббера.

Да, жизнь, разумеется, подороже любого жемчуга, но отказаться от него – это значит подарить Бирону или его подручным, если те между собой договорятся за спиной главного уroda. Будь Карат уверен во втором варианте – еще куда ни шло, такое пусть и с зубовным скрежетом, но принять можно, а вот первый никуда не годится.

Бирон так ополчился на Карата с Дианой главным образом потому, что его демонстративно обидели при дележке. Целиком его вина, но такие люди скорее признают, что Земля стоит на шести бесхвостых обезьянах, чем свою вину, зато искать крайних они те еще мастаки.

Виновников Бирон нашел мигом и устроил на них масштабную охоту, не считаясь с потерями, как это принято в Улье, – людей здесь ценят нечасто. Если в результате ему достанется целая горсть драгоценного жемчуга, Карат себе это не простит.

Несправедливо. В корне неправильно. Бирон должен получить плод фигового дерева, завернутый в кожуру от гнилого банана, на большее Карат не согласен.

Раз уж вокруг сокровенного места пошел нездоровый ажиотаж, остается одно – любыми способами прибрать белый жемчуг к рукам, причем как можно быстрее. Карат даже начал рассматривать вариант шепнуть о своем секрете Пастору. Тот пусть и говорил, что воевать слабак, но по всему видно, что приbedняется, возможности у него явно повыше, чем у рядового иммунного, слишком уж уверен в себе. Если призом выступит начинка скреббера, глядишь, что-нибудь придумает.

Но это на самый крайний случай, ведь доверять сектанту нельзя, надо постараться сработать самому. Пока непонятно, каким образом, но надо.

Карату много чего в голову лезло, но, трезво оценивая ситуацию, он не мог не признать, что для начала хорошо бы посмотреть, что именно там происходит, а уже потом выстраивать продуманные планы.

А пока что можно попробовать зайти к Пастору с другого боку. У него, возможно, уже есть план, неплохо бы узнать какой. Если сектант знает, как подобраться к останкам одного скреббера, что мешает проверить такой же фокус с другим?

* * *

Мертвяк, безрассудно-отважно прыгнув с автомобильного моста, с шумным плеском вошел в воду метрах в двадцати за кормой и камнем ушел на дно.

Карат, отвернувшись от бьющих с носа порывов ветра, не сдержался от злорадного высказывания:

– Промахнулся. Камикадзе хренов.

– Задача камикадзе – утопить корабль противника, а этот смельчак не намеревался нас топить, у него были другие планы, – заметил на это

Пастор.

– Ага, знаю я его планы. А вот твои не знаю. Из-за этого настроение ни к черту, чувствую себя наивным боровом, которого тащат на бойню.

– Относись к этому проще и не забывай, что я люблю жизнь в любых ее проявлениях и губить себя сознательно не планирую. То есть не считаю, что меня там ждет смерть. Это все, что тебе достаточно знать о моих планах.

– Ты бы добавил что-нибудь. Поставь себя на мое место, тебе бы тоже было не по себе.

– Я и так поставил.

– И все равно молчишь?

– А как иначе?

– Ты как-то неправильно поставил себя на мое место.

– Нет, все верно. Ты теперь знаешь, что твой спутник уверен в том, что выживет. Разумеется, в той степени в этом уверен, насколько это позволено Ульем. И также знаешь, что на нужном мне месте наши пути разойдутся. При этом я дал слово, что тебя не убью. Как видишь, все предельно просто, не вижу причин для беспокойства.

– В том месте кое-какие ценные вещи остались, – решил самую малость приоткрыться Карат.

– Какие же? – без интереса уточнил Пастор, но его собеседника кажущееся безразличие не обмануло.

Оно разве что поначалу могло обмануть, а когда столько вместе прошли, столько всего пережили, хочешь не хочешь, а начнешь понимать спутника гораздо лучше.

– Там два пулемета лежат, оба с хорошим калибром, такие всем нужны. Две снайперки крупнокалиберные, ну и мелочовка всякая вроде дорогих патронов.

– Про вещи, оставшиеся от группы, я уже слышал, – напомнил Пастор.

– Ну так детали не знал, вот я и рассказал.

– Мне интересно, как ты планируешь все это доставить на восток?

– Все, конечно, не утащу, но я продумал вопрос, мне хватит винтовок, это самое ценное.

– Пулеметы тоже ценятся.

– Слишком тяжелые.

– Винтовки тоже не легкие.

– Ну да, тяжесть приличная, но я осилю. И патроны к ним заберу. Там редкие есть, из бронебойных, такие вообще у барыг никогда не видел. Если кто-то где-то и продает, то поштучно и за космические бабки.

- Металлокерамика в сердечнике, что ли? Вольфрам?
- Без понятия, может, и вольфрам.
- Сложный металл, но есть ксеры, которые с ним работают. Таких мало, но есть.
- Раз мало, цены даже рядом с ними кусаются.
- Да, ты прав.
- Я могу тебя привести к самому скребберу. Винтовки в тридцати метрах от него, поможешь их забрать? В принципе я и сам утащить могу, мне бы только туда пробраться и потом тихо свалить.
- Давай для начала проверим обстановку. Представь вариант, что там никого нет.
- Бирон не настолько тупой.
- Операцией может командовать не он.
- В командиры кого зря не поставят, запад дураков не любит. И вообще, все ведь очевидно, они там уже не первый день сидят.
- Вот доберемся и посмотрим.
- Где-то через пару километров причаливать придется. Там балка проходит по этому берегу, понизу она тростником поросла, заметная, не пропустим. Я вдоль нее к воде выбирался, от колхозников уходил или банды какой-то, разбираться не стал. Повезло, быстро лодку нашел.
- Мы не будем там причаливать.
- Почему это?
- Потому что лучше ехать, чем ходить. Оттуда идти далеко придется, мы подберемся поближе, по карте будем ориентироваться.
- Сам говорил, что твоей карте верить нельзя.
- Есть пометка на притоке по нужной нам стороне. Написано, что он один здесь приличный, лодки могут проходить. Указано, что он тянется на юг, но отмечен пунктирной линией, что указывает на недостоверность данных. Если отмечено верно, возможно, это тот самый канал, о котором ты говорил.
- Не смейся, видел бы ты тот канал, там жабе по колено.
- Он мог обмелеть в дальней части, а в ближней остаться проходимым. Даже если это не он или далеко пройти не сможем, все равно гораздо ближе подберемся. Здесь слишком много развитых зараженных, не забывай, что мое умение не против всех помогает. И перестань так нервничать, ведь если канал окажется тем самым, все может решиться еще до вечера. Отвлекись от мрачных мыслей. Вон посмотри на тот обрыв. Сразу два мертвяка нам машут, встречают. Ты, случайно, не хочешь их застрелить?
- Не хочу.

– Ну смотри, если захочешь, в любой момент можешь попросить меня о содействии.

– Ладно, как скажешь, канал так канал. Только лодку сам води, я дальше балки не был, знать не знаю, что там и где.

Глава 32

Канал оказался тем самым.

Пропустить его, перепутав с одним из заливчиков, при всем желании не получится. Почти напротив устья протянулось сложное гидротехническое сооружение из железобетона и металла. Дамба, от нее отводы, какие-то водостоки или водоспуски, что-то вроде шлюза для прохода судов и вообще непонятные конструкции – Карат в таких делах совершенно не разбирался. С ходу сообразить, как через все это пробираться на другую сторону, невозможно. То есть придется оглядываться, пытаться понять, что тут к чему. При этом неизбежно заметишь слева закованное в бетон русло, идеально ровной линией уходящее на юг, как, впрочем, и указали неведомые картографы.

Надо сказать, что в самом начале канал нисколько не походил на то грязное убожество, к которому скребберы наведывались на водопой. Здесь он был глубокий и широкий, если придерживаться середины, можно плыть, не опасаясь, что с берега до тебя допрыгнет чересчур ловкая тварь.

Дальше некоторое время тянулось русло обычной с виду речки, не было ни намека на то, что это искусственное сооружение. Обычная выходка Улья, что у него оказалось под рукой, то и присоединил к каналу. Логично, ведь что там вода, что там она же, что там линейная структура, что там не какое-нибудь круглое озеро. То есть сгодится.

За рекой начался тот самый, искомый канал, или что-то очень на него похожее – мелкий, с тростником и ряской, настоящий лягушачий рай. Глубина пока что позволяла идти дальше, но сделали остановку, выбрались наверх и с высоты берега посмотрели, какова обстановка впереди – на юге.

Карат разглядел серые коробки недостроенных домов безо всякой оптики. Но все же взялся за прихваченный из щедрой на подарки деревни отличный бинокль и убедился, что так оно и есть.

– Пастор, это то самое место.

– Ты уверен?

– Вообще-то с такого ракурса я его никогда не видел. Хотя и уходил поначалу в эту сторону, но стояла ночь, слишком темно, да и не рвался разглядывать, без того хватало на что смотреть. Домики там примечательные, вот посмотри в бинокль, сам их оцени.

– На развалины похожи.

– Недостроенные они, ни стекол, ни дверей, там даже кран

строительный остался. Правда, завалился он, продавил одну крышу. Кластер на стаб похож, несколько лет не перезагружался.

– У меня он обозначен как зависший, – сказал сектант, не отрываясь от бинокля.

– Что значит – зависший?

– Да что угодно, как тебе хочется, так и понимай. Под это слово практически любой случай загнать можно, оно удобное для твоего языка. Случается, что грузится кластер раз за разом, с малым периодом, каждые два часа шестнадцать минут обновляется, хоть часы по нему сверяй. На местности вечный кисляк стоит, у мертвяков хронический шок, даже близко не подходят. А потом вдруг останавливается и висит год, два, три или все десять. Его наносят на карты как потенциальный стаб, присматриваться начинают, оценивают имеющиеся постройки, вдруг их получится приспособить для проживания. И вдруг, ни с того ни с сего, все становится так, как было раньше, только грузиться он начинает каждые три с половиной недели, потому что Улей так решил. Очень неудобные кластеры, даже нам трудно предвидеть, что с такими дальше будет.

– А с обычными загадывать получается?

Сектант, проигнорировав вопрос, сказал другое:

– Архитектура здесь нетипичная.

– Мне тоже так показалось. Но дачи за каналом с виду обычные. Правда, они там рассыпаться начали, тяжело судить.

– Можем попробовать подойти поближе.

Карат, разглядев россыпь дочиста обглоданных и частично разгрызенных костей немаленькой твари, напрягся и покачал головой:

– Я бы не стал рисковать.

– А мы и не будем. День ветреный, и ветер дует не от нас, значит, будет заглушать звук мотора. Километра два удастся пройти по воде, возможно, остановимся раньше, если тростник удобный попадется. Лодку надо спрятать, нельзя ее на виду оставлять, Улей наказывает тех, кто свое не прячет.

– Ты ничего не чуешь?

– Нет, и это странно. Зараженные будто вымерли, ни одного не видно.

– Плохо.

– Что в этом плохого?

– Если отсюда твари свалили, нам тем более делать нечего.

– Может, ты и прав. Тебе не показалось, что кислятиной несет?

– Не показалось. И тумана не видно. Да и кластер зависший, ты же сам сказал.

– Наверное, нос обманывает, он у меня не идеальный. Но ты принюхивайся, день жаркий, в такую погоду споровый туман формируется нетипично.

– Это как? Перезагрузка может вообще без тумана обойтись?

– Бывают такие случаи, но очень редко. Хоть какая-то дымка в низких местах должна появиться. Поглядывай как следует.

* * *

Похоже, чутье Пастора, подаренное Ульем, работает как надо, в отличие от носа. То, что с лодки не заметили ни одного зараженного, это еще не показатель. Уровень воды смешной, берега слишком высокие, плитами покрыты, даже если во весь рост поднимешься, ничего за ними не разглядишь. Разве что мертвяк выскочит во всей красе, другие варианты на тварей полюбоваться в голову не приходят.

Тростника в канале хватало, но обширные заросли встречались редко. Собственно, всего однажды мимо таких промчались, в самом начале, когда шли на глиссаде, будоража всю округу ревом движка. Сразу за ними Пастор сбавил газ, поплелись не так быстро, зато гораздо тише, а там и укрытие нашлось. Не такое уж роскошное, но кое-как лодку припрятали.

Дальше пришлось выбираться на правый берег, где Карат еще не бывал. То есть на нем он тоже немало приключений пережил, но все это происходило чуть южнее, среди недостроенных домов.

Удобно получилось, зависший кластер начинался приблизительно в километре, до его границы тянулось поле высоких подсолнухов. Передвигаться среди них не очень-то удобно, зато со скрытностью все в порядке. Не так уж много на этой местности подходящих укрытий, хоть с этим повезло.

По полю ходили долго, осматриваясь с разных точек и при этом не показываясь. Ничего сложного, все, что для этого требовалось, – перестать пригибаться и приподняться на цыпочках. И да, надо учитывать, что лазутчики водрузили себе на головы соцветия подсолнухов и на сплошном желтом фоне их теперь заметить не так-то просто.

Вот тогда-то Карат и признал, что чутье Пастора на этот раз его не подвело. Куда бы ни вглядывался, ни одного даже самого чахлого зараженного не заметил. А ведь раньше такое вообразить было невозможно. Да, твари не приближались к владениям грозных скребберов, но по сторонам шастали очень даже бойко, как раз на этом поле их

регулярно замечали. Тогда подсолнухи здесь не росли, обзору ничего не мешало. А уж вдоль канала у них вообще оживленные тропы проходили. Что, впрочем, можно сказать почти обо всех водных преградах на западе (и не только). Мертвяки в чем-то схожи с диким зверьем, те тоже по затерянным в глуши речкам чуть ли не дороги натаптывают ухитряются.

Шастать туда-сюда по полю, то приближаясь к бетонному недостроенному кварталу, то отдаляясь, Карату быстро надоело, но он терпел, не отставал от сектанта. Похоже, чутье у того работает специфично, ему требуется обзор с разных ракурсов, надо дожидаться, когда накопится информация для вердикта.

Спустя приблизительно сорок минут Пастор остановился и уверенно заявил:

- В домах кто-то есть.
- Люди или твари?
- Не знаю, но кто-то есть.
- Как это ты можешь не знать?
- Место там странное, чутье плохо действует.
- Наверное, поэтому там скребберу нравилось?
- Может, и поэтому, а может, помехи против таких, как я, кто-то ставит, есть такие умения. Нельзя туда идти, посмотримся вначале.
- А сейчас мы что делали? Разве не приглядывались?
- Отсюда вид плохой. Вон там дорога мимо поля идет, за ней тянется лесополоса, в ней есть где укрыться. Здесь неудобно.
- Я после того случая с Туристом не люблю лесополосы. Предчувствие нехорошее, не хочу туда идти.
- А моя интуиция мне подсказывает, что со мной ничего плохого там не случится.
- Кусты будут мешать, они по другую сторону от дороги, высокие вымахали.
- Если нас караулят люди, они тоже так подумают. На деревья залезем, займем позицию выше кустов, мешать смотреть они не будут.
- Ага, и у всех на виду окажемся.
- Надо действовать осторожно и не спеша, зеленых на фоне зелени разглядеть трудно, если они не движутся. И день очень жаркий, тепловизоры им не помогут.

Насчет зелени пастор прав. Спасибо необычной деревне, там много чем разжились. В том числе и нормальной одеждой, скинув наконец позорное барахло, прихваченное из рабочего вагончика еще в ту пору, когда в группе состояли Гномик и Череп.

Но даже с учетом маскирующей одежды и приличного расстояния риск обнаружения исключить нельзя. Вспомнить тех же сенсов, скрыться от которых – почти неразрешимая задача. Да и показать с этого направления место, где лежит первый скреббер, не получится – его дома заслоняют. Однако командует Пастор, а он решил поступить именно так.

* * *

Дерево было неудобным. Слишком много ветвей, в том числе тонких и давно отвалившихся, оставивших после себя множество надгробий в виде торчащих из ствола острых пеньков. Они впивались в кожу сразу в нескольких местах, приятного в этом мало. Хотелось бросить все, достать нож и расчистить позицию, но Карат терпел, опасался выдать себя лишними телодвижениями.

Пастор, заняв позицию на соседнем дереве, не выдержав, пожаловался на аналогичную проблему:

- Эти ветки похожи на вбитые гвозди.
- Ага, – согласился Карат. – И вбивали их шляпками внутрь.
- Да, так и было. Ты заметил необычное на левом крайнем доме?
- Сразу заметил, только на эту штуку теперь и смотрю.
- Что-нибудь видел?
- Нет. Но я знаю, что это.
- И что же?

– Такие лежки снайперы Полиса любят устраивать, они для этого по два мешка барахла за собой таскают. Там и коврики с подушками надувными, чтобы пузу мягко было, и маскировочные сети, и пленки от дождя, разукрашенные под разные поверхности, и хитрый каркас под все эти дела. Там даже щитки стальные есть, чтобы рожу пулей не попортило. Ну и дальномеры, компьютеры баллистические, оптика разная – в общем, хватает всяких штук. Я так пару раз полежал.

– Удобно?

– Да уж лучше, чем нам сейчас. Все равно что в домике, только очень низком. Комфортно, разговоры травишь, присматриваешь за окрестностями, рядом аппаратура пикает. Тебя заметить трудно, а ты много чего видишь. Снайперская пара, получается, в тени глубокой лежит, разглядеть их можно только с одной стороны, да и там сложно. Но сама позиция только мертвяков обмануть может, человек быстро сообразит, что на крыше что-то лишнее установлено, хитрый каркас в невидимку тебя не

превращает. Не понимаю, зачем они это сделали, будто нам подсказывают, что место занято. Совсем тупые или обнаглели...

– Установлено удачно, разглядеть можно только отсюда, с других сторон бортики прикрывают, сливается с ними. И необязательно это позиция тех, кого ты опасаясь, возможно, здесь побывали другие.

– Ну да, как же. Должен тебе напомнить, что это запад, а не проходной двор.

– Скреббер, даже мертвый и без жемчуга, многим интересен, я тебе это уже говорил.

– Ты, кстати, так и не сказал, зачем тебе понадобилась эта дохлятина.

– Тебе это знать не нужно – опасное знание для маленького человека. Смотри, там кто-то идет. Между последним и предпоследним домом справа. Быстрее смотри, он сейчас зайдет за угол.

– Вижу. Все, зашел. Ну да, как я говорил: черно-зеленый на прогулку вышел, ты сам видел. До сих пор не веришь, что это именно нас караулят?

– Не нас, а тебя.

– А какая разница?

Пастор с ответом замешкался, он повел себя точь-в-точь как на окраине деревни в тот момент, когда засек приближение милитаризованных аборигенов. Тоже косился в их сторону, но Карату при этом ничего не говорил. Тот, вспомнив это, успел насторожиться, но тут же расслабился – в направлении, привлечшем внимание сектанта, захлопала крыльями какая-то крупная птица, невидимая в зарослях.

Отвернувшись, Пастор безучастно произнес:

– Разницу всегда найти можно. Спускаемся, все, что нам нужно, мы увидели.

– Мне бы одной снайперской позиции хватило, чтобы это понять, – пробурчал Карат, пробираясь по колючему дереву. – Почерк Полиса ни с чем не перепутаешь, у них щитки одинаковые, наверное, их один мастер под копирку штампует.

– Как все новички, ты уверен, что знаешь почти все. Но ты ошибаешься, такие позиции могут оборудовать стрелки в самых разных регионах, а мелкие отличия в щитках с большого расстояния заметить трудно. Против зараженных удобно, против людей помогает хуже. Но как ты сказал? Комфортно? Комфорт все любят, без него долго на одном месте просидеть трудно.

Уже на земле Пастор произнес неожиданное:

– Нарисуй мне на бумаге, где именно лежит скреббер.

– Зачем?

– Затем, что на этом наше сотрудничество заканчивается. Больше мы не вместе – дальше ты действуешь сам.

– Вот это новости... – чуть опешил Карат, мысленно расставаясь со множеством начерно составленных планов добраться до жемчуга. – Может, будет лучше, если на месте покажу?

– Здесь не так много домов, как я понял, они могут служить точными ориентирами при описании.

– Скреббер не совсем здесь, он со стороны канала. Можно даже не рисовать, там шесть домов первой линии тянутся параллельно воде, он между третьим и четвертым лежит, если смотреть от канала. Линия не совсем ровная, но не ошибешься. И следы должны остаться, мы там несколько прикопанных мин подорвали, воронки небольшие и несвежие, но ты их вряд ли пропустишь.

– Карат, давай ты все же нарисуешь схему. Достаточно простой, но расставь дома правильно, укажи, где располагается канал и где воронки.

– Я тебе все не нарисую, но линию, которая к каналу ближайшая, – запросто.

– Возьми ручку и приступай. Вот тебе стол, вот тебе карта, с другой стороны рисуй.

Столom Пастор назвал свой рюкзак, лежавший на земле. Поверх папка с брошюрками для новичков пристроилась, она не сказать, что очень жесткая, но за неимением лучшего сойдет.

Карат, присев на колено, начал набрасывать примитивную схему, по ходу дела поясняя:

– Канал здесь один, других мы не видели, да и на карте твоей их нет, так что с ним ты точно не ошибешься. А вот здесь тянется та самая линия, где...

Договорить Карат не успел, сознание погасло в один миг, не успев осознать, каким именно способом его отключили.

Не похоже, что прикладом стукнули – тут что-то куда более эффективное.

И пахивающее подарками Улья.

Глава 33

Сознание покинуло тело в один миг и вернулось так же мгновенно, без мути, без забивающей здравые мысли боли, заработало с ходу, первым делом подсказав, что необходимо всеми доступными способами скрыть факт его возвращения. Оптимальная тактика в столь неопределенном положении – делать вид, что ты мертв, и, напрягая все возможности организма (за исключением зрения), попытаться разобраться в ситуации.

Начать, пожалуй, можно с вестибулярного аппарата. Только человеку, никогда не попадавшему в угрожающую жизни ситуацию, может показаться, что ничего полезного из него не вытащишь. Глупости – еще как вытащишь, ведь можно выяснить важнейший момент, в каком положении пребывает твое тело.

Судя по всему, тело расположилось на жестком стуле. Если вспомнить обстоятельства потери сознания, этот момент представляется странным, ведь оно должно валяться на рюкзаке Пастора или рядом с ним. Откуда в лесополосе взялся такой предмет мебелировки и в придачу оказался под сиденьем оглушенного Карата?

Подошвы отличных берцев, прихваченных все в той же богатой на ценное имущество деревне, информацию о поверхности, на которую опираются, не давали, но подспудно ощущалось, что она твердая, а это не имело ничего общего с покрытой толстым слоем прошлогодней перепревшей листвы почвой.

Обоняние не ощущало ни намека на запахи лесополосы, зато пахивало какой-то пыльной кислятиной. Эта вонь заставляла нехорошо напрягаться, потому как напоминала о крайне опасном для иммунных явлении – перезагрузке кластера.

Впрочем, и безо всяких запахов поводов для беспокойства хватало.

Слух тоже не бездельничал, и это мягко сказано. По сути, он давал львиную долю информации, но, увы, далеко не всю ее можно было интерпретировать. Шуршание, звяканье, ровное непонятное шипение, какое-то едва различимое бормотание, затем приглушенный стук, следом сухой щелчок и громкий, совершенно незнакомый мужской голос, четко проговаривая каждое слово, произнес:

– Пистолет, я Граната, прием. Пистолет, я Граната, прием. Да мать же вашу, в печку этот тухлый ящик, барахло убогое!

– Зырик, ты что рубать будешь: куриную или грибную? – спросили

другим голосом, таким же молодым, как первый.

Невидимый Зырик в сердцах ответил одним рифмующимся словом, крайне нецензурно, на что его такой же невидимый собеседник, тщательно пытающийся показать, что он и сам высказываться мастак, но считает себя выше этого, ответил:

– Значит, на тебя куриную забиваю. И за базаром следи, с такими словами и накосячить недолго, сразу зацепятся.

– Припрется Наган, по-любому всех накосячившими выставит, если Скат так и будет фигней страдать. Слышь, давай мне лучше грибную.

– А сразу сказать нельзя было?

– А че не так?

– А то, что я уже распечатывать начал.

– Ты че, братану вонючий бич-пакет зажал? В жабу перекрасился?

– Твои братаны по свежим кластерам урчат, не того ты жлобомставляешь. А лапша нормальная.

– Ролик, ты гонишь, лапша должна быть лапшой, а не хренью, из нефти и картона сделанной. Желудок не обманешь.

– Тебе что, шомполом ее запихивают? Что-то не нравится – свободен.

– Да просто достало меня все это. Че за дела вообще?

– Думаешь, меня не достало?

– Да я вообще ничего не думаю, тут думать нечего. Когда мы уже свалим отсюда? Скат всю печень проел. Все ему не так, и жрачка у него тоже никакая. Да и че я вообще забыл на западе, я на такое не подписывался, когда в роту шел.

– Пока залет не отработаешь, будешь там, куда пальцем покажут.

– Да я сгнию раньше, чем такое отработаю, на бабло полисовские четко ставят.

– Ну а че ты от них хотел?

– Суки барыжные.

– Ага, однозначно. Зырик, а что там, от Нагана? Тихо?

– А ты не слышал?

– Не, ну мало ли...

– Да легче через жопу докричаться, связь тут вообще никакая. Слышь, ну ты грибную-то не зажимай.

– Кончай переживать, я уже ее распечатал.

– А кто тут переживает? Я тебе что, девочка, чтобы переживать?

– Зырик, заканчивай уже пургу гнать. Ты че такой дерзкий сегодня? Не в те уши гонишь, отвянь уже от меня. Лучше скажи, на клиента заваривать?

– На кой она ему?

– Ну рот-то то у него на месте, значит, жрать умеет.
– Сейчас Скат вернется и найдет его рту правильное применение. Вот только лапшу ему жевать не придется, это я тебе точно говорю.

Зырик противно заржал над собственной более чем сомнительной шуткой, а Карат наконец решил, что информации у него уже достаточно набралось, пора бы найти ей применение.

Он находится в замкнутом помещении: здесь нет ни намека на ветерок, на шуршание листвы, на ненавязчивые запахи полей или лесополос, звуки разносятся характерно, будто дело происходит в просторном доме или квартире, но никак не под открытым небом.

В помещении, помимо Карата, находятся двое, и они вряд ли дружелюбно настроены по отношению к своему гостю. К тому же в разговоре всплыл некий Скат, очевидно, человек, а не хрящевая рыба или резиновое покрытие автомобильного колеса, его возвращение грозит привести к чему-то негативному.

Эти двое – личности примечательные. Судя по голосам, ни одному, ни второму и двадцати пяти не исполнилось, даже с учетом того, что Улей склонен вольно обращаться с возрастом тех, кто попадают в его ловушку. Тут, помимо честно прожитых лет, используется индекс возраста – цифра, условно показывающая, на сколько человек выглядит. Сорокалетние и старше, у которых она на двадцать с хвостиком, – далеко не редкость. Но это явно не тот случай – речь выдает, что жизненного опыта у парочки всего ничего.

Ребята явно стараются выглядеть посолиднее, причем о солидности у них свое представление, не сказать, что мудрое. Похоже, оба побывали на Внешке или близких к ней территориях, и не просто проездом проскочили, а потерлись там среди местных. У тех в порядке вещей изъясняться на «фене». Надо признать, что мало у кого это получается без фальши, но народ старается, как может, иной раз настолько уморительные фразы проскакивают, что от смеха рот может порваться, а собеседник при этом смотрит на тебя круглыми глазами, он ведь вполне серьезно высказался.

Почему чуть ли не поголовно «жгут глаголом» именно на Внешке и в ее преддвериях? Сложный вопрос. Карату доводилось слышать мнение, что именно туда стекаются асоциальные элементы со всего обитаемого мира, навязывая остальным свою манеру общения. Глупость, конечно, ведь набраться таких словечек не каждому дано, даже среди сидельцев далеко не все скатываются до искаженной речи. Больше нравится мысль, высказанная одним пьяным до философского настроения рейдером, заявившим, что восток – это сплошная зона. Там ведь, куда ни плюнь, попадешь в лагерь муров с

их почти обязательными фермами за колючей проволокой, рабскими торгами и прочими уродливыми явлениями, в той или иной мере связанными с ограничением свободы. Внешники с загонами и клетками, набитыми новичками, тоже обычное дело. Да и сама обстановка, в которой невозможно остановиться, перевести дух, сходить в магазин, в баню или расслабленно посидеть в баре за рюмашкой коньяка, тоже ассоциируется с заключением.

А еще среди интеллектуально недоразвитых иммунных укрепилось мнение, что Внешка – территория самых крутых. Именно там промышляют абсолютно отмороженные рейдеры, для которых нет ничего невозможного в том, чтобы устраивать засады на грозных восточников. Именно там можно широко прославиться, подловив особо нехорошего, всех доставшего мура. И там же человеческим разборкам меньше всего мешают зараженные – их популяция минимальна, опасных тварей мало, даже самая мелкая элита встречается нечасто, а уж с крупной доходит до того, что местами за неделю странствий старого следа не увидишь.

Нет ничего удивительного в том, что самые безнадежные личности, пугающиеся собственного чиха, стараются выглядеть как можно круче, идут ради этого на самые нелепые ухищрения, действующие разве что на совсем уж безнадежных глупцов. В Улье это выражается в том, что недалекие ребята старательно корчат из себя «четких пацанчиков», в том числе при помощи специфичного сленга Внешки: неторопливые фразы, где каждое слово проговаривается пусть и сквозь зубы, но внятно и резко, с оттенком пренебрежения как к собеседникам в частности, так и ко всему Улью вообще. Помимо этого, требуется обязательное вкрапление «фени» или того, что ты подразумеваешь под ней, к месту и просто так, и, самое главное, слово «что» находится под категоричным запретом, его следует заменять на тупое «че».

Забавно, но некоторые относятся к этому очень серьезно. Вот только настоящим «четким» не нужно корчить из себя невесть что, они не лезут из кожи, пытаясь кому-то что-то доказать, они сами по себе доказательство, в сомнительной мишуре не нуждаются.

В этом помещении «четких» нет. Эти ребята до нелепого смешно что-то пытаются доказать, пыжаты, даже общаясь между собой, без свидетелей, а это говорит лишь об одном – Карату они не противники. На что угодно можно поспорить – захватили его не эти недалекие юноши, здесь поработали другие.

И эти другие могут появиться в любой момент.

В общем, надо прямо сейчас сказать этому месту «прощай», пока нет

серьезного народа.

Хоть и жаль расходовать силу дара Улья, но придется.

Карат, рутинно напрягая уши, вошел в состояние сверхскорости и, не шевелясь, начал медленно открывать глаза. Старался не напрягаться даже в такой малости, экономить резервы всеми доступными способами, поскольку жизненный опыт подсказывал, что, скорее всего, они ему пригодятся до последней капли.

Так и есть, дело действительно происходит в помещении. Голые бетонные стены, дверной проем без дверей, такой же пустой оконный завешен брезентом, свет через него едва пробивается, поэтому обстановка сумрачная, будто в пыльный подвал попал. В углу, возле походной газовой плитки, на корточках расселся парень лет двадцати: в камуфляжных штанах и черной футболке, лицо простецкое, бритый налысо, на макушке синее мудреная татуировка. Перед ним на сомнительной чистоты картонке разложено несколько распечатанных белых одноразовых посуды, похоже, та самая лапша, тема которой неоднократно поднималась в подслушанном разговоре.

Второго парня аналогичного возраста Карат разглядел, скосив взгляд и чуть повернув голову, она была опущена на грудь – очень неудобное для наблюдения положение. Сидит на пластиковом ящике возле сложенных у стены шлакоблоков, на них, как на столе, установлена рация, от которой в дверной проем уходит черный провод. Морда крысиная, прическа, будто шкурка мышьяная, усики Гитлера, крайне неприятная внешность – таким типам только за нее прокуроры добавляют пару лет.

Оружия в руках нет, да и будь оно – ничего не изменит, ведь против человека, умеющего ускоряться до таких величин, самый крутой ствол – просто безобидный предмет обстановки.

Подняться не получилось – через грудь в несколько оборотов протянута крепкая на вид веревка, жестко прижимающая грудь к спинке стула. Руки заведены назад и слушаться отказываются, там и на ставших чужими ногах не обошлось без пут.

Ситуация не на шутку серьезная, но небезнадежная. Для Карата не безнадежная. Есть у него один вариант. Без гарантии, к сожалению, но есть.

Предположим, что все эти веревки так или иначе завязаны на стул. В таком случае стоит убрать этот предмет из уравнения, и его решит даже самый безнадежный двоечник.

А решение заманчивое – свобода.

И как же его убрать? Да очень просто – надо как следует приложиться им об какую-либо поверхность. Об стену, об пол – без разницы. Даже с

минимальной затратой сил получится серьезная скорость – это все равно что сбросить его с четырнадцатого этажа на асфальт.

Стандартная мебель на такие перегрузки не рассчитана, на чем и строится нехитрый расчет. Ну а что до веревок, которые вряд ли при этом лопнут, то без предмета, к которому привязывали тело, они не смогут ограничивать Карата в той же степени. А ему много и не надо, он, даже частично владея одной рукой и ногой, сумеет разделаться с этой несерьезной парочкой.

Огромный минус в том, что перегрузки могут ударить и по самому Карату. Даже наверняка ударят – без них никак не обойтись, приспособленность тела к дару имеет свои пределы, выходить за них чревато. В состоянии ускорения приходится вести себя в сотню раз аккуратнее грузчика, работающего на нитроглицериновом складе, иначе впоследствии болеть будет абсолютно все и не удастся рассказать доктору, где именно припекает сильнее всего, – сплошное равномерное страдание.

Но Карат готов пойти на любые муки, лишь бы руки и ноги обрели свободу. Жизненный опыт подсказывает, что не стоит задерживаться в местах, куда тебя доставили, не спросив согласия, да еще и связанным.

Подался назад, затем вперед. Повторил. Еще раз повторил.

Без толку. Стул, возможно, с треском выгибается из-за напряжений, вызываемых стремительно бьющимся в путах телом, но держится. Требуется нечто большее, чтобы его развалить, но ни об пол стукнуть, ни об стену приложить не получается. Очень уж хитро устроены путы, надежно удерживают, да и ножки странные – они не сдвигаются с места, они будто в бетон вмурованы.

Не добившись успеха, Карат постарался вернуть прежнее положение телу и вышел из состояния ускорения. Силы надо экономить, а не попусту расходовать. Сейчас он посидит, переварит новую информацию, авось здравая мысль голову посетит.

По ушам ударил несусветный грохот, будто прямо под ухом каратист-недоучка попытался сломать ударом руки тонкую фанерку, но у него это вышло лишь частично – звуку не хватает завершенности. Только тут до Карата дошло, что его действия сопровождались в том числе и звуковыми эффектами, все эти скрипы, стуки и потрескивания «выстрелили» в один момент.

– Что за фигня?! – выдал Зырик, от удивления временно позабыв о неизменном «че».

Ролик со стороны кухонного угла высказался конкретнее:

– Клиент шумит.

– Да как же он в отрубе шуметь будет? Не, ну че это вообще такое?

– Ската вызови, скажи, что клиент очухался и жизнью недоволен. Скат говорил сразу ему маякнуть, если что-то не так.

– Не, ну ты звук-то слышал? – никак не мог успокоиться Зырик. – В натуре конкретно затрещало, как же он это сделал?

– Да вызови ты уже Ската, пусть сам с этими делами разбирается. Прямо сейчас зови, если узнает, что не сразу позвали, он и тебе и мне яйца отвинтит.

– Да че за кипишь? Зову уже, вон вызов висит. О, отозвался, сигнал дал, глухарь борзый. Винтарь, я Граната, докладываю – клиент скрипит. Ну скрипит, и все, как еще можно сказать? Вот только маму мою не надо трогать, у нее кровать так не скрипела. Ну вроде еще как бы трещит. Да, может, тебе еще по нотам спеть, чем он скрипел? Ты сказал передать, чуть что, вот я и передал. Не, не отвечает. Ну молчит, и все. Да я и орал, и вызовом достать пытался, все равно что с бревном поговорил. Понял, ждем.

– Ну и что он сказал? – с искренним интересом спросил Ролик.

– Сказал, что ты дебил.

– Скат про меня не мог такое сказать, а вот про нас обоих – запросто.

– Ну да, он так и сказал, что мы оба дебилы. Он всегда такое говорит, вот же урод наглый. И че получается? Разве это не значит, что дебил ты? И еще он сказал, чтобы ты за Кислым сходил.

– Эта бочка дерьма только что отрубилась.

– И че? Мое какое дело? Скат сказал, чтобы Кислый был здесь. Сказал тебе это передать. Я передал, дальше сам думай, отвечать тебе.

– Ладно, сгоняю, мне не влом, а ты, как закипит, завари мне. Котелок вообще никакой, не хватает на такую ораву.

– А на Кислого там вода есть? Он всегда слюни выпускает, если хавчик засекает, этого хряка проще завалить, чем прокормить.

– Да все ништяк, там под крышку налито, еще и останется.

Послышались удаляющиеся шаги, а Зырик, чем-то звеня, зловеще предупредил:

– Клиент, если ты сейчас под дурачка косишь, готовься, тут целая бригада за твоим очком поднимается. Третий этаж, идти им недалеко. Вопросы у них есть, спрашивать тебя будут.

Вопросы? Спрашивать? Перспективы даже не пахнут нормальным разговором и потому не радуют. Еще раз ускориться и попытаться что-то сделать с проклятым стулом? С веревками номер точно не выгорит, они слишком толстые, никаких сил и скорости не хватит довести их до

критической нагрузки.

Момент удобнейший, всего один противник остался – Зырик. Судя по его манере речи, такого на милую нельзя к серьезным делам подпускать, заметно, что в свою банду Бирон не одну лишь элиту наемнического мира собирал. Очень может быть, греб рекрутов без разбора, лишь бы толпа получилась, а что до возможных потерь в случае кровавой заварушки, так это всего лишь люди, их не жалко. Или, как вариант, у этого отброса есть какое-то полезное умение, редкое, незаменимое, за такой талант даже бешеную гориллу в любую команду возьмут.

Послышался посторонний шум, приближалось сразу несколько человек. Кто-то из них прямо с порога презрительным голосом рявкнул:

– Так, и что я здесь вижу?! Где тут у вас шумело?! Зырик, я кого сейчас спрашиваю?!

– А че сразу Зырик?! Я тебе че, справочная?!

– Слышь, отброс смешной, ты, я вижу, мне не рад?! Говна поел и дерзким стал?! Бегом глаза разул и посмотрел, кто здесь кроме тебя вообще есть! Ну?! Кого увидел?! Громкость прикрути, ошибка природы! Как я учил, доклад давай, а не как тут у вас, тупорылых, принято. Достали уже недоношенные, понабирали эталонных дегенератов, а мне теперь сопли им подтирай. Первый и последний раз ваша стая убогих со мной на выезде, трахайтесь потом сами хоть где, хоть на крыше главной базы внешников, нервов уже на вас не хватает. Ну? Что за шум имел место быть? Доклад где? Бегом высунул язык из жопы и четко, по пунктам, доложил: что шумело, где и как? В темпе давай, не искушай меня своей не набитой рожей.

– Ну так я же сразу сказал – от клиента весь шум. Он сидел ровно, вдруг как затрещит, задрожит, я чуть не рухнул. Ну в том смысле, что не ждал такого, ни с того ни с сего треск пошел.

– Доклад принят, вольно, кусок дебила. Получается, нашему клиенту захотелось пошуметь. Черный, посмотри, как там гость поживает, а ты, папой не доделанный, смойся от рации, сам посмотри, что ты тут накрутил!.. Вот же чмо криворукое!

То, что Карата вот уже второй раз назвали гостем, его ни капли не успокоило, даже наоборот – напрягло. Очень похоже, что здесь это является синонимом слова «клиент», а клиент в Улье не имеет ничего общего с человеком, который обладает правом строчить жалобы в «Общество защиты прав потребителей» и прочие инстанции.

Сейчас ты клиент, а через час труп, не нуждающийся в погребении.

Этот Скат, судя по голосу и манере держаться, поопаснее униженного

Зырика и временно отсутствующего Ролика вместе взятых. А он не один появился, с ним еще какие-то молчаливые люди есть. Плохо, все очень плохо, перспективы побега, и без того туманные, серьезно отделились, печально растворяясь во мраке безнадёги. Хочешь не хочешь, а теперь придется ждать более удобного момента или прояснения ситуации, полностью отдавая инициативу в руки Ската и его парней.

Послышался характерный звук работы зажигалки, почти сразу потянуло табаком. Можно мысленно осудить этих людей за беспечность, ведь курить на западе – самое последнее дело, но Карат осуждать их не стал, и на это была причина.

Ох не зря здесь твари вообще на глаза не попадались, дело явно нечисто, и понятно, кто к этому руку приложил. Уж неизвестно, что за фокус использовали подручные Бирона, но зараженных в округе нет.

А раз так, табачный дым они не учуют.

В лицо дохнуло вонью изо рта неразборчивого к пище и не дружащего с гигиеной человека, и тут же скулу свело острой болью. Карат не сдержался, дернулся, убирая голову от прижатой к коже тлеющей сигареты.

Ну и глаза тоже открыл, глупо делать вид, что сознание не вернулось.

Перед Каратом на корточках сидел недавний знакомец по торговому каравану – Черняк. Первый, кого можно подозревать в постановке метки, благодаря которой люди Бирона планировали без лишних сложностей выследить беглецов.

Ну теперь-то веские подозрения перешли в полную уверенность – хоть какая-то хорошая новость.

Затянувшись, гад довольно осклабился и, выпустив в лицо Карата струю табачного дыма, издевательски протянул:

– Ну привет, братишка. Как сам?

Карат попытался ответить как можно равнодушнее:

– Потихоньку.

– А у меня вот настроение ни к черту. Понимаешь, хотел с тобой в баре за жизнь перетереть, накатить по маленькой, посидеть по-человечески, по-братски, а ты отморозился, будто чужой, не уважил. Огорчил ты меня, Карат, сильно огорчил.

– Ты бы сходил к мамаше своей поплакаться, у нее как раз хорошее настроение.

– Типа, она вся из себя счастливая, потому как ты ей только что удовольствие доставил? – с ходу догадался Черняк. – Это дело хорошее, главное, чтобы у тебя язык после такого дела не болел, тебе ведь им сейчас опять придется поработать. – Чуть обернувшись, Черняк, повысив голос,

произнес: – Скат, клиент малость грубит, но в основном робок и готов к продуктивному общению.

Скосив взгляд в одну сторону, затем в другую, Карат изучил изменившуюся диспозицию и ничего хорошего для себя не заметил.

Включая Черняка, в не такое уж большое помещение заявились четверо. Сам Черняк перед Каратом продолжает сидеть, с ним все ясно – кадр знакомый. Мужик лет тридцати с остроносим лицом, закаменевшим в вечной гримасе недовольства, застыл возле радиостанции, что-то нервно в ней нажимает и поглядывает искоса – должно быть, Скат. Где-то его морда уже попадалась, скорее всего, в Полисе мельком проскакивала, каждого там не упомнишь. Рядом со Скатом устроился тип постарше, и его Карат знает, бармен в «Золотой кружке» как-то раз показывал пальцем и шепнул пару слов.

Назначь кто-нибудь Карата главой службы безопасности Полиса, первое, что он сделает на новом месте работы, – расстреляет половину барменов. Точнее, надо будет собрать их всех в одном месте, выстроить в шеренгу, через одного пустить пулю в лоб, а остальным щедро предложить добровольно занять вакантные места тайных осведомителей.

И на этом все, стаб окажется под плотным контролем.

Бармен из «Золотой кружки» в своей профессии был не последним. Много интересного знал и с кем попало на скользкие темы не распространялся. Карата вот привечал, рассказал, что мужика этого прозвали Султаном, причем не за властность или что-то в этом духе, а за то, что у него в Полисе целых три любовницы и всех их он держит в титановом кулаке. Просто невероятно, если учесть то, что ему частенько приходится надолго отлучаться. Сколько бы он ни отсутствовал, ни к одной не спешат набивать тропки посторонние поклонники их богатых прелестей. А все потому, что Султан – известная с нехороших сторон личность, прикасаться к тому, что он считает своим имуществом, – то же самое, что ворваться в клетку с неделю не кормленным тигром и подергать его за хвост.

Очень опасный человек. Бармен рассказал, что однажды его попытались на совесть отделать толпой, возможно, даже убить. Одновременно восемь не самых последних бойцов напали прямо посреди Полиса, в баре, куда серьезное оружие пронести очень сложно. В ход пошли столовые ножи, вилки, «розочки», массивные стулья и прочие подручные предметы. Султан основательно разнес заведение и перекалечил всех противников, отделавшись несерьезными, по меркам Улья, ранениями.

Далеко не факт, что сверхскорость поможет против такого бугая. Дело

тут, разумеется, не в физических кондициях, а в том, что у громилы развито несколько полезных умений, о которых он не распространяется, и заточены они под две традиционные для этого мира задачи – убивать и выживать в любых условиях, действуя против самых разных противников. С учетом того, что в Улье Султан считается старожилом, это боец такого класса, до которого Карату еще расти и расти, процесс затянется на годы, а то и на десятилетия.

А в этом мире и год – приличный срок.

Если у него есть что-то, помогающее против сверхскорости, дела Карата безнадежно плохи. Если нет, то свалится, как и все прочие.

Вот и гадай, какой из двух вариантов сработает.

Четвертого Карат тоже знал. Тот, скромно присев на пластиковый ящик в отданном под кухонные дела углу, без аппетита наворачивал лапшу и, поймав взгляд бывшего спутника, которого чуть ли не только что продал его злейшим врагам, пожал плечами и без малейшей тени раскаяния высказался:

– Карат, ты ведь знаешь, я умею договариваться, и слово я тоже держать умею. У нас был договор: я тебя не убиваю, ты меня доводишь до конца, дальше у нас разные дороги. Я тебя не убил, мы теперь друг другу никто. Неприятно, конечно, получилось, но договор не нарушен.

Само собой, что Карат представлял себе этот договор в несколько ином свете, но какой смысл теперь спорить. Сам виноват, вечно на одни и те же грабли наступает, вертят им разные гады, как хотят. Зло берет лишь из-за того, что Пастор и на самом деле уверен в том, что сделал все, как полагается, в высшей степени правильно, ни на йоту не нарушив взятые на себя обязательства.

Про связанного по рукам и ногам Карата в этих обязательствах ни слова не было.

Скат, перестав колдовать с ожившей рацией, громко произнес:

– Пистолет, я Граната, прием. Пистолет, я Граната, прием. Да мать вашу, вы там что, последние уши пропили?! Прием.

Пастор, продолжая неспешно ковыряться в лапше, флегматично пояснил:

– Ты напрасно тратишь время и заряд аккумулятора. Здесь чернота располагается с трех сторон, дальняя радиосвязь работает один день в году. И этот день не сегодня.

– Сильно умный?! – рявкнул Скат.

Сектант опять невозмутимо пожал плечами:

– Зачем ты так нервничаешь? Я не меньше тебя заинтересован в

скорейшем появлении Нагана. Но я также понимаю, что надеяться на радиосвязь нельзя, она здесь проблемная. Надо просто подождать.

– И как я могу просто ждать с такими делами?! С утра за чернотой орда прошла, черноты там всего ничего, шнурок тонкий, мы их, как тебя, видели. А если сюда сунутся? Достало все, а это недоделанное пополнение больше всего достало, усилили на мою голову... – Скат молниеносно развернулся к Зырику, зашуршавшему сигаретной пачкой. – Дефективный, тебе кто разрешил курить?!

– Черняк курит, Султан курит, я тоже рот дома не забыл, – скривившись, ответил тот, пытаясь вытащить сигарету.

Молниеносно выхватив пачку из руки радиста и отшвырнув ее в угол, Скат прошипел:

– От вас, придурков жизнерадостных, вообще ничего не вижу, кроме бытовых отходов и тупости. Что за мудрая идея выдернуть вас из роты? Вы что, совсем безголовые, неужели не понимали, на что вас, забавных и чахлах, подписывают? Думали, в детсад повезут манной кашей кормить и мультики показывать? Вот на кой вы мне все тут нужны? Я ведь людей просил добавить, я не просил привезти кучу говна, у меня говна своего хватает, сам не знаю, куда его сливать.

– Че ты меня грузишь, я тебе не фура! – набычился Зырик. – Наган сказал, ты сделал, мы-то тут с какой стороны подписались?!

– С такой, что дебилы вы печальные, все четверо! – все больше и больше заводился Скат. – Вот скажи мне для примера: где эти два обсоса?!

– А когда это я старшим по обсосам успел заделаться?!

– Так зачем что-то делать, если оно всегда так было! Где Резик и Хипа?!

– А сразу нормально спросить нельзя?!

– Где ты здесь нормальных видел?! И где эти два шута опущенных?!

– А я к ним каким боком пристроен?! Резик – старший в группе, я вообще тут просто мимо проходил, вот его и грузи.

– Резик, да будет тебе, дебилу печальному, известно, вместе с таким же дебилом, как он сам, был отправлен к дачам вот уже два часа назад. Я могу понять, что дальше пары сотен метров на этом вонючем кластере проще докричаться, чем по рации доложить, но два, блин, часа! Два часа! Два! До двух даже в школе для недоразвитых считать учат, так что в цифру ты въехал. Ходу туда минут десять-пятнадцать вразвалочку. Вот чем там можно заниматься столько времени?! Нет, я, конечно, понимаю, что в вашу небесного цвета команду никого, кроме гнойных и несчастных, не принимают, но паять друг друга по кустам два часа – это получается, у

твоих друзей великая любовь.

– Ну так сходи, свечку им поддержи, поддержи морально, че ко мне-то пристал... – насупился осыпaeмый одготипными оскорблениями Зырик.

– Что ты сказал?.. – изменившимся голосом произнес Скат, а глаза его нехорошо сузились.

– Че ты слышал, то я и сказал. В зеркале крайнего поищи, откуда я знаю, где они? Может, их уже мертвяки без соли доедают.

– Да я только рад буду, я даже мертвякам приятного аппетита пожелаю и кетчупа им подгоню, чтобы мясо говном поменьше отдавало. Но если так, ты в темпе отправишься туда за пулеметом и принесешь мне его без царапинки.

– За каким таким пулеметом?

– А за таким, который Резик у меня выклянчил. «Эйч двадцать четыре», переделанный под барабанный магазин от пятого «гарика», второй такой ты во всем Полисе не найдешь, там эксклюзив на эксклюзиве, он хороших денег стоит. Твой ласковый командир повыпендриваться перед красивыми мальчиками захотел, ну так ветер ему в спину. Но не будет пулемета, я его на тебя повешу, а на тебе и так долгов, как зубов у рубера.

– Ты че, разве мне пулемет выдавал? Че за беспредел вообще? Я тут при каких делах?

– При таких, что ты за Резика перед Наганом подписался, когда мы вас забирали. Кто говорил, что пулеметчик из него огонь? Твои слова? Твои. За язык тебя не тянули, так что получи и распишись. Ты за такой раритетный ствол, в борделе у тети Клавь на подмене у самых дешевых сосок отрабатывая, за год и половину не спишешь, ушлепок обнаглевший.

Неделикатно-деловой разговор был прерван появлением двух человек – уже знакомого Карату Ролика и уродливо толстого парня, будто на убой откормленного, с болезненно-бледной рыхлой кожей, глаза заплывшие, еле-еле в щелочках проглядывают. На боевика вообще не похож, форменный камуфляж и черная майка смотрятся на нем так же уместно, как бронежилет пятого класса защиты на ошипанном страусе. Ни ножа на поясе, ни пистолета, и вид такой, что понятно с первого взгляда: повстречай этот тип зараженного не самых опасных стадий, в одну секунду словит обширный инфаркт и обильно утяжелит штаны.

Толстяк прямо с порога страдальчески сонным голосом заканючил:

– Ну только, блин, прилег, ну Скат, ну чего тебе опять понадобилось?

– Кислый, ты хоть что-нибудь, кроме как спать и жрать, умеешь? Я вот знаю только одно, на что ты способен, кроме этих двух вещей, так вот давай, занимайся. В темпе занимайся, пока мертвяки опять не набежали.

– Да не набежит никто, – совсем уж сонно заявил толстяк. – Я только что обновлял, их сюда сейчас палкой не загонишь.

– Когда это только что? Дрозд еще полчаса назад говорил, что стаю засек в полутора километрах. Полтора километра, Кислый, это ни о чем, это почти ноль. Всего пара минут, и они доберутся до твоих жировых запасов. Вообще ни намека на туман не осталось, вон выгляни, взгляни на картину.

– Да на что там смотреть, – сказал толстяк, уверенно направившись в сторону газовой плитки с расставленными возле нее посудинами с лапшой. – Туман в таком деле необязательно, он как бы бонусом идет, если погода хоть маленько помогает. А сейчас жара такая, что жить неохота, какой тут может быть туман? Да никакого. Кислятиной маленько пахнет, ну и ладно, мертвяки получше нас чувствуют, им этого за глаза хватает, разбегаются, будто от чумы, у них в башке записано, что от такого драпать надо.

– Сказано – поднови! – стоял на своем Скат.

– Да я тебе что, бочка бездонная? Выдохнись, и что дальше будет?

– А дальше будем тебя спеком обкалывать и самым вонючим живчиком заливать. И жрать не будем давать, может, хоть так шевелиться начнешь.

– Дай хоть кофе попить, в себя прийти, я ведь вообще не спал, голова не соображает.

– Да пей уже, бурдюк бездонный, только в темпе. Ролик, завари ребятам пожевать.

– Нижним?

– Говна вы два куска, оба, сколько уже можно меня раздражать? Ну а каким же еще, если до вечера как до Пекина раком. И следи, чтобы этот жиртрест в одно рыло все не приговорил. Так, с одним делом вроде разобрались, а теперь самое время с дорогим гостем поговорить.

На этих словах Султан, до сих пор с самым флегматичным видом подпиравший стену, резко сорвался с места и, подскочив, отвесил Карату сбоку такую оплеуху, что у того голова едва на сто восемьдесят градусов не обернулась, что позволило разглядеть прежде недоступные взгляду детали незамысловатого интерьера – второе завешенное брезентом окно и установленный напротив него крупнокалиберный пулемет.

– Стоп! – беззлобно, почти равнодушно рявкнул Скат. – Султан, не надо так нервничать, я не это имел в виду. Это ведь гость, а с гостями надо поуважительнее обращаться.

Последнее высказано с нескрываемой издевкой. Ну да и ладно, Карат и

без того ни капли не сомневался, что гость он, может, и желанный, но ожидать от таких хозяев радушного приема не приходится.

Скат, отойдя от рации на всю длину провода, тянувшегося к гарнитуре, продолжая прижимать к уху наушник и глядя на Карата сверху вниз, потрепал его за щеку и с той же издевкой спросил:

– Ну что, гость дорогой, как тебе у нас отдыхается? Не холодно?

– Да ну что ты, теплее, чем в крематории. Отель на пять звезд – не меньше. Но хорошо бы ноги размять, затекают.

– Затекают? Это плохо, что затекают, – притворно заволновался Скат. – Понимаешь, в чем дело, затекшие ноги боль не чувствуют, а надо, чтобы чувствовали. Не мне надо, Нагану. Он, когда сюда приедет, очень недовольным будет. Вопросы начнет задавать. Тебе задавать. Ты бы лучше прямо сейчас на них ответил, заранее. Мне ответил. Ты, Карат, вроде не совсем печальный идиот, просто не сложилась судьба, такое случается, а я врать не стану, мы оба понимаем, что жизнь твоя подходит к финишной черте. Но умереть можно по-разному, очень по-разному, ты понимаешь, о чем я. Если тебе это интересно, можешь поговорить со мной, если нет, жди Нагана. Наган, в сущности, мужик спокойный, ему давить тебя между ногтями не в радость будет, но вот паре его ребят очень даже в радость. Ты представить себе не можешь, что эти кудесники вытворять умеют, у них чугунные гири стихами говорить начинают. Ничего не слыхал про их забавы? Или, может, мечтаешь на себе попробовать?

– Ориентация не разрешает о таком мечтать.

– Ориентацию твою спрашивать никто не будет. И да, мы в курсе твоих талантов, специально для тебя стул подходящий оборудовали. Как тебе на нем, мягко сидеть? Вижу, что не очень, но ты уж потерпи, это для дела полезно. Соскочить с него даже у такого ловкача, как ты, не получится, пришлось немного поработать, попортить хорошую мебель, без мелких неудобств в нашем деле никак. И уши свои напрягать не надо, знаем мы, как ты свою пятую передачу включаешь. Только попытайся это сделать, оба оторву, и заново тебя окрещу, и не Фантомасом каким-нибудь, а Презервативом дальше жить придется. Это в лучшем случае. Жизни той, конечно, капля останется, но все равно обидно. А теперь задам тебе вопрос, который, очень может быть, серьезно повлияет на то, как ты проведешь остаток своей жизни. Вопрос простой, два слова всего, тут даже Ролик с Зыриком ничего не напутают. Где девка? Ну и про дружка твоего хромоногого нам тоже интересно узнать, это уже личное.

То, что отвечать в духе «о какой девке идет речь» – не самый лучший вариант, легко поймут те же упомянутые Ролик с Зыриком, судя по всему,

назначенные на должности бессменных местных недоумков. Но Карату все понятно и даже не надо ничего выдумывать, разве что действительность можно слегка приукрасить.

Постаравшись говорить с самым озабоченно скорбным видом, он сжато пересказал недавние события:

– Мы шли на запад по воде и попали под перезагрузившийся кластер. Место неудобное, уйти не смогли, накрыло волной метров в пять, лодка как самолет летала, с нее все смыло, и нас в том числе. Я сам не понимаю, как спасся, повезло за дерево зацепиться, вот и пришлось дальше пешком бродить. А Диана мелкая совсем, плавала плохо, тем более вода холодная, ей в такой не выжить. Про Шуста тоже можешь забыть, он, считай, безногий и вообще не при делах наших разборок. В общем, нет больше ни ее, ни его.

Скат, кивнув, уточнил с издевкой в голосе:

– Получается, твоя девка и твой друг утонули?

– Так и есть. Можете из меня котлет нажарить и подавиться ими, больше ничего не знаю.

– Котлеты, говоришь? Интересное предложение, мы над ним обязательно подумаем. А теперь давай вернемся к девке и твоему другу. К тем, которые утонувшие. Ты ведь не против?

– Ну, раз очень надо, давай.

– Рассказ у тебя хороший. Складный. И даже в чем-то совпадает с тем, что мы уже слышали. – Скат выразительно покосился в сторону Пастора. – Но есть в нем отдельные моменты, которые меня немного смущают. Например, я никак не могу взять в толк, каким образом твоя утонувшая малолетняя подстилка позавчера задурила головы троим не самым тупым ребятам, после чего они начали заниматься глупостями. Ты же знаешь, что по закону Полиса полагается делать с нимфами, из-за которых кто-то погибает? Они, Карат, погибли, причем все. И еще проблема в том, что на тот свет не сами ушли, других прихватили. А еще мне интересно, каким образом твоего безногого друга не смогли догнать восемь очень даже резвых бойцов, из которых половину мы впоследствии нашли мертвыми, а половину не нашли вообще. Вот так, ни с того ни с сего, потеряли целое отделение. Причем в рот одного трупа был забит алюминиевый костыль, что как бы намекает на замешанность твоего дружка. И, кстати, во время этих событий мой хороший товарищ едва не потерял глаз, пришлось в больницу отвозить. Правда, тут ни девка, ни этот Шуст ни при чем, но вот на тебя это повесить можно так же, как труп Вихря.

– А я-то тут при чем? – на автомате брякнул Карат, все более и более

недоумеваю по ходу странного рассказа. – Про Вихря вообще впервые слышу.

– Вихрь – это полезный человек. Дорого за услуги брал, но отработывал до последнего спорана. Он наш лучший невидимка и заодно самая быстрая ищейка, пошел по твоим следам, а потом умер. Нехорошо получилось.

– Это не ко мне, это вон килдингам предъявляй. – Карат кивнул в сторону Пастора.

– Ладно, не будем вникать в эту тему, – заявил Скат, нехорошо покосившись на сектанта. – Но кот-то твой, а кто виноват в плохом поведении животного? Естественно, хозяин.

Недоумеваю все больше и больше, Карат предположил:

– Может, от твоего друга собаками пахло, Гранд их не переносит.

– Сомневаюсь. Он всего лишь выловил твоего кота из воды. Приметное животное, узнал его, спасти хотел, помочь. И ты представляешь, твой кот притворялся порядочным и жалким до того момента, как его вынесли на берег. Вот там его поведение кардинально изменилось, видимо, сказалось дурное влияние хозяина. В том, что натворили твои люди, тоже ты виноват, ведь отвечаешь за них именно ты.

– Простите, а часовню тоже я? – не удержался Карат.

– Какую часовню? – Скат с явным недоумением вскинул бровь.

– Ну эту, четырнадцатого века, а потом танцевал на ее развалинах.

– Султан не слишком сильно тебя ударил? – с деланным беспокойством нахмурился Скат.

– Да нет, девочки посильнее бьют.

– Тогда что за часовня с танцами?

– Да забудь, это из кино, – сказал Карат. – Наверное, в твоём мире его не сняли для таких, как ты, – слишком сложный сюжет, не поймете.

– Ты и правда хочешь о кинематографе поговорить? Уверен, что момент подходящий? Может, обсудишь это с Султаном? Заодно и насчет ударных способностей девочек пообщаетесь, я уверен, что он сумеет развеять твоё заблуждение.

– Да сказал же, забудь, проехали. И хочешь верь, хочешь не верь, но я понятия не имею, чем ты сейчас меня грузил. Ни Шуста, ни Диану я уже четыре дня не видел, такие вот дела.

– Хотел бы я тебе поверить...

– Карат не обманывает, – неожиданно отозвался Пастор. – Я с ним много общался, да и большую часть этого времени он рядом со мной был.

– Хотел бы я и тебе поверить... – многозначительно протянул Скат.

- В таком случае можешь верить, я ведь на вашей стороне.
- Наган будет решать, на чьей ты стороне, а может, и кто-то повыше.

– Я тебе пароль назвал. Для всех ваших людей этот пароль должен действовать. Целую комедию перед Каратом разыграл. Отправил своих людей к Бирону договариваться насчет того, что мы вам не мешаем в вашем вопросе, а вы нас не замечаете. Это дело не могло занять много времени, ваш шеф весьма прагматичный человек, с ним всегда можно договориться. Все дело в том, что вы долго находились в отрыве от основных сил, до вас эта информация еще не дошла.

– Я не знаю, кто там и с кем договаривался, но мне никто ничего по этому поводу не сказал. Так что распечатай свой пароль на бумажке и дважды ею подотришь, другого применения ты ему пока что не найдешь. Если и Наган впервые о нем слышит, ты поедешь в Полис с нами, там разберемся, а пока сиди и помалкивай.

Так вот зачем этот продуманный сектант спровадил Гномика и Черепа! Сам повел Карата на заклятие, а они за его спиной договаривались с Бироном о разделе сфер влияния. Ну да, ведь Пастору без разницы, через кого он попадет на столь нужное ему место заклятия скреббера, для него главное – результат, и надо признать, что добивается он его мастерски.

А Карат-то, дуралей наивный, уши развесил, ума-разума от бывшего имунного спешил набраться... Пастор не жалел, плескал временами щедро, завлекал. Ну да, какой смысл жалеть, если жертва полученными знаниями воспользоваться не успеет.

Ничему Карата здешняя жизнь не учит...

Скат поднял гарнитуру, нажал на тангенту:

– Баша, не молчи. Баша, ну сколько я могу ждать? Что за номера? – В сердцах хлопнув наушником по ладони, Скат злобно рявкнул: – Зырик, что хочешь делай, но этот хлам должен заработать! Я даже с ближними постами не могу связаться, как это вообще понимать?!

– Ну ладно, проверю антенну. – Парень направился к выходу.

– Деятель, ты мне одолжение не делай. Ровно час тебе даю на то, чтобы все работало и сверкало. Время пошло, действуй, дебил.

– Мертвяка чую, – спокойно произнес Пастор. – Где-то рядом.

– Нет тут никого, – чуть озадаченно оторвался от лапши Кислый. – Они сюда не подходят, им тут страшно.

– Может, попался мертвяк без носа, запахи не чует, – предположил Черняк и добавил: – Кстати, о мертвяках, нам ведь надо несколько живьем отловить.

– На хрена? – удивился Скат.

– Ну так фильм надо будет снять с мертвяками и клиентом, забыл, что ли?

– Какой, в задницу, фильм? Уймись, пародия на Спилберга, не тебе такое решать. – На этих словах Скат подошел к окну, отогнул брезент в сторону, уставился в ударившую солнечным светом щель и, чуть помедлив, с легким удивлением произнес: – Что ни час, так новости. Вот какого Гробовщик сюда чешет? Я думал, этот траурный идиот еще позавчера свалил. Что-то он вообще слишком загадочным стал.

– Так он всегда такой, не понять, что на уме, – впервые за все время отозвался Султан. – Чего ему вообще у нас понадобилось?

– Это же Гробовщик, что ты от него хочешь, он сам по себе вечно, в строй кнутом не загнать.

– Ага, он, по ходу, сам не знает, что ему надо, но только лишь бы все делать самому. В глаза его загляни, там три психа в левом, четыре в правом. Одет, будто Зорро, это вообще диагноз. Клоун неизлечимый.

– А в глаза ему слабо такое сказать? – ухмыльнулся Скат.

– Да ты и сам легко скажешь, – с непонятным подтекстом подмигнул Султан. – Даже на неуправляемых управу найти можно.

– Согласен, он вообще неуправляемый, как только дожил до таких лет, первый местный беспредельщик и псих. Но ты посмотри, что творит, такое уже вообще ни в какие рамки не лезет. Розовые-то ему зачем? Черное приелось? – С еще большим удивлением Скат высказал совсем уж непонятное и, не переставая смотреть в окно, рутинным голосом, будто обсуждая покупку картошки на базаре, добавил: – Сул, сейчас жирный нажрется и навоняет тут по новой, можно будет генератор завести. Поговоришь с клиентом, может, общительным станет. Электричество никто не любит, язык оно хорошо развязывает.

– Электричество не мама, чтоб его любить. – Султан логично прокомментировал приказ командира.

– Ну да, в гробу я видал такую маманю. А Наган не огорчится, мы ведь ему клиента почти целым отдадим. Ну ты понял, не надо сильно стараться, бережнее работай, нам его живым сдать надо.

– Я-то все понял, но с Гробом решать надо, он ведь без головы, возьмет и привалит клиента просто так, заказ-то на нем висит. Гроб проблемный.

Скат кивнул:

– Да, проблемный, не поспоришь. Слышишь, Карат? Гробовщик к нам прямой наводкой чешет, и морда у него почему-то недовольная. Даже не знаю, как ему настроение поднять, очень уж он несговорчивый и очень

хотел тебя найти. Уж не знаю, зачем, но я бы на твоём месте насторожился. Был у нас случай, почти как с тобой, так он первым делом клиенту глаза выжиг. Просто пальцами коснулся, и дым пошел. Ох и завоняло там, куда там Кислому с его вонью, даже не знаю, как мы потом тут сидеть сможем. – Скат притворно-беспокойно покачал головой.

Новость о том, что сюда направляется страшный Гробовщик, Карата, само собой, не обнадежила. Он и без него понятия не имел, как выкарабкаться из столь непростой ситуации, а уж с ним...

Да и кому захочется на себе узнать, каково это, когда твои глаза выжигают пальцами.

И что делать теперь?

Что-что – да на стуле сидеть, вот что. Это единственное, на что Карат сейчас способен.

Вот ведь влип.

– О, Гроб, здорово, ну ты и боты себе нарыл! – откуда-то с другой стороны дверного проема приглушенно отозвался Зырик.

При этих словах в пустом дверном проеме появился Гробовщик. Карат его сразу узнал, даже не видя лица, ведь одежда такая, что ни с кем не перепутаешь. Все радикально черное, нет ни одного пятнышка, выбивающегося из похоронной гаммы. Даже косынка, поддерживающая травмированную или раненую руку, такого же мрачного цвета. Трости только не хватает, ну да с ней неприятность приключилась.

Нет, одно яркое исключение в образе все же имеется, но к гардеробу его отнести не получится, потому как выбивающуюся из минорной гаммы вещь держат в руках.

Именно она всецело приковала внимание Карата, он с трудом удержался, чтобы не выпучить глаза, состроив гримасу величайшего изумления.

Гробовщик, остановившись в проеме, медленно обвел присутствующих взглядом абсолютного императора всея Вселенной, в силу чудовищного недоразумения угодившего в общество крайне вонючих слизней, и, остановив взгляд на Карате, заговорщицки подмигнул ему из-под черной маскарадной маски.

В руках Гробовщик держал ярко-розовые тапки с нелепыми помпончиками.

Глава 34

Не переставая насмешливо посматривать на серьезно опешившего Карата, Гробовщик неожиданно-мелодичным голосом профессионального певца несерьезных жанров поздравил Ската:

– Вижу, вы сегодня с уловом. Похвально, умеете.

– Ну так у нас не все такие, как Зырик с Роликом, кривым мизинцем деланные, встречаются и почти нормальные.

Гробовщик, отвернувшись от Карата, уставился на Пастора. Тот, старательно доскребая лапшу и не глядя на наемника, молча пожал плечами. Складывалось впечатление, что между ними происходит молчаливый диалог, понятный лишь им одним.

Карат тоже ничего не понимал из этих «гляделок», зато прекрасно помнил излюбленную угрозу Дианы, по любому поводу обещавшей, что заставит оппонента приносить по утрам ее тапки (при обязательном условии, что оппонент мужского пола). Глядя на то, что Гробовщик держит в руках, любой, кто хоть самую малость знаком с этой девочкой, заподозрит, что без нее здесь не обошлось.

Больше Карат по этому поводу ничего сказать не мог и, наблюдая за черной фигурой с розовым пятном, все больше и больше недоумевал – его первоначальная гипотеза, зародившаяся при виде неуместного здесь предмета обуви и прекрасно объясняющая подопку происходящего, трещала по швам. Все дело в том, что Гробовщик ни капли не походил на человека, который пребывает под чарами далеко не последней нимфы. То есть он не выглядел улыбающимся до ушей слюнявым идиотом, не способным помыслить ни о чем, кроме объекта своей искусственной страсти.

Карату однажды довелось наблюдать целую компанию серьезных с виду мужчин, попавших под воздействие дара Дианы. Так там даже кваз, уродливый настолько, что самая бородавчатая жаба в сравнении с ним казалась не меньше, чем Мистером Вселенная, превратился в прыщавого школьника, пускающего слюни влюбленного до хлюпанья в трусах.

Гробовщик на такого походил менее всего на свете. Нет ни малейшего намека на то, что кто-то задурил ему мозги. Маска, конечно, мешает как следует разглядеть лицо, но даже она не способна скрыть то, что этот человек действует сам по себе, ни о каком контроле не может быть и речи.

С учетом того, что он держит в руках – факт, не поддающийся

объяснению.

Скат, на секунду отвернувшись от щели, с легчайшим намеком на насмешку произнес:

– Вижу, ты сегодня с обновкой. Где был, что видел? Случайно на дачи не заглядывал?

– Я от моста пришел.

– Бетонного?

– Железный слишком грязный, а грязь мне не нравится.

– Где это ты там грязь нашел?

– На подходах, с восточной стороны. Там все грязью залито.

– А, вот ты о чем. Не знал, издали мокроту не видел. Получается, ты мимо восьмого и шестого постов проходил?

– Я мимо всех проходил, – ответил Гробовщик и опять подмигнул Карату.

Ну и чего он от него добивается? Неспроста ведь глазом работает, что-то хочет от привязанного к стулу пленника.

Вот только что ему надо?

– Наших там видел? – отвернувшись к окну, без интереса спросил Скат.

– Конечно, видел.

– И чем они там занимаются? Как всегда, друг у друга сосут?

– Я не комментирую чужую интимную жизнь. И свою, кстати, тоже.

– Да ради бога, не комментируй, переживем. Вот только никто из них не отвечает, лишь пара у котельной, ну так я их разглядеть могу, вон они, охламоны, опять руками машут. Получается, один пост из шести со связью, да и та визуальная. Бардак полный, провода на таких выездах нужно тянуть, от раций толку вообще нет. Кстати, ты о чем с ними говорил?

– С кем именно?

– У котельной, когда ты мимо шел, о чем-то говорил с этой парочкой.

– Они спросили, почему там сильнее всего несет кислятиной. Я сказал, что им сегодня везет, как никогда. Они заявили, что не считают это везением и что запах идет из котельной, и он не относится к работе твоего упитанного подчиненного. И еще сказали, что заглянут в котельную. Очень хотят посмотреть, что там так воняет. Кстати, соглашусь, кислятина здесь какая-то необычная, даже удивлен, что мертвяки на нее реагируют.

– Ну да, вижу, заглядывают во все щели, следопыты хреновы, – подтвердил Скат, заставив Карата еще больше напрячься – раз уж глаза выжигать не торопятся, самое время вспомнить, что на котельную у него свои паны. – А это еще что за кадр?!

– Что там такое, командир? – бубня набитым ртом, поинтересовался успевший добраться до третьей порции лапши Кислый.

Интересно он кофе пьет.

– Ведь и правда мертвяк... – задумчиво протянул Скат.

– Чего?! – закашлявшись, выдохнул толстяк. – Да откуда мертвяк здесь взялся?!

– Ногами пришел. Вроде мелкий, в рубашке красной, чешет сюда прямой наводкой. Кислый, скажи мне, пожалуйста, что он тут делает?

– А я... Я... А чего говорить?

– Ну да, согласен, говорить тебе и правда нечего. Защита ведь на тебе висит, а у нас тут почему-то мертвяки разгуливают. Или ты хочешь сказать, что у него нюх силикатным кирпичом отбило?

– Я... ну я... ну это...

– Что это?! – повысил голос Скат. – Вот это! Кто здесь только что говорил, что обновлять кислятину не надо?! Я, что ли?!

– Да, может, он и правда слепой и глухой, и нос забитый, – начал торопливо оправдываться толстяк. – Сюда не пойдет нормальный мертвяк, тут перезагрузкой пахнет, сюда даже элита не подойдет. Ну в смысле, не матерая элита, да и матерая может обмишуриться.

Кислый, говоря это, даже зад соизволил оторвать от ящика и, добравшись до оконного проема, уставился в щелочку по другую сторону от Ската.

А тот, смотря все туда же, продолжил комментировать увиденное:

– Одежда богатая, почти чистая, и рюкзак большой за спиной. Идет ровно, будто поворачивать не умеет. Какой-то неправильный мертвяк, что-то с ним не так. Сул, дело к тебе есть.

– Чего? – отозвался мордovorот, вернувшийся к своей стене после того, как приложил Карата по скуле.

– Спустись, возьми ребят внизу, примите этого клиента, посмотрите на рожу и на барахло, хочу понять, что с ним не так. Первый раз такого борзого вижу: на кислятину не реагирует вообще, прет к нам по прямой, будто компас к носу приклеен. Вроде совсем мелкий, но все равно соображать должен. Не отходите от дома, в подъезде помаячьте. Как подойдет, тогда и принимайте по-тихому. А потом по постам надо будет пройтись, посмотреть, что да как там у этих тунеядцев. Тишина какая-то нездоровая, Наган задерживается, мертвяки мутные по расположению ходят... бардак сплошной, а мне бардак здесь не нужен.

– Разберемся, – кивнул Султан.

– Давай, в темпе разбирайся, тебе еще нашим дорогим гостем

заниматься, а то он уже скучать начинает.

Здоровяк вышел, а Гробовщик, вновь подмигнув Карату, выразительно покосился на Скату, и даже маска не скрыла то, что лицо его на миг стало карикатурно-кровожадным.

Хочет, чтобы тот с ним разобрался? И каким же образом? Плевком голову пробить?

Кстати, что-то в этой идее есть. Нет, не в том смысле, что сработает на ровном месте, а вот если плюнуть в состоянии ускорения, допустим, металлическим шариком, а потом посмотреть, что случилось с мишенью.

Если живым отсюда выберется, непременно попробует.

Скат, не отрываясь от окна, спросил:

– Гроб, чем занимался, где ходил?

– Да почти нигде, прямиком сюда шел. Соскучился по вам.

– Ты там, случайно, за каналом мертвяков не видел?

Наемник, глядя в затылок Скату с недоброй усмешкой, процедил голосом, в котором не осталось ни намек на песенную мелодичность:

– Всего лишь одного. Пришлось очень сильно его попросить кое-что для нас сделать. Сам он идти не хотел, не нравится ему здесь, кислым воняет. Упирался обеими ногами, пока девочка его не попросила. Как следует попросила, она это умеет. Поехали, Карат.

«Куда это поехали?» – успел удивиться тот, прежде чем ситуация начала меняться.

Нет, неверно, она изменилась в один миг: громко, зрелищно, неожиданно и непонятно.

Нелепые тапки выпали из рук Гробовщика, открыв то, что в ладони он сжимает черную коробочку с куцым огрызком антенны. Штуковина эта больше всего напоминала пульт, при помощи которого не так давно в паре сотнях метров отсюда Рэм, а затем Карат приводили в действие мины в ловушке, устроенной против скреббера.

Палец наемника с силой придавил одну из кнопок.

Несмотря на то что окна были прикрыты, за исключением пары щелочек по краям, вспышка, сверкнувшая за ними, получилась очень даже заметной, но на фоне всего того, что последовало за ней, иначе как ерундовой ее назвать нельзя.

Брезент, прикрывавший окно, влетел внутрь исполинским нетопырем, увлекая за собой заваливающихся Скату и Кислого. По ушам ударил столь жуткий грохот, что Карат почти не сомневался: после такого барабанным перепонкам не выжить. Незримая сила толкнула его с дурной силой и, вот уж поразительное дело, с легкостью оторвала от прежде незыблемого

стула, понесла дальше и неслабо приложила плечом о стопку шлакоблоков, после чего на голову ему свалилась несчастная рация.

Между прочим, тяжелая.

Карат и сам не понял, как перешел в режим ускорения. Тело само сработало, независимо от сознания.

Ну да, с такими странными делами скоро и сидище самостоятельно думать научится, ему попросту выбора не останется.

Мир привычно изменился, и помещение теперь выглядело причудливо. Сорванные с оконных проемов куски брезента успели долететь до дальней стены и зависли на ней скомканными донельзя грязными простынями, возле которых болталось множество самых разных предметов, большая их часть была представлена одноразовой посудой и белесыми червями рассыпавшейся из опрокинутых мисок распаренной лапши.

За окнами тоже не все ладно. Вместо угасающего солнечного дня там клубился сумрак, подсвеченный нездорово-красным, почти рубиновым пламенем. Карат такие цвета никогда в жизни не видел, но зрелище его не удивило, он знал, что в состоянии ускорения с цветопередачей и не такие фокусы приключаются. Судя по всему, на улице только что прогремел неслабый взрыв, его шапка взметнулась на несколько этажей.

Но каким образом освободились его руки и ноги?

Опуская голову, Карат разглядел обрывки веревок, в основном они висели отдельно от тела, а некоторые успели отдалиться настолько, что врезались в стену и шлакоблоки. Концы у них светились тем же нездоровым цветом, что намекало на участие огня.

Огонь? Их что, лазером пережгло?

Может, и лазером, но в таком случае личность стрелка из лазерной установки не вызывает сомнений – вон он, черный и весь из себя загадочный, стоит незыблемой стеной, никак не отреагировав на ударную волну. Даже шляпу с головы не сдуло.

Она у него что, гвоздями к макушке прибита?

И зачем он подмигивал Карату, настойчиво намекая на Скату, если сам такой серьезный, что его взрывом не проймешь?

Может, не нужно озадачиваться, пытаясь вникнуть в мотивацию этого явно неординарного человека? Может, проще кинуть ему в голову шлакоблок, меньше загадок останется, и меньше риск, что Карата прикончат так же неожиданно и просто, как перед этим помогли освободиться.

Нет, пожалуй, идея не очень. Против человека, об которого разбиваются ударные волны, не факт, что сработает. При том что умение

ускоряться развито до рекордных, по меркам Улья, величин, оно не превратилось в абсолютное оружие. Некоторые старожилы, да и новички могут до смерти озадачить и не такого уникама.

Воздух в помещении тормозил Карата куда сильнее, чем когда бы то ни было. Очевидно, взрыв сказывался – пусть волна уже прошла, но атмосфера до сих пор взбудоражена, какие-то потоки, завихрения или что-то в этом роде все еще действуют, мешают добраться до цели.

Выпрямившись над почти упавшим Скатом, Карат отпустил шлакоблок и с силой придавил его в направлении головы жертвы. То, что тяжелая штука висла в воздухе, нестрашно. Как только отвиснет, брякнется куда надо со скоростью захлопывающейся мышеловки.

Ну все, пора выбираться в нормальный мир.

Гул, треск, шатнуло порывом ураганного ветра, боль резанула подпаленные при контакте с веревками запястья, уши заполнились раздражающим песком, а мышцы режущей болью – полностью избежать осложнений после ускорения Карат так и не научился.

Да уж, насчет нормальности неправильно выразился – этот мир встретил нехорошо, при активированном даре все было куда прекраснее.

Гробовщик, продолжая стоять посреди разгромленного помещения Гибралтарской скалой, чуть повернул голову, уперся в Карата ледяным взглядом и негромко произнес три рубленные фразы.

Удивительно, но при этом крепко оглушенные уши четко различили каждый звук:

– А теперь Султана. Сделай его быстро, у тебя получится. Остальные – не твоя забота.

Мечталось в первую очередь разобраться с Черняком, очень уж неприятный человек, да и сигарета, которой тот несколько минут назад прижигал «гостю» скулу, взывала к отмщению – обида слишком свежа в памяти. Но совершенно не хотелось спорить с Гробовщиком, тот не просто так заявился, у него свои планы, явно не только что составленные, с ними приходится считаться.

Да и не тот случай, чтобы обсуждать и возражать, поскольку к Султану у Карата тоже есть претензии.

Именно в этот дом Карат прежде не заглядывал, зато бывал в других строениях квартала и еще в прошлое посещение этого места понял, что все они возводились по единому проекту. Поэтому, выскакивая в пустой дверной проем, он уже знал, куда надо заворачивать, чтобы добраться до лестницы.

Султан перед тем, как все завертелось, отправился вниз. Судя по

неоднократным обмолвкам, там находились еще какие-то люди, и все они вряд ли будут стоять в сторонке, если Карат нехорошо обойдется с их коллегой. То есть ему придется разобраться с неизвестным количеством противников.

Но это его не смущает, потому что он, выходя, прихватил пистолет Ската. Труп с раздробленной головой он все равно не нужен, а человеку, у которого еще сохранился запас сил для высокоэффективного боевого умения, в такой ситуации ствол не помешает.

Главное, чтобы Карата не подстрелили до того, как он ускорится, а дальше все козыри окажутся у него на руках, не зря ведь Гробовщик уверен, что Султану ничего не светит.

Стрелять не пришлось.

Трудно понять, как именно развивались события возле входа в подъезд, но в живых здесь остался один лишь Султан. Похоже, он и все остальные находились слишком близко к эпицентру взрыва, с которого все началось. Вон это место, выделяется лениво дымящимся пятном на асфальте, вокруг которого разлетелось кровавое крошево и обрывки тряпья.

А еще оттуда разлетелись люди. Как минимум двух приложило о стену дома, под которой они сейчас валялись грязными свертками, набитыми исковерканным мясом и изломанными костями, третий улетел точнехонько в проем подъезда, где тоже на славу приложился.

Этим третьим и был Султан, Карат сумел его опознать лишь по остаткам нестандартного разгрузочного жилета. Прежде тот выглядел на диво удобной штукой, такую можно забирать у самого жадного барыги без торга. Но сейчас за этот жалкий хлам никто и спорана не даст – порван безнадежно.

Лежа на спине, здоровяк хрипло, с натугой, дышал, уставившись вверх заполненными кровью глазницами. Изодранные лохмотья, тщетно пытающиеся прикрыть оголившиеся кости, которые прежде были его руками и лицом, подрагивали и сочились багровым, вокруг тела успела натечь немаленькая лужа.

Карат, для приличия постояв несколько секунд над хрипящим полутрупом, выстрелил ему в голову. Это даже убийством назвать трудно – удар милосердия.

Над головой из окна второго этажа вынесся поток пламени, еще не пришедшие в себя уши уловили не очень-то громкую пулеметную пальбу. Судя по мелькающим трассерам, огонь ведется в направлении котельной.

Вспомнив о том, какую тайну хранит эта котельная, Карат опрометью бросился назад и успел ворваться в дверной проем в тот миг, когда

Гробовщик, выпустив последнюю очередь, отвернулся от пулемета и, блекло улыбнувшись, пояснил:

– Там еще двое были. Непонятливые люди, и правда в котельную полезли, не успели оттуда быстро выскочить. А ведь могли жить, надо было просто оставаться снаружи и побежать сразу, как только здесь начали шуметь.

За время отсутствия Карата в помещении кое-что изменилось. Нет, генеральную уборку сделать не успели, вокруг царил прежний кавардак, возле тела Ската успела образоваться кровавая лужа, жестко пованивало сгоревшей взрывчаткой, палеными волосами, обугленным мясом, кровью и дерьмом.

И еще одно неживое тело появилось. Сидело возле пулемета, вжавшись спиной в угол, вместо головы еле-еле дымилась почерневшая головешка, на которой не понять, где лицо, а где затылок.

Карат, осмотревшись, обнаружил забившегося в другой угол Ролика, явно живого и столь же явно выбитого из накатанной душевной колеи. В глазах парня можно было заметить признаки немалого душевного разлада и осознание простого факта – ему здесь совершенно нечего делать. Напротив окна, рядом с телом Ската, лежал Кислый, уставившись в потолок, взгляд его был куда хуже – до отказа переполнен животным ужасом вперемешку с безумием.

Пастор тоже живой. Сидит на своем ящике как ни в чем не бывало, на него, похоже, ни одна пылинка не упала, а ударная волна не выбила ни единого волоска из неизменно-строгой прически. Руки смирно, будто школьник-отличник, держит на коленях, взглядом столкнулся с Каратом, но глаза не отвел, спокоен, как всегда.

Получается, голова испеклась у Черняка. Неизвестно, что именно с ним произошло, но Карат готов до упаду плясать на его поминках.

Этот гад ему с первого взгляда не понравился.

Гробовщик встал перед окном, всмотрелся вдаль, помахал рукой кому-то невидимому и, не оборачиваясь, произнес:

– Ролик, у стены валяются два куска брезента. Также у нас здесь находятся два мертвых человека, и мы ждем гостей, один из которых не должен такое видеть ни при каких обстоятельствах. То есть я хочу, чтобы эти тела были прикрыты. Немедленно. Ты меня понял?

– Сей момент, Гроб, считай, что уже сделано.

– Вот и хорошо, я знал, что ты всегда рад помочь. Карат, ты похож на контуженного. Хорошо меня слышишь?

– Если скажешь, что прямо сейчас мне придется сдать экзамен на

настройщика роялей, знай, что я могу его провалить.

– Ну что ты, я всего лишь хочу тебе кое-что рассказать и также хочу быть твердо уверенным, что ты ничего не пропустишь.

– Я слушаю.

– Мой отец был алкоголиком. Его регулярно кодировали, и он с такой же регулярностью срывался. При этом сам он говорил, что пить ему в такие моменты не в радость, водка становится невкусной, вызывает омерзение, но он способен перебарывать себя, пить ее через силу. Меня очень настойчиво попросили принять участие в мероприятии, которым командует Наган. Согласившись, я был вынужден в том числе согласиться на одну внешне безобидную процедуру. Есть такое умение, его носитель как бы кодирует пациента, прививая его психике невозможность причинить вред определенным людям. Действует не навсегда, но пока не вышел срок, считается, что ты даже чихнуть в их сторону не способен. При моей неоднозначной репутации неудивительно, что даже некоторые наниматели вынуждены подстраховываться. Таким образом, Скат и Султан верили, что с моей стороны им ничего не угрожает. Но они ошибались, я сын своего отца и тоже умею переступать через себя. Не могу сказать, что мне это нравится, но «невкусную водку» местного разлива перетерпеть могу. Благодарить тебя за Ската и Султана не буду, ты был заинтересован в их смерти не меньше меня. Просто ты должен знать, почему я не стал этим заниматься лично. У меня была альтернатива, не сопряженная с неудобствами, и я ею воспользовался. Ролик, поправь брезент, чтобы кровь прикрывал.

– Она еще дальше растечется.

– Поправь так, чтобы не растекалась. Пожалуйста, Ролик, – последнюю фразу Гробовщик произнес с нехорошим нажимом.

– Да не вопрос, Гроб, сделаем.

– Сделай. Хорошо сделай. А то неудобно перед людьми. Ладно, не буду тебя отвлекать, действуй. А к тебе у меня есть разговор.

Ни к кому не обращается, но понимать, кого имеет в виду, несложно.

– Раз надо, значит, поговорим, – сказал Карат, изо всех сил пытаясь въехать в ситуацию.

Такое впечатление, будто он бездарный актер, напрочь позабывший или даже вообще не учивший роль. Все вокруг бегают, что-то делают, реплики свои говорят, трюки исполняют, а он посреди всего этого бездарно импровизирует, тщетно силясь понять, какие черти занесли его на съемочную площадку и что им от него надо.

Да он даже понятия не имеет, что за фильм здесь снимают, не говоря

уже о большем.

Кот, забежав в дверной проем и не подарив Карату ни одного, пусть даже самого презрительного взгляда, начал с интересом принюхиваться к разбросанной по грязному полу лапше.

Заскочившая следом Диана порадовала больше – запрыгнула на шею и, не обращая внимания на дурной запах и мрачность обстановки, рассмеялась с искренней радостью ребенка лет пяти.

Карат, продолжая тщетно силиться умом понять происходящее, родил очевидный вопрос:

– А где Шуст?

– Отстал немного. Ковыляет за мной, ему трудно, он один костыль потерял.

– Я в курсе насчет потерянного костыля...

– Кто тебе сказал? – удивилась девочка.

– Ска... Да ладно, это уже не важно.

Шуст, появившись на пороге, самым мрачным голосом заявил:

– Карат, ничего у меня не спрашивай, но я с тобой потом поговорю. Позже. Накопилось у меня. Много чего накопилось. Я к тому, что тот день, когда мы с тобой повстречались, был плохим днем. Ладно, все потом, готовься к разговору, не до тебя пока.

Гробовщик, не оборачиваясь, произнес:

– Ты провел ее так, как я сказал?

– Само собой, мы с другой стороны зашли. Я и без тебя знаю, что детям смотреть на то, что остается после выходов Карата, нельзя. Да и взрослым, кстати, тоже.

– Вообще-то управляемый мертвяк с бомбой – твоя идея, – беззаботно произнесла Диана, завороченно косясь на брезент, из-под которого показалась предательская струйка крови.

– А кто его направил прямым к этому дому? Я, что ли? Да хрен вам, я такой чертовщиной заниматься не умею, не надо все на Шуста вешать.

С этими словами товарищ, отчаянно ковыляя, подошел к пулемету и начал ощупывать его с таким видом, будто собрался покупать.

Гробовщик, все так же продолжая стоять у окна, безучастно произнес:

– Кислый, поднимись.

Глаза толстяка моментально налились смыслом жизни и забегали, будто у пойманного с поличным совсем уж ничтожного воришки. Голосом плаксиво-противным, чуть слезы не пуская, он протянул:

– Гроб, я лучше полежу. Нельзя мне вставать, у меня что-то со спиной, стукнулся сильно ею, и еще в колене что-то хрустнуло.

– Встал!

– А, ну ладно, понял, встаю, конечно, раз надо, – подчеркнуто охотно согласился Кислый, неуклюже пытаюсь вскочить на ноги.

– Сядь в угол. К сектанту. На ящик сядь.

– Слушай, Гроб, а можно я схожу вниз, к котловану. Мне бы вымыться.

– Насчет этого не волнуйся, о гигиене тебе сейчас надо беспокоиться в последнюю очередь.

– Ну это да, вот только... – Толстяк покосился на Диану непередаваемым взглядом и сбавил голос почти до шепота: – Понимаешь, желудок у меня слабый, ну и кишечник тоже. Я даже таблетки принимаю, могу показать, у меня с собой они. А тут взрыв, контузило меня. В общем... Гроб, ну давай я схожу к котловану. Я пулей, туда и обратно.

– Я сказал, сядь.

– Ладно-ладно, сажусь уже, как скажешь, с этим можно и потом разобраться.

– А ты уверен, что у тебя будет это «потом»? Я вот нет...

– Ну, Гроб, ну ты чего...

– Заткнись. Я спрашиваю, ты отвечаешь, и больше ни звука. Ты все понял?

– Ага, – совсем уж спал с лица толстяк.

– Скажи, Кислый, что ты обо мне слышал?

– Только хорошее, никто о тебе ничего плохого не говорит. Кого ни спроси, каждый ответит, что Гробовщик – самый лучший.

– Ты когда-нибудь слышал, чтобы я убивал детей?

– Конечно, нет, ну ты и сказанул.

– А женщин?

– Ну Гроб, ну зачем такое вообще спрашивать, тут и отвечать-то нечего.

– А девочками я торгую?

– Девочками?! Шутишь, что ли?!

– Какие тут могут быть шутки – все очень серьезно.

– Слушай, давай я лучше к котловану сбегаю, что ты ни спросишь, я ничего дурного о тебе говорить не стану, я же тебя уважаю и все такое. Можно? Я быстро вернусь.

– Ты будешь сидеть, слушать и отвечать.

– Само собой, не подумай плохого, – гибко подстраиваясь под сильно пугающего его собеседника, выдал Кислый. – Что ты еще хотел спросить?

– Я хотел задать тебе простой вопрос. Очень простой. Ты не против?

– Нет, конечно, хоть десять.

– Десять? Благодарю, Кислый, мне импонирует твоя щедрость. Итак, все, в кого я ни ткну пальцем, прекрасно знают, что я ни при каких обстоятельствах не связываюсь с женщинами и детьми. Вообще-то я много с чем не связываюсь, но эти два предельно простых правила запомнить легче всего. Ты со мной согласен?

– Само собой, у нас каждая собака знает, что у тебя принципы.

– Вот именно – принципы. Так ответь мне, Кислый: зачем вы меня так настойчиво искали, доставали со всех сторон, нервы трепали, на друзей моих давили, уговаривая разобраться с этой девочкой и человеком, который ее защищает?

Жирный пискнул истязаемым садистами бурундуком и стал выглядеть еще более жалко, чем прежде, что до этого казалось невозможным. Чуть ли не пуская крокодильи слезы, он, шумно втянув в себя сопли, торопливо заканючил:

– Ну зачем ты так, Гроб, я ведь тут ну вообще ни при чем, ты же сам знаешь.

– Да, знаю. Но понимаешь, мне необходимо с кем-нибудь поговорить. С кем-нибудь из вас. Для меня это важно. Так уж получилось, что Скат умер. И Султан тоже покинул наш мир. С Черняком нехорошо получилось, я не сумел сдержать в себе негативные эмоции, раздражал он меня, не люблю прилипчивых и одновременно лживых. Да и что мне еще оставалось, ведь без этого получается, что я будто в гости на блины сюда зашел, даже не тронув никого. В принципе можно было вместо него убить тебя – не такая уж дрянная идея, но Черняку голову уже не вернешь, так что отвечать придется именно тебе. Или ты против?

– Гроб, как брата тебя прошу, давай по-человечески разберемся, ну вот при чем здесь я? Ты же знаешь, я у них ни разу не при делах, я просто Нагану много должен. У них, в Полисе, на барыгах все держится, там система такая, что всех на бабки ставят, а потом досуха доят. Если попал на бабло, делай то, что говорят, вариантов вообще нет. Вот и получается, что Наган мне говорит, я делаю. Скат человек Нагана, и Султан тоже, они мне сказали, что я должен здесь туман ставить, ну я и ставлю по восемь раз в день. Я ничего другого не делаю, только кисляком занимаюсь. Ведь это все, что я умею. Вот какой с меня спрос? Гроб, на мне только туман, я вообще знать не знаю, что тут у вас за дела, мне никто ничего не рассказывает.

– Знаешь, Кислый, я не могу не согласиться с твоими доводами. Скажу больше, ты мне симпатичен. Нет, об уважении не может быть и речи, но твой талант полезен, а мне нравятся талантливые люди. Когда-нибудь ты можешь дорасти до того, что сумеешь останавливать орду, такие, как ты,

очень нужны людям, их, по возможности, следует беречь, поэтому я сейчас изо всех сил стараюсь не запачкать твоим жиром стены и пол. Однако, должен заметить, я крайне недоволен тем, что при всей моей репутации люди, стоящие над тобой, обратились ко мне с крайне недопустимым предложением. Также мне не понравилась настойчивость, с которой они пытались заручиться моим согласием. Складывается впечатление, что они слегка забылись, а тех, кто настолько забываются, я наказываю, не считаясь с последствиями. То, что ты человек Нагана, известно всем. Многим полезен твой дар, но твой хозяин не позволяет им пользоваться посторонним, он несговорчивый единоличник. Мне известно чуть больше, чем всем, я знаю, что именно Наган затеял то, что я считаю недопустимым. Он привлек меня к делу, не считаясь с моими принципами. Отсюда объясняется то, что у меня возникло справедливое желание – убить Ската, убить Султана, убить всех людей Нагана, включая тебя, и самого Нагана тоже убить. Уверен, что, придерживаясь такой линии поведения, я в максимально доступной форме смогу напомнить потенциальным заказчикам моих услуг, что существуют принципы, перешагнуть через которые я не могу. Ты ведь со мной согласен?

– Ну Гроб... ну Гробушек... Ну не надо. – Толстяк после речи наемника расклеился до состояния выброшенной на берег медузы.

– Мне и самому не всегда нравится то, что я делаю, но если другого выхода не вижу, я не иду против судьбы. Единственное, что может изменить мое решение, – это появление в деле новых обстоятельств. Намек на них я получил, общаясь с этой милой девочкой и ее невоспитанным приятелем. А теперь мне надо получить ответы от ее лучшего друга, я ведь именно ради этого столь настойчиво добивался встречи с ним. Карат, речь идет о тебе.

– Я понимаю, кто ее лучший друг.

– Это хорошо, что у вас такое взаимопонимание. Кто, по-твоему, заказчик?

– Бирон, – не задумываясь, ответил Карат.

– Вот как? Изначально я полагал, что эта затея лежит целиком на совести Нагана.

– Я этого Нагана, считай, не знаю и в суп ему не плевал, ему нет смысла желать мне смерти. Даже если что-то недопонимаю и какой-то смысл есть, он бы попросту меня убил, без цирка со съедением мертвяками.

– Изучая всю доступную информацию, я тоже заподозрил, что на самом деле он всего лишь исполнитель, а заказчиком является Бирон. Я

разносторонний человек, в том числе у меня есть дар ментата. На мой прямой вопрос Наган ответил, что заказчик именно он и оплачивает заказ из своих средств, не обращаясь за помощью к Бирону. Наган сказал правду, в этом сомнений нет. Затем я слегка перефразировал вопрос, поставил его чуть иначе. Это важный момент, потому что помогает избегать недомолвок и увиливаний от правды. Наган вновь подтвердил, что заказчик именно он, и также посетовал на то, что это дело сильно бьет по его кошельку. У меня нет сомнений в том, что он говорил правду. Поэтому я спрошу тебя еще раз: кто вас заказал?

– Бирон, – все так же, не задумываясь ни на миг, ответил Карат.

Выждав паузу, Гробовщик чуть изменившимся, приглушенным голосом уточнил:

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– Должен признаться, что я не самый сильный ментат Стикса, но Наган не из тех, кто способен меня обмануть. Он достаточно простодушный человек, и у него нет умений, позволяющих прикрыться от ментата, все его слова – правда.

– Согласен.

– Вот как? В таком случае мне нужны объяснения.

– Надеюсь, ты знаешь, чем живет Полис?

– В каком смысле? Ты о снарядах? О тридцатке?

– Я имею в виду то, что это, по сути, город-корпорация, занимающийся товаром повышенного спроса.

– Я тебя понял. И что из этого следует?

– Всякая корпорация – это то еще гнездо шипящих змей, где каждый норовит цапнуть каждого и всеми силами извивается, стараясь забраться в самое теплое местечко. Понимаешь?

– Продолжай.

– Про Нагана я мельком слышал, что он выскочка со стороны, очень инициативный товарищ и ходит под Бироном. Высоко забрался и метит еще выше, да только без Бирона ему туда не забраться. А тот не очень-то его продвигает, его Наган устраивает на своем месте. И такая ситуация не только с Наганом, весь Полис, точнее, вся верхушка Полиса – это та еще банда карьеристов, там только Карбид особняком стоит. Насквозь гнилая система, я не верю в светлое будущее такого города. У них там интриги постоянно и все прочее, в общем, милая корпоративная обстановка. Бирон не первый день варится, всю эту кухню понимает, знает, кто чего стоит, и знает, как можно добиться от людей вроде Нагана результата, даже не

утруждаясь прямым приказом. Схема простая и обкатанная, всего-то и надо то и дело печально вздыхать и, уставившись в одну точку, жаловаться на жизнь, время от времени повторяя, что жизнь ему не мила, потому как приходится дышать одним воздухом с неким Каратом. И что девочка при нем та еще нехорошая проказница, нагло избежавшая наказания за серьезнейший, по меркам морали Улья, проступок. И что есть у него сокровенная мечта – наказать их как следует. Ну и детали наказания перечислить не помешает. Вариантов масса, рано или поздно кто-то, заинтересованный в поддержке Бирона, решится осуществить его потаенные мечты без приказа, по своей инициативе. Естественно, в расчете на то, что впоследствии урод это оценит.

– И зачем так сложно? Я знаю Бирона, он не глуп, он бы ни за что не стал связываться со мной в таком деле, знает, что возникнут проблемы. И он не стесняется с приказами, я работал на него не раз, все указания получал от него напрямую.

– Он бы, может, и не стал с тобой связываться, дело-то скользкое, у тебя принципы и все такое, а вот Наган не такой, как он, недостаток ума ему заменяет избыток дерзости, вот и связался, решил, что номер пройдет. У тебя слава лучшего спеца, грех не попытаться привлечь такого.

– Еще раз повторю – зачем нужны такие сложности? Почему бы Бирону не взяться за дело самому? Он знает, что некоторые вещи для меня неприемлемы, и он никогда не станет на меня давить. Занимайся он этим делом сам, меня бы здесь вообще не было, а это все упрощает, ведь в Полисе мало людей, сравнимых со мной, а настолько опытных вообще нет. А так, получается, в случае проблем им будет непросто со мной разобраться. Ну а ты всего лишь новичок. Возможно, новичок талантливый, но это ничего не меняет, с такими, как ты, разбираться несложно, незачем ко мне обращаться.

– Бирон – не самый высокий дуб в Полисе. И над ним, и рядом с ним есть другие. Карбид, возможно, и не следит за всеми день и ночь, но рано или поздно правда всегда выплывает. Неизвестно, как отреагирует Карбид, если тот начнет доставать людей, которые оказали ксеру услугу и которых он лично отблагодарил. Да не просто отблагодарил, а еще и лишний раз в лицо Бирону при этом плюнул. Если Бирон начнет за это убивать, а Карбид узнает, может случиться все, что угодно. Ни Бирон, ни Карбид не святые, их многие не любят, но замены Карбида у Полиса нет, а вот Бирон далеко не уникален. То есть подставляться ему рискованно. Ты сам сказал, что он неглуп, значит, прекрасно это понимает. Что до твоего разговора с Наганом – ментата обмануть не так уж сложно, поверь моему опыту. Я всего лишь

новичок, и у меня это получалось, а Бирон старожил, ему еще проще.

– Я понял, о чем ты, благодарю за подробные объяснения.

– Не за что. Если что, обращайся.

– Твой кот... Карат, ты не находишь его чересчур умным?

– Это просто кот. Но да, согласен, он необычный.

– Пастор, ты на чьей стороне? – Гробовщик неожиданно обратился к сектанту.

– Как всегда, на своей, я сразу тебе об этом намекнул.

– Ну да, ты себе не изменяешь. Я долго преследовал человека, который мог убить вас всех, а вы бы его даже не заметили. Это я успокоил Вихря и Нанайца, когда они устроили вам бомбежку возле той дороги.

– Так там еще и Нанаец был? – с удивлением протянул Пастор.

– Да, с ним мне потом пришлось немного повозиться.

– О нем говорили, что он силен, что его пулей не прошибешь, дар у него такой.

– То же самое говорили и о Вихре, поэтому, когда он выдал себя, мне пришлось взяться за старый добрый нож, иногда он работает там, где бесполезно все остальное. Вы тогда стреляли в меня и даже попали.

Гробовщик чуть отставил в сторону руку на черной перевязи.

– Мы же не знали, что ты на нашей стороне. Да мы и видеть ничего в том дыму и трухе от деревьев не могли. Тень метнулась среди деревьев, больше ничего не разглядели, даже не поняли, сколько вас там было.

– Я не на вашей стороне, я так же, как ты, тоже на своей стороне.

– Тогда чего ты от меня хотел?

– Я наказываю тех, кто в меня стреляют, но к тебе претензий нет. Однако твои действия не позволили мне еще тогда задать вопросы Карату, из-за этого возникли дополнительные сложности. Я потерял время, даже более того – я растерялся, не знал, что делать дальше. Так что скажите спасибо этому коту, он многое упростил.

Все, за исключением Гробовщика, повернулись к дверному проему, где, недовольно щурясь, сидел Гранд, косясь в сторону все той же лапши, в раздумьях на тему проверить ее еще раз на предмет съедобности и одновременно намекая, что он вполне созрел для плотной дегустации чего-нибудь более питательного.

– Этот кот пришел ко мне и повел меня за собой, – продолжил Гробовщик.

– Ага, – подтвердила Диана. – Мы Гранда потеряли, его смыло с лодки, когда она перевернулась.

– И кучу вещей тоже потеряли, – голосом профессионального жадины

напомнил ей Шуст, звеня пулеметной лентой.

– Кот привел меня к твоим друзьям в тот момент, когда до них уже почти добрались люди Нагана.

– Согласен, вовремя ты тогда появился, – кивнул Шуст. – Но с костылем зря так пошутил, некрасиво получилось, я ведь тогда не со зла бузить начал, что мне еще делать оставалось?

– Я не люблю, когда в меня стреляют.

– Вообще-то я сразу извинился.

– Сразу? – со скепсисом уточнил Гробовщик.

– Ну почти сразу. А что мне надо было думать, если и Карат, и Диана в один голос говорили, что за ними охотится тип во всем черном и с маской Зорро? Я, как тебя увидел, первым делом это вспомнил. Ты бы перед этим переоделся, что ли.

Для Карата кое-что начало складываться. Оказывается, ни Шуст, ни Диана никаких чудес боевого искусства не проявляли, все обвинения со стороны Ската лежат исключительно на ко всему равнодушной совести Гробовщика. Разве что момент с затуманенными головами некоторых бойцов можно на девочку повесить, но и там, скорее всего, не обошлось без весомой помощи от удивительно неуклонного в своей специфической принципиальности наемника.

– Хорошо. – Гробовщик впервые за все это время отвернулся от окна, посмотрел на кота, улыбнулся, как проголодавшаяся кобра при виде упитанной морской свинки, и заявил: – У меня нет к вам претензий. Если и у вас нет, расходимся.

– Да все нормально, никто не в обиде, – заявил Шуст, не оставляя пулемет в покое.

– Но у меня есть претензии к Бирону, мне придется с ним это обсудить.

– Да ради бога, езжай, поговори как следует, заодно привет ему от нас передай.

– Есть вероятность того, что после разговора с Бироном мне придется его убить.

– Царство небесное. А пулемет-то чиненый, и чинили его косорукие.

– Также мне придется убить всех его людей. В том числе и Нагана.

– Гроб, ну, может, как-нибудь договоримся, – испуганно отозвался Кислый, все это время пытавшийся сделать вид, что его здесь нет.

Гробовщик кивнул:

– Я уважаю талантливых, к тому же твой талант мне сейчас пригодится. Ты поедешь со мной, будешь следить, чтобы зараженные нам

не надоедали.

– В движении это отстойно работает, и есть риск на серьезную элиту нарваться, – чуть воспрянул духом толстяк.

– Кислый, я не хочу тебя лишний раз огорчать, но имей в виду – мне потребуется качественная работа, в противном случае я не могу гарантировать, что ты не окажешься в списке жестоко убитых людей, когда я наконец покончу с этим ненормально затянувшимся делом.

– Понял, Гроб, не вопрос. Сделаю все, как надо. Ну, то есть постараюсь сделать.

– Старайся. Как следует старайся. Зырик! – неожиданно прокричал наемник. Не дождавшись ответа, крикнул еще раз: – Зырик, ну неужели мне придется тебя прикончить!

– Гроб, я тут, ты меня звал?! – неестественно бодро донеслось из окна.

– Ты куда это собрался, Зырик?!

– Да так, прогуляться хотел, посмотреть...

– Кто тебе это разрешил?

– Понял, осознал, больше не повторится. – Жалкая пародия на жаргон закоренелых обитателей Внешки напрочь выветрилась из речи Зырика.

– «Восьмидесятку» водить умеешь?

– Не мое. Башнера неделю подменял, а ездить не ездил. Ролик умеет.

– Бери Ролика, бери Кислого и поедem навстречу Нагану. Разговор у меня к нему есть.

– Как скажешь, Гроб.

– Кислый,пусти свою кислятину напоследок. – Гробовщик обернулся к Диане, улыбнулся не по-человечески, будто кукла резиновая, и пояснил: – Этого пышного мальчика Улей не обделил, когда подарки раздавал. Он умеет обманывать самое святое – споры Улья. Они возбуждаются в предвкушении свежей пищи, переходят в защищенную форму, начинает стелиться кисляк, зараженные думают, что вот-вот грянет перезагрузка, далеко разбегаются. Так что часа два-три у вас точно будет, но потом могут появиться гости. Нехорошие.

– Спасибо, – поблагодарила девочка.

Наемник подошел к Шусту, успевшему разобрать пулемет чуть ли не до последнего винтика, склонился к нему, что-то прошептал, после чего лицо товарища неприятно озадачилось.

Затем, развернувшись, Гробовщик подошел к Карату и, не переставая улыбаться столь же неестественно, очень тихо произнес:

– Кота береги, он уникальный и поумнее некоторых из нас. А обидишь девочку, я тебя найду.

Не задерживаясь больше ни секунды, наемник направился к выходу, уже в дверном проеме обернулся, улыбнулся Диане, кивнул:

– До свидания, девочка со странными глазами. Очень хочу с тобой встретиться позже, когда ты подрастешь, – убрав улыбку с наполовину прикрытого лица, коротко приказал недобитым бойцам отряда Ската: – Не отставать, мы торопимся.

Кислый и Ролик подскочили, будто стальными кнутами подстегнутые, и с суетливой торопливостью бросились следом.

– Что он вам сказал? – с любопытством спросила Диана.

– Что тебе надо в приличном стабе сидеть, а не торчать там, где валяются трупы, – мрачно ответил Карат, нехорошо уставившись на Пастора.

– Они прикрыты. Да я уже привыкла к ним, они в Улье повсюду, насмотрелась.

– Сейчас у нас еще один труп прибавится. – Карат поднял руку, направляя пистолет на сектанта.

Тот, не теряя железного самообладания, покачал головой:

– Нет смысла это делать. Вспомни, что я тебе рассказывал. Ты убивал наших людей, но у нас нет к тебе претензий. Это Улей, мы здесь так живем.

– Я живу не так.

– Не будем все усложнять, Карат.

– А почему бы не усложнить?

– Я тебе не друг и не союзник, так что не надо говорить о предательстве. Но если ты со мной не согласен, подумай как следует, ведь моя смерть ничего тебе не даст. И еще подумай о том, что могло случиться. Я ведь не убил тебя, хотя у меня была возможность.

– Ну да, живой я дороже стою – выгодное дело.

– Мне бы тебя и мертвого хватило, чтобы с Бироном договориться. Он прагматичный человек и высоко ценит то, что дает ему связь с нами.

– Ты мог бы сдать меня ему еще там, в лесу, где мы встретились. Почему не сдал?

– Нет, это могло повредить делу. Кто, знает, что тебе известно о скреббере, ведь ты единственный, кто выжил в той охоте. Некоторые вещи лучше узнавать без посторонних.

– Живого ты меня сдал или мертвого, а результат все равно один.

– Ну не скажи, ты ведь теперь свободен. К тому же о сдаче не может быть и речи. Скажем так – я тебя отдал в аренду. Ненадолго.

– Это так теперь называется?

– Если думаешь, что в ту лесополосу мы пошли лишь ради

наблюдения, ты меня разочаровываешь. Пока ты сидел на дереве, я обсуждал ситуацию с Гробовщиком.

– Телепатией общались, что ли?

– Не важно. Важно то, что он признал мое право пообщаться с людьми Бирона в устраивающей меня обстановке. У Гробовщика плохая репутация, но он всего лишь человек, а я умею договариваться с людьми. К тому же мы с ним одной крови, патриархи Улья, нам приходится считаться с интересами друг друга в первую очередь. Нравится тебе или нет, но интересы таких людей, как ты, для нас никогда не станут первоочередными. Ты сам это поймешь, если проживешь достаточно долго. Вечные усилия, лишь ради выживания в таком необычном месте, делают нас совершенно другими. Ты был нужен и мне, и Гробовщику, твоя смерть невыгодна ни ему, ни мне, а что до неудобств, ты сохранил жизнь, а это главное. Без тебя мне бы не удалось пообщаться с людьми Бирона настолько плодотворно. К сожалению, ничего важного от них не узнал, но отсутствие информации – это тоже информация. Я свое получил, Гробовщик тоже не ушел с пустыми руками, все остались живы, твоих врагов здесь больше нет. Наш опыт и наш расчет обычно приводят именно к таким результатам.

– Да вы роботы, а не люди...

– Люди, Карат, всего лишь люди. Мы даже умеем понимать друг друга.

– Не всегда.

– Карат, если надо, грохни его уже и давай делом займемся, – деловито предложил Шуст. – Вечно тут сидеть нельзя, а добра придется прихватить немало. По всей округе валяется, даже не знаю, за что хвататься, с моей-то бедной ногой.

– Я могу помочь, – заявил сектант.

– Это ты мне? – уточнил Шуст. – Из смертника в грузчики перекраситься захотел? Может, ты и договорился с Гробовщиком, но не с нами, мы друзей не сдаем.

– Нет, я не имею в виду помощь в переноске добычи. Я обращаюсь к Карату. И еще к Диане. Я могу дать то, что вам нужно.

– Разберешься с нашими умениями? – ухмыльнулся Карат.

– Нет. Но я помогу вам найти того, кто разберется.

– Что-то ты раньше помогать не торопился.

– У тебя не было товара, которым ты мог оплатить мою помощь.

– Ну да, свою шкуру ты ценишь высоко.

– Моя шкура ничего не стоит, я хочу взять с тебя другое.

– Звучит странновато и нагло, но ладно, давай, скажи уже, чем это я

должен расплатиться за такую великую услугу.

Пастор, не сводя с Карата своих неизменно спокойных, внимательных глаз, непередаваемо отстраненным голосом произнес:

– Мне нужен второй скреббер.

Глава 35

– Давай я его грохну прямо сейчас, – нехорошо скривившись, предложил Шуст после не такого уж краткого мига ошеломления.

Слова у него не расходились с делом – товарищ тут же перекинул из-за спины автомат и опустил предохранитель.

– Уймись, – заявил Карат, многообещающе добавив: – Пока что уймись.

Шуст, состроив совсем уж неопишемую гримасу и не убирая оружие, процедил:

– Мой друг сказал – пока. Я подожду.

Карат, приблизившись к Пастору, пинком отбросил ящик, загаженный пострадавшими штанами Кислого, пододвинул второй, на вид почище, присел, пригибаясь, подался к сектанту, уперся ладонями в колени, уставился сверлящим взглядом, резко спросил:

– Как ты узнал?

Ответ последовал незамедлительно:

– У меня есть головной мозг, и я умею им пользоваться.

– Я рад за тебя. Мне нужны подробности.

– Мне хватило двух мыслей.

– А именно?

– Первая очевидная, как для меня, так и для людей, которые выполняли заказ на твою голову. Ты рвался именно в эти места неспроста, это понятно всем. И рассказы о пулеметах и винтовках сомнительны, оружие не стоит такого риска, здесь явно замешано что-то более ценное.

– Ну да, в чем-то согласен.

– Вторая мысль витала неясными намеками, фрагментами информации, связать которые не получалось, все время чего-то не хватало. Недостающее нашлось только сейчас, когда ты сказал Гробовщику, что разбираешься в способах обмана ментатов.

– Пастор, этого недостаточно, чтобы высказывать такие предположения.

– Это не предположение. О скребберах я знаю больше, чем все люди Полиса, вместе взятые. Уж поверь, они в этом вопросе забавные дилетанты, это тот случай, когда не подозревающий о существовании азартных игр ротозей, впервые в жизни зайдя в казино лишь потому, что перепутал его с рестораном, снимает банк, где на кону гора фишек. Мне очень интересен

тот скреббер, которого вы убили. И второй меня интересует тоже. От лица организации, которую я представляю, под честное слово Детей Стикса могу предложить тебе нашу помощь в охоте на второго скреббера с разделом трофеев в твою пользу. Это своего рода одолжение, вы все равно не сможете его убить без нашей помощи, а мы, обыскав все прилегающие кластеры, скорее всего, его найдем. Естественно, тебе придется отказаться от мысли расправиться со мной. Впрочем, ты и не собирался это делать. Это были пустые слова, у тебя, похоже, есть шанс дожить до моих лет, важные для этого задатки имеются.

На лице Карата при этом отразилась целая гамма чувств, что не осталось незамеченным.

– Что-то не так? – уточнил сектант.

– Слово Детей Стикса, ну как же...

– Скажи своему товарищу, ценится такое слово или нет, – обратился Пастор к Шусту.

Удивительно, но тот со всей серьезностью неожиданно ответил:

– Их слово дороже любого жемчуга, насколько я слышал. Эти сволочи трясутся над своей репутацией, как заплесневелая монахиня над девственностью, и надо сказать, у них неплохо получается.

Карат мысленно обозвал себя безмозглым болваном и последним недотепой. Ведь мог бы заранее взять с Пастора такое слово, и не одно, не оставляя ему лазеек для нехороших выкрутасов.

Как же много он в этой жизни не знает...

– Видишь, твой товарищ, многоопытный человек, все подтвердил. Да, репутация – это важнейший для нас момент, ее мы всегда ставим на первое место. Но мы отвлеклись, я еще раз повторю: что-то не так?

– Ты о чем? О том, что твое слово дороже золота? Я как раз пытаюсь в это поверить, и пока что получается плохо.

– Нет, я о скребберах. О втором скреббере. Что с ним не так? Неужели вы и его смогли убить?

– Я не понимаю, зачем вообще с тобой разговариваю...

Пастор, подняв левую руку, вытянул ладонь, и в ней из ниоткуда возник сложенный несколько раз листок бумаги.

– Возьми, Карат. Здесь карта, она тебе пригодится, и подробная инструкция, куда тебе надо добраться и к кому обратиться по поводу того, что я тебе предложил.

– Как вы это сделали?! – не выдержала пораженная фокусом Диана.

– О чем ты, девочка?

– Откуда взялась эта бумажка?

– Маленькое волшебство, которому меня научил Улей, спасибо ему за его щедрые дары. Кстати, Карат, я могу таким же способом достать из воздуха свой пистолет. Как видишь, я с тобой откровенен и стараюсь решить вопрос мирным путем. Я тебе не враг, и я должен думать о репутации нашей организации.

– У тебя нет другого выхода – только решить миром.

– Выход всегда можно поискать.

– Может быть, твое умение еще и рисовать на невидимой бумаге? Когда ты успел?

– Нет, инструкцию я написал загодя, как раз на такой случай. Я ведь умею договариваться, а в этом деле главный момент – надо ко всему быть готовым заранее.

– Предусмотрительный, но гнилой.

– Карат, есть вещи, которые мне очень не нравятся, но я обязан придерживаться правил. А эмоции и прочее – лишнее, это часто вредит делу. Мне нужна была информация и от тебя, и от этих людей. – Сектант кивнул на брезент, прикрывающий тело Ската. – Никогда не знаешь, где найдешь то самое недостающее звено. Можешь относиться ко мне как тебе угодно, я приму любое решение, но ты не сумасшедший, ты понимаешь, что такой обмен выгоден и тебе, и твоей подруге.

– Она мне не подруга, – не удержался Карат.

– И свою выгоду я не наблюдаю, – меркантильно добавил Шуст, выразительно постучав ногтем по цевью автомата.

– Вы теряете время попусту, – заявил на это сектант. – Внизу стоит еще один бронетранспортер, я полагаю, вы заранее договорились о разделе дорогостоящей техники с Гробовщиком. Возможно, он и психопат, но психопат предусмотрительный. Места в машине достаточно, чтобы по суше или воде увезти всех вас и все ценное имущество, которое вы успеете здесь собрать. Гробовщик убил людей Ската на их постах по крышам и верхним этажам, а это пулеметы и крупнокалиберные винтовки – ценный товар и ваша общая выгода. А карта в твоей руке – выгода для двоих. К сожалению, твой товарищ и правда для себя из этого ничего не почерпнет, но чем больше мы здесь просидим, тем меньше будет его доля из того, что вы успеете отсюда забрать.

– Так что, уже можно его валить? – нетерпеливо уточнил Шуст.

Карат, медленно покачав головой, ответил:

– Мы его не убьем...

– Тряпка ты, Карат. Жалкая тряпка.

– Возможно, ты прав...

– Всего лишь возможно? Ну если и так, чего резину тянем, время и правда не ждет, мертвяки вечно в сторонке бегать не будут.

– У вас осталось около трех часов, – подтвердил Пастор. – Если поднимется ветер, срок может значительно сократиться.

– Я должен прочитать то, что здесь написано.

– Читай. Но там все просто, вряд ли возникнут вопросы.

– А потом я покажу тебе то, что ты хотел видеть.

– Обоих?

– Обоих.

– Хотелось бы знать, как вы сумели убить двоих.

– Этот вопрос не бесплатный, – зло усмехнулся Карат.

– Думаю, я найду, чем расплатиться за ответ.

– Дай мне две минуты. А ты, Шуст, начинай собирать все, что в хозяйстве пригодится. Я и не знал, что ты так бодро научился скакать.

– Когда мне светит возможность прихватить столько барахла, я и без рук мешками таскать готов. Спасибо Скату, щедрая душа, мы тут неплохо наваримся.

* * *

Шуст, поднатужившись, попытался приподнять один из сегментов брони чудовища, но не сумел его даже пошевелить и уважительно протянул:

– Ну и тяжесть, да он будто чугунный. Теперь верю, что его гранатомет не прошибал. Броник бы из такого сделать, цены бы такому броннику не было.

Пастор, даже не пытаясь прикоснуться к останкам скреббера, разбросанным между исхлестанными осколками и пулями домами, кивнул:

– У зараженных броня после смерти сразу теряет большую часть прочности. У скребберов это тоже проявляется, но не в такой степени, его останкам можно найти применение. Но годятся только наружные слои, внутренние слишком пористые и непрочные. А еще их надо комбинировать с другими материалами, сами по себе они малоэффективны.

– Ну надо же, удивил, будто я сам не знаю. Да у меня броник был с пластинами из похожей твари, они куда легче стальных, зато толку от них больше.

– От того скреббера что-нибудь осталось? – моментально заинтересовался сектант.

– Ты сначала с этим разберись, вот же нехристь любопытная.
– Пока что это затруднительно. – Пастор выразительно пошевелил руками.

Карат не поверил в самое честное слово, которое тот дал, подкрепив его мнением Шуста. И поэтому руки сектанта были прочно обвязаны все той же веревкой, часть которой до этого жестко фиксировала Карата. Нижние конечности тоже не обделили, стреножили Пастора, будто коня.

Да уж, возможности ограничены существенно. Пусть теперь хоть пулемет свой из воздуха выхватывает, интересно посмотреть, что он потом с ним делать будет.

Карат, разглядывая разбросанные там и сям сегменты брони чудовища, куски его лап и осколки пластин, покачал головой:

– А кто-то говорил, что скребберов черви не едят. Ни кусочка мяса не осталось, голый панцирь и скелет под ним.

– Разве тебе неизвестно, что скребберами принято называть самых разных существ?

– Ну да, все, что не похоже на зараженного, в Улье считается скреббером. Их вроде бы только белый жемчуг объединяет.

– Да, все обстоит именно так. В некоторых из них встречается то, что можно принять за необычное мясо. Известны случаи, когда его съедали зараженные. Очень редко, в отдельных случаях, но бывает. В некоторых находится что-то другое, чему нельзя подобрать название, ничего общего с обычными тканями иммунных или зараженных, плоть насекомых ближе, чем такое.

– Этот, я так понимаю, из последних?

– Да, не самая экзотическая разновидность, но зараженный его мясо есть не станет. Относительно сильные создания, не слишком опасные. Но пока они живые, им никто не угрожает, кроме человека. Стоит только умереть, и они становятся уязвимыми против обычного дождя. Такие скребберы похожи на сахарные лакомства в дырявой обертке, самая обыкновенная дождевая вода вымывает из них все, кроме панциря и внутреннего скелета. Да и от внутреннего мало что остается, только отдельные узелки, вот как этот.

Шуст пнул сrostок идеально прямых, будто обломки белесых игл, полупрозрачных стержней, на который указывал Пастор, и спросил:

– Эй, чернокнижник, ты когда-нибудь видел таких или этот у тебя первый?

– Трудно заявлять определенно, но похоже на один из подвидов кислотных многоножек. Хотя это не общеупотребительное название, к тому

же их классификация условна, но мне оно нравится, отражает некоторые особенности. Покажите мне второго, и можете уезжать, вы ведь уже все собрали.

– Не все, – осклабился Шуст. – Самое ценное у нас еще впереди.

Сектант сокрушенно покачал головой и, направившись прочь, заявил:

– У меня в голове не укладывается, что Карат бросил здесь невыпотрошенного скреббера. Хотя ход в чем-то верный, ведь иначе он бы не смог так легко обмануть ментата в Полисе.

– Карат у нас парень с мозгами, – похвалил товарищ и, отчаянно прихрамывая, на очередном шаге оступился, после чего, ругаясь, завалился набок.

Диана, подскочив, начала помогать ему подняться, а Пастор, уверенно продолжая идти к котельной, не оборачиваясь, бросил:

– Только не подумайте, что скреббера он оставил потому, что заранее продумал свой план. Ваш друг не настолько предусмотрителен, он просто везучий.

Шагая за сектантом, Карат не мог не признать его правоту. А еще все больше и больше убеждался в том, что голова у того варит за двоих. Вот как он догадался, что идти надо именно к котельной? Очередное умение сработало? Да ну, смешно, дело тут явно в другом.

Очень странный человек, и мораль у него парадоксальная. И, получается, правда умеет договариваться. У него это легко выходит. Подозрительно легко, начиная от новичков в деревне и заканчивая Каратом – всех сумел подчинить своим интересам.

Может, и здесь Улей со своими подарками подсуетился?

Пользуясь тем, что Шуст с Дианой отстали, Карат приблизился к Пастору и тихо произнес:

– Второго я убил сам, в одиночку.

– Как?

– Он подставился. Кинулся на меня прямо через мины, я просто нажал все кнопки, когда от него драпал.

– Если он подох от взрыва мины возле домов, как получилось, что оказался в котельной?

– Мина его не прикончила, только сильно покалечила. Скреббер уполз в котельную, там я его и добил из гранатомета.

– Специально так сделал? Чтобы спрятать?

– Не совсем. Скреббер был сильно ранен, я ждал, когда он подставит дыру в панцире, иначе толку мало, гранатомет против такой твари слабо играет, у него не броня, а фантастика.

– Почему не забрал жемчуг?

– Его довольно сложно достать. Панцирь пришлось бы по сегментам ломать, в одиночку это не так-то просто, время нужно. А времени вообще не было, твари подошли. Сам не понимаю, как мертвяки так быстро поняли, что скребберов больше нет?

– Скорее всего, они ничего не понимали. Стая со стороны услышала взрывы, и примчалась. Эти зараженные мимо могли идти, они не знали о скребберах, а когда почуяли, поняли, что бояться уже нечего. Тебе просто не повезло. Что ты хочешь за эту информацию?

– А что тебе надо в этой дохлятине? В ней ведь нет ничего, кроме белого жемчуга.

– Ну почему же, а пластины?

– Не думаю, что они дорого стоят.

– Они бесплатные, но ты прав. Сожалею, но задай мне другой вопрос.

– Мне такой обмен не нравится.

– Я могу ответить, но поверь, тебе это ничем не поможет. Это все равно что выслушать одну из многих легенд Улья – не более чем бесполезная история.

– Иногда легенды бывают поучительными.

– Не эта. Могу лишь намекнуть, что мы собираем информацию о скребберах. Обо всех скребберах. Наши умники считают, что это важно для их поисков.

– И что они ищут?

– Да они постоянно что-то ищут: Центральный кластер, технологии развитых внешников, людей с уникальными умениями. Это вечный процесс, так было и так будет.

– А что думаешь ты? Насчет этих скребберов? Что ты вообще там смотреть собрался?

– Я просто делаю свою работу. Намекну, что скребберы бывают разные, каждый из них в чем-то уникален. У этих, например, неповторимый рисунок на панцире. Нам приходится собирать информацию по каждому случаю, это очень важно для наших исследователей. Задай мне другой вопрос. Хочешь, я расскажу, где человек с твоими способностями может поохотиться на серьезных мертвяков с меньшим риском?

– Нет, не хочу, с этим я и без тебя разберусь. Лучше скажи мне кое-что другое.

– Что?

– В ту ночь, когда я схлестнулся с людьми Сабины. Вашей Сабины...

– Я понял, о ком речь.
– В ту ночь с ней была девушка, ее звали Аурелия. Сильная нимфа. Ты ее знаешь?

Пастор, чуть напрягшись, кивнул:

– Не сталкивался, но наслышан.
– Мне бы хотелось с ней встретиться.
– Это плохая идея.
– Не тебе судить.
– Она что, на тебя воздействовала?
– Один раз.
– А ей больше и не требуется, она на годы вперед может мозги задурманить. Если ты сделаешь все, как я написал, и найдешь нужного знахаря, попроси его заодно, чтобы снял ее воздействие и поставил тебе хоть какой-нибудь блок. Легендарные знахари умеют многое, но сильно на их защиту не надейся, против Аурелии средство еще не придумали, она – атомное оружие среди нимф.

– Не увличай от темы – где я могу ее увидеть?
– Понятия не имею.
– Я тебе не верю.
– Могу дать слово.
– Слову твоему тоже веры нет.
– Найди Сабину, найдешь и нимфу.
– И где мне искать Сабину?
– Тебе не надо ее искать. Просто дай понять людям, что ищешь ее, она сама тебя найдет, причем быстро. И, скорее всего, ты эту встречу не переживешь.

– Я живучий.
– Ты не представляешь, о чем говоришь. Сабина о себе рассказывает, что видела, как строили пирамиды. Те самые пирамиды. У нее было сто семь детей, и она пережила их всех. Аурелия – ее внучка. Знаешь, что иммунные, рожденные в Улье, почти всегда в той или иной мере ненормальные? С ними что-то не так, они как Маугли моего мира. Ты понимаешь, о чем я?

– Маугли воспитывали звери, Аурелия не похожа на звереныша.
– Ты, видимо, плохо ее знаешь. Хоть и не во всем, подобные ей всегда отличаются от нас. Это их мир, по-настоящему их, а мы всего лишь гости Улья.

– Я к нему в гости не напрашивался.
– Мать Аурелии родилась в Улье, сама Аурелия родилась в Улье,

значит, она дважды ненормальная. Такие – сами по себе невероятная редкость, а с учетом того, как ее выращивала Сабина, все куда хуже. Не думаю, что во всем мире вторая такая нимфа найдется, шанс невелик, лишь несколько детей из ста получают иммунитет, до половой зрелости доживает гораздо меньше. Они слишком беззащитны, ты же понимаешь.

– Я просто хочу с ней поговорить.

– Забудь о ней.

– Из целой толпы она выбрала именно меня – мало на что годного новичка. Я должен узнать почему, мне это не дает покоя. Понимаю, что глупо, но не выходит из головы.

– Тебе надо знать лишь две вещи: Аурелия и правда задурила тебе голову, она это умеет, а Сабина тебя прикончит, если ты хотя бы покосишься в сторону ее драгоценной внучки. Старуха никому не позволяет к ней приближаться, у них семья, в которую ни тебе, ни мне, ни кому-то другому входа нет. Ты не доживешь до моих лет, если свяжешься с этими людьми. Вот их можешь смело называть сектой, и сектой опасной. Великий Улей, какой божественный аромат!

Карат, поморщившись из-за кислоты, которая становилась тем невыносимее, чем ближе подходили к котельной, обошел тело, разорванное из крупнокалиберного пулемета, на его гашетку неполный час назад жал Гробовщик, и пояснил:

– Скреббер внутри. Его слегка привалило, но, думаю, расчищать не придется.

– Я расчищу, – безучастно произнес Пастор.

– Сам?

– Или сам, или мне помогут. Это уже не твоя забота. Забирайте свой жемчуг и уходите.

– И на этом все?

– Я тебе помог, я дал слово, клятву Детей Стикса, – преследовать вас не будут. Да и какой в этом смысл, я не думаю, что вы понесете жемчуг кому-нибудь продавать, вы берете его для себя.

– Да, для себя.

– Правильное решение, вещь, которую почти невозможно купить, продавать глупо. А кому вы нужны без жемчуга?

– Не вам, так Бирону.

– Думаю, у Бирона сейчас появятся другие заботы. И, возможно, эти заботы его убьют. Гробовщик – сильный и целеустремленный человек, это опасное сочетание.

Карат, заглянув в пустой дверной проем, осторожно просунул голову

между завалившимися ржавыми трубами и, брезгливо морщась, произнес:

– Возле первого скреббера никакой вони, а от этого несет на гектар. Не тухлятина, но все равно неприятно, будто кисляк, в сто раз усиленный, странно, что его сразу не нашли.

– Крыша защищает от дождя, а это главное, – напомнил Пастор. – Люди Ската списывали это на искусственный кисляк, даже я, заметив несообразность, решил, что виноват первый скреббер. И не надо воспринимать этот запах как что-то омерзительное, плоть таких скребберов не имеет ничего общего с тухлым мясом, она разлагается по-своему, без червей и привычных нам микроорганизмов, основную роль здесь играют споры и дождевая вода.

– Приятнее от этого тварь не пахнет.

Пастор уверенно начал протискиваться между трубами, с явным намерением пробраться к смрадной туше, голова которой торчала над завалом метрах в пяти дальше. Карат изумился, осознав, что от веревок и следа не осталось – руки и ноги сектанта были свободны.

Не оборачиваясь, Пастор отстраненно произнес:

– Не надо волноваться, я дал слово Детей Стикса, а репутация превыше всего, можешь еще раз спросить об этом своего друга.

Глядя ему вслед, Карат боролся с искушением выпустить в спину опасно ловкого сектанта пару пуль. А лучше обойму – для гарантии. Нехорошо, конечно, но на душе гораздо спокойнее станет, нет у него к нему доверия.

К тому же здесь это в порядке вещей, Улей, похоже, такое одобряет.

Шуст, чертыхаясь через шаг, выкрикнул:

– Куда этот черт нерусский подевал веревки?!

Карат пожал плечами:

– Без понятия, я к нему спиной стоял.

– Да я лучше к живому скребберу голой задницей повернусь, чем к такому прохиндею одетой. Карат, я за ним, пока он наш жемчуг не спер. И, кстати, где его там доставать? Я разберусь?

– Пастор подскажет, уверен – он в курсе. И ты бы нос прикрыл, там воняет, как бойней и уксусным заводом сразу.

– Ничего ты в этой жизни не понимаешь, Карат. Не воняет, а пахнет. Это запах богатства, аромат больших денег.

Глядя, как Шуст, позабыв про больную ногу, пробирается вслед за Пастором, Карат порадовался, что Улей подарил ему такого товарища. Ведь без него пришлось бы самому в эту клоаку забираться, да еще и копать в разлагающихся потрохах чудовища.

Диана, тоже не горя желанием пробираться к источнику кислого смрада, кривя нос, произнесла:

– Ну здесь и воняет, у меня глаза начинают слезиться.

– Все познается в сравнении.

– Ты о чем сейчас?

– А ты подумай, каково им там внутри, и все пройдет.

– Даже думать не хочу.

– Где кот?

– Не знаю, но могу поспорить на что угодно, он уже в броневику сидит и нас ждет. Он умный.

– Ага, он такой.

– Я ему рыбку простила. Он, конечно, тот еще гад, но все равно молодец. Нет, он даже супер, я его люблю. Ты слышал, что Гранд сделал? Ну почему он пришел именно к Гробовщику? Как вообще его нашел? И как привел его к нам? У меня голова пухнет от таких вопросов. Получается, у этого кота ума побольше, чем у Шуста. А может, и у тебя.

– Не исключено, что ты права, – отчасти согласился Карат. – Сегодня у меня тоже день вопросов и ответов, так почему бы и о себе неприятное не узнать... Кстати, Диана...

– Что?

– Раз уж сегодня день вопросов и ответов, можно тебя кое о чем спросить?

– Ну спроси.

– Мы ведь брали с собой только самое необходимое?

– Ты о чем?

– Я об отъезде из Полиса.

– Ну да. А какой смысл тащить то, что легко можно достать в любом месте? Из лишнего только рыбка была, ты же сам мне разрешил, но я бы ее в речку выпустила по дороге, если бы не кот. Ты сам виноват, ты обещал мне, что кому-нибудь ее отдашь, у кого есть аквариум.

– И когда бы я успел? Тут не очень-то принято аквариумы заводить, а времени прошло всего ничего. Ладно, вернемся к нашей теме. Получается, ты все те наряды, которые мы чуть ли не из каждой вылазки приносили, оставила в Полисе?

– Конечно. Ты же сам мне сказал, что надо брать только самое-самое, потом новое найдем. А что не так? Я ведь все по-твоему сделала, ничегошеньки не нужного не взяла, ты ведь знаешь, я тебя никогда не обманываю.

– Да нет, все нормально, я не об этом.

- Тогда не пойму, о чем идет речь?
 - Я подвожу разговор к самому главному вопросу.
 - Это к какому?
 - Брали мы только самое важное и к тому же большую часть вещей потеряли во время наводнения. Все правильно?
 - Ну да, так и было.
 - Так откуда ты, или Гробовщик, или все вы... откуда вы на этом богом забытом кластере, который не перезагружался хрен знает сколько лет, где нет ничего, кроме древнего запыленного хлама, взяли это?
 - Ты о чем вообще?! – Ничего не понимая, удивленная Диана начала повышать голос.
 - Как это о чем?! Где вы раздобыли розовые тапки?!
-

notes

Примечания

Вероятно, герой намекает на «небесное погребение» – ритуал тибетцев, при котором тело покойника скармливается стервятникам.

ВОГ – аббревиатура, выстрел осколочный гранатометный. Семейство противопехотных боеприпасов, применяются в различных гранатометах (подствольных, станковых и пр.).

ПЗРК – переносной зенитно-ракетный комплекс.

Скорее всего, Пастор говорит о сотруднике Центрального Разведывательного Управления (штаб-квартира ЦРУ располагается в Лэнгли, в нашем мире она функционирует с шестидесятых годов, что не противоречит рассказу Пастора).

Намек на Ку-клукс-клан (ультраправая организация в США).